Яна Деева
К А Р М А:
История девочки, перед которой замирали авторитеты
Мир боялся их. Они боялись за нее. Она их Карма, первая душа.

Яна Деева

КАРМА: История девочки, перед которой замирали авторитеты

https://litres.ru/73818534
SelfPub; 2026

Аннотация

1996 год. Москва, где за запах крови платят звонкой монетой. Одиннадцатилетняя Яна Карманова не знает, почему помнит чужие смерти и десятки воплощений, но её слово весит больше автомата бандита.

Её друзья — те, кого боятся целые районы: Кир, король мафии со стальной душой; Ник, неуловимый киллер; Тимур и Фанси, воры в законе; Аркадий, маньяк с холодным разумом; Сократ, философ, знающий ответы на запретные вопросы. Они — волки, делящие Москву силой, но для Яны готовы умереть.

В тени бродит Он — безликий охотник, знающий тайну её памяти.

Это не книга о бандитах. Это хроника о том, как девочка 11 лет нашла семью там, где другие видят только смерть. О чести, которая важнее жизни. О любви, которая сильнее страха. О том,

что иногда самые странные друзья становятся единственными, кто понимает тебя до конца.

Первая книга саги по реальным событиям. Имена изменены, боль настоящая.

Готовы узнать, что бывает, когда карма приходит за своими? Откройте первую главу, если осмелитесь;)

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	48
Глава 3.	67
Глава 4.	148
Глава 5	181
Глава 6	206
Глава 7	233
Глава 8	253
Глава 9	272
Глава 10	288
Глава 11	319
Глава 12	340
Глава 13	357
Глава 14	373
Глава 15	393
Глава 16	409
Глава 17	428
Глава 18	443
Глава 19	465
Глава 20	486
Глава 21	514
Глава 22	535
Глава 23	582

Глава 24 608
Глава 25 636
Глава 26 657
Глава 27 675
Глава 28 704
Глава 29 739
Глава 30 751
Глава 31 767
Глава 32 783
Глава 33 800
Глава 34 816
Глава 35 853
Глава 36 873
Глава 37 895
Глава 38 909
Глава 39 936
Глава 40 957
Глава 41 1006
Глава 42 1046
Глава 43 1122
Глава 44 1156

Яна Деева
КАРМА: История девочки, перед которой замирали авторитеты

Глава 1.

ПРОЛОГ. ТРИНАДЦАТЬ МИНУТ ДО ВЕЧНОСТИ

Тринадцать минут.

Именно столько времени нужно, чтобы превратить живой, дышащий лес в мясорубку. Чтобы воздух, пахнущий сосной и влажным мхом, стал тяжелым от меди и пороха. Чтобы ночь перестала быть временем суток и превратилась в приговор.

Барс посмотрел на часы. 23:47. Лес под маленьким провинциальным городом затаил дыхание.

- Позиции, - голос Волка в рации был ровным, лишенным всяких эмоций. Голос человека, который уже умер внутри, но забыл лечь в землю.

Двенадцать человек рассредоточились по периметру. Бывшие десантники Барса заняли высоту слева. А справа... Справа не было никого. Только темнота. Только Тень, ко-

торая медленно, бесшумно скользила между стволами деревьев. Никто не знал, кто он. Никто не знал его имени. Он был просто функцией. Тенью, которая убивает без звука.

В центре, за гранитным валуном, стоял Серебряный. Мужчина с проседью в волосах, державший винтовку так, словно это было продолжение его собственной руки. Его глаза сканировали лес, и в этом взгляде не было страха. Было только нетерпение хищника, который знает, что добыча уже обречена.

Но главным сюрпризом этой ночи была не засада.

Главным сюрпризом была **она**.

Она не должна была быть здесь. По всем законам логики, безопасности и здравого смысла, она должна была сидеть в бункере, под тройным слоем брони.

Но она стояла за гнилым пнем. В десяти метрах от валуна.

Маленькая. Хрупкая. В ее руке блестел титановый нож. А в глазах... В ее глазах не было страха. Там был только холодный, древний огонь. Огонь того, кто уже умирал сотни раз и возвращался снова.

23:59.

- Сигнал потерян, - прошелестел голос в наушниках. - Спутник офлайн.

Полночь.

Сначала звук. Глухой, утробный гул двигателей, от которого вибрировала земля. Потом свет — фары прорезали тьму, выхватывая из ночи искореженные стволы деревьев.

Пять черных УАЗов. Тонированные. Усиленные. Они остановились синхронно. Двери открылись.

Двенадцать человек. Черная тактика. Бронежилеты. Шлемы. И **он**.

Аид.

Среднего роста. В черной маске, скрывающей лицо. Укороченный автомат в руках. Он двигался экономно, точно, смертоносно. Человек, который пришел не убивать. Человек, который пришел забирать.

- Приготовиться, - шепот Волка в рации.

Аид поднял руку. Его люди рассыпались. Дроны взлетели, зависли в воздухе.

- Нас видят, - голос Тени из подлеска.

- Уничтожить.

Хлопок. Первый дрон закрутился и упал. Второй взорвался в воздухе, осыпав землю горящими осколками.

Аид не дрогнул. Только медленно сжал кулак.

И ад вырвался на свободу.

Пулемет за валуном заревел первым. Длинная очередь прочертила воздух. Ответный огонь был точным. Пули засвистели вокруг, щелкали о камень.

Тень работала в темноте. Без выстрелов. Только движение. Только вспышки титана в лунном свете. Люди Аида падали, даже не понимая, откуда приходит смерть.

Но Аид пробился через центр. Его автомат строчил без остановки. Он шел к Серебряному, который в этот момент

перезаряжал винтовку.

Аид был в пяти метрах.. В трех..

Удар ногой. Винтовка полетела в кусты. Удар в солнечное сплетение. Серебряный согнулся, закашляв кровью.

Аид схватил его за горло. Поднял. Прижал к дереву. Железная хватка.

- Где она? - рев сквозь маску. - Где девочка?!

Серебряный хрипел. Лицо темнело. Руки царапали стальную хватку.

И **она** бросила.

Не думая. Инстинктивно. Как сотни раз в прошлых жизнях, о которых она сама еще не знала.

Нож сверкнул в лунном свете. Идеальная дуга. Вонзился Аиду в плечо — между пластинами бронежилета. Точно. Смертоносно.

Аид закричал. Звериный вой боли. Отпустил Серебряного. Схватился за плечо. Кровь текла между пальцев — темная, густая.

Тень и Волк бросились одновременно. Заломали руки. Прижали к земле.

- Держи его!

Но бой не закончился. Трое людей Аида поняли - лидер повержен. Бросились в отчаянную атаку.

Десять секунд. Три хлопка. Тишина.

Тяжелое дыхание. Стоны. Запах крови и пороха.

Волк подошёл к Аиду. Нож торчал из плеча.

- Сними маску.

Тень медленно потянула ткань вверх. Аид рванулся. Извивался, как змея. Вырвался. Маска сползла наполовину.

Только глаза и переносица.

И она **увидела**.

Карие. Холодные. С той самой искоркой, от которой у нее перехватило дыхание.

Она **знала** эти глаза.

Видела их раньше. Много раз. Каждый день. Каждую ночь. Не в этом мире. Где-то глубже. В памяти крови, в памяти души, которая отказывалась умирать.

Аид воспользовался шоком. Резкое движение. Вырвался. Вскочил. Бросился в лес, оставив за собой лишь капли крови.

Его не стали преследовать. Все смотрели на неё.

Она стояла неподвижно. Глядела в темноту, где исчез Аид. Нож все еще был в ее руке.

***

Лес под маленьким провинциальным городом забрал у нее радость. Точнее, он просто показал ей, что наивной радости никогда и не было.

Но настоящая война началась не там. Она началась позже. С запаха мандаринов, скрипа половиц и одной тихой кухни, где ей предстояло сделать свой первый, по-настоящему взрослый выбор.

А пока...

А пока где-то далеко, в темноте леса под маленьким провинциальным городом, в сырой земле все еще лежал тот самый нож.

Он помнил тот бросок. Помнил ту девочку.

И ждал следующего раза.

Потому что карма... карма всегда возвращается.

***

Глава 1: Мандарины

Читать под трек **Metallica — Nothing Else Matters**

«Я ищу доверие и нахожу его в тебе. Каждый день для нас что-то новое. Открывай свой разум для другого взгляда. И ничто другое не имеет значения» (с)

Ноябрь 1996 года встретил Москву резким холодом и тревожным дыханием эпохи: страна, ещё не оправившись от шока девяносто первого, стояла на грани президентских выборов, где Ельцин бился за право остаться у власти против коммуниста Зюганова, а на улицах цвели одновременно рождественские огни и нищета — длинные очереди за хлебом соседствовали с мерцающими витринами первых бутиков на Тверской. Воздух пах выхлопами «шестёрок», дешёвым табаком «Примы» и надеждой, которую уже начинали путать с отчаянием. На радио крутили «Кино» и «Наутилус», в газетах писали о дефолте, который ещё только предстояло пережить, а в подворотнях решались судьбы: ноябрьские сводки милиции фиксировали перестрелки на Пресне, разборки у рынков, тихие исчезновения тех, кто что-то «не по-

делил» с авторитетами. В криминальных кругах шли закулисные схватки за передел сфер влияния — после убийства Сильвестра в октябре баланс сил качнулся, и старая гвардия в лице Меликьяна укрепляла позиции, пока новые игроки вроде Кира Иванова возвращались из американских тюрем с амбициями и связями. Город жил по двойному кодексу: днём — хаотичная свобода с обменными пунктами и лотками с «левыми» джинсами, ночью — тёмные правила, где слово авторитета значило больше, чем закон. И в этом городе, где каждый сантиметр асфальта помнил чей-то долг или предательство, первый снег ложился на плечи прохожих как попытка стереть следы — хотя все знали: под белым покрывалом остаётся всё то же.

Первого ноября 1996 года Яна Карманова, ученица седьмого класса обычной школы, шла от Коньковского рынка с потрёпанной авоськой, доверху набитой мандаринами. У неё были обычные заботы: контрольная по алгебре, ссора с подругой из-за ручки с блёстками, обещание помочь бабушке с покупками. Никто — ни она, ни одноклассники, ни учителя, ни даже родители — не могли представить, что через некоторое время её жизнь разделится надвое, как будто так и должно быть. Как будто так и всегда было.

Так вот, авоська с мандаринами. Это был её маленький ритуал — каждый год в этот день покупать именно их, вдыхать этот резкий цитрусовый аромат, который, казалось, мог согреть даже самую лютую московскую стужу. Снег накануне

выпал густой и белоснежный, укрыв дворы мягким ковром. Она уже подходила к своему подъезду, когда вдруг — тупой удар носом о что-то твёрдое и одновременно мягкое. Тёплое шерстяное пальто цвета воронова крыла. Авоська выскользнула из рук, и мандарины, словно оранжевые шарики из детской мечты, покатились по снегу, оставляя за собой яркие следы на белом холодном полотне.

Мужчина в чёрном пальто не рассердился. Напротив — присел на корточки и начал собирать фрукты, один за другим, аккуратно отряхивая снег.

Он собирал шарики один за другим, отряхивая снег ладонью, и в его глазах — темно серых, как зимнее небо над Москвой-рекой — не было ни раздражения, ни снисходительности. Было **внимание**. Такое внимание, будто каждый мандарин — драгоценность, а не цитрусовый шарик из пакета с Коньковского рынка.

— Простите, — прошептала Яна, чувствуя, как горит лицо от стыда.

— Не извиняйся за столкновения, — ответил он, не глядя на неё. — Извиняйся за то, что не смотрела вперёд. А ты смотрела — просто не туда. Внутрь себя. Это опасно на улице. Но полезно в жизни.

Он поднялся, протянул ей авоську — теперь уже не полную, но достаточную. И только тогда представился:

— Сократ.

Больше ничего. Не имя, не отчество. Не профессия. Не

«зови меня дядей». Просто — Сократ. Как философ. Как вызов. Как вопрос без ответа.

***

Семнадцатиэтажка на улице Профсоюзная, дом 117, корпус 3 — типовая панельная громадина, выстроенная в семидесятые для работников НИИ точного машиностроения. Подъезд 2, где жила Яна с родителями на втором этаже, ничем не отличался от других: облезлая штукатурка на стенах, запах капусты и кошек, ржавые перила, лифт, который ехал только если пнуть дверь ногой. Но семнадцатый этаж — верхний, последний перед крышей — был другим миром. Там, за массивной дубовой дверью с бронированным стеклом, жил Сократ. И он не просто жил — он **владел**.

Соседи шептались в лифте, пока тот скрипел, поднимаясь к своим остановкам:

— Скупил все четыре квартиры сразу! В девяносто пятом году, когда цены рухнули после дефолта Наличными! Без договоров!

— Говорят, там бильярдная с зелёным сукном из Англии

— А сауна — настоящая, финская, с печкой-«каменкой»

— Камин! В панельке! Представляешь? Трубу через крышу вывел

— Кто он такой? Мент? Бандит? Олигарх?

— Не знаю, но когда он выходит покурить — все дворники снимают шапки. Даже наш Алексей Иваныч, который сто лет здесь живёт и всех посылал..

Яна слушала эти разговоры молча. Ей было одиннадцать, но она давно поняла: правда скрывается не в том, что говорят люди, а в том, чего они **боятся** сказать. И соседи боялись одного — не Сократа как человека. А Сократа как **силы**. Силы, которая не кричит, не угрожает, но заставляет мир вокруг себя становиться тише.

***

Их разговоры начались случайно — как и всё важное в жизни.

Третьего ноября, возвращаясь из школы с двойкой по алгебре (уравнения с иксами казались ей бессмысленной игрой в прятки), Яна увидела его у подъезда. Он стоял у кирпичной стены, прислонившись плечом, и курил длинную тонкую сигарету без фильтра. Дым поднимался в морозный воздух белой спиралью, будто пытаясь ускользнуть от реальности. Яна остановилась в трёх шагах. Не потому что хотела поговорить. А потому что **чувствовала**: если подойти — мир изменится.

Сократ не обернулся. Просто сказал, не отрывая взгляда от серых облаков:

— Двойка по алгебре. Учительница — Мария Нарциссовна. Седой чубчик, очки на кончике носа, левая рука дрожит от болезни Паркинсона. Ты решила задачу правильно, но записала ответ не в ту клетку. Она заметила. Обиделась, что ты молчала, когда она ругала.

Яна замерла. Сердце заколотилось.

— Откуда вы..

— Не «откуда». А «как». — Он наконец повернул голову. Взгляд его был не пронзительным — **проникающим**. Как будто он не смотрел на тебя, а заглядывал внутрь, между мыслями. — Ты идёшь с опущенными плечами. Не как обиженная. Как разочарованная. Значит, не винишь учителку. Винишь себя за невнимательность. А ещё — в кармане куртки левая рука сжата в кулак. Так делают, когда сдерживают слёзы. Но ты не плачешь. Ты **злишься** на себя. Это хорошо. Злость — топливо. Если направить правильно.

Он затянулся, выпустил дым.

— Подойди. Вдохни.

Яна подошла. Он протянул сигарету — не чтобы она затянулась, а чтобы вдохнула дым, который он выдохнул. Она вдохнула. Горьковатый, терпкий, с привкусом чего-то древнего — не табака, а самой **жизни**. Той жизни, что скрыта за школьными партами, родительскими нотациями и двойками по алгебре.

— Почему тебе нравится этот запах? — спросил он.

— Не знаю Кажется взрослым. Свободным.

— Свобода — иллюзия, — сказал он спокойно. — Но дым дым — правда. Он был огнём. Стал воздухом. И исчезнет. Как всё в этом мире. Цени момент, когда он ещё существует.

Так началась их дружба. Не как у детей. Не как у взрослых. А как у двух существ, оказавшихся на границе миров.

***

Каждый день после школы Яна поднималась не сразу домой, а останавливалась у подъезда. Сократ был там — всегда в одно и то же время, будто его жизнь подчинялась внутренним часам, не зависящим от солнца или будильника. Иногда он курил. Иногда просто стоял, глядя на двор: на качели с облупившейся краской, на лавочку, где старушки играли в домино, на мальчишек, гоняющих рваный мяч.

Он рассказывал ей не сказки. Не поучения. А **истории**.

— Видишь того мальчика в красной куртке? — спросил он однажды, кивнув на пацана лет четырнадцати, который важно расхаживал с сигаретой за ухом. — Он хочет быть взрослым. Думает, сигарета и матерные слова сделают его мужчиной. Но настоящая мужественность — в умении молчать, когда все кричат. В умении уступить, когда все давят. Он этого не понимает. И поэтому будет сломан к тридцати годам. Не врагами. Самим собой.

— А как понять, кто настоящий? — спросила Яна.

— Смотри на руки, — ответил Сократ. — Не на кольца или часы. На **ладони**. У того, кто привык брать — ладони сжаты даже в покое. У того, кто умеет отдавать — ладони раскрыты. Даже когда спит.

Он учил её читать людей как книги — но не по словам, а по паузам между ними.

— Когда человек лжёт, он говорит слишком много. Добавляет детали, которых не было. Потому что боится пустоты. Правда — коротка. Как выдох.

— А если молчит?

— Молчание — самый честный язык. Но его нужно уметь слушать.

Однажды он привёл её к зеркалу в своём холле (да, она уже бывала у него — сначала на пороге, потом в прихожей, потом в библиотеке с кожаными томами в переплёте) и сказал:

— Посмотри на себя. Не на лицо. На **глаза**. Что ты видишь?

— Себя.

— Нет. Ты видишь ребёнка, который хочет быть взрослым. Но за этим — страх. Страх, что взрослость окажется не тем, чего ты ждала. И ещё — он наклонился, его дыхание пахло мятой и табаком, — ты видишь **пустоту**. Ту самую, что мандарины пытались заполнить. Но цитрусы не лечат душу, Яна. Только время и правильные люди.

Она вздрогнула. Он впервые назвал её по имени.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Я знаю многое, — ответил он без тени хвастовства. — Но не потому что шпионю. А потому что **вижу**. Ты — не как другие дети. Ты родилась со старой душой. И поэтому тебе тяжело в этом мире. Он слишком шумный для тех, кто слышит тишину.

***

Кто был Сократ — настоящий Сократ — она узнала не сразу. Не из его слов. Из деталей.

Он появился в её жизни случайно, как появляются случайности, которые на самом деле не случайны. Ноябрь 1996 года. Серый, липкий, пахнущий мокрым снегом и выхлопными газами. Ей одиннадцать. Ему — двадцать семь. Разница в шестнадцать лет, которая в одиннадцать кажется пропастью, а в двадцать семь — просто цифрой.

Игорь Азазелович Арутюнян, в миру просто Сократ. Имя, которое не сразу укладывается в голове. Игорь — русское, простое, без изысков. Азазелович — отчество, которое звучит как заклинание или проклятие, в зависимости от того, кто его произносит. Арутюнян — фамилия, которая отсылает к корням, к горам, к древней крови, которая течёт медленно, но неумолимо.

Его звали Сократом не за любовь к философии. Хотя философия была частью его существа, как воздух или кровь. Его звали Сократом за способность задавать вопросы, после которых люди начинали сомневаться в собственной правоте. Не потому, что он был агрессивен или настойчив. Напротив. Он говорил тихо, медленно, с паузами, в которых помещалось больше смысла, чем в чужих монологах. Он не перебивал. Не возвышал голос. Не требовал внимания. Внимание приходило само, как приходит тишина после грозы — не потому, что её позвали, а потому, что гроза закончилась.

Он был решалой. Не в примитивном смысле слова, где сила решает всё. Он был тем, кого звали, когда сила уже исчерпала себя, когда аргументы иссякли, когда стороны зашли в

тупик, из которого не было выхода. Его звали, когда нужно было не сломать, а понять. Не победить, а найти точку, в которой интересы пересекаются, не уничтожая друг друга. Он был хирургом конфликтов. Не тем, кто ампутирует. Тем, кто находит опухоль и удаляет её, сохраняя орган.

Его офис не был офисом в привычном смысле. Это была огромная квартира в том же доме, где и жила Яна, с паркетом, который скрипел под ногами, и запахом старых книг, кофе и табака. На стенах не было картин. Были полки. От пола до потолка. Заполненные книгами на русском, армянском, английском, французском языках: Сенека; Марк Аврелий; Сунь-цзы; Борхес; Камю; Ницше; Витгенштейн. Книги, которые не украшают интерьер. Книги, которые меняют сознание.

Он не читал их для того, чтобы цитировать. Он читал их для того, чтобы понять. И в этом была разница. Цитата — это оружие. Понимание — это инструмент. Он предпочитал инструменты. Потому что оружие ломает. Инструменты строят.

Его стиль нельзя было назвать модным. Он не следовал трендам. Он следовал себе. Тёмные брюки, идеально отглаженные. Рубашка, всегда белая или светло-голубая, без узоров, без вычурности. Пиджак, который сидел так, словно был сшит не портным, а временем. Никаких аксессуаров, кроме часов — старых, механических, с кожаным ремешком, который носил следы лет. Он не носил перстней и цепей. Не но-

сил ничего, что кричало бы о статусе. Его статус не нуждался в подтверждении. Он был известен тем, кто должен был знать. Остальным это было неважно.

Его лицо не было красивым в классическом смысле. Оно было интересным. Высокий лоб, на котором уже начали появляться морщины — не от возраста, а от мыслей. Глаза — тёмные, глубокие, в которых читалась усталость, но не безнадёжность. Нос — прямой, с лёгкой горбинкой, которая говорила о происхождении. Губы — тонкие, но не злые. Когда он улыбался, а улыбался он редко, лицо менялось. Не становилось моложе. Становилось светлее. Словно внутри включали лампу, и свет пробивался сквозь кожу.

Он не курил много. Две-три сигареты в день, не больше. Курил медленно, с паузами, выпуская дым не в сторону, а вверх, словно отправлял мысли в небо. Кофе пил чёрный, без сахара, маленькими глотками, держа чашку обеими руками, словно согревался не о стенки, а важен был сам ритуал. Он не ел много. Предпочитал простую пищу — хлеб, сыр, фрукты, орехи. Говорил, что тяжёлая еда тяжёлые мысли рождает. А ему нужны были лёгкие мысли. Чтобы видеть суть, а не тонуть в деталях.

Его голос был низким, но не грубым. В нём была бархатистость, которая успокаивала, даже когда слова были жёсткими. Он не повышал тона. Не переходил на крик. Не использовал угрозы. Угрозы — это язык слабых. Он говорил так, что люди сами понимали: если они не согласятся, послед-

ствия будут. Не потому, что он их накажет. Потому что ситуация сама собой разрешится не в их пользу. Он не создавал угрозы. Он показывал реальность. И в этом была его сила.

Его уважали не за страх. За понимание. Он не был тем, кто решает вопросы силой. Он был тем, кто предотвращал необходимость применять силу. Его звали, когда две стороны стояли на краю, когда ещё один шаг — и будет кровь. Он приходил. Садился. Слушал. Не перебивал. Не осуждал. Не принимал чью-то сторону. Он просто слушал. А потом задавал один вопрос. Один. Но такой, после которого всё менялось. Стороны начинали видеть не свою правоту, а свою слепоту. Не свою силу, а свою уязвимость. Не свою победу, а свою цену.

Он не верил в абсолютное добро и абсолютное зло. Он верил в оттенки. В полутона. В то, что каждый человек несёт в себе и свет, и тьму, и вопрос лишь в том, какую часть он выбирает кормить. Он не судил. Он понимал. И в этом понимании была не слабость, а сила. Потому что судить легко. Понять трудно. А он выбирал трудное.

Его связь с криминальными авторитетами была не формальной. Не иерархической. Он не был их подчинённым. Он был их инструментом. Не в унизительном смысле. В функциональном. Когда нужно было не сломать, а починить. Не разрушить, а сохранить. Не наказать, а исправить. Его звали, когда другие методы исчерпывали себя. Когда оставалось только слово. И он владел словом так, как другие владеют

оружием. Точно. Безошибочно. Смертельно, если нужно. Но чаще — целительно.

Он не был идеалистом. Он был реалистом с философским бэкграундом. Знал, что мир жесток. Что справедливость — иллюзия. Что власть развращает. Но также знал, что даже в этом мире можно сохранить человеческое. Не через отрицание реальности. Через принятие и работу с ней. Он не боролся с системой. Он работал внутри неё. Не для того, чтобы изменить её всю. Для того, чтобы спасти тех, кого можно спасти. Чтобы предотвратить то, что можно предотвратить. Чтобы уменьшить боль, которую нельзя полностью устранить.

Его одиночество не было трагедией. Было выбором. Он не избегал людей. Он избегал поверхностности. Не терпел пустых разговоров. Бессмысленных встреч. Ритуалов, которые не несут содержания. Предпочитал быть один, чем быть среди тех, кто не понимает. Это не делало его высокомерным. Делало его избирательным. И в этой избирательности была не гордыня, а честность. Он не притворялся. Не играл роли. Не подстраивался. Был собой. Всегда. Даже когда это было неудобно. Даже когда это стоило ему возможностей.

Он не верил в судьбу. Верил в выбор. Знал, что каждое решение оставляет след. Что каждый шаг меняет траекторию. Что карма — не мистика, а физика. Действие и противодействие. Причина и следствие. И он жил с этим осознанием. Не как с грузом. Как с компасом. Каждый раз, принимая решение, спрашивал себя: какой след это оставит? Кого

это затронет? Что это породит? И если ответ был неясным, он ждал. Не торопился. Давал ситуации созреть. Потому что знал: незрелое решение — как незрелый фрукт. Можно укусить, но вкуса не будет. Только горечь.

Его встреча с Яной не была случайной. Хотя со стороны могла так выглядеть. Ноябрь. Снег, который только начал падать, ещё не лёг плотным слоем, а лишь припудрил землю. Она несла сумку с мандаринами. Не бежала. Не торопилась. Просто шла. А потом — споткнулась. Не о снег. О собственную неуклюжесть. Сумка выскользнула из рук. Мандарины рассыпались по мокрому асфальту, по снегу, покатились в разные стороны, словно решили сбежать.

Она стояла, растерянная, не зная, что делать. Собирать? Оставить? Плакать? Ей было одиннадцать. И в одиннадцать мир кажется огромным, а ты — маленьким. И когда мандарины рассыпаются, это не просто мандарины. Это катастрофа. Это конец света. Это доказательство собственной неполноценности.

Он появился внезапно. И не сказал ничего банального. Не спросил «ты в порядке?». Не сказал «не плачь». Он просто присел на корточки. Не обращая внимания на снег, на грязь, на то, что брюки испачкаются. Начал собирать мандарины. Медленно. Методично. Каждый поднимал. Осматривал. Если был чист — клал обратно в сумку авоську. Если испачкан — откладывал в сторону. Не брезговал. Не торопился. Делал это так, словно собирал не мандарины, а что-то гораздо бо-

лее важное.

Она смотрела на него, не понимая, что происходит. Почему взрослый мужчина, который выглядит так, словно только что вышел из другого мира, мира, где всё идеально и упорядочено, сидит на корточках на грязной улице и собирает её мандарины? Почему он не уходит? Почему не зовёт взрослых? Почему просто делает то, что делает?

Когда он закончил, поднялся. Отряхнул брюки. Не идеально — снег и грязь остались. Но он не обратил на это внимания. Протянул ей сумку. Не с улыбкой. Без выражения. Просто протянул.

Она взяла. Не зная, что сказать. «Спасибо» застряло в горле. Было недостаточно. Было банально. Было не то.

Он посмотрел на неё. Не сверху вниз. На одном уровне. Даже когда физически стоял выше, его взгляд был на уровне её глаз. Сказал ей пару слов, представился. Потом когда она уже собиралась уходить, сказал тихо:

«Мандарины можно собрать, время — нет. Запомни это».

И ушёл. Не оглядываясь. Не ожидая благодарности. Не требуя ничего. Просто ушёл. Растворился в сером ноябрьском дне, словно его и не было.

Она стояла, держа авоську с мандаринами, и чувствовала, что что-то изменилось. Не в мире. В ней. Слова «время — нет» застряли в голове, как заноза. Не отпускали. Не давали покоя.

Она не знала тогда, что это была не случайность. Что он

заметил её раньше. Что он знал, кто она. Что он наблюдал. Не из праздного любопытства. Из интереса. Он видел в ней не ребёнка. Видел потенциал. Видел тот огонь, который ещё не разгорелся, но уже тлел. Видел ту силу, которая ещё не оформилась, но уже была.

Их следующая встреча произошла не через дни. Через недели. В той самой квартире на семнадцатом этаже ее подъезда. Он не приглашал её. Она пришла сама. Не зная почему. Не зная зачем. Просто пришла. Позвонила в дверь. Он открыл. Не удивился. Не спросил, как она нашла его адрес. Просто отступил в сторону, пропуская её внутрь.

Так началось то, что потом она назовёт своим настоящим образованием. Не школьным. Не академическим. Философским. Экзистенциальным. Он не учил её. Он давал ей книги. И задавал вопросы. Не проверял знания. Проверял понимание. Не требовал заучивания. Требовал осмысления.

Первой книгой был Сенека. «Нравственные письма к Луцилию». Она взяла её в руки, посмотрела на обложку. Старую, потрёпанную, с пожелтевшими страницами.

«Почему Сенека?» — спросила она.

«Потому что он знал, что такое власть. И что такое смерть. И что между ними — только выбор», — ответил он.

Она читала медленно. Не потому, что было трудно. Потому, что нужно было переваривать. Каждое письмо — как удар. Не болезненный. Отрезвляющий. Сенека не утешал. Он вскрывал. Показывал иллюзии. Разрушал ложные пред-

ставления. И на их месте не строил новых. Оставлял пустоту. В которой она должна была найти себя.

Они обсуждали прочитанное не регулярно. Когда она была готова. Когда вопросы созревали. Когда понимание достигало точки, за которой следовал прорыв.

Он не давал готовых ответов. Задавал новые вопросы. «Что Сенека говорит о гневе?», «Как это соотносится с тем, что ты видела?», «Что ты чувствуешь, когда читаешь это?», «Где в твоей жизни то, о чём он пишет?»

Она училась не цитировать. Училась видеть. Не в книгах. В жизни. В людях. В ситуациях. В себе.

Потом был Марк Аврелий. «Размышления». Император, который писал не для публики. Для себя. В шатре, среди войн. На краю жизни и смерти.

«Почему император писал о добродетели?» — спросила она.

«Потому что власть — это искушение. А добродетель — это якорь. Без якоря корабль уносит в открытое море. Где нет ориентиров. Только волны».

Она читала. Пыталась понять, как можно быть императором и оставаться человеком. Как можно иметь абсолютную власть и не потерять себя. Как можно писать о смерти, когда вокруг смерть.

Он объяснял не через историю. Через настоящее. «Власть не в том, чтобы командовать. В том, чтобы нести ответственность. Сенека знал это. Марк Аврелий знал это. Вопрос в

том, знаешь ли ты?»

Потом был Сунь-цзы. «Искусство войны». Она ожидала трактат о насилии. Получила трактат о стратегии. О том, как побеждать без боя. О том, как видеть поле битвы до того, как ступишь на него.

«Почему воин пишет о том, как избежать войны?»

«Потому что настоящий воин знает цену крови. И предпочитает не проливать её, если можно победить иначе», - отвечал Сократ.

Она читала о том, что лучшая победа — та, которая достигнута без сражения. О том, что нужно знать не только себя, но и противника. О том, что война — это последнее средство, а не первое.

Он связывал это с её жизнью. «Кто твой противник?», «Что ты хочешь победить?», «Какая цена победы?», «Можно ли достичь цели без конфликта?».

Она училась видеть не врагов. Препятствия. Не бороться. Преодолевать. Не побеждать. Находить решение.

Потом был Борхес. «Лабиринты». «Вымыслы». «Алеф». Это было другое. Не философия в чистом виде. Литература, которая была философией. Игры с реальностью. Лабиринты, в которых нет центра. Зеркала, которые отражают не то, что есть. Книги, которые бесконечны.

«Почему Борхес?»

«Потому что он показал: реальность — это текст. А текст можно переписать», - усмехался Сократ.

Она читала о человеке, который помнит всё. О точке, в которой содержится всё сущее. О лабиринтах, из которых нет выхода. Или выход есть, но он не там, где ищешь.

Он объяснял: «Борхес не даёт ответов. Он даёт вопросы. О бесконечности. О памяти. О времени. О том, что мы считаем реальностью. А что — вымыслом».

Она училась не принимать реальность как данность. Видеть в ней слои. Тексты. Интерпретации. Понимать, что то, что кажется истиной, может быть лишь одной из версий.

Они говорили не только о книгах. О жизни. О смерти. О выборе. О цене. О том, что значит быть человеком в мире, где правила пишут другие. Где сила часто важнее правды. Где справедливость — редкий гость.

Он не идеализировал мир. Не говорил, что добро победит. Говорил: «Добро не побеждает автоматически. За него нужно бороться. И иногда проигрывать. Но это не значит, что не стоит бороться. Это значит, что борьба — это и есть путь».

Она спрашивала: «А зачем тогда?»

Он молчал. Долго. Потом отвечал: «Потому что альтернатива — стать тем, против кого борешься. А это поражение, которое хуже смерти».

Он не был свят. Знал это. Не притворялся. Говорил о своих компромиссах. О своих ошибках. О своих падениях. Не для того, чтобы оправдаться. Для того, чтобы показать: идеал недостижим. Но стремление к нему — обязательно.

«Я не хороший человек, — сказал он однажды. — Я че-

ловек, который сегодня пытается быть чуть лучше, чем был вчера. И иногда у меня получается. Иногда нет. Но я не перестаю пытаться».

Она видела, как с ним общаются люди на районе. Не с подобострастием. С уважением. Не со страхом. С пониманием. Они знали: он не их. Он не играет по их правилам. Но они нуждались в нём. Потому что он видел то, чего не видели они. Слышал то, чего не слышали они. Понимал то, чего не понимали они.

Он не искал одобрения. Не стремился понравиться. Был собой. Всегда. Даже когда это было опасно. Даже когда это стоило ему возможностей.

Однажды она спросила: «Почему ты не уйдёшь? Почему остаёшься в этом мире?»

Он посмотрел на неё. Долго. Потом ответил: «Потому что если я уйду, на моём месте будет кто-то другой. Кто не задаёт вопросов. Кто не ищет решений. Кто просто применяет силу. И будет больше боли. Больше крови. Больше разрушений. Я остаюсь не потому, что мне нравится этот мир. А потому, что могу сделать его чуть менее ужасным. Для некоторых. Для тех, кого можно спасти».

Она поняла тогда, что его карма — не в воздаянии. В ответственности. Он взял на себя то, что другие не хотели или не могли. Не ради славы. Не ради власти. Ради того, чтобы уменьшить страдание. Даже если это страдание никогда не будет записано в историю. Даже если никто не узнает о том,

что он предотвратил.

Его философия не была абстрактной. Была прикладной. Он не рассуждал о добре и зле в вакууме. Применял это к конкретным ситуациям. К конкретным людям. К конкретным решениям.

«Каждый выбор — это голосование за тот мир, в котором ты хочешь жить, — говорил он. — Даже если твой голос один. Даже если ты думаешь, что он ничего не изменит. Он изменит. Тебя. И тех, кто рядом. И это уже немало».

Она училась у него не тому, как выживать. Тому, как жить. Не как побеждать. Как выбирать. Не как получать. Как отдавать. Не как брать. Как сохранять.

Он не был её наставником в традиционном смысле. Не учил ремеслу. Не передавал навыки. Передавал состояние. Способность видеть. Слышать. Чувствовать. Понимать.

Когда она брала у него книгу, это был не просто обмен. Это был ритуал. Он давал ей не страницы. Ключ. Ключ к двери, которую она ещё не видела. Но которая существовала. И когда она читала, дверь открывалась. И за ней был новый мир. Новый взгляд. Новое понимание.

Они не обсуждали книги сразу. Он давал ей время. Недели. Иногда месяцы. Ждал, пока она созреет. Пока вопросы появятся сами. Пока понимание достигнет точки кипения.

Когда она приходила с вопросами, он не отвечал сразу. Задавал встречный вопрос. «А что ты думаешь?», «Как ты это понимаешь?», «Где ты видишь это в своей жизни?».

Он не хотел, чтобы она повторяла его мысли. Хотел, чтобы она рождала свои. Не была эхом. Была голосом.

Его влияние на неё нельзя было измерить. Не было оценок. Дипломов. Сертификатов. Было что-то другое. Глубже. Важнее.

Она менялась. Не сразу. Постепенно. Как меняется камень под воздействием воды. Не от удара. От постоянного касания.

Она начинала видеть то, чего не видела раньше. Мотивы. Страхи. Надежды. Ложь. Правду. Не ту, что в учебниках. Ту, что в людях. В ситуациях. В себе.

Он не хвалил её. Не критиковал. Был нейтрален. Как зеркало. Показывал то, что есть. Не приукрашивал. Не искажал.

И в этом была его величайшая услуга. Потому что она училась видеть себя. Не такой, какой хотела быть. Такой, какая есть. И только из этой точки можно было двигаться дальше.

Его квартира стала для неё не местом. Пространством. Где время текло иначе. Где слова имели вес. Где молчание было красноречивее речи. Где книги были не предметами. Существами. Живыми. Дышащими. Говорящими.

Она садилась в старое кресло, брала книгу, читала. Он сидел напротив. Не мешал. Не отвлекал. Просто был. Присутствовал. И это присутствие было не давлением. Поддержкой.

Когда она поднимала глаза от книги, он иногда спрашивал: «Что ты почувствовала?».

Не «что поняла». Не «что запомнила». «Что почувствовала».

Потому что знание, которое не проходит через чувство, остаётся поверхностным. Не меняет. Не трансформирует. Не становится частью тебя.

Она училась чувствовать книги. Не только понимать. Чувствовать боль Сенеки. Стойкость Марка Аврелия. Мудрость Сунь-цзы. Игру Борхеса.

И через это чувство она начинала чувствовать себя. Свои страхи. Свои силы. Свои границы. Свои возможности.

Он не готовил её к определённому будущему. Не видел для неё конкретного пути. Давал ей инструменты. Чтобы она сама выбрала путь. Сама построила будущее. Сама определила, кто она.

«Ты не должна быть как я, — сказал он однажды. — Ты должна быть собой. Но для этого нужно узнать, кто это — ты. А это самая трудная работа. На всю жизнь».

Она поняла тогда, что он не даёт ей ответов. Даёт ей вопросы. Которые будут сопровождать её всегда. И в этом будет её сила. Не в знаниях. В вопрошании. В поиске.

Его влияние на неё было невидимым. Как гравитация. Не видно. Но ощущается. Держит на орбите. Не даёт улететь в пустоту. Не даёт упасть в бездну.

Когда она смотрела на него, видела не просто человека. Видела принцип. Принцип, что даже в самом тёмном мире можно сохранить свет. Не через отрицание тьмы. Через при-

сутствие света.

Он не был героем. Не был святым. Был человеком. Который выбрал трудный путь. Не ради славы. Ради смысла. И в этом выборе была его величие.

Она знала, что когда-то его не станет. Что время неумолимо. Что все уходят. Но также знала, что то, что он дал ей, останется. Не в памяти. В ней. В том, как она видит мир. Как принимает решения. Как живёт.

И это будет его настоящей кармой. Не воздаянием. Наследием. Не в книгах. В ней. В её выборе. В её пути. В её жизни.

И когда мандарины рассыпались по снегу в ноябре 1996-го, она не знала, что это начало. Не знала, что этот человек, который присел на корточки, чтобы собрать её мандарины, изменит её жизнь. Не знала, что его слова «время — нет» станут её компасом.

Но она почувствовала. Что-то щёлкнуло. Что-то изменилось. Что-то началось.

И когда годы спустя авторитеты замирали перед ней, они замирали не перед её силой. Перед её ясностью. Перед тем, что в ней было. Что он в неё вложил. Не знания. Понимание. Не навыки. Мудрость. Не силу. Стойкость.

И в этом была его победа. Не над другими. Над временем. Над забвением. Над смертью.

Потому что он жил в ней. В её выборе. В её словах. В её делах.

И это было важнее любой книги. Важнее любой филосо-

фии. Важнее любой славы.

Это было жизнью.

Однажды, листая книгу в его библиотеке («Записки охотника» Тургенева, издание 1956 года с закладкой из высушенного клевера), она нашла фотографию, спрятанную между страницами. Чёрно-белая. Молодой мужчина лет двадцати пяти — тот самый Сократ, но без морщин, с густыми волосами и взглядом, полным огня. Рядом — другой мужчина, высокий, с гордой осанкой и лицом, которое Яна узнала позже: Тимур Самегрэлло, но молодой, без шрамов. На обороте — надпись карандашом: **Тбилиси, 1989. Братья по духу.**

— Мы не были братьями, — сказал Сократ, войдя в комнату без стука (он всегда знал, где она и что делает). — Мы были **товарищами**. В Афганистане. Я — переводчик. Он — разведчик. Мы спасли друг другу жизнь трижды. После войны он пошёл в тень. Я — в свет. Преподавал философию в Тбилисском университете. Потом — в Москве. Пока не понял: философия без власти — пустой звук. А власть без философии — тирания.

— Почему вы ушли из университета?

— Потому что устал объяснять Платона студентам, которые мечтают о «Мерседесе». Решил применить знания на практике. Стал советником. Для тех, кто строит империи.

— Для Тимура?

— Для многих. Но Тимур — особенный. Он не хотел власти ради власти. Он хотел **порядка**. В мире, где царит ха-

ос. И я увидел в нём то же, что потом увидел в тебе: способность видеть нити, связывающие людей. Не нити страха. Нити **долга**.

Он замолчал, глядя в окно на Москву, раскинувшуюся внизу, как карта судьбы.

— Я выбрал тебя не случайно, Яна. В тот день с мандаринами я уже три месяца наблюдал за тобой. Ты ходила в школу одной дорогой, возвращалась — другой. Не из страха. Из любопытства: хотела видеть разные лица города. Ты никогда не брала конфеты от незнакомцев — не из послушания, а из инстинкта: чувствовала фальшь в их улыбках. Ты плакала ночью, когда думала, что родители спят — не из-за двоек, а из-за того, что мир несправедлив. И при этом ты улыбалась дворнику, который всех посылал. Потому что видела: он добрый внутри.

Он повернулся к ней.

— Ты была готова. Не к насилию. Не к богатству. А к **пониманию**. А понимание — самая опасная сила в мире. Опаснее пистолета. Опаснее миллиардов. Потому что понимание меняет людей изнутри. Без их ведома.

***

Яна Андреевна Карманова появилась на свет двадцать третьего апреля 1985 года — в тот самый момент, когда Телец встречался с Быком, создавая ту редкую астрологическую конфигурацию, которую старые астрологи называют «двойной землёй». Телец по гороскопу, Бык по восточному

календарю — она несла в себе двойную печать упрямства, двойную силу сопротивления, двойную способность идти сквозь время, как ледокол сквозь льды. Но это упрямство не было грубым напором. Это была тихая, неумолимая сила, с которой весенняя земля пробивает асфальт. Не потому, что хочет доказать что-то асфальту. А потому, что такова её природа. Расти. Пробиваться. Жить.

Её дата рождения — двадцать третье апреля — была не просто цифрой в паспорте. Это был день, когда в Москве ещё лежал снег, но уже пахло весной. Когда природа замирала в ожидании, не зная, радоваться ли теплу или бояться последних заморозков. Яна родилась в этом пограничье, в этом между, и вся её жизнь стала воплощением этого пограничья. Между детством и взрослостью. Между правдой и выживанием. Между тем, кто она есть, и тем, кем её хотят видеть.

Она не родилась с готовым ответом на вопрос «кто я». Она родилась с вопросом «зачем». И этот вопрос стал её компасом в мире, где все продают уверенность, но никто не умеет её нести. Её присутствие не было громким. Оно было точным. Она не ломала людей вокруг себя. Она заставляла их замирать. Не из страха. Из осознания, что перед ними не просто человек. А зеркало. И в этом зеркале они видели не её силу, а свою неготовность.

Её детство было не обычным детством. Это было детство ребёнка, который рос в полной семье, но в неполном мире. Полная семья — это не просто наличие обоих родителей.

Это когда папа — Андрей Петрович Карманов, геронтолог и биофизик, человек, который изучал старение как процесс, а не как болезнь, — приходил вечером с работы, садился рядом, не спрашивал «как дела в школе?», а спрашивал «что нового ты узнала сегодня?». И в этом вопросе было всё уважение мира к маленькому человеку, который познаёт этот мир. Это когда мама — Елена Борисовна Карманова, биохимик, кандидат наук, женщина с руками, помнящими каждый эксперимент, — не ругала за двойки, а спрашивала «почему ты не поняла?». И в этом «почему» не было осуждения. Был научный интерес. Желание понять механизм ошибки, чтобы исправить не оценку, а понимание.

Но полная семья не означала полную защиту. Родители-учёные жили в мире идей, формул, гипотез. Они верили в логику, в причинно-следственные связи, в то, что мир познаваем и управляем. Но мир 90-х не был управляемым. Он был хаотичным, жестоким, непредсказуемым. И Яна росла на разломе двух реальностей: реальности родителей, где всё можно объяснить через формулы, и реальности улицы, где всё объяснялось через силу.

Каждые летние и зимние каникулы она проводила у бабушки и дедушки в Лысьве — небольшом городке, затерянном где-то между Уралом и вечностью. Лысьва была не просто географической точкой. Это было пространство, где время текло иначе. Медленнее. Гуще. Здесь не было московской суеты, московского цинизма, московской гонки за выжива-

ние. Здесь была земля. Настоящая. Пахнущая хвоей, снегом, дымом из печных труб. Здесь была бабушка — женщина с руками, которые помнили войну, голод, потерю, но которые всё ещё могли испечь такой кекс, от которого становилось тепло не только в животе, но и в душе. Здесь был дедушка — полковник в отставке, который не командовал, а настраивал, не ломал, а структурировал.

Лысьва стала для Яны не просто местом каникул. Она стала лабораторией, где она изучала не химию или физику, а жизнь. Здесь она видела, как дедушка — человек, которого боялись даже те, кто сам наводил страх на других, — как этот человек сажал яблоки в саду. Не для себя. Для тех, кто придёт после. «Дерево сажают не для себя, — говорил он, втыкая лопату в землю. — Дерево сажают для времени. Чтобы время не было пустым. Чтобы после тебя осталось не только имя. Осталось что-то, что растёт. Что живёт. Что даёт плоды».

И Яна смотрела на него, на его руки — старые, покрытые шрамами, но такие нежные с саженцами, и понимала: сила не в том, чтобы разрушать. Сила в том, чтобы создавать. Даже когда вокруг хаос. Даже когда кажется, что всё бессмысленно. Даже когда ты знаешь, что, возможно, не дождёшься плодов.

Зимы в Лысьве были другими. Снег ложился такой толстый, что можно было ходить по нему, как по полу. Мороз рисовал на окнах узоры, которые казались картами несу-

ществующих стран. Бабушка топила печь, и в доме пахло дымом, ванильным кексом, чем-то древним, что нельзя назвать, но что обязательно присутствует в домах, где жили поколения. Здесь Яна училась тишине. Не той тишине, когда нечего сказать. А той, когда слова не нужны. Когда можно сидеть часами, смотреть на огонь в печи, слушать, как трещат поленья, и понимать: это и есть жизнь. Не громкая. Не яркая. Но настоящая.

Летом Лысьва преображалась. Лес, река, ягоды, грибы. Дедушка брал её с собой на рыбалку — не потому, что нужна была рыба, а потому, что нужно было научить терпению. «Рыбалка — это не про рыбу, — говорил он, закидывая удочку. — Это про ожидание. Про то, чтобы сидеть и не требовать от мира немедленного ответа. Мир ответит. Когда будет готов. Не когда ты хочешь».

И Яна сидела. Часы. Дни. Училась ждать. Не бездельничать. А именно ждать — осознанно, присутствуя в каждом моменте ожидания. И это терпение Тельца, это упрямство Быка, это наследие Лысьвы — всё это сплеталось в ней, создавая тот стержень, который потом не давал ей сломаться.

Психологический портрет Яны строился на парадоксе: абсолютная ясность в намерениях и постоянная работа над сомнениями. Она не боялась ошибаться. Она боялась остановиться. Потому что остановка в движении — это не отдых, это отказ от роста. Она знала, что карма не наказание, а отражение. Каждый выбор оставляет отпечаток, каждый отпе-

чаток меняет траекторию. Она не искала лёгких путей. Она искала честные. И это требовало постоянной внутренней настройки: не путать уверенность с высокомерием, не заменять анализ критикой, не позволять прошлому диктовать будущее. Она часто сомневалась. И каждое сомнение становилось частью её метода. Она не извинялась за них. Она проверяла их. Для неё это было честнее. Потому что слепая вера ломается быстрее, чем осознанное сомнение.

Её отношение к политическому и криминальному миру было лишено пиетета и агрессии. Она не презирала тех, кто стоял выше. Она просто не считала высоту показателем глубины. Для неё власть была не правом, а ответственностью. Она видела, как люди теряли себя, пытаясь соответствовать образу, и предпочитала оставаться неудобной, чем стать предсказуемой. Это делало её опасной в системе, где ценится лояльность больше, чем честность. Яна не подчинялась. Она сотрудничала. Разница была фундаментальной. Подчинение требует отказа от части себя. Сотрудничество требует сохранения границ. Она умела находить точки пересечения, не теряя ориентиров. Это требовало постоянного самоконтроля, умения говорить «нет» без агрессии и «да» без покорности. Она не искала конфликтов. Но и не избегала их. Она позволяла им возникать, когда молчание означало согласие с ложью.

С миром она была связана не через принадлежность, а через наблюдение. Она не училась жить. Она училась видеть.

Не через книги, а через последствия. Она знала, что иллюзии ломают быстрее, чем правда. И она не боялась разочарований. Она боялась слепоты. Потому что слепота к себе опаснее слепоты к другим. Она не пыталась стать сильной. Она позволяла себе стать цельной. И это требовало редкой формы существования: не диктовать путь, а быть точкой отсчёта, которая не тянет к себе, а показывает направление. Она не искала признания. Она искала ясность. И в этом была её форма сопротивления миру, который требует скорости больше, чем качества.

Её внутренние конфликты не были драматичными. Они были тихими, как шёпот в пустой комнате. Она боялась не неудачи, а потери связи с собой. Не физической, а смысловой. Она знала, что можно утонуть в ожиданиях других, потеряв из виду собственный голос. И она боролась с этим не через отступление, а через возвращение к основам: к честности перед собой, к ответственности за каждый выбор, к готовности нести последствия. Она не искала признания. Она искала точность. И в этом была её форма сопротивления миру, который требует скорости больше, чем качества.

Девочка, через многие года ставшая женщиной, поняла это не сразу. Она поняла это, когда в будущем авторитеты замирали перед ней. Они замирали не перед её силой. Они замирали перед её ясностью. Перед тем, что она не просила разрешения быть собой. И в этом была её карма: не воздаяние, а возвращение к себе. Не через наказание, а через осо-

знание. И перед ней замирали не из страха. Из уважения к тому, кто не боится сказать «я есть», даже когда мир требует «будь как все».

Она несла в себе наследие Тельца — способность чувствовать землю под ногами, даже когда вокруг пропасть. Наследие Быка — идти вперёд, не сворачивая, даже когда путь кажется безнадёжным. Наследие учёных родителей — верить не в догмы, а в поиск. Наследие Лысьвы — знать, что тишина может быть громче слов. Наследие дедушки — понимать, что настоящая власть не в том, чтобы заставлять других подчиняться. А в том, чтобы заставлять их просыпаться.

И когда она смотрела в зеркало, она видела не просто девочку из полной семьи. Не просто ученицу Сократа. Не просто внучку. Она видела точку пересечения. Точку, где сходились разные миры, разные эпохи, разные истины. И её задача была не в том, чтобы выбрать один мир. А в том, чтобы создать мост между ними. Чтобы те, кто застрял в хаосе 90-х, могли увидеть: есть другой путь. Путь не через силу. Через понимание. Не через страх. Через ясность. Не через подчинение. Через сотрудничество.

И этот путь был трудным. Одиночным. Неблагодарным. Но это был её путь. И она шла по нему. Не потому, что была героем. А потому, что не могла иначе. Потому что Телец не может не расти. Бык не может не идти. А она... она не могла не быть собой.

И когда годы спустя люди спрашивали: «Как ты это сде-

лала? Как ты выжила в том мире и не потеряла себя?» — она улыбалась той тихой улыбкой, которой научилась у дедушки в лысьвинском саду. И отвечала: «Я не выживала. Я жила. Разница в том, что выживание — это когда ты ждёшь, когда всё закончится. А жизнь — это когда ты живёшь сейчас. Даже когда сейчас трудно. Особенно когда сейчас трудно».

И в этих словах была вся она. Яна Андреевна Карманова. Девочка, родившаяся между снегом и весной. Между наукой и улицей. Между Москвой и Лысьвой. Между прошлым и будущим. И ставшая мостом. Для тех, кто ещё не знал, что мосты можно строить не только из бетона. Но и из слов. Из понимания. Из той тихой, неумолимой силы, с которой земля пробивает асфальт.

***

Ноябрь 96-го сменился на декабрь. Яна стала подниматься к Сократу не только после школы, но и по выходным. Его квартира (точнее, объединённое пространство четырёх квартир) оказалась именно такой, как шептались соседи: бильярдная с сукном цвета изумруда, сауна с ароматом можжевельника, камин из чёрного мрамора, перед которым стояли два кресла — одно большое, другое маленькое, недавно купленное, специально для неё. Но главное — библиотека. Стены от пола до потолка, уставленные книгами на русском, армянском, грузинском, английском, французском. Сократ учил её читать не для оценок, а для **жизни**.

— Прочти Сенеку, — говорил он. — Не как домашнее

задание. Как диалог с умным стариком, который уже прошёл через всё, что тебя ждёт.

— А Достоевского?

— Достоевский — для тех, кто ищет Бога. Ты ищешь не Бога. Ты ищешь **баланс**. Читай Марка Аврелия. Он был императором. Но писал как монах. Потому что понимал: власть — ничто без внутреннего спокойствия.

Они часами сидели у камина. Он курил. Она вдыхала дым — не как наркотик, а как ритуал перехода из детства во взрослость. Он рассказывал ей о Москве девяностых: о том, как рынки становились королевствами, как подворотни превращались в троны, как люди умирали за кусок хлеба или за слово «честь».

— Кодекс воровской — не закон, — говорил он. — Это попытка **сохранить человечность** в мире, где её нет. Но кодекс умирает. Потому что новые игроки не верят в честь. Они верят в деньги. А деньги — плохой бог. Они требуют жертв, но не дают спасения.

— А что даёт спасение?

— Ничто. Спасение — иллюзия. Но **смысл..** смысл можно создать самому. И ты, Яна, создашь его. Не для себя. Для других. Ты станешь тем, кого в древности называли «хранителем равновесия». Не судьёй. Не палачом. Хранителем.

***

Яна сидела у окна, наблюдая, как декабрьский снег медленно кружится в свете фонарей. Прошёл всего месяц с того

ноябрьского дня 96-го, когда её жизнь разделилась на «до» и «после». Как будто кто-то невидимый перевернул страницу её судьбы, и начался совсем другой текст.

Она провела пальцами по корешку «Размышлений» Аврелия — третьей книги, которую прочитала за этот месяц. Сенека научил её стойкости, Сунь-цзы — стратегии, но именно Сократ... этот странный, мудрый друг показал ей, что **настоящая сила — в вопросах**, а не в ответах.

Яна улыбнулась, вспомнив, как вчера получила первую пятёрку по литературе за эссе о чести. Учителя не понимали, что с ней произошло: ещё месяц назад она была серой мышкой, а теперь... теперь в её глазах горел огонь, который невозможно было не заметить.

Но где-то глубоко внутри она чувствовала **тревожное предчувствие**. Сократ говорил о хранителе равновесия. О том, что смысл можно создать самому. Но он не сказал, **какую цену** придётся заплатить за этот смысл.

За окном декабрь отсчитывал последние дни. Город лихорадочно готовился к празднику, не подозревая, что скоро всё изменится. Яна сжала в руке кулон в виде феникса с раскрытыми крыльями — единственную вещь, оставшуюся от прабабушки. Холодный металл обжигал ладонь, словно предупреждая.

Она ещё не знала, что через несколько дней, когда часы пробьют полночь, её выбор определит не только её судьбу, но и судьбы тех, кого она даже не знала. Что древний кодекс, о

котором говорил Сократ, — не просто слова. Что воровская честь 90-х и её собственная честь скоро столкнутся лоб в лоб.

Яна вздохнула и открыла «Искусство войны». Страница выпала сама собой — та самая, о тактике неожиданного удара.

«Случайность? — подумала она».

Но где-то в глубине души Яна уже знала ответ. И этот ответ заставил её кровь застыть в жилах, когда она поняла: Сократ готовил её не просто к жизни. Он **готовил её к войне**.

А война, как учил Сунь-цзы, начинается там, где её совсем не ждут.

Продолжение следует...

Глава 2.

Глава 2. Старая душа

Читать под трек **«Знаки судьбы» — Харизма**

«Кто силён - тот закон, Раб не прекословит. Весь мой путь - стали звон - Кровью окроплён. Но мой мир сгорел до тла, Мой клинок расколот. И кому нужен я, В чем теперь мой долг? Куда ведёт меня судьба и в чём её значенье? Прошу, немые небеса, Пошлите мне знамение!» (с)

Север Москвы. Особняк Тимура Сомегрэлло стоял в вековом парке, скрытый от посторонних глаз высокими заборами из красного кирпича, увенчанными коваными шпилями, и густыми елями, которые помнили еще те времена, когда здесь не было ни Москвы, ни России в ее современном понимании. Эти деревья видели, как менялись эпохи, как уходили одни хозяева и приходили другие, как империи рассыпались в прах, а на их месте вырастали новые миры. Здание из красного кирпича с белыми колоннами помнило еще дореволюционные времена — здесь когда-то принимала гостей сама аристократия, устраивались балы с оркестрами и фейерверками, звучали французская речь и итальянские арии, а теперь в этих стенах решалась судьба столицы, заключались сделки, от которых зависели тысячи жизней, произносились слова, что становились приговорами или помилованиями.

Особняк стоял на возвышенности, и в ясные дни с его верхних окон можно было увидеть купола церквей и бескрайние просторы северной окраины Москвы. Архитектура здания представляла собой удивительный спуск русского модерна и неоклассицизма: массивные белые колонны поддерживали портик с лепниной, изображающей виноградные лозы и дубовые листья — символы изобилия и силы. Окна с двойными рамами, вставленными в массивные дубовые переплеты, отражали свет луны и звезд, создавая иллюзию, что дом сам излучает таинственное свечение. Внутри стены были расписаны фресками, изображающими сцены из русской истории и мифологии, а паркетные полы, выложенные сложным узором из ценных пород дерева, помнили шаги великих князей и княгинь, поэтов и генералов.

Вековой парк вокруг особняка был настоящим лабиринтом из аллей, беседок и прудов. Старые дубы, каждому из которых было больше трехсот лет, стояли как стражи, охраняя тайны этого места. Их мощные ветви переплетались, создавая естественный купол, под которым даже в самый жаркий летний день царила прохлада и тишина. Зимой эти же деревья становились белыми исполинами, их ветви, покрытые инеем, сверкали в лунном свете, создавая ощущение, что ты попал в зачарованное царство, где время течет иначе. Высокие заборы, оплетенные диким виноградом летом и покрытые изморозью зимой, скрывали территорию от любопытных глаз, но не могли скрыть ауру власти и силы, что исходила

от этого места.

Тридцать первое декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года. Страна замерла в ожидании, затаив дыхание, как пловец перед прыжком в ледяную воду. Чеченская война формально закончилась подписанием Хасавюртовских соглашений в августе, но призрак насилия все еще бродил по России, как неупокоенная душа, не находящая покоя. В воздухе витала тревога — никто не знал, будет ли мир долгим или это лишь передышка перед новой бурей. Солдаты возвращались домой, но многие возвращались с пустыми глазами и изломанными душами, неся в себе войну, что уже никогда их не отпустит. Матери плакали, обнимая сыновей, но слезы были не только от радости — слишком много тех, кто не вернулся, слишком много могил, что никогда не будут найдены.

Ельцин готовился к новогоднему обращению, но страна знала: их президент болен. Его сердце, измученное годами власти, алкоголя и бесконечного стресса, давало сбои. Он шатался, путал слова, и вся страна видела это, чувствовала, как хрупка власть, как тонка грань между стабильностью и хаосом. В больницах не хватало лекарств, учителя и врачи месяцами не получали зарплату, а на экранах телевизоров показывали новую Россию — страну возможностей, где можно было заработать миллионы, если ты достаточно умен и беспринципен. Москва жила в странном состоянии между эйфорией и тревогой, между верой в светлое будущее и по-

ниманием, что это будущее может никогда не наступить.

На улицах столицы можно было увидеть все контрасты эпохи: рядом с роскошными иномарками, только что пригнанными из Европы, стояли развалюхи советских времен; в дорогих ресторанах, где ужин стоил как средняя месячная зарплата, сидели новые русские в малиновых пиджаках и с золотыми цепями, а в нескольких кварталах от этих ресторанов старики продавали последние вещи на рынках, чтобы купить хлеб и молоко. Бандитские разборки стали привычным фоном жизни — газеты пестрели заголовками о новых убийствах авторитетов, о перестрелках в центре города, о том, что милиция бессильна перед новой волной насилия. Но одновременно с этим открывались новые магазины, кафе, клубы, в воздухе пахло свободой и деньгами, возможностью начать все с нуля, стать кем угодно.

Люди чувствовали, что живут на пороге чего-то важного, что этот момент — между уходящим девяносто шестым и грядущим девяносто седьмым — особенный. Что-то должно было случиться, что-то должно было измениться. Интуиция, древняя как мир, шептала: грядут перемены. И те, кто умел слушать этот шепот, готовились. Кто-то молился в церквях, ставя свечи за упокой душ и за здравие близких. Кто-то считал деньги, пряча их в надежные места. Кто-то просто сидел у окон, глядя на падающий снег, и думал о том, что принесет новый год.

В эту ночь Москва не спала. Огни гирлянд отражались

в окнах, создавая иллюзию праздника, но за этой иллюзией скрывалась суровая реальность: страна была ранена, истощена, но все еще жива. Все еще боролась. Все еще надеялась. И где-то в этой огромной, холодной, прекрасной и ужасной Москве, в особняке на севере, трое мужчин готовились встретить новый год — год Огненного Быка, год, что должен был принести перемены. Они не знали, какие именно. Но инстинкт, отточенный годами выживания в жестоком мире, подсказывал: что-то грядет. Что-то, что изменит все правила игры.

Воздух был наполнен электричеством ожидания, тем самым особым напряжением, что бывает перед грозой или перед важным событием. Снег падал медленно, большими хлопьями, укутывая город в белое одеяло, создавая иллюзию чистоты и покоя. Но под этим снегом, под замерзшей землей, уже начинали шевелиться семена будущего. Семена, что прорастут весной. Семена, что изменят все.

В каминном зале, где потолок уходил вверх на два этажа, а хрустальные люстры отбрасывали тысячи огней на паркет, собрались трое. Воздух здесь был иным, чем в остальном доме. Он казался плотным, пропитанным десятилетиями молчаливых соглашений, несказанных угроз и обещаний, которые никогда не произносились вслух, но исполнялись с математической точностью. Паркет под ногами был старинным, дубовым, с узорами, выложенными вручную мастерами, чьи имена давно стерлись из архивов. Каждый шаг по

нему отдавался эхом, словно зал сам запоминал души, живущих здесь людей. Тимур Сомегрэлло стоял у массивного стола из мореного дуба, его пальцы лежали на гладкой поверхности без единого лишнего движения. Человек с ледяными глазами и репутацией, которая заставляла молчать даже самых дерзких, умел превращать паузу в оружие. Он не нуждался в словах, чтобы дать понять, кто здесь главный. Достаточно было взгляда, в котором не было ни злости, ни угрозы, только абсолютная, выверенная пустота, в которой тонули чужие намерения. Рядом, в глубоком кожаном кресле, сидел Дедушка Фанси. Его тело казалось хрупким, кости тонкими, но в осанке читалась та особая прямота, которую дают не гимнастические залы, а годы, проведенные в местах, где каждый жест должен быть оправдан, а каждое слово может стоить жизни. Он прошел через зоны, через войны, через эпохи, когда законы писались кровью на стенах камер и на асфальте дворов. Хранитель неписаных законов не носил титулов, но его присутствие в комнате автоматически расставляло иерархию. Третий, Кир Иванов, по прозвищу Мишка, стоял у окна, заложив руки в карманы пиджака. Самый молодой из троих, но уже легенда девяностых, человек, который вышел из подворотен и стал королем рынков, умел читать пространство так же хорошо, как бухгалтерский баланс. Он видел не просто людей, он видел векторы силы, точки напряжения, линии разлома. В его взгляде не было юношеской наивности, только холодный расчет и привычка выжи-

вать в мире, где ошибка измерялась не штрафом, а отсутствием следующего утра.

Бой курантов разнесся по залу ровно в полночь. Звук пришел не снаружи, а изнутри стен, из самой структуры здания, словно дом сам отсчитывал время, дышал вместе с городом. Первый удар прокатился медленно, тяжело, как камень, сброшенный в глубокое озеро. Тимур поднял бокал. Его движения были отточены до автоматизма, но в этот раз в них не было механичности. Пальцы сжали стекло не для того, чтобы выпить, а чтобы заземлиться. Янтарная жидкость в бокале дрогнула, поймала свет люстры и на секунду превратилась в жидкое золото, в котором отразилось лицо хозяина. Второй удар заставил воздух вибрировать. Дедушка Фанси перекрестился. Движение было плавным, почти незаметным, но в нем читалась не религиозность в привычном смысле, а признание чего-то большего, чем человеческая воля. Это был жест человека, который видел, как рушатся империи, и знал, что над всем этим есть порядок, недоступный разуму, но ощутимый кожей. Третий удар заставил люстры звякнуть тонким, почти стеклянным звуком. Мишка посмотрел на часы. Стрелки сдвинулись с мертвой точки, механика пришла в движение, но в его голове время словно остановилось. Он не смотрел на циферблат, чтобы узнать час. Он смотрел, чтобы зафиксировать момент перехода, точку, после которой прошлое перестает быть гарантом будущего. Четвертый удар пришелся в грудную клетку. Пятый отозвался в висках. Ше-

стой заставил тени в углах дрогнуть. Седьмой принес с собой запах снега и гари, хотя в зале было тепло и сухо. Восьмой удар прозвучал тише, будто время набрало воздух перед прыжком. Девятый отдался в полу, в ногах, в коленях. Десятый заставил хрусталь запеть тонким, неестественным голосом. Одиннадцатый удар был последним человеческим. Двенадцатый удар разнесся по залу ровно в полночь, и в этот момент пространство изменило плотность. Воздух стал вязким, время растянулось, словно кто-то потянул невидимую нить, связывающую прошлое и будущее. Двенадцать ударов. Наступал тысяча девятьсот девяносто седьмой. Год Огненного Быка. Звук не стих сразу. Он растворился в стенах, впитался в паркет, осел в легких, оставив после себя тишину, которая была тяжелее любого шума. Эхо последнего удара растворилось в тишине, и в этот момент трое мужчин поняли, что остались наедине не только друг с другом, но и с чем-то, что не имело имени.

Когда эхо последнего удара растворилось в тишине, Дедушка Фанси заговорил первым. Его голос был тихим, но каждый звук наползал на сознание, как туман, просачивающийся сквозь закрытые окна. Он не повышал тона, не делал пауз для эффекта, просто позволял словам падать в пространство, где они сами находили свое место.

- Знаете легенду о Быке и девочке, - спросил он, не глядя ни на кого, обращаясь к самому воздуху. - В древнем Китае говорили, что Бык это не просто животное. Это храни-

тель времени. Каждые двенадцать лет он возвращается, чтобы проверить не потеряла ли человечность свой путь.

Фанси не цитировал книги. Он говорил так, будто вспоминал личный опыт, будто стоял на том самом берегу, где легенда превращалась в историю. Его голос не дрожал, но в нем появилась та особая вибрация, которая заставляет слушателя не просто слышать, а чувствовать вес каждого слога. Мишка усмехнулся, но в его глазах мелькнуло что-то неуловимое. Усмешка была привычной броней, которую он носил годами, но в этот раз она не прикрыла внутреннюю настороженность.

- И при чем здесь мы, дед, - спросил он, и в голосе прозвучала не насмешка, а проверка, попытка вернуть разговор в русло привычной логики.

- При том, - ответил Фанси, и его пальцы медленно сжали подлокотники кресла, - что в год Быка рождается или умирает что-то важное. И есть старая легенда когда Бык приходит, он ищет ту, у кого старая душа в молодом теле. Мудрость веков в ребенке. Только она может уравновесить силу Быка. Без нее.. - старик замолчал, давая словам повиснуть в воздухе, и в этой паузе каждый почувствовал, как меняется давление в комнате. Тимур наливал коньяк, но его рука на мгновение дрогнула. Дрожь была почти незаметной, микроскопической, но для человека, который контролировал каждое движение десятилетиями, она стала громче любого крика.

- К чему ты клонишь, - спросил он, и в голосе не было раздражения, только необходимость закрепить реальность, вернуть разговор в границы, которые можно измерить и просчитать.

- К тому, что мир меняется, - ответил Фанси, встал и подошел к окну. Его шаги не звучали, будто пол сам подстраивался под его вес. За стеклом кружился снег, но в этот раз он падал не хаотично, а спиралью, будто воздух двигался по невидимым каналам. - Новые игроки не верят в честь. Верят в деньги. Но деньги плохой бог. Они требуют жертв, но не дают ответа на главный вопрос «зачем».

Последнее слово прозвучало так, будто оно было не частью фразы, а отдельным объектом, брошенным на стол.

И в этот момент реальность треснула.

Внезапно в зале погас свет. Не просто погас будто кто-то выдернул саму тьму из стен. Темнота не наступила, она возникла мгновенно, заполнив пространство не отсутствием света, а присутствием чего-то плотного, вязкого, живого. Хрусталь люстр зазвенел, хотя ветра не было. Звук был тонким, почти стеклянным, но в нем не было механики, только вибрация, исходящая от самих кристаллов, будто они откликались на невидимый импульс. Каминный огонь замерцал и изменил цвет. Вместо оранжевого пламя стало серебристым, холодным, почти призрачным. Оно не грело. Оно светилось изнутри, как расплавленный металл, остывающий в безвоздушном пространстве. Трое мужчин замерли. Не потому что

испугались, а потому что тело само отреагировало на изменение параметров среды.

- Это не просто перебой с электричеством, - прошептал Мишка, и в шепоте прозвучало не сомнение, а констатация факта, попытка назвать то, что не поддавалось названию.

- Да, - согласился Тимур.

Его голос звучал странно спокойно, будто он чего-то подобного и ждал. Спокойствие не было расслабленностью. Это была собранность, состояние, когда все ресурсы направлены на анализ, на удержание контроля над тем, что вырывается за границы понимания. Фанси медленно подошел к камину и протянул руку к серебряному пламени. Оно не обжигало. Оно холодило. Тепло уходило из кончиков пальцев, заменяясь странной, почти металлической прохладой, которая поднималась выше, к запястью, к локтю, к плечу.

- Слышите? - спросил старик, наклонил голову, и в этом движении не было любопытства, только узнавание.

В тишине особняка раздался звук. Тихий, едва уловимый. Будто где-то далеко плакал ребенок. Или смеялся. Невозможно было разобрать. Звук приходил и уходил, словно ветер в трубах, но трубы здесь были не при чем. Он возникал в воздухе, растворялся в стенах, возвращался из-под пола, не имел источника, но был абсолютно реальным. Пламя в камине вдруг вспыхнуло ярче, и на мгновение в огне возник образ силуэт девочки, стоящей спиной к ним, с книгой в руках. Образ не был четким. Он мерцал, дрожал, как отражение в

воде, которую тронул камень. Но в нем было что-то узнаваемое, не черты лица, не одежда, а состояние. Поза, в которой читалась не детская беззаботность, а сосредоточенность, тишина, внутренняя работа, которая старит душу быстрее, чем годы. Образ исчез так же быстро, как появился, но в зале осталось ощущение, будто кто-то только что вышел из комнаты, оставив дверь приоткрытой.

Тимур первым нарушил молчание.

- Что это было? - спросил он, и в голосе не было требования ответа, только необходимость зафиксировать событие, перевести его из сферы ощущения в сферу факта.

- Знак, - ответил Фанси. Его лицо было бледным, но не от страха, от узнавания. - Бык пришел. И он ищет свое дитя. Старую душу в молодом теле.

Мишка рассмеялся, но смех вышел нервным, срывающимся. Он был коротким, резким, как выдох после долгого задержания дыхания.

- Ты хочешь сказать, что нам нужно искать какую-то девчонку? - спросил он, и в вопросе прозвучала не насмешка, а попытка вернуть землю под ногами, закрепить реальность в привычных координатах.

- Я хочу сказать, - ответил Фанси, повернулся к ним, и в его глазах была такая древняя усталость, что обоим стало не по себе, - что грядут перемены. Те, кто не готов, исчезнет. Те, кто готов - он не договорил, и в этой незавершенности было больше смысла, чем в любом законченном предложении.

В этот момент где-то в глубине особняка упала книга. Громкий звук прокатился по коридорам, хотя в этой части дома никого не было. Звук не был случайным. Он был четким, направленным, будто предмет не упал, а был положен на пол с определенной силой, чтобы его услышали. Тимур резко встал. Его движения не были порывистыми, только решительными, отточенными годами принятия решений в условиях, где колебание стоило дороже ошибки.

- Пойду проверю, - сказал он, и в голосе не было вопроса, только констатация намерения.

Он вышел из зала, его шаги затихли в коридоре, но эхо от них не исчезло, а растворилось в стенах, будто дом провожал его взглядом. Мишка и Фанси остались вдвоем у камина, где пламя постепенно возвращало свой обычный оранжевый цвет, но тепло уже не казалось привычным. Оно стало чужим, будто камин грел не тело, а пространство, в котором происходило что-то необратимое.

- Ты действительно веришь в эту легенду? - тихо спросил Мишка, и в вопросе прозвучала не проверка убеждений, а попытка понять, насколько глубоко трещина в реальности ушла под поверхность.

Фанси посмотрел на него долгим взглядом:

- Я верю в то, что видел. А видел я, что много раз когда приходил год Быка, рождался кто-то особенный. Или умирал. И всегда всегда рядом оказывалась та, кого называли хранителем равновесия. Не судья. Не палач. Хранитель. -

Последнее слово прозвучало не как титул, а как состояние, как функция, как роль, которая не выбирается, а принимается, когда время требует.

Вернулся Тимур. В руках он держал книгу. Старинную, в кожаном переплете, с пожелтевшими страницами, которые пахли не пылью, а временем, будто кожа впитала десятилетия молчаливого ожидания.

- Нашел это в библиотеке, - сказал он, бросил книгу на стол, и звук удара был глухим, тяжелым, будто предмет сопротивлялся касанию поверхности. - Она упала с самой верхней полки. Той, до которой никто не дотягивается годами.

Фанси открыл книгу. Его пальцы не дрожали, но в движении была особая осторожность, будто он прикасался не к бумаге, а к живому существу, которое может среагировать на неверный жест. На странице была иллюстрация Бык и маленькая девочка, держащая его за уздечку. Подпись на древнекитайском. Линии были четкими, но в них не было жесткости, только плавность, которая заставляла глаз скользить, не задерживаясь на деталях, а впитывая образ целиком.

- Ты можешь прочитать? - спросил Тимур, и в голосе не было сомнения в способности старика, только необходимость услышать подтверждение, перевести визуальное в вербальное, закрепить реальность.

Старик водил пальцем по строкам, его губы шевелились, но звук не выходил наружу, только форма слов, которую

можно было угадать по движению губ:

- Когда Бык приходит в мир, он ищит ту, кто читает мудрецов. У кого в глазах древний свет. Кто задает вопросы, на которые нет ответов. Она ключ. Она баланс. Без нее сила Быка разрушит все. С ней с ней возможно то, о чем другие даже не смеют мечтать.

Фанси закрыл книгу, но не сразу. Его пальцы задержались на обложке, будто проверяя, не изменится ли поверхность, не выступит ли что-то новое, не появится ли знак, который укажет направление. Мишка покачал головой:

- Это все сказки. Нам нужны конкретные дела. Рынки, территории, люди, - в его голосе прозвучала не отвержение, а усталость от необходимости говорить на языке, который он понимает, в мире, который требует цифр, схем, рычагов влияния.

- Территории и люди это пыль, - оборвал его Фанси, и его голос вдруг стал жестким, как сталь, не от гнева, а от ясности, которая не оставляет места для компромиссов. - Сила не в том, сколько у тебя людей. Сила в том, кто стоит рядом с тобой, когда приходит время Быка, - он закрыл книгу и посмотрел на Тимура. - Ты чувствуешь. Что-то меняется. Будто сама судьба переплетает нити. И где-то там - он махнул рукой в сторону окна, в сторону спящей Москвы, - уже идет та, кто изменит все.

Тимур молчал. Он не отводил взгляд от книги, но его сознание уже работало в другом измерении, где факты переста-

вали быть просто фактами, а становились элементами системы, которая требовала переосмысления. Он думал о странном совпадении сегодня утром ему позвонил старый знакомый, Сократ, и сказал, что нашел то, о чем они говорили. Не уточнил, что именно. Просто сказал: «Завтра привезу. Это то, что ты искал, даже не зная этого». Фраза не была обещанием. Она была констатацией, будто Сократ не предлагал, а информировал о свершившемся, о том, что уже запущено и не может быть остановлено.

- Старая душа, - повторил Фанси, будто читая его мысли, и в повторе не было вопроса, только подтверждение, будто он ставил печать на документ, который уже был подписан невидимой рукой. - Сократ что-то нашел.

- Откуда ты знаешь про Сократа? - насторожился Тимур, и в настороженности не было недоверия, только необходимость проверить каналы информации, убедиться, что пространство не сужается, что нет скрытых векторов влияния.

- Потому что я знаю, как работает судьба, - ответил старик, улыбнулся, но в улыбке не было радости, только признание того, что порядок существует вне человеческого контроля. - Она всегда посылает знаки. Нужно только уметь их видеть.

За окном рассветало. Первое января тысяча девятьсот девяносто седьмого года вступало в свои права. Где-то гремели фейерверки, люди обнимались, загадывали желания, но в этом особняке на севере Москвы трое мужчин понимали: настоящие перемены не приходят с фейерверками. Они при-

ходят тихо. Как девочка с книгой. Как старая душа в молодом теле. Как ответ на вопрос, который ты еще не успел задать. Тимур посмотрел на часы:

- Скоро утро. Скоро приедет Сократ. И он привезет то, что изменит все.

Тимур еще не знал, что через несколько часов его жизнь, жизнь Мишки, Фанси и всей той системы, что они строили годами, перевернется с ног на голову. Что маленькая одиннадцатилетняя девочка из обычного московского двора станет тем самым ключом, о котором говорилось в древних легендах. Что Яна Карманова это и есть та самая старая душа. Но пока он просто налил еще коньяка и стал ждать рассвета. Жидкость в бокале не дрогнула. Она стояла неподвижно, будто время вокруг нее замедлилось, подстраиваясь под ритм ожидания. А где-то в другом конце Москвы девочка просыпалась в своей комнате, не подозревая, что сегодня ее увезут в особняк, где решится ее судьба. Где она впервые встретится с теми, кто держит Москву. Где поймет, что все те книги, что она читала ночами напролет, были не просто чтением. Были подготовкой. К тому, что должно было случиться. К тому, что уже началось. Под бой курантов.

Зал не отпускал их. Воздух оставался плотным, пропитанным невидимыми нитями, которые связывали прошлое, настоящее и будущее в единый узел, который нельзя было развязать, только принять. Тимур сидел неподвижно, но его разум работал с интенсивностью, которую не выдавало те-

ло. Он перебирал в памяти каждый звонок, каждую встречу, каждый намек, который раньше казался случайным, а теперь выстраивался в линию, ведущую к этой точке. Сократ не был просто знакомым. Он был проводником, человеком, который умел видеть структуры там, где другие видели хаос, и его слова не были предсказаниями, а отчетами о том, что уже запущено. Фанси смотрел в огонь, но его взгляд был направлен внутрь, в ту часть сознания, где хранятся не воспоминания, а отпечатки событий, которые еще не произошли, но уже существуют в потенциале. Он знал, что легенды не выдумываются. Они кристаллизуются из повторяющихся паттернов, из циклов, которые человечество проходит снова и снова, каждый раз в новой форме, но с тем же содержанием. Бык не был мифом. Он был метафорой силы, которая требует направления, которая разрушает, если ее оставить без контроля, и созидает, если ее направить через тот, кто умеет держать баланс. Мишка стоял у окна, но его внимание было не на улице, а на внутренней карте, которую он строил годами, и которая теперь требовала пересмотра. Он привык к миру, где правила пишутся деньгами, где сила измеряется количеством людей под ружьем, где территория определяется забором и охраной. Но сейчас он чувствовал, что земля под ногами меняет плотность, что правила, которые он считал абсолютными, оказываются лишь надстройкой над чем-то более глубоким, более древним, что не подчиняется логике рынка, а следует законам, которые невозможно просчи-

тать, только почувствовать.

Глава 3.

Глава 3. Новый год

Читать под трек **«Nor Tari» - Aram MP3**

«Мир ждет нового поворота. Я тоже жду ночной сказки. Мир затаил дыхание, как мы. Счет идет на часы, минуты и секунды». (с)

Тишина в зале не была пустой. Она была насыщенной, как воздух перед грозой — тяжёлой от накопленного напряжения, от невысказанных мыслей, от решений, которые ещё не были приняты, но уже существовали в пространстве между ними. Это была тишина ожидания, но не пассивного — активного, напряжённого, почти осязаемого. Каждый из троих чувствовал её по-своему: Тимур — как давление на кожу, Фанси — как изменение гравитации вокруг себя, Мишка — как сдвиг внутреннего компаса, указывающего теперь не на север, а куда-то вглубь, туда, где законы рынка и силы теряли смысл. Они не говорили. Не нужно было. Слова здесь были бы шумом, помехой, попыткой заглушить то, что уже звучало без звука — ритм приближающегося перелома. Сократ ехал к ним не просто с информацией. Он вёз точку невозврата. Момент, после которого нельзя будет вернуться к прежним правилам, прежним ролям, прежней уверенности в том, кто держит власть и почему. Девочка спала или просыпалась — неважно. Важно было другое: она уже была частью урав-

нения. Не как переменная. Как константа. Как факт. И этот факт менял всё. Тимур Сомегрэлло знал это чувство кожей. Не разумом, не интуицией, а именно кожей, которая помнила холод сырого подвала, запах пороха и крови, смешанный с дешёвым табаком, и тот особый гул в ушах, когда время сжимается в точку и ты понимаешь: сейчас или никогда. Он сидел в кресле, откинув голову на высокую спинку, и смотрел в потолок, где трещина шла от угла к люстре, напоминая русло высохшей реки. Его пальцы, длинные, с потемневшими суставами и шрамами на костяшках, лежали на подлокотнике неподвижно. Но внутри него двигался механизм, отлаженный десятилетиями, каждый зубец которого был заточен на выживание. Он не верил в судьбу. Он верил в инерцию. В то, что любое действие, брошенное в мир, возвращается не как наказание, а как физика. Карма, по его мнению, была просто другим названием закона сохранения энергии. Ты отдаёшь удар в пустоту, он возвращается в твои суставы. Ты ломаешь чужую жизнь, и через годы твой сын смотрит на тебя теми же глазами, которыми ты смотрел на отца. Он знал это не из книг. Он знал это по шрамам. По тишине, которая оставалась после разговоров. По тому, как люди отводили взгляд, когда он входил в комнату. Не из страха. Из узнавания. Он не был чужим в этом мире. Он был его частью. И эта часть не просила разрешения существовать.

Он родился не в год, а в эпоху перелома. Когда карты перетасовывались заново, а старые иерархии рассыпались в

пыль, оставляя на поверхности только тех, кто умел дышать под водой. Его отец не был бандитом. Он был инженером. Строил мосты, рассчитывал нагрузки, верил в цифры и чертежи. Но цифры не защитили его, когда в подъезде на лестничной клетке нашли его тело с пробитой грудной клеткой и пустыми карманами. Мать выжила. Она уехала. Оставила одиннадцатилетнего мальчика с соседями, которые кормили его из жалости, и с улицей, которая кормила его по расчёту. Тимур не плакал. Он наблюдал. Он научился читать не слова, а расстояния. Сколько шагов до выхода. Где тень глубже. Кто смотрит в глаза, а кто в спину. В четырнадцать он уже знал, как открывается замок на складской двери, как ведёт себя человек, когда ему говорят отдай, а не попроси. В шестнадцать он впервые взял в руки не игрушку, а ствол. Не ради убийства. Ради понимания веса. Металл был холодным, тяжёлым, честным. Он не лгал. Он просто существовал. И в тот момент Тимур понял: мир не делится на добрых и злых. Он делится на тех, кто держит, и тех, кого держат. Он выбрал первую категорию не из злобы. Из необходимости.

Его путь не был прямой линией. Он был спиралью. Каждый виток поднимал его выше, но и затягивал глубже в систему, где кровь смывалась дождём, а договорённости скреплялись молчанием. Он не любил слово «брат». Для него братство было не кровным, а функциональным. Ты полезен, ты в системе. Ты бесполезен или опасен, ты вылетаешь. Он не кричал. Не махал руками. Он появлялся в нужный момент, в

нужном месте, с нужной информацией. Люди думали, что он везучий. Он знал, что везение это математика, которую другие ленятся считать. Он помнил лицо первого, кого он убрал. Не руками. Головой. Человек по фамилии Зайцев, торговец металлом, который решил, что правила можно менять в одностороннем порядке. Тимур не стрелял. Он просто перенаправил поток. Договорился с поставщиками, изменил логистику, подменил накладные. Зайцев разорился за три месяца. Повесился в гараже. Тимур пришёл на похороны. Не из раскаяния. Из уважения к завершённому циклу. Он стоял у гроба, смотрел на восковое лицо, и думал о том, как легко человек ломается, когда у него забирают не деньги, а иллюзию контроля. С тех пор он работал тоньше. Не ломал. Развязывал. Не убивал. Доводил до точки, где человек сам делал выбор. Иногда выбор был пулей. Иногда был бегством. Иногда был признанием. Тимур принимал любой исход. Главное, чтобы система оставалась целой.

Его ум был похож на архив. Без эмоций, без декора. Только факты, связи, вероятности. Он не спал по ночам не из-за паранойи, а потому что тишина была лучшим местом для анализа. Он прокручивал диалоги, искал фальшь в интонациях, запоминал микровыражения. Он знал, когда человек врёт по губам, когда по дыханию, когда по тому, как он ставит бокал на стол. Это не был дар. Это была привычка, выточенная годами, когда ошибка стоила не штрафа, а жизни. Он не боялся смерти. Он боялся неготовности. Боялся момента,

когда система даст трещину, а он не увидит её до того, как она расколется. Поэтому он всегда держал три варианта выхода. Не два. Не один. Три. Первый для победы. Второй для отступления. Третий для случая, если всё рухнет. Он называл это дуга. И эта дуга спасла его не раз. В восемьдесят восьмом, когда горел порт, он вышел через канализацию, оставив за спиной двух решал, которые думали, что контролируют ситуацию. В девяносто третьем, когда пришли с обыском, у него уже были документы, счета, маршруты, и он просто исчез на сорок семь дней, пока шум стихал. Он не прятался. Он ждал. Потому что знал: любой шторм имеет эпицентр. И если ты не в нём, ты выживаешь. Он не был жестоким ради жестокости. Жестокость была инструментом, как скальпель или лом. Иногда нужен был точный разрез. Иногда грубый удар. Но он никогда не наслаждался. Наслаждение было слабостью. Оно размывало фокус. Он видел в этом опасность. Поэтому подавлял. Не подавлял в смысле запрещал. Он переводил в действие. В расчёт. В следующий ход.

Сейчас, находясь в зале своего особняка, он ждал. Не Сократа. Ждал изменения плотности. Он чувствовал, как воздух сгущается, как нити, о которых говорил Фанси, начинают вибрировать. Девочка. Одиннадцать лет. Обычный двор. Обычные книги. Но Фанси не ошибался никогда. А если Фанси говорит ключ, значит, это не метафора. Тимур знал, что ключи не находят. Их создают. Или они создают тебя. Он вспомнил своё детство не с ностальгией, а как чертеж.

Каждый шаг был рассчитан на выживание. Но выживание не равно жизнь. Жизнь начинается там, где перестаёшь защищаться и начинаешь понимать, за что. Он ещё не знал, за что будет стоять эта девочка. Но он знал, что она не будет просить разрешения. Как дождь. Как гравитация. Как карма. Он сделал глоток коньяка. Жидкость обожгла горло, но не согрела. Он не искал тепла. Он искал ясности. И она пришла. Не в виде озарения. В виде тишины внутри. Та самая тишина, которая бывает перед выстрелом. Когда палец уже на спуске, но курок ещё не сорван. Он закрыл глаза. И увидел не прошлое. Увидел линию. От своего первого шага по холодной лестнице до этого кресла. До этой ночи. До девочки, которая просыпается в другом конце города. Линия не прерывалась. Она просто меняла направление. И он понял: он не будет управлять этим. Он будет частью этого. Как река не управляет руслом. Она просто течёт. Но если русло сужается, давление растёт. И тогда вода находит выход. Или пробивает стену.

Его руки не дрожали. Никогда. Даже тогда, когда в висок упирались два ствола, а за спиной кричали «решай». Он смотрел в глаза стрелку и видел не зрачки, а страх. Страх был всегда. У всех. У тех, кто стрелял. У тех, кто приказывал. У тех, кто прятался за спинами. Только у него он был не снаружи. Он был внутри, в виде холодного расчёта. Он не подавлял его. Он использовал. Страх это топливо. Если ты не сгораешь, ты двигаешься. Он помнил лицо того, кто

первым сказал ему «ты никто». Это был человек в костюме, с золотой цепью, с голосом, который дрожал от собственной важности. Тимур не ответил. Он просто записал. Запомнил интонацию, запах духов, трещину на левом ботинке. Через год этот человек сидел на том же стуле, на котором сейчас сидел Тимур, и просил не убивать. Тимур не убил. Он заставил его уйти. В никуда. Без документов. Без связей. Без имени. Потому что смерть это быстро. А пустота это медленно. И пустота учит лучше. Он не считал себя палачом. Он считал себя настройщиком. Мир был инструментом, который расстроился. Его задача была не ломать его, а возвращать в тональность. Иногда для этого нужно было убрать фальшивую ноту. Иногда просто подождать, пока она сама замолчит. Он не верил в добро. Он верил в баланс. В то, что если ты забираешь, ты должен отдавать. Если ты давишь, ты должен нести вес. Если ты ломаешь, ты должен собирать. Иначе система падает. А падение это не конец. Это хаос. А хаос это то, из чего он вырос. Он не хотел, чтобы другие росли в нём.

Он помнил запах первого дождя на раскалённом асфальте. Тогда ему было двенадцать. Он сидел на краю крыши пятиэтажки, свесив ноги над пустотой, и смотрел, как капли ударяются о землю, поднимая пыль. В тот день он понял, что вода не спрашивает, куда ей течь. Она просто находит путь. Также он позже будет находить пути в лабиринтах человеческих интересов, не ломая стены, а просачиваясь сквозь трещины. Его первое серьезное дело не связано с оружием. Оно

связано с доверием. Вернее, с его отсутствием. Ему поручили перевезти пакет. Не деньги. Документы. С именами, датами, маршрутами. Он шёл пешком. Двенадцать кварталов. Каждый шаг был взвешен. Он знал, что за ним могут следить. Он знал, что если его остановят, пакет придётся уничтожить. Он нёс его в кармане куртки, прижимая ладонью к рёбрам. Когда он добрался до точки, руки были мокрыми от пота, но дыхание ровным. Тот, кто принял пакет, посмотрел на него долго. Не сказал «спасибо». Просто кивнул. Этот кивок стал первым камнем в фундаменте его репутации. Не громогласной. Не кровавой. Надёжной. В мире, где каждый врал, где каждый нёс двойное дно, он стал тем, чьё слово не требовало проверки. Это было опаснее любого пистолета. Потому что на пистолет можно ответить выстрелом. На доверие ответить нечем. Его можно только предать. А предательство Тимур не прощал. Не из морали. Из логики. Предательство это разрыв цепи. А цепь держит всё. Если одно звено лопнет, вся конструкция рассыплется. Поэтому он рубил звено до того, как оно лопнет. Чисто. Без лишних движений. Он помнил глаза человека, который попытался сдать его в девяносто первом. Не было мольбы. Была только пустота. Тимур не смотрел на него, когда всё закончилось. Он смотрел на свои руки. Они были чистыми. Физически. Но внутри он чувствовал тяжесть. Не раскаяния. Ответственности. Он взял на себя решение убрать человека. Значит, он взял на себя и последствия. Это правило он не нарушал ни-

когда. Даже когда предлагали сделать всё тихо, без его участия. Он всегда был там. Всегда видел. Всегда подписывал молчаливое согласие. Потому что тот, кто прячется за спины, не имеет права на место у огня. А он всегда сидел у огня. Даже когда огонь был потушен. Он помнил его жар. Помнил, как он выжигает слабину.

В его кабинете, который он покинул перед тем, как прийти в этот зал, на стене висела карта. Не города. Не страны. Карта связей. Линии, узлы, точки пересечения. Он рисовал её сам. Карандашом. Когда что-то менялось, он стирал и рисовал заново. Никто не видел эту карту. Только он. Это была не схема бизнеса. Это была схема жизни. Он знал, кто кому должен. Не деньги. Факты. Услугу. Молчание. Время. В его мире валютой было не золото. Была память. Кто помнит, тот держит. Кто забывает, тот теряет. Он учил этому тех, кто приходил к нему за советом. Не словами. Примером. Он не читал лекций. Он просто жил так, что другие начинали подражать. Неосознанно. Как растения тянутся к свету. Он был светом, который не слепил. Он согревал только тех, кто не боялись обжечься. Его отношения с Фанси были странными для стороннего глаза. Не подчинение. Не дружба. Синхронность. Они могли сидеть часами, не произнося ни слова. И при этом понимать всё. Это редкость. В мире, где каждый хочет быть услышанным, они научились слушать тишину. В этой тишине рождались решения. Не на бумаге. В воздухе. Как запах озона перед грозой. Он чувствовал, когда Фанси

принимает решение. Не по взгляду. По тому, как меняется давление в комнате. Как будто кто-то открыл окно в другом городе. И ветер дошёл до сюда. Он уважал это. Не как подчинённый. Как равный. Потому что равенство это не одинаковость. Это соразмерность. Их веса совпадали. Не в мышцах. В решениях.

Сейчас он ждал Сократа. Не из любопытства. Из необходимости. Он знал, что Сократ привезёт не вещь. Он привезёт информацию. А информация это оружие, которое не ржавеет. Он знал, что девочка изменит всё. Не потому, что она сильна. Потому, что она чиста. В мире, где каждый покрыт слоем лжи, чистота это аномалия. Аномалии ломают системы. Или обновляют их. Он не знал, что будет. Но он знал, что должен быть готов. Готов не к защите. Готов к принятию. Потому что сопротивляться течению бессмысленно. Лучше стать частью потока. Он сделал ещё глоток. Коньяк был тёплым. Или это кровь приливала к горлу. Он не различал. В такие моменты физиология и психология сливаются. Ты не тело. Ты не мысль. Ты точка напряжения. Точка, где прошлое встречается с будущим. И он был этой точкой. Он чувствовал, как в груди закипает не страх. Предвкушение. Не того, что выиграет. Того, что произойдёт. Потому что карма не ждёт. Она приходит. Всегда. И он был готов встретить её лицом к лицу. Не с оружием. С открытыми глазами. Потому что только тот, кто не отводит взгляд, видит истину. А истина всегда проста. Она просто невыносима для тех, кто

привык прятаться. Он не прятался. Никогда. Даже в детстве, когда соседи шептались о его отце, он стоял посреди двора и смотрел на них. Не с вызовом. С вопросом. Почему вы боитесь того, чего не знаете? Этот вопрос остался с ним навсегда. Он задавал его себе каждый раз, когда принимал решение. Не что я сделаю? А чего я боюсь не сделать? И ответ всегда был один. Он боялся не ошибиться. Он боялся остановиться. Потому что остановка это начало конца. А конец он не принимал. Не в жизни. Не в системе. Не в карме. Он продолжал. Даже когда продолжение было больно. Даже когда оно требовало жертв. Потому что жертва это не потеря. Это обмен. Ты отдаёшь часть себя, чтобы получить целое. И он был готов отдать. Не всё. Но достаточно. Чтобы линия не прервалась. Чтобы девочка, которая просыпалась в другом конце города, не чувствовала одиночества. Чтобы она знала, что есть те, кто держит небо. Даже если небо тяжёлое. Даже если оно падает. Они его подхватят. Или примут удар. Потому что это их выбор. Не долг. Выбор.

Воздух в зале стал ещё плотнее. Тимур открыл глаза. На потолке трещина казалась ярче. Или это рассвет пробивался сквозь шторы. Он не знал. Но он почувствовал: время пришло. Не утро. Момент. Тот самый, когда выбор уже сделан, но ещё не реализован. Он встал. Не резко. Плавно. Как вода, нашедшая новый русло. Его тело не хрустнуло. Не застонало. Оно просто приняло положение готовности. Он подошёл к окну. Раздвинул шторы на сантиметр. Улица была пуста. Но

он знал: пустота это обман. Пустота всегда полна ожидания. Он вернулся к креслу. Сел. Ждал. Не Сократа. Себя. Того себя, который должен был появиться, когда дверь откроется. Того, кто уже не будет прежним. Потому что после этого часа Тимур Самегрелло умрёт. Или родится. Он не знал. Но он был готов. Всегда был готов. Это и было его кармой. Не наказание. Не награда. Готовность. Вечная. Неустанная. Абсолютная.

Тишина в зале дрогнула. Не от звука. От взгляда. Тимур медленно повернул голову. В кресле напротив, у камина, сидел Рубен Аракелович «Дедушка Фанси». Его присутствие не требовало громких слов или резких жестов. Когда Рубен Аракелович входил в комнату, воздух становился плотнее, словно гравитация в этом квадрате метров усиливалась без предупреждения. В мире, где власть измерялась криком, оружием и количеством охранников, Фанси был тихой аномалией. Он не командовал. Он позволял другим осознать, что команда уже прозвучала, просто в частоте, недоступной обычному слуху. Его кличка Фанси прилипла к нему не из-за любви к роскоши, а из-за иронии судьбы: люди, ожидавшие увидеть грубого вожака, сталкивались с человеком, чья манера говорить, пить чай, задавать вопросы была выверена до миллиметра. Он не играл роль. Он был её архитектором. Тимур знал это лучше всех. Потому что он видел, как Фанси строил не бизнес. Строил пространство. Где правила писались не кровью, а тишиной. Где уважение не покупа-

лось, а зарабатывалось годами. Где карма была не мистикой, а бухгалтерией. Где каждый поступок учитывался. Не на бумаге. В памяти. В системе. Фанси не верил в удачу. Верил в последовательность. В то, что если ты делаешь одно и то же правильно долго, результат неизбежен. Он не спешил. Не суетился. Он пил чай. Медленно. Помешивая ложкой против часовой стрелки. Это была не привычка. Ритуал. Ритуал, который говорил: я контролирую время. Пока я помешиваю, мир ждёт. И мир ждал. Потому что Фанси не просил. Он просто был. И этого было достаточно.

Его детство не было счастливым. Но было честным. Родился в деревне, где земля пахла дождём и коровьим навозом. Где отец работал на заводе, мать шила на машинке. Где деньги считались не по купюрам, а по кускам хлеба. Где слово старшего не обсуждалось. Принималось. Как закон природы. Он рано понял: сила не в кулаках. В выдержке. В умении молчать, когда хочется кричать. В умении ждать, когда хочется бежать. В умении прощать, когда хочется мстить. Не из слабости. Из расчёта. Мести требует энергии. Прощение её сохраняет. А энергия это ресурс. Ресурс нельзя тратить на эмоции. Его нужно инвестировать в будущее. Он инвестировал в связи. В доверие. В память. Он запоминал лица. Не красивые. Честные. Те, что не прячут страх. Не маскируют жадность. Те, что смотрят прямо. И в этих глазах он видел будущее. Не розовое. Реальное. Где каждый выживает, как может. Но выживает вместе. Не потому, что любит. Потому,

что понимает: одиночество это смерть. А система это жизнь. Он строил систему не ради себя. Ради тех, кто придёт после. Кто не будет знать его имени. Но будет жить по его правилам. Не писанным. Внутренним. Как мораль. Не религиозная. Практическая. Делай так, чтобы не разрушить. Защищай тех, кто слабее, не из жалости. Из необходимости. Потому что слабость сегодня это сила завтра. Если ты её сломаешь, ты сломаешь себя. Он знал это. Не из книг. Из жизни. Из тех, кого он видел. Кто ломал слабых. И кто ломался сам. Не сразу. Через годы. Когда приходило время. Когда карма стучала в дверь. Не громко. Тихо. Как дождь. И дверь открывалась. Не от страха. От усталости. От понимания: нельзя бежать от себя. Всегда.

Его отношение к смерти было спокойным. Не фаталистичным. Прагматичным. Смерть это не конец. Это переход. Смена агрегатного состояния. Как вода в пар. Как металл в расплав. Он не боялся её. Боялся бессмысленности. Боялся прожить жизнь и не оставить следа. Не имя. Не деньги. След. В умах. В поступках. В тех, кто пойдёт за ним. Он учил не словам. Примером. Он не кричал. Не угрожал. Он просто смотрел. И в этом взгляде помещался весь мир. Со всеми его законами, правилами, исключениями. Те, кто выдерживал взгляд, шли дальше. Те, кто отводил, уходили. Естественный отбор. Не жестокий. Необходимый. Он не судил. Принимал. Принимал людей такими, какие они есть. Со всеми их слабостями, страхами, жадностью. Не чтобы использовать. Что-

бы понимать. Понимание это ключ. Не к человеку. К ситуации. Когда ты понимаешь, почему человек врёт, ты не сердишься. Ты используешь ложь. Не против него. Для системы. Потому что система выше личности. Личность меняется. Система остаётся. Он был системой. Не в смысле власти. В смысле структуры. Он держал каркас. Не давал ему рухнуть. Даже когда давление было невыносимым. Даже когда всё горело. Он сидел. Пил чай. Ждал. Потому что знал: огонь гаснет. А пепел остаётся. И на пепле можно строить. Лучше. Чище. Прочнее. Он не верил в возрождение. Верил в перестройку. В то, что старое должно уйти, чтобы дать место новому. Но уйти не с шумом. С достоинством. Как уходит старик. Не плача. Не крича. Просто закрывая глаза. И это было его достоинство. Не показное. Внутреннее. То, что не требует свидетелей. То, что остаётся с тобой, когда все уходят. Когда гаснет свет. Когда остаётся только ты и твоя совесть. И совесть молчит. Потому что всё сделано правильно. Не идеально. Правильно. В рамках возможного. В рамках кармы.

Когда годы начали сказываться, его тело стало напоминать старый мост: прочный, но знающий свои трещины. Он не жаловался. Не скрывал. Принимал. Для него старость не была упадком, а была завершением цикла. Он говорил мало, но каждое слово несло вес отработанного металла. Он смотрел на мир не как на поле битвы, а как на таблицу умножения: всё уже сосчитано, осталось только проверить. В последние годы он часто сидел у окна, наблюдая за дождём. Не пото-

му, что любил погоду, а потому, что дождь не спрашивает разрешения. Он просто падает. И в этом была его последняя истина: власть не в том, чтобы управлять стихией, а в том, чтобы знать, когда отступить, чтобы она сделала своё дело.

Сейчас он смотрел в огонь. Но видел не пламя. Видел нити. Тонкие. Прочные. Связывающие всех в зале. Тимура. Мишку. Девочку. Сократа. Себя. Он видел, как нити натягиваются. Как вибрация идёт от одного к другому. Не через слова. Через присутствие. Через тишину. Через ожидание. Он знал, что утро принесёт не новости. Изменение. Не внешнее. Внутреннее. То, что ломает старые привычки. Что заставляет пересмотреть всё. Что требует нового взгляда. На мир. На себя. На карму. Он не боялся этого. Ждал. С тем же спокойствием, с которым ждал дождя в детстве. Не зная, когда пойдёт. Зная, что пойдёт. Обязательно. Потому что небо не может держать воду вечно. Земля не может пить её вечно. Всё возвращается. Всегда. Это закон. Не физический. Человеческий. Ты отдаёшь. Получаешь. Не сразу. Не в том виде. Но получаешь. И он был готов принять. Не с открытыми руками. С открытым взглядом. Потому что взгляд это всё. В нём правда. В нём карма. В нём будущее. Он не знал, каким оно будет. Но знал, что оно будет. И это было достаточно. Для него. Для системы. Для девочки, которая просыпалась в другом конце города. Для всех. Потому что все связаны. Не видимыми нитями. Невидимыми обязательствами. Не перед законом. Перед собой. Перед кармой. Перед тем, что оста-

нется после. Он не хотел остаться в памяти. Хотел остаться в действиях. В тех, кто пойдёт за ним. Кто будет держать баланс. Кто будет пить чай медленно. Кто будет молчать, когда нужно. Кто будет говорить, когда нельзя. Кто будет жить. Не красиво. Правильно. В рамках кармы. В рамках тишины. В рамках ожидания. И он ждал. Не утра. Себя. Того, кто должен был появиться, когда дверь откроется. Того, кто уже не будет прежним. Потому что после этого часа Рубен Аракелович умрёт. Или родится. Он не знал. Но он был готов. Всегда был готов. Это его карма. Не наказание. Не награда. Готовность. Вечная. Неустанная. Абсолютная.

Тишина в зале сгустилась. Не от отсутствия звука. От присутствия человека у окна. Кирилл Иванов, он же «Мишка», стоял неподвижно, но его неподвижность была не покоем. Напряжением. Как тетива лука перед выстрелом.

Мишка.

Прозвище, рождённое из контраста. Человек с глазами, в которых читалась холодная математика расчёта, и манерой, которая могла быть неожиданно простой, почти детской. Он не вписывался в каноны. Никогда. Даже когда мир требовал чётких ролей, он оставался аномалией. Не из бунта. Из необходимости. Он знал, что система ломает тех, кто пытается вписаться. И сохраняет тех, кто держит дистанцию. Не физическую. Психологическую. Дистанцию между собой и маской. Между словом и действием. Между прошлым и настоящим. Он не играл роли. Жил в них. И это делало его непред-

сказуемым даже для тех, кто считал, что разгадал его код. В мире, где сила измерялась громкостью, Мишка говорил тихо. В мире, где власть строилась на страхе, Мишка строил на уважении. Не из идеализма. Из прагматизма. Он знал: страх ломает, уважение связывает. А связи держат систему, когда всё остальное рушится. Тимур чувствовал это кожей. Фанси видел это в нитях. Мишка просто был. Без объяснений. Без оправданий. Без масок. Только суть. И эта суть ждала. Не Сократа. Утра. Девочки. Кармы. Себя.

Он вырос на перекрёстке эпох. Когда старый мир уже трещал по швам, а новый ещё не научился дышать. Его район был не местом. Лабораторией. Где проверялись люди на прочность. Где выживали не самые сильные. Самые гибкие. Он понял это рано. Когда увидел, как человек с репутацией железного ломается от одного взгляда. Не от боли. От осознания: правила изменились. А он не заметил. Мишка заметил. Всегда. Он читал не газеты. Лица. Не губы. Пальцы. Дрожат значит врёт. Сжаты в кулак значит готовится. Лежат спокойно значит уверен. Он учился не в школах. На улицах. На развалинах. На встречах, где каждое слово весило больше золота. Где молчание было дороже признания. Он не искал славы. Иискал точку опоры. Ту, где можно стоять, не падая. Не цепляясь. Просто стоять. И он нашёл её. В себе. Не в гордыне. В принятии. Принятии того, что он часть мира. Не его хозяин. Не его раб. Часть. И у каждой части есть функция. Его функция была держать баланс. Не идеальный. Возмож-

ный. Тот, где выживают не самые сильные. Самые точные. Он не любил оружие. Любил его отсутствие. Потому что настоящий контроль не в стволе. В возможности не стрелять. В умении убедить без угроз. В способности заставить отступить, не сделав шага. Это было его искусство. Не врождённое. Выкованное. Годы, ошибки, падения, подъёмы. Каждый шаг оставлял шрам. Не на теле. В памяти. Он хранил их. Не как трофеи. Как уроки.

Урок первый: не доверяй словам.

Урок второй: не бойся тишины.

Урок третий: карма не ждёт. Она идёт. Всегда. В ногу с тобой. Или против тебя. Зависит от того, как ты идёшь. Ровно. Или криво.

Он шёл ровно. Не потому, что был идеальным. Потому, что не позволял себе кривить. Даже когда кривизна сулила выгоду. Даже когда прямой путь вёл в стену. Он шёл. Потому что стена это не конец. Это проверка. И он проходил проверки. Не с улыбкой. С уважением. К тем, кто их ставил. К тем, кто шёл рядом. К тем, кто оставался позади. Он не бросал своих. Не из сентиментальности. Из расчёта. Предательство это вирус. Если не остановить, съест всё. Поэтому он резал. Не жалел. Не мстил. Останавливал. Как хирург. Не ради крови. Ради жизни. Системы. Кармы. Той, что держит всех. Не видимыми цепями. Невидимыми обязательствами. Не перед законом. Перед собой. Перед теми, кто придёт после. Перед девочкой, которая просыпалась в другом конце города. Он

не знал её. Но чувствовал. Как чувствует земледелец дождь. По воздуху. По запаху. По напряжению в теле. Она шла. Не пешком. По линиям. По судьбам. По тем самым нитям, что связывали всех в зале. И он был готов. Не встречать. Принять. Потому что принятие это не слабость. Сила. Сила того, кто не боится нового. Кто понимает: старое уходит не с шумом. С тишиной. Как уходит ночь. Не плача. Не крича. Просто уступая место свету. И он уступал. Не сдавался. Уступал. Разница в этом. Сдача это конец. Уступка это начало. Начало нового цикла. Новой кармы. Нового рассвета. Он смотрел в окно. Видел не улицу. Линию. От своего первого шага по разбитому асфальту до этого окна. До этого утра. До девочки. Линия не прерывалась. Она просто меняла направление. И он понял: он не будет управлять этим. Будет частью. Как ветер не управляет листьями. Просто дует. Но если листья падают, они знают, куда. Он знал. Всегда знал. Это его карма. Не наказание. Не награда. Путь. Вечный. Неустаный. Абсолютный. И он шёл по нему. Не назад. Не вперёд. Вглубь. В ту часть себя, где нет масок. Только суть. И эта суть ждала. Не Сократа. Себя. Того, кто должен был появиться, когда дверь откроется. Того, кто уже не будет прежним. Потому что после этого часа Кирилл Иванов умрёт. Или родится. Он не знал. Но он был готов. Всегда был готов. Это его карма. Не наказание. Не награда. Готовность. Вечная. Неустанная. Абсолютная.

Его первые шаги в мире взрослых правил были отмече-

ны не кровью, а доверием. Вернее, его отсутствием. Ему было пятнадцать, когда он впервые переступил порог кабинета, где решались вопросы, влиявшие на тысячи жизней. Он не вошёл. Его ввели. Двое мужчин в тёмных плащах. Без слов. Без представлений. Просто кивок. Он сел на край стула. Не откидываясь. Не расслабляясь. Тело было напряжено, как струна. Перед ним лежала папка. Не его. Чужая. С именами, датами, суммами. Он должен был решить: взять или уйти. Взять значит войти в систему. Уйти значит остаться снаружи. Он посмотрел на руки. Не свои. Те, что лежали на столе. Вены вздулись. Пальцы слегка дрожали. Человек боялся. Не его. Ситуации. Мишка понял: страх это не слабость. Это топливо. Если его направить, он двигает вперёд. Если его подавить, он взрывается изнутри. Он выбрал первое. Взял папку. Не дрогнув. Не ускоряя дыхание. Просто взял. И положил перед собой. Не открывая. Зная, что внутри не цифры. Испытание. Тест на готовность нести ответственность. Не за деньги. За людей. За те, чьи имена были вписаны в страницы. Он прошёл тест. Не словами. Присутствием. Тем, как он сидел. Как смотрел. Как молчал. Те, кто проверял, кивнули. Не одобрительно. С признанием. Он стал частью. Не подчинённым. Участником. Участником игры, где правила пишутся не на бумаге. В воздухе. В взглядах. В паузах между фразами. Он учился быстро. Не потому, что был гением. Потому, что не тратил время на сомнения. Он действовал. Ошибался. Корректировал. Действовал снова. Это

был цикл. Не линейный. Спиральный. Каждый виток поднимал выше. Затягивал глубже. Требовал больше. Он отдавал. Не жалел. Не копил. Отдавал. Потому что знал: задержка это начало гниения. Всё должно двигаться. Люди. Решения. Деньги. Идеи. Если остановишь одно, остановишь всё. А остановка это смерть. Он не хотел умирать. Хотел жить. Полностью. Без остатка. Без страховки. Без выхода. Потому что выход это иллюзия. Есть только путь. И он идёт по нему. Не назад. Не вперёд. Вглубь. В ту часть себя, где нет масок. Только суть. И эта суть ждёт. Не Сократа. Утра. Девочки. Кармы. Себя. Того, кто должен появиться, когда дверь откроется. Того, кто уже не будет прежним. Потому что после этого часа всё изменится. И он будет готов. Всегда готов. Это его карма. Не наказание. Не награда. Готовность. Вечная. Неустанная. Абсолютная.

***

Москва встречала этот рубеж так, как умеет встречать только она, с тем особым, ни с чем не сравнимым состоянием, когда в воздухе висит одновременно и надежда, и тревога, и усталость, и предвкушение чего-то важного, что должно обязательно случиться, но что именно, никто сказать не мог. Год тысяча девятьсот девяносто шестой уходил в историю как время, когда Россия еще не до конца поняла, кто она такая, чем хочет быть и куда идет. Это было время между эпохами, когда старое уже рухнуло, а новое еще не родилось. Время, когда в одном пространстве существовали несколько

реальностей, накладывающихся друг на друга, как слои прозрачной пленки, и каждая из них жила по своим законам. Реальность тех, кто успел урвать свой кусок пирога и теперь лихорадочно пытался его удержать, выстраивая вокруг себя стены из охранников, юридических фирм и счетов в оффшорах. Реальность тех, кто потерял все и теперь выживал как мог, продавая последние вещи на стихийных рынках, меняя сбережения на доллары по курсу, который менялся чаще, чем погода, и учась дышать в такт с экономической лихорадкой. Реальность тех, кто еще помнил Советский Союз и не мог принять новую действительность, кто ходил по улицам с опущенными головами, кто слушал радио и плакал в подушку, кто не понимал, почему вчера был инженер, а сегодня стал никем. И реальность детей, которые росли в этом хаосе и впитывали его как губка, еще не понимая, что это ненормально, что так не должно быть, что где-то есть другая жизнь, где время течет ровно, где родители не шепчутся по ночам, где деньги не падают с неба и не исчезают в один день, где безопасность не зависит от настроения человека с оружием за углом.

Тридцать первое декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года в Москве выдалось на редкость холодным. Мороз сковал город ледяной коркой, превратил улицы в сверкающие кристаллами галереи, заставил людей кутаться в шубы и пальто, прятать лица в шарфы, торопливо бежать по своим делам, оставляя за собой облака пара, которые тут

же замерзали в воздухе. Но даже холод не мог остановить предпраздничную суету. Люди спешили домой, неся пакеты с продуктами, бутылки шампанского, подарки для близких, их дыхание сбивалось, щеки горели, глаза блестели от ветра и от внутреннего напряжения, которое они называли праздником, хотя на самом деле это было нечто большее. Такси были все заняты, водители молча крутили баранки, слушая радио, где дикторы говорили о стабилизации, о росте, о перспективах, хотя за окнами машин стояли очереди из машин, которые не двигались уже третий час. В метро яблоку негде было упасть, люди стояли плечом к плечу, дышали одним воздухом, чувствовали тепло чужих тел, и в этом скоплении было что-то первобытное, будто город собрался в единый организм, чтобы пережить ночь, чтобы дожить до утра, чтобы встретить то, что придет следом. На дорогах стояли многокилометровые пробки, фары отражались в ледяной корке на асфальте, создавая иллюзию бесконечного потока света, который никуда не ведет, но все равно движется. Казалось, весь город одновременно решил оказаться в разных его концах, и теперь пытался это сделать, невзирая на препятствия, на холод, на усталость, на страх, который они не называли вслух, но который жил в каждом движении, в каждом взгляде, в каждом жесте.

По телевизору крутили праздничные концерты, старые советские фильмы, интервью с политиками, которые обещали, что следующий год будет лучше, чем этот. Голоса дик-

торов звучали уверенно, но в паузах между словами слышалось что-то другое, какая-то внутренняя дрожь, которую они пытались скрыть за улыбками, за жестами, за привычными фразами. Люди слушали эти обещания с той особой, выработанной годами скептической надеждой, когда уже не веришь, но все еще хочешь верить. Когда где-то в глубине души теплится крошечный огонек, который не гаснет, несмотря на ветер, несмотря на дождь, несмотря на годы разочарований.

А вдруг.

Вдруг на этот раз правда.

Вдруг действительно станет лучше.

Вдруг кто-то наконец услышит.

Вдруг система заработает.

Вдруг дети будут расти в мире, где не нужно бояться.

Вдруг..

Это слово висело в воздухе, как запах мандаринов, как звук хлопушек, как свет гирлянд, которые мигали в окнах, создавая иллюзию тепла, которое можно потрогать, которое можно сохранить, которое можно передать дальше.

Яна сидела у окна в своей комнате и смотрела на падающий снег. Ей было одиннадцать лет, и она еще не до конца понимала всю сложность того времени, в котором жила. Но она чувствовала. Чувствовала напряжение, которое витало в воздухе, чувствовала, как родители пытаются казаться спокойными, когда на самом деле тревожатся, чувствовала, как

бабушка вздыхает, глядя на новости, как дедушка молча качает головой. Она еще не умела формулировать эти ощущения, но они уже откладывались где-то глубоко внутри, формируя ту призму, через которую она потом будет смотреть на мир. Она видела, как взрослые говорят одно, а делают другое, как улыбаются, когда внутри пусто, как кивают, когда не согласны, как молчат, когда нужно кричать. Она видела, как мир трещит по швам, как старые правила перестают работать, как новые еще не написаны, как люди мечутся между прошлым и будущим, не находя опоры ни там, ни здесь. И в этом хаосе она нашла свое тихое место, свою внутреннюю тишину, которая не зависела от внешних обстоятельств, которая позволяла ей наблюдать, анализировать, запоминать, не теряя себя. Она еще не знала, что это качество называется мудростью, что оно редкое, что оно ценное, что оно делает ее не просто девочкой, а носителем чего-то большего, но тело уже знало, интуиция уже работала, внутреннее зрение уже открывалось, позволяя видеть то, что другие не замечали.

В этом году по китайскому календарю наступал год Быка. Точнее, год Огненного Быка. Но китайский Новый год наступал не первого января, а седьмого февраля, так что технически они еще жили в году Крысы. Яна знала об этом от папы, который интересовался восточной философией и иногда рассказывал ей о разных системах счисления времени, о том, что время это не просто линейное движение от прошлого к будущему, а сложная ткань, в которой переплетают-

ся разные циклы, разные ритмы, разные энергии. Он говорил медленно, обдуманно, выбирая слова так, будто каждое из них имело вес, будто каждое должно было упасть точно в цель, не разбившись, не потеряв смысл. «Крыса уходит, - говорил папа, - а Бык приходит. Крыса это хитрость, приспособляемость, выживание. Бык это сила, упорство, труд. Когда уходит Крыса и приходит Бык, это значит, что время игр и уловок заканчивается, наступает время настоящей работы. Время, когда нужно пахать, чтобы выжить. Понимаешь?». Яна кивала, хотя не до конца понимала. Но слова папы запоминала. Они откладывались в памяти, как зерна, которые потом, возможно, взойдут. Она не знала, что эти зерна уже прорастают, что они уже меняют структуру ее сознания, что они уже готовят ее к тому, что придет, к тому, что уже началось, к тому, что нельзя остановить, только пройти через.

Тридцать первого декабря в квартире Кармановых царила та особая атмосфера, которая бывает только в новогоднюю ночь. Пахло традициями: живой елкой, мандаринами, оливье, жареными «ножками Буша» с гречей и чем-то еще, неуловимым, что невозможно назвать, но что обязательно присутствует в воздухе в этот вечер. Запах был не просто химическим сочетанием молекул, он был эмоциональным якорем, который привязывал память к моменту, который позволял вернуться в это состояние через годы, через десятилетия, через целую жизнь. Бабушка хлопотала на кухне, накрывала на стол, проверяла, все ли готово, ее движения бы-

ли отточены годами привычки, но в этот раз в них не было механичности, только внимание, только забота, только любовь, которую она выражала не словами, а действиями, не обещаниями, а присутствием. Папа разливал шампанское по бокалам, включал телевизор, где уже начинали показывать обращение президента, его руки были в покое, голос ровный, но в глазах читалась та особая сосредоточенность, которая бывает у человека, который знает, что мир меняется, и который пытается удержать равновесие в своей маленькой вселенной. Мама сидела в кресле, поправляла пучок, смотрела на всех с тихой улыбкой, ее присутствие было как тихая гавань, как место, куда можно вернуться, когда шторм становится слишком сильным, когда ветер срывает крышу, когда земля уходит из-под ног. Дедушка стоял у окна, крутил незажженную папиросу в руках, смотрел на улицу, на праздично освещенные окна соседних домов, его спина была прямой, плечи расправлены, но в осанке читалась та особая тяжесть, которую дают не годы, а опыт; не возраст, а прожитое; не старость, а мудрость, которая не кричит, а молчит; которая не учит, а показывает; которая не требует, а предлагает.

Когда часы начали отсчитывать последние секунды уходящего года, все собрались вокруг стола. Держась за руки это была семейная традиция, которую ввела еще бабушка, они слушали бой курантов. Бом. Бом. Бом. Каждый удар отдавался где-то глубоко внутри, каждый удар был как маленькая смерть чего-то старого и как маленькое рождение чего-то

нового. Звук не просто заполнял пространство, он менял его плотность, он перестраивал ритм дыхания, он синхронизировал сердца, он создавал единое поле, в котором исчезали границы между поколениями, между полами, между ролями, оставалось только присутствие, только момент, только то, что происходит сейчас, здесь, в эту секунду, которая никогда не повторится, которая уже уходит, которая уже стала прошлым, но которая еще жива, потому что мы ее проживаем. Яна закрыла глаза и загадала желание. Она не помнила потом, какое именно, но помнила то чувство, с которым его загадывала чувство надежды, веры, ожидания чуда. Чувство, которое не зависит от логики, которое не требует доказательств, которое просто есть, как дыхание, как свет в окне, как тепло в руках, как тишина после снега.

С Новым годом закричали все одновременно, и голоса смешались с праздничной музыкой из телевизора, с хлопками пробок, с перезвоном бокалов. Звук был не просто акустическим явлением, он был эмоциональным взрывом, который высвобождал напряжение, которое копилось месяцами, годами, десятилетиями, которое требовало выхода, которое нельзя было подавить, только отпустить, только позволить уйти, только дать место чему-то новому. Потом были поздравления, тосты, разговоры. Взрослые говорили о политике, о ценах, о том, что будет в следующем году. Их слова текли рекой, но под ними было нечто иное, нечто непроизносимое, нечто, что они не могли назвать, но которое чувство-

вали, которое жило в паузах, в интонациях, в взглядах, которые встречались и тут же отводились, в руках, которые сжимались чуть сильнее, в голосах, которые становились тише, когда речь заходила о будущем. Яна слушала вполуха, больше интересуясь тем, что лежит под елкой. Но на самом деле она слушала все. Она впитывала каждое слово, каждую интонацию, каждую паузу, как губка впитывает воду, как почва впитывает дождь, как воздух впитывает свет. Она еще не умела анализировать, но уже умела чувствовать структуру, уже умела видеть связи, уже умела понимать, что происходит за словами, а не в них. И это умение, которое она еще не называла, уже делало ее не просто наблюдателем, а участником, не просто ребенком, а носителем памяти, не просто девочкой, а хранителем того, что должно быть сохранено, передано, продолжено.

Подарки она получила уже после того, как все поели, когда сели пить чай. Момент был не случайным. Он был выверенным, выстроенным, как ритуал, как переход, как инициация, которая не требует слов, которая происходит через действие, через присутствие, через внимание. Папа подарил ей книги. Недетские книжки с картинками, а настоящие, взрослые книги, которые пахли типографской краской и чем-то еще знанием, мудростью, тайной. Это были «Притчи и рассказы» Льва Толстого в красивом переплете, «Маленький принц» Экзюпери с иллюстрациями автора, «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла в переводе Наума Демурова, и что

было самым неожиданным «Искусство войны» Сунь-цзы в небольшом карманном издании. Папа вручил ей книги торжественно, как будто совершал важный ритуал. Он присел перед ней на корточки так, чтобы их глаза были на одном уровне и сказал тихо, серьезно:

- Яна, книги это единственное богатство, которое никто не сможет у тебя отнять. Их можно сжечь, можно запретить, можно отобрать физически. Но то, что ты из них возьмешь, останется с тобой навсегда. Читай. Думай. Задавай вопросы. И помни: знания это не просто информация. Это сила. Но сила, которую нужно уметь применять с мудростью.

Слова не были просто советом. Они были якорем. Они были командой, встроенной в речь, которая не требовала выполнения, которая просто активировала процесс, который уже запущен, который нельзя остановить, который будет работать годами, десятилетиями, всю жизнь. Яна взяла книги, почувствовав их вес. Это был не просто физический вес бумаги и переплета. Это был вес ответственности, вес доверия, вес того, что папа считал ее достаточно взрослой, чтобы понять эти книги, чтобы принять этот дар, чтобы нести его дальше. Она обняла его, крепко-крепко, и пообещала себе, что прочитает каждую и даже снова, в который раз, перечитает Сунь Цзы. Не потому что нужно. Потому что хочет. Потому что чувствует, что это важно. Потому что внутри уже щелкнуло что-то, что нельзя игнорировать, что нельзя отложить, что нужно принять, пропустить через себя, сделать ча-

стью себя.

Мама подарила одежду. Не просто одежду, а настоящий зимний костюм: теплую, красивую куртку темно-бордового цвета с меховой оторочкой на капюшоне, такие же теплые брюки на лямках, которые не промокают и не продуваются, и что было самой большой роскошью настоящие импортные ботинки на толстой подошве, которые не скользят на льду. Мама знала, как Яна мечтала о таких ботинках, как завидовала девочкам во дворе, у которых была подобная обувь, как мерзли ее ноги в старых валенках, которые уже не держали тепло. Мама помогла ей примерить куртку, поправила капюшон, застегнула молнию, отошла, посмотрела. В ее глазах стояли слезы.

- Ты такая красивая, - прошептала она, гладя Яну по волосам. - Моя девочка. Будь теплой, будь здоровой. И пожалуйста, будь осторожной. Мир он не всегда добрый. Но ты должна оставаться доброй. Понимаешь. Это важно.

Слова не были просто пожеланием. Они были предупреждением. Они были инструкцией по выживанию в мире, который не прощает наивности, который наказывает за доверие, который требует бдительности, но который все еще ценит человечность, которая еще не забыла, что значит быть человеком, что значит чувствовать, что значит любить, что значит прощать. Яна кивнула, хотя не до конца понимала, почему мама говорит это именно сейчас, в такой радостный момент. Но слова запомнила. Они отложились где-то глубо-

ко, как и слова папы, как и слова дедушки. Они стали частью внутренней карты, которую она будет использовать, когда путь станет неясным, когда ветер сбивает с ног, когда холод проникает в кости, когда мир покажется враждебным, когда нужно будет сделать выбор, когда нужно будет решить, кем быть, что делать, куда идти.

Бабушка подарила что-то практичное, полезное, то, что она считала действительно важным для ребенка. Это был большой, теплый шерстяной плед ручной вязки бабушка вязала его сама, долгими зимними вечерами, сидя у окна при свете настольной лампы. Плед был мягким, пушистым, пахнул домом, заботой, любовью, тем особым запахом, который нельзя купить, который нельзя создать искусственно, который рождается только из времени, из внимания, из рук, которые не спешат, которые не экономят на качестве, которые вкладывают душу в каждый стежок, в каждый ряд, в каждый узор. Кроме того, бабушка подарила набор качественных тетрадей в твердой обложке, хорошие шариковые ручки - не те дешевые, которые текут и пачкают, а настоящие, импортные, и большую, красивую записную книжку в кожаном переплете.

- Для мыслей, - сказала бабушка, вручая ей записную книжку. - Когда тебе будет грустно, или страшно, или когда ты не будешь понимать, что происходит пиши. Выплескивай все на бумагу. Бумага все выдержит, все примет, все сохранит. А тебе станет легче. И потом, когда вырастешь, перечи-

таешь и поймешь, как далеко ты зашла, как много пережила, как сильно изменилась. Память это важно, Яночка. Но записанное еще важнее. Слова, записанные на бумаге, обретают другую силу. Они становятся реальностью.

Голос бабушки не был громким. Он был тихим, но каждый звук падал точно в цель, как капля воды на камень, который со временем меняет форму. Яна прижала к себе подарки, чувствуя, как тепло расходится по всему телу. Это было тепло не только от шерстяного пледа. Это было тепло любви, заботы, внимания, того особого состояния, когда тебя видят, когда тебя слышат, когда тебя принимают не за то, что ты делаешь, а за то, что ты есть, не за достижения, а за присутствие, не за успех, а за искренность. И в этом тепле было нечто большее, чем просто комфорт. Была безопасность. Была опора. Была тихая уверенность, что, что бы ни случилось, есть место, куда можно вернуться, есть люди, которые не отвернутся, есть руки, которые примут, есть слова, которые исцелят, есть тишина, которая восстановит.

Но самый неожиданный подарок ждал ее от дедушки. Дедушка позвал ее в маленькую комнату, заставленную книгами, картами, какими-то старыми приборами, которые он собирал всю жизнь. Он закрыл дверь, чтобы никто не мешал, достал из сейфа небольшую деревянную шкатулку, инкрустированную перламутром. Шкатулка была старой, очень старой и Яна видела, что дерево потемнело от времени, что перламутр местами потускнел, что петли слегка заржавели.

Но в этом была своя красота, свое очарование, своя история, которая не требовала слов, которая говорила сама за себя, через текстуру, через запах, через вес, через тепло, которое исходило не от материала, а от присутствия, от того, что предмет жил, что он помнил, что он хранил, что он передавал. Дедушка открыл шкатулку. Внутри, на бархатной подушечке, лежал компас. Не современный, пластиковый, с яркой стрелкой, а настоящий, старинный, латунный компас в массивном корпусе с откидной крышкой. На крышке был выгравирован какой-то узор то ли цветы, то ли звезды, то ли что-то еще, что время стерло почти до неузнаваемости. Дедушка взял компас в руки, подержал его немного, словно прощаясь с чем-то очень важным, потом протянул Яне:

- Это мой фронтовой компас, - сказал он тихо, и в его голосе прозвучала такая эмоция, что Яна сразу поняла: это не просто подарок. Это завещание. Это передача чего-то гораздо большего, чем просто предмета. - Мне его дал мой командир в сорок третьем, когда мы заблудились в болотах под Ленинградом. Без этого компаса мы бы не вышли. Погибли бы. А с ним нашли дорогу. С тех пор он всегда со мной. Где бы я ни был, что бы со мной ни происходило он указывал направление. - Дедушка сделал паузу, посмотрел на Яну пристально, серьезно. - Теперь он твой. И помни: компас не создает путь. Он только показывает направление. Идти тебе придется самой. Будет трудно и это неизбежно. Будет страшно и это нормально. Будет казаться, что ты заблудилась и это тоже

будет. Но пока у тебя есть этот компас, пока ты умеешь им пользоваться, пока ты знаешь, где север - ты всегда найдешь дорогу домой. Всегда. Понимаешь, что я имею в виду?

Яна взяла компас в руки. Он был тяжелым, холодным, но в то же время каким-то живым. Она открыла крышку, посмотрела на циферблат. Стрелка дрожала, потом замерла, уверенно указывая на север. Яна почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Это было не суеверие. Это было что-то другое: ощущение связи, преемственности, ответственности, того особого состояния, когда прошлое и будущее встречаются в настоящем, когда линия времени не разрывается, а продолжается, когда ты становишься звеном в цепи, которую нельзя разорвать, которую нужно нести, которую нужно беречь, которую нужно передать дальше.

- Я понимаю, - сказала она тихо. - Спасибо, дедушка. Я буду беречь. И буду использовать. Правильно.

Дедушка улыбнулся редко, но так тепло, что у Яны защипало в носу. Он погладил ее по голове, взъерошил волосы:

- Я знаю, что будешь. Ты из тех, кто умеет держать слово.

Слова не были похвалой. Они были признанием. Они были подтверждением того, что он видит ее, что он знает, что он доверяет, что он передает не предмет, а функцию, не вещь, а роль, не подарок, а миссию, которую нельзя отказаться, которую нужно принять, которую нужно нести, которую нужно выполнить.

Потом были разговоры, чай с тортом, просмотр старых

фотографий, которые бабушка достала из альбомов. Яна слушала истории о прошлом, о том, как жили ее родители в ее возрасте, о том, каким был мир до того, как все изменилось. Она еще не понимала всей глубины этих историй, но впитывала их, как губка впитывает воду, как почва впитывает дождь, как воздух впитывает свет. Она видела, как взрослые меняются, когда вспоминают, как их голоса становятся тише, как глаза блестят, как руки дрожат, как паузы становятся длиннее, как слова теряют остроту, приобретают мягкость, становятся не фактами, а ощущениями, не событиями, а состояниями, не историей, а памятью, которая живет не в книгах, а в теле, в дыхании, в том, что нельзя измерить, но можно почувствовать. А потом, когда часы показали уже за полночь, когда взрослые начали клевать носом от усталости, когда разговоры стихли, когда телевизор перешел на повтор, когда дом заполнился тишиной, которая не была пустотой, а была наполненностью, которая не была окончанием, а была переходом, Яна тихонько пробралась в свою комнату. Она достала из подарков записную книжку, которую подарила бабушка, взяла ручку, которую тоже подарила бабушка, и села писать. Она писала о том, что чувствовала. О радости от подарков. О любви, которую она ощущала от своей семьи. О страхе перед будущим, который иногда накатывал волнами, хотя она не могла объяснить, чего именно боится. О компасе, который теперь лежал у нее на столе и казался живым существом. О словах дедушки, которые она повторя-

ла про себя, как мантру: «Компас не создает путь. Он только показывает направление. Идти тебе самой». Она писала долго, пока не затекла рука, пока не закончилась первая страница. Потом перечитала написанное и почувствовала странное облегчение, словно сбросила с плеч тяжелый груз. Бабушка была права: бумага все выдерживает, все принимает, все сохраняет. Слова, вылитые на бумагу, перестают быть внутренним шумом, становятся внешним фактом, приобретают форму, структуру, вес, который можно потрогать, который можно прочитать, который можно вернуть, когда нужно, когда страшно, когда непонятно, когда кажется, что земля уходит из-под ног, когда кажется, что путь потерян, когда кажется, что север исчез. Она закрыла книжку, положила руку на обложку, почувствовала тепло кожи, которое исходило не от материала, а от присутствия, от того, что книга уже стала частью нее, что она уже начала работу, что процесс запущен, что нельзя остановить, что нужно только продолжить, только дышать, только писать, только жить, только идти, только доверять себе, только слушать внутренний голос, который не кричит, а шепчет, который не требует, а предлагает, который не учит, а напоминает, который не ведет, а сопровождает, который не спасает, а поддерживает, который не гарантирует, но дает шанс, который не обещает, но дает силу, которая не видна, но ощущается.

За окном снег продолжал падать. Он не спешил. Он не торопился. Он просто шел, как время, как жизнь, как дыхание,

как тишина после звука, как свет после тьмы, как начало после конца, как ответ после вопроса, как путь после выбора, как дорога после шага, как север после компаса, как старая душа после молодого тела, как хранитель после равновесия, как смысл после иллюзии, как Яна после ночи, которая еще не закончилась, которая только началась, которая уже изменила все, которая уже запустила то, что нельзя отменить, что нельзя игнорировать, что нельзя остановить, только принять, только пройти, только прожить, только стать, только быть, только идти, только доверять, только слушать, только помнить, только писать, только дышать, только жить. И когда первый луч рассвета коснулся стекла, не пробивая его, а лишь обозначив границу между ночью и днем, между прошлым и будущим, между тем, что было, и тем, что станет, Яна не смотрела на окно. Она смотрела на компас. На стрелку, которая дрожала, потом замирала, потом снова дрожала, потом снова замирала, указывая на север, указывая на путь, указывая на то, что уже началось, что уже идет, что уже здесь, что уже в ней, что уже стало частью ее, что уже сделало ее не просто девочкой, а носителем, не просто ребенком, а хранителем, не просто Яной, а той, кто придет, кто встретит, кто примет, кто уравновесит, кто изменит, кто спасет, не мир, а себя, не других, а равновесие, не систему, а смысл, не время, а направление, не судьбу, а выбор, не легенду, а реальность, не миф, а жизнь, не конец, а начало, не тишину, а звук, не тьму, а свет, не страх, а доверие, не сомнение, а знание, не

вопрос, а ответ, не поиск, а нахождение, не ожидание, а присутствие, не надежду, а веру, не мечту, а действие, не слово, а дело, не подарок, а миссию, не компас, а путь, не книгу, а мудрость, не семью, а опору, не ночь, а рассвет, не год, а эпоху, не быка, а силу, не крысу, а хитрость, не время, а ритм, не цикл, а спираль, не линию, а ткань, не прошлое, а память, не будущее, а намерение, не настоящее, а момент, не Яну, а душу, не старую, а вечную, не молодую, а живую, не девочку, а женщину, не ребенка, а взрослого, не ученика, а мастера, не искателя, а хранителя, не наблюдателя, а участника, не зрителя, а творца, не жертвы, а автора, не судьбы, а выбора, не случая, а закона, не хаоса, а порядка, не тьмы, а света, не конца, а начала, не тишины, а звука, не пустоты, а наполненности, не отсутствия, а присутствия, не потери, а обретения, не страха, а доверия, не сомнения, а знания, не вопроса, а ответа, не поиска, а нахождения, не ожидания, а присутствия, не надежды, а веры, не мечты, а действия, не слова, а дела, не подарка, а миссии, не компаса, а пути, не книги, а мудрости, не семьи, а опоры, не ночи, а рассвета, не года, а эпохи, не быка, а силы, не крысы, а хитрости, не времени, а ритма, не цикла, а спирали, не линии, а ткани, не прошлого, а памяти, не будущего, а намерения, не настоящего, а момента, не Яны, а души, не старой, а вечной, не молодой, а живой, не девочки, а женщины, не ребенка, а взрослого, не ученика, а мастера, не искателя, а хранителя, не наблюдателя, а участника, не зрителя, а творца, не жертвы, а

автора, не судьбы, а выбора, не случая, а закона, не хаоса, а порядка, не тьмы, а света, не конца, а начала.

***

Квартира спала, но сон этот был тревожным, прерывистым, нарушаемым тяжелым, рокочущим звуком, который исходил из родительской спальни. Папин храп не просто заполнял пространство, он вибрировал в стенах, отдавался в полу, сотрясал воздух, словно невидимый зверь рычал где-то совсем рядом, требуя внимания к своему сну. Яна лежала в темноте, широко открыв глаза, чувствуя, как каждое это громкое всхрапывание отзывается в ее собственной грудной клетке, сбивая дыхание. Уснуть под этот гул было физически невозможно. Сон отступил, растворился в вибрации, оставив вместо себя странную, звенящую бодрость, которая колола кожу изнутри. Она тихо встала, ступни коснулись холодного пола, и она замерла, прислушиваясь. Храп не стихал. Он был монотонным, уверенным, безразличным к ее бессоннице. Яна знала, что не вернется в кровать. Сегодня была та самая ночь, когда тишина нужна была не для отдыха, а для встречи. Для разговора без слов. Для того, кто ждал.

Она оделась в прихожей, стараясь не скрипнуть дверью, движения ее были выверенными, отточенными привычкой двигаться в доме спящих людей. На полке лежал небольшой сверток, завернутый в простую, слегка помятую бумагу. Она взяла его, прижала к груди на мгновение, чувствуя тяжесть не бумаги, а того, что было внутри, и вышла на лестничную

клетку. Лифт, как всегда в праздничные ночи, молчал, застыв между этажами в ожидании починки. Семнадцать этажей. Она начала подниматься. Шаг за шагом. Бетонные ступени были холодными, отдавали сыростью подвала, перила ледяные обжигали ладони сквозь варежки. Но с каждым пролетом тяжесть в груди менялась на легкое, светлое предвкушение. Она знала, куда идет. К единственному месту, где ее ждали не как ребенка, которого нужно уложить спать и закрыть дверь, а как равную. Как друга. Как ту, чье присутствие было необходимым условием этого вечера.

Когда она вышла на площадку семнадцатого этажа, сердце пропустило удар. Дверь не была заперта. Она не была даже плотно притянута. Она стояла слегка приоткрытой, и из щели лился теплый, янтарный свет, ложась мягкой, приветливой полосой на серый бетон коридора. Он знал. Он чувствовал, что она придет. Он оставил дверь открытой, как оставляют окно для ласточки, давая понять: вход свободен, ожидание закончено, ты дома. Яна толкнула дверь и шагнула внутрь.

Тепло обволокло ее мгновенно, словно мягкое, нагретое на солнце одеяло. В квартире пахло мандаринами, топленым шоколадом и чем-то неуловимо уютным, древним, как запах старых книг, воска и сухих трав. Обычный строгий минимализм Сократа исчез. Комната преобразилась, став живым организмом, дышащим светом и заботой. С потолка свисали гирлянды из бумажных фонариков, сделанных его руками,

отбрасывая дрожащие, живые тени на стены. Огоньки мигали медленно, ритмично, словно дышали вместе с хозяином, создавая иллюзию, что время здесь течет иначе, медленнее, бережнее. В углу, в старинном камине, потрескивали поленья, огонь лизал воздух, создавая островок абсолютной безопасности посреди зимней ночи. И посреди комнаты был накрытый стол.

Сократ стоял у окна, спиной к ней, глядя на падающий снег, который кружился в свете фонарей, как миллионы маленьких танцоров. Он обернулся, и в его глазах не было ни капли удивления. Только тихая, глубокая радость, которую он не пытался скрыть за маской спокойствия. Он никогда не праздновал Новый год в одиночестве, вернее, он мог выдержать одиночество, мог сидеть в тишине годами, но он не хотел этого. Раньше это было вынужденное одиночество, бегство от шума чужих праздников. Сегодня он создал свой мир. И пригласил в него ее.

Яна прошла к столу и замерла. Здесь было все. То, что она любила, но о чем боялась сказать вслух, чтобы не показаться капризной или требовательной. Кусок торта «Прага» с его глянцевой, почти черной шоколадной глазурью, слои которого обещали горечь и сладость одновременно. Миска шоколадного мороженого, уже начинающего слегка таять по краям, усыпанная дроблеными грецкими орехами и политая густыми, сливочными струйками. Тарелка свежих, хрустящих огурцов, пахнущих теплицей и летом, вопреки январ-

скому морозу за окном. Бутерброды с красной и черной икрой, выложенные аккуратными, щедрыми рядами на темном ржаном хлебе. Гора мандаринов, источающая тот самый цитрусовый дух, который навсегда остается в памяти как запах чуда. И в центре — два высоких бокала с детским лимонадом, в котором лениво, празднично поднимались пузырьки. Никакого шампанского. Никакого взрослого алкоголя. Только то, что приносит радость, а не опьянение. Только то, что возвращает в детство.

- Я думал, храп победит, - тихо сказал Сократ, придвигая ей стул. Голос его был хрипловатым от долгого молчания, но теплым, как угли в камине.

- Он очень мощный, - улыбнулась Яна, садясь. - Кажется, даже люстра дрожит.

Он улыбнулся в ответ, и эта улыбка изменила его лицо, стерла морщины усталости, сделав его моложе, мягче, доступнее. Он налил лимонад, пузырьки зашипели, разбивая тишину радостным звуком.

- Ешь, - сказал он. - Мороженое тает, а я не позволю ему пропасть. Я слишком долго готовил этот стол, чтобы позволить ему остыть.

Они сидели напротив друг друга, и между ними не было неловкости. Была только та самая тишина, которую не нужно заполнять словами, потому что слова здесь были лишним шумом. Яна откусила огурец, хруст прозвучал громко в тишине, и она рассмеялась, звук ее смеха был чистым и лег-

ким. Сократ смотрел на нее, и в его взгляде читалось бесконечное внимание. Он запомнил каждую мелочь. Каждый каприз. Каждую тихую радость. Он знал, что она любит огурцы посреди зимы, что она обожает «Прагу», но стесняется брать последний кусок, что она мечтает о лимонаде, потому что он напоминает ей о лете. Он собрал все эти осколки ее души воедино и выложил перед ней на столе.

- Я принесла тебе кое-что, - сказала Яна, доставая сверток и протягивая его Сократу. Руки ее слегка дрожали, пальцы не слушались, скользя по бумаге.

Это было не покупное. Это было сделано ею, неуклюже, с ошибками, с кривыми стежками, но с такой любовью, что от этого сжималось горло. Он развернула бумагу. Внутри лежал маленький, неумело сшитый из лоскутков ткани мешочек, перевязанный красной шерстяной ниткой. Внутри звякнуло что-то металлическое.

- Это оберег, - прошептала она, глядя в стол, не решаясь поднять глаза. - Я нашла старую пуговицу от твоего пальто, которую ты потерял в нашу первую встречу, и нитку, которой ты штопал мою книгу. Я сшила это. Чтобы ты не терялся. Чтобы всегда находил дорогу домой. Чтобы ничего плохого не случилось.

- Ты мой дом, Яна, - тихо сказал он, слегка улыбаясь.

Сократ повертел мешочек в руках. Его пальцы, обычно такие уверенные, твердые, способные разбирать оружие или сжимать руль в гололед, дрогнули. Он развязал нитку, достал

пуговицу, потемневшую от времени, с отколотым краем, и посмотрел на нее. В его глазах блеснули слезы. Не взрослые, сдержанные, контролируемые слезы мужчины, который видел много горя, а детские, искренние, прозрачные, которые он прятал годами, считая их слабостью. Он вспомнил тот день, когда потерял пуговицу, вспомнил, как Яна подбирала ее с асфальта, как бережно завернула в платок, как хранила все эти недели. Он понял, что для нее это не просто пуговица. Это часть его. И она сшила из этого часть его защиту.

- Спасибо, - выдохнул он, и голос его сорвался, став тонким и ломким. Он тут же, не раздумывая, продернул красную нитку через отверстие в пуговице и повесил мешочек себе на шею, спрятав его под свитер, прямо к сердцу. - Я буду носить это. Всегда. Где бы я ни был.

- А теперь твоя очередь, - сказал он, вытирая глаза тыльной стороной ладони и доставая из кармана небольшую бархатную коробочку темного, почти черного цвета.

Он открыл ее. На бархате лежало кольцо. Оно было тяжелым, массивным, из желтого, тусклого металла, похожего на старое, неочищенное золото или бронзу. По бокам шли прямоугольные прозрачные камни, матовые, как лед, с внутренними трещинками, словно застывшие слезы. А в центре, в сложной оправе, стоял зеленый камень. Непрозрачный, мутный, глубокий, словно вода в лесном озере, в которой отражается небо.

- Это кольцо странника, - тихо начал Сократ, и голос его

изменился, стал глубже, заполняя комнату эхом старины. - Его нашли в развалинах старого караван-сарая на границе, где песок смешивается с камнем. Говорят, оно принадлежало человеку, который прошел через пустыню без воды и вернулся живым, потому что знал путь. Камень в центре — это застывший взгляд земли. Он мутный, потому что впитал в себя всю пыль дорог, всю усталость путников. Прямоугольные камни — это окна в домах, которые ты оставил позади, и дома, к которым ты еще не пришел. Это кольцо не для красоты. Оно для тех, кто идет в темноте. Оно не дает сбиться с пути. Оно хранит тепло того, кто его дарит. Оно помнит руки, которые его делали.

Он взял кольцо и надел его ей на палец. Металл был теплым, словно он уже носил его давно, словно он ждал именно ее руки. Камень прикоснулся к коже, и Яна почувствовала странный покой, словно кто-то накрыл ее плечи невидимым, тяжелым плащом, защитив от ветра и страха. Кольцо сидело идеально, будто было отлито по слепку с ее пальца.

- Теперь ты не одна, - сказал Сократ, накрывая ее руку своей. - Даже когда я рядом не буду. Это кольцо запомнит мой голос. И мой смех. И этот вечер. Оно будет греть тебя, когда будет холодно.

- Ты всегда будешь рядом, - уверенно ответила Яна. На что Сократ лишь грустно усмехнулся.

Они сидели у камина, доедая торт, макая кусочки бисквита в растаявшее мороженое. Огонь танцевал, отбрасывая

блики на их лица, делая их похожими на персонажей старой сказки. За окном выл ветер, но здесь, в этом пузыре из света, тепла и запаха шоколада, время остановилось. Яна смотрела на кольцо, потом на Сократа, который время от времени трогал мешочек у себя на груди, проверяя, на месте ли он, и понимала: это не просто Новый год. Это не просто смена даты в календаре. Это начало чего-то, что сильнее времени, сильнее разлуки, сильнее любого страха. Они были связаны. Невидимой, но прочной нитью, которую не порвать ни ветру, ни пулям, ни годам. И в этом было главное чудо ночи. Не подарки. Не еда. Не огни гирлянд. А то, что кто-то ждал тебя. И ты пришел. И вы остались вместе. В мире, который вращается слишком быстро, который ломает людей и выбрасывает их, они нашли свою тихую гавань. И этого было достаточно. Чтобы жить. Чтобы идти дальше. Чтобы знать, что есть место, где тебя понимают без слов.

Где тебя ждут.

Всегда.

***

Огонь в камине постепенно терял свою яркость, превращаясь в ровное, багровое дыхание углей. Тепло, накопленное за часы беседы, медленно расходилось по комнате, обволакивая мебель, книги, тишину, проникая в поры дерева, в ткань пледа, в сам воздух, который становился густым, вязким, почти осязаемым. Яна сидела в глубоком кресле, поджав ноги, и чувствовала, как тяжесть век становится непре-

одолимой. Голова слегка клонилась к плечу, дыхание выравнивалось, входя в ритм потрескивания поленьев, синхронизируясь с мерцанием фонариков на потолке, с далёким гулом ночного города, с биением собственного сердца. Она не сопротивлялась сну. В этом доме, в этом свете, среди запаха мандаринов, старого дерева и шоколада, страх отступал, уступая место абсолютной безопасности. Тело расслаблялось само, отпускало напряжение, которое копилось неделями, месяцами, годами, позволяя мышцам стать мягкими, плечам опуститься, позвоночнику выпрямиться без усилия. Сократ не шевелился. Он сидел напротив, наблюдая, как ресницы девочки медленно смыкаются, как последние остатки бдительности растворяются в тёплой волне усталости, оставляя лишь спокойное, детское дыхание. Он поднял глаза на Яну, и в его взгляде было столько тепла, столько признательности, столько любви — не романтической, не семейной, а какой-то другой, редкой, которая возникает между учителем и учеником, когда ученик превзошел ожидания учителя.

- Ты думаешь, я учу тебя, - тихо спросил Сократ, и голос его прозвучал не как вопрос, а как признание, как тихий выдох после долгого пути, как слово, которое не требует ответа, потому что ответ уже живёт в тишине между ними. - Нет. Это ты учишь меня. Своими вопросами. Своим взглядом. Своим доверием. Ты напоминаешь мне, зачем всё это нужно. Зачем я задаю эти вопросы. Зачем я ищу эти слова. Зачем я продолжаю.. быть.

Яна уже не слышала последних слов. Сон забрал её мягко, без резких границ, словно тёплая волна накрыла с головой, унося в пространство, где не было ни времени, ни тревог, ни ожиданий. Она дышала ровно, беззвучно, и в этом дыхании читалась полная отдача моменту, полное доверие к тому, кто сидел напротив. Сократ не стал её будить. Он просто накрыл её плечи тёплым пледом, который достался ему от бабушки с рынка у Теплого стана, и продолжил сидеть в тишине, слушая, как за окном город постепенно засыпает после праздничного гула, как где-то далеко гудит последний троллейбус, как ветер шуршит снегом по карнизу. Он знал: этот сон необходим. Не для отдыха тела, а для того, чтобы всё сказанное уложилось в памяти, чтобы семена, посаженные за эту ночь, пустили первые корешки в подсознании. Чтобы завтра, или вернее, уже сегодня, она проснулась не просто отдохнувшей, а обновлённой. Готовой. Синхронизированной. Настроенной на ту частоту, которая позволит слышать то, что обычно скрыто за шумом повседневности.

Полчетвертого утра. Темнота за окном была густой, непроницаемой, словно кто-то накрыл город тяжёлым бархатным покрывалом, не пропускающим ни единого луча. Фонари на улице горели тускло, их свет едва пробивался сквозь кружащийся снег, создавая размытые, призрачные пятна на асфальте, которые то появлялись, то исчезали, словно дыхание спящего гиганта. Но город не спал. Не полностью. По тротуарам ещё бродили одинокие фигуры: воз-

вращающиеся с гулянок, торопливо шагающие домой, кутаясь в пальто, с пакетами в руках, с уставшими, но спокойными лицами. Кто-то курил у подъезда, выпуская в морозный воздух густые клубы пара, которые тут же рассеивались в темноте. Кто-то просто стоял, глядя на небо, будто пытаясь поймать последний отзвук уходящего года, последний шёпот, последний вздох старого времени. Первое января тысяча девятьсот девяносто седьмого года уже наступило, но жизнь ещё не вошла в свой обычный ритм. Она балансировала на грани между праздником и буднями, между сном и пробуждением, между тем, что было, и тем, что должно начаться. И в этом балансе, в этой паузе, было пространство для движения. Для тех, кто знает, как им пользоваться.

Сократ поднялся с кресла бесшумно. Движения его были точными, выверенными, лишёнными суеты, словно каждый жест был отточен годами практики, превращён в автоматизм, не требующий лишних мыслей. Он подошёл к окну, посмотрел на улицу, оценил расстояние, время, маршрут, ветер, состояние дороги, вероятность встречи с прохожими. Потом вернулся к Яне, присел на корточки рядом с креслом и мягко коснулся её плеча. Дотронуться не резко. Не требовательно. А так, чтобы кожа почувствовала тепло, чтобы нервная система зарегистрировала прикосновение как сигнал, а не как угрозу. Чтобы пробуждение прошло плавно, без скачка адреналина, без дезориентации.

- Яна, - прошептал он. - Пора вставать.

Она вздрогнула, ресницы дрогнули, сознание возвращалось медленно, словно всплывая из глубокой, тёмной воды на поверхность, где воздух уже другой, где свет уже другой, где время уже течёт иначе. Мутный свет камина, знакомый запах, тёплый плед на плечах, лицо Сократа, склонившееся над ней. Она моргнула, протирая глаза, и кивнула. Сонливость отступала, уступая место ясности, той самой спокойной сосредоточенности, которая появляется, когда тело отдохнуло, а разум уже готов к действию. Не к суете. Не к панике. К действию. Чёткому. Размеренному. Осознанному.

- Сколько времени? - спросила она, голос ещё хриплый от сна, но уже твёрдый.

- Четыре тридцать, - ответил он, поднимаясь. - У тебя есть около четырех-пяти часов, чтобы вернуться домой до того, как проснётся мама. До того, как кто-то заметит, что твоя кровать пуста. До того, как тишина в твоей комнате станет слишком громкой, слишком заметной, слишком тревожной. Нам нужно успеть в пару мест. Пока город ещё спит. Пока дороги свободны. Пока никто не ищет. Пока свет не стал полным. Пока тени ещё длинные. Пока воздух ещё чистый от выхлопов и шума.

В его словах не было тревоги. Только чёткость. Только план. Только уверенность в том, что каждый шаг выверен, каждая минута учтена, каждый риск просчитан. Яна кивнула, сбрасывая плед, чувствуя, как холодный воздух комнаты мгновенно касается кожи, прогоняя последние остатки дре-

моты, заставляя нервные окончания проснуться, включиться, начать работать. Она потянулась, выпрямила спину, и тело отозвалось лёгкой, приятной ломотой, знаком той работы, которую проделал сон. Она была готова. Не потому что её заставили. А потому что внутри щёлкнул тот самый механизм, который превращает усталость в собранность, а сон в ресурс. В топливо. В силу.

На кухне царил полумрак, разбавленный лишь тусклым светом настольной лампы и отблесками снега за окном. Сократ двигался быстро, но без спешки. Его руки знали, что делают, не требуя лишних команд от мозга, не тратя энергию на сомнения. Он достал из холодильника контейнеры, поставил на плиту небольшую кастрюлю, включил конфорку на минимальный огонь. Через минуту по квартире разошёлся лёгкий, травяной аромат. Не тяжёлый. Не жирный. Не приторный. А чистый, прозрачный, словно утренний туман над рекой, словно первый вдох после долгого погружения. Ромашка. Мёд. Лимон. Кора дуба. Мягкие, обволакивающие ноты, которые не бодрят резко, а настраивают. Которые не кричат, а шепчут. Которые говорят телу: расслабься, но будь внимателен. Доверься, но сохраняй ясность.

- Садись, - сказал он, ставя перед ней глубокую керамическую чашку. Пар поднимался ровными столбиками, кружась в холодном воздухе, создавая иллюзию движения там, где его не было. - Это отвар. Согреет изнутри. Не торопись. Пей медленно. Позволь теплу опуститься в желудок, а потом

разойтись по телу. Почувствуй, как оно касается рёбер. Как расслабляет диафрагму. Как выравнивает дыхание. Как синхронизирует пульс. Не думай о вкусе. Думай о состоянии. О том, как тепло становится частью тебя. Как оно наполняет пустоту. Как оно готовит систему к тому, что предстояло.

Яна взяла чашку двумя руками. Керамика была тёплой, шершавой, живой, созданной кем-то когда-то в ручную. Она сделала глоток. Жидкость была мягкой, обволакивающей, с лёгкой горчинкой трав и сладостью мёда, которая не была приторной, а успокаивала. Она почувствовала, как тепло растекается по груди, согревая рёбра, расслабляя мышцы живота, выравнивая дыхание, замедляя сердцебиение до ровного, уверенного ритма. Это был не просто напиток. Это была настройка. Подготовка нервной системы. Перезагрузка восприятия. Вход в состояние, где страх не имеет власти, где сомнение теряет вес, где действие становится естественным продолжением мысли.

Затем на столе появились тарелки. Тёплый овсяный блин, тонкий, почти прозрачный, с лёгкой хрустящей корочкой по краям. Небольшая порция творога, смешанного с измельченными сухофруктами и каплей льняного масла. Два кусочка запеченного яблока, посыпанных корицей. Никакой тяжести. Никакого излишества. Никакого бесконечно-новогоднего оливье! Никакой нагрузки на пищеварение, которая могла бы затуманить разум, замедлить реакцию, сделать тело вялым. Только то, что даёт энергию, не загружая. Только то,

что позволяет телу оставаться лёгким, а разуму — острым. Только то, что поддерживает баланс. Только то, что работает на результат.

- Ешь, - сказал Сократ, садясь напротив с такой же чашкой, наблюдая, как её руки уверенно берут ложку, как движения становятся плавными, как дыхание синхронизируется с жеванием. - Не для того, чтобы наесться. Для того, чтобы проснуться до конца. Чтобы руки были тёплыми. Чтобы глаза видели чётко. Чтобы ноги несли уверенно. Чтобы пальцы не мёрзли. Чтобы спина была прямой. Чтобы взгляд был направлен вперёд. Пища — это не просто калории. Это информация для тела. И сейчас мы даём ему информацию о силе. О лёгкости. О готовности. О том, что оно способно. Что оно выдержит. Что оно пройдёт.

Яна ела медленно, следуя его ритму. Каждый кусочек пережёвывался тщательно, каждый глоток запивался тёплым отваром. Она чувствовала, как желудок отзывается благодарностью, как кровь начинает циркулировать ровнее, как пальцы перестают неметь от холода, как плечи расправляются сами, без усилия, как позвоночник выстраивается в одну линию, как дыхание становится глубоким, полным, насыщенным. Это был ритуал. Не религиозный. Не магический. Практический. Древний в своей простоте. Современный в своей эффективности. Тело и разум синхронизировались, входя в единый поток, где не было места ни суете, ни страху, ни сомнению. Только действие. Только путь. Только момент.

Только сейчас.

Сократ наблюдал за ней, и в его взгляде читалось то самое спокойное одобрение, которое не требует слов. Он знал: она понимает. Не умом. А телом. Не через объяснения. А через опыт. Через вкус. Через тепло. Через ритм дыхания. Через тишину, которая не пугает, а наполняет. Через доверие, которое не требует гарантий. Через связь, которая не рвётся. Он поднял глаза на Яну, и в его взгляде было столько тепла, столько признательности, столько любви — не романтической, не семейной, а какой-то другой, редкой, которая возникает между учителем и учеником, когда ученик превзошёл ожидания учителя.

- Ты думаешь, я учу тебя? - снова тихо спросил Сократ. Теперь его услышали. - Нет. Это ты учишь меня. Своими вопросами. Своим взглядом. Своим доверием. Ты напоминаешь мне, зачем всё это нужно. Зачем я задаю эти вопросы. Зачем я ищу эти слова. Зачем я продолжаю быть.

Яна молчала. Не потому, что не знала, что сказать. А потому, что слова были не нужны. В этот момент между ними установилась такая связь, такое понимание, которое не требовало слов. Они просто сидели, смотрели друг на друга, и всё было ясно. Воздух между ними стал плотным, заряженным тихой энергией, словно невидимая нить протянулась от его груди к её, вибрируя на одной частоте, резонируя, усиливая, объединяя. Она чувствовала его уверенность как свою. Он чувствовал её доверие как опору. И в этом обмене не бы-

ло потери. Было только усиление. Только взаимное наполнение. Только тихое знание: ты не одна. И я не один. Мы здесь. И этого достаточно.

За окном небо начало медленно светлеть. Тёмно-синяя пелена стала серой, потом бледно-лиловой, потом приобрела тот холодный, стальной оттенок, который предшествует рассвету. Снег перестал кружиться, оседая на карнизы, на перила, на ветви деревьев ровным, нетронутым слоем, создавая иллюзию чистого листа, на котором ещё ничего не написано, но который уже готов принять первые строки. Город задерживал дыхание перед рассветом. В это время улицы почти пусты. Только редкие машины скользят по льду, оставляя за собой белые следы, которые тут же заметает ветер. Только дворники медленно метут снег у подъездов, их движения ритмичные, усталые, привычные, отточенные годами. Время, когда мир ещё не проснулся, но уже готовится к новому дню. Время, когда можно двигаться незаметно. Когда можно сделать то, что нельзя откладывать. Когда тени ещё длинные, а свет ещё мягкий. Когда внимание прохожих притуплено сном, а бдительность системы снижена до минимума.

Сократ встал, подошёл к вешалке, достал её куртку, помог надеть. Застегнул молнию до подбородка, поправил капюшон, проверил, плотно ли сидят ботинки, не давят ли шнурки, не скользит ли подошва. Его руки были уверенными, движения — заботливыми, но лишёнными суеты. Он не опекал. Он настраивал. Как мастер настраивает инструмент

перед концертом. Как проводник проверяет снаряжение перед подъёмом. Как тот, кто знает: детали решают всё. Мелочи определяют исход. Внимание к мелочам — это не педантизм. Это выживание. Это успех. Это путь.

- Мы идём не далеко, - сказал он, надевая своё пальто, застёгивая пуговицы с тем же спокойным ритмом. - Но идти нужно сейчас. Пока свет не стал полным. Пока люди не вышли на улицы. Пока твой дом ещё спит, не зная, что ты уже вернулась, уже переоделась, уже легла в кровать, уже уснула снова, чтобы проснуться с ними за завтраком. Чтобы никто не заподозрил. Чтобы никто не спросил. Чтобы эта ночь осталась между нами. Как тайна. Как сила. Как начало. Как фундамент, на котором будет строиться всё остальное.

Яна кивнула. Страх не пришёл. Пришло только спокойное ожидание. Она знала: он не поведёт её в опасность. Он поведёт её в точку, где нужно быть. В место, которое ждёт. В событие, которое уже запущено. В встречу, которая изменит траекторию. Она чувствовала это кожей. Интуицией. Тем внутренним компасом, который дедушка вручил ей всего несколько часов назад, и который теперь лежал в кармане, тёплый от её тела, тяжёлый от смысла. Стрелка дрожала, но указывала верно. На север. На путь. На то, что должно случиться. Не потому что так написано в книгах. А потому что так чувствуют те, кто умеет слушать тишину. Кто умеет читать знаки. Кто умеет доверять себе.

Они вышли в подъезд. Лестничная клетка была холодной,

пахла сыростью и старой штукатуркой, но этот запах не раздражал. Он заземлял. Напоминал о реальности. О том, что за пределами тёплой квартиры есть мир, который требует внимания, бдительности, точности. О том, что комфорт — это привилегия, а не право. О том, что путь начинается не с шага, а с решения сделать его. Яна спустилась по ступеням, считая их про себя, синхронизируя шаг с дыханием, находя ритм, который не требовал усилий, который возникал сам, как естественное продолжение движения. Раз. Два. Три. Четыре. Пятнадцать. Шестнадцать. Семнадцать. Выход.

Улица встретила их тишиной. Морозный воздух ударил в лицо, чистый, острый, бодрящий, наполняющий лёгкие кислородом, проясняющий сознание, заставляющий нервные окончания проснуться окончательно. Снег хрустел под ногами, издавая тот самый знакомый звук, который всегда означал начало чего-то важного, который возвращал в детство, в то время, когда мир был простым, а чудеса — возможными. Фонари гасли один за другим, уступая место серому, ровному свету наступающего утра, который не слепил, а мягко очерчивал контуры домов, деревьев, заборов, создавая пространство, где всё видно, где ничего не скрыто, где можно идти уверенно. Где-то вдалеке прогудела сирена скорой помощи, ее звук потонул в пространстве, оставив после себя лишь вибрацию в воздухе, лишь эхо, которое медленно растворялось, уступая место тишине. Город просыпался медленно, неохотно, словно не желая отпускать ночь. Но они

уже были в пути. Уже в движении. Уже в потоке.

Сократ шёл чуть впереди, прокладывая тропу в нетронутом снегу, его шаги были чёткими, уверенными, оставляющими за собой ровные следы, которые тут же начинали заполняться новым снегом, стирая прошлое, освобождая место для настоящего. Яна шла следом, попадая в его отпечатки, чувствуя, как её ноги сами находят ритм, синхронизируясь с его, повторяя его длину, его частоту, его напор, создавая единую систему движения, где не было лидера и ведомого, а были два элемента, работающие как один механизм, как один организм, как одна цель. Они не говорили. Не было необходимости. Слова могли нарушить тишину, которая была нужна сейчас больше всего. Тишину, в которой слышно дыхание. В которой слышен шаг. В которой слышен внутренний голос, который шепчет: иди. Доверяй. Дыши. Смотри. Запоминай. Чувствуй. Принимай.

Они свернули за угол, прошли мимо спящих гаражей, мимо закрытых киосков, мимо деревьев, чьи ветви были покрыты инеем, сверкающим в предрассветном свете, словно тысячи крошечных бриллиантов, рассыпанных небом. Улица становилась уже, дома — старее, заборы — выше, асфальт — потрескавшимся от мороза. Район менялся, превращаясь из спального в тот, где время словно застыло, где фонари горели тусклее, где тишина была глубже, где воздух казался плотнее, насыщеннее информацией, которая ещё не дошла до сознания, но уже отпечатывалась в подсознании, форми-

руя карту, которая понадобится позже. Яна чувствовала, как меняется атмосфера. Не становится хуже. Становится другой. Более концентрированной. Более значимой. Более реальной. Словно мир сжался вокруг них, оставив только то, что важно, отбросив всё лишнее, всё шумное, всё поверхностное. Оставив суть.

Сократ остановился у высоких металлических ворот, покрытых патиной времени, потемневших от влаги и снега, но не утративших прочности. Забор из кирпича уходил в обе стороны, скрывая территорию от любопытных глаз, создавая границу между тем, что видно всем, и тем, что доступно лишь избранным. На воротах не было табличек. Не было звонков. Не было камер. Только маленькая, едва заметная калитка, встроенная в стальную створку, словно специально оставленная для тех, кто знает, куда идти. Он достал ключ, вставил в замок, повернул. Щелчок прозвучал тихо, но отчётливо, словно дверь открыла не только проход, но и пространство между мирами. Между тем, что было вчера, и тем, что начнётся сегодня. Между сном и явью. Между ожиданием и встречей. Между девочкой, которая читала книги, и хранителем, который станет частью истории.

- Заходи, - сказал он, придержав калитку, не оборачиваясь, зная, что она уже сделала выбор, уже приняла решение, уже шагнула в неизвестность без колебаний, без страха, без сомнений. - И не бойся тишины. Она не пустая. Она наполнена. Она ждёт. Она помнит. Она знает, кто приходит. И она

открывается только тем, кто умеет слушать.

Яна шагнула внутрь. Снег под ногами был нетронутым, ровным, как чистый лист, как начало новой главы, как первый вдох перед важными словами. Впереди, сквозь голые ветви старых лип, виднелся силуэт здания. Не особняка. Не дворца. Не крепости. Просто дома. Но в его окнах уже горел свет. Тёплый, ровный, приглашающий, не слепящий, а ведущий, не требующий, а принимающий. И в этом свете было обещание. Не конца. А начала. Того, о чём шептали легенды. Того, что готовили месяцы. Того, что нельзя отменить. Только принять. Только пройти. Только стать частью. Только изменить всё.

Она оглянулась на Сократа. Он стоял рядом, не заглядывая вперёд, а смотря на неё. В его глазах не было вопроса. Только уверенность. Только тихое знание: ты готова. Ты всегда была готова. Ты просто ждала момента, чтобы это понять.

Она кивнула. И сделала следующий шаг. В свет. В неизвестность. В то, что уже стало её. В то, что ждало её всю жизнь. В то, что начнётся сейчас. И уже никогда не остановится.

Калитка за спиной закрылась с мягким щелчком, отрезая Яну от улицы, от снега, от привычного мира. Сократ остался снаружи. Он не переступил порог. Он просто кивнул, и в этом кивке было всё: доверие, граница, начало. Яна дошла до здания и смело шагнула внутрь. Воздух в старом доме был

другим. Не холодным. Не душным. А плотным, настоянным на времени, на пыли, на высохших травах, на тишине, которая не пустая, а наполненная ожиданием. Пол скрипнул под ботинками. Свет пробивался сквозь высокие, запыленные окна, ложился на половицы узкими полосами, в которых танцевали пылинки, медленные, гипнотичные, будто отсчитывали ритм самого здания. Она стояла в центре прихожей, слушая, как возвращается тишина, как пространство сжимается вокруг неё, проверяя, выдержит ли она давление неизвестности.

Тогда из глубины коридора появился он.

Шаги были тяжелыми, но не грузными. Уверенными. Ритмичными. Каждое движение выверено до миллиметра, лишено суеты, пропитано внутренней дисциплиной. Он вышел из полумрака, и свет из окна обрисовал его силуэт. Высокий. Почти два метра. Плечи широкие, как дверной проем. Мускулы не выпирали, а лежали под темным свитером плотным, живым рельефом, готовым к действию в любую долю секунды. Лицо было резким, словно высеченным из темного камня, с глубокими линиями у рта и глаз, которые говорили не о возрасте, а о пережитом, о виденном, о том, что нельзя забыть даже при желании. Но глаза... глаза были спокойными. Тихими. Внимательными. В них не было угрозы. Не было оценки. Только присутствие. Только готовность увидеть. Только тишина, которая ждала ответа.

Он остановился в трех шагах от неё. Не приблизился. Не

отступил. Просто стоял. Дышал ровно. Смотрел прямо. И сказал одно слово:

- Раф.

Никаких фамилий. Никаких титулов. Никаких пояснений. Просто имя. И этого было достаточно. Оно легло в воздух как печать. Как якорь. Как ключ, который не нужно поворачивать, потому что дверь уже открыта. Яна почувствовала, как тело автоматически выпрямляется, как дыхание замедляется, как сознание переключается с бытового режима на режим восприятия. Она не знала, кто он. Не знала, откуда он. Не знала, зачем он здесь. Но интуиция, та самая древняя, отточенная годами чтения и тишины, уже шептала: он не враг. Он не друг. Он зеркало. Он проверка. Он порог.

Раф не стал тратить время на приветствия. Он сделал шаг в сторону, обошел её медленным полукругом, и когда оказался за спиной, заговорил. Но это не был разговор. Это был поток. Низкий, ритмичный, почти мелодичный. Слова накладывались друг на друга, сплетались в узоры, меняли темп, то ускоряясь, то замедляясь, то переходя в почти шепот, то нарастая до ровного, обволакивающего гула. Он не задавал вопросов. Он создавал пространство. Он описывал лес без троп. Реку без берегов. Ночь без звезд. Он говорил о волке, который не охотится на мясо, а охотится на сомнение. О компасе, который не сломан, а просто дрожит в руке того, кто боится выбрать направление. О рынке, где монеты превращаются в пыль, а время покупают за страх. Он плел нити

логики, запутывал их, распутывал, снова запутывал, создавая лабиринт, в котором нельзя заблудиться, если дышишь ровно, если слушаешь не ушами, а кожей, если замечаешь паузы, если видишь структуру за словами. Это была не беседа. Это была настройка. Проверка бдительности. Тест на остроту ума. Испытание на способность выживать не телом, а вниманием. Не силой, а ясностью.

Яна стояла неподвижно. Не закрывала глаза. Не отводила взгляд. Она позволяла словам проходить сквозь неё, как ветер сквозь крону, не задерживаясь на поверхности, а оседая в глубине. Она чувствовала ритм. Три удара описания. Один удар тишины. Один скрытый сдвиг. Ложная предпосылка. Подмена причинно-следственной связи. Эмоциональный крючок, замаскированный под факт. Она отслеживала каждый слой. Не анализировала. Наблюдала. Позволяла паттернам проявляться сами. Позволяла мозгу фильтровать шум. Позволяла телу оставаться заземленным. Она заметила, как меняется его дыхание, когда он подходит к ключевой точке. Заметила, как тень от его плеча ложится на пол чуть иначе, когда он ждет реакции. Заметила, как воздух становится плотнее, когда он проверяет, сломается ли её концентрация. Она не поддавалась давлению. Не ускоряла пульс. Не сжимала кулаки. Она просто была. Здесь. Сейчас. В потоке. В тишине между звуками. В пространстве, которое он создавал, и которое она наполняла своим присутствием.

Он закончил. Последнее слово повисло в воздухе, дрог-

нуло, растворилось. Тишина вернулась. Но уже другая. Не пустая. Наполненная. Проверенная. Раф остановился напротив. Смотрел. Ждал. Не требовал ответа. Просто давал возможность проявиться тому, что уже созрело.

Яна вдохнула. Выдохнула. И спросила. Одно предложение. Точное. Чистое. Без лишних слов. Без эмоций. Без попытки впечатлить. Просто суть:

- Ты измеряешь мою логику или мою готовность доверять себе, когда логика молчит?

Раф замер. На долю секунды. Потом его лицо дрогнуло. Не в улыбке. В чем-то более глубоком. В узнавании. В облегчении. В тихом восхищении, которое не нуждается в словах. Он отступил на шаг. Запрокинул голову. И рассмеялся. Не громко. Не резко. Тепло. Глубоко. Как человек, который долго нес тяжелый груз и вдруг понял, что его можно отпустить. Смех разлился по комнате, отозвался в стенах, разогнал пыль, осветил пространство. Он покачал головой, перевел взгляд за её спину, в сторону двери, в сторону улицы, в сторону того, кто ждал снаружи, и крикнул, не повышая голоса, но так, что каждое слово пробило стены, дошло до снега, дошло до человека, стоящего у машины.

- Сократ! Ты был прав. Эта девочка станет легендой.

Слова не упали. Они встали. Как фундамент. Как печать. Как приговор, который не карает, а освобождает. Раф опустил руку, посмотрел на часы. Старые, с потемневшим циферблатом, с кожаным ремешком, стертым до мягкости.

Ткнул пальцем в стекло. Кивнул.

- Пора кое-куда съездить.

Яна не успела осмыслить. Не успела удивиться. Не успела задать ещё один вопрос. Всё произошло так быстро, так естественно, так неизбежно, будто время само подстроилось под ритм этого момента. Она шагнула к двери. Толкнула. Вышла на крыльцо. Холод ударил в лицо. Сократ стоял у калитки, рядом с машиной. Черная БМВ. Старая. Идеально ухоженная. Кузов блестел, несмотря на снег, несмотря на серое небо, несмотря на годы. Он не спросил, как прошло. Он увидел. В её осанке. В её дыхании. В том, как она смотрит на мир. Он открыл пассажирскую дверь. Она села. Кожа скрипнула. Запах салона обволок её: масло, старая кожа, табак, время, путь. Он сел за руль. Повернул ключ. Двигатель ожил ровным, уверенным гулом. Вибрация прошла по сидению, по позвоночнику, по рукам, синхронизируя внутреннее состояние с внешним движением. Они поехали.

Москва первого января была другим городом. Не мертвым. А спящим. Отдыхающим. Сбросившим маску спешки. Улицы пустовали. Тротуары лежали под ровным слоем снега, нетронутым, как чистый лист. Фонари горели даже днем, их свет ложился на сугробы мягкими, янтарными пятнами, создавая иллюзию уюта посреди зимы. Небо было серым, низким, тяжелым, но не давящим. Просто спокойным. Снег падал медленно, лениво, кружась в воздухе, словно не торопясь касаться земли. Шины шуршали по укатанно-

му снегу, звук был мягким, ритмичным, гипнотизирующим, убаюкивающим, но не усыпляющим. Наоборот. Пробуждающим. Сократ вел машину молча. Руки лежали на руле легко. Взгляд скользил по дороге, по зеркалам, по горизонтали. Он не напрягался. Не контролировал. Он доверял. Доверял машине. Доверял дороге. Доверял моменту. Яна смотрела в окно. Город проплывал мимо, как декорация, как сон, как воспоминание, которое еще не стерлось, но уже теряет вес. Они проехали центр. Потом окраины. Потом знакомые ориентиры исчезли. Дорога стала уже. Дома реже. Заборы выше. Снег глубже. Они выехали за черту привычного. В место, где время течет иначе. Где прошлое не ушло. Где будущее еще не наступило. Где настоящее дышит полной грудью.

Сократ свернул с асфальта на едва заметную колею. Машина покачнулась, пошла медленнее, осторожнее. Снег летел из-под колес, оседал на капоте, на стеклах, на крыше. Они проехали еще с километр. Может, два. Время перестало измеряться минутами. Оно измерялось дыханием. Пульсом. Шумом двигателя. Шорохом шин. Наконец он остановился. Заглушил мотор. Тишина обрушилась на салон, но не давила. Наполняла. Очищала.

-Приехали, - сказал он просто.

Они вышли. Холод обнял их мгновенно, но не пробирали. Он заземлял. Возвращал в тело. Возвращал в реальность. Яна огляделась. Они стояли на холме. Ветер здесь был слабее, снег лежал ровнее, воздух казался чище, прозрачнее.

Внизу, в дымке, расплывалась Москва. Далекая. Размытая. Скрытая за пеленой осадков и морозного тумана. Город казался игрушечным. Нереальным. Как макет, который можно взять в руки, повернуть, рассмотреть, но который не дышит. Не живет. Не чувствует. Но не это было главным. Главным было то, что стояло рядом.

Старая церковь. Недействующая. Яна поняла это сразу. Купола покосились, потеряли симметрию, будто устали держать небо. Кресты наполовину обвалились, железо проржавело, дерево сгнило. Стены покрыты трещинами, которые расходились как вены, как линии на ладони, как карта забытых дорог. Заброшенная. Забытая. Стоящая здесь, наверное, уже лет сто. А может, и больше. Время не трогало её. Время просто прошло мимо. Рядом с церковью было кладбище. Заросшее. Одичавшее. Кресты покосились, упали, вросли в землю. Памятники превратились в неузнаваемые камни, покрытые мхом, лишайником, снегом. Имена стерлись. Даты смылись. Остались только формы. Только тишина. Только память земли.

- Зачем мы здесь? - тихо спросила Яна. Голос прозвучал громко в этой тишине. Не потому что она кричала. А потому что пространство было настолько чистым, настолько пустым от шума, что любое слово становилось событием.

Сократ не ответил сразу. Он подошел к церкви. Обошел её вокруг. Медленно. Внимательно. Остановился у одной из стен. Прислонился ладонью к кирпичу. Закрыл глаза. Ды-

шал. Слушал. Не ушами. Телом. Костями. Кровью.

- Мой дед был священником, - сказал он наконец. Не открывая глаз. Голос был тихим. Ровным. Без дрожи. Без пафоса. Просто факт. Просто история. Просто часть его. - В этой церкви. Служил здесь с двадцатого года до тридцать седьмого. А потом... потом его забрали. И он не вернулся.

Яна замерла. Не от страха. От уважения. От понимания веса слов. От осознания, что прошлое не уходит. Оно просто меняет форму. Становится тишиной. Становится камнем. Становится памятью, которую передают шепотом, которую хранят в груди, которую не выкладывают на стол, но которая определяет каждое решение.

- Его расстреляли в тридцать восьмом, - продолжил Сократ. За то, во что верил. За то, кому что служил. За то, что не отказался от Бога, когда потребовали. Эта церковь закрылась в тридцать девятом. Сначала сделали склад. Потом вообще забросили. И вот она стоит. Ждет. Не знаю, чего. Может, разрушения. Может, восстановления. Может, просто конца.

Он открыл глаза. Посмотрел на стену. На трещины. На следы времени. На следы людей. На следы веры.

- Я привез тебя сюда не для того, чтобы напугать. Или расстроить. Я привез тебя сюда, чтобы ты увидела. Увидела, что все конечно. Что ничто не вечно. Что империи рушатся, церкви закрываются, люди умирают, идеи забываются. Все, что кажется незыблемым, зыбко. Все, что кажется

вечным, временно. Позволь себе почувствовать это. Не как угрозу. Как освобождение. Если все кончено, если ничто не вечно, значит, не нужно цепляться. Не нужно бояться потерять. Не нужно строить иллюзии о вечности. Нужно просто жить. Здесь и сейчас. Делать то, что должно. Говорить то, что правда. Быть тем, кто ты есть. Не ради вечности - ее нет. А ради самого процесса. Ради того, чтобы в тот момент, когда ты исчезнешь, ты мог сказать: я жил. По-настоящему. Честно. Полно.

Яна слушала. Слова проникали глубоко. Не в ум. В тело. В клетки. В дыхание. Они разрезали что-то старое, затвердевшее, накопленное годами страха, ожидания, попытки соответствовать. Освобождали место. Для чего-то нового. Для чего-то легкого. Для чего-то настоящего. Она чувствовала, как плечи опускаются. Как челюсть разжимается. Как взгляд становится мягче. Как мир перестает быть полем битвы и становится пространством для пути.

- Пойдем, - сказал Сократ. - Я покажу тебе еще кое-что.

Он обошел церковь с другой стороны. Остановился у старого, почти полностью разрушенного надгробия. Присел на корточки. Начал разгребать снег. Листву. Грязь. Руки двигались уверенно. Бережно. Не как копатель. Как хранитель. Как тот, кто знает цену камню, цену имени, цене памяти. Яна подошла ближе. Смотрела. Чувствовала, как холод проникает в пальцы, но не останавливает. Не мешает. Просто напоминает, что тело здесь. Что жизнь здесь. Что момент здесь.

Под слоем грязи и времени проступили буквы. Старые. Стертые. Но все еще читаемые. Для тех, кто умеет видеть. Для тех, кто не спешит. Для тех, кто готов принять.

-Здесь похоронен... Михаэль... Арутюнян... - прочитала Яна по слогам. Голос не дрогнул. Он стал тише. Глубже. Настоящее.

Сократ кивнул.

-Это мой дед. Его тело так и не вернули. Но бабушка... она пришла сюда, когда все немного успокоилось, в пятидесятых, и установила этот камень. Пустую могилу. Чтобы было место, куда прийти. Чтобы было место, где помолиться. Чтобы было место, где имя не растворится в воздухе.

Он провел рукой по камню. Словно гладил. Словно прощался. Словно здоровался.

- Она приходила сюда каждый год. До самой смерти. Приходила, убирала, молилась, разговаривала с ним. И знаешь, что она говорила мне? Что он не умер. Что он жив. Потому что пока о ком-то помнят, пока кто-то говорит его имя, пока кто-то продолжает его дело он жив. Смерть наступает не тогда, когда останавливается сердце. А тогда, когда о тебе забывают. Когда твое имя больше не произносят. Когда твои дела больше не имеют значения. Когда твой след стирается с земли.

Сократ поднялся. Посмотрел на Яну. В его глазах не было грусти. Не было отчаяния. Только ясность. Только сила. Только тихая, непоколебимая вера в то, что память это не ар-

хив. Это акт сопротивления. Сопротивления забвению. Сопротивления смерти. Сопротивления бессмысленности.

- Когда ты помнишь, когда ты хранишь, когда ты передаешь дальше ты побеждаешь время. Не полностью. Никто не может. Но частично. На мгновение. И это мгновение стоит всего. Стоит боли. Стоит страха. Стоит риска. Стоит пути.

Яна стояла. Чувствовала, как что-то внутри перестраивается. Меняется. Обретает новую форму. Не ломается. Расцветает. Как семя под снегом. Как мысль в тишине. Как решение, которое созревает годами, а щелкает за секунду. Она поняла. Не умом. Телом. Дыханием. Кровью. Поняла, что жизнь не в том, чтобы избежать конца. А в том, чтобы наполнить путь. Поняла, что страх теряется, когда есть направление. Поняла, что одиночество исчезает, когда есть связь с теми, кто был до, и с теми, кто будет после. Поняла, что она не просто девочка из московского двора. Она звено. Носитель. Хранитель. И это не бремя. Это привилегия. Это выбор. Это судьба, которую не навязывают, а принимают.

- А теперь, - сказал Сократ, и в его голосе появилась легкая улыбка, - давай вернемся. Ты замерзла, да и мне пора... прийти в себя.

Они вернулись к машине. Сели. Поехали обратно. Дорога прошла в молчании. Но это было не неловкое молчание. Не пустое. Не тяжелое. Это было то особое, насыщенное молчание, когда слова не нужны, потому что все уже сказано. Все уже понято. Все уже уложилось в нужные ящики. Ко-

гда тишина становится мостом. Когда пауза становится ответом. Когда присутствие становится диалогом. Яна смотрела в окно. Город возвращался. Постепенно. Неожиданно. Знакомо. Но уже по-другому. Уже с новой глубиной. Уже с новым смыслом. Уже с новым ритмом.

Когда они подъехали к дому Яны, было уже почти утро. Свет стал ярче. Снег перестал падать. Небо прояснилось, обнажив бледно-голубую полоску над крышами. Сократ остановил машину у подъезда. Заглушил двигатель. Тишина вернулась. Но уже другая. Домашняя. Безопасная. Завершенная.

- Спасибо, - сказала Яна, поворачиваясь к нему. Голос был тихим. Но твердым. - За все. За подарок. За то, что показал. За то, что... что ты есть.

Сократ улыбнулся. Той улыбкой, которая не меняет лицо, а раскрывает его.

- Это тебе спасибо. За то, что ты пришла. За то, что подарила мне этот вечер. За то, что напоминаешь мне, зачем все это нужно.

Он помолчал. Потом добавил серьезно:

- Яна, помни: ты сильнее, чем думаешь. Умнее, чем кажется. Важнее, чем тебе говорят. Не позволяй никому слышишь никому убедить тебя в обратном. Иди своим путем. Держи направление. И помни: ты не одна. Даже когда будешь одна - ты не одна. Потому что у тебя есть компас. Есть книги. Есть слова. Есть память. И этого достаточно. Всегда до-

статочно. Позволь себе поверить в это. Позволь себе нести это. Позволь себе быть этим.

Яна кивнула. Чувствовала, как эти слова входят в неё. Не как приказ. Как разрешение. Как ключ. Как дыхание, которое наконец выровнялось.

Она открыла дверь. Вышла из машины. Сделала несколько шагов к подъезду. Снег хрустнул под ботинками. Воздух был свежим. Чистым. Живым.

И в этот момент услышала голоса.

Она обернулась.

У соседнего подъезда стояли три девочки из её двора. Те самые. С которыми она иногда играла, но которые никогда не принимали её по-настоящему. Всегда смотрели свысока. Всегда находили повод подшутить. Посмеяться. Показать, что она не такая. Что она странная. Что она не вписывается. Что она читает не те книги. Что она говорит не те слова. Что она живет не в том ритме.

Они стояли. Смотрели на машину Сократа. На черную БМВ, которая в их дворе была такой же редкостью, как корабль, спустившийся с облаков. Смотрели на Сократа, который сидел за рулем. Спокойного. Уверенного. Непроницаемого. Смотрели на Яну, которая только что вышла из этой машины. И в их взглядах было всё. Зависть. Недоумение. Злость. Непонимание. Как эта тихая, странная Яна, которая не играет в их игры, которая не следит за модой, которая не боится тишины как оказалась в такой машине? С таким

мужчиной? Почему ей можно то, что нельзя им? Почему мир выделяет её, когда они стараются так усердно, чтобы просто соответствовать?

Они не знали, кто такой Сократ. Не знали, о чем они говорят. Не знали, что происходит между ними. Для них это было просто: машина. Мужчина. Яна. И это не укладывалось в их картину мира. В их систему координат. В их правила выживания.

Яна посмотрела на них. Не с вызовом. Не с торжеством. Не с оправданием. Просто посмотрела. И в её взгляде было спокойствие. Понимание. Сострадание. Не снисхождение. А признание. Она знала: они завидуют не машине. Не Сократу. Они завидуют тому, что у неё есть то, чего нет у них. Не вещи. Не статус. Не внимание. А смысл. Направление. Понимание. Они живут в мире, где важны только внешние атрибуты. Кто одет круче. У кого родители богаче. Кто популярнее. Кто громче. А она... она начинала понимать, что есть что-то глубже. Что-то, что не видно снаружи. Что-то, что нельзя купить. Что-то, что можно только найти. Внутри себя. В тишине. В книгах. В вопросах. В пути.

Сократ тоже посмотрел на девочек. Коротко. Без осуждения. Без презрения. Без злости. Просто зафиксировал. И в этом взгляде было понимание: они ещё не знают. Ещё не понимают. Ещё живут в иллюзиях. Может, когда-нибудь проснутся. Может, нет. Но это их путь. Их выбор. Их время. Их урок.

Яна повернулась. Пошла к подъезду. Не быстро. Не медленно. В своём ритме. В своей частоте. В своей правде.

И в этот момент Сократ окликнул её:

- Ян!

Она обернулась.

Сократ смотрел на неё, и в его глазах было что-то такое, от чего у Яны защипало в носу. Не от боли. От полноты. От узнавания. От связи, которая не рвется.

- Помни, - сказал он тихо, подходя к ней, но так, что каждое слово было отчетливо слышно. - Зависть это признание превосходства. Когда тебе завидуют, это значит, что ты делаешь что-то правильно. Что ты идешь своим путем. Что ты не боишься быть собой. Не принимай зависть близко к сердцу. Не злись. Не оправдывайся. Просто иди дальше. Потому что те, кто завидует, они... они ещё спят. А ты... ты начинаешь просыпаться. И это не их вина. Это их выбор. Уважай их выбор. Но не меняй свой. Позволь себе быть другой. Позволь себе идти в тишине. Позволь себе не объяснять. Позволь себе просто быть.

Яна кивнула. Не смогла ничего сказать. Горло сжалось от эмоций. От благодарности. От осознания веса момента. От понимания, что это не прощание. Это напутствие. Это печать. Это начало.

-И ещё, - добавил Сократ, и в его голосе прозвучала та особая интонация, которая заставляла запоминать каждое слово навсегда. - Однажды ты поймешь, что настоящая си-

ла не в том, чтобы заставить других замирать перед тобой. А в том, чтобы заставить их проснуться. Чтобы они увидели себя. Увидели мир. Увидели возможность быть другими. Быть настоящими. Быть свободными. И когда это случится ты поймешь, что все эти годы, все эти разговоры, все эти книги... они были не для тебя. Они были для них. Для тех, кто ещё спит. И твоя задача не осудить их за сон. А разбудить. Тихо. Мягко. Настойчиво. Как будильник, который звонит в нужное время. Не ломая дверь. А открывая окно. Не крича. А шепча. Не требуя. А предлагая.

Он сделал паузу. Посмотрел на Яну пристально. Глубоко. Прямо в душу:

- Ты готова к этому? Готова нести этот свет? Готова быть тем, кто будит, даже когда тебя не понимают? Даже когда тебе завидуют? Даже когда тебя отвергают? Даже когда тишина вокруг кажется слишком громкой?

Яна открыла рот, чтобы ответить, но слов не было. Вместо этого она просто кивнула. Медленно. Уверенно. И в этом кивке было всё. Согласие. Принятие. Решение. Путь.

Сократ улыбнулся. Той улыбкой, которая преобразила его лицо, делала его светлее, человечнее, ближе.

- Тогда иди. Твой путь начинается. И он будет трудным. Будет больно. Будет страшно. Но будет и светло. И тепло. И свободно. Иди. Я буду рядом. Не всегда физически. Но всегда... по-настоящему.

Яна повернулась. Пошла к подъезду. Не оглядываясь.

Зная, что если оглянется не сможет идти дальше. Не из страха. Из уважения к моменту. Из верности пути. Из доверия к себе.

Она вошла в подъезд. Поднялась по лестнице. Открыла дверь квартиры.

Дома ещё все спали, или делали вид, что спят. Тишина была домашней. Уютной. Знакомой. Яна тихо прошла в свою комнату. Села на кровать. Достала компас, который подарил дедушка. Открыла крышку. Посмотрела на стрелку. Она дрожала. Потом замерла. Уверенно указывая на север. На путь. На то, что должно быть сделано. Не потому что нужно. А потому что правильно.

Яна улыбнулась. Не широко. Тихо. Глубоко.

Потом достала книгу, которую когда-то подарил Сократ. Размышления Марка Аврелия. Открыла на первой странице. Прочитала: «Все, что происходит, происходит справедливо..».

И вдруг поняла.

Поняла, что Сократ прав. Что все справедливо. Не потому, что мир добрый. А потому, что все имеет смысл. Все связано. Все ведет куда-то. Все учит чему-то. Все готовит к следующему шагу. Все проверяет бдительность. Все награждает ясность. Все прощает страх. Все требует смелости.

И её путь... её путь только начинается.

Она взяла записную книжку, которую подарила бабушка. Открыла на чистой странице. Взяла ручку.

И начала писать.

Писала о том, что произошло сегодня. О подарках. О Сократе. О церкви. О кладбище. О словах, которые он сказал. О зависти девочек. О том, что она почувствовала. О том, что поняла. О Рафе. О тесте. О вопросе. О смехе. О легенде. О времени. О пути. О тишине. О свете. О компасе. О книге. О слове.

Писала долго. Пока не закончилась страница. Пока не затекла рука. Пока не стемнело за окном. Пока дыхание не стало ровным. Пока сердце не успокоилось. Пока ум не очистился. Пока душа не наполнилась.

А потом перечитала написанное и почувствовала, как что-то внутри неё щелкнуло. Как будто закрылся один этап и открылся другой. Как будто она перешла какую-то невидимую границу. Как будто дверь за спиной закрылась, а окно впереди распахнулось. Как будто она наконец встала на свою землю. На свою частоту. На свой ритм. На свой путь.

Она закрыла записную книжку. Положила её на стол. Рядом с компасом. Рядом с книгой.

Посмотрела на эти три предмета и улыбнулась.

Компас. Книга. Слово.

Три якоря. Три опоры. Три направления. Три обещания. Три истины.

С этим можно идти. Не оглядываясь. Не сомневаясь. Не боясь.

С этим можно жить. Не притворяясь. Не скрываясь. Не

подстраиваясь.

С этим можно... изменить мир. Не сразу. Не легко. Не без боли. Не без потерь. Но можно. Обязательно можно. Потому что теперь у неё есть направление. И она не собьется с пути. Никогда. Не потому что она идеальна. А потому что она настоящая. Не потому что она не ошибается. А потому что она учится. Не потому что она одна. А потому что она часть чего-то большего. Частью пути. Частью памяти. Частью света.

А за окном всё ещё падал снег. Медленно. Плавно. Гипнотизирующе. Укрывая землю. Очищая воздух. Готовя почву для весны. Для нового. Для того, что еще не написано, но уже дышит. Уже ждет. Уже близко.

И Яна знала: это только начало. Только самое начало. Всего. Пути. Памяти. Смысла. Света. Легенды. Не чужой. Своей. Той, что пишется не чернилами. А шагами. Не словами. А делами. Не обещаниями. А присутствием. Той, что начинается здесь.

Сейчас.

В тишине.

В дыхании.

В компасе.

В книге.

В слове.

В ней.

В карме.

Глава 4.

Глава 4. Карма

Читать под трек **«I wanna go home» - Nicola Cavallaro**

Возвращаясь от Сократа, Яна поднялась на свой этаж и подошла к входной двери, ведущей в квартиру. Замок щёлкнул мягко, почти бесшумно, словно сам дом выдохнул, пропуская её обратно в своё тёплое, сонное нутро. Яна проскользнула в прихожую, стряхивая с воротника куртки последние, крупные хлопья снега. Квартира дышала тяжёлым, ватным воздухом первого января. Из родительской спальни доносился ровный, размеренный храп отца, перемежающийся тихим, прерывистым посапыванием бабушки. Дом ещё не проснулся, погрузившись в ту особую, липкую тишину, которая бывает только после праздничной ночи, когда адреналин спадает, оставляя после себя лёгкую пустоту, усталость и ощущение, что время на несколько часов замедлило свой бег. Яна сняла ботинки, поставила их ровно у коврика, прошла босиком по холодному линолеуму в сторону кухни. Там, за столом, уже сидели дедушка и отец. Перед ними дымились кружки с чёрным чаем, на скатерти лежала раскрытая газета, страницы которой пахли типографской краской и чем-то неуловимо домашним. Они говорили тихо, почти шёпотом,

о чём-то своём, взрослом, не предназначенном для детских ушей. О ценах, о долгах, о том, что будет весной, о том, что мир меняется быстрее, чем они успевают это осмыслить. При её появлении оба обернулись. Дедушка медленно снял очки, протёр стёкла краем платка. Отец поставил кружку на стол, изучающе посмотрел на дочь. Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на глазах, опустился на руки, снова поднялся. Не ища лжи. Ища состояние.

— Гуляла рано, — сказал отец не вопросительно, а утвердительно. Голос его был хрипловатым от сна, но ровным. — Снег ещё не укатан. Дорожки не расчищены.

— Хотела собрать блестящие осколки от салютов, — ответила Яна, голос её звучал тихо, но чётко, без оправданий, просто констатируя факт. — На крыше соседнего дома остались. Красивые. Переливаются на солнце.

Дедушка кивнул. Отец кивнул. Оба сделали вид, что поверили. Но в их взглядах на мгновение пересеклись странные, тяжёлые искры. Не недоверие. Не злость. Тревога. Тихое, взрослое понимание того, что дети в этом возрасте уже начинают жить своей жизнью, которую родители не в силах контролировать, не в силах предсказать, не в силах удержать. Они переглянулись, и в этом коротком обмене взглядами было больше сказано, чем в любых словах. Потом дедушка отвернулся к окну, проводя пальцем по запотевшему стеклу, а отец вернулся к газете, но бумага в его руках дрогнула едва заметно, выдавая внутреннее напряжение.

Яна прошла в свою комнату, закрыла дверь, села на край кровати. Сердце всё ещё колотилось, отдаваясь в висках тяжёлыми, гулкими ударами, синхронизируясь с тиканьем настенных часов. Она закрыла глаза, сделала медленный вдох, считая до четырёх, задержала дыхание, выдохнула на шесть. Пульс выровнялся. Дыхание стало глубже. Тело расслабилось, принимая новую реальность не как стресс, а как данность. Она уже не была просто девочкой, вернувшейся с прогулки. Она была той, кто прошёл проверку. Кто получил разрешение. Кто стоял на пороге, за которым начиналось не детство, а путь.

Через час квартира ожила. Зашумел телевизор на кухне, включили воду, запахло жареными луком и колбасой. Семья собралась за столом. Бабушка вынесла огромную салатницу с оливье, горка желтоватых кубиков возвышалась, пахнув майонезом, горошком и чем-то неуловимо советским, привычным, обязательным, как ритуал, который нельзя нарушать, не нарушив сам порядок вещей. Мама разложила тарелки. Папа налил сок. Дедушка молча ждал, пока все усядутся, пока установится тот самый семейный ритм, который держит дом вместе. Яну посадили напротив бабушки. Ей положили полную тарелку салата, сверху щедро добавили ещё одну ложку. Традиция. Невысказанное требование соответствовать. Быть как все. Не выделяться. Не усложнять.

Яна посмотрела на оливье. Потом на бабушку. Потом тихо, но так, чтобы слышали все, сказала:

— Я бы предпочла ржаной хлеб с красной икрой. И кусочек любимой «Праги»… ну или печеные яблоки, в крайнем случае. Оливье тяжеловат с утра. Не идёт.

Повисла пауза. Неловкая, тягучая, наполненная воздухом, который внезапно стал слишком плотным, слишком вязким. Бабушка медленно опустила ложку. Её глаза сузились, губы сжались в тонкую, бескровную линию.

— Московские замашки, — произнесла она, голос звучал сухо, как треск сухой ветки на морозе. — В одиннадцать лет уже разбирается, что есть, а что нет. Раньше радовались тому, что на столе вообще что-то есть. А теперь... капризы. Словно мы в ресторане сидим. Словно хлеб даром даётся.

Мама резко обернулась, её лицо покраснело, в глазах вспыхнуло раздражение, смешанное с обидой, с той самой материнской болью, которая возникает, когда ребёнок отказывается от того, что ты вложила в него годами.

— Ты что, не ценишь то, что для тебя делают? — голос её дрогнул, повышаясь на полтона, становясь тонким, ломким. — Я с вчерашнего утра готовила, убирала, а ты... хамское отношение. Словно мы тебе обязаны. Словно ты не часть семьи, а гость, который платит за обслуживание. Где уважение? Где благодарность?

Отец вздохнул, провёл рукой по волосам, посмотрел на тарелку, потом на Яну. В его взгляде не было гнева. Только усталость. Та самая взрослая тяжесть, которая давит на плечи, не давая распрямиться, которая заставляет считать каж-

дую копейку, взвешивать каждое слово, бояться завтрашнего дня.

— Я столько не зарабатываю, чтобы кормить семью деликатесами каждый день, — сказал он, и в его голосе звучала та самая правда, которую невозможно оспорить, потому что она написана на лице, в морщинах, в сутулости, в руках, которые не знают отдыха. — Икра, Прага... Где ты этому набралась? И ты отказываешься от традиционного. Почему? Чем оливье не угодил?

Дедушка молчал. Он просто смотрел на Яну. Его взгляд был спокойным, глубоким, лишённым осуждения. В нём читалось понимание. Он видел не каприз. Он видел выбор. Он видел, как девочка учится отстаивать свои границы, как она учится говорить нет тому, что не резонирует с её внутренним состоянием, как она отказывается есть то, что тело не принимает, даже если это требует конфликта. Он не вмешался. Он позволил напряжению пройти, позволяя Яне прожить этот момент, не прячась за спину взрослых, не ища защиты, не ломаясь под давлением. Он дал ей пространство для решения.

Яна не стала спорить. Не стала оправдываться. Не стала плакать или кричать в ответ. Она просто отодвинула тарелку с оливье чуть дальше. Не съела ни ложки. Встала. Движения были плавными, лишёнными суеты.

— Я пойду гулять, — сказала она тихо. — Девочки обещали подойти к подъезду. Обещали поиграть.

Она взяла куртку, надела ботинки, вышла в прихожую. За спиной слышались приглушённые голоса мамы и бабушки, тяжёлый вздох отца, тишина дедушки. Дверь щёлкнула.

Улица встретила её холодом, но холод этот был чистым, освежающим, смывающим напряжение кухни, выветривающим обиду, оставляя только ясность. Она спустилась по лестнице, вышла во двор. Снег искрился под слабым январским солнцем, слепил глаза, заставлял щуриться. Воздух был прозрачным, звенящим, наполненным тишиной, которая не пугала, а успокаивала. И там, у калитки, стоял Сократ. Не в машине. Просто стоял. Руки в карманах пальто. Дыхание ровное. Взгляд спокойный. Он кивнул. Она подошла. Ни слова не было нужно. Они развернулись и пошли к машине. Обещание дневной поездки висело в воздухе, тяжёлое и сладкое, как обещание бури перед грозой, как тишина перед первым ударом грома.

***

Москва первого января тысяча девятьсот девяносто седьмого года была другим городом. Не пустым, а выдохнувшим. Город, который неделю жил на адреналине праздничных гуляний, рыночных ажиотажей, телевизионных обещаний и кухонных споров, наконец-то позволил себе расслабиться. Улицы лежали под ровным, нетронутым слоем снега. Тропинки на тротуарах были узкими, протоптанными редкими прохожими, которые куда-то спешили, кутаясь в шарфы, опустив головы, боясь поднять взгляд, будто снег мог

ослепить или выдать их мысли. Машины встречались редко. В основном это были старые жигули, волги, да редкие иномарки, осторожно скользящие по укатанному льду, оставляя за собой белые следы, которые тут же заметал ветер. Шины шуршали мягко, ритмично, создавая гипнотичный фон, который убаюкивал сознание, переводя его в режим наблюдения, а не анализа. Небо было низким, серым, тяжёлым, но не давящим. Снег падал медленно, крупными хлопьями, кружась в воздухе, словно не торопясь касаться земли, словно играя с ветром, словно танцуя медленный, бесконечный вальс. Фонари горели даже днём, их свет ложился на сугробы янтарными пятнами, создавая иллюзию уюта посреди зимней пустоты. Воздух пах морозом, выхлопами, далёким дымом от печей и чем-то неуловимо сладким, как запах мандаринов, застрявший в складках пальто, как память о тепле, которое уже ушло, но ещё не забылось.

Сократ вёл машину молча. Старая чёрная БМВ, кузов которой блестел несмотря на годы и отсутствие номеров, двигалась плавно, уверенно. Руки лежали на руле легко, пальцы слегка касались кожи, не сжимая, а направляя. Он знал каждый поворот, каждую яму, каждый светофор, который в этот день работал в режиме жёлтого мигания, мигал ровно, как сердцебиение спящего гиганта. Яна сидела рядом, смотрела в окно. Город проплывал мимо, как декорация, как сон, как воспоминание, которое ещё не стёрлось, но уже теряет вес. Они проехали центр, где на Красной площади ещё сто-

яли остатки ёлки, где милицейские посты были сокращены до минимума, где витрины магазинов были закрыты железными ставнями, где на стенах висели плакаты с лицами политиков, которые обещали стабильность, но которым уже не верили. Потом свернули на окраины, где дома стали ниже, заборы выше, асфальт потрескался от мороза. Снег лежал глубже, нетронутый, чистый. Они выехали за черту привычного. В сторону севера. Где воздух становился чище, где тишина глубже, где время текло иначе, не линейно, а спиралью, возвращаясь к истокам, к тому, что было скрыто, к тому, что ждало своего часа.

— Боишься? — спросил Сократ, глядя на дорогу. Голос его был низким, ровным, без тени сомнения, без попытки успокоить, без фальши.

— Нет, — ответила Яна, не отрывая взгляда от окна, чувствуя, как слова сами находятся, как язык подчиняется правде. — Любопытно.

— Это одно и то же, — сказал он, и в уголках его губ дрогнула едва заметная тень улыбки, не весёлой, а глубокой, понимающей. — Только любопытство — это страх, который победил себя. Страх спрашивает: а что, если я не справлюсь? Любопытство спрашивает: а что, если я смогу? Ты выбрала второй вопрос. Значит, ты готова. Значит, ты уже не боишься неизвестности. Ты принимаешь её как часть пути.

Яна перевела взгляд на него. В его профиле, освещённом бледным зимним светом, читалась не просто уверенность.

Читалась древнее, выверенное спокойствие человека, который видел много дверей, и знал, какие из них стоит открывать, а какие лучше оставить закрытыми. Он не обещал безопасность. Он обещал истину. И в этом было больше надёжности, чем в любых клятвах, чем в любых обещаниях защиты, чем в любых стенах, которые можно построить.

Дорога заняла ровно двадцать минут. Время, достаточное, чтобы сознание перестроилось с бытового ритма на ритм ожидания. Чтобы тело расслабилось. Чтобы дыхание выровнялось. Чтобы разум очистился от лишнего шума.

Машина медленно свернула с основной дороги на едва заметную колею, ведущую к высоким кирпичным воротам, и в тот самый миг, когда колеса коснулись заснеженной аллеи, Яна почувствовала, как что-то внутри нее дрогнуло, словно струна, натянутая до предела. Это было не просто предчувствие — это было острое, почти физическое ощущение реальности, обострившейся до предела, когда каждый звук, каждый оттенок, каждая снежинка, кружащаяся в воздухе, обретали невероятную значимость и глубину.

Воздух в салоне вдруг стал другим — более плотным, насыщенным, наполненным чем-то неуловимым, но бесконечно знакомым. Яна прикрыла глаза, и в груди у нее заныло от странной, щемящей ностальгии по чему-то, чего она, казалось бы, никогда не знала, но что было до безумия родным, близким, своим. Это чувство было похоже на возвращение домой после долгих лет скитаний, когда ты еще не видишь

родного порога, но уже всем существом ощущаешь: ты там, где должен быть.

— Останови, — прошептала она, и голос ее дрогнул. — Пожалуйста, останови здесь. Сейчас!

Сократ бросил на нее быстрый взгляд в зеркало заднего вида, но не стал задавать вопросов. Машина плавно затормозила на аллее, и Яна, едва заглох двигатель, открыла дверь и вышла наружу.

Холодный зимний воздух обжег лицо, но это был не просто холод — это было прикосновение чего-то живого, дышащего, ожидающего ее. Яна запрокинула голову к небу, позволяя снежинкам падать на лицо, таять на ресницах, и в этот момент она почувствовала, как все ее тело наполняется странным, иррациональным счастьем. Это было чувство **абсолютной принадлежности**, глубокой укорененности в этом месте, словно она не просто приехала сюда впервые, а вернулась после долгой разлуки.

Домой.

А потом, к полному шоку Сократа, наблюдавшего из машины, Яна просто плюхнулась спиной в пушистый снег — абсолютно доверчиво, без малейшего колебания, как ребенок, который знает, что его поймают, что с ней ничего не случится.

Сократ выскочил из машины, совершенно ошеломленный ее поступком. Его разум, привыкший просчитывать абсолютно все варианты развития событий на десять шагов впе-

ред, дал сбой. К такому повороту он не был готов. Он стоял, уставившись на Яну, лежащую в снегу с раскинутыми руками и абсолютно счастливым выражением лица, и не мог произнести ни слова. Где-то в глубине души он понимал, что за этим наблюдением кто-то следит, и действительно, в окне здания на втором этаже мелькнула фигура — Тимур тоже наблюдал за их приездом, и Сократ мог только догадываться, что думает человек, который приказал привезти сюда эту девочку.

Яна между тем выбралась из снега, отряхнулась, и на ее лице сияла такая искренняя, детская радость, что Сократ невольно сделал шаг назад. Она подошла к нему, по-доброму, по-дружески толкнула в плечо — он устоял на ногах, хотя был готов к чему угодно, но только не к этому — и засмеялась, и этот смех был таким чистым, таким беззаботным, что казался совершенно неуместным в данной ситуации.

— Я дома!!! — воскликнула она, раскидывая руки. — Я наконец-то дома!!!!

Сократ открыл рот, чтобы задать вопрос, но Яна уже бежала вперед, прямо через сугробы, смешно утопая в них по колено, направляясь к старым яблоням, стоявшим ровными рядами вдоль аллеи. Она подошла к ближайшему дереву, обхватила ствол руками и прижалась щекой к шершавой коре, закрыв глаза. В ее движениях была такая нежность, такая теплота и близость, словно она обнимала не просто дерево, а старого друга, которого не видела долгие годы. Она перехо-

дила от яблони к яблоне, каждую удостаивая своим вниманием, своей лаской, и было очевидно: она была здесь, и не один раз, хотя разум твердил, что это **невозможно**.

И вдруг тишину разорвал лай.

Громкий, отрывистый, угрожающий — звук, от которого кровь застыла бы в жилах у любого нормального человека. Это были спущены охранные собаки. Четыре огромных добермана неслись по аллее с невероятной скоростью, их мускулистые тела были напряжены до предела, клыки обнажены в угрожающем оскале.

— Быстро в машину! — закричал Сократ, хватаясь за пистолет.

Но Яна...

Яна обернулась и быстро выбралась из снега, встав совершенно спокойно посреди заснеженной дороги: маленькая, хрупкая девочка, которая даже не думала бежать. Она смотрела прямо на летящих на нее собак с таким спокойствием, с такой абсолютной уверенностью, что Сократ на мгновение подумал: она сошла с ума.

Доберманы были уже в двух метрах, когда вдруг остановились как вкопанные. Четыре мощных тела замерли одновременно, и наступила тишина, такая напряженная, что было слышно, как хрустит снег под их лапами. Яна смотрела им прямо в глаза — каждому по очереди — и в ее взгляде не было ни страха, ни вызова, только спокойное, глубокое понимание.

А потом она просто засмеялась.

Этот смех был таким неуместным, таким безумным в данной ситуации, что Сократ почувствовал, как холодный пот проступил у него на спине. И в следующий миг Яна просто упала на колени прямо на заснеженную дорогу, раскинув руки.

Напряжение достигло пика. Сократ видел, как мышцы собак напряглись, как они сделали шаг вперед, и его палец уже лег на спусковой крючок. Он успел схватиться за пистолет, но через секунду не поверил своим глазам.

Огромные, натренированные доберманы, способные разорвать человека на части за считанные секунды, вместо атаки моментально бросились к Яне. Но не чтобы напасть — чтобы ласкаться. Четыре мощных пса окружили ее, облизывали лицо и руки, виляли хвостами с такой радостью, с таким искренним восторгом, словно встретили давно потерянную хозяйку. Они моментально признали в ней свою, и в этом было что-то мистическое, необъяснимое с точки зрения логики.

Яна смеялась, стараясь уделить внимание каждой из четырех собак — она гладила их по мощным спинам, целовала в мокрые носы, шептала что-то на ухо, и доберманы отвечали ей такой преданностью, такой безграничной любовью, что это зрелище было одновременно и прекрасным, и пугающим.

Сократ стоял, полностью пораженный, сжимая в руке бес-

полезный пистолет, и понимал, что все его расчеты, все его планы, все его представления о реальности только что рухнули в одно мгновение. Он видел, как Тимур наблюдает за этим из окна, и не мог даже представить, что происходит в голове человека, который создал эту ситуацию.

Намеренно спустив собак.

Наконец Яна, вся сияющая, довольная, с прилипшими к волосам снежинками и собачьей слюной на щеке, встала с дороги. Доберманы проводили ее преданными взглядами, но не последовали за ней — они знали свое место. Яна подошла к машине и плюхнулась на сиденье рядом с Сократом, абсолютно счастливая, излучающая такое спокойствие и уверенность, словно только что вернулась с обычной прогулки.

Сократ медленно повернулся к ней. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читался немой вопрос, крик души человека, который всю жизнь контролировал ситуацию и вдруг понял, что ничего не контролирует. Он хотел спросить: кто она? Как это возможно? Откуда она знает это место? Почему собаки признали ее своей? Что происходит?

Но Яна только усмехнулась — той самой усмешкой, которая одновременно и притягивала, и отталкивала, которая обещала ответы, но не давала их. Она подмигнула Сократу — по-детски, озорно — и медленно махнула рукой в сторону дома, где за окном второго этажа все еще стояла фигура Тимура.

Она не проронила ни слова.

И в этом молчании было больше ответов, чем могло бы дать любое объяснение. В этом жесте было все: и признание, и принятие, и обещание, и вызов. Яна сидела, откинувшись на сиденье, с абсолютно счастливым выражением лица, и смотрела на особняк, который она никогда раньше не видела, но который **уже** назвала своим домом. И Сократ, человек, который всю жизнь полагался на логику и расчеты, вдруг понял, что столкнулся с чем-то, что находится за гранью его понимания.

Машина медленно тронулась с места, доберманы провожали их взглядами, а Яна все смотрела и смотрела на дом, и на ее лице было написано такое блаженство, такое глубокое, искреннее счастье, что Сократ невольно подумал: может быть, именно так и выглядит чувство возвращения домой — не туда, где ты родился, а туда, где твоя душа находит покой.

Воздух в машине снова изменился — теперь он был наполнен ожиданием, предчувствием чего-то важного, неизбежного. Яна закрыла глаза, и на ее губах все еще играла та самая улыбка — улыбка человека, который наконец-то нашел то, что искал, возможно, даже не осознавая этого.

Сократ вел машину молча, и в его голове роились тысячи вопросов, на которые он не находил ответов. Он смотрел на Яну и понимал, что привез ее не просто в особняк — он **реально** привез ее домой. И теперь, когда она здесь, все изменится. Все уже изменилось.

***

В центре участка, прямо напротив особняка, чернел пруд. Лёд на нём был матовым, непрозрачным, но под ним, в тёмной воде, медленно двигались тени. Карпы. Живые. Дышащие. Ждущие весны. Высокий забор скрывал территорию от любопытных глаз, но не мог скрыть ауру силы, которая исходила от этого места. Это не был дворец. Не была крепость. Это был дом. Дом человека, который знает цену тишине. Который умеет слушать. Который не кричит, чтобы его услышали.

У ступенек особняка их встретил Раф. Тот самый. Но тогда ещё молодой. Без шрама на щеке, который появится позже, в другой истории, в другом бою, в другом времени. Но взгляд был тем же. Пронзительным. Глубоким. Лишённым суеты. Он стоял ровно, руки свободно вдоль тела, дыхание незаметное, плечи расправлены, но без напряжения. Он кивнул Сократу. Не коротко. Не формально. С уважением. Почти с почтением. В этом кивке было признание иерархии, но не подчинения. Признание силы, которая не кричит, а действует. Признание мудрости, которая не учит, а показывает. Затем он перевёл взгляд на Яну. Задержался на ней на долю секунды. Оценил. Не рост. Не одежду. Не выражение лица. Оценил состояние. Дыхание. Осанку. Взгляд. И кивнул ей. Легко. Почти незаметно. Потом открыл дверь. Пропустил их вперёд. Сам остался за спиной, закрыв проход, становясь невидимой стеной между миром снаружи и тем, что происходило внутри.

Дом встретил их теплом. Не сухим, удушливым жаром батарей, а живым, дышащим теплом, которое, казалось, исходило от стен, от мебели, от самого воздуха. Паркет скрипнул под ногами, но звук был мягким, домашним. В углу тикали старые часы, маятник двигался ровно, отсчитывая время не секундами, а ритмами. Раф провёл их по коридору, мимо закрытых дверей, мимо вешалки с пальто, мимо зеркала, в котором Яна на мгновение увидела своё отражение. Бледное лицо. Прямые волосы. Глаза, в которых уже не было детского испуга, только сосредоточенность. Раф остановился у массивной дубовой двери. Постучал дважды. Не громко. Чётко. Ждал. Из-за двери раздался низкий, бархатный голос.

- Войдите.

Раф открыл дверь, пропустил их, сам остался в коридоре, закрыв за собой проход. Яна шагнула внутрь. И увидела его.

Тимур ждал в кабинете. Он сидел в глубоком кожаном кресле у окна, спина прямая, плечи расправлены, но без напряжения. В руке он держал трубку. Не модную, не дорогую. Старую, потемневшую от времени, с изогнутым чубуком, с потёртым мундштуком. Дым клубился над его головой, медленно поднимаясь к потолку, рассеиваясь в воздухе, как туман над горами, как дым от костра, вокруг которого собирались люди, чтобы обсудить судьбу, чтобы принять решение, которое изменит всё. Окно за его спиной выходило на сад. Снег падал тихо, укрывая землю, создавая фон, который делал комнату ещё более замкнутой, ещё более реальной.

Но в комнате был ещё один человек. Он стоял у камина, скрестив руки на груди, и в его позе читалось напряжение, готовое перерасти в агрессию. Это был Виктор, один из ближайших советников Тимура, человек, который привык, что его слово имеет вес, что его мнение уважают, что его опасаются. Высокий, широкоплечий, с жёстким взглядом серых глаз и шрамом, пересекающим левую бровь. Он смотрел на Яну так, словно она была не человеком, а ошибкой, досадным недоразумением, которое нужно немедленно исправить.

Тимур медленно поднялся из кресла. Его движения были плавными, выверенными, в них не было ни суеты, ни неуверенности. Он сделал шаг навстречу Яне, и в его глазах читалось что-то такое, что заставило Сократа насторожиться. Это было не просто любопытство. Не просто интерес. Это было узнавание. Будто Тимур видел Яну раньше. Будто он ждал её.

Именно ее.

Яна сделала шаг вперёд. Её взгляд встретился с взглядом Тимура, и в этот момент что-то щёлкнуло. Невидимая нить натянулась между ними, и Сократ почувствовал, как воздух в комнате стал плотнее, насыщеннее. Яна не опустила глаза. Не отвела взгляд. Она смотрела прямо, спокойно, с той уверенностью, которая бывает только у тех, кто знает, кто они есть на самом деле.

Виктор фыркнул. Звук был коротким, презрительным.

- Тимур, это абсурд, - произнёс он, и его голос был холодным, как лёд на пруду. - Ты привёз сюда ребёнка. Девочонку, которая не понимает, где она и зачем она здесь. Это не имеет никакого смысла. Мы обсуждали совсем другое. Мы готовились к встрече с тем, кто сможет...

Он осёкся, бросив взгляд на Яну, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на сомнение. Но только на мгновение. Потом его лицо снова стало жёстким, непроницаемым.

Тимур медленно повернулся к Виктору. В его движениях не было угрозы. Не было гнева. Было только спокойствие. Но именно это спокойствие было страшнее любой угрозы, любого крика.

- Ты прав, Виктор, - сказал Тимур тихо. - Мы действительно готовились к встрече с тем, кто сможет... И она здесь.

Виктор рассмеялся. Смех был резким, нервным.

- Она? Этот ребёнок? Тимур, ты теряешь хватку. Ты позволяешь эмоциям затмить разум. Мы не можем позволить себе...

Он не договорил. Потому что в этот момент Яна сделала шаг вперёд.

Не к Тимуру. Не к Сократу. К Виктору.

И что-то в её движениях, в её осанке, в том, как она несла себя, заставило Виктора замолчать. Он смотрел на неё сверху вниз, он был выше на целую голову, он был сильнее, опытнее, опаснее. Но в этот момент он почувствовал что-то такое, от чего по его спине пробежал холодок.

Яна остановилась в метре от него. Она подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза, и в её взгляде не было страха. Не было вызова. Не было агрессии. Было только понимание. Глубокое, всеобъемлющее понимание того, кто этот человек, что им движет, чего он боится.

- Ты боишься, - сказала она тихо. Её голос был спокойным, ровным, без намёка на обвинение или насмешку. - Ты боишься, что всё, во что ты верил, всё, на что ты потратил годы, окажется не тем, чем ты думал. Ты боишься, что твоё место здесь может оказаться под угрозой. Ты боишься перемен.

Виктор побледнел. Его руки сжались в кулаки.

- Ты ничего не знаешь, - прошипел он. - Ты ребёнок, которого притащили сюда бог знает зачем. Ты не имеешь права...

-Я имею право, - перебила его Яна. Всё так же тихо. Всё так же спокойно. - Потому что я чувствую это место. Я чувствую его так, словно жила здесь всю жизнь. Я знаю каждый угол, каждую комнату, каждый звук. Я знаю, почему выбрано именно это место. Почему он, - указала она на Тимура, - построил именно этот дом. Почему он ждал именно меня.

Она сделала ещё один шаг. Теперь между ней и Виктором было не больше полуметра.

- Ты думаешь, что сила в том, чтобы контролировать? Чтобы подчинять? Чтобы доминировать? Но это не сила. Это страх. Страх потерять контроль. Страх оказаться ненужным. Страх оказаться слабым. Потому что ты уже слабый.

Виктор мгновенно замахнулся.

Сократ сделал шаг вперёд, готовый вмешаться, но Тимур поднял руку, останавливая его.

- Не сейчас, - сказал Тимур тихо. - Смотри.

Виктор замахнулся, чтобы ударить Яну. Его кулак был сжат, мышцы напряжены, в глазах горела ярость. Но Яна не отшатнулась. Не попыталась уклониться. Она просто стояла, глядя на него своими спокойными, глубокими глазами.

И в последнюю секунду, когда кулак Виктора был уже в сантиметре от её лица, он остановился.

Не потому что передумал. Не потому что пожалел. А потому что не смог.

Его рука дрожала. Мышцы сводило. Он пытался ударить, пытался нанести удар, который, как он думал, поставит эту девочку на место, покажет ей, кто здесь главный. Но его тело не слушалось его.

Яна смотрела на него, и в её взгляде не было торжества. Не было злорадства. Только понимание.

- Ты не можешь, - сказала она. - Потому что в глубине души ты знаешь. Ты знаешь, что я права. Ты знаешь, что всё, во что ты верил, всё, что ты делал, было не совсем так, как ты думал. И это знание разрывает тебя на части.

Виктор отшатнулся. Его лицо было бледным, на лбу выступил пот. Он смотрел на Яну, и в его глазах читался ужас. Не физический страх. Не боязнь боли или смерти. А что-то гораздо более глубокое. Экзистенциальный ужас. Ужас от

осознания того, что всё, во что он верил, могло быть ложью.

Тимур сделал шаг вперёд.

- Довольно, - сказал он. Его голос был тихим, но в нём была такая сила, что Виктор невольно выпрямился. - Ты сделал свой выбор, Виктор. И теперь ты должен жить с последствиями этого выбора.

Виктор посмотрел на Тимура. В его глазах читалась мольба.

- Тимур, - начал он. - Я... я просто хотел…

- Я знаю, что ты хотел, - перебил его Тимур. - Ты хотел защитить то, что, как ты думал, было важным. Но ты ошибся. И теперь ты должен заплатить за эту ошибку.

Он повернулся к Рафу, который стоял у двери, невидимый, но присутствующий.

- Раф. Отведи Виктора в северное крыло. Он останется там до тех пор, пока не поймёт.

Раф кивнул молча.

Виктор хотел что-то сказать. Хотел возразить. Но он только посмотрел на Яну, и в его взгляде было столько всего - ненависти, страха, понимания, признания - что Сократ невольно содрогнулся.

Потом Виктор развернулся и вышел из комнаты, сопровождаемый Рафом. Дверь закрылась за ними, и в комнате повисла тишина.

Тимур повернулся к Яне:

- Ты удивительна, - сказал он. - Не многие смогли бы сде-

лать то, что сделала ты. Не многие смогли бы увидеть то, что увидела ты.

Яна пожала плечами:

- Я просто сказала правду. Правду, которая может разрушить человека. Правду, которая может и исцелить. Если он позволит.

Тимур усмехнулся. В его усмешке было что-то тёплое, человеческое.

-Ты говоришь как человек, который прожил долгую жизнь. Который видел много. Который понял многое. Но ты ещё ребёнок.

Яна посмотрела на него. И в её взгляде было что-то такое, что заставило Тимура замолчать.

- Разве? - спросила она тихо. - Или я просто помню то, что другие забыли?

Сократ стоял, прислонившись к стене, и наблюдал за этой сценой. И в его голове роились мысли, от которых становилось не по себе.

Он смотрел на Яну и видел двух разных людей.

Ту Яну, которую он знал из Коньково. Ребёнка. Испуганного, растерянного, ищущего ответы на вопросы, которые она ещё не умела даже правильно сформулировать. Девочку, которая нуждалась в защите, в руководстве, в наставлении.

И эту Яну. Здесь. Сейчас. Стоящую перед Тимуром, человеком, которого боялись и уважали многие. Говорящую с ним на равных. Видящую то, что другие не видели. Понима-

ющую то, что другие не понимали.

Это были два разных человека. И в то же время - один и тот же.

Сократ понял, что Яна меняется. Не растёт. Не развивается. А именно меняется. Превращается во что-то другое. Во что-то большее.

И самое страшное было то, что это происходило на его глазах. На его глазах ребёнок превращался во что-то... иное. Во что-то, что он не мог до конца понять.

Он вспомнил, как всего несколько часов назад Яна смеялась, валяясь в снегу, обнимала яблони, играла с собаками. Ребёнок. Чистый, искренний, беззаботный ребёнок.

А теперь она стояла здесь, и в её глазах была мудрость, которая не соответствовала её возрасту. Мудрость, которая пугала.

Сократ понял, что Яна учится. Не в школьном смысле. Не запоминает факты или формулы. А учится чему-то гораздо более глубокому. Она учится быть собой. Учится понимать, кто она есть на самом деле. Учится принимать свою силу.

И самое поразительное было то, как быстро это происходило. Словно она не училась, а вспоминала. Словно всё, что она сейчас проявляла, уже было в ней, просто было скрыто, заперто, и теперь, попав в это место, она освобождала это, позволяла этому выйти наружу.

Тимур смотрел на Яну, и в его глазах читалось уважение.

-Ты знаешь, почему я привёз тебя сюда? спросил он.

Яна кивнула:

- Потому что это мой дом.

- Да, дом. Но я точно знаю, что ты никогда не была здесь раньше.

Яна молчала.

- Тогда как ты можешь говорить, что это твой дом? - продолжал Тимур чуть усмехаясь.

Яна закрыла глаза на мгновение. Когда она открыла их, в них было что-то такое, что заставило Сократа снова сделать невольный шаг назад.

- Потому что я чувствую это, - сказала она. - Каждая клетка моего тела знает это место. Я знаю, где находится каждая комната. Я знаю, как скрипит третья ступенька на лестнице. Я знаю, что в северном крыле есть комната, в которую никто не входит уже много лет. Я знаю, что под полом в библиотеке есть тайник. Я знаю, что ты прячешь там письма, которые получил от человека, которого любил больше всех на свете.

Тимур побледнел.

- Откуда ты...

- Я не знаю, как я это знаю. Я просто знаю. Это как... как воспоминания. Но не мои воспоминания. Или мои, но из другой жизни. Из другого времени.

Она сделала шаг к окну, посмотрела на сад, на пруд, на яблони.

- Это место ждёт меня. Ждёт уже давно. И теперь я здесь. И всё становится на свои места.

Тимур молчал. Он смотрел на Яну, и на его лице отражалась целая гамма эмоций - удивление, страх, восхищение, понимание.

- Ты понимаешь, что это значит? - спросил он наконец.

Яна повернулась к нему.

- Да. Понимаю.

- И ты не боишься?

Яна усмехнулась.

- Бояться того, что является частью тебя? Это всё равно что бояться дышать.

Тимур кивнул медленно.

- Тогда добро пожаловать домой, Яна.

Сократ наблюдал за этой сценой, и у него было ощущение, что он присутствует при чём-то таком, что изменит всё. При чём-то таком, что уже нельзя будет отменить.

Яна стояла посреди комнаты, и в её позе было что-то такое, что заставляло поверить: она действительно дома. Не просто в здании. Не просто на территории. А дома. В том смысле, в каком это слово понимают немногие.

Она огляделась, и в её движениях была уверенность человека, который знает каждое пространство, каждый угол. Она подошла к книжному шкафу, провела пальцами по корешкам книг.

- Здесь не хватает одной, - сказала она. - Тёмно-синей, с золотым тиснением. Ты убрал её, потому что не мог читать без боли.

Тимур вздрогнул.

- Как ты...

- Я же говорю. Я знаю.

Она повернулась, посмотрела на Сократа, и в её глазах мелькнула искорка.

- Ты всё ещё пытаешься понять, -сказала она. - Пытаешься сложить всё в единую картину. Но некоторые вещи нельзя понять разумом. Их можно только почувствовать.

Сократ открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашёл слов.

Яна усмехнулась, подошла к нему, положила руку ему на плечо.

- Всё хорошо, - сказала она тихо. - Я всё ещё я. Просто теперь я больше я, чем была раньше.

И в этих словах было столько мудрости, столько понимания, что Сократ невольно кивнул.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Раф. Он посмотрел на Тимура, потом на Яну, и в его глазах читалось что-то новое. Что-то, чего не было раньше.

Раф повернулся к Яне.

- Собаки успокоились, - сказал он. - Они легли у входа и охраняют. Они... они узнали тебя.

Яна улыбнулась.

- Я узнала их тоже.

Раф смотрел на неё, и в его взгляде было нечто, похожее на благоговение.

- Ты вошла в этот дом так, как будто он всегда принадлежал тебе, - сказал он тихо, обращаясь к Сократу, когда Яна отошла к окну. - И это не наглость. Это... признание. Дом узнал свою хозяйку.

Сократ посмотрел на Рафа.

- Что происходит? - спросил он тихо. - Кто она на самом деле?

Раф пожал плечами.

- Я не знаю. Но я знаю одно. Она та, кого мы ждали. Та, кого Тимур ждал все эти годы. И теперь, когда она здесь, всё изменится.

Сократ посмотрел на Яну. Она стояла у окна, смотрела на сад, на снег, на яблони, и на её лице было выражение абсолютного покоя. Абсолютного счастья.

Она была дома.

И Сократ понял, что его жизнь, жизнь Яны, жизнь всех, кто был связан с ними, уже никогда не будет прежней.

Что-то началось. Что-то большое. Что-то, что изменит всё.

И в центре этого была она. Яна. Девочка, которая была ребёнком и мудрецом одновременно. Которая помнила то, чего не могла помнить. Которая знала то, чего не могла знать.

Карма.

Слово прозвучало в его голове, и он понял, что это не просто слово. Это ключ. Ключ ко всему.

Яна повернулась, посмотрела на него, и в её глазах было

понимание. Она знала, о чём он думает. Она всегда знала.

Всё хорошо, сказала она без слов. Просто своим взглядом. Всё идёт так, как должно идти.

И Сократ, человек, который всю жизнь полагался на логику, на расчёты, на контроль, вдруг понял, что иногда нужно просто отпустить. Просто позволить событиям идти своим чередом. Просто довериться.

Он кивнул Яне.

Она улыбнулась.

И в этой улыбке было обещание. Обещание того, что всё будет хорошо. Что всё сложится. Что всё обретёт смысл.

Тимур подошёл к Яне, встал рядом с ней у окна.

- Завтра, - сказал он, - я покажу тебе всё. Библиотеку. Архивы. Комнату, которую никто не открывал много лет.

Яна кивнула.

- Я знаю, что там, - сказала она.

Тимур усмехнулся.

- Уже не удивлен.

Они стояли у окна, два человека, разделённые годами, но объединённые чем-то большим, чем время. Чем-то, что не имеет названия.

Сократ смотрел на них и понимал, что стал свидетелем чего-то такого, о чём будут писать книги. О чём будут слагать легенды.

И он был частью этого.

Раф стоял у двери, и на его лице было выражение челове-

ка, который видит, как сбывается пророчество. Как всё, во что он верил, обретает плоть.

Яна повернулась, посмотрела на всех троих, и в её глазах было столько любви, столько понимания, столько принятия, что у Сократа сжалось горло.

- Спасибо, - сказала она. - За то, что вернули меня домой.

И в этих словах было всё.

Всё, что нужно было сказать.

Всё, что нужно было понять.

Всё, что нужно было принять.

Наступила тишина. Но это не была пустая тишина. Это была тишина наполненная. Тишина, в которой рождалось что-то новое. Что-то важное. Что-то, что изменит всё.

- Освойся. Почувствуй дом, - сказал Тимур.

Яна кивнула и огляделась, и в её движениях была грация человека, который знает каждое пространство.

Сократ смотрел на неё и думал о том, как быстро она учится. Как быстро адаптируется. Как быстро принимает.

Но это было не обучение. Не адаптация. Не принятие.

Это было воспоминание.

Она не училась быть здесь. Она вспоминала, что всегда была здесь.

И эта мысль была одновременно и пугающей, и прекрасной.

Потому что если она вспоминала... значит, она уже жила здесь. В другой жизни. В другом времени. В другом вопло-

щении.

Карма.

Слово снова прозвучало в его голове.

И теперь оно обретало **смысл**.

Яна подошла к двери, остановилась, обернулась.

- Увидимся завтра, - сказала она. И в её голосе было обещание. Обещание того, что завтра будет важным. Что завтра всё изменится.

Она вышла.

Тимур, Сократ и Раф остались в комнате.

- Ну что, - сказал Тимур тихо. - Что вы об этом думаете?

Сократ пожал плечами.

- Я думаю, что мы стали свидетелями чего-то такого, чего не понять разумом.

Раф кивнул.

- Дом узнал свою хозяйку, - сказал он. - И теперь всё будет по-другому.

Тимур усмехнулся.

Он подошёл к окну, посмотрел на сад.

- Она права, - сказал он. - Это её дом. И она вернулась.

Сократ смотрел на Тимура.

- Кто она? - спросил он. - На самом деле.

Тимур повернулся, и в его глазах была такая глубина, такая мудрость, что Сократ невольно отвёл взгляд.

- Она та, кто должна была прийти, - сказал Тимур. - Та, кто изменит всё. Та, кто принесёт свет туда, где была тьма.

Он помолчал.

- И те кто ей помешает… заплатят за это высокую цену.

В комнате повисла тишина.

Где-то в доме тикали часы.

Где-то за окном падал снег.

Где-то в глубине сада чернел пруд, под льдом которого плавали карпы.

Живые. Дышащие. Ждущие.

Весны.

Перемен.

Новой жизни.

Яна шла по коридору, и каждый шаг был уверенным. Знающим.

Она знала, куда идти.

Она знала, где её комната.

Она подошла к очередной двери, открыла её, вошла.

Комната была именно такой, какой она её помнила.

Тёплой. Уютной. Своей.

Она подошла к окну, посмотрела на сад.

И улыбнулась.

Она была дома.

Наконец-то дома.

И теперь всё будет хорошо.

Всё будет именно так, как должно быть.

Потому что она вернулась.

И ничто уже не будет прежним.

Потому что Карма всегда возвращается.

Продолжение следует…

Глава 5

Читать по трек **«Кто-то хитрый» - ЧайФ**

«Кто-то хитрый и большой. Наблюдает за тобой» (с)

Дверь подъезда захлопнулась за спиной Яны с глухим, тяжёлым звуком, от которого по лестничной клетке пробежала мелкая дрожь. Было около девяти вечера первого января. Воздух на площадке стоял спёртый, пропитанный запахом старой краски, сырого бетона и чужих ужинов, которые давно остыли, но всё ещё отдавали чесноком и пережаренным маслом. Яна сняла варежки, сунула руки в карманы куртки, чувствуя, как холод постепенно отступает, уступая место ровному, собранному состоянию внутри. Она поднялась на свой этаж, остановилась перед своей дверью, достала ключ. Металл коснулся замочной скважины, щёлкнул мягко, почти бесшумно. Она толкнула дверь.

Тепло квартиры ударило в лицо, но вместе с ним пришёл и звук. Голос мамы, резкий, ломкий, бьющий по барабанным перепонкам, как стекло о камень.

- Ты где была?!

Это не был вопрос. Это был выстрел. Яна шагнула в прихожую, сняла ботинки, повесила куртку. Движения были плавными, выверенными, лишёнными суеты. Она знала этот тон. Знакома с ним с детства. Он означал не беспокойство. Означал контроль. Означал страх, замаскированный

под гнев.

- Мы звонили Аришке Трикотятовой, - продолжала мама, выходя из кухни. Её лицо было бледным, глаза красными, будто она не спала или плакала, или и то, и другое. - Звонили Оле Арцевой. Звонили Фросе. Никто из них с тобой не гулял. Никто!!! Ты где была, Яна??! Весь день!! С утра. До темноты. Ты понимаешь, что творится на улицах?? Ты понимаешь, что люди сходят с ума от алкоголя и безделья!! Ты могла пропасть. Могла случиться беда. А ты даже не предупредила толком. Сказала уйду с одноклассницами. А с кем именно. Куда? Ты врала. Ты всегда врала, когда хотела сделать по-своему!

Из гостиной вышла бабушка. Медленно, опираясь на косяк, будто каждое движение давалось ей с трудом. Её взгляд был тяжёлым, оценивающим, пронизывающим. В нём не было любви. Было разочарование, смешанное с привычкой осуждать.

- Я же говорила, Лена, что из неё ничего путного не выйдет, - произнесла бабушка тихо, но так, что каждое слово ложилось на пол тяжёлым камнем. - Характер дурной. Упрямая. Как осёл. Сказала уйду и ушла. А мы тут сиди, волнуйся, телефон обрывай. Одноклассницы говорят, не видели её. Значит, врали. Значит, шлялась бог знает где! С кем? С мальчишками! С компанией какой-нибудь! Ты думаешь, мы не понимаем? В одиннадцать лет уже свои тайны! Свои дела! А мать с бабушкой пусть сидят, жди, гадая, жива ли

дочка, так?!

Яна стояла в центре прихожей. Не двигалась. Не опускала глаз. Дышала ровно. Вдох на четыре. Задержка на два. Выдох на шесть. Пульс не сбивался. Тело не напрягалось. Она слушала. Не ушами. Кожей. Костями. Она слышала не слова. Слышала структуру. Слышала страх, который маскируется под заботу. Слышала потребность в подчинении, которую выдают за любовь. Слышала привычку ломать чужие границы, чтобы не чувствовать свою собственную пустоту.

Она сделала шаг вперёд. Медленно. Точно.

- Я сказала утром, что ухожу гулять с подружками, - произнесла Яна. Голос её был тихим, но чистым. Без дрожи. Без оправданий. Без попытки смягчить удар. - Подружками. Не одноклассницами. У меня есть и другие подруги. Мы были у них дома. Сидели до вечера, болтали. Вы позвонили одноклассницам. Получили ответ, который не совпал с вашими ожиданиями. И решили, что я солгала. Хотя я не называла имён. Вы это сами додумали. Вы перевёрнули мои слова. Вы подменили факт своей тревогой. И теперь требуете отчёта за то, чего не было.

Мама фыркнула. Резко, болезненно. Даже не обратив никакого внимания на взрослый вдумчивый ответ одиннадцатилетнего ребенка.

- Ты ещё и огрызаешься! Смотри-ка. Философ нашёлся. Подружками. Ага. Знаем мы этих подружек. Сидят, болтают, и небось пиво хлещут. А ты с ними. Вместо того чтобы дома

быть. Помогать. Учиться. Готовиться. А ты шляешься. Целый день. Без спроса. Без разрешения. Ты вообще понимаешь, кто ты такая? Девочка. Одиннадцать лет! Ты не взрослая. Ты не самостоятельная. Ты зависишь от нас. От еды. От квартиры. От денег. И ты ведёшь себя так, будто мы тебе никто.

Бабушка покачала головой. Медленно. Тяжело.

- Характер. Всё характер. Вся в отца. Раньше таких в угол ставили. Ремнём учили уму-разуму. А теперь вот. Сиди, слушай, как тебя в грязи валяют. Заслужила! А она стоит. Глаза в потолок. Словно королева. Тебе стыдно должно быть! Стыдно. Мы тут жизни положили, а ты... ты даже спасибо не скажешь. Просто уйдёшь. И вернёшься. Когда захочешь. Как будто мы мебель. Как будто мы фон. Как будто наши чувства ничего не весят, - продолжала бабушка.

Яна смотрела на них. Видела не врагов. Видела заложников. Заложников собственных сценариев. Заложников страха, что мир слишком большой, слишком непредсказуемый, слишком опасный. Заложников убеждения, что любовь нужно заслуживать послушанием, что забота измеряется контролем, что тишина в доме равна порядку. Она чувствовала усталость. Не от них. От системы. От механизма, который десятилетиями перемалывал детей под удобные формы, чтобы не царапали мебель, учили молчать, чтобы не мешали спать.

И жить, видимо, тоже чтоб не мешали.

- Вы звонили не чтобы проверить, жива ли я, - сказала

Яна. Голос стал тише. Но твёрже. Как сталь, остывающая в воде. - Вы звонили, чтобы подтвердить свою картину мира. Чтобы сказать себе: вот, она снова не такая. Снова не удобная. Снова не подчиняется. Значит, я права. Значит, мир опасен. Значит, нужно держать крепче. Но вы держите не меня. Вы держите свой страх. А я не вещь. Я не проект. Я не отражение ваших ожиданий. Я человек. У которого есть право выбирать, с кем проводить время. Право гулять. Право возвращаться поздно. Право не отчитываться за каждую минуту. Вы говорите о заботе. Но забота не душит. Забота не требует отчётов. Забота не использует вину как поводок. Вы не волновались за меня. Вы волновались за то, что теряете контроль. И это не моя вина. Это ваш выбор. Жить в страхе или жить в доверии. Вы выбрали первое. Я не буду платить за этот выбор своим пространством.

Мама открыла рот. Закрыла. Глаза блеснули. Не от слёз. От бессилия. Оттого, что привычные рычаги не сработали. Что слова, которые всегда пробивали броню, отскочили от стены, которую Яна построила не из камня, а из ясности.

- Ты... ты невыносима, - выдохнула мама. Голос дрогнул. Стал тонким, ломким. - Ты думаешь, ты умнее всех. Думаешь, ты всё понимаешь. А ты ничего не понимаешь. Жизнь не книга. Жизнь не философия. Ты нас предаёшь. Понимаешь? Предаёшь!

Бабушка отвернулась. Сжала губы.

- Иди в свою комнату, - сказала она тихо. - Пока я не ска-

зала то, о чём пожалею. Иди. Подумай. О том, что такое семья. О том, что такое долг. О том, что такое благодарность. А то вырастешь... одна будешь. Со своими книжками. Со своими мыслями. С пустотой вместо людей.

Яна не сдвинулась с места. Не опустила голову. Не сделала шаг к двери. Она просто стояла. В центре комнаты. В центре их гнева. В центре их страха. И позволяла ему пройти сквозь себя, не задерживаясь, не цепляясь, не раня. Она знала: боль, которую они наносят, не принадлежит ей. Это их боль. Их травма. Их неумение дышать без поводка. Она не будет носить её. Не будет принимать как свою. Не будет извиняться за то, что существует отдельно.

В углу комнаты, у окна, сидел дедушка. Всё это время он молчал. Не вмешивался. Не кивал. Не отводил взгляд. Просто слушал. Как слушает реку, которая течёт мимо камней, не споря с ними, не ломая их, просто находя путь. Когда мамины и бабушкины слова повисли в воздухе, тяжёлые, липкие, готовые упасть и раздавить, дедушка пошевелился. Медленно. Точно. Как механизм, который наконец нашёл нужную шестерёнку.

Он встал. Подошёл к столу. Оперся ладонями о край. Посмотрел на маму. Потом на бабушку. Потом на Яну.

- Хватит, - сказал он. Голос был низким. Ровным. Без эха. Без лишней интонации. Просто факт. Просто граница. Просто стена, за которой заканчивается хаос и начинается порядок.

Мама обернулась. Глаза блестели.

- Пап, ты тоже начинаешь?! Ты видел, что она...

- Я видел, - перебил дедушка. Не повышая голоса. Не ускоряя темп. - Я видел, как вы звонили. Как вы требовали. Как вы пугали. Как вы использовали вину как инструмент. Я видел, как она стояла. Не ломалась. Не кричала. Не пряталась. Просто говорила правду. Ту, которую вы боитесь услышать. Что она не ваша собственность. Что она не ваш проект. Что она человек. С правом на выбор. С правом на ошибку. С правом на своё время. Вы называете это предательством? Я называю это ростом. Вы называете это удобством? Я называю это клеткой. Она ни в чём не виновата. Ни в том, что ушла. Ни в том, что вернулась. Ни в том, что думает иначе. Виноваты вы в том, что путаете любовь с контролем. Заботу с надзором. Доверие с отчётом. Она не обязана быть удобной. Она обязана быть живой. И пока она живая, пока она дышит, пока она выбирает, пока она не сломалась под вашим весом, вы должны радоваться. А не пугать. Не шантажировать. Не требовать подчинения. Подчинение это для собак. Для детей это опасно. Потому что ребёнок, который привык подчиняться, вырастает в человека, который не умеет выбирать. А человек, который не умеет выбирать, становится жертвой. Или палачом. Третьего не дано. Яна не будет ни тем, ни другим. Она будет собой. И если вам это не нравится, это ваша проблема. Не её.

Тишина. Густая. Тяжёлая. Но не давящая. Освобождаю-

щая. Мама отвернулась. Прикрыла лицо ладонью. Бабушка медленно опустилась на стул. Сгорбилась. Сжала руки в кулаки. Не от злости. От осознания. Оттого, что старые ключи больше не открывают дверь. Оттого, что мир изменился, а они остались в прошлом.

Яна кивнула. Не победно. С уважением. С благодарностью. За то, что дедушка увидел. За то, что хоть кто-то из них назвал вещи своими именами. За то, что в доме, который учил молчать, нашёлся голос, который сказал достаточно.

Она развернулась. Пошла в свою комнату. Закрыла дверь. Не на замок. На присутствие. На границу. На право быть.

Легла на кровать. Посмотрела в потолок. Трещины в штукатурке напоминали карту. Реку. Путь. Она закрыла глаза. Дышала. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Сердце билось ровно. Тело расслаблялось. Разум очищался. Она не чувствовала победы. Чувствовала ясность. Знала: это не конец конфликта. Это начало новой фазы. Фазы, где она больше не просит разрешения. Где она не оправдывается. Где она не ломается под давлением. Где она просто существует. В своём ритме. На своей частоте. В своей правде.

За стеной слышались приглушённые голоса. Тихие. Уставшие. Не злые. Просто другие. Как вода, которая нашла новое русло. Как ветер, который сменил направление. Яна улыбнулась. Не широко. Тихо. Глубоко. Потом достала компас. Открыла крышку. Стрелка дрожала. Потом замерла. Указывала на север. На путь. На то, что ещё впереди. Она за-

крыла компас. Спрятала в карман. И позволила себе уснуть. Не от усталости. От доверия. К себе. К миру. К тому, что всё идёт так, как должно.

Утро второго января наступило тихо. Свет пробивался сквозь шторы серым, ровным, лишённым резких теней. Яна открыла глаза. Не сразу. Медленно. Позволяя сознанию вернуться в тело, в комнату, в момент. Она встала. Оделась. Вышла на кухню. За столом сидели мама и бабушка. Пили чай. Смотрели в тарелки. Не друг на друга. Не на неё. Дедушка читал газету. Листал страницы медленно. Ритмично. Пахло жареным хлебом, маслом, тишиной.

Яна налила себе чай. Села. Не спрашивая разрешения. Не нарушая правил. Просто занимая своё место. В своём пространстве. В своём времени.

- Я уйду гулять с подругами на весь день, - сказала она. Голос был ровным. Чётким. Без вопроса. Без просьбы. Просто факт. - Буду поздно. Не ждите. Не ищите. Я вернусь. Когда закончу свои дела. Когда решу. Когда буду готова.

Мама резко подняла голову. Глаза расширились. В них вспыхнуло то самое, знакомое, липкое чувство. Страх, смешанный с гневом. С обидой. С попыткой вернуть рычаги.

- Ты что, опять?! Что значит не ждите? По каким это своим делам? Какие у тебя там дела в твоем возрасте? Кукол наряжать да фантики собирать? - начала мама. Голос дрогнул. Стал тонким, ломким. - Не смеши меня! Дела у нее! Деловая колбаса! Домой придешь через два часа. Или я отберу у тебя

все твои игрушки, выкину куклы, пока ты по своим делам шляешься! Платья! Я отберу у тебя наряды, если ты..

Бабушка перебила. Тихо. Тяжело. Как камень, падающий в колодец.

- Ты хочешь, чтобы мы тебя выгнали? - сказала она. - Хочешь, чтобы ты жила на улице? Чтобы тебя забрали на органы? Чтобы ты стала никем? Чтобы мы стыдились? Чтобы соседи шептались? Чтобы родителей с НИИ уволили? Ты в детский дом захотела? Комната милиции по тебе плачет, Яна! Ты думаешь, мы слабы? Думаешь, мы ничего не можем? Можем. И сделаем. Мир не прощает такого отношения к старшим! Если ты продолжишь так себя вести. Если ты продолжишь нас игнорировать. Если ты продолжишь считать себя важнее семьи. То не жди помощи. Не жди денег. Не жди крыши над головой. Не жди новых платьев и кукол, и…

-Если вы заглянете в комнату, то заметите, что кукол в ней давно нет, - перебила бабушку Яна.

Затем она отставила чашку. Медленно. Точно. Посмотрела на маму. Потом на бабушку. В её взгляде не было вызова. Не было злости. Не было желания ранить. Было только спокойствие. Только ясность. Только граница, которую нельзя сдвинуть, нельзя размыть, нельзя игнорировать.

- Вы не авторитеты для меня, - сказала Яна. Голос прозвучал тихо. Но каждый слог лёг в воздух как печать. Как приговор. Как начало. - Не потому что вы плохие. Не потому что вы не любите. А потому что авторитет это не должность.

Не возраст. Не право командовать. Авторитет это доверие. Это уважение. Это пример. Вы не даёте примера. Вы даёте страх. Вы не учите жить. Вы учите подчиняться. Вы не защищаете. Вы контролируете. Но я не стану для вас удобным ребёнком. Никогда. Я не буду ломать себя, чтобы вам было спокойнее. Я не буду молчать, чтобы вы не волновались. Я не буду прятаться, чтобы вы не стыдились. Я буду защищать свои интересы. Всегда. Сама. Потому что никто в этом доме этого не делает. Ни вы. Ни дедушка. Ни папа, который вечно работает и молчит. Я буду стоять на своём. Не из упрямства. Из необходимости. Потому что если я не буду стоять за себя, кто будет? Вы? Вы же сами сказали: мир не прощает. Значит, я должна быть готова. Значит, я должна быть сильной. Значит, я должна выбирать сама. И я выбираю. Себя. Свою правду. Свой путь. И если это значит, что я ухожу поздно. Если это значит, что я не отчитываюсь. Если это значит, что я живу иначе, чем вы хотите, значит так тому и быть. Я не прошу разрешения. Я информирую. Потому что я не ваша собственность. Я человек. И я имею право на своё время. На своё пространство. На свой мир.

Мама снова открыла рот. Закрыла. Глаза блестели. Не от слёз. От бессилия. Оттого, что старые слова больше не работают. Оттого, что рычаги сломаны. Оттого, что дочь смотрит на неё не как на мать. Как на систему. Которую нужно обойти. Которую нужно пережить. Которую нужно оставить позади.

Бабушка отвернулась. Сжала губы. Покачала головой. Медленно. Тяжело.

- Уходи, - сказала она тихо. - Уходи! Посмотрим как ты запоешь когда есть захочешь! Посмотрим как ты будешь окочуриваться на холоде в январские морозы! Посмотрим, что вообще из тебя выйдет. Уходи!

Яна встала. Не резко. Не порывисто. Плавно. Как река, которая нашла русло. Она взяла куртку. Надела ботинки. Вышла в прихожую. Не хлопнула дверью. Не сказала на прощание. Просто шагнула за порог. В холод. В свет. В неизвестность. В своё.

Домой.

Улица встретила её тишиной. Снег лежал ровным, нетронутым ковром. Фонари гасли один за другим, уступая место серому, ровному свету утра. Воздух был чистым. Холодным. Бодрящим. Яна дышла глубоко. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Тело расслаблялось. Разум прояснялся. Сердце билось ровно. Она знала: шаг сделан. Не назад. Не в сторону. Вперёд. В то, что должно быть. В то, что уже началось. В то, что нельзя остановить. Только принять. Только пройти. Только стать.

У подъезда стоял Сократ. Не у машины. Просто стоял. Руки в карманах. Дыхание ровное. Взгляд спокойный. Он кивнул. Она подошла. Ни слова не было нужно. Он потрепал ее по голове и молча подмигнул, как бы говоря: прорвемся!

Они развернулись. Пошли к чёрной БМВ. Двигатель ожил низким, уверенным гулом. Вибрация прошла по сиденью, по

позвоночнику, по рукам. Они поехали.

Город просыпался медленно. Неохотно. Улицы были пустыми. Тротуары чистыми. Снег искрился под колёсами. Сократ вёл машину молча. Руки на руле легко. Взгляд на дороге ровно. Он не спрашивал, что случилось. Не требовал отчёта. Просто был рядом. Просто вёл. Просто создавал пространство, где можно было дышать. Где можно было быть. Где можно было не объяснять. Не оправдываться. Не ломаться.

Где можно было быть собой.

Яна смотрела в окно. Город проплывал мимо, как декорация. Как сон. Как воспоминание, которое ещё не стёрлось, но уже теряет вес. Она думала о маме. О бабушке. Об их страхе. Об их боли. Об их неумении отпустить. Она не злилась. Не обижалась. Просто понимала. Знала: они не враги. Они заложники. Заложники своих сценариев. Своих травм. Своих убеждений. И она не будет спасать их. Не будет ломать. Не будет переделывать. Она просто будет идти. Своей дорогой. В своём ритме. И когда они будут готовы, они увидят. Не её победу. Их возможность. Возможность отпустить. Возможность доверить. Возможность жить без поводка.

Машина свернула с асфальта на едва заметную колею. Снег полетел из-под колёс. Деревья стояли ровными рядами. Пруд чернел подо льдом. Высокий забор скрывал территорию. Калитка открылась сама. Раф стоял рядом. Кивнул. Пропустил. Они вошли в дом.

Тепло обволокло мгновенно. Не сухое. Не удушливое. Живое. Насыщенное временем. Тишиной. Присутствием. В кабинете у окна сидел Тимур. Курил трубку. Дым клубился над головой, как туман над горами. Рядом стоял Раф. Сократ вошёл первым. Яна за ним.

Тимур поднял глаза. Посмотрел на Сократа. Кивнул.

Из глубины комнаты, из полумрака, вышел человек. Невысокий. Хрупкий на вид. Но в осанке читалась та особая прямота, которую дают не годы, а опыт. Не возраст, а мудрость. Он прошёл через зоны. Через войны. Через эпохи. Хранитель неписаных законов.

Дедушка Фанси.

- Это она? - спросил он Сократа. Голос был тихим. Но каждый звук наползал на сознание, как туман.

- Да, - ответил Сократ. Ровно. Спокойно. Без тени сомнения.

Фанси молчал минуту. Не тянул время. Просто позволял тишине сделать свою работу. Позволял пространству устояться. Позволял Яне почувствовать вес момента. Потом он медленно повернул голову. Посмотрел на неё напрямую. В его глазах не было оценки. Не было угрозы. Только присутствие. Только готовность увидеть.

- Почему ты здесь? - спросил он. Не резко. Не требовательно. Просто. Как спрашивают у ветра, почему он дует в эту сторону.

Яна не ответила сразу. Вспомнила слова Сократа. Правда

коротка. Как выдох. Не нужно украшать. Не нужно оправдывать. Не нужно строить мосты из слов. Нужно просто сказать то, что есть. Она сделала вдох. Почувствовала, как воздух заполняет лёгкие. Как плечи расправляются. Как взгляд становится прямым. Как тело заземляется. Как разум очищается от лишнего шума.

- Потому что вы, - сказала она тихо. Чётко. Без дрожи. Без пауз. - мой ответ на вопрос, которого я ещё не задала.

Фанси чуть заметно кивнул. В его глазах мелькнуло не одобрение. Признание. Тихое. Глубокое. Настоящее.

- Сократ говорит, ты видишь нити, - сказал он. - Покажи.

Он протянул ей фотографию. Обычную. Бумажную. Слегка помятую по краям. На ней трое мужчин за столом. С бокалами вина. Один грузин. С усами и золотым зубом. Второй армянин. С тёмными глазами и тонкими пальцами. Третий русский. С лицом боксёра и шрамом над бровью.

- Кто предаст первым? - спросил Фанси. Не как загадку. Как задачу. Как проверку. Как ключ.

Яна взяла фотографию. Бумага была шершавой. Холодной. Она не стала смотреть на лица сразу. Лица лгут. Лица привыкают к маскам. Лица учатся контролировать микровыражения. Она посмотрела на руки. На то, как они держат бокалы. Грузин сжимал ножку пальцами плотно. Локоть прижат к телу. Поза закрытая, но стабильная. Армянин держал бокал кончиками пальцев легко. Локоть слегка отведён. Поза открытая, но настороженная. Русский держал бокал левой

рукой. Пальцы обхватывали стекло плотно. Локоть отведён от тела дальше, чем у других. Правая рука лежала на колене, скрытая краем стола. Тень от лампы падала на стол, но в глазах русского не было отражения свечи. Пустота. Тьма. Не потому что свет не достигал глаз. А потому что взгляд был направлен не на собеседников. Не на вино. Не на камеру. Взгляд был направлен в сторону. На дверь. На выход. На пространство за пределами кадра. На то, что должно прийти. На то, что уже идёт.

- Русский, - сказала она. Одно слово. Точное. Чистое. Без сомнений. Без колебаний. - Он держит бокал левой рукой. Значит, правая свободна для пистолета. Его локоть отведён от тела. Готов к удару. И в его глазах нет отражения свечи. Значит, он не смотрит на собеседников. Смотрит на дверь. Ждёт подмогу. Он уже предал. В уме. Осталось только тело. Осталось только время.

Фанси положил фото на стол. Медленно. Точно. Молчал. Не для эффекта. Для того, чтобы слова улеглись. Чтобы пространство впитало их. Чтобы тишина стала подтверждением. Потом он медленно повернулся к Сократу. В его глазах не было вопроса. Не было сомнения. Только тихое, глубокое доверие. Только признание.

- Ты был прав, - сказал он. Голос прозвучал низко. Почти шёпотом. Но в комнате было так тихо, что каждое слово отозвалось в стенах. - Она Карма.

Сократ улыбнулся. Улыбка была тонкой. Как лезвие.

Острой. Точной. Но в ней не было злобы. Не было триумфа. Не было гордыни. Только гордость. Тихая. Глубокая. Настоящая.

- Я всегда прав, - сказал он. - Особенно когда дело касается будущего. Будущее не угадывается. Оно читается. В руках. В глазах. В дыхании. В тенях. В паузах. В том, что не сказано. Она просто умеет видеть то, что другие боятся замечать. То, что другие предпочитают игнорировать. То, что другие называют случайностью.

Фанси кивнул. Медленно. Точно. Потом посмотрел на Яну. В его взгляде читалось не восхищение. Признание равного. Признание того, кто прошёл порог. Кто принял вызов. Кто не сломался под весом первого шага.

- Теперь начинается настоящая работа, - сказал Фанси. - Не обучение. Не игра. Ты увидишь то, что скрыто. Услышишь то, что заставили замолчать. Почувствуешь то, что игнорируют. И если ты выдержишь, ты станешь тем, кем должна быть. Если нет... тишина сделает своё дело. Ты готова?

Яна кивнула. Не победно. С принятием. С доверием. С пониманием, что путь только начинается. Что впереди не комфорт. Не похвала. Не гарантия. Только правда. Только испытание. Только возможность стать. Кем-то бОльшим.

Фанси повернулся к Рафу. Кивнул. Раф вышел из кабинета. Вернулся через минуту. В руках держал не оружие. Не документы. Простую, белую, плотную ткань. Шарф. Повязку.

- Первое правило, - сказал Фанси. - Ты не контролируешь мир. Ты контролируешь своё внимание. Мир будет шуметь. Будет давить. Будет пытаться сбить с ритма. Твоя задача не бороться. Твоя задача наблюдать. Без оценки. Без реакции. Без страха. Только присутствие. Только ясность. Только дыхание. Закрой глаза.

Яна взяла ткань. Обвязала глаза. Не резко. Не с сомнением. Плавно. Точно. Мир исчез. Остался только звук. Дыхание. Сердцебиение. Шаги. Шорох ткани. Тиканье часов где-то далеко. И тишина. Густая. Тяжёлая. Живая.

- Ты стоишь в центре комнаты, - произнёс голос Фанси. - Слева дверь. Справа окно. Сзади стена. Вперёд стол. На столе лежит предмет. Не видишь его. Чувствуешь. Идёшь. Не спеша. Не шатаясь. Только шаги. Только дыхание. Только ритм.

Яна сделала шаг. Пол скрипнул. Не громко. Тихо. Она остановилась. Прислушалась. Вдох. Выдох. Сделала второй шаг. Третий. Четвёртый. Пространство сжималось. Воздух становился плотнее. В голове начали роиться мысли. А вдруг ударюсь? А вдруг упаду? А вдруг не найду? А вдруг это ловушка? Она не стала бороться с ними. Просто позволила пройти. Как облака по небу. Как вода по камням. Не цепляясь. Не задерживаясь. Только наблюдая. Только дыша. Только шагая.

Пятый шаг. Шестой. Седьмой. Кожа коснулась чего-то холодного. Гладкого. Тяжёлого. Книга. Та самая. С пожелтев-

шими страницами. С иллюстрацией быка. Она взяла её. Не ощупывая. Не сомневаясь. Просто знала. Подняла. Прижала к груди. Сняла повязку.

Фанси стоял рядом. Не хвалил. Не кивал. Просто смотрел. В его глазах читалось тихое одобрение. Не за результат. За процесс. За то, как она дышала. За то, как шла. За то, как не сломалась под весом собственных страхов.

- Ты не искала книгу, - сказал он тихо. - Ты искала себя. В темноте. В тишине. В страхе. И нашла. Это первый урок. Мир не даёт ответов. Он даёт пространство. Где ты можешь найти их сама. Где ты можешь выбрать. Не реакцию. А ответ. Не бегство. А шаг. Не страх. А дыхание.

Яна кивнула. Не словами. Телом. Дыханием. Присутствием. Она чувствовала, как что-то внутри сдвинулось. Не сломалось. Встало на место. Как шестерёнка, которая годами крутилась вхолостую, а теперь наконец зацепилась за главный вал.

- Следующий шаг будет сложнее, - продолжил Фанси. - Не физически. Психологически. Ты войдёшь в комнату. Там будет зеркало. В нём ты увидишь не себя. Ты увидишь то, что ты носишь. Чужие ожидания. Чужие страхи. Чужие сценарии. Твоя задача не отвернуться. Не закрыть глаза. Не сломать стекло. Твоя задача посмотреть. Увидеть. Признать. И отпустить. Не бороться. Не отрицать. Просто отпустить. Как воду из ладоней. Как дым от свечи. Как мысль, которая пришла и ушла. Ты готова?

Яна кивнула. Вошла в следующую комнату. Дверь закрылась за спиной с мягким щелчком. В центре стояло зеркало. Большое. Высокое. До пола. Рама потемневшая от времени. Стекло чистое. Глубокое. Она подошла. Посмотрела.

Сначала отражение было обычным. Девочка. Одиннадцать лет. Косички. Свитер с мишкой. Глаза. Но потом картинка дрогнула. Исказилась. В стекле появились лица. Мама. С красными глазами. С голосом, полным упрёка. Бабушка. С тяжёлым взглядом. С словами о стыде. Учителя. С линейками. С оценками. С требованиями. Одноклассницы. С шёпотом. С улыбками. С завистью. Мир. С правилами. С нормами. С ожиданиями. Всё это наложилось на её лицо. Стало её лицом. Стало её грузом. Стало её клеткой.

- Дыши, - прозвучал голос Фанси из динамика. Тихо. Ровно. Без давления. Только напоминание. Только опора.

Яна вдохнула. Глубоко. Медленно. Почувствовала, как воздух заполняет лёгкие. Как плечи опускаются. Как челюсть разжимается. Как взгляд смягчается. Она не стала отводить глаз. Не стала закрывать веки. Не стала кричать. Не стала плакать. Просто смотрела. Видела не врагов. Видела тени. Видя не приговор. Видя возможность. Видя не клетку. Видя дверь.

Она подняла руку. Коснулась стекла. Холодно. Гладко. Настояще.

- Я не вы, - прошептала она. Голос не дрогнул. Был тихим. Но чётким. Как стрела, выпущенная точно в цель. - Я

не ваши страхи. Не ваши ожидания. Не ваши сценарии. Я не удобная. Не тихая. Не послушная. Я не проект. Я не отражение. Я человек. С правом на ошибку. С правом на выбор. С правом на своё время. И я отпускаю вас. Не с злостью. Не с обидой. С благодарностью. За урок. За опыт. За то, что вы показали мне, кем я не хочу быть. И я иду дальше. Не за вами. Не от вас. Вперёд. К себе.

Стекло дрогнуло. Не разбилось. Просто стало прозрачнее. Лица исчезли. Осталась только она. Девочка. Одиннадцать лет. Косички. Свитер с мишкой. Глаза. Но в них не было страха. Не было сомнения. Не было груза. Была только ясность. Только спокойствие. Только присутствие. Только путь.

Дверь открылась. Фанси стоял в проёме. Не хвалил. Не кивал. Просто смотрел. В его глазах читалось признание. Тихое. Глубокое. Настоящее.

- Ты прошла, - сказал он. - Не испытание. Себя. Ты увидела тени. Не стала бороться. Не стала прятаться. Просто отпустила. Это второй урок. Мир не требует от тебя быть сильной. Он требует от тебя быть честной. Честной с собой. Честной с другими. Честной с моментом. И когда ты честна, тени теряют вес. Страх теряет власть. Граница становится ясной. Ты готова к следующему.

Яна кивнула. Не словами. Телом. Дыханием. Присутствием. Она чувствовала, как что-то внутри расправляется. Не ломается. Цветёт. Как семя под снегом. Как мысль в тиши-

не. Как решение, которое созревает годами, а щёлкает за секунду.

- Следующий шаг, - продолжил Фанси, - будет последним на сегодня. Не физическим. Не психологическим. Экзистенциальным. Ты сядешь в кресло. Перед тобой будет стол. На столе три предмета. Монета. Перо. Ключ. Ты выберешь один. Не умом. Интуицией. Не логикой. Ощущением. Не расчётом. Доверием. И каждый предмет ведёт к разной комнате. К разной правде. К разной цене. Ты не сможешь вернуться. Не сможешь передумать. Не сможешь отменить выбор. Ты просто сделаешь шаг. И проживёшь последствия. Не жалея. Не сомневаясь. Не оглядываясь. Ты готова?

Яна подошла к столу. Посмотрела на предметы. Монета блестела холодным, металлическим светом. Перо лежало легко, почти невесомо, с потёртым кончиком. Ключ был тяжёлым, старинным, с зубцами, стёртыми временем. Она не стала анализировать. Не стала взвешивать. Не стала искать подсказки. Просто закрыла глаза. Сделала вдох. Выдох. Почувствовала пространство. Почувствовала дыхание. Почувствовала ритм. И протянула руку.

Пальцы коснулись пера. Лёгкого. Тёплого. Живого. Она взяла его. Не раздумывая. Не сомневаясь. Просто зная. Подняла. Посмотрела на Фанси. Кивнула.

Фанси улыбнулся. Едва заметно. Тонко. Как лезвие. Но в улыбке не было злобы. Только гордость. Только признание. Только тихое знание, что выбор сделан верно. Не потому что

перо лучше. А потому что оно её. Оно отражает путь. Не силы. Не власти. Не контроля. Путь слова. Путь мысли. Путь ясности. Путь, который не ломает. Который освещает. Который не требует подчинения. Который предлагает понимание.

- Иди, - сказал он. - Дверь справа. Комната ждёт. Правда ждёт. Ты ждёшь себя.

Яна шагнула. Дверь открылась. Внутри была не комната. Пространство. Пустое. Светлое. Без стен. Без мебели. Без теней. Только пол. Только потолок. Только свет. И в центре стул. Один. Простой. Деревянный. Она подошла. Села. Положила перо на колени. Закрыла глаза.

И началась тишина. Не пустая. Наполненная. Не давящая. Освобождающая. В ней не было вопросов. Не было требований. Не было ожиданий. Только присутствие. Только дыхание. Только момент. И в этом моменте Яна поняла. Не умом. Телом. Кровью. Костями. Поняла, что сила не в контроле. А в доверии. Что граница не в стенах. А в ясности. Что путь не во времени. А в шаге. Что она не обязана быть удобной. Должна быть живой. Что она не обязана подчиняться. Может выбирать. Что она не обязана молчать. Может говорить. Что она не обязана прятаться. Может быть.

И когда свет в комнате стал мягче, когда тишина стала глубже, когда дыхание выровнялось окончательно, Яна открыла глаза. Не испуганно. Не растерянно. Спокойно. Уверенно. Ясно. Она встала. Вышла из комнаты. Вернулась в кабинет. Фанси стоял у окна. Тимур курил трубку. Сократ

смотрел на неё. Раф стоял у двери. Никто не говорил. Не нужно было. Всё было сказано. Всё было понято. Всё было принято.

Фанси повернулся. Подошёл. Остановился в шаге. Посмотрел в глаза. Не оценивая. Не требуя. Просто видя.

- Ты прошла, - сказал он тихо. - Не испытание. Себя. Ты не сломалась. Не отступила. Не усомнилась. Ты выбрала. Прожила. Приняла. И стала тем, кем должна быть. Не сразу. Не легко. Но верно. Карма не наказывает. Не награждает. Балансирует. И ты теперь часть баланса. Не инструмент. Не пешка. Хранитель. Та, кто видит нити. Кто слышит тишину. Кто чувствует вес момента. Кто не боится шагать в неизвестность. Потому что знает: неизвестность это не пустота. Это возможность. Это пространство. Это путь. И ты на нём. Не одна. С нами. С собой. С правдой. С дыханием. С шагом. С пером. С книгой. С компасом. С огнём. С тишиной. С началом.

С собой.

Яна кивнула. Не словами. Телом. Дыханием. Присутствием. Она чувствовала, как что-то внутри щёлкнуло. Не сломалось. Встало на место. Как замок, который наконец закрылся. Как ключ, который наконец повернулся. Как дверь, которая наконец открылась. Она была готова. Не к победе. К пути. Не к похвале. К работе. Не к бесконечному пути. К шагу. И она сделала его. Не оглядываясь. Не сомневаясь. Не боясь. Просто шагая. Вперёд. В свет. В неизвестность. В своё.

За окном падал снег. Тихо. Плавно. Гипнотизирующе. Укрывая следы. Готовя почву. Для весны. Для нового. Для того, что ещё не написано. Но уже дышит. Уже ждёт. Уже близко.

И Яна знала: это только начало. Только самое начало. Всего. Пути. Памяти. Смысла. Света. Легенды. Не чужой. Своей. Той, что пишется не чернилами. А шагами. Не словами. А делами. Не обещаниями. А присутствием. Той, что начинается здесь. Сейчас. В тишине. В дыхании. В перо. В книге. В компасе. В ней. И она не собьётся. Никогда. Не потому что идеальна. А потому что настоящая. Не потому что не ошибается. А потому что учится. Не потому что одна. А потому что часть. Часть пути. Часть памяти. Часть света. Часть баланса. Часть Кармы. И она идёт. Вперёд. Всегда вперёд. К тому, что должно быть. К тому, что уже началось. К тому, что нельзя остановить. Только принять. Только пройти. Только стать. Только жить. По-настоящему. Честно. Полно. До конца. До света. До истины.

До себя.

Глава 6

Глава 6. Гости

Читать под трек «For my hand» - Ibara

«Когда бы я ни был разбит, ты заставляешь меня чувствовать себя целым. Когда бы мне ни было одиноко, ты всегда рядом с моей душой. Где бы ты ни была, девочка, это место я называю своим домом. Когда бы ты ни сомневалась в этом, я дам тебе знать» (с)

Воздух в кабинете всё ещё держал напряжение, плотное, почти осязаемое, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Яна стояла посреди комнаты, чувствуя, как после испытаний Фанси внутри неё улеглась не усталость, а странная, звенящая ясность. Тело было лёгким, дыхание ровным, разум чистым, будто кто-то провёл невидимой кистью по стеклу её восприятия, стерев пыль сомнений, страхов, чужих ожиданий. Она ждала следующего шага. Ждала слов. Ждала направления. И в этот момент Сократ сделал то, чего никто не ожидал. Он не стал говорить о нитях, о балансе, о Карме. Он не стал углубляться в философию или проверять границы снова. Он просто посмотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то тёплое, земное, человеческое. Он улыбнулся. Не тонко, не как лезвие, а широко, по-настоящему, и сказал тихо, но так, что слово упало в тишину как камень в воду, расходясь кругами:

- Пойдём пообедаем. Пожарим мясо. На улице. Дров много. Ветер стих. Угли уже ждут.

Яна моргнула. И вдруг что-то внутри неё щёлкнуло. Не сломалось. Вернулось. Та самая лёгкость, которую она считала утерянной, та самая детская непосредственность, которую она прятала за маской ясности, вырвалась наружу, как весенний ручей из-под льда. Она хлопнула в ладоши. Громко. Искренне. Без тени сарказма, без попытки сохранить дистанцию, без расчёта.

- Ура, шашлык! - воскликнула она, и голос её прозвучал так, будто одиннадцать лет вдруг стали не грузом, а крыльями. Сократ рассмеялся. Не снисходительно. С облегчением. С признанием того, что мудрость не должна убивать радость, что глубина не требует отказа от света, что можно видеть нити судьбы и при этом радоваться простому куску мяса на огне. Раф, стоявший у двери, чуть заметно улыбнулся уголками губ. Тимур, всё ещё сидевший в кресле, отложил трубку, кивнул, и в его движении не было приказа, только согласие. Фанси, наблюдавший из тени коридора, закрыл глаза на секунду, будто запоминая этот момент, этот звук, этот выдох жизни, который не требовал доказательств, который просто был.

Они вышли на улицу. Холод ударил в лицо, но не пронизывал, а бодрял, очищал лёгкие, заставлял кожу проснуться, нервные окончания включиться, тело вспомнить, что оно живое, что оно здесь, что оно дышит. Воздух пах сне-

гом, хвоей, дымком от давно прогоревшего костра и чем-то неуловимо сладким, как запах сушёных яблок на чердаке. Участок раскинулся перед ними простором, который не кричал о богатстве, а шептал о порядке. Высокие заборы скрывали территорию от глаз, но не могли скрыть ауру заботы, которая читалась в каждом квадратном метре. Дорожки были расчищены до гравия, скамейки укрыты брезентом, инструменты висели на стенах сарая в строгом порядке, словно армия, готовая к труду, а не к войне. В центре двора стояла каменная печь. Массивная, сложенная из серого камня, с широким устьем, с железной решёткой, с дымоходом, уходившим в небо как палец, указывающий на что-то важное. Рядом мангальная зона. Стол из дуба, скамьи, стойка с инструментами, ящик с углём, ведро с водой. Всё было простым. Функциональным. Настоящим. Никакого пафоса. Никакой показухи. Только место, где человек встречается с огнём, с землёй, с едой, с собой.

Сократ подошёл к столу, расстегнул пальто, засучил рукава свитера. Движения его были медленными, выверенными, лишёнными суеты. Он достал из контейнера мясо. Не нарезанное заранее. Не маринованное в пакете из магазина. Целый кусок, тёмный, плотный, с прожилками жира, которые блестели на морозе как янтарь. Он положил его на доску, достал нож. Не модный, не дорогой. Старый, с потемневшей рукоятью, с лезвием, которое помнило сотни разрезов, сотни ужинов, сотни моментов, когда еда становилась не про-

сто пищей, а ритуалом. Он начал резать. Не спеша. Ритмично. Каждый кусок ложился на поднос ровно, одинаково, будто отмерялся не глазом, а внутренним метрономом. Потом он взял луковицу. Очистил. Нарезал полукольцами. Не мелко. Не крупно. Так, чтобы сок выделился, чтобы аромат раскрылся, чтобы мясо впитало не просто вкус, а память земли, на которой рос лук. Затем он достал гранат. Разрезал пополам. Выдавил сок в миску. Тёмно-красная жидкость потекла густо, медленно, окрашивая пальцы, оставляя на коже след, который не смывается сразу, который напоминает: жизнь имеет цвет. Имеет вкус. Имеет цену. Он смешал сок с луком, добавил щепотку соли, веточку петрушки, которую достал из кармана, свежую, зелёную, пахнущую солнцем, даже несмотря на январь. Всё это он вылил на мясо. Перемешал руками. Не перчатками. Кожей. Чтобы почувствовать текстуру. Чтобы понять, готово ли оно. Чтобы доверить интуиции то, что не измеряется граммами или минутами. Это было не приготовление. Это было общение. Диалог между человеком и тем, что станет его силой.

Яна смотрела. Не вмешивалась. Не задавала вопросов. Просто стояла рядом, чувствуя, как тепло от мангала начинает пробиваться сквозь холод, как дым поднимается ровными столбами, как угли в печи начинают тлеть, окрашиваясь в багровый, потом в оранжевый, потом в белый, отдавая жар, который не обжигает, а обнимает. Она знала: это не просто обед. Это якорь. Способ вернуться в тело после испытаний

разума. Способ напомнить себе, что жизнь не только в нитях судьбы, но и в хрусте хлеба, в соке мяса, в тепле огня, в смехе, который не требует разрешения.

Все стояли вокруг мангала, будто зрители в первом ряду театра, где на сцене разворачивался древний, почти ритуальный процесс. Сократ работал медленно, уверенно, каждое движение было отточено годами, но в этот раз в них не было механичности. Он перебирал куски мяса, поливал их гранатовым соком, втирал соль и специи пальцами, не спеша, позволяя ароматам раскрыться, позволяя времени сделать своё дело. Воздух вокруг насыщался тяжёлым, пряным духом, который не просто заполнял лёгкие, а оседал где-то глубоко, пробуждая память о кострах, о дорогах, о моментах, когда еда становилась не просто пищей, а якорем, удерживающим от хаоса. Тимур наблюдал из тени, Раф стоял чуть поодаль, скрестив руки, но в его позе не было напряжения, только тихое внимание. А Фанси стоял в стороне, пока не сделал то, чего от него никто не ожидал.

Он двинулся не прямо, а бочком, словно кот, который знает, что его шаги должны быть незаметны, но при этом не скрывает намерений. Его фигура, обычно строгая, почти монументальная, вдруг обрела странную, почти мальчишескую лёгкость. Он пробрался к самому краю каменной печи, где угли уже начали отдавать ровное, багровое тепло, и поймал взгляд Яны. Не словами. Не жестом. Просто подмигнул. Быстро, тепло, без тени наставничества, без груза лет и

кодексов. В этом движении было столько жизни, столько тихой радости, что Яна невольно улыбнулась в ответ, чувствуя, как внутри что-то смягчается, как граница между учителем и ученицей вдруг истончается, становясь прозрачной, пропускающей свет.

Фанси протянул руку к стопке мягкого лаваша, лежавшего на деревянной доске. Вытянул один лист, тонкий, почти прозрачный, с лёгкими пузырьками, запёкшимися в печи. Положил его на ладонь, словно измеряя вес не хлеба, а момента. Затем достал щепотку соли. Не из солонки. Просто из кармана, где она хранилась в маленькой тряпичной сумке, как старая привычка, как память о зонах, о дорогах, о том, что соль это не приправа, а знак того, что ты ещё жив, что ты ещё можешь делиться. Он щедро посыпал хлеб, позволяя крупинкам осесть неровно, честно, без расчёта. Потом достал небольшую флягу, открутил крышку, плеснул масла. Не много. Ровно столько, чтобы оно впиталось, чтобы хлеб не сгорел, а зашипел, чтобы корочка стала золотой, а не чёрной. Он взял тонкий металлический шампур, не тот, что для мяса, а специальный, для хлеба, с плоским лезвием, и аккуратно насадил лаваш, натягивая и закручивая его, так чтоб он был готов принять удар жара. Поднёс к углям. Не близко. Не далеко. На расстоянии, где тепло ласкает, а не обжигает.

Яна смотрела. Не отрываясь. Впитывая каждое движение, каждый поворот кисти, каждый наклон головы. Она не спрашивала. Не просила объяснить. Просто повторяла. Взя-

ла свой лист лаваша. Посыпала солью. Плеснула масла. Закрутила на шампур. Её руки дрогнули в первый момент, не от страха, а от непривычной ответственности, от желания сделать всё точно, чтобы не испортить момент, чтобы не нарушить тишину, которая вдруг стала хрупкой, как стекло. Но потом пальцы запомнили ритм. Движения стали плавными. Уверенными. Она поднесла свой шампур к огню, рядом с его, и они стояли плечом к плечу, не касаясь друг друга, но чувствуя тепло не только от углей, а от присутствия, от того, что кто-то рядом делает то же самое, в том же ритме, с той же отдачей.

Хлеб начал меняться. Пузыри надувались, лопались, выпуская пар, который пах тёплым зерном, маслом, дымком. Фанси повернул шампур, проверил корочку, кивнул, снял хлеб, отломил кусок. Раздался хруст. Как чипсы! Протянул Яне. Она взяла. Не вилкой. Не ножом. Пальцами. Поднесла ко рту. Откусила. Хрустнул. Горячо. Солёно. Маслянисто. Вкус раскрылся не сразу, а слоями: сначала огонь, потом зерно, потом соль, потом что-то глубже, что-то, что нельзя назвать, но что заставляет закрыть глаза, чтобы не расплескать ощущение. Она открыла глаза. Встретилась взглядом с Фанси. Он смотрел на неё не как на ученицу. Не как на Карму. Не как на проект. Как отец смотрит на дочку, которая впервые сама завязала шнурки. С тихой гордостью. С облегчением. С любовью, которая не требует слов, которая просто есть, как дыхание, как тепло углей, как хруст хлеба в тишине. Они

жевали медленно, не спеша, позволяя моменту растянуться, позволяя тишине говорить за них. В этом взгляде не было прошлого. Не было будущего. Только сейчас. Только хлеб. Только они. Только правда, которая не нуждается в доказательствах.

Яна доела кусок. Облизнула пальцы. Не стесняясь. Не пряча движения. Просто позволила вкусу остаться на коже, на языке, в памяти. Посмотрела на Фанси. Улыбнулась. Не широко. Тихо. Глубоко. И сказала, почти шёпотом, но так, что каждое слово упало в воздух как камень в воду, расходясь кругами:

- Спасибо, папА. - Не с ударением на последний слог. Мягко. Естественно. Как будто это слово всегда ждало своего часа, как будто оно уже жило в её груди, просто не находило выхода.

Фанси замер. Не от шока. От узнавания. Оттого, что звук этого обращения коснулся чего-то старого, спящего, запретного, но невыносимо живого. Он не поправил её. Не смутился. Просто кивнул. Медленно. Точно. И в этом кивке было всё: принятие. Благодарность. Тишина, которая стала не пустой, а наполненной. С тех пор она называла его только так. Не нарочно. Не чтобы ранить или выделить. Просто потому, что другое слово не ложилось на язык. Потому что папА стало не титулом. Стало якорем. Стало мостом между мирами, которые казались несовместимыми, но вдруг нашли точку соприкосновения в хрусте лаваша у костра.

Фанси отвернулся, но не чтобы скрыть лицо. Чтобы дать себе секунду. Чтобы позволить эмоциям уложиться, не прорвавшись наружу, не нарушив границ. Он смотрел, как Яна уже снимает третий лаваш, как она аккуратно отламывает куски, как она протягивает их Тимуру, Сократу, Рафу, не требуя благодарности, не ждя похвалы, просто делясь, просто присутствуя, просто живя в моменте, который она сама создала, не зная, что меняет всё вокруг одним движением руки. И в его груди шевельнулось то, что он прятал десятилетиями. Не тоска. Не сожаление. Тихая, острая боль признания. Ему всегда хотелось детей. Не наследников. Не продолжения рода. Просто детей. Тех, кого можно научить завязывать шнурки. Кому можно подмигивать у костра. Кто будет облизывать пальцы после хлеба. Кто будет называть его папА не из вежливости, а из доверия. Но воровской кодекс не знал компромиссов. Семья это слабость. Привязанность это уязвимость. Любовь это риск. Кодекс требовал одиночества. Требовал стойкости. Требовал, чтобы сердце было камнем, а не тканью. И он нёс это. Годы. Десятилетия. Без жалобы. Без попытки обойти правило. Просто принимая цену. Но сейчас, глядя на девочку, которая жарила хлеб по сути для чужих мужчин, как для своих, которая смеялась тихо, которая не боялась быть тёплой в мире, который учил быть холодным, он понял: кодекс не запрещал любовь. Он запрещал страх. А она не боялась. Она просто любила. Без условий. Без расчёта. Без оглядки на правила. И в этом была не слабость.

Это была сила. Та самая, которую он искал всю жизнь. Та самая, которую он теперь видел в её глазах, в её движениях, в её «спасибо папА». Он выдохнул. Не тяжело. Просто глубоко. И позволил себе улыбнуться. Не для других. Для себя. Для того мальчика внутри, который наконец-то услышал ответ на вопрос, который не смел задать вслух. Хлеб догорал. Угли тлели. Тишина стояла ровная. И в ней не было места прошлому. Только сейчас. Только хлеб. Только она. Только он. Только правда, которая не нуждается в кодексах. Только жизнь, которая продолжается, несмотря ни на что.

Только дочь и папА.

Тимур вдруг подошёл к Яне. Просто встал рядом, заложив руки в карманы, глядя на сад, который спал под снегом, но не умер. Просто отдыхал. Набирал силы. Ждал весны. Он кивнул в сторону аллеи, обсаженной старыми яблонями, и сказал тихо:

- Пойдём. Пока Сократ занимается огнём, я покажу тебе, что здесь растёт. Не летом. Сейчас. Зимой. Когда всё скрыто, но ничего не исчезло.

Они пошли. Снег хрустел под ногами, издавая тот самый звук, который всегда означало начало чего-то важного, который возвращал в детство, в то время, когда мир был простым, а чудеса возможными. Тимур шёл медленно, не торопясь, позволяя пространству говорить само за себя. Он указывал на кусты, на деревья, на гряды, укрытые соломой, и рассказывал не как садовод, а как хранитель. Как человек,

который знает, что земля помнит больше, чем люди. Что корни работают даже под снегом. Что жизнь не останавливается, когда исчезает с поверхности. Что терпение это не пассивность. Это стратегия.

- Вон та яблоня, - сказал он, останавливаясь у дерева с тёмной, почти чёрной корой, которая трескалась, как старая кожа, но не сдавалась. - Это не антоновка. Не белый налив. Это Недзвецкого. Привезена из Средней Азии в конце девятнадцатого века. Листья у неё не зелёные. Тёмно-пурпурные. Почти фиолетовые. Летом они горят на солнце, как угли. Плоды мелкие. Кислые. Не для компота. Не для варенья. Для памяти. Для того, чтобы напомнить: красота не всегда сладкая. Сила не всегда заметная. Это дерево пережило революции, войны, перестройки. Не потому что его берегли. А потому что оно умело ждать. Умело цвести, когда другие спали. Умело плодоносить, когда земля казалась мёртвой. Оно не кричит о себе. Оно просто стоит. И этого достаточно.

Яна коснулась коры. Шершавой. Холодной. Живой. Она почувствовала, как под пальцами пульсирует что-то тихое, но упорное. Не биение сердца. Биение времени. Она вспомнила папу. Вспомнила дачу под Вереей. Самый маленький город в Московской области, затерянный среди полей и лесов, где время течёт иначе, где улицы помнят имена тех, кто их строил, где тишина не пугает, а лечит. Где папа, биофизик по профессии, но садовник по призванию, превратил десять

соток в лабораторию выживания, в храм терпения, в место, где странное становится нормой, а диковинное родным.

- Папа тоже любит сажать всё странное, - сказала Яна, и голос её прозвучал тихо, но наполнено, как вода в глубоком колодце. - У нас под Вереей на даче, за забором, тоже растёт яблоня Недзвецкого. Он привёз саженец с рынка в девяносто втором. Тогда всё было дорого. Всё было сложно. Всё было ненадёжно. А он купил дерево, которое не обещало урожая. Которое обещало только красоту. Только память. Оно выросло. Листья действительно тёмные. Почти чёрные. Летом они отливают бордовым. Осенью не желтеют. Опадают пурпурными. Папа говорит, что это дерево учит не ждать награды. Учит ценить процесс. Учит понимать, что не всё должно быть полезным, чтобы быть важным.

Тимур кивнул. Не перебивал. Просто слушал. Позволял словам укладываться в пространство, как семена в почву.

- А ещё у нас есть ежевика, - продолжила Яна, и в голосе её появилась лёгкая, тёплая ирония. - Не та, что ранит. Та, что согревает. Папа нашёл сорт в каком-то питомнике под Тулой. Названия не помнит. Говорит, что это гибрид, который кто-то вывел случайно, а потом бросил, потому что он слишком агрессивный. Слишком живой. Слишком честный. Она плодоносит как сорняк. Заполоняет всё. Лезет через забор. Пробирается под доски. Обвивает столбы. Цепляется за одежду. Царапает руки. Но ягоды... Ягоды сладкие. Тёплые. С лёгкой кислинкой, которая не отталкивает, а пробуждает.

Папа не борется с ней. Он направляет. Ставит опоры. Прореживает. Оставляет пространство. Говорит, что это растение учит границам. Что сила без направления становится хаосом. Что жизнь требует не контроля, а сотрудничества. Что можно расти, не разрушая. Можно заполнять, не подавляя. Можно быть диким, но не злым.

Тимур улыбнулся. Едва заметно. Но в улыбке было признание. Понимание того, что земля и люди подчиняются одним законам. Что терпение, направление, уважение к природе роста работают везде. Не только в саду. В отношениях. В мыслях. В судьбе.

- А ревень, - сказала Яна, и голос её стал тише, задумчивее, будто она касалась чего-то древнего, спящего под снегом, но готового проснуться. - Папа ездил за ним аж в Электросталь. Прошлой весной. Когда всё только начинало оттаивать. Когда дороги были размыты, когда автобусы ходили редко, когда деньги считались по рублям, а не по тысячам. Он нашёл кусты. Огромные. Листья как зонты. Стебли толстые, красные, с лёгким пушком. Он привёз три корня. Посадил у забора. Где тень. Где влага. Где никто не ходит. Они прижились. За лето выросли выше его пояса. Осенью не отмерли. Ушли в землю, но не исчезли. Папа говорит, что ревень это растение-память. Что он рос ещё при царях. Что его ели монахи в постах, потому что он кислый, но питательный. Что он не требует ухода. Требует только места. И терпения. Что он учит тому, что самое ценное часто растёт в тени. Что

не всё должно быть на виду, чтобы быть сильным. Что можно ждать годы, чтобы однажды дать урожай, который накормит не только тело, но и душу.

Тимур остановился. Посмотрел на неё. Не с удивлением. С уважением. С тихим восхищением тем, как она говорит о растениях не как о вещах, а как о учителях. Как о свидетелях. Как о зеркалах, в которых отражается не только природа, но и человек, который за ними ухаживает, который с ними разговаривает, который учится у них не словами, а присутствием.

- Твой отец мудрый человек, - сказал он тихо. - Не потому что он знает названия. А потому что он слышит ритм. Потому что он не пытается подчинить землю. Он пытается понять её. Потому что он знает: сад это не проект. Это диалог. И ты унаследовала не гены. Не черты. А способность слушать. Способность видеть то, что скрыто. Способность находить смысл там, где другие видят только форму. Это редкость. Это дар. Это ответственность.

Они повернули обратно. Тропа вела к пруду. Лёд на нём был матовым, неровным, покрытым тонким слоем снега, который ещё не успел укататься. Вода подо льдом казалась чёрной, глубокой, непрозрачной, но в ней двигались тени. Медленно. Ритмично. Карпы. Живые. Дышащие. Ждущие весны. Тимур остановился у края. Не близко. Не далеко. На расстоянии, которое позволяет видеть, не нарушая покоя. Он посмотрел на воду. Потом на Яну. И начал говорить. Не как

рассказчик. Как свидетель. Как человек, который знает, что некоторые истории не выдумываются. Они накапливаются. Как влага в почве. Как память в камне. Как тишина в лесу.

- Этот пруд вырыли в тридцать восьмом, - сказал он. Голос был низким. Ровным. Без пафоса. Без мистики в привычном смысле. Без фей, без духов, без заклинаний. Только факты. Только атмосфера. Только вес слов. - Заключённые. Политические. Те, кого забрали за веру, за слова, за мысли, которые не вписывались в новую реальность. Им дали лопаты. Дали тачки. Дали срок. Не годы. Дни. Кто не выкопает котлован за неделю тот не вернётся. Они копали. Не жалуясь. Не останавливаясь. Не надеясь. Просто работали. Потому что работа это единственное, что остаётся, когда отнимают имя, когда отнимают прошлое, когда отнимают будущее. Когда закончили, их увели. Не всех. Некоторых оставили. Не как сторожей. Как память. Как предупреждение. Как тишину, которая должна была остаться здесь навсегда. Потом пришли другие. Посадили карпов. Не для красоты. Для баланса. Чтобы вода не застаивалась. Чтобы жизнь продолжалась, даже когда люди уходят. Чтобы экосистема работала, даже когда история молчит.

Он помолчал. Ветер шевельнул ветви. Снег осыпался с ели, ложась на лёд мягко, бесшумно.

- Говорят, вода помнит, - продолжил Тимур. - Не в смысле призраков. Не в смысле голосов из глубины. В смысле отражений. В смысле того, что пруд не показывает лицо. Он

показывает намерение. Если ты подходишь со страхом, вода кажется мутной. Холодной. Непроницаемой. Если ты подходишь с гневом, лёд трещит, даже если мороз крепкий. Если ты подходишь с ясностью, вода становится прозрачной, даже подо льдом. Не магия. Физика. Психология. Атмосфера. Вода реагирует на вибрацию. На дыхание. На состояние. Этот пруд не проклят. Не благословлен. Он честный. Он не лжёт. Он не приукрашивает. Он просто отражает то, что ты несёшь. И если ты готов посмотреть, он покажет. Не будущее. Не прошлое. Настоящее. То, которое ты прячешь даже от себя.

Яна подошла ближе. Не к краю. К центру восприятия. Она посмотрела на лёд. Не пытаясь увидеть дно. Не пытаясь разгадать тайну. Просто позволяя глазам привыкнуть к темноте подо льдом. И вдруг она почувствовала. Не холод. Не страх. Не мистику. Честность. Ту самую, о которой говорил Тимур. Воду, которая не требует ответов. Которая просто ждёт, когда ты перестанешь бежать. Когда ты перестанешь прятаться. Когда ты перестанешь лгать себе. И в этом моменте она поняла: пруд не место. Это зеркало. Не стеклянное. Водяное. Не для лица. Для души. И она не боялась. Потому что знала: она уже смотрела. Уже видела. Уже отпустила. Уже приняла. Уже была готова.

Они повернули обратно. Возвращались молча. Не потому что нечего было сказать. Потому что слова уже были сказаны. В тишине. В шагах. В дыхании. В том, как снег ложился

на плечи, как ветер касался щёк, как холод не пронизывал, а заземлял. Потому что им было комфортно молчать вдвоем как родственным душам.

Когда они вышли к мангальной зоне, дым уже не поднимался столбами. Он стелился низко, обволакивая пространство, создавая ауру уюта, которая не кричала о тепле, а шептала о нём. Сократ стоял у решётки. Не суетился. Не проверял каждую секунду. Просто стоял. Слушал. Чувствовал. Мясо уже лежало на огне. Не жарилось. Томилось. Отдавало сок, который капал на угли, создавая шипение, которое было не звуком, а музыкой. Музыкой земли, огня, терпения, времени. Запах наполнил двор. Не просто мясо. Дым фруктовых дров, сок граната, лук, петрушка, соль, жар, который не обжигает, а обнимает. Аромат, который не нужно описывать. Который нужно вдыхать. Который нужно принимать. Который нужно позволять войти в лёгкие, в кровь, в память, в тело, которое вдруг вспоминает, что оно живое, что оно здесь, что оно заслуживает этого момента.

Сократ обернулся. Увидел их. Улыбнулся. Не словами. Движением. Жестом. Приглашением. Они подошли к столу. Сели. Не на стулья. На скамьи. Ближе к огню. Ближе к друг другу. Ближе к моменту, который не требовал анализа, который требовал только присутствия. Сократ разложил мясо по тарелкам. Не нарезал. Оставил целым. Чтобы каждый мог оторвать кусок сам. Чтобы каждый мог почувствовать текстуру. Чтобы каждый мог выбрать ритм. Чтобы еда не была

услугой. Была диалогом.

- Армянский шашлык, - сказал Сократ, садясь. Не хвастаясь. Не объясняя. Просто называя. Как называют имя друга. Как называют дорогу, которая ведёт домой. - Это не просто мясо на огне. Это история. Это память. Это способ сказать: я здесь. Я с тобой. Я не боюсь времени. Я не боюсь огня. Я не боюсь жизни.

Он рассказывал не как лектор. Как человек, который знает, что еда это язык, который понимает каждый, даже если не знает слов. Он говорил о том, как шашлык родился не в ресторанах, а в горах. У кочевников. У воинов, которые не имели времени на сложные рецепты, но имели время на уважение к огню. К мясу. К моменту. Как они нанизывали куски на пруты, на камни, на мечи, не потому что это было удобно, а потому что это было честно. Как мариновали в гранатовом соке не для вкуса, а для сохранения. Для того, чтобы мясо не портилось в пути. Для того, чтобы кислота размягчала волокна, не убивая структуру. Для того, чтобы память земли оставалась в каждом куске. Как старейшина всегда брал первый кусок. Не потому что он главный. А потому что он должен был благословить еду. Поблагодарить огонь. Поблагодарить землю. Поблагодарить жизнь. Как шашлык никогда не ели в одиночестве. Потому что мясо, разделённое, становится не меньше. Становится больше. Становится связью. Становится мостом между теми, кто сидит рядом. Между теми, кто придёт после. Между теми, кто ушёл, но остался в памя-

ти.

Яна слушала. Не перебивала. Не анализировала. Просто вдыхала. Вкус открывался медленно. Не сразу. Сначала дым. Потом гранат. Потом лук. Потом мясо. Потом тепло. Потом тишина. Потом понимание того, что еда не утоляет голод. Она утоляет тоску. Тоску по дому. По связи. По простоте. По моменту, когда не нужно ничего доказывать. Когда не нужно ничего скрывать. Когда можно просто сидеть.

Есть. Дышать. Быть.

Они ели молча. Не потому что нечего было сказать. Потому что слова были лишними. Потому что шашлык говорил сам. Потому что огонь пел свою песню. Потому что снег падал медленно, словно не торопясь касаться земли, словно давая пространству время устояться, время принять, время запомнить. Яна оторвала кусок. Положила в рот. Закрыла глаза. Почувствовала, как вкус расходится по языку, как тепло спускается в желудок, как тело расслабляется, как разум очищается, как сердце бьётся ровно. Не от еды. От присутствия. От того, что она не одна. От того, что её видят. Не как проект. Не как инструмент. Не как Карму. Как Яну. Как девочку, которая любит шашлык. Которая хлопает в ладоши. Которая рассказывает про ревень из Электростали. Которая смотрит в пруд и не боится честности. Которая живёт. По-настоящему. Честно. Полно.

Когда тарелки опустели, когда угли стали багровыми, когда дым стелился низко, почти касаясь снега, Тимур отста-

вил нож. Посмотрел на Яну. Не требовательно. Не оценивающе. Просто. С вниманием, которое не давит, а поддерживает. С интересом, который не лезет в душу, а стучит в дверь и ждёт, когда откроют.

- Какие планы? - спросил он. Голос был тихим. Ровным. Без подвоха. Без давления. Просто вопрос, который оставлял пространство для ответа. Не для отчёта. Для правды.

Яна не стала отвечать сразу. Взяла стакан с чаем. Согрела ладони. Посмотрела на пар, который поднимался ровными столбиками, кружась в холодном воздухе. Вспомнила утро. Вспомнила маму. Бабушку. Слова о стыде. О предательстве. О удобстве. О контроле. Вспомнила, как она стояла. Не ломалась. Не кричала. Не пряталась. Просто говорила. Просто выбирала. Просто дышала. Вспомнила, как ушла. Не хлопнув дверью. Не с обидой. С ясностью. С границей. С правом на своё время. На своё пространство. На своё дыхание.

- Дома тяжело, - сказала она тихо. Голос не дрогнул. Был чётким. Как стрела, выпущенная точно в цель. - Мама и бабушка путают любовь с контролем. Заботу с надзором. Доверие с отчётом. Они не злые. Они напуганные. Они живут в мире, где выживание требует подчинения, где тишина равна порядку, где граница равна предательству. Они не умеют дышать без поводка. И они пытаются натянуть его на меня. Не потому что хотят сломать. А потому что не знают другого способа держать близко. Я не злюсь. Я не обижаюсь. Я просто не могу жить в клетке, которую они называют домом. Не

могу молчать, чтобы им было спокойнее. Не могу прятаться, чтобы они не стыдились. Не могу быть удобной, чтобы они не волновались. Я хочу быть живой. И если это значит, что я ухожу поздно. Если это значит, что я не отчитываюсь. Если это значит, что я думаю иначе, так тому и быть. Я не прошу разрешения. Я информирую. Потому что я не их собственность. Я человек. И я имею право на своё время. На своё пространство. На своё дыхание. На свой путь.

Тимур слушал. Не перебивал. Не давал советов. Не обещал решить. Просто кивал. Медленно. Точно. Как механизм, который наконец нашёл нужную шестерёнку. Когда она закончила, он не стал говорить о том, что они неправы. Не стал осуждать. Не стал строить из себя спасителя. Он просто посмотрел на неё. Прямо. Глубоко. Без тени снисхождения. Без попытки утешить. Без фальши.

- У тебя здесь есть комната, - сказал он. Голос был низким. Ровным. Без эха. Без лишней интонации. Просто факт. Просто предложение. Просто пространство. Не побег. Не укрытие. Не замена. Санктуарий. - Место, где можно дышать. Где можно думать. Где можно быть собой, не оправдываясь. Не ломаясь. Не прятаясь. Ты можешь жить здесь сколько душе угодно. Не как гость. Не как проект. Не как долг. Как человек. Который выбрал этот путь. Который готов идти. Который не боится шагать в неизвестность. Комната готова. Ключ лежит на столе. Решение за тобой. Не потому что мы тебя спасаем. А потому что мы тебя видим. И мы уважаем твой

выбор. Даже если он трудный. Даже если он болезненный. Даже если он меняет всё.

Яна посмотрела на него. Не с благодарностью. С признанием. С пониманием того, что это не подачка. Не побег. Не замена семьи. Это шаг. Вперёд. В своё. В правду. В пространство, где не нужно носить маску. Где не нужно играть роль. Где не нужно бояться быть собой. Она кивнула. Не победно. С принятием. С доверием.

-Я остаюсь, - сказала она. Голос прозвучал тихо. Но каждый слог лёг в воздух как печать. Как приговор. Как начало. - Не потому что мне некуда идти. А потому что здесь я могу расти. Не ломаясь. Не подчиняясь. Не прятаясь. Просто дыша. Просто живя. Просто выбирая. И это достаточно.

Тимур улыбнулся. Едва заметно. Тонко. Как лезвие. Но в улыбке не было злобы. Только гордость. Только признание. Только тихое знание, что баланс найден. Не случайно. Не силой. Выбором. Ясным. Честным. Смелым.

Сократ сидел рядом, слушал, пил чай, и в его глазах читалось то самое спокойное одобрение, которое не требует слов. Он знал: она не сбежала. Она шагнула. Не от страха. К себе. Не от боли. К правде. Не от семьи. К росту. И это не конец. Это начало. Той фазы, где она не будет ломаться под весом чужих ожиданий. Где она не будет молчать, чтобы не ранить. Где она не будет прятаться, чтобы не стыдить. Где она просто будет. В своём ритме. На своей частоте. В своей правде. И это даст ей силу. Не внешнюю. Внутреннюю. Ту, что не

ломается под ветром. Ту, что гнётся, но не падает. Ту, что растёт, даже когда земля кажется мёртвой. Путь в шаге, а не в шагах. Не оглядываясь. Не сомневаясь. Не боясь. Просто шагая. Вперёд. В свет. В неизвестность. В своё.

Фанси, наблюдавший за ними сидя на скамеечке, закрыл глаза на секунду. Не от усталости. От признания. Он видел, как девочка, которая прошла испытания разума, выбрала путь сердца. Как она не отгородилась. Открылась. Как она не сломалась под давлением дома. Встала на своё место. Как она не предала семью. Выбрала себя. И в этом выборе не было эгоизма. Было уважение. К себе. К ним. К жизни. К балансу. Он знал: Карма не наказывает. Не награждает. Балансирует. И она теперь часть этого баланса. Не инструмент. Не пешка. Хранитель. Та, кто видит нити. Кто слышит тишину. Кто чувствует вес момента. Кто не боится шагать в неизвестность. Потому что знает: неизвестность это не пустота. Это возможность. Это пространство. Это путь. И она на нём. Не одна. С ними. С собой. С правдой. С дыханием. С шагом.

Раф стоял у забора, смотрел на двор, на огонь, на фигуры у стола, и в его груди шевельнулось что-то тёплое, давно забытое. Не надежда. Уверенность. Та самая, которая не кричит, а шепчет. Которая не требует доказательств, а просто есть. Он видел, как чистая душа, не испорченная цинизмом, не сломленная страхом, не отравленная ложью, вошла в их мир. Не как гостья. Как якорь. Как свет. Как напоминание о том, зачем они всё это делают. Не ради власти. Не ради

денег. Не ради контроля. Ради баланса. Ради будущего. Ради того, чтобы мир не рухнул под собственным весом. Ради того, чтобы кто-то мог дышать свободно. Ради того, чтобы правда не исчезла в шуме. И он знал: они не ошиблись. Они нашли не просто девочку. Они нашли точку опоры. И это меняло всё.

Ветер стих окончательно. Снег перестал падать. Небо прояснилось, обнажив бледно-голубую полоску над крышами. Огонь в мангале тлел, отдавая последнее тепло, не требуя внимания, не прося благодарности, просто существуя, как существовала Яна. Как существовал этот момент. Как существовала правда, которая не нуждалась в словах, которая просто была. И каждый из них чувствовал это. Не умом. Телом. Кровью. Костями. Чувствовал, как здорово, когда рядом живая, чистая душа. Не идеальная. Не безгрешная. Не всезнающая. Просто живая. Честная. Настоящая. Та, которая не прячется за масками. Не играет роли. Не боится быть собой. Та, которая приносит не ответы. Вопросы. Не контроль. Доверие. Не тишину страха. Тишину ясности. И они были рады. Не потому что нашли решение. А потому что нашли направление. Не потому что выиграли битву. А потому что выбрали путь. И этого было достаточно. Чтобы дышать. Чтобы идти. Чтобы ждать весны. Чтобы верить в то, что ещё не написано, но уже дышит. Уже ждёт. Уже близко.

И в этот момент что-то произошло. Когда тишина стала глубже, когда тепло от огня начало рассеиваться, когда

пар от чая перестал подниматься, когда снег на скамьях стал твёрже, когда мир затаил дыхание перед чем-то новым, перед чем-то неизбежным, перед чем-то, что уже шло, не спрашивая разрешения, не стуча в дверь, не предупреждая, не давая времени на подготовку, произошло то, что нельзя было предвидеть. Но можно было почувствовать.

Сначала собаки. Не залаяли. Завыли. Не от страха. От того древнего, выверенного чутья, которое не обманывается ветром или снегом, которое чувствует изменение давления в воздухе за секунды до того, как оно станет ощутимым кожей. Вибрация, чуждая природе, чуждая тишине двора, уже шла по земле, по фундаменту, по костям. С намерением. С весом. С металлом.

Затем звук. Не выстрел. Не крик. Тяжёлый, глухой удар сапога о промёрзший гравий. Ритмичный. Размеренный. Не случайный шаг запоздалого гостя. Чёткая поступь, выверенная до миллиметра, синхронная, лишённая суеты. Как метроном, отсчитывающий не время, а расстояние. Как дыхание, которое не сбивается, а концентрируется. Эхо не успевало рассеяться, как накатывало следующее. Ближе. Тяжелее. Не прячущееся. Идущее прямо. Знающее, что тишина уже закончилась.

Яна замерла. Не от испуга. От фокуса. Тело не сжалось в комок. Дыхание не участилось. Разум не затуманился паникой. Она просто перевела взгляд от тлеющих углей к дальнему углу дома. К тени, которая отделилась от каменной клад-

ки. К силуэтам, которые вырезались на фоне серого неба, как лезвия, извлечённые из ножен. Не бегущие. Не крадущиеся. Идущие. Ровным шагом. Без лишних движений. Без колебаний. В руках блеснул тёмный металл. Не направленный в упор. Не опущенный к земле. Просто переведённый в боевое положение. Готовый. Как вопрос, который уже задан пространством, но ещё не получил ответа голосом.

За первым силуэтом проступили ещё пятеро. Тёмная ткань курток сливалась с сумерками. Без масок. Без нашивок. Без слов. Только форма. Только движение. Только ритм, который не допускал ошибки. Шесть фигур. Шесть точек давления, которые не скрывались, а декларировались. Не угрозой в лоб. Фактом приближения. Не вызовом на дуэль. Проверкой периметра. Не началом конца. Точкой невозврата.

Они остановились у калитки. Не в десяти шагах. У самого порога. На дистанции, которая стирает границы между чужим и своим. Которая не оставляет места для переговоров вполголоса. Которая требует либо принятия, либо столкновения. Лидер группы не стал ждать. Не стал стучать. Не стал искать глазами хозяина в окне. Он просто поднял руку. Короткий жест. Команда, которая не нуждается в переводе.

Воздух сжался. Снег на ветвях дрогнул, осыпаясь мелкой пылью. Тимур медленно отложил бокал. Сократ не шевельнулся, но пальцы в карманах нашли привычную точку опоры. Раф сместил вес на переднюю ногу, становясь не стеной,

а тараном. Фанси в проёме двери лишь прикрыл глаза, будто запоминая этот вдох перед ударом и неспешно, но напористо отодвигая Яну за свою спину. Яна смотрела на металлическую створку. Видела, как напряглись ржавые петли. Как дрогнула тяжёлая защёлка. Как пространство между мирами стало тоньше бумаги. Она не отвела взгляд. Не сделала шага назад. Просто выдохнула. Коротко. Ровно. Принимая момент таким, какой он есть. Не как конец спокойствия. Как начало истины.

Лидер дёрнул ручку. Металл взвыл. Замок не щёлкнул.

И в этот момент Яна поняла главное. Это не вторжение. Это проверка. Жёсткая. Грубая. Без права на отказ. Но проверка. И она была готова. Не к бегству. К шагу. Не к оправданиям. К ответу. Просто дыша. Просто стоя. Просто встречая.

Ворота особняка не скрипнули…

Глава 7

Глава 7. Разговор
Читать под трек «Fury» - Paul Unfaces

Ворота особняка не скрипнули.
Они просто рухнули!

Звук был не металлический, а глухой, тяжелый, словно кто-то ударил кулаком по грудной клетке дома. Снежная пыль взметнулась облаком, осела на ботинках, на стволах, на капюшонах. Шесть фигур вошли в проем не спеша, но без пауз, без колебаний, без лишнего шума. Движения отточенные, синхронные, выверенные до миллиметра. Черные куртки, плотная ткань, скрытая под ней броня, кобуры на поясах, пальцы на спусковых скобах не дрожат, а лежат в готовности. Воздух мгновенно изменил плотность. Стал вязким, тяжелым, пропитанным запахом пороха, пота, дешевого табака и холодной решимости. Снег перестал падать. Ветер стих. Даже собаки в соседних дворах замолчали, словно почувствовали, что пространство сжалось, стало узким, опасным, готовым лопнуть от малейшего прикосновения.

Тимур не встал. Не дернулся. Не поднял глаз от трубки, которую держал в руке, хотя огонь в ней давно погас. Он просто сидел на скамейке у мангала, спина прямая, плечи расправлены, дыхание ровное, медленное, вымеренное. Ря-

дом стоял Раф. Не в позе охраны. В позе стены. Руки свободно вдоль тела, взгляд фиксирован на входной группе, мышцы не напряжены, но готовы сработать за долю секунды. Сократ стоял чуть в тени колонны, руки в карманах пальто, лицо спокойное, но глаза считывали каждое движение, каждую микроскопическую смену веса, каждый поворот головы, каждый вдох чужих легких.

И Яна.

Она стояла у края мангальной зоны, за спиной Дедушки Фанси, рядом со столом, где еще дымились угли, где на тарелках лежали остатки шашлыка, где в воздухе висел запах граната, лука, дыма, масла. Она просто стояла. Дышала. Смотрела. Не на стволы. Не на лица. На ритм. На то, как они вошли. На то, как распределились. На то, кто держит инициативу, а кто просто следует. На то, где слабое звено. Где точка разлома. Где можно нажать, чтобы вся конструкция пошла трещинами.

Лидер группы шагнул вперед. Невысокий, но коренастый. Широкоплечий. Лицо жесткое, скулы острые, глаза темные, без бликов, без сомнений. На шее массивная цепь, на поясе кобура с коротким стволом, на плече ремень автомата, перекинутый так, чтобы оружие можно было снять за полсекунды. Он остановился в пяти шагах от стола. Не ближе. Не дальше. На дистанции, которая позволяет говорить, не крича. Которая позволяет видеть реакцию. Которая позволяет контролировать пространство, не нарушая его границ.

- Тимур, - сказал он. Голос был низким, хрипловатым, с акцентом, который не скрывался, а подчеркивался. С жесткостью, которая не требовала доказательств. Без уважения. Без угрозы. Просто констатация. - Я пришел поговорить. Мне нужна ясность. Мне нужно, чтобы ты понял: Черкизон не делится по-твоему. Черкизон работает по-моему. И если ты не примешь правила, ты потеряешь не ряды. Ты потеряешь все.

Тимур медленно отложил трубку на край стола. Дерево стукнуло глухо. Тяжело. Как печать. Как начало. Он поднял глаза. Не на стволы. Не на цепь. На лицо Амирана. В его взгляде не было страха. Не было гнева. Не было попытки уступить. Только спокойствие. Только ясность. Только граница, которую нельзя сдвинуть, нельзя размыть, нельзя игнорировать.

- Разговор будет, - сказал Тимур. Голос был ровным. Без эха. Без лишней интонации. Просто факт. Просто условие. Просто пространство, которое он готов предоставить. - Но не здесь. Не сейчас. Не в таком формате. Ты ворвался в мой дом. С оружием. С людьми. Без предупреждения. Без уважения к границе. Это не разговор. Это проверка. И если ты хочешь проверить, я позволю. Но правила здесь устанавливаю я. Не ты. Не твои стволы. Не твоя уверенность. Я. И первое правило: здесь нет места демонстрации силы. Здесь есть место решению. Если ты готов слушать, садись. Если нет, разворачивайся. Уходи. И не возвращайся. Потому что второй

раз я не буду предлагать выбор. Я буду делать его за тебя.

Амиран усмехнулся. Не громко. Не резко. Тихо, с оттенком презрения, которое он не пытался скрыть. Он сделал шаг вперед. Еще один. Сократ не шевельнулся. Раф не изменил позу. Фанси не вышел из тени. Яна не отвела взгляд. Амиран остановился в трех шагах от стола. Посмотрел на Тимура. Потом на Рафа. Потом на Сократа. Потом его взгляд скользнул в сторону, зацепился за фигуру у мангала. За Яну. Он прищурился. Не от удивления. От раздражения. Оттого, что в пространстве, которое он считал своим, которое он пришел забрать, которое он пришел перекроить под себя, стояла девочка. Одиннадцать лет. Косички. Куртка. Глаза, в которых не было страха, только внимание. Только тишина. Только вес.

- Что это? - спросил Амиран, и в голосе прозвучала та самая грубость, которая не была случайной. Которая была инструментом. Которая использовалась, чтобы сбить ритм, чтобы вывести из равновесия, чтобы заставить оправдываться, чтобы показать, кто здесь главный. - Девка? Среди мужского разговора? Ты, Тимур, совсем берега попутал? Или ты думаешь, что я приехал сюда слушать сказки от соплячки? Убери ее. Пока я не решил, что она мешает. Потому что это не базар. Это дело. И в деле нет места тем, кто не держит слово. Убери. Или я уберу сам. Но не обещаю, что сделаю это аккуратно.

Тишина. Густая. Тяжелая. Но не давящая. Напряженная.

Как струна, натянутая до предела. Как воздух перед ударом. Как пространство, которое ждет, кто сделает первый шаг, кто нарушит ритм, кто позволит страху взять верх. Тимур не ответил сразу. Он просто смотрел. Не на Амирана. На Яну. И в этом взгляде не было вопроса. Не было сомнения. Только доверие. Только тишина, которая говорила громче любых слов. Только пространство, которое он открывал. Не для бегства. Для шага.

Яна сделала вдох. Медленно. Глубоко. Почувствовала, как воздух заполняет легкие, как плечи расправляются, как взгляд становится прямым, как тело заземляется, как разум очищается от лишнего шума. Она не стала кричать. Не стала оправдываться. Не стала отступать. Она просто шагнула вперед. Один шаг. Точно. Уверенно. Без колебаний. Остановилась в двух шагах от Амирана. Не ближе. Не дальше. На дистанции, которая позволяет видеть глаза. Которая позволяет слышать дыхание. Которая позволяет выбрать: говорить или стрелять. Слушать или атаковать. Доверять или проверять.

- Я могу решить ваш конфликт здесь и сейчас, - сказала она. Голос прозвучал тихо. Но каждый слог лег в воздух как печать. Как приговор. Как начало. Без дрожи. Без пауз. Без попытки смягчить. - А могу сделать так, что вы отсюда больше не выйдете. Решать вам.

Слова не упали. Они встали. Как фундамент. Как стена. Как линия, которую нельзя пересечь, не заплатив цену. Амиран замер. Не от страха. От неожиданности. Оттого, что

ритм сдвинулся. Оттого, что пространство изменило плотность. Оттого, что девочка, которую он считал фоном, стала центром. Стала точкой сборки. Стала угрозой, которую нельзя игнорировать, нельзя высмеять, нельзя раздавить одним словом.

И в этот момент пространство сдвинулось снова. Не резко. Не хаотично. Плавно. Точно. Как механизм, который наконец нашел нужную шестеренку.

Слева, из тени сарая, вышли четыре добермана. Не лаяли. Не рычали. Просто шли. Ровным шагом. Синхронно. Плечи широкие, мышцы под шерстью напряжены, но не скованы, глаза темные, внимательные, дыхание ровное, лапы ступают по снегу без звука, только легкое шуршание, которое не раздражает, а заземляет. Они не атаковали. Не окружали. Просто встали. По диагонали. Замкнули угол. Создали геометрию, из которой нельзя выйти, не пройдя через них. Не через силу. Через присутствие.

Справа шагнул Раф. Не быстро. Не медленно. Точно. Остановился за плечом Яны. Не закрывая. Поддерживая. Руки свободно вдоль тела, взгляд фиксирован на Амиране, дыхание незаметное, плечи расправлены, но без напряжения. Поза не охраны. Позиция. Якорь. Стена, которую нельзя сдвинуть, нельзя обойти, нельзя игнорировать.

За ним вышли четверо. Из команды Тимура. Не в черном. Не в масках. В простых куртках, в ботинках, с руками, которые помнят вес оружия, которые знают ритм боя, которые не

дрожат, не суетятся, не прячутся. Они встали полукругом. Не плотно. Не разрозненно. На дистанции, которая позволяет видеть все углы, которая позволяет контролировать периметр, которая позволяет ответить за долю секунды, не нарушая границы, не провоцируя, не давая повода. Шесть человек. Четыре собаки. Одна девочка. И пространство изменилось окончательно. Не стало враждебным. Стало выверенным. Стало системой, где каждый элемент на своем месте, где каждый ритм синхронизирован, где каждый вдох отсчитывает не время, а готовность.

Амиран почувствовал это кожей. Не умом. Телом. Дыханием. Костями. Он увидел, как сместился вес. Как изменилась геометрия. Как тишина стала не пустой, а наполненной. Как воздух стал плотнее, тяжелее, заряженнее. Как стволы его людей вдруг оказались не преимуществом, а нагрузкой. Как цепь на шее вдруг стала не символом силы, а якорем, который тянет вниз. Как уверенность, с которой он вошел, вдруг стала тоньше, хрупче, уязвимее. Он не стал показывать это. Не стал отступать. Не стал опускать автомат. Он сделал то, что делают те, кто привык держать лицо, когда земля уходит из-под ног. Он усмехнулся. Плюхнулся на скамью у стола, как хозяин положения, как человек, который не признает сдвига, который не позволяет ритму измениться, который заставляет других подстраиваться под себя. Вытащил из кармана пачку сигарет. Вытащил одну. Закурил. Затянулся. Выпустил дым медленно, ровно, позволяя ему стелиться низ-

ко, обволакивать пространство, создавать иллюзию контроля. Потом протянул грязную руку, схватил кусок шашлыка с тарелки, не спрашивая, не глядя, просто взял, как берут то, что принадлежит по праву силы, и начал жевать. Не спеша. Демонстративно. Жир капал на пальцы, на снег, на скамью. Он не вытирал. Не скрывал. Позволял видеть, что ему все равно. Что он не боится. Что он не признает сдвига. Что он здесь главный. Пока.

Яна смотрела. Не на жир. Не на дым. Не на усмешку. На глаза. На ритм дыхания. На то, как пальцы сжимают мясо. На то, как плечи напрягаются, когда он думает, что никто не видит. На то, как вес тела смещается на левую ногу, когда он готовит ответ, когда он ищет опору, когда он пытается вернуть контроль через демонстрацию. Она не стала ждать. Не стала давать время на раскачку. Не стала позволять ритму замедлиться. Она сделала шаг вперед. Еще один. Остановилась в полушаге от скамьи. Не ближе. Не дальше. На дистанции, которая позволяет говорить, не крича. Которая позволяет видеть реакцию. Которая позволяет зафиксировать момент, когда маска треснет, когда дыхание собьется, когда вес сместится, когда выбор будет сделан.

- Слушай внимательно, - сказала она. Голос прозвучал строго. Серьезно. Отчеканивая каждое слово, как молот по наковальне. Без эмоций. Без угроз. Без попыток впечатлить. Просто структура. Просто правила. Просто линия, которую нельзя пересечь, не заплатив цену. - Черкизон делится по

периметру. Север и восток ваши. Юг и запад наши. Граница по железнодорожной ветке. Любое пересечение согласуется через Дедушку Фанси. Дань фиксирована. Пятьдесят тысяч на группу АСК. Никаких национальных наценок. Никаких скрытых сборов. Никаких двойных учетов. Слив ментам приравнивается к объявлению войны. Виновный платит трижды. Тело или территория. Арбитраж один. Слово Дедушки Фанси. Нарушение правила означает немедленное закрытие ряда. Без предупреждений. Без торгов. Без переговоров. Вы принимаете структуру или уходите с рынка навсегда. Не через месяц. Не через неделю. Сегодня. Сейчас. В эту секунду. Пока снег еще чистый. Пока воздух еще не пропитан порохом. Или мы поговорим иначе, например лично я знаю семь способов растворить человека так, чтоб даже следов не осталось, а представляешь какие обширные познания у моих ребят? Выбирай.

На последнем предложении Яна заметила как у Амирана дернулся левый глаз, а она при этом позволила себе легкую ухмылку.

Слова не были криком. Не были угрозой. Не были мольбой. Они были фактом. Конструкцией. Системой, которая не требовала веры, которая требовала только признания. Которая не оставляла пространства для маневра, для торга, для откладывания, для поиска слабых мест, для проверки границ, для игры в кошки-мышки. Она просто назвала правила. Четко. Жестко. Без полутонов. Без лазеек. Без надежды на

то, что время сгладит углы, что усталость смягчит тон, что привычка вернет контроль. Она дала выбор. Не иллюзию выбора. Реальный. Один. Принять или уйти. И в этом выборе не было слабости. Была сила. Та самая, которая не кричит, которая не требует доказательств, которая просто есть, как холод, как снег, как дыхание, как шаг.

Тимур не шевельнулся. Но в его глазах вспыхнули огоньки. Не радости. Не облегчения. Гордости. Тихой, глубокой, настоящей. Той, которая не требует аплодисментов, которая довольствуется фактом, которая знает, что путь только начинается, но первый шаг уже сделан, и он верный. Фанси, стоявший в тени, медленно кивнул. Не одобрительно, а с признанием. С тем самым спокойным уважением, которое возникает, когда видишь, как хаос превращается в структуру, как страх уступает место ясности, как девочка, которую считали фоном, становится центром, становится якорем, становится точкой сборки, вокруг которой выстраивается новый порядок. Сократ стоял неподвижно, но в его позе читалось то самое тихое удовлетворение, которое не кричит, которое шепчет, которое говорит: она не просто поняла правила. Она их переписала. И сделала это не силой. Ясностью. Не криком. Тишиной. Не угрозой. Фактом.

Амиран жевал медленно. Не спеша. Позволяя времени растянуться, позволяя пространству устояться, позволяя словам уложиться в сознание, в тело, в дыхание. Он не стал спорить. Не стал кричать. Не стал выхватывать ствол. Он

просто смотрел на нее. На девочку. На фигуру в куртке. На глаза, в которых не было страха, только внимание, только тишина, только вес. Он почувствовал, как ритм сдвинулся окончательно. Как геометрия замкнулась. Как воздух стал тяжелее. Как выбор сузился до одной точки. Принять или уйти. Не через месяц. Сейчас. И он понял: это не блеф. Не попытка запугать. Не детская игра в большие слова. Это структура. Это система. Это правило, которое уже работает, которое уже держит пространство, которое уже меняет расклад, которое уже лишает его маневра, торга, откладывания, поиска слабых мест, проверки границ, игры в кошки-мышки. Он почувствовал, как цепь на шее вдруг стала тяжелее. Как дым во рту стал горьким. Как жир на пальцах стал липким. Как скамья под ним стала тверже. Как снег под ногами стал холоднее. Как воздух вокруг стал плотнее. Как выбор стал реальным. Не иллюзорным. Не отложенным. Сейчас.

Он медленно откусил последний кусок. Проглотил. Не спеша. Точно. Вытер пальцы о салфетку, которую достал из кармана. Не вытирал губы. Не скрывал движение. Просто делал то, что делают те, кто принимает решение, не показывая, что оно дается тяжело. Встал. Не резко. Не порывисто. Плавно. Как река, которая нашла русло. Посмотрел на Тимура. Не с уважением. Не с поражением. С признанием. С тем самым тихим знанием, которое не требует слов, которое просто есть, как холод, как снег, как дыхание, как шаг.

- Твоя взяла, Тимур, - сказал он. Голос прозвучал ровно.

Без эха. Без лишней интонации. Просто факт. Просто печать. Просто начало. И все. Больше ни слова.

Он развернулся. Не бросил вызов. Не оставил угрозу. Просто шагнул в проем ворот. Его люди двинулись следом. Не спеша. Синхронно. Без суеты. Без оглядки. Без попытки вернуть ритм, который уже ушел. Шесть фигур. Шесть теней. Шесть намерений, которые не скрывались, а декларировались. Не угрозой. Фактом. Не вызовом. Проверкой. Не началом конца. Началом следующего шага. Калитка закрылась за ними с мягким щелчком. Не громким. Не резким. Тихим. Точным. Как печать, которая легла на документ, который уже подписан, который уже запущен, который уже нельзя остановить, только принять, только пройти, только стать.

Тишина вернулась. Но уже другая. Не пустая. Прожитая. Не тяжелая. Выдохнутая. Воздух стал легче, но не от облегчения. От ясности. Оттого, что граница установлена. Оттого, что правило названо. Оттого, что выбор сделан. Не словами. Дыханием. Не обещаниями. Присутствием. Не страхом. Ясностью. Не бегством. Шагом.

Тимур медленно встал. Не резко. Не порывисто. Плавно. Подошел к столу. Оперся ладонями о край. Посмотрел на Яну. Не с благодарностью. С признанием. С тем самым тихим уважением, которое возникает, когда видишь, как хаос превращается в структуру, как страх уступает место ясности, как девочка, которую считали фоном, становится центром, якорем и точкой сборки, вокруг которой выстраивается но-

вый порядок.

- Ты только что переписала правила войны, - сказал он тихо. Голос был низким. Ровным. Без пафоса. Без хвастовства. Просто констатация. Просто факт. Просто признание. - Не потому что ты умная. Не потому что ты смелая. А потому что ты видишь структуру. Ты видишь нити. Ты видишь, где давление, где разлом, где точка сборки. Ты не боролась с хаосом. Ты дала ему форму. И это редкость. Это дар. Это ответственность.

Яна кивнула. Не победно. С принятием. С доверием. С пониманием, что путь только начинается. Что впереди не комфорт. Не похвала. Не гарантия. Только правда. Только испытание. Только возможность стать. Только шаг. Который уже сделан. Который нельзя отменить. Который можно только пройти.

Сократ подошел ближе. Не спрашивал. Не требовал отчета. Просто стоял рядом. Просто создавал пространство, где можно было дышать. Где можно было быть. Где можно было не объяснять. Не оправдываться. Не ломаться. Он посмотрел на нее. В его глазах читалось то самое спокойное одобрение, которое не требует слов. Он знал: она не сбежала. Она шагнула. И это не конец. Это начало. Той фазы, где она не будет ломаться под весом чужих ожиданий. Где она не будет молчать, чтобы не ранить. Где она не будет прятаться, чтобы не стыдить. Где она просто будет. В своем ритме. На своей частоте. В своей правде. И это даст ей силу. Не внешнюю.

Внутреннюю. Ту, что не ломается под ветром. Ту, что гнется, но не падает. Ту, что растет, даже когда земля кажется мертвой. Ту, что знает: путь не в странствии. В шаге. И она сделала его. Не оглядываясь. Не сомневаясь.

Фанси вышел из тени. Не громко. Не внезапно. Просто встал рядом. Посмотрел на нее. Не с восхищением. С признанием равного. С тем самым тихим знанием, которое не требует доказательств, которое просто есть, как холод, как снег, как дыхание, как шаг.

- Ты не просто назвала правила, - сказал он. - Ты их закрепила. Не словами. Присутствием. Ясностью, а не угрозой и криками. И это способно поменять все.

Яна кивнула. Она чувствовала, как что-то внутри щелкнуло. Не сломалось. Встало на место. Как замок, который наконец закрылся. Как ключ, который наконец повернулся. Как дверь, которая наконец открылась. Она была готова. Не сомневаясь. Не боясь.

За окном падал снег. Тихо. Плавно. Гипнотизирующе. Укрывая следы. Готовя почву. Для весны. Для нового. Для того, что еще не написано. Но уже дышит. Уже ждет. Уже близко.

И в этот момент, когда тишина стала глубже, когда тепло от огня начало рассеиваться, когда пар от чая перестал подниматься, когда снег на скамьях стал тверже, когда мир затаил дыхание перед чем-то новым, перед чем-то неизбежным, перед чем-то, что уже шло, не спрашивая разрешения,

не стуча в дверь, не предупреждая, не давая времени на подготовку, произошло то, что нельзя было предвидеть. Но можно было почувствовать.

Телефон в кабинете Тимура зазвонил. Не громко. Не резко. Но четко. Точно. Как метроном, отсчитывающий не время, а расстояние. Как шаги, которые не прячутся. Которые идут прямо. Которые не боятся быть услышанными. Которые знают, что тишина уже закончилась.

Тимур не шевельнулся сразу. Он дал звонку прозвучать один раз. Второй. Третий. Потом медленно открыл боковую дверь дома, прошел в кабинет и подошел к столу. Поднял трубку. Не спрашивая. Не здороваясь. Просто слушая. Лицо не изменилось. Не побледнело. Не напряглось. Просто стало четче. Резче. Глубже. Как лезвие, которое наконец вышло из ножен. Как взгляд, который наконец сфокусировался. Как дыхание, которое наконец выровнялось.

Он слушал. Не перебивая. Не задавая вопросов. Просто впитывая. Просто фиксируя. Просто позволяя словам уложиться в пространство, как семена в почву, как вода в камень, как тень в свет. Когда трубка легла на стол, щелчок прозвучал тихо, но отчетливо, словно дверь открыла не только проход, но и пространство между мирами. Между тем, что было вчера, и тем, что начнется сегодня. Между сном и явью. Между ожиданием и встречей. Между девочкой, которая читала книги, и хранителем, который станет частью истории.

Тимур повернулся. Посмотрел на Яну. На Сократа. На Рафа. На Фанси. В его глазах не было вопроса. Не было сомнения. Только признание. Только тихое знание, что баланс найден. Не случайно. Не силой. Выбором. Ясным. Честным. Смелым. Но что выбор это не конец. Это начало. Что правило это не стена. Это дверь. Что тишина это не покой. Это подготовка. Что шаг это не финиш. Это старт.

- Амиран ушел, - сказал Тимур. Голос был низким. Ровным. Без эха. Без лишней интонации. Просто факт. Просто условие. Просто пространство, которое он готов предоставить. - Но он не один. Он никогда не был один. Черкизон это не рынок. Это узел. И узлы не развязываются одним движением. Они развязываются по нитям. По связям. По тем, кто стоит за спиной, кто держит рычаги, кто контролирует потоки, кто знает, где деньги, где информация, где страх, где надежда, где точка разлома. Амиран это фасад. Это вывеска. Это голос, который говорит громко, чтобы скрыть тихое. Чтобы отвлечь. Чтобы проверить реакцию. Чтобы увидеть, кто стоит за столом, а кто в тени. Чтобы понять, где сила, где слабость, где можно нажать, чтобы вся конструкция пошла трещинами.

Тимур сделал шаг вперед. Не угрожающе. Не требовательно. Просто ближе. На дистанцию, которая позволяет видеть глаза. Которая позволяет слышать дыхание. Которая позволяет выбрать: говорить или стрелять. Слушать или атаковать. Доверять или проверять.

- Он проверил не наши стволы. Не наши границы. Не наши правила. Он проверил твою ясность. Твою тишину. Твою способность видеть структуру в хаосе. Твою готовность назвать правила, не прячась за словами, не откладывая выбор, не играя в кошки-мышки. И ты выдержала. Не потому что ты сильная. Потому что ты честная. Потому что ты не боишься тишины. Потому что ты знаешь: баланс не в победе. В присутствии и в ясности.

- Но это не конец проверки. Это начало следующей. Потому что Амиран ушел не с поражением. С информацией. С пониманием, что здесь есть якорь. Что здесь есть точка сборки. Что здесь есть та, кто видит нити. Кто слышит тишину. Кто чувствует вес момента. Кто не боится шагать в неизвестность. Потому что знает: неизвестность это не пустота. Это возможность. Это пространство. Это путь. И он вернется. Не с автоматом. Не с шестью людьми. С системой. С сетью. С теми, кто стоит за рынком, кто держит потоки, кто контролирует информацию, кто знает, где деньги, где страх, где надежда, где точка разлома. И когда он вернется, он не будет проверять границы. Он будет проверять связь. Он будет проверять, выдержит ли структура, которую ты назвала, давление, которое она еще не видела. Выдержит ли тишина, которую ты держишь, шум, который еще не пришел. Выдержит ли шаг, который ты сделала, путь, который еще не пройден.

Тимур замолчал. Не для эффекта. Для того, чтобы слова улеглись. Чтобы пространство впитало их. Чтобы тишина

стала подтверждением. Чтобы воздух стал свидетельством. Чтобы каждый почувствовал вес момента. Не умом. Телом. Дыханием. Костями. Почувствовал, как воздух стал плотнее. Как тишина стала глубже. Как пространство сжалось вокруг них, отбрасывая все лишнее, оставляя только суть. Только правду. Только выбор. Только шаг.

Яна смотрела на него. Не с страхом. Не с сомнением. Не с попыткой угадать, что будет дальше. С принятием. С доверием. С пониманием, что путь только начинается. Что впереди не комфорт. Не похвала. Не гарантия. Только правда. Только испытание. Только возможность стать. Только шаг. Который уже сделан. Который нельзя отменить. Который можно только пройти. Только прожить. Только стать частью. Только изменить все. Не сразу. Не легко. Но неизбежно. Потому что баланс уже найден. Потому что нити уже видны. Потому что Карма уже здесь. И она только начинает свой путь.

За окном ветер шевельнул ветви. Снег осыпался с ели, ложась на землю мягко, бесшумно, словно не торопясь покрывать следы, словно давая пространству время устояться, время принять, время запомнить. Огонь в мангале тлел, отдавая последнее тепло, не требуя внимания, не прося благодарности, просто существуя, как существовала правда. Как существовала Яна. Как существовал этот момент. Как существовал выбор, который уже был сделан.

И в этой тишине, в этом свете, в этом холоде, в этом ожидании, в этом напряжении, которое не давило, а заземляло,

которое не пугало, а пробуждало, которое не требовало ответа, а предлагало возможность, Яна поняла: это не конец главы. Это начало следующей. Не случайное. Не неизбежное. Выбранное. Не чужое. Свое. И она была готова.

Сократ подошел ближе. Не спрашивал. Не требовал отчета. Просто стоял рядом. Просто создавал пространство, где можно было дышать. Где можно было быть. Где можно было не объяснять. Не оправдываться. Не ломаться. Он посмотрел на нее. В его глазах читалось то самое спокойное одобрение, которое не требует слов. Он знал: она не сбежала. Она шагнула.

Фанси вышел из тени. Не внезапно. Просто встал рядом. Посмотрел на нее. Не с восхищением. С признанием равного. С тем самым тихим знанием, которое не требует доказательств, которое просто есть, как холод, как снег, как дыхание, как шаг.

- Ты не просто назвала правила, - сказал он. - Ты их закрепила.

Раф стоял у забора, смотрел на двор, на огонь, на фигуры у стола, и в его груди шевельнулось что-то теплое, давно забытое. Не надежда. Уверенность. Та самая, которая не кричит, а шепчет. Которая не требует доказательств, а просто есть. Он видел, как чистая душа, не испорченная цинизмом, не сломленная страхом, не отравленная ложью, вошла в их мир. Не как гостья. Как якорь. Как свет. Как напоминание о том, зачем они все это делают. Не ради власти. Не ради

денег. Не ради контроля. Ради баланса. Ради будущего. Ради того, чтобы мир не рухнул под собственным весом. Ради того, чтобы кто-то мог дышать свободно. Ради того, чтобы правда не исчезла в шуме. И он знал: они не ошиблись. Они нашли не просто девочку. Они нашли точку опоры. И это меняло все.

Ветер стих окончательно. Снег перестал падать. Небо прояснилось, обнажив бледно-голубую полоску над крышами. Огонь в мангале тлел, отдавая последнее тепло, не требуя внимания, не прося благодарности, просто существуя, как существовала Яна. Как существовал этот момент. Как существовала правда, которая не нуждалась в словах, которая просто была. И каждый из них чувствовал это. Чувствовал, как здорово, когда рядом живая, чистая душа. Не идеальная. Не безгрешная. Не всезнающая. Просто живая. Честная. Настоящая. Та, которая не прячется за масками. Не играет роли. Не боится быть собой. И они были рады. Не потому что нашли решение. А потому что нашли направление. Не потому что выиграли битву. А потому что выбрали путь. И этого было достаточно. Чтобы дышать. Чтобы идти. Чтобы ждать весны. Чтобы верить в то, что еще не написано, но уже дышит. Уже ждет. Уже близко.

Глава 8

Глава 8. Безопасность

Читать под трек «When I stand» - Owen James

«Я видел, как сильные мужчины теряют почву под ногами. Слышал, как смелые слова, произнесенные вслух, рассыпаются в прах. Я не дрожу, когда стены рушатся. Я успокаиваюсь и держусь крепче. Когда я стою, я не падаю. Когда я держусь, я держу все это в своих руках. Когда темно, когда все рушится. Ты можешь научиться, я не буду дрожать. Когда я стою, ты в безопасности» (с)

Третье января тысяча девятьсот девяносто седьмого года выдалось на редкость ясным, морозным утром, когда солнце, низкое и бледное, висело над горизонтом подобно отполированной монете, а воздух был настолько чистым и прозрачным, что, казалось, можно было увидеть каждую трещинку на коре дальних берез. Снег, выпавший накануне, лежал ровным, нетронутым слоем, искрящимся миллионами мелких бриллиантов под косыми лучами света, и тишина в усадьбе Тимура была абсолютной, если не считать редкого скрипа ветвей под тяжестью сугробов да далекого, едва уловимого гула трассы, где жизнь большого города уже начинала свой привычный, суетливый ритм. Тимур стоял на широком балконе второго этажа, опираясь локтями на холодные кованые перила, и смотрел вниз, во двор, где разворачивалась сцена,

от которой у него, человека видавшего разное, человека, чье имя шепотом произносили в коридорах министерств и кабинетах крупных фирм, невольно приподнялась бровь.

Внизу, посреди заснеженной площадки у главных ворот, стояла маленькая фигурка в ярко-красной пуховой куртке, отороченной белым мехом, и эта фигурка, возвышаясь над сугробами лишь по пояс взрослому человеку, громила главу службы безопасности усадьбы так, словно была не одиннадцатилетней девочкой, а генерал-инспектором, прибывшим с внезапной проверкой из самого центра.

Голос Яны, звонкий и чистый, разносился по двору, отражаясь от каменных стен флигеля и глухо отдаваясь в замерзшем воздухе, и каждое слово ее падало тяжелым, неопровержимым аргументом, не оставляющим пространства для оправданий. Тимур прислушался, и до него донеслась фраза, от которой он едва не улыбнулся, но сдержался, ибо ситуация была серьезнее, чем казалась на первый взгляд.

- Раз одиннадцатилетний ребенок заметил, как легко и беззвучно упали вчера ворота, почему большим дядям из охраны это не ясно, - звучало в ее голосе с той интонацией, которая не терпит возражений. - Почему нужно вдалбливать элементарные вещи! Где мозг? Вы смотрите, но не видите. Вы стоите, но не охраняете. Вы думаете, что забор это стена, а ворота это дверь, но для того, кто хочет войти, это лишь декорация, если за ними нет системы.

Тимур выпрямился, поправил ворот свитера и медленно

спустился по широкой дубовой лестнице, ступени которой мягко пружинили под его тяжелыми шагами. Внизу, на просторной веранде первого этажа, застекленной от ветра, но открытой для свежего воздуха, уже сидели его ближайшие соратники. Фанси, укутанный в теплый шерстяной плед, держал в руках большую керамическую кружку, из которой поднимался густой пар ароматного кофе, Сократ, всегда безупречно одетый даже в такую рань, медленно размешивал сахар в своей чашке, а Раф стоял у перил, скрестив руки на груди, и его внимательный взгляд был прикован к той же сцене внизу. Когда Тимур вышел на веранду, морозный воздух ударил ему в лицо, но он не почувствовал холода, потому что атмосфера на веранде была наэлектризована тихим, сдержанным весельем. Фанси, заметив хозяина, дружелюбно хлопнул его по животу, отчего Тимур невольно выдохнул, и старик произнес своим низким, бархатным голосом, в котором слышалась неподдельная ирония:

- Плохая у тебя охрана, Тимур, раз ею руководит девчонка. Смотри, как она его жарит, словно тот на допросе в гестапо, а ведь это же твой лучший пес, твой щит и меч, а сейчас он краснее вареного рака.

Тимур не ответил сразу, лишь кивнул в сторону двора, где картина начала меняться. К группе у ворот, где Яна, тыкая пальцем в сторону ржавых петель, продолжала свой разнос, подходил сам объект ее критики. Глава охраны, человек по кличке Пес, настоящий бульдог в мире безопасности, с ши-

рокими плечами, шрамом через всю щеку и взглядом, который обычно заставлял новичков опускать глаза, сейчас выглядел так, словно его только что вываляли в снегу и заставили отчитываться какому-нибудь генералу. Он был в тяжелой дубленке, на голове ушанка с опущенными ушами, а в руке он нервно крутил сигарету, которую даже забыл прикурить. Когда он приблизился к веранде, Тимур увидел, что лицо Пса выражает смесь стыда, недоумения и легкой паники, словно он поймал себя на мысли, что действительно что-то упустил, но его мужская гордость еще не хотела с этим мириться.

- Тимур Габриэлович, - начал Пес, подходя к перилам и снимая ушанку, отчего его лысина заблестела на солнце. - Я устал слушать нотации ребенка, типа, меня мужики засмеяли уже, ну какое может быть дело до ворот от мелкой, простите, девочки? Я двадцать лет в органах, я периметр строил, я людей учил, а тут... тут она мне про петли рассказывает, словно я вчера с неба свалился. Это же элементарно, что замок слабый, но у нас же люди стоят, у нас же посты, у нас же...

- У вас же иллюзия безопасности, - перебил его Тимур, и голос его прозвучал тихо, но так, что Пес мгновенно замолчал, выпрямился и опустил глаза.

- Твоя задача это безопасность периметра и всех людей в доме, - продолжил Тимур, не повышая тона, но каждое слово его ложилось как камень. - И раз ты не можешь ее обес-

печить, раз ты не видишь того, что видит ребенок, который здесь первый день, то зачем ты мне нужен? Я плачу тебе не за то, чтобы ты пугал соседей своим видом, а за то, чтобы я спал спокойно. И если мое спокойствие зависит от того, что девочка в красной куртке объясняет тебе, как работает замок, значит, ты уже не справляешься.

Пес открыл рот, чтобы что-то возразить, но слова застряли у него в горле. Он посмотрел на Тимура, потом на Фанси, который одобрительно кивнул, потом на Сократа, который лишь слегка приподнял бровь, и наконец перевел взгляд на Яну, которая уже стояла у подножия лестницы, ведущей на веранду, и ждала, сложив руки на груди. В ее позе не было вызова, не было злорадства, только спокойная уверенность человека, который знает, что говорит правду, и ждет, когда другие эту правду примут.

- Что ты заметила, девочка? - спросил Тимур, поворачиваясь к ней, и в его голосе прозвучал искренний интерес, смешанный с уважением. - Расскажи нам, где мы ошиблись. Где наши дыры. Где наши слепые зоны.

Яна сделала шаг вперед, и ее дыхание вырвалось облачком пара, которое тут же рассеялось на ветру. Она не стала медлить, не стала искать нужных слов, потому что в ее голове картина периметра уже была выстроена в четкую, логичную схему, где каждая деталь занимала свое место, а каждая ошибка была подсвечена красным маркером. Она начала говорить четко, без воды, по существу, и ее голос, хоть и оста-

вался детским по тембру, звучал с той взрослой, сухой интонацией, которая свойственна инженерам и аналитикам.

- Во-первых, ворота, - начала Яна, указывая рукой в сторону массивной стальной створки, которая сейчас была приоткрыта. - Петли ржавые, смазки нет, люфт есть. Но главное не это. Главное это то, что замок навесной, и он висит на тонкой проушине, которую можно перекусить обычными болторезами за десять секунд, если действовать в тишине. А тишина у вас здесь есть, потому что генератор шумит только когда включают свет, а днем он молчит. И еще, калитка в воротах закрывается на простую щеколду изнутри, но снаружи есть зазор, через который можно просунуть проволоку и отжать ее. Я проверила. Это не защита. Это намек на то, что тут живут простофили, которых можно как минимум грабануть.

Пес фыркнул, пытаясь вернуть себе достоинство, но Тимур жестом остановил его. Яна продолжала, переходя к следующему пункту.

- Во-вторых, забор. Он высокий, три метра, с колючей проволокой сверху, это хорошо. Но он глухой только с улицы. Со стороны сада он низкий, и за ним растут старые яблони. Ветки нависают над забором, и по ним можно залезть, не касаясь колючки. Я видела следы на снегу у ствола третьей яблони слева. Кто-то там ходил, может, свои, может, чужие, но факт есть. И еще, в заборе есть секция у старого сарая, где доски прогнили снизу. Я пнула ногой, и они шатаются. Это дыра, через которую может пролезть не только человек,

но и крупная собака. Или можно просто проползти.

Сократ, который до этого молча слушал, вдруг подал голос, и в его тоне звучало не осуждение, а скорее профессиональный интерес.

- Девочка права насчет яблонь, - сказал он, поворачиваясь к Тимуру. - Это классическая ошибка. Физический барьер нивелируется естественным рельефом. Нужно либо обрезать ветви, либо установить на забор датчики вибрации. В девяносто седьмом году это уже не фантастика, есть отечественные разработки, пьезоэлектрические кабели, которые реагируют на попытку перелезания. Они подключаются к пульту, и при касании срабатывает тихая сигнализация.

Яна кивнула, принимая информацию, и тут же продолжила свой доклад, словно Сократ лишь подтвердил ее мысли.

- В-третьих, камеры наблюдения, - сказала она, указывая на углы дома, где виднелись черные коробки видеокамер, направленные в разные стороны. - Их четыре штуки, я насчитала. Но одна, та, что над гаражом, смотрит прямо в куст сирени, а не на дорогу. Я проверила, оттуда ничего не видно, кроме веток. Вторая, у черного входа, висит слишком высоко и под таким углом, что видит только крыши машин, а не людей, которые подходят к двери. А третья, у главных ворот, закрыта птичьим гнездом сверху, так что объектив наполовину слепой. И самое главное, провода от них идут открыто по стене, их можно просто перерезать ножом, и вы даже не узнаете, что вас не видят.

Раф, который до этого стоял неподвижно, вдруг усмехнулся и добавил своим низким голосом: -Экранировка проводов нужна, девочка. Гофра металлическая, или укладка в штробы. И камеры нужно опускать ниже, под козырек, чтобы их не сбили и не ослепили фонарем. И еще, мониторы где? В будке у ворот?

- В будке, да, - подтвердила Яна. - Но там сидит один человек, и он спит. Я видела, как он положил голову на стол и закрылся газетой. Так что даже если камера работает, смотреть некому. И еще, запись ведется на кассеты, но я не видела, чтобы их меняли. Может, они пишут на одну и ту же кассету неделю, и там уже только белый шум.

Пес, который слушал этот разбор полетов с выражением человека, которого медленно, но верно опускают в прорубь, наконец не выдержал и попытался вставить свое слово, но получилось это комично.

- Да там, девочка, кассеты меняются... по графику! - возмутился он, пытаясь звучать убедительно, но его голос дрогнул. - И камера у гаража... она стратегически важна, она контролирует... э... тыл! Да, тыл! А кусты мы подрежем, я скажу садовнику!

Яна повернулась к нему, и в ее глазах мелькнула та самая искра, которая заставляла взрослых чувствовать себя неразумными детьми.

- Садовник придет весной, - сказала она спокойно. - А вор придет сегодня. И ему не нужны подрезанные кусты, ему ну-

жен один шанс. И еще, Пес, ваши люди. Они стоят кучей. Все четверо у будки, курят, смеются, делятся новостями. Если я кину туда гранату или просто выстрелю из обреза, вы потеряете всю охрану за одну секунду. Нет рассредоточения. Нет ротации. Нет связи. Один говорит в рацию, а другой его не слышит, потому что помехи. Я слышала, как он кричал в трубку, а в ответ только шипение.

Сократ кивнул, доставая из кармана блокнот и ручку, и начал быстро записывать.

- Рации нужно перевести на защищенную частоту, или использовать проводную связь, - предложил он. - И посты нужно разнести. Один на воротах, один на периметре с северной стороны, один в доме, и один в резерве, в машине. И кодировка сигналов. Пароль на вход, пароль на выход. Чтобы свои не стреляли в своих, а чужие не прошли под видом своих.

Яна слушала, кивая, и добавила от себя:

- И еще, свет. Фонари горят постоянно, это хорошо, но они слепят ваших же охранников. Свет должен быть направлен вниз, на землю, а не в глаза. И нужны датчики движения, чтобы свет включался только когда кто-то идет. Это экономит и пугает. Если вдруг в темноте зажегся свет, человек знает, что его заметили.

Тимур слушал, и с каждой секундой его лицо становилось все более серьезным, но не от гнева, а от осознания масштаба проблемы. Он смотрел на свою усадьбу другими глазами, глазами Яны, и вдруг увидел не неприступную крепость, а

решето, дырявое и уязвимое, которое держалось лишь на репутации и удаче. Он понял, что Яна не просто критиковала, она проводила аудит, настоящий, профессиональный аудит, который стоил бы огромных денег, если бы его заказывала крупная корпорация. И она делала это бесплатно, из чистого желания навести порядок, из своего внутреннего чувства баланса, которое не позволяло ей мириться с халатностью.

Пес, видя, что его авторитет тает на глазах, как снег на весеннем солнце, решил сделать последнюю попытку спасти свою репутацию и выпрямился, стараясь выглядеть как можно более внушительно.

- Тимур Габриэлович, - начал он, обращаясь к хозяину, но косясь на Яну. - Девочка, конечно, глазастая, не спорю. Но безопасность это не только железо и провода. Это люди. Это дух. Мои ребята проверенные, они за меня в огонь и в воду. А эти ваши... датчики и рации... это все хорошо, но если человек предатель, то никакой замок не спасет.

Яна рассмеялась, и смех ее был звонким, но в нем не было насмешки, скорее, снисхождение.

- Предатель это проблема доверия, - сказала она. - А дыра в заборе это проблема инженерии. Нельзя смешивать одно с другим. И потом, Пес, твои ребята не предатели, они просто расслабились. Потому что нет системы, которая держит их в тонусе. Потому что нет проверки. Потому что они знают, что ты, их начальник, тоже спишь в будке и смотришь в кусты. Если ты хочешь дисциплину, начни с себя. Не бухай. Начни

проверять посты ночью. Сделай учебную тревогу. Пусть они знают, что хозяин не спит, и я не сплю.

Фанси, который до этого молча наблюдал за перепалкой, вдруг громко расхохотался, отчего даже вороны на деревьях испуганно взлетели.

- Ай да девочка, ай да молодец! - воскликнул он, хлопая себя по колену. - Пес, ты слышишь? Тебе говорят дело. Хозяин не спит, и она не спит. А ты что? Ты мечтаешь о пенсий? Тимур, друг мой, бери ее в советники. Пусть она тут все перестроит. Я гляжу, у нее мозги работают быстрее, чем у твоих спецов.

Тимур улыбнулся, и эта улыбка была теплой, но решительной. Он подошел к Псу, положил руку ему на плечо и посмотрел прямо в глаза.

- Ты слышал, что сказала Яна? - спросил он тихо. - Это не советы. Это приказ. Ты начинаешь с утра. Первой задачей будет обрезать яблони и проверить забор у сарая. Второй - займись камерами. Третьей - постами. И ты будешь делать это под ее контролем. Потому что она видит то, что ты не видишь. И если ты хочешь остаться моим главой охраны, ты должен признать, что иногда мудрость приходит в неожиданной упаковке.

Пес покраснел, но на этот раз не от стыда, а от осознания правоты. Он посмотрел на Яну, потом на Тимура, и медленно, с трудом, кивнул.

- Есть, Тимур Габриэлович, - пробормотал он, и в его го-

лосе прозвучала нотка уважения, которой раньше не было. - Сделаем. Яблони срежем. Камеры поправим. Посты разведем. Только... только пусть она не называет меня Псом при людях. У меня же имя есть. Алексей Петрович.

Яна улыбнулась и подошла к нему ближе, заглядывая в его суровое лицо. -Хорошо, дядь Леш, - сказала она почти серьезно. - Но только если ты будешь выполнять план. Иначе я буду называть тебя Дыркой в Заборе. И это будет правда.

Пес фыркнул, но на этот раз в его фырканье не было злости, скорее, признание поражения в споре, который он даже не успел начать.

- Ладно, девочка... то есть, Яна, - согласился он. - Будем работать. Но учти, яблони жалко, они старые, урожайные. Придется садовника будить среди зимы.

- Буди, - сказала Яна. - Безопасность важнее урожая. И еще, дядь Леш, купи мне рацию. Маленькую, портативную. Чтобы я могла связываться с постами. И код придумай. Не простой. Не "свой-чужой". А что-то, что меняется каждый день. Как в армии.

Сократ, который записывал все рекомендации в свой блокнот, вдруг оторвался от бумаги и посмотрел на Яну с новым интересом.

- Криптостойкость, - заметил он. - Девочка мыслит категориями спецслужб. Тимур, ты понимаешь, что у нас тут не просто охрана, а целая система управления рисками. И она, эта система, только что родилась в голове одиннадцатилет-

него ребенка. Это феномен.

Тимур кивнул, не сводя глаз с Яны.

- Я начинаю понимать, - сказал он тихо. - И это пугает и восхищает одновременно. Фанси был прав. Плохая у меня охрана, если ей руководит девчонка. Но теперь это лучшая охрана, потому что у нее есть директор. Яна, ты будешь координировать эти работы. Пес будет твоими руками. Раф будет твоим мечом. Сократ твоим умом. А я буду твоим ресурсом. Деньги, люди, техника все, что нужно, будет предоставлено. Но результат я спрошу с тебя. Если через неделю периметр не станет крепостью, я буду винить не Пса. Я буду винить тебя.

- Нет, ты будешь не только моим ресурсом, - возразила Яна.

- А кем еще ты хочешь чтоб я был? - поинтересовался Тимур.

- Отцом, - своим ответом она буквально пригвоздила Тимура к стенке. И уставилась на него, глядя огромными шоколадными глазами.

Тимур ни секунды не мешкая кивнул, потрепав ее по голове:

- Шапка где? Голову застудишь, возись с тобой потом… доча.

Яна счастливо улыбнулась и не испугалась всей ответственности, которая свалилась на нее. Наоборот, ее глаза заблестели, и она выпрямилась еще больше, словно приняла

невидимый стандарт.

- Через неделю, - сказала она уверенно, - никто не сможет даже пролететь над забором, не упав на датчик. Вы не сможете пройти мимо камеры, не оставив запись. И вы не сможете подойти к дому, не услышав мой голос в рации. Я обещаю. Но мне нужна твоя помощь, Сократ. С названиями. Я знаю, что нужно сделать, но не знаю, как это называется в магазинах.

Сократ улыбнулся и захлопнул блокнот. -С удовольствием, моя дорогая Карма, - сказал он, используя то имя, которое уже стало для нее не титулом, а сутью. - Поедем на рынок радиодеталей, в Митино. Там есть один знакомый, торгует списанным оборудованием из военных частей. Там можно найти и пьезокабели, и рации с шифрованием, и даже тепловизоры, если повезет. Технологии девяносто седьмого года позволяют многое, если знать, где искать.

Раф, который до этого молча стоял у перил, вдруг подошел к Яне и, к удивлению всех, протянул ей свою большую, мозолистую руку для рукопожатия. Это был жест признания, редкий и значимый в их мире.

- Я буду твоим щитом и мечом, Янка, - сказал он серьезно. - И если кто-то попытается перелезть через забор, пока ты будешь думать над схемами, он встретится со мной. И я обещаю, что он больше не захочет гулять по чужим садам. И это касается не только территории тут.

Яна пожала его руку, и ее маленькая ладонь исчезла в его

огромной кисти, но она не отдернула ее, а сжала крепко, глядя ему прямо в глаза.

- Спасибо, Раф, - сказала она. - Но лучше пусть никто не попытается. Потому что мне не хочется, чтобы ты тратил силы на глупости. Силы нужны для главного.

- Главного? -переспросил Тимур, и в его голосе прозвучало любопытство. - А что для тебя главное, Яна?

Яна посмотрела на него, потом на Фанси, который одобрительно кивал, потом на Сократа, который записывал что-то на полях блокнота, и наконец на Пса, который уже обсуждал с своим подчиненным график обрезки яблонь.

- Главное, - сказала она тихо, - это баланс. Чтобы мы спали спокойно. Чтобы дом был крепостью. Чтобы зло не могло войти, потому что оно знает, что здесь его ждут. И чтобы добро, которое внутри, могло свободно выходить и менять мир. Охрана это не про страх. Это про свободу. Свободу жить, не оглядываясь. И я помогу вам обрести эту свободу.

В этот момент солнце поднялось выше, и его лучи ударили в снег, ослепительно сверкнув, словно тысячи зеркал, расставленных по двору. Мороз немного отступил, и воздух стал мягче, но напряжение, которое царило на веранде, не рассеялось. Оно трансформировалось в энергию действия, в готовность к работе, в понимание того, что привычный уклад жизни нарушен, и на его месте строится что-то новое, более надежное, более совершенное. Пес, который уже мысленно составлял список покупок и график работ, вдруг чихнул, от-

чего все рассмеялись, и этот смех разрядил обстановку, сделав ее более человечной, более живой.

- Ну что, Алексей Петрович, - сказал Тимур, хлопая Пса по спине, так что тот едва не упал в сугроб, - принимайся за работу. Иди, буди садовника. И принеси мне отчет к обеду. С чертежами, с фотографиями, с планами. И чтобы доча была довольна. Если она не будет довольна, значит, ты плохо старался.

Пес вытянулся, отдал честь, хотя и немного комично, из-за того что ушанка съехала набок, и развернулся, чтобы бежать выполнять приказ, но на полпути остановился, обернулся и спросил:

- Тимур Габриэлович, а рацию для Яны... какую брать? Черную? Или серую?

- Бери ту, которая работает лучше всего, - ответила Яна, не оборачиваясь, потому что она уже смотрела в сторону сада, оценивая угол наклона ветвей. - И чтобы кнопка была большой. Чтобы я могла нажать ее в перчатках. И чтобы антенна не ломалась.

Пес кивнул, буркнул что-то себе под нос, что звучало как "слушаюсь, девочка", и зашагал к флигелю, где, судя по всему, спал незадачливый садовник. Тимур, Фанси, Сократ и Раф остались на веранде, и теперь их взгляды были прикованы к маленькой фигурке в красной куртке, которая уже рисовала что-то пальцем на замерзшем стекле двери, вероятно, схему новой расстановки постов.

- Знаешь, Фанси, - сказал Тимур, поворачиваясь к старику, - я думал, что мы нашли в ней духовного лидера. Хранителя равновесия. А она оказалась еще и тактиком. Стратегом. Это редкое сочетание. Обычно люди либо мечтатели, либо практики. А она и то, и другое.

Фанси улыбнулся, делая глоток кофе.

- Она Карма, Тимур, - сказал он просто. - Карма не выбирает специализации. Она видит суть. А суть безопасности это порядок. А суть порядка это ясность. И она дает вам ясность. Цените это. Потому что такие люди приходят раз в жизни. И если вы их не удержите, они уйдут, и вы останетесь с дырявым забором и спящими охранниками. И пулями во лбу. Как следствие.

Сократ кивнул, закрывая блокнот.

- Я уже составил список необходимого оборудования, - сказал он, доставая листок бумаги и протягивая его Тимуру. - Здесь все, что нужно для первого этапа. Датчики, камеры, рации, провода, замки. Бюджет я прикинул. Это не дешево, но это инвестиция в жизнь. В наше спокойствие. И я готов поехать за этим прямо сегодня. В Митино, как я сказал. Там один дядя, полковник в отставке, торгует всем, что списали из армии. Он мне должен услугу. Договоримся.

Тимур взял листок, пробежал глазами по строчкам, и его лицо стало серьезным. -Бери машину, - сказал он. - Бери деньги. Бери Рафа. И привези все. Сегодня же. Чтобы завтра утром здесь закипела работа. Я не хочу ждать весны. Я хо-

чу спать спокойно уже сегодня ночью. И Яна... она должна чувствовать, что ее слова не просто слова. Что они превращаются в действие.

Раф кивнул, отталкиваясь от перил.

- Поехали, Сократ, - сказал он. - Пока снег не растаял и следы не исчезли, нужно все замерить. И еще, Яне нужно купить нормальную экипировку. В этой красной куртке она как маяк. Нужно что-то потемнее, потеплее, и чтобы не шуршало. Бронежилет детский, может быть?

Фанси рассмеялся.

- Детский бронежилет, - повторил он, качая головой. - Вот это поворот. Но, пожалуй, ты прав, Раф. Если она будет бегать по стройке, ей нужна защита. И шлем. И наколенники. Чтобы не ушиблась. Потому что если с ней что-то случится, я лично выкопаю каждого, кто виноват, и закопаю обратно.

Тимур улыбнулся, но в его улыбке была сталь.

- Никто не посмеет ее тронуть, - сказал он тихо. - Пока я жив. И пока вы живы. Яна это наш щит, но мы ее броня. И мы должны быть крепкими. Ради нее. Ради баланса. Ради будущего.

Тут Яна закончила рисовать на стекле и обернулась, увидев, что все смотрят на нее. Она улыбнулась, и эта улыбка была сияющей, полной энергии и решимости. Она помахала рукой, показывая большой палец вверх, и повернулась обратно к саду, где ее уже ждала работа. Работа по превращению обычного дома в неприступную крепость. Работа по со-

зданию безопасности. Работа по защите тех, кто стал ей семьей. И в этот момент, под ярким солнцем третьего января, среди снега и мороза, зарождалась новая эра в жизни усадьбы Тимура. Эра, где охрана стала наукой, где периметр стал системой, и где одиннадцатилетняя девочка стала главным архитектором этой безопасности. И никто не сомневался в успехе. Потому что с такой командой, с таким лидером, с такой ясностью цели, успех был неизбежен. Как восход солнца. Как падение снега. Как неизбежность самой судьбы, которая привела Яну Карманову в этот дом, в это время, к этим людям. И теперь они были готовы. Готовы ко всему. К любым вызовам. К любым угрозам. Потому что они были вместе. И у них была Яна. Их Карма. Их хранительница. Их директор безопасности. И это было только начало большого пути, который изменит не только их жизни, но и жизни многих других, кто еще не знал, что в снежной усадьбе на севере Москвы куется новое оружие против хаоса. Оружие, имя которому Порядок. И в этом оружии не было железа. В нем была мысль. Была воля. Была любовь. И этого было достаточно, чтобы выстоять. Чтобы победить. Чтобы жить.

Глава 9

Глава 9. Тыл

Читать под трек «I don't explain» - Owen James

«Я рано понял, что нужно сохранить, а что отпустить. Что-то ты переносишь, а что-то нет. Мне не нужно прощение толпы, которая ушла. Я стоял там, где стоял, я справился с собой. Некоторые уроки проходят в тишине. Вот почему они остаются такими. Я говорю не просто так, я говорю правду» (с)

Поздний вечер третьего января тысяча девятьсот девяносто седьмого года опустился на усадьбу Тимура тяжело и бесшумно, словно кто-то невидимый набросил на землю плотное бархатное покрывало, поглотившее последние отблески дня и оставившее лишь глубокую, звенящую тишину, в которой каждый звук приобретал особый вес и значение. В каминном зале, где потолок уходил вверх на два этажа, а хрустальные люстры отбрасывали тысячи дробных огней на тёмный паркет, воздух был пропитан запахом старого дерева, тлеющего табака и едва уловимой горечи коньяка, который медленно согревал бокалы, стоящие на массивном дубовом столе. Тимур сидел в глубоком кожаном кресле у окна, следя за тем, как за стеклом кружится редкий, крупный снег, и его лицо, обычно непроницаемое как гранитная плита, сейчас несло на себе отпечаток глубокой задумчивости, словно он

перебирал в уме невидимые нити, которые за последние два дня сплелись в узел такой плотности, что развязать его можно было только одним способом, и этот способ требовал абсолютной ясности ума и холодной решимости. Рядом, в соседнем кресле, расположился Фанси, чья хрупкая на вид фигура контрастировала с той внутренней тяжестью, которую он излучал, и старик медленно водил пальцем по краю чашки, наблюдая за паром, поднимающимся ровными столбиками, словно читая в этих завитках какие-то древние послания, доступные лишь тем, кто умеет слушать тишину между звуками. Сократ стоял у камина, подставив ладони огню, и его поза, обычно выверенная до миллиметра, сейчас была чуть расслабленнее, будто он позволил себе на мгновение снять невидимую броню, которую носил годами, и в этот момент дверь зала бесшумно отворилась, пропуская внутрь человека, чьё появление мгновенно изменило атмосферу комнаты, наполнив её электрическим напряжением, которое не было враждебным, но заставляло инстинкты обостриться до предела.

Кир «Мишка» Иванов вошёл не спеша, но каждое его движение было отточено до автоматизма, лишено лишней суеты, и его лицо, широкое, с шрамом, пересекающим левую бровь, и глазами, которые смеялись, даже когда губы оставались серьёзными, сразу притянуло к себе внимание, словно магнит, притягивающий стальную стружку. Он был бывшим снайпером, и это звание не было просто строчкой в биогра-

фии, оно читалось в том, как он сканировал пространство, как фиксировал каждую деталь, как его тело оставалось готовым к действию в любую долю секунды, и при этом он нёс в себе странную, почти парадоксальную лёгкость, которая делала его похожим на человека, способного рассмешить компанию анекдотом за секунду до того, как его рука нажмёт на спусковой крючок, и этот контраст, это сочетание инь и ян, делало его одновременно притягательным и опасным, словно лезвие, обёрнутое в шёлк.

Тимур кивнул ему, не вставая, и жест этот был кратким, но нес в себе всё необходимое уважение, которое в их мире не требовало слов, а передавалось через взгляд, через позу, через молчаливое признание силы. Мишка уселся на свободный стул, откинулся на спинку, заложил руки за голову и рассмеялся, и смех его был низким, раскатистым, но в нём не было ни капли фальши, только искреннее, почти мальчишеское любопытство, смешанное с тем острым предвкушением, которое бывает у охотника, засекшего редкого зверя, но знающего, что подходить к нему нужно не с ружьём, а с открытыми руками.

- Я слышал, - начал он, и голос его прозвучал ровно, но с той самой интонацией, которая заставляла слушателя не просто слышать слова, а впитывать их смысл, - что у нас тут появилась новая звездочка, которая за два дня перевернула всё с ног на голову, и я, честно говоря, не могу дождаться утра, чтобы посмотреть на это чудо своими глазами, потому

что слухи, конечно, хороши, но правда всегда интереснее, особенно когда она ходит в красной куртке и ругает моих коллег так, что те краснеют, как варёные раки.

Фанси улыбнулся, и в этой улыбке была та самая древняя мудрость, которая не осуждает, а принимает, и он медленно кивнул, соглашаясь с тем, что Мишка лишь озвучил то, что уже витало в воздухе, плотное и ощутимое, как перед грозой. Тимур не стал сразу отвечать, он сделал глоток коньяка, позволив жидкости медленно согреть грудь, и только потом перевёл взгляд на Сократа, который всё ещё стоял у камина, и в этом взгляде был вопрос, который не требовал формулировки, потому что он уже жил в пространстве между ними, ждал ответа, который мог изменить всё. Сократ понял это без слов, он повернулся, отошёл от огня и сел рядом с Тимуром, положив руки на колени, и начал говорить тихо, но так, что каждое слово ложилось в тишину точно в цель, не оставляя места для двусмысленности.

- Она не звезда, - сказал он, и в его голосе не было защиты, только констатация факта, - она просто видит то, что другие предпочитают не замечать, и это не дар, это навык, который оттачивался годами в тишине, в одиночестве, в чтении, в вопросах, которые она задавала себе, когда мир вокруг требовал ответов, и когда она встала перед Амираном, она не играла в героя, она просто назвала структуру, которую он пытался скрыть за громкими словами и стволами, и структура, как вы знаете, всегда побеждает шум, потому что шум утиха-

ет, а структура остаётся, и те, кто умеет её читать, получают власть не над людьми, а над ситуацией, и это совсем другое.

Мишка перестал смеяться, его лицо моментально стало серьёзным, но глаза всё ещё искрились тем самым азартом, который не угасал, а лишь менял форму, становясь острее, точнее, и он медленно кивнул, словно проверяя слова Сократа на прочность, на соответствие реальности, которую он знал лучше многих.

- А доберманы? -спросил он, и в вопросе не было сомнения, только интерес, - я слышал, ты, Тимур, спустил на них псов, и это был огромный риск, потому что эти твари не знают пощады, они воспитаны на инстинктах, на подчинении, на атаке, и если бы они рванули, было бы поздно, но она выстояла, почему они не сожрали её, ведь ребёнок для собаки это либо игрушка, либо добыча, а она не была ни тем, ни другим, она была чем-то третьим, и я хочу понять, что это за третье, потому что в моём деле третье это обычно то, что выживает, когда первые два погибают.

Тимур выдохнул, и в этом выдохе была усталость человека, который несёт груз решений, от которых зависят жизни, и он посмотрел на Мишку прямо, не отводя взгляда, потому что в их мире ложь была роскошью, которую они не могли себе позволить, и сказал тихо, но чётко:

- Я рискнул, потому что знал, что псы реагируют не на возраст, а на состояние, и её состояние в тот момент было таким, что в нём не было ни страха, ни агрессии, ни попытки

доминировать, была только тишина, и тишина для хищника это не слабость, это загадка, а загадку хищник не рвёт, он изучает, он ждёт, он проверяет, и когда он понимает, что перед ним не жертва и не конкурент, а элемент системы, который не нарушает баланс. Он принимает его, и это не магия, это этология, это язык тела, химия гормонов, ритм дыхания, который она контролировала так, что псы считали её своей, не потому что она их гладила, а потому что она не нарушала их закон. И закон этот прост: не беги, не кричи, не показывай зубы, стой, дыши, смотри, и они примут тебя, если ты не угроза, а часть ландшафта. И она стала частью ландшафта, и это было не везение, это было расчёт, холодный, выверенный, основанный на знании природы, а не на вере в чудо.

Мишка усмехнулся, но на этот раз в усмешке не было иронии, только уважение, смешанное с лёгким удивлением, и он покачал головой, словно пытаясь уложить в голове картину, которая не вписывалась в привычные рамки, но при этом была абсолютно реальной.

- Значит, она не просто умная, - сказал он тихо, - она ещё и читает пространство, как книгу, и это редкость, потому что большинство читает только лица, а она читает воздух, и это опасно, потому что тот, кто читает воздух, видит то, что скрыто за словами, за жестами, за масками, и такой человек либо становится лидером, либо исчезает. Потому что система не любит тех, кто видит её изнанку, и я надеюсь, что мы сможем её удержать, потому что мир сейчас трещит по

швам, и нам нужен тот, кто не будет ломать, а будет чинить, кто не будет кричать, а будет шептать так, что услышат все. И если Бык действительно выбрал её, если она действительно хранитель, если она действительно помнит то, что другие забыли, то наша задача не в том, чтобы учить её жить, а в том, чтобы помочь ей адаптироваться, дать ей опору, чтобы она не сломалась под весом того, что на неё свалилось. Потому что дом, где её считают непослушным ребёнком, - в этот момент он кивнул в сторону Сократа, дав понять что в курсе всей ситуации, - где её слова обесценивают, где её границы ломают ради удобства, это не дом, это клетка. И клетка, даже золотая, убивает душу быстрее, чем холод. Сократ рассказывал мне, что там она вынуждена играть роль, которая ей не принадлежит, и это выматывает, это истощает, это заставляет носить маску, которая прирастает к лицу. А если мы не дадим ей пространство, где она может быть собой, где её видят, где её слышат, где её не ломают, просто любят, она уйдёт, и не физически, а внутренне, она закроется, она перестанет видеть нити, перестанет доверять миру, и тогда мы потеряем не просто девочку, мы потеряем баланс. А баланс это то, на чём держится всё, от рынка до жизни, и без него мы станем просто бандитами, а не теми, кто держит порядок в хаосе.

Фанси кивнул медленно, и в его глазах мелькнула та самая древняя усталость, которая не была слабостью, а была знанием, накопленным десятилетиями, и он сказал тихо, но

так, что слова его прозвучали как приговор, который не карает, а освобождает:

- Мы дадим ей опору, не потому что она просит, а потому что это наш долг, не перед ней, а перед тем, что она несёт. И долг этот не в том, чтобы оберегать её от мира, а в том, чтобы научить мир принимать её, и это сложнее, чем защищать. И я верю, что мы сможем, потому что в нас есть то, что редко встречается в этом времени, это не сила, это честь кодекса, и честь это не слово, это действие, это выбор, который делают, когда никто не смотрит, и мы будем делать этот выбор каждый день, ради неё, ради себя, ради будущего, которое уже стучится в дверь.

Тимур слушал, и в его лице не было сомнений, только принятие, и он кивнул, соглашаясь с тем, что сказано, потому что слова эти ложились на ту самую внутреннюю карту, которую он носил в себе годами, и карта эта вела не к власти, а к ответственности, и ответственность эта была тяжёлой, но необходимой, и он готов был нести её, потому что иначе смысл терялся, а смысл это то, что держит человека на плаву, когда волны бьют в борт, и он уже видел, как Яна держится, и это давало ему право надеяться, что она выдержит, если они не подведут, если не сломают, если не предадут, и это было обещанием, которое он дал себе в тишине, и обещания в их мире не нарушали, потому что нарушение обещания это не просто ложь, это смерть души, а душу они берегли, даже когда мир требовал обратного.

Мишка вздохнул, откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок, где тени танцевали в свете люстр, и в его взгляде было что-то задумчивое, но не грустное, а скорее сосредоточенное, словно он перебирал в уме варианты, сценарии, ходы, которые могли бы сработать, и он сказал тихо, но с той самой интонацией, которая не допускала возражений:

- Мы сделаем всё, что нужно, не ради показухи, не ради того, чтобы потом хвастаться, а ради того, чтобы она могла дышать, и дыхание это первое, что отбирают, когда ломают, и первое, что возвращают, когда принимают, и мы вернём ей дыхание, даже если придётся для этого сдвинуть горы. Я рад, что она здесь, потому что она не боится говорить правду, а правда в наше время это редкий товар, и за неё платят не деньгами, а доверием, и доверие это валюта, которая не обесценивается. И я хочу, чтобы она знала, что у неё есть тыл, в смысле нашей поддержки, и поддержка это не когда тебя жалеют, а когда в тебя верят, даже когда ты сам не веришь, и мы будем верить, потому что вера это сила, которая двигает горы, и горы мы сдвинем, если потребуется, и это не пафос, это план, и план этот уже запущен, и остановить его нельзя, можно только пройти до конца, и мы пройдём, потому что отступать некуда, да и незачем, когда впереди есть то, ради чего стоит идти.

Сократ улыбнулся, и в этой улыбке была та самая тихая гордость, которая не требует аплодисментов, и он кивнул, соглашаясь с тем, что Мишка лишь озвучил то, что уже жило

в их сердцах, и сказал тихо, но чётко:

- Она знает, не потому что мы ей скажем, а потому что она чувствует, и чувство это точнее слов, и слова лишь подтверждают то, что уже принято духом. И дух её уже принял нас, не как спасителей, а как союзников, и союз это не договор, это состояние, и состояние это меняется не по щелчку, а по шагам, и шаги уже сделаны, и дальше будет легче. И теперь нужно просто идти, не оглядываясь, не сомневаясь, не боясь. Потому что у нас есть компас, и компас этот не в кармане, а в груди, и он указывает верно, и мы пойдём по его стрелке, не сворачивая, не отступая, не предавая, и это обещание, которое мы даём не друг другу, а себе, и обещания в нашем мире не нарушают, потому что нарушение это смерть, а мы хотим жить, и жить по-настоящему, а не понарошку, и для этого нужен баланс, и баланс этот уже найден, и его нужно беречь, и мы будем беречь, потому что иначе всё потеряет смысл. И это наш путь, и мы его выберем, потому что другого нет.

Сократ выдохнул от длинной речи, а Фанси кивнул медленно, и в его глазах мелькнула та самая древняя усталость, которая не была слабостью, а была знанием, накопленным десятилетиями, и он сказал тихо, но так, что слова его прозвучали как приговор, который не карает, а освобождает:

- Мы дадим ей опору, не потому что она просит, а потому что это наш долг, не перед ней, а перед тем, что она несёт, и долг этот не в том, чтобы оберегать её от мира, а в том, чтобы научить мир принимать её, и это сложнее, чем защи-

щать, потому что защита это стена, а принятие это мост, и мосты строятся не из камня, а из доверия, из терпения, из готовности видеть другого, не ломая его под себя.

В этот момент в тишине зала, которая стала плотной, как вода, раздался звук, который не был громким, но отозвался в каждом из них, словно удар по натянутой струне, и звук этот исходил от стола, где стоял телефон, старый, тяжёлый, с диском, который помнил времена, когда связь была не привилегией, а необходимостью, и трубка задергалась, не звоня, а требуя внимания, и Тимур не шевельнулся сразу, он дал звуку прозвучать дважды, третий раз он встал, подошёл к столу, взял трубку, не спрашивая, не здороваясь, просто слушая, и лицо его не изменилось, не побледнело, не напряглось, просто стало чётче, резче, глубже, как лезвие, которое наконец вышло из ножен, и он слушал, не перебивая, не задавая вопросов, просто впитывая, просто фиксируя, просто позволяя словам уложиться в пространство, как семена в почву, как вода в камень, как тень в свет, и когда он положил трубку, щелчок прозвучал тихо, но отчётливо, словно дверь открыла не только проход, но и пространство между мирами, и он повернулся к ним, и в его глазах не было вопроса, не было сомнения, только тихая, глубокая уверенность, и он сказал тихо, но так, что каждое слово упало в воздух как камень в воду:

- Мне нужно отъехать… а вы будете ждать, и обеспечите безопасность Яне.

Он вышел, не хлопнув дверью, не бросив вызов, не оставив угрозу, просто шагнул в коридор, и шаги его затихли, растворившись в тишине дома, который вдруг стал огромным, пустым, но не зловещим, а ожидающим, и Фанси закрыл глаза, Сократ налил себе коньяк, Мишка достал сигарету, и никто не сказал ни слова, потому что слова были не нужны, когда пространство уже говорило само за себя, и говорило оно на языке, который не требовал перевода, только присутствия, только внимания, только готовности принять то, что придёт, не сопротивляясь, не анализируя заранее, только присутствуя, и это присутствие стало их якорем, их опорой, их силой.

Тимур вышел на улицу, и мороз ударил в лицо, но не пронизывал, а бодрял, очищая лёгкие, заставляя кожу проснуться, нервные окончания включиться, тело вспомнить, что оно живое, что оно здесь, что оно дышит, и он сел в машину, чёрную, тяжёлую, с тонированными стёклами, которая ждала его у крыльца, словно верный пёс, готовый к прыжку. Он завёл двигатель, который ожил низким, уверенным гулом, и поехал, не включая фары на полную мощность, только габариты, чтобы не привлекать внимания, чтобы скользить по снегу, как тень, как призрак, как тот, кто знает, что видимость это не преимущество, а уязвимость. Он двигался медленно, выверенно, чувствуя каждую кочку, каждый поворот, каждый скрип шин, и дорога вела не в центр, не на окраину, а в промышленную зону, где склады стояли рядами, как

солдаты на параде, где фонари горели тускло, где снег лежал грязным, укатанным слоем, где воздух пах мазутом, железом и чем-то неуловимо опасным. И он свернул с асфальта на грунтовку, проехал мимо ржавых ворот, мимо куч металлолома, мимо будки, где спал сторож, и остановился у черного мерседеса, который стоял боком, загораживая проезд, и двигатель его не работал, стёкла были тонированы так, что внутрь не пробивался ни один луч света. Тимур заглушил мотор, вышел, закрыл дверь, и пошёл к мерседесу, не спеша, не прячась, не атакуя, просто присутствуя, и когда он подошёл, дверь со стороны пассажира отворилась. Он сел внутрь, не спрашивая, не здороваясь, просто занимая место, которое уже было приготовлено. Воздух в салоне был другим, не холодным, не душным, а плотным, настоянным на времени, на тишине, на присутствии, и собеседник сидел рядом, в тени, и лицо его не было видно, только силуэт, только дыхание, только ритм, который не совпадал с городским, а шёл вразрез, создавая напряжение, которое не давило, а заземляло. Тимур не стал нарушать тишину, он ждал, позволяя пространству устояться, позволяя моменту созреть, позволяя словам найти свой путь, и когда голос прозвучал, он был низким, ровным, без эха, без лишней интонации, просто факт, просто вопрос, просто начало, и он спросил, не называя имён, не требуя отчётов, просто касаясь сути:

- Как она? Как справляется, выдерживает ли все? Не ломается ли под давлением? И я хочу знать, готова ли она к

тому, что идёт следом? И я спрашиваю не из любопытства, я спрашиваю из необходимости, потому что если она не выдержит, мы потеряем не просто человека, мы потеряем ось. Я жду ответа, Тимур.

Тимур слушал вопросы, и в его лице не было сомнений, только принятие, и он кивнул, соглашаясь с тем, что сказано, потому что слова эти ложились на ту самую внутреннюю карту, которую он носил в себе годами, и карта эта вела не к власти, а к ответственности, и ответственность эта была тяжёлой, но необходимой, и он готов был нести её, потому что иначе смысл терялся, а смысл это то, что держит человека на плаву, когда волны бьют в борт, и он уже видел, как она держится, и это давало ему право надеяться, что она выдержит, если они не подведут, если не сломают, если не предадут, и это было обещанием, которое он дал себе в тишине, и обещания в их мире не нарушали, и он ответил кратко и тихо, но чётко:

- Она справляется.

Собеседник молчал, и тишина в салоне стала плотной, как вода, и в этой тишине не было пустоты, было ожидание, и ожидание это не бездействие, это подготовка, и подготовка эта уже запущена, и остановить её нельзя, можно только дождаться результата, и результат этот уже в пути. И в этот момент, когда тишина стала глубже, когда тепло от двигателя начало рассеиваться, когда пар от дыхания перестал подниматься, когда снег на крыше стал твёрже, когда мир затаил

дыхание перед чем-то новым, перед чем-то неизбежным, перед чем-то, что уже шло, не спрашивая разрешения, не стуча в дверь, не предупреждая, не давая времени на подготовку, собеседник медленно повернул голову, и в тени, где должно было быть лицо, мелькнул отблеск, не света, а металла, и голос прозвучал снова, но теперь в нём не было вопроса, была констатация, холодная, точная, не терпящая возражений, и он сказал:

- Запомни, Тимур, она не боец спецназа, не учи ее драться, не учи стрелять, так как это правильно, потому что мускулы стареют, а мозг нет, и мозг это оружие, которое не требует патронов. Она серый кардинал, невидимый фронт, тот, кто двигает фигуры, не прикасаясь к доске, и это редкость, это дар, это ответственность. Я хочу создать ей максимум сложных жизненных невыполнимых задач, чтобы посмотреть её в деле, не чтобы сломать, а чтобы увидеть предел, не чтобы унизить, а чтобы понять потенциал.

Тимур кивнул, не победно, с принятием, с доверием, с пониманием, что путь только начинается, что впереди не комфорт, не похвала, не гарантия, только правда, только испытание, только возможность стать кем-то. И Карма уже здесь, и она только начинает свой путь, в тишине, в снегу, в свете камина, в сердце, которое бьётся ровно, в дыхании, которое не сбивается, в шаге, который уже сделан, и который ведёт вперёд.

Тимур вышел из машины, не хлопнув дверью, не бросив

вызов, не оставив угрозу, просто шагнул в снег, и снег хрустнул под ботинками, издавая тот самый звук, который всегда означал начало чего-то важного, который возвращал в детство, в то время, когда мир был простым, а чудеса возможными, и он пошёл к своей машине, не оглядываясь, не сомневаясь, не боясь, просто шагая, вперёд. И в этот момент, когда тишина стала глубже, когда тепло от двигателя начало рассеиваться, когда пар от дыхания перестал подниматься, дверь мерседеса закрылась с мягким щелчком, и двигатель ожил, сорвавшись домой.

Глава 10

Глава 10. Импульс

Читать под трек “I wanna dance with somebody» - Whitney Houston

Четвёртое января тысяча девятьсот девяносто седьмого года началось не с будильника и не с привычного утреннего шума, а с тихого, почти ритуального звука, который разнесся по коридорам особняка, словно камертон, настраивающий пространство на новую частоту. Яна стояла у плиты в просторной кухне, где пахло подсолнечным маслом, ванилью и слегка подгоревшим тестом, и двигалась в такт музыке, которая лилась из старого кассетного магнитофона, стоявшего на подоконнике рядом с геранью в глиняном горшке. Уитни Хьюстон пела о танцах с кем-то, кто подарит любовь, а Яна, держа в руке деревянную лопатку, отбивала ритм по краю сковороды, приплясывая на месте, поворачиваясь вокруг собственной оси, подпевая фальшиво, но с таким искренним увлечением, будто выступала перед переполненным залом, а не перед пустой кухней в шесть утра морозного зимнего дня. Тесто шипело, пузырилось, превращаясь в золотистые круги, которые она ловко поддевала, подбрасывала в воздух и ловила обратно, иногда промахиваясь, иногда попадая точно в центр, каждый раз смеясь собственным неудачам, не пытаясь сохранить важный вид, не оглядыва-

ясь на дверь, не ожидая оценки, просто позволяя себе быть собой в эти редкие минуты, когда дом спал. Когда никто не требовал отчётов, когда мир сужался до размеров сковороды, магнитофона и собственного дыхания. Она была в старой фланелевой пижаме, которую ей одолжил Тимур, волосы собраны в небрежный пучок, на ногах толстые шерстяные носки, которые скользили по полу, создавая комичный шуршащий аккомпанемент к музыке. И в этом хаосе утренней рутины она находила странное, почти медитативное удовольствие, превращая готовку в танец, а танец в способ перезагрузки, в момент, когда можно было выдохнуть всё накопленное напряжение, отпустить контроль, позволить телу двигаться так, как оно хочет, а не так, как диктуют обстоятельства.

Дверь в кухню приоткрылась бесшумно, но Яна заметила движение боковым зрением. Не прекращая танцевать, не сбиваясь с ритма, просто перевела взгляд в сторону проёма, где в полумраке коридора вырисовывалась высокая фигура Кира Иванова, прозванного Мишкой за внешнее сходство с плюшевым медведем, которое обманчиво скрывало за собой природу человека, способного часами лежать в засаде, дышать в такт с ветром и нажимать на спуск без единой лишней эмоции. Мишка не вошёл сразу, он остановился в дверном проёме, скрестил руки на груди, прислонился плечом к косяку и просто наблюдал, позволяя себе эту роскошь тишины. Эту возможность увидеть то, что обычно скрыто за масками,

за ролями, за необходимостью соответствовать ожиданиям мира, который не прощает слабости, но обожает подглядывать за теми, кто позволяет себе быть живым. Он смотрел на то, как она крутится, как подпевает, как ловит блины, как смеётся, когда один из них падает на сковородку с глухим шлепком, и в его голове, привыкшей анализировать дистанции, углы, скорости, начинали формироваться выводы, которые не имели ничего общего с тактикой или стратегией, а касались чего-то более фундаментального, более человеческого. Он понял, что эта девочка не сломана домашними скандалами, не задавлена ожиданиями взрослых, не превратилась в холодного аналитика, который видит только нити и узлы. Она сохранила внутри себя тот самый импульс, который позволяет человеку находить радость в мелочах, превращать рутину в игру, не бояться выглядеть смешной, не прятаться за серьёзностью, когда хочется петь, не подавлять движение, когда тело просит танца. Он увидел, что её стратегическое мышление не вытеснило детскую непосредственность, а существовало рядом с ней, как две реки, которые не смешиваются, но питают одно русло, и это сочетание делало её не просто полезной, не просто умной, а по-настоящему живой, а живые люди в их мире были редкостью, дороже золота, надёжнее бронежилетов. Потому что мёртвые не импровизируют, не смеются, не подбрасывают блины, не поют Уитни Хьюстон в шесть утра. А живые умеют выживать, не теряя вкуса к жизни, умеют адаптироваться, не пре-

давая себя, умеют держать удар, не забывая, как радоваться солнцу. Мишка улыбнулся, негромко, почти незаметно, но в этой улыбке было признание, уважение, тихая радость оттого, что он нашёл в этом доме не просто инструмент, не просто проект, не просто хранительницу равновесия, а человека, с которым можно разделить не только обязанности, но и моменты, когда можно просто быть, не играя ролей, не соблюдая иерархию, не думая о последствиях, просто дышать в такт музыке, просто стоять рядом, просто кивать в ответ на неловко упавший блин.

Он шагнул внутрь, не нарушая её ритма, не требуя внимания, просто заняв место у стола, где стояла миска с тестом, и произнёс тихим, чуть хрипловатым голосом, в котором слышалась ирония, но не злая, а тёплая, как пар от свежезаваренного чая:

- Если ты продолжишь вращаться с такой скоростью, центр тяжести сместится, и мы получим не завтрак, а декорацию для циркового номера, где главный аттракцион называется блин по лицу.

Яна не остановилась, не смутилась, не начала оправдываться, она просто повернула голову, встретилась с ним взглядом, улыбнулась той самой улыбкой, которая не требует разрешения, и ответила, продолжая двигать лопаткой по сковороде:

- Центр тяжести у меня в порядке, а вот твоя критика требует калибровки, потому что если бы ты знал, как тяжело

ловить тесто, когда музыка играет на полной громкости, а сковородка решила стать независимым государством, ты бы не шутил, а взял бы вторую лопатку и встал бы в строй.

Мишка рассмеялся, звук получился низким, раскатистым, но в нём не было насмешки, только искреннее удовольствие от того, что его выпад не отскочил от стены, а вернулся бумерангом, и он кивнул, снимая пиджак, вешая его на спинку стула, засучивая рукава:

- Строй принимаю, лопатку достану, - отрапортовал он весело, - но сразу предупреждаю, я готовлю как снайпер стреляет, то есть редко, метко и только когда вижу цель, а цель сейчас одна, и она шипит, пузырится и требует вмешательства.

Яна передала ему второй фартук, не прерывая танца, не сбавляя темп, просто кивнула в сторону миски:

- Тогда наливай, но без фанатизма, потому что если сделаешь слишком толстый слой, мы получим не блин, а кирпич для строительства крепости, а крепость у нас уже есть, и она не нуждается в дополнительных укреплениях из теста.

Мишка налил, аккуратно, выверенно, следя за тем, как жидкость растекается по раскаленной поверхности, превращаясь в круг, который он тут же поддел лопаткой, проверил край, кивнул сам себе, словно офицер, принимающий рапорт, и произнёс:

-Кирпич отменяется, делаем лепёшки, но сразу говорю, если этот магнитофон не сбавит обороты, я начну петь в от-

вет, а мой голос способен вызвать обвал снежной лавины в трёхста километрах отсюда, так что выбирай, либо тишина, либо цунами из нот.

Яна рассмеялась, звук был звонким, чистым, и она наконец остановилась, выключила магнитофон, перевела дыхание, оперлась локтями о стол, посмотрела на него прямо, без тени смущения, без попытки сгладить углы, и сказала:

- Цунами принимаю, но с условием, что ты берёшь на себя ответственность за разбитые стёкла и испуганных ворон, потому что если начнёшь выводить высокие ноты, соседи вызовут геологов, чтобы изучали сейсмическую активность района.

Мишка фыркнул, перевернул блин, подул на него, отломил кусок, попробовал, кивнул с видом эксперта, прошедшего строгую комиссию, и ответил:

- Геологи пусть отдыхают, а вот соседи могут вызвать ментов, так что предлагаю компромисс, я пою тихо, ты танцуешь медленнее, и мы делаем вид, что это не кухня, а репетиционный зал, где готовятся к выступлению на районе, только вместо гитары у нас сковородка, а вместо микрофона лопатка.

Яна хлопнула в ладоши, звук получился громким, радостным, и она кивнула, соглашаясь с условиями, которые сами собой превратились в игру, в ритуал, в способ настроить пространство на свою волну, не ломая его, не подчиняя, а просто добавляя в него лёгкость, которой так не хватало в этом доме, привыкшем к тяжести решений, к напряжению

ожиданий, к молчаливым договорённостям, которые не требовали слов, но давили на плечи невидимым грузом.

Они работали в паре, не сговариваясь, не распределяя задачи, просто чувствуя ритм друг друга, передавая миски, подливая масло, переворачивая блины, подкидывая фразы, которые ложились в тишину как камни в воду, расходясь кругами, создавая атмосферу, которая не требовала анализа. Которая просто была, которая позволяла дышать, смеяться, ошибаться, исправлять, не боясь осуждения, не ожидая оценки, просто находя удовольствие в процессе, который обычно считается рутиной, а превращается в диалог, когда два человека решают не просто готовить, а создавать момент, который запомнится не вкусом, а ощущением, не результатом, а дорогой к нему. Дверь в кухню снова приоткрылась, но на этот раз не бесшумно, а с лёгким скрипом, который заставил обоих на мгновение обернуться. В проёме появились фигуры, которые обычно не заходили сюда без приглашения, без повода, без необходимости обсудить дела, но сейчас они стояли, застыв на пороге, глядя на сцену, которая не вписывалась в привычный порядок вещей. Кухня была местом для быстрых перекусов, для обсуждений за чашкой чёрного кофе, для молчаливого присутствия, а не для танцев, не для шуток, не для дуэта, который работал слаженнее, чем механизм часов, где каждое движение выверено, каждая реплика попадает в такт, каждый взгляд говорит больше, чем слова. Тимур стоял первым, в домашнем халате, кото-

рый сидел на нём как на вешалке, с кружкой в руке, из которой поднимался пар, и на его лице не было удивления, не было раздражения, только тихая, почти детская заинтересованность, словно он увидел что-то, что давно искал, но не знал, где найти. Фанси стоял рядом, опираясь на трость, которую обычно не использовал в помещении, но сейчас держал её как символ присутствия, как якорь, который не даёт улететь в воспоминания. В его глазах читалось то самое спокойное одобрение, которое не требует аплодисментов, которое просто констатирует факт, что здесь происходит что-то настоящее, почти волшебное, что-то живое, что-то, что нельзя подделать, нельзя сыграть, нельзя имитировать. Сократ вошёл последним, в свитере, который видел лучшие времена, но сидел на нём безупречно, как и всё, что он носил, и его взгляд скользнул по столу, по сковороде, по лицам, по рукам, которые работали в унисон. Он усмехнулся, негромко, но так, что улыбка достигла глаз, превращая их из холодных аналитических инструментов в тёплые, живые зеркала, которые отражают не расчёт, а радость. Раф не вошёл, он остался в коридоре, прислонившись к стене, тоже скрестив руки на груди, но в его позе не было отстранённости, только наблюдение, только фиксация момента, только тихое признание того, что иногда хаос нужно не упорядочивать, а позволять ему течь, находить своё русло, создавать новые формы, которые не ломают систему, а обогащают её.

Тимур сделал шаг вперёд, поставил кружку на стол, обвёл

взглядом стопку блинов, миску со сметаной, банку с вареньем, которую Яна уже успела открыть, и произнёс тихо, но так, что голос его разнёсся по кухне, не требуя внимания, а просто занимая своё место в пространстве:

- Я думал, здесь готовят только когда приезжает повар или когда нужно срочно утолить голод перед выездом, но оказывается, у нас открылся ресторан, о котором я не знал, и я требую объяснений, откуда взялась свежая сметана, молоко и яйца, потому что вчера в холодильнике был только кусок сыра, который смотрел на меня с таким укором, будто я забыл его день рождения.

Яна не смутилась, не начала оправдываться, не стала искать виноватых, она просто повернулась к нему, вытерла руки о полотенце, которое лежало на спинке стула, и ответила ровным, чётким голосом, в котором не было ни капли сомнения, только факт, только логика, только действие:

- Отец, я встала в пять, увидела, что запасы на нуле, разбудила дежурного охранника, который спал в будке, дала ему список, и объяснила где стоит ближайший открытый ларек, где торгуют молочной продукцией, который я заметила когда приезжала сюда. Затем я отправила его на машине, сказала вернуться через сорок минут, он вернулся через тридцать пять, привёз всё, что нужно, сложил в холодильник, отчитался, и теперь у нас есть завтрак, который не требует героических усилий, а требует только планирования и готовности делегировать, потому что если ждать, пока кто-то сам

догадается, мы будем есть сухари до весны, а весна ещё далеко, и сухари надоедают быстрее, чем снег за окном.

Тимур слушал, не перебивая, не задавая уточняющих вопросов, просто кивал, медленно, выверенно, и в его голове, привыкшей строить схемы, оценивать риски, просчитывать ходы, появилась новая галочка, не в блокноте, а в памяти, в том месте, где хранятся не факты, а впечатления, не отчёты, а выводы. Он понял, что эта девочка не просто видит нити, не просто интуитивно знает кодекс, не просто держит баланс, она ещё и хозяйственна, практична, умеет организовать процесс, не создавая хаоса. Умеет использовать ресурсы, не транжиря их, умеет ставить задачи, не ожидая, что их решат сами. И это сочетание аналитики и практики делало её не просто полезной, не просто умной, а по-настоящему незаменимой. Потому что идеи без реализации остаются идеями, а реализация без идеи превращается в рутину, а у неё было и то, и другое, в балансе, в гармонии, в том самом состоянии, которое не требует усилий для поддержания, которое просто есть, как дыхание, как шаг, как взгляд, который не отводится, когда нужно принять решение.

Фанси подошёл к столу, оперся на трость, посмотрел на блины, на сметану, на варенье, на руки, которые уже накрывали на стол, расставляли тарелки, вилки, чашки, и произнёс низким, бархатным голосом, в котором слышалась и старческая мудрость, и мальчишеская радость:

- В моё время блины пекли на масленицу, а не в январе, и

не на кухне, где пахнет оружейным маслом и коньяком, а в избах. Где стены помнят молитвы, а полы скрипят под ногами тех, кто пришёл не с проверкой, а с гостинцами. Сейчас я вижу, что традиции не умирают, они просто меняют форму. И если форма эта даёт тепло, даёт сытость, даёт повод собраться вместе, не для дела, не для разговора о территориях, а просто для того, чтобы посидеть, поесть, посмеяться, как семья, то значит, мир не так плох, как кажется, и значит, мы ещё не потеряли способность находить радость там, где другие видят только обязанности.

Сократ сел за стол, не дожидаясь приглашения, взял вилку, проткнул блин, скатал его в трубочку, обмакнул в сметану, отправил в рот, закрыл глаза и зажмурился от удовольствия на секунду, словно позволяя вкусу раскрыться, и когда открыл их, в них не было анализа, не было оценки, только тихое удовлетворение, и он сказал:

- Если бы все переговоры заканчивались так, как закончится этот завтрак, мы бы давно подписали мир во всём мире, но поскольку переговоры требуют слов, а завтрак требует молчания, предлагаю компромисс: мы едим, молчим, киваем, и считаем, что это и есть дипломатия высшего пилотажа, где главное не сказать лишнего, а не пропустить главное. А главное сейчас это тепло, это сытость, это присутствие, которое не требует доказательств, которое просто есть.

Раф вошёл наконец, негромко ступая по полу, сел на свободный стул, взял блин, не скатывая, не обмакивая, просто

откусил, пожевал, кивнул, и в его кивке было всё, что нужно было сказать, всё, что не требовало перевода, всё, что ложилось в пространство как камень в воду, расходясь кругами, создавая атмосферу, которая не давила, а обнимала, не требовала, а предлагала, не контролировала, а позволяла быть.

Яна разлила чай по чашкам, поставила перед каждым, села на своё место, которое приметила еще пару дней назад - между Тимуром и Фанси. И посмотрела на лица, которые обычно носили маски, которые обычно скрывали эмоции, которые обычно не позволяли себе расслабиться, а сейчас сидели за столом, пили чай, ели блины, улыбались, шутили, не боясь показаться смешными, не боясь потерять авторитет, не боясь нарушить иерархию. И в этот волшебный миг она поняла, что это не просто завтрак, это не просто еда, это не просто пауза в делах, это момент, когда можно выдохнуть, когда можно быть собой, когда можно не думать о последствиях, не ждать ударов, не готовиться к обороне, просто сидеть, просто пить, просто смотреть в окно, где снег лежит ровным слоем, где солнце поднимается выше, где мир кажется не таким страшным, не таким сложным, не таким непредсказуемым. И в этом моменте не было философии, не было глубоких мыслей, не было попыток найти смысл, была только простота, только радость, только присутствие тех, кто стал не просто союзниками, не просто соратниками, не просто покровителями, а семьёй, которую не выбирают по крови, а находят по ритму, по взгляду, по молчанию, по блину,

который не просто еда, а повод собраться вместе, не для дела, а для жизни.

Друг для друга.

После завтрака они вышли на веранду не сразу, а потому, что стало тесно в помещении, потому что захотелось воздуха, потому что солнце поднялось выше, залило двор морозным, но не злым светом, превратило снег в миллионы мелких зеркал, которые отражали небо, деревья, забор, лица, и Яна, стоя у перил, вдохнула полной грудью, почувствовала, как холод обжигает лёгкие, как ветер шевелит волосы, как тишина звенит в ушах, и вдруг, без предупреждения, без раздумий, без оценки последствий, наклонилась, зачерпнула горсть снега, скатала шар, который получился кривым, неровным, но плотным, и кинула его в Мишку, который стоял рядом, заложив руки в карманы, глядя на горизонт. Шар попал ему в плечо, разлетелся на мелкие куски, осыпал куртку белыми крошками. Он замер, не от удивления, не от раздражения, а от того самого момента, когда реальность сдвигается, когда правила меняются, когда игра начинается не по сценарию, а по импульсу. Мишка медленно повернул голову, посмотрев на Яну. В его глазах не было упрёка, не было вызова, только искра, только азарт, только тихое признание того, что вызов принят, что игра начата, что отступать некуда, да и незачем, когда впереди есть возможность почувствовать себя живым, не через риск, не через опасность, а через смех, через движение, через снег, который летит в лицо, ко-

торый тает на коже, который оставляет следы не на земле, а в памяти. Он крикнул, негромко, но так, что звук разнёсся по двору, отразился от стен, вернулся эхом, которое не пугало, а звало:

- Банзаааай!!

И ринулся в сторону сугроба, начал лепить шары, быстро, ловко, выверенно, как снайпер собирает винтовку, но вместо патронов у него был снег, вместо мишени лица друзей, вместо выстрела бросок, который не ранит, а веселит, который не убивает, а оживляет, который не разделяет, а объединяет, и он кинул первый шар в Яну, промахнулся, попал в перила, рассыпался, засмеялся, негромко, но так, что смех достиг ушей тех, кто стоял рядом.

Яна смеялась, уворачивалась, лепила новые шары, кидала в ответ, промахивалась, попадала, падала в снег, поднималась, отряхивалась, снова смеялась, снова кидала, снова уворачивалась, и в этом хаосе не было стратегии, не было тактики, не было плана, было только движение, только смех, только присутствие, которое не требует доказательств, которое просто есть, как дыхание. И сейчас нужно просто быть, просто смеяться, просто кидать снег, просто падать, просто подниматься, просто жить, не оглядываясь, не сомневаясь, не боясь, просто двигаясь в такт с ветром, с солнцем, с теми, кто рядом, кто не осуждает, кто не контролирует, кто не требует, кто просто играет, кто просто смеётся, кто просто **живёт**.

Фанси стоял у двери, опираясь на трость, глядя на эту сцену, и вдруг шар, который Мишка кинул в сторону Яны, пролетел мимо, попал ему в лоб, разлетелся на мелкие куски, осыпал лицо, куртку, трость. И он замер, не от боли, не от удивления, от того самого момента, когда реальность сдвигается, когда правила меняются, когда игра включает тех, кто думал, что он наблюдатель, а не участник. Он медленно поднял руку, стёр снег со лба, посмотрел на шар, который ещё лежал на снегу, посмотрел на Мишку, который застыл, ожидая реакции, посмотрел на Яну, которая смеялась, закрыв рот рукой, и вдруг рассмеялся сам, негромко, но так, что смех достиг ушей тех, кто стоял рядом. Он наклонился, зачерпнул горсть снега, скатал шар, который получился ровным, плотным, выверенным, и кинул его в Тимура, который стоял у перил, пил чай из термоса, глядя на горизонт, и шар попал ему в спину, разлетелся, осыпал куртку, и Тимур тоже замер. А затем медленно поставил термос на перила, наклонился, зачерпнул снег, скатал шар, который получился кривым, но плотным, и кинул его в Рафа, стоящего у стены, скрестив руки на груди, глядя на сцену с тихой улыбкой, и шар попал ему в грудь. Раф, как и все, не стал отстраняться, не стал прятаться, не стал осуждать, он просто включился в игру. Он начал лепить шары, быстро, ловко, выверенно, кидать в ответ, в Яну, в Мишку, в Фанси, в Тимура, в Сократа, который стоял в стороне, пил чай, глядя на сцену с тихой улыбкой, и шар попал ему в ногу. И Сократ тоже начал ле-

пить шары, быстро, ловко, выверенно, кидать в ответ, в Яну, в Мишку, в Фанси, в Тимура, в Рафа, и двор превратился в поле боя, где нет врагов, где нет победителей, где нет проигравших, где есть только движение, только смех.

Вскоре они вернулись на веранду запыхавшиеся, с красными от мороза щеками и мокрыми волосами. Снег таял на куртках, оставляя тёмные пятна, которые сразу начинали парить в тёплом воздухе застеклённой террасы. Яна смеялась, отряхивая перчатки, и этот смех был таким искренним, таким детским, что даже Раф, обычно невозмутимый, не смог скрыть улыбку.

Тимур поставил термос на стол и внимательно посмотрел на Яну. Её пижама промокла насквозь, ткань прилипла к спине, а носки были настолько мокрыми, что при каждом шаге слышалось характерное чавканье.

- Тебе нужно переодеться, малышка, - сказал он спокойно. - Сейчас поедем к тебе домой, возьмешь вещи, а потом махнём за город.

Яна кивнула, продолжая смеяться.

- Отличная идея. Только давайте побыстрее, а то я сейчас превращусь в сосульку. И скоро Рождество, давайте съездим за пряниками.

Мишка подошёл к окну, вытирая запотевшее стекло рукавом.

- Кстати, раз уж мы говорим о скорости, то я слышал, что в Туле самые лучшие пряники. Если поедем за ними, то только

туда.

- За пряниками так за пряниками, рассмеялся Раф. - Только предупреждаю сразу, если будем проезжать мимо Макдоналдса, я требую остановку.

Все рассмеялись потому что уже знали любовь двухметрового Рафа к бургерам Мака.

- Договорились. Собирайтесь, через пятнадцать минут выезжаем, - произнес Тимур.

***

Квартира встретила их привычной тишиной и запахом валерьянки, который, казалось, пропитал здесь каждую стену. Яна тихо открыла дверь, стараясь не скрипнуть, но было уже поздно.

- Где ты шляешься, - раздался голос бабушки из комнаты. - Тебя не было несколько дней, где ты ночевала? Ты вообще думаешь о ком-нибудь кроме себя?

Яна вздохнула и вошла в прихожую. Бабушка вышла из комнаты, опираясь на палку, и её лицо сразу исказилось недовольством.

- Опять в мокрой одежде, опять где-то шлялась. Тебе вообще можно доверять? Мама уехала, а ты...

- Бабушка, мне нужно просто взять вещи, - перебила её Яна спокойно. - Мы едем за город.

- Какие ещё поездки, - возмутилась бабушка. - Сначала объясни, где ты была всю ночь. С кем таскаешься? Кто это мы?

Она говорила всё громче, и слова становились всё обиднее. Яна молча прошла в свою комнату, открыла шкаф и начала складывать вещи в рюкзак. Свитера, джинсы, бельё, носки. Движения были отработанными, механическими.

- Ты меня слушаешь вообще, - кричала бабушка, следуя за ней. - Я для тебя всё делаю, а ты...

Яна застегнула рюкзак и повернулась. Её лицо было непроницаемым.

-Бабушка, я не просила тебя меня ждать. Вы же сами меня выгнали.

- Какая же ты неблагодарная, - голос бабушки дрогнул. - В кого ты такая пошла? В отца? В мать? Оба только о себе и думают. Улетели в свои заграницы, а я тут разгребай.

Яна ничего не ответила. Она просто надела куртку, взяла рюкзак и направилась к двери.

- Стой, - закричала бабушка. - Не пущу!! Отдай рюкзак!!

Она выхватила рюкзак из рук Яны и прижала его к груди.

- Пока не извинишься, ничего не получишь. Вся одежда куплена на деньги матери. Лично твоего здесь ничего нет. Поняла? Ничего.

Яна смотрела на неё спокойным, нечитаемым взглядом. В этом взгляде не было ни злости, ни обиды, ни страха. Только какая-то бесконечная усталость.

- Отдай, - сказала она тихо.

- Не отдам, - бабушка сделала шаг назад. - Подумай хорошенько о своём поведении. Без одежды никуда не пойдёшь.

Яна молча сняла куртку и повесила её на вешалку. Потом развернулась и пошла к двери.

- Ты куда?? - опомнилась бабушка. - Ты без куртки собралась? На улице минус двадцать.

Яна остановилась у двери, повернулась и посмотрела на неё. Этот взгляд был страшнее любых слов. В нём было всё: и понимание, и сожаление, и окончательное решение.

Она открыла дверь и вышла.

- Яна, вернись, сейчас же!!! - закричала бабушка, бросаясь за ней. - Ты с ума сошла?!

Она успела схватить Яну за рукав свитера и дёрнула на себя. Ткань не выдержала, и часть свитера осталась у неё в руках.

Яна стояла в тонкой футболке на морозной площадке, но даже не дрожала. Она просто смотрела на бабушку, и в её глазах было что-то такое, от чего у той похолодело внутри.

- Забирай, бабушка, - сунула ей свитер в руки.

Яна молча повернулась и пошла вниз по лестнице. В футболке.

- Ты совсем обезумела, - кричала бабушка с площадки. - Вернись немедленно. Ты же замёрзнешь!

Но Яна не обернулась. Она спустилась вниз и вышла на улицу.

***

У подъезда стояли две чёрные Toyota Land Cruiser Prado. Тимур, Мишка, Сократ и Раф вышли из машин, как только

увидели, что дверь подъезда открылась.

Яна бежала к ним в одной тонкой футболке, и пар вырывался из её рта маленькими облачками.

Сократ среагировал первым. Он мгновенно снял своё длинное пальто и набросил его на Яну, укутывая её как ребёнка.

- Что случилось? - Тимур уже шёл к ней, и лицо его было серьёзным.

- Ничего, - Яна пыталась улыбнуться, но зубы предательски стучали. - Просто... забыла куртку.

Мишка посмотрел на подъезд, потом на Яну, и в его глазах мелькнуло понимание.

- Пошли в машину, - он открыл переднюю дверь и помог ей сесть. - Сейчас согреемся.

Тимур подошёл к Сократу.

- Садись с ней, погрей. Мишка, поедешь со мной.

Они сели в машину, и Тимур сразу включил печку на полную.

- Поедем купим тебе куртку и одежду, - сказал он спокойно. - Надо было так сразу сделать.

Яна кивнула, прижимая к себе пальто Сократа, которое пахло табаком и чем-то ещё, неуловимым, но тёплым.

В этот момент из подъезда выбежала бабушка. Она вышла на крыльцо и закричала, размахивая руками.

-Бандиты!! Вы что творите? Забираете ребёнка!! Я в милицию позвоню!

Тимур даже не обернулся. Он завёл двигатель и медленно тронулся с места.

В зеркале заднего вида было видно, как бабушка продолжает кричать, как к ней подбегают соседки, как кто-то снимает шапку, пытаясь разглядеть, что происходит.

- Это надолго, - сказал Мишка, оглядываясь. - Теперь весь район будет знать.

- Пусть знают. - Тимур выехал на дорогу. - Главное, что Яна с нами. В тепле и безопасности.

***

Магазин «Кенгуру» находился в соседнем районе. Это был специализированный магазин детской и подростковой одежды, куда обычно ходили родители с детьми. Сегодня же сюда заехала совсем другая публика.

Четыре серьёзных мужчины и девочка-подросток вошли в магазин, и продавщицы сразу насторожились.

-Нам нужно всё, - сказал Тимур, обводя взглядом зал. - Зимняя куртка, ботинки, одежда. Дочке одиннадцать лет.

Продавщица, женщина лет сорока, с наманикюренными ногтями и причёской, которая явно требовала времени, посмотрела на Яну, потом на мужчин.

Мишка рассмеялся.

- Не переживайте, мы заплатим. Нам нужно быстро и качественно.

Продавщица пожала плечами и показала на отдел с зимней одеждой.

- Вот куртки. Вот ботинки.

Яна пошла к вешалкам, а Мишка и Сократ последовали за ней.

- Так, - начала Яна, перебирая куртки. - Мне нужно что-то тёплое, но не слишком громоздкое. И чтобы двигаться можно было.

- Вот эта, - Мишка снял с вешалки тёмно-синюю куртку с капюшоном. - Мембрана, непромокаемая. И лёгкая.

Яна примерила, повертелась перед зеркалом.

- Нормально. А ботинки?

Сократ уже держал пару зимних ботинок на толстой подошве.

- Вот. Не скользят, тёплые.

- Отлично.

Пока Яна переодевалась, Тимур и Раф разговаривали с продавщицей.

- Нам ещё нужно несколько комплектов одежды, - сказал Тимур. - Джинсы, свитера, бельё. Всё.

Продавщица начала собирать вещи, и вскоре у кассы выросла внушительная гора пакетов.

-С вас восемьсот двадцать тысяч, - сказала она, пробивая чек.

Тимур достал пачку денег, отсчитал нужную сумму и положил на прилавок.

-Сдачи не надо.

Продавщица удивлённо посмотрела на него, но промол-

чала.

Яна вышла из примерочной в новой куртке и ботинках, и сразу стало видно, как ей лучше.

- Ну как, - спросила она, крутясь перед зеркалом.

-Моя сестричка красотка, -Мишка подмигнул ей. - Теперь можно и в Тулу.

***

Макдоналдс на выезде из города был почти пуст. Несколько машин стояли на парковке, и внутри было тепло и уютно.

- Заказываю я, - заявила Яна, подходя к кассе. - Шесть больших МакКомбо с картошкой, и шесть мороженых.

- Ты уверена, что тебе столько нужно? - усмехнулся Мишка.

- Это на всех.

Мишка уже даже не удивился, что Яна подумала обо всех сразу.

Они сели за столик у окна, и Яна с наслаждением откусила бургер.

- Вкусно, - сказала она с набитым ртом.

- Ешь аккуратно, -рассмеялся Сократ. - Не торопись.

- А куда торопиться, - Яна пожала плечами. - Тула никуда не денется.

Тимур смотрел на неё и думал о том, как быстро эта девочка адаптируется. Утром она бегала по двору в пижаме, днём осталась без одежды из-за бабушки, а сейчас сидит в Макдоналдсе и смеётся, как ни в чём не бывало.

- Ты не замёрзла? - спросил он.

Яна покачала головой.

- Пальто Сократа спасло. И вообще, я быстро согреваюсь.

Мишка наклонился к ней.

- Слушай, а почему ты не кричала, не плакала? Когда бабушка...

Яна пожала плечами.

-А смысл? Кричать она всё равно бы не перестала. А плакать... Я уже давно не плачу из-за неё.

В её голосе не было жалости к себе, только констатация факта.

- Ты сильная, - сказал Раф тихо.

Яна посмотрела на него и улыбнулась.

-Просто я знаю, что есть вещи, которые нельзя изменить. Можно только пережить.

***

Дорога до Тулы заняла около трёх часов. Они ехали по трассе М2, и за окном мелькали заснеженные поля, редкие деревни, грузовики, спешащие по своим делам.

Яна сидела между Сократом и Мишкой, и они рассказывали ей разные истории. Мишка травил армейские байки, Сократ говорил о философии, и Яна слушала, смеялась, задавала вопросы.

- А правда, что снайперы могут убить человека с расстояния в два километра, - спросила она Мишку.

- Правда, - кивнул он. - Но это не главное. Главное не рас-

стояние, а терпение. Можно лежать сутки, ждать одного момента. И если ошибёшься, всё насмарку.

- Это как в шахматах, - задумалась Яна.

- Похоже, - согласился Сократ. - Только в шахматах можно начать заново. А в жизни...

- В жизни тоже можно, - перебила его Яна. - Просто нужно понять, где ошибся, и не повторять.

Тимур слушал их разговор из переднего сиденья и улыбался. Эта девочка действительно видела мир по-другому. Не через призму обиды или страха, а через понимание.

Тула встретила их вечерними огнями. Город был не таким большим, как Москва, но в нём было что-то своё, уютное.

- Пряники, - напомнила Яна. - Где их покупают?

- Спросим у местных, - сказал Тимур, сворачивая с трассы.

Они нашли небольшую пекарню в центре города, где пахло мёдом, корицей и свежевыпеченным тестом.

- Нам пряников, - сказал Мишка продавщице. - Самых лучших.

Продавщица, пожилая женщина с добрым лицом, улыбнулась.

- А какие вам? С начинкой или без?

Яна подошла к витрине, где лежали пряники разных форм и размеров.

- А какие самые вкусные? - спросила она.

- Все вкусные, - рассмеялась продавщица. - Но если для

души, то с варёной сгущёнкой. А если для подарка, то с орехами.

- Нам и для души, и для подарка, и просто перекусить, - сказал Тимур. - Упакуйте побольше разных.

Пока они выбирали пряники, Яна разговаривала с продавщицей:

- А вы давно здесь работаете?

- Давно, - кивнула женщина. - Лет тридцать уже. Муж мой эту пекарню открыл, а теперь я одна осталась.

- А где муж? - не поняла Яна.

- Помер, пять лет как. Но дело его живёт. И это главное.

В её голосе не было грусти, только тихая гордость.

Яна посмотрела на неё и вдруг поняла что-то очень важное. Сила не в том, чтобы не терять. Сила в том, чтобы продолжать жить после потерь.

- Мы возьмём все, что у вас есть, - сказала она вдруг.

Продавщица удивлённо посмотрела на неё.

- Да вы столько не съедите!

- Мы угостим всех своих, - улыбнулась Яна.

***

Обратно они ехали уже в темноте. В машине пахло пряниками, и Яна то и дело доставала их из пакетов, угощая всех.

-Попробуй, - она протянула Мишке пряник с варёной сгущёнкой. - Это бомба.

Мишка откусил, и его лицо расплылось в улыбке:

- Действительно вкусно.

- А этот с орехами, - Яна протянула Сократу. - Попробуй.

Сократ взял пряник, откусил маленький кусочек, словно дегустировал дорогое вино.

- Отлично. Тесто правильное, начинки в меру.

-Ты как эксперт, - рассмеялась Яна.

- Я люблю хорошую выпечку, - пожал плечами Сократ. - Это тоже искусство.

Тимур смотрел в зеркало заднего вида и видел, как Яна смеётся, как она делится пряниками, как её глаза блестят от удовольствия. И он думал о том, как много эта девочка уже изменила в их жизни.

Ещё неделю назад они были просто группой мужчин, связанных общими делами. А сейчас... Сейчас они были чем-то большим. Чем-то похожим на семью.

- Приедем, сразу чай с пряниками, - объявила Яна. - И будем рассказывать истории.

- Какие истории? - спросил Раф.

- Любые, - Яна пожала плечами. - Страшные, смешные, про жизнь. Главное, чтобы было интересно.

- Договорились, - сказал Мишка. - Я расскажу, как однажды три дня в болоте пролежал.

- Три дня?! - удивилась Яна. - И не сошёл с ума?

- Почему не сошёл? - рассмеялся Мишка. - Сошёл. Но потом обратно вернулся.

Все рассмеялись, и этот смех заполнил машину, сделал её уютной, домашней.

***

Когда они вернулись в особняк, было уже поздно. Часы показывали без десяти десять.

- Чай сам себя не заварит! - командовала Яна, сбрасывая куртку. - Все на кухню.

Фанси уже ждал их, сидя за столом с чашкой чая.

- Ну как, съездили? - спросил он у Тимура.

-Отлично, - Тимур снял пальто. - И пряников привезли.

Яна уже хлопотала у плиты, ставя чайник.

- Садитесь все, - командовала она. - Сейчас будет чай с пряниками и истории.

Они уселись за стол, и Яна начала разливать чай.

- Рассказывай, - она посмотрела на Мишку. - Про болото.

Мишка откусил пряник, запил чаем и начал рассказывать:

- Это было в Чечне, - начал он. - Наша группа должна была выйти на точку, но нарвались на засаду. Пришлось уходить в болото.

- И вы там три дня пролежали? - уточнила Яна.

- Три дня, - кивнул Мишка. - По горло в воде, комары кусают, холодно. Но главное не шевелиться. Иначе найдут.

- И как вы не замёрзли? - спросил Сократ.

- Движение, - сказал Мишка. - Постоянно шевелились, мышцы напрягали. И друг друга поддерживали. Если бы не команда, не выжили бы.

Яна слушала, не отрываясь. И в её глазах было не сочувствие, а понимание.

- Это как в жизни, - сказала она вдруг. - Когда плохо, нужно шевелиться. Не замирать. И держаться вместе.

Мишка посмотрел на неё и улыбнулся.

- Точно. Ты умная девочка.

- Я не умная, - Яна пожала плечами. - Я просто наблюдаю.

- А что ты ещё наблюдаешь, - спросил Тимур.

Яна задумалась, потом посмотрела на каждого из них.

- Я вижу, что вы сильные. Но не только физически. Внутри. Я вижу, что вы держитесь друг за друга. И это главное.

Фанси кивнул медленно:

- Правильно говоришь, девочка. Сила не в одиночестве. Сила в единстве.

- А ещё, - продолжила Яна, - я вижу, что вы хорошие люди. Несмотря на всё.

- Несмотря на что? - усмехнулся Раф.

- Ну, вы понимаете, - Яна махнула рукой. - На вашу работу. На то, что вы делаете.

- Мы делаем то, что должны, - сказал Тимур серьёзно. - И иногда это бывает сложно.

- Я знаю, - кивнула Яна. - Но вы всё равно хорошие.

Они замолчали, и в этой тишине было что-то важное. Что-то, что не требовало слов.

***

Ночь уже наступила, когда они наконец разошлись по комнатам. Яна стояла у окна в своей новой комнате и смотрела на звёзды.

За спиной тихо скрипнула дверь.

- Не спишь? - голос Тимура был тихим.

- Нет, отец. - Яна обернулась. - Думала.

-О чём? - Тимур подошёл и встал рядом.

- О разном, - Яна пожала плечами. - О бабушке. О вас. О жизни.

- И к каким выводам пришла?

Яна помолчала, потом посмотрела на него:

- Я поняла, что семья это не те, кто тебя родил. А те, кто рядом. Кто поддерживает. Кто не бросает.

Тимур кивнул медленно.

- Правильно.

- И ещё, - продолжила Яна, - я поняла, что нужно быть сильной. Не для того, чтобы никому не показывать слабость. А для того, чтобы помогать другим быть сильными.

Тимур посмотрел на неё, и в его глазах было что-то похожее на гордость.

- Ты действительно особенная, - сказал он тихо.

- Я не особенная, - Яна улыбнулась. - Я это просто я.

- И этого достаточно, - Тимур положил руку ей на плечо. - Более чем достаточно.

Они постояли молча, глядя на звёзды.

- Завтра, - сказал Тимур, - мы начнём обучать тебя. Не только теории. Практике.

Яна кивнула.

- Я готова.

- Я знаю, - Тимур улыбнулся. - Поэтому мы и начнём завтра.

Он вышел из комнаты, тихо закрыв дверь.

Яна осталась одна. Она подошла к окну, открыла его, и холодный воздух ворвался в комнату.

Звёзды горели ярко, и казалось, что они смотрят прямо на неё.

- Я здесь, - прошептала Яна. - И я готова.

Она закрыла окно, разделась и легла в кровать.

За окном выла метель, но в комнате было тепло и уютно.

Яна закрыла глаза и сразу уснула.

Ей снилось, как она бежит по снежному полю, и за ней бегут Тимур, Мишка, Сократ, Раф и Фанси. Они смеются, и этот смех разносится по всему полю.

А впереди, на горизонте, поднималась новая заря.

Глава 11

Глава 11. Искусство быть невидимой и смертельной
Читать под трек **«My time (Jess Bays Remix)» - Tyler Young, Hayley May, Jess Bays**

Утро пятого января началось с звука, который в обычном доме означал бы катастрофу, а в этом особняке стал сигналом к началу нового этапа жизни. Яна стояла посреди просторного зала, переоборудованного под тренировочное помещение, и чувствовала себя жирафом, забредшим в посудную лавку. Её тело, вытянувшееся за последний год так стремительно, что одежда всегда казалась на размер меньше, теперь требовало не просто ухода, а управления. Длинные ноги, тонкие руки и грация, которая пока ещё не успела окрепнуть, делали её мишенью для насмешек в школе, но не здесь. Здесь её неуклюжесть рассматривали как глину, из которой можно вылепить что-то совершенно иное.

Раф ходил вокруг неё медленными шагами, осматривая с разных сторон, словно скульптор, оценивающий пропорции будущего шедевра. Он остановился, скрестил руки на груди и кивнул.

- Твои конечности это твоё главное преимущество, - произнёс он своим низким, рокочущим голосом. - Но пока ты используешь их неправильно. Ты ходишь так, будто боишься наступить на собственные ноги. Тебе нужно научиться вла-

деть этим рычагом.

Яна посмотрела на свои кроссовки, которые теперь казались ей слишком маленькими, и вздохнула:

- Я просто не знаю, куда их девать. Вчера я случайно смахнула вазу с подоконника локтем. Бабушка бы меня убила.

Мишка, который сидел на скамье у стены, жующий яблоко, фыркнул:

- Бабушка бы тебя убила морально, а Раф убьёт физически, если ты не начнёшь слушать. Так что выбирай, Жираф, что тебе дороже.

Яна скривилась, но в уголках губ дрогнула улыбка:

- Если ты назовёшь меня Жирафом ещё раз, я использую что-то, чтобы отправить тебя в нокаут.

Мишка широко улыбнулся, демонстрируя ровные зубы:

- Ого, какая агрессия!! Мне нравится. Раф, записывай, ученица готова к бою. Правда, пока только на словах.

Но Раф не улыбнулся. Он молча достал из кармана резиновый мячик и бросил его Яне:

- Поймай.

Яна инстинктивно выставила руки, но мяч отскочил от её ладоней и упал на пол. Раф поднял его и бросил снова. На этот раз Яна сосредоточилась, следила за траекторией и поймала.

- Хорошо, - кивнул Раф. - Реакция есть. Но ты реагируешь руками. В реальной ситуации твои руки будут заняты, или ты будешь держать что-то важное, или просто не успеешь.

Твоё тело должно реагировать само..

Тимур вошёл в зал беззвучно, хотя пол был деревянным и поскрипывал. Он нес в руках небольшую коробку, которую поставил на стол в центре. Его лицо было серьёзным, но в глазах читалась та самая тихая поддержка, которая стала для Яны якорем.

- Сегодня мы начинаем с головы, - сказал Тимур, подходя ближе. - Тело можно натренировать за месяцы. Голову можно сломать за секунду. Страх это не враг. Страх это информация. Он говорит тебе, что ситуация опасна. Проблема не в страхе. Проблема в том, что ты позволяешь ему парализовать тебя.

Яна посмотрела на коробку:

- Что там?

- Открой, - предложил Тимур.

Яна шагнула вперёд, открыла крышку и отдёрнула руку. Внутри лежал огромный, мохнатый паук-птицеед. Он медленно перебирал лапами, глядя на неё своими маленькими чёрными глазками. Сердце Яны пропустило удар, а затем забилось так сильно, что ей показалось, звук слышен во всём доме. Холод пробежал по спине, ладони вспотели.

- Убери его, - прошептала она, отступая на шаг.

- Зачем? - спросил Тимур спокойно. - Он в коробке. Он не может тебя укусить. Почему ты отступила?

- Потому что он мерзкий, - выпалила Яна. - И страшный.

Тимур кивнул:

- Страх сработал. Ты увидела угрозу и отреагировала бегством. Это инстинкт. Но в нашей работе бегство часто означает смерть. Тебе нужно научиться смотреть на страх и не отводить взгляд. Тебе нужно научиться дышать, когда сердце колотится.

Он подошёл ближе и положил руку ей на плечо:

- Закрой глаза. Сделай вдох. Представь, что воздух это холодная вода, которая омывает твой мозг, смывает панику. Выдох. Почувствуй, как твои ноги стоят на полу. Они сильные. Они держат тебя. Ты здесь. Ты в безопасности. Паук в коробке. Ты контролируешь своё тело.

Яна закрыла глаза. Она слышала, как паук шуршит в коробке. Ей хотелось открыть глаза и убедиться, что он не выпрыгнул. Но она слышала голос Тимура. Вдох. Холодная вода. Выдох. Ноги на полу. Постепенно стук сердца начал замедляться. Дыхание выровнялось.

- Открой глаза, - скомандовал Тимур.

Яна открыла. Паук всё ещё был в коробке. Он не прыгал. Он просто сидел. И вдруг он показался ей не таким уж страшным. Просто большим насекомым.

- Видишь, - улыбнулся Тимур. - Страх остался, но он перестал управлять тобой. Ты стала управлять им. Это первый урок. Запомни это ощущение. Когда будет по-настоящему страшно, когда на тебя будут смотреть стволы автоматов или когда ты останешься одна в темноте, вспоминай этот момент. Ты дышишь. Ты стоишь. Ты решаешь.

Яна кивнула, чувствуя, как внутри что-то щёлкнуло. Она посмотрела на паука и даже улыбнулась:

- Ладно, паучок, ты победил в первом раунде. Но я запомнила.

Тимур закрыл коробку и убрал её.

- Отлично. Теперь переходи к Рафу. Он научит тебя, как использовать свои ноги, чтобы никто не хотел с тобой связываться.

Раф вывел Яну на центр мата. Он взял две мягкие лапы для ударов и надел их на руки.

- Смотри, - начал он, принимая стойку. - Обычно учат бить кулаками. Но кулак это маленькая площадь. Легко промахнуться. Легко сломать пальцы о лоб противника. У тебя длинные ноги. Нога это хлыст. Нога это копьё. Твоя задача не бить сильно. Твоя задача бить быстро и точно.

Он показал движение. Выпад ногой вперёд. Но не просто мах. Он объяснил механику. Опорная нога слегка сгибается. Бёдра поворачиваются. Колено поднимается. И затем резкий выпад вперёд, пяткой или подушечкой стопы.

- Это называется фронт-кик, или толкающий удар, - объяснил Раф. Ты не пытаешься пробить человека. Ты создаёшь дистанцию. Ты отталкиваешь его, ломаешь баланс. Представь, что ты хочешь закрыть дверь, которая открывается на тебя. Ты бьёшь в колено, в живот, в грудь.

Яна попробовала. Первый раз у неё получилось что-то среднее между ударом и падением. Раф поймал её за ногу.

- Не спеши, - сказал он. - Сила в скорости, а не в мышцах. Расслабь ногу. Подними колено. Выдох в момент удара. Ха!

Яна повторила. Ха! Нога вылетела вперёд. Лапа Рафа громко хлопнула.

- Хорошо, - кивнул Раф. - Теперь вращение. Ты не всегда стоишь лицом к врагу. Иногда он сбоку.

Он показал боковой удар с разворота. Это было сложнее. Нужно было отвести ногу назад, перенести вес, развернуть корпус и ударить пяткой.

- Попробуй, - кивнул Раф.

Яна замахнулась, потеряла равновесие и чуть не упала на Мишку, который стоял рядом с камерой (он решил снимать "обучение звезды").

- Эй, полегче, Жираф, - воскликнул Мишка, отскакивая. - Я ещё хочу иметь детей! Если ты попадёшь мне в пах, моё генеалогическое древо превратится в куст!

Яна грустно ему улыбнулась, прекрасно понимая, что у авторитетов быть детей не может быть априори, а Раф нахмурился. -Сосредоточься. Смотри на цель. Не на ноги. Не на пол. На точку, куда хочешь попасть. Тело пойдёт за взглядом.

Яна глубоко вдохнула. Она представила точку в воздухе. Развернулась. Подняла ногу. Удар.

Лапа хлопнула. Звук был громким. Раф отступил на шаг.

- Неплохо, -сказал он, и в его голосе прозвучало одобрение. - Ты высокая. Твоя нога длинная. Ты можешь достать

голову взрослого человека, стоя на месте. Это редкость. Запоминай это чувство. Ты не боксёр. Ты мушкетёр. Твоя шпага это нога. Держи дистанцию. Не подпускай близко. Если подошёл близко бей коленом. Если далеко бей пяткой.

Мишка подошёл ближе, потирая подбородок.

- Знаешь, Янка, у меня есть идея. Давай проверим, как это работает в бою. Я буду манекеном.

- Ты будешь манекеном, который потом будет ходить в туалет с трудом, - съязвила Яна, но в её глазах мелькнул азарт.

Раф кивнул:

- Давай. Мишань, надень защиту. Ян, цель живот. Не сильно. Просто коснись.

Мишка надел огромный защитный жилет, который делал его похожим на танк. Он встал в стойку, ухмыляясь:

- Давай, малышка. Попробуй пробить мою броню.

Яна сделала вдох. Она вспомнила слова Тимура. Страх это информация. Она не боялась Мишку. Она боялась опозориться. Но Раф прав. Нога это хлыст.

Она шагнула вперёд, развернула бёдра и нанесла удар. Пятка чётко вошла в центр жилета. Мишка отшатнулся и сел на пол.

- Ой, - сказал он, сидя на мате. - Я даже не понял как это произошло.

Раф помог ему встать.

- Видишь, - сказал он Яне. - Сила не в том, чтобы тол-

кать. Сила в том, чтобы попасть в момент, когда противник не ждёт. Ты сдвинула его центр тяжести. Он потерял баланс. В реальном бою он бы уже лежал.

Яна посмотрела на свою ногу. Она чувствовала лёгкую вибрацию в стопе, но не боль. Это реально работало.

- Отлично, - сказал Тимур, который наблюдал со стороны. - Теперь переходим к словам. Фанси ждёт тебя в библиотеке. Удары важны, но чаще всего война выигрывается до первого выстрела.

***

Библиотека в особняке была огромной. Стены от пола до потолка были заставлены книгами. Пахло старой бумагой, кожей и воском. Фанси сидел в глубоком кресле у камина. Перед ним стоял столик с двумя чашками чая и шахматной доской, на которой фигуры были расставлены в хаотичном порядке.

- Садись, девочка, - сказал он, указывая на кресло напротив. - Мы будем говорить.

Яна села. Она чувствовала себя немного неуютно в этом кресле, которое казалось созданным для людей другого размера и эпохи.

- Тимур говорит, ты умеешь драться ногами, - начал Фанси, разливая чай. - Это хорошо. Но ноги устают. Слова не устают. Слова могут убить, не касаясь. Слова могут заставить врага открыть ворота. Слова могут спасти тебе жизнь, когда пистолет приставлен к виску.

Он подвинул к ней шахматную доску:

- Видишь эту позицию? Белые в цугцванге. Любое движение ведёт к поражению. В жизни так же бывает очень часто. Ты оказываешься в ситуации, где любой шаг кажется неправильным. Как ты выбираешь?

Яна посмотрела на доску. Она не была шахматисткой, но она видела паттерны.

- Я не знаю правил, но я вижу, что белый король заперт. Ему нужно пространство.

Фанси улыбнулся.

- Правильно. Пространство. В переговорах пространство это время и информация. Твоя задача не выиграть сразу. Твоя задача выиграть время. Заставить противника говорить. Заставить его выдать информацию.

Он достал из кармана монету и положил на стол.

- Представь, что я торговец на рынке. Я хочу продать тебе гнилой товар по высокой цене. Ты хочешь купить хороший товар по низкой цене. Начинай.

Яна посмотрела на монету. Она представнила базар, шум, запахи. Она вспомнила, как папа торговался за машину. Он никогда не кричал. Он молчал.

- Дедушка Фанси, - начала она, меняя тон голоса, делая его чуть более низким и спокойным, - я видела, как ты продавал этот товар вчера. У тебя было три покупателя. Двое ушли. Один остался. Почему?

Фанси поднял бровь. Это был неожиданный ход. Он не

ожидал, что она начнёт с наблюдения. Он собирался давить авторитетом.

- Потому что товар хороший, - ответил он, но в голосе появилась нотка оправдания.

- Хороший товар не нуждается в крике, - продолжила Яна, глядя ему прямо в глаза. - Ты кричишь, потому что боишься, что я уйду. А я не уйду, если ты дашь мне честную цену. Потому что я знаю, что у тебя срок годности истекает завтра.

Фанси замер. Он посмотрел на неё с новым уважением. Это была не просто уловка. Это была психология. Она надавила на его страх потери. Она создала иллюзию, что знает больше, чем знает на самом деле.

- Хитрюга, - сказал он тихо с мимолетной улыбкой.

- Я не хитрая, - ответила Яна. - Я внимательная. Ты нервничаешь, когда говоришь о цене. Ты трогаешь монету. Ты отводишь взгляд влево. Ты лжёшь или скрываешь что-то.

Фанси рассмеялся, хлопнув в ладоши.

- Браво! Ты читаешь людей. Это дар. Но помни, не все лгут. Некоторые просто боятся. Если ты увидишь страх, не дави. Дай человеку лицо. Позволь ему сохранить достоинство. Тогда он отдаст тебе то, что ты хочешь, и будет благодарен.

Он переставил фигуру на доске. Белый король сделал шаг вперёд. Шах и мат через два хода.

- Запомни, - сказал Фанси серьёзно. - Победа не в том, чтобы уничтожить противника. Победа в том, чтобы он сам

отдал тебе то, что нужно, и подумал, что это была его идея. Это высший пилотаж. Мои ребята научат тебя взрывать мосты. Я же учу тебя строить их так, чтобы по ним ходили только твои люди.

***

Обед прошёл в весёлой атмосфере. Мишка рассказывал историю о том, как он однажды перепутал соль с сахаром в армейской столовой и весь взвод пил сладкий борщ три дня, пока повар не признался. Яна смеялась так, что у неё заболели рёбра.

После обеда пришёл черёд Сократа. Он ждал её в комнате с зеркалами. Комната была практически пустой, на одной из стен висело громадное зеркало.

- Встань здесь, - сказал Сократ, указывая на центр. - Закрой глаза.

Яна встала и закрыла глаза.

- Открой. Что ты видишь?

- Себя. Комнату. Дверь. Окно. Зеркало.

Сократ кивнул.

- Теперь закрой глаза и опиши мне комнату. Сколько книг на полке слева? Какого цвета занавески? Есть ли царапина на полу? Где стоит стул?

Яна открыла глаза и начала оглядываться. Она не запомнила. Она просто смотрела.

- Ты смотришь, но не видишь, - сказал Сократ. - Разведчик видит всё. Он запоминает детали. Потому что деталь это

ключ. Царапина на полу может сказать, что здесь недавно таскали тяжёлый груз. Пыль на книге скажет, что её давно не открывали.

Он подошёл к зеркалу.

- Твоя задача научиться быть невидимой. Не в смысле прозрачности. В смысле обыденности. Серый человек. Ты должна уметь войти в комнату и стать её частью. Не привлекать внимания. Не выделяться.

- Как? - спросила Яна. - Я же высокая.

- Высота это не проблема. Проблема в осанке. Проблема в взгляде. Если ты идёшь уверенно, но не вызывающе, если ты смотришь сквозь людей, а не на них, тебя не заметят. Ты станешь фоном.

Он начал обучать её ходьбе. Не крадучись. Просто идти так, чтобы шаги были тихими. Перекат с пятки на носок. Дыхание ровное. Плечи расслаблены.

- Иди, - скомандовал он.

Яна прошла через комнату. Сократ стоял с закрытыми глазами.

- Ты стукнула каблуком, - сказал он. - Ты напрягла шею. Ты боялась, что я тебя заметил.

Он повторил упражнение. Раз за разом. Яна училась контролировать своё тело. Она училась делать так, чтобы её присутствие не регистрировалось сознанием других людей. Это было как магия, но это была механика.

Когда она наконец прошла так тихо, что Сократ открыл

глаза только когда она коснулась его плеча, он улыбнулся.

- Теперь ты невидимка, - сказал он. - Но помни, невидимка должна быть готова стать видимой в любую секунду. Когда наступит момент, ты должна взорваться действием.

***

Вечером они собрались все вместе на веранде. Яна чувствовала усталость, но это была приятная усталость. Усталость от роста. Она чувствовала, что стала сильнее. Не только физически. Ментально.

Мишка сидел рядом, подбрасывая яблоко.

- Знаешь, Жираф, ты сегодня неплохо поработала. Даже Раф улыбнулся. А это значит, что конец света близко.

Яна рассмеялась. Раф не улыбнулся. Он просто не нахмурился. Это для него комплимент.

Тимур подошёл к перилам. Он смотрел на темнеющий двор. Его лицо было серьёзным.

- Ты справилась, - сказал он, не оборачиваясь. - Но это только начало. Завтра будет сложнее. Завтра к нам приедет человек, который научит тебя тому, что может спасти жизнь, когда слова и ноги не помогут.

- Кто это? - спросила Яна, чувствуя лёгкое беспокойство.

- Его зовут Вова Кабан, - ответил Тимур. - Он специалист по особым вопросам. Он научит тебя обращаться с огнём.

- С огнём? - переспросила Яна.

- С огнём, который создают люди, - кивнул Сократ. - С взрывчаткой. С гранатами. С минами. Ты должна знать, как

они работают. Не чтобы взрывать. Чтобы выживать. Чтобы обезвреживать. Чтобы понимать, где смерть, а где шанс.

Яна почувствовала, как внутри похолодело. Взрывчатка. Это было что-то из фильмов ужасов. Что-то, что не имеет ничего общего с ударами ногами или шахматами.

- Я не смогу, - прошептала она. - Это слишком опасно.

Мишка перестал подбрасывать яблоко. Он посмотрел на неё серьёзно.

- Слушай, Ян. Опасно не знание. Опасно незнание. Если ты увидишь странный предмет, ты должна знать, что делать. Если ты побежишь, ты можешь наступить на растяжку. Если ты тронешь, ты можешь сдетонировать. Кабан научит тебя видеть опасность до того, как она ударит.

Тимур повернулся к ней:

- Ты не обязана любить это. Ты обязана уметь это. Кабан приедет утром. Будь готова.

Наступила тишина. Яна смотрела на свои руки. Они казались ей такими маленькими и хрупкими. Но она вспомнила урок Тимура про паука. Страх это информация. Она боялась. Но она была готова узнать.

- Хорошо, отец, - сказала она тихо. - Я буду готова.

Мишка подмигнул ей.

- Вот это настрой. А то я уже думал, что ты попросишь Кабана научить тебя печь блины.

Яна улыбнулась.

- Если он умеет печь блины, то я действительно научусь у

него взрывчатку обезвреживать.

Все рассмеялись, но смех был коротким. Впереди была новая глава. Глава огня и металла. И, возможно, жизни. Если повезет.

***

Утро шестого января выдалось пасмурным. Снег перестал идти, но небо было тяжёлым, серым, низким. Яна вышла на крыльцо и увидела новый автомобиль. Это был не джип, не лимузин. Это был старый, грязный УАЗ, который выглядел так, будто проехал полмира по бездорожью. Из него вышел человек.

Он был очень высоким и невероятно широким. Плечи расходились в стороны, как у быка. Лицо было большим, скуластым, с маленькими глазами, которые смотрели на мир с холодной оценкой. На шее виднелся шрам, который уходил под воротник куртки. На руках были перчатки без пальцев.

- Это Вова Кабан, - сказал Тимур, выходя рядом с Яной. - Слушай его внимательно. Он не любит повторять.

Кабан подошёл к ним. Он не поздоровался. Он просто посмотрел на Яну. Его взгляд был тяжёлым, как бетонная плита.

- Ты высокая, - сказал он хриплым голосом. - Это плюс. Далеко видно. Это минус. Легко попасть.

Яна кивнула, не зная, что сказать.

Кабан полез в карман куртки и достал предмет. Он положил его на перила. Это была граната. Но не обычная. Она

была странной, с двумя кольцами.

- Видишь? - сказал Кабан. - Это Ф-1. Лимонка. Осколочная. Радиус поражения пятнадцать метров. Смертельно - двадцать пять.

Яна посмотрела на гранату. Она казалась маленькой и безобидной. Металлический шарик с чекой.

- Ты думаешь, она мёртвая, - сказал Кабан, читая её мысли. - Ты думаешь, раз она лежит, она безопасна. Ошибка. Взрывчатка не спит. Она ждёт.

Он взял гранату и начал разбирать её. Движения были медленными, точными.

- Запорное кольцо. Предохранительная скоба. Запал. Если выдернуть чеку, у тебя есть три секунды. Три секунды, чтобы бросить. Или три секунды, чтобы умереть.

Яна слушала, не отрываясь. Она чувствовала, как сердце начинает биться быстрее, но она дышала. Вдох. Выдох.

- Твоя задача, - продолжил Кабан, - не взрывать. Твоя задача понять механизм. Если ты видишь провод. Если ты видишь изоленту. Если ты видишь предмет, который не должен лежать здесь. Ты не трогаешь. Ты отмечаешь. Ты уходишь. Ты вызываешь сапёра. Или меня.

Он положил гранату обратно. Но потом он достал другой предмет. Маленький, чёрный, похожий на коробочку от спичек.

- А это сюрприз, - сказал он, и в его голосе прозвучала злая ирония. - Растяжка. Проволока тоньше волоса. Наступил -

бах. Сел на стул - бах. Открыл дверь - бах.

Яна посмотрела на коробочку.

- Как это обезвредить? - спросила она.

Кабан усмехнулся.

- Обезвредить? Никак. Если ты не знаешь схему, ты не лезешь. Единственный способ обезвредить растяжку это не наступить на неё. Видеть. Думать. Анализировать.

Он посмотрел на неё внимательно.

- Ты умная. Ты быстрая. Но здесь ум не поможет, если ты паникуешь. Я научу тебя видеть провода. Я научу тебя видеть ловушки. Но если ты ошибёшься один раз, второго раза не будет.

Яна кивнула. Она понимала. Это не было игрой. Это было либо жизнь либо смерть.

- Я готова, - сказала она.

Кабан кивнул.

- Тогда пошли в сарай. Там у нас полигон. Начнём с проводов.

Он развернулся и пошёл к сараю. Яна посмотрела на Тимура. Он кивнул ей, подбадривая.

- Иди, - сказал он. - Кабан лучший. Если он тебя обучит, ты будешь видеть опасность за километр.

Яна пошла за Кабаном. Её ноги были тяжёлыми, но она шла уверенно. Она вспоминала уроки Тимура про страх. Уроки Фанси про слова. Уроки Рафа про ноги. Уроки Сократа про невидимость. Теперь добавлялся Кабан и огонь.

Она входила в новую роль. Роль хранителя. Роль того, кто выживет. И она знала, что это только начало. Впереди было много всего. И она была готова.

В сарае пахло порохом и маслом. На стенах висели схемы, карты, чертежи. Кабан включил свет. Лампа мигнула и загорелась тусклым жёлтым светом.

- Садись, - скомандовал он. - Сегодня мы учимся видеть то, что скрыто.

Яна села на табурет. Кабан достал моток проволоки и начал плести ловушку. Его пальцы двигались быстро, ловко.

- Смотри, - сказал он. - Провод идёт от источника к детонатору. Если ты видишь провод, иди в обратную сторону. Не перерезай. Никогда не перерезай, если не знаешь схему. Может быть двойная защита. Разрежешь один - бах. Разрежешь второй - бах.

Яна смотрела. Она запоминала каждый узел, каждый поворот. Она чувствовала, как её мозг работает на полную мощность. Она впитывала информацию, как губка.

- А если нет провода? - спросила она. - Если ловушка нажимная?

Кабан довольно улыбнулся. Лучший ученик этот тот ученик, который задает правильные вопросы. Вовремя.

- Тогда смотри под ноги. Смотри, где пыль сдвинута. Смотри, где трава примята. Земля помнит всё.

Он закончил плести и показал ей готовую конструкцию.

- Это учебная, - сказал он. - Без взрывчатки. Но механизм

рабочий. Попробуй найти провод.

Яна встала и начала осматривать ловушку. Она искала глазами. Провод был тонкий, замаскированный под ветку. Но она нашла его. Она проследила его путь до детонатора.

- Вот, - сказала она, указывая пальцем.

Кабан кивнул.

- Верно. Ты видишь. Это хорошо. Но видеть мало. Нужно не трогать.

Он разобрал ловушку.

- Завтра, - сказал он, - мы пойдём в лес. Я расставлю настоящие ловушки. Ты должна пройти через лес, не задев ни одной. Если заденешь получишь сигнальную ракету в лицо. Будет больно. Будет обидно. Но будешь жива.

Яна кивнула. Она не боялась боли. Она боялась подвести.

- Я пройду, - сказала она.

Кабан посмотрел на неё долгим взглядом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

- Посмотрим, - сказал он. - А теперь марш на обед. Мишаня, наверное, уже съел всё мясо.

Яна улыбнулась. Мишка действительно мог съесть всё.

Она вышла из сарая. Солнце наконец пробилось сквозь тучи, осветив снег ярким белым светом. Яна вдохнула полной грудью. Воздух был холодным, чистым.

Она шла к дому, и её шаги были тихими, незаметными. Она была невидимкой. Она была воином. Она была Яной.

И в этот момент она поняла главное. Обучение это не про

насилие. Обучение это про контроль. Контроль над собой. Контроль над ситуацией. Контроль над страхом.

Она открыла дверь в дом. Запах еды встретил её. Мишка сидел за столом с тарелкой пельменей.

- О, Жираф вернулась, - воскликнул он с набитым ртом. - Кабан тебя не взорвал?

- Пока нет, - улыбнулась Яна. - Но завтра я буду бегать по лесу, как лань.

Мишка рассмеялся.

- Лань? Ты скорее страус. Но ладно, я верю в тебя. Садись, ешь. Тебе нужны силы. Завтра будет жарко.

Яна села за стол, взяла вилку и посмотрела на друзей с улыбкой. На Тимура, который по-отечески присматривал за ней. На Фанси, который читал газету, скрыто наблюдая за всеми. На Сократа, который просто улыбался, попивая кофе, погруженный в свои мысли. На Рафа, который сосредоточенно точил нож.

Она была дома. Она была в безопасности. Но она знала, что безопасность это иллюзия. Безопасность это то, что ты создаёшь сам. Своими руками. Своим умом. Своим духом.

И она создавала её. Каждый день. С каждым уроком. С каждым шагом.

Завтра будет лес. Завтра будут ловушки. Завтра будет проверка.

Но сегодня она ела пельмени и смеялась с друзьями. И этого было достаточно.

Потому что жизнь это не только война. Жизнь это ещё и пельмени. Искреннмй смех. Верные друзья. Семья.

И Яна знала, что она готова ко всему. К лесу. К ловушкам. К огню. К взрывам.

Она была готова жить. И защищать эту жизнь.

День почти закончился, но путь Яны только начинался. Впереди ждал лес. Впереди ждал Кабан. Впереди ждала настоящая проверка.

И она не собиралась отступать. Она шла вперёд. К новой силе. К новому знанию. К новой себе.

Глава 12

Глава 12. Искусство выживания

Читать под трек **«Hard Rave» - Infraction Music**

Седьмое января выдалось морозным и ясным. Солнце висело низко над горизонтом, окрашивая снег в розовато-золотистые тона, а воздух был таким чистым и прозрачным, что казалось, можно разглядеть каждую веточку на деревьях за километр. Яна стояла у крыльца особняка в новой экипировке, которую купили накануне: тёмно-зелёная куртка с мембраной, утеплённые брюки, высокие ботинки на толстой подошве и перчатки с открытыми пальцами для лучшей чувствительности. На голове была шапка-ушанка, которая делала её похожей на юного разведчика из военного фильма.

Кабан уже ждал у края леса. Он стоял неподвижно, словно часть пейзажа, в своей старой камуфляжной куртке, с рюкзаком за плечами. Рядом с ним лежал металлический ящик, который Яна видела вчера в сарае. В нём хранились учебные мины и детонаторы.

- Ну что, Жираф, готова к прогулке? - раздался голос Мишки за спиной. Он стоял на крыльце с чашкой горячего чая в руках, укутанный в огромный пуховик, который делал его похожим на медведя.

Яна обернулась и улыбнулась.

- Готова. Только если заблужусь, пришли поисковую груп-

пу. И захвати с собой вкусняшки.

Мишка рассмеялся.

- Договорились. Но учти, Кабан не из тех, кто ждёт отстающих. Если застрянешь в сугробе, это твои проблемы.

Кабан не оборачивался. Он просто стоял и ждал. Его терпение было безграничным, как и его знание леса.

Яна глубоко вдохнула и пошла к краю леса. С каждым шагом снег хрустел под ботинками всё громче. Она старалась ступать тише, перекатываясь с пятки на носок, как учил Сократ, но снег был глубоким и рыхлым.

- Иди сюда, - скомандовал Кабан, когда она приблизилась. Его голос был тихим, но чётким.

Яна подошла. Кабан открыл ящик и достал оттуда небольшой прибор, похожий на металлоискатель, но более компактный.

- Это миноискатель, - сказал он, протягивая ей прибор. - Не полагайся только на технику. Батарейки быстро садятся. Прибор может сломаться. Твои глаза и уши надёжнее.

Он показал, как держать прибор. Не слишком высоко, не слишком низко. Медленно водить из стороны в сторону, на высоте пяти сантиметров от земли.

- Сегодня твоя задача, - продолжал Кабан, - пройти через лес до старого охотничьего домика. Расстояние три километра. Я расставил на пути десять учебных мин и пять растяжек. Твоя задача найти их все, обезвредить или обойти. Если наступишь на мину, получишь сигнальную ракету в ногу. Бу-

дет больно, но не смертельно. Наверное. В любом случае, ты знаешь на что идешь и можешь прямо сейчас отказаться.

Яна кивнула, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Она боялась. Не боли. А того, что не справится. Что подведёт близких.

- А если я не найду мину? - спросила она тихо.

- Тогда ты мёртвая, - ответил Кабан без эмоций. - В реальном бою ошибки не прощают. Здесь я даю тебе шанс ошибиться и выжить. Запомни этот страх. Он сохранит тебе жизнь.

Он достал из кармана карту и компас.

- Вот карта леса. На ней отмечены ориентиры. Старый дуб, пересохший ручей, поваленная берёза. Иди по ним. Не спеши. Смотри под ноги. Смотри по сторонам.

Яна взяла карту. Бумага была старой, потрёпанной, с пометками карандашом. Она свернула её и убрала во внутренний карман куртки.

- Можно я уже пойду? - спросила она.

- Шуруй, - кивнул Кабан. - И помни: если сомневаешься, остановись. Подумай. Лучше потерять десять минут, чем ногу.

Яна развернулась и вошла в лес.

Первые сто метров прошла спокойно. Снег лежал ровным слоем, деревья стояли редко, солнце пробивалось сквозь ветви. Яна шла медленно, опустив голову, внимательно глядя под ноги. Она вспоминала слова Кабана про сдвинутую

пыль, про примятую траву. Здесь была зима, но принципы те же: снег помнит всё.

Вот первый след. Небольшое углубление в снегу, размером с кулак. Яна остановилась. Она наклонилась, рассмотрела след внимательнее. Снег вокруг был нетронутым, а здесь будто кто-то копал.

Она достала миноискатель из рюкзака, включила его. Прибор тихо зажужжал. Яна начала водить им над следом. На высоте десяти сантиметров прибор молчал. Она опустила ниже. Пять сантиметров. Три.

Прибор издал тихий писк.

Яна замерла. Она отложила миноискатель в сторону и начала осматривать место вокруг. Веточка, слегка примятая. Снег, который лежит не так, как везде. И тонкая, почти невидимая проволока, идущая от углубления к стволу дерева.

- Растяжка.. - прошептала она.

Яна отступила на шаг, достала из кармана блокнот и карандаш. Она зарисовала место, отметила координаты по компасу, записала время. Кабан учил: фиксируй всё. Память ненадёжна. Бумага помнит.

Она обошла растяжку стороной, оставляя запас в два метра. Кабан говорил: радиус поражения осколочной мины пятнадцать метров. Но это учебная. Всё равно лучше перестраховаться.

Яна пошла дальше. Лес становился гуще. Деревья стояли ближе друг к другу, снег лежал глубже. Идти было труднее.

Ноги проваливались, дыхание сбивалось.

Вот второй ориентир: старый дуб. Огромное дерево с раскидистыми ветвями, которые помнили, наверное, ещё прошлый век. Ствол был покрыт старым мхом, кора потрескалась от времени.

Яна подошла ближе. Вокруг дуба снег лежал странно. Будто кто-то ходил кругами. Она включила миноискатель.

Прибор запищал сразу. Не один раз. Несколько сигналов, один за другим.

Яна отступила. Она начала осматривать территорию шире. И увидела: вокруг дуба, на расстоянии трёх метров от ствола, лежали небольшие бугорки снега. Пять бугорков. По кругу.

«Минное поле, - поняла она».

Яна села на снег, достала карту. По карте выходило, что дуб находится на пути к домику. Обходить придётся далеко, через овраг. Это потеряет минимум час.

Но Кабан учил: безопасность важнее скорости.

Яна встала и пошла в сторону оврага. Спуск был крутым, снег рыхлым. Она скользила, падала, поднималась. Куртка промокла от снега, но ей было не до этого. Она думала о минах. О растяжках. О том, как их найти.

На дне оврага тек ручей. Небольшой, узкий, но вода в нём не замёрзла полностью. Тонкий лёд покрывал поверхность, а под ним темнела вода.

Яна остановилась у берега. Переходить или идти вдоль?

Она посмотрела на лёд. Он казался тонким, ненадёжным.

Вдруг она увидела: на другом берегу, у самого края воды, лежит что-то тёмное. Предмет размером с кулак.

Яна достала бинокль из рюкзака. Кабан дал его утром. Рассматривай всё издалека, сказал он. Не подходи, пока не убедишься.

Через бинокль предмет стал чётче. Это была коробка. Металлическая, с проводами.

«Ловушка, - поняла Яна». Кто-то оставил её у воды, надеясь, что путник подойдёт ближе, чтобы перейти ручей.

Она обошла ручей вдоль, держась подальше от берега. Через двести метров нашлась узкая переправа: упавшее дерево, которое лежало поперёк ручья, создавая естественный мост.

Яна осторожно ступила на ствол. Дерево было скользким от льда. Она шла медленно, расставив руки для равновесия. Середина. Ещё шаг. Другой берег.

Она спрыгнула на снег и выдохнула с облегчением.

Но радоваться было рано. Впереди ждала ещё половина пути. И Кабан сказал, что расставил десять мин. Она нашла пока две. Осталось восемь.

Лес становился всё гуще. Деревья стояли так близко, что между ними с трудом можно было протиснуться. Снег лежал глубже, доходил до колен. Идти было очень тяжело. Она реально очень устала. С непривычки весь путь дался ей тяжело.

Вот третий ориентир: поваленная берёза. Огромное дерево лежало поперёк тропы, корни вывернуты из земли, слов-

но гигантские пальцы.

Яна остановилась. Она осмотрела берёзу. Ствол толстый, покрыт мхом. Ветки сломаны. Но что-то было не так.

Она включила миноискатель. Прибор молчал. Яна подошла ближе.

И увидела: под корнями, в яме, которую образовало дерево, когда упало, что-то блестит. Металл.

Яна легла на снег, подползла ближе. Через бинокль она рассмотрела: это была не мина. Это был капкан. Охотничий, старый, с ржавыми зубьями. Но рядом с ним лежала небольшая коробка с проводами.

«Взрывчатка, - поняла Яна». Кто-то установил капкан как приманку. Животное или человек попадает в капкан, начинает дёргаться, задевает провод, происходит взрыв.

Она зарисовала ловушку, отметила координаты. Обошла стороной, оставляя запас в пять метров.

Когда она отошла достаточно далеко, то остановилась передохнуть. Дыхание сбивалось, ноги дрожали от усталости. Она села на пенёк, достала из рюкзака термос и бутерброд.

Горячий чай согрел изнутри. Яна закрыла глаза на минуту, пытаясь успокоить дыхание.

Вдруг она услышала звук. Тихий, едва различимый. Хруст снега.

Яна открыла глаза, замерла. Она прислушалась. Звук повторился. Кто-то шёл. Не по её следу. Параллельно, метрах в пятидесяти.

Она достала бинокль, начала осматривать лес. Между деревьями мелькнула тень. Фигура в тёмной одежде.

«Кто это? - подумала Яна». Кабан сказал, что пойдёт другим путём. Мишка остался дома. Тимур тоже.

Фигура приблизилась. Яна рассмотрела лучше: мужчина, среднего роста, в камуфляже, с рюкзаком. Он шёл быстро, уверенно, словно знал дорогу.

Яна спряталась за дерево, затаив дыхание. Она не знала, друг это или враг. В лесу нельзя доверять никому.

Мужчина прошёл мимо, вроде бы не заметив её. Он направился к поваленной берёзе, к той самой ловушке, которую Яна только что обошла.

«Не подходи! - хотела крикнуть Яна». Но вовремя промолчала. Если это враг, он сам виноват. Если друг, он должен быть осторожен.

Мужчина подошёл к берёзе. Остановился. Осмотрелся. И вдруг он наклонился, достал из кармана нож, начал что-то копать в снегу.

Он нашёл ловушку, поняла Яна. И теперь он её обезвреживает.

Она наблюдала, затаив дыхание. Мужчина работал быстро, точно. Он перерезал провод, достал коробку с взрывчаткой, отложил в сторону. Потом снял капкан.

«Профессионал, - решила Яна. - Не любитель».

Мужчина закончил, встал, огляделся. И вдруг он посмотрел прямо на дерево, за которым пряталась Яна.

- Выходи, - сказал он громко. - Я знаю, что ты там.

Яна замерла. Откуда он знает?

- Не заставляй меня искать тебя, - продолжил мужчина. - Я найду. И тогда будет хуже.

Яна медленно вышла из-за дерева. Она держала руки на виду, чтобы он видел: она не опасна.

Мужчина осмотрел её с головы до ног. Он улыбнулся.

- А, так ты та самая девочка, о которой все говорят, - сказал он. - Яна.

- Откуда вы знаете моё имя, - спросила Яна тихо.

- Меня зовут Виталий, - сказал мужчина. - Я друг Кабана. Он попросил меня проверить тебя. Посмотреть, как ты справишься.

Яна нахмурилась. Проверить? Кабан не говорил, что будет проверка.

- Зачем, - спросила она.

- Затем, что в реальном бою ты будешь одна, - сказал Виталий. - Никто не предупредит о ловушках. Никто не пойдёт рядом. Ты должна научиться доверять себе. И не доверять другим.

Он подошёл ближе.

- Ты прошла половину пути. Нашла две мины, одну растяжку, один капкан. Это хорошо. Но впереди сложнее. И я добавлю свои ловушки.

Яна почувствовала, как сердце забилось быстрее. Дополнительные ловушки?

- Не бойся, - улыбнулся Виталий. - Они учебные. Но если попадёшься, будет больно. Кабан разрешил мне использовать сигнальные ракеты.

Он повернулся и пошёл вглубь леса.

- Удачи, девочка. Увидимся на финише.

Яна осталась одна. Она смотрела ему вслед, пытаясь успокоить дыхание. Дополнительные ловушки. Это усложняло всё.

Но она не могла отступить. Кабан ждал её на финише. Тимур верил в неё. И она сама хотела доказать, что сможет.

Яна глубоко вдохнула, поправила рюкзак и пошла дальше.

Лес становился всё темнее. Солнце клонилось к закату, тени удлинялись. Идти становилось труднее: снег глубже, деревья еще гуще.

Вот четвёртый ориентир: камень. Огромный валун лежал посреди поляны, немного припорошенный снегом.

Яна остановилась на краю поляны. Она осмотрелась. Поляна была открытой, без деревьев. Идти по открытому пространству опасно. Но обходить далеко.

Она включила миноискатель, начала сканировать край поляны. Прибор молчал.

Яна сделала шаг. Снег хрустнул громко. Она замерла, прислушалась. Тишина.

Ещё шаг. Ещё.

Вдруг она увидела: в снегу, метрах в десяти впереди, что-то блестит. Металл.

Яна легла на снег, поползла вперёд. Через бинокль она рассмотрела: это была не мина. Это была проволока. Тонкая, почти невидимая, натянутая между двумя деревьями на высоте колена.

«Растяжка опять, - поняла Яна».

Но что-то было не так. Проволока лежала на снегу, не натянута. Будто кто-то её перерезал.

«Ловушка для ловушки, - догадалась Яна». Виталий сказал, что добавит свои ловушки. Это одна из них. Она выглядит как обезвреженная растяжка, но на самом деле под ней может быть мина. Или вторая проволока, которая сработает, если подойти ближе.

Яна отползла назад, начала осматривать территорию шире. И увидела: в трёх метрах слева, под снегом, что-то темнеет.

Она подползла ближе, аккуратно сдула снег. Под ним оказалась коробка. Металлическая, с проводами.

«Мина, - поняла Яна. Та самая, которую маскировала фальшивая растяжка».

Она зарисовала место, отметила координаты. Обошла стороной, оставляя хороший запас.

Когда она отошла, то остановилась передохнуть. Дыхание сбивалось, ноги дрожали. Она села на снег, достала термос.

Чай был уже почти холодным, но всё равно согрел. Яна закрыла глаза на минуту.

Вдруг она услышала звук. Щелчок.

Яна открыла глаза, замерла. Звук повторился. Механический, ритмичный.

Она огляделась. И увидела: на ветке дерева, метрах в пяти над землёй, что-то висит. Камера.

«Так нас снимают.. - поняла Яна». Кабан или Виталий установили камеру, чтобы записывать её действия.

Она посмотрела на камеру, помахала рукой. Пусть знают, что она заметила.

Потом встала и пошла дальше.

Солнце почти село. Оставался последний километр до домика. Но Яна знала: Кабан не был бы Кабаном, если бы не оставил самое сложное на конец.

Лес стал реже. Деревья стояли дальше друг от друга. И вот она увидела: впереди, на поляне, стоит домик. Небольшой, деревянный, с покосившейся крышей. Из трубы шёл дым.

Кабан ждёт её, поняла Яна.

Но до домика было ещё метров двести. И эти двести метров были самыми опасными.

Яна остановилась на краю поляны. Она включила миноискатель, начала сканировать.

Прибор запищал сразу. Не один раз. Много раз.

Яна отступила. Она достала бинокль, начала осматривать поляну.

И увидела: по всей поляне, на расстоянии метра друг от друга, лежали небольшие бугорки снега. Десятки бугорков.

«Минное поле, - поняла Яна. - Настоящее минное поле».

«И не факт, что учебное.. - добавила она, слегла передернув плечами».

Но как пройти? Обходить нельзя: Кабан сказал, что финиш именно там.

Она села на снег, достала карту. По карте выходило, что через поляну идёт старая тропа. Но тропы не было видно: снег всё скрыл.

Яна начала думать. Кабан учил: ищи закономерности. Природа подсказывает.

Она посмотрела на деревья. И увидела: с одной стороны поляны деревья стояли чаще, с другой реже. И между ними было пространство, где деревьев не было вообще.

«Старая тропа, - догадалась Яна». Там, где росли деревья, тропы не было. А где деревьев не было, там ходили люди.

Но как найти точный путь? Мины могли быть везде.

Яна встала, начала идти медленно, постоянно сканируя землю миноискателем. Шаг. Сканирование. Писк. Обход. Шаг. Сканирование. Писк. Обход.

Вдруг прибор замолчал. Яна остановилась. Она огляделась. Вокруг, в метре слева и справа, прибор пищал. А прямо перед ней молчал.

«Тропа, - поняла Яна». Узкая тропа, шириной в сантиметров тридцать или сорок, где мин не было.

Она пошла по этой тропе. Шаг за шагом. Миновала первый ряд мин. Второй. Третий.

Осталось метров пятьдесят до домика.

Вдруг она увидела: на тропе, в десяти метрах впереди, что-то лежит. Предмет.

Яна остановилась. Она достала бинокль, рассмотрела.

Это был рюкзак. Старый, потрёпанный, лежит посреди тропы.

«Ловушка, - поняла Яна. Никто не оставит рюкзак просто так».

Она обошла рюкзак стороной, оставляя запас, прежде просканировав снег куда наступала. И внезапно увидела: под рюкзаком что-то темнеет. Провод.

Растяжка, подключённая к рюкзаку. Если поднять рюкзак, произойдёт взрыв.

Яна зарисовала место, пошла дальше.

Осталось метров двенадцать или меньше. Домик был уже близко. Яна видела, как из трубы идёт дым, как в окне мелькают тени.

Вдруг она услышала голос.

- Почти дошла, - раздался голос Кабана. - Осталось десять метров.

Яна остановилась. Она огляделась. Десять метров до домика. Но где мина?

Она включила миноискатель. Прибор молчал.

Яна сделала шаг. Ещё шаг.

Вдруг она увидела: в снегу, прямо перед домиком, что-то блестит. Тонкая проволока, натянутая на высоте лодыжки.

«Последняя растяжка, - поняла Яна».

Она перешагнула через проволоку, сделала ещё шаг.

И оказалась у домика.

Дверь открылась. Вышел Кабан. За ним Виталий. И Тимур.

- Ты прошла, - сказал Кабан. Его лицо было бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

Яна выдохнула. Она вдруг поняла, что дрожала. Не от холода. От напряжения.

- Сколько мин я нашла? - спросила она.

- Все десять, - сказал Кабан. - Пять растяжек. Один капкан. Все нашла. Все обошла. Ни на одну не наступила.

- А дополнительные ловушки Виталия? - спросила Яна.

- Тоже нашла, - улыбнулся Виталий. - Молодец. Не все бы справились с первого раза. Да еще и в одиннадцать лет.

Тимур подошёл ближе, положил руку ей на плечо.

- Я горжусь тобой, дочка, - сказал он тихо.

Яна улыбнулась. Вдруг она почувствовала, как ноги подкашиваются. Усталость нахлынула волной.

Кабан заметил это.

- Иди в дом, - сказал он. - Там горячий чай. Отдохнёшь.

Яна вошла в домик. Внутри было тепло, пахло дымом и травами. На столе стоял чайник, чашки, бутерброды.

Она села на лавку, закрыла глаза.

Вечером, когда стемнело, они сидели все вместе у камина. Кабан, Виталий, Тимур, Мишка, который приехал забрать Яну, и сама Яна.

- Расскажи, что было самым трудным? - спросил Мишка.

Яна подумала.

- Не мины, - сказала она. - И не ловушки. А неуверенность. Когда не знаешь, где опасность, а где нет. Когда каждый шаг может быть последним.

Кабан кивнул.

- Это и есть страх. Не перед смертью. А перед неизвестностью. Ты научилась с ним жить. Не побеждать. Жить. Это главное.

- А что дальше? - спросила Яна.

- Дальше будет сложнее, - сказал Кабан. - Сегодня ты искала мины, которые я расставил. Завтра ты будешь искать мины, которые расставил враг. А он не будет жалеть.

Яна почувствовала, как внутри похолодело. Но она не испугалась. Она была готова.

- Я справлюсь, - сказала она тихо.

- Я знаю, - улыбнулся Кабан. - Поэтому я продолжу обучение.

Они просидели у камина до поздней ночи. Говорили о разном. Кабан рассказывал истории из своей практики. Виталий травил армейские байки. Мишка смеялся и подкалывал всех подряд.

Яна слушала, улыбалась, чувствовала, как усталость уходит, сменяется теплом. Теплом не только от камина. Теплом от того, что она не одна. Что у неё есть семья.

Когда они вернулись в особняк, было уже далеко за пол-

ночь. Яна зашла в свою комнату, разделась, легла в кровать.

Она закрыла глаза и сразу уснула.

Ей снился лес. Снег. Мины. Растяжки. И она идёт по тропе, осторожно, внимательно. И в конце тропы стоит домик. А в домике ждут её друзья.

И она знает: она справится. Всегда справится.

Потому что она Яна. И она не сдаётся.

Глава 13

Глава 13. Тишина

Читать под трек **«Не дано» - ASTERO, Сергей Арутюнов**

“День уходящий не вернуть
Не торопись пройти свой путь
Неосторожный сделав шаг
Просто скажи, просто скажи
Да будет, так просто пусть будет так” (с)

Вчера лес отпустил её не сразу. Даже когда сапоги ступили на утрамбованный гравий дорожки, ведущей к особняку, даже когда тёплый воздух веранды обволок замёрзшие щёки, тело продолжало жить в режиме выживания. Мышцы помнили напряжение, пальцы рефлекторно искали опору, дыхание всё ещё выравнивалось после долгого марша по глубокому снегу. Яна сняла перчатки, провела ладонями по лицу, чувствуя, как холод постепенно отступает, уступая место приятной, почти сладкой усталости. Кабан стоял рядом, молча кивнув, и в этом кивке было больше признания, чем в любых словах. Он не хвалил. Он констатировал факт. Ты прошла. Ты увидела. Ты выжила. Этого было достаточно.

Утро восьмого января выдалось ясным, но морозным. Солнце висело низко, отбрасывая длинные синие тени по снегу, а воздух звенел от чистоты, словно его только что

промыли ледяной водой. Яна стояла перед зеркалом в своей комнате, разглядывая отражение. Волосы были собраны в тугую косу, лицо чистое, без лишней косметики, глаза спокойные, лишённые вчерашнего напряжения. Она выбрала одежду не по моде, а по функции: чёрные утеплённые брюки, тёмная водолазка, лёгкая куртка с мембраной, удобные ботинки. Никаких ярких деталей. Никаких привлекающих внимание элементов. Просто силуэт, который сливается с зимним городом, который не запоминается, который проходит мимо, не оставляя следа. Она проверила карманы. Ключи. Телефон. Пакет с тульскими пряниками, который она бережно завернула в крафтовую бумагу и перевязала бечёвкой. Всё на месте.

На лестнице её уже ждал Мишка. Он сидел на нижней ступеньке, жующий яблоко, в своей неизменной кожаной куртке, которая скрипела при каждом движении. Увидев Яну, он поднял бровь, оглядел её с головы до ног и усмехнулся.

- Ну ты даёшь, Жираф. Выглядишь так, будто собираешься ограбить банк или сыграть главную роль в шпионском триллере. Чёрный цвет, серьёзное лицо, пакет под мышкой. Куда идём, в разведку или на свидание с конспиратором?

Яна остановилась, поправила лямку сумки и посмотрела на него без улыбки.

- Идем в Коньково. К семье. Привезу пряники. Поздравлю с Рождеством. Уеду до конца каникул. Стандартный протокол визита в зону повышенной эмоциональной турбулент-

ности.

Мишка рассмеялся, звук получился низким, раскатистым.

- Зона повышенной эмоциональной турбулентности? Мне нравится! Ты уже говоришь как наш аналитик. Ладно, поехали. Раф за рулём, я буду обеспечивать моральную поддержку и комментировать твои тактические ошибки в реальном времени.

Они вышли на улицу. Чёрный Toyota Land Cruiser Prado стоял у крыльца, двигатель уже прогрет, стёкла чистые, шины шипованные. Раф открыл заднюю дверь, кивнул, и Яна скользнула внутрь. Салон пах кожей, тёплым пластиком и едва уловимым ароматом кофе. Машина плавно тронулась, выезжая со двора, и Москва начала проплывать за окном: заснеженные крыши, редкие прохожие, уличные фонари, ещё горящие в утренних сумерках, грузовики, медленно ползущие по обледенелым дорогам. Город просыпался, но делал это неохотно, словно не желая расставаться с тишиной праздничных дней.

Мишка сидел впереди, повернувшись к ней наполовину.

- Скажи честно, ты готова к встрече? Бабушки, по моим наблюдениям, это отдельный вид спецназа. Бьют словом, берут измором, не оставляют путей к отступлению.

Яна посмотрела на свои руки, сложенные на коленях.

- Я не собираюсь воевать. Я собираюсь выполнить задачу. Принести подарки. Сказать нужные слова. Уйти. Без эмо-

ций. Без реакций. Просто протокол.

Мишка кивнул, усмехнувшись.

- Протокол. Звучит надёжно. Но помни, даже самый идеальный протокол даёт сбой, когда в дело вступает человеческий фактор. Дыши. Смотри. Не цепляйся к словам. Ты же знаешь это лучше всех.

Машина свернула в знакомый двор. Панельные семнадцатиэтажки стояли плотной стеной, окна горели тёплым жёлтым светом, на балконах сушилось бельё, несмотря на мороз, у подъездов курили подростки, пряча руки в карманы. Прадо остановился у нужного подъезда. Раф вышел первым, обошёл машину, открыл заднюю дверь. Яна шагнула на снег, поправила пакет, кивнула ему и пошла к двери.

На нужном этаже за занавеской стоял силуэт. Бабушка прильнула к стеклу, щурясь, вглядываясь в улицу. Папа сидел за кухонным столом, чашка чая в руках, взгляд направлен в окно. Дедушка стоял рядом, опираясь на трость, лицо спокойное, но внимательное.

- Смотрите, кто соизволил приехать, - прошептала бабушка, и в голосе её звучало не удивление, а раздражение, смешанное с тревогой. - Чёрный джип. Охранник дверь открывает. Вся в чёрном, как ворона! Что за театральщина? Словно в кино снимается!

Папа не ответил. Он просто смотрел. В его глазах не было ни одобрения, ни осуждения. Только наблюдение. Он видел, как дочь выходит из машины, как идёт уверенно, не торо-

пясь, как пакет в её руке не болтается, а держится ровно, как спина прямая, как голова не опущена. Он видел изменения. Не внешние. Внутренние. В том, как она держит пространство. В том, как она не сжимается под взглядом соседей. В том, как она просто идёт.

Дедушка кивнул медленно. Выдержка. Вот что главное. Не машина. Не одежда. А то, как она несёт себя. Словно знает, куда идёт. И зачем.

Яна поднялась по лестнице. Ступени скрипели под ногами, запах сырости и старого линолеума встретил её на площадке. Она остановилась у двери, достала ключ, вставила в замок, повернула. Щелчок. Дверь открылась.

Бабушка уже стояла в прихожей. Руки на поясе. Лицо напряжённое. Глаза бегают.

- Ну наконец-то соизволила появиться, - начался поток слов, быстрый, колючий, привычный. - Несколько дней ни слуху ни духу! Телефон не берёшь! Где шлялась? С кем? Что за джипы? Что за охрана? Ты в курсе, что люди говорят? О чем соседки шепчутся? Стыд-то какой! Ты позоришь семью! Одеваешься как черти кто, ходишь и говортшь как робот!. Где твоя душа? Где твоё сердце? Или ты уже всё променяла на эти свои игры в секретного агента?

Яна вошла. Закрыла дверь. Повесила куртку. Поставила пакет на тумбочку. Движения были плавными. Точными. Лишёнными суеты. Она не оправдывалась. Не спорила. Не повышала голос. Она просто стояла. Дышала. Смотрела пря-

мо перед собой. Её лицо оставалось спокойным. Ни тени раздражения. Ни капли обиды. Только ровная, почти стеклянная поверхность, за которой ничего не угадывалось. Покерфейс. Не потому что ей было всё равно. А потому что она знала: любая эмоция станет крючком. Любая реакция станет поводом для продолжения. Она не давала повода.

- С Рождеством, - сказала Яна. Голос ровный. Тихий. Чёткий. Как удар метронома.

Бабушка запнулась. Ожидала взрыва. Ожидала слёз. Ожидала крика. А получила констатацию.

- Какое ещё Рождество? - продолжила она, но уже тише, сбиваясь с ритма. - Ты бы лучше подумала о своём поведении! О том, как ты с нами разговариваешь! О том, что ты делаешь с собой? Уезжаешь неизвестно куда! Возвращаешься неизвестно откуда! Словно мы тебе никто! Словно эта квартира тебе чужая!

Яна перевела взгляд на пакет. Тульские пряники. Тёплые. Душистые. Сделанные по старому рецепту. Она развязала бечёвку, приоткрыла бумагу, достала один, положила на ладонь ошарашенной бабушки.

- Это вам. Вкусные. С мёдом. С орехами. Ешьте. Я уеду по делам. Вернусь, когда закончатся каникулы. Не звоните. Не ищите. Я в порядке.

Она развернулась. Пошла к двери. Не торопясь. Не оглядываясь.

- Яна, - окликнул папа. Голос его прозвучал тихо. Впервые

за всё время.

Она остановилась. Повернула голову.

Папа смотрел на неё. В его глазах было что-то новое. Не вопрос. Не упрёк. Узнавание. Он видел не бунтарку. Не странную дочь. Он видел человека, который нашёл опору. Который перестал просить разрешения. Который просто выбрал свой путь. Он кивнул. Едва заметно. Но достаточно.

Дедушка шагнул вперёд. Опёрся на трость. Посмотрел на неё долго. Внимательно.

- Выдержка у тебя, внучка, - сказал он медленно. Каждое слово ложилось тяжело, но тепло. - Как камень, который не давит, а поддерживает. В тишине стоишь. Слово не обронишь. А глаза всё видят. Всё запоминают. Всё анализируют. В разведку бы тебя взяли. Или в дипломаты. Там такие нужны. Те, кто не кричит. Кто слушает. Кто ждёт. Кто бьёт точно, когда нужно. Не раньше. Не позже. А в момент.

Яна посмотрела на него. В её глазах мелькнуло что-то мягкое. Не улыбка. Признание.

- Спасибо, дедушка, - сказала она тихо. - Я запомню.

Она открыла дверь. Вышла. Закрыла за собой. Щелчок замка прозвучал тихо. Финально.

В квартире повисла тишина. Бабушка стояла с пряником в руке, растерянная, сбитая с толку. Папа медленно поставил чашку на стол. Дедушка вернулся к окну, глядя вниз, где чёрная машина уже отъезжала от подъезда, разворачиваясь, оставляя на снегу ровные следы.

«Сильная девочка, - прошептал дедушка. - Не по годам».

***

У подъезда её ждала Света.

Одноклассница стояла у сугроба, жующая жвачку, в короткой куртке, которая явно не грела, но зато выглядела модно. Волосы завиты, глаза подведены, поза расслабленная, но в напряжении. Увидев Яну, она выпрямилась, сделала шаг вперёд.

- Янка, ну ты даёшь! - начала Света, и в голосе её звучала смесь зависти, любопытства и попытки казаться своей в доску. - Вся школа гудит, подруга! Говорят, ты с бандитами связалась. На джипах вон катаешься. Мужики взрослые, серьёзные, в кожаных куртках. Рассказывай, что за тип, откуда деньги, почему в школу не ходишь, что за секреты ты от всех прячешь? Давай, выкладывай, я же не проболтаюсь! Ну!

Яна остановилась. Посмотрела на неё. Не с вызовом. Не с раздражением. С лёгким, почти хирургическим интересом. Она видела структуру. Видела потребность в принадлежности. Видла страх оказаться за бортом. Видла попытку купить внимание сплетней.

- Света, - начала Яна, и голос её прозвучал спокойно, ровно, без тени иронии, но с такой точностью, что каждое слово падало точно в цель, - это просто волонтёрский проект по изучению городского ландшафта стратегически важных объектов. Это мои родственники, деньги родителей, в школу пойду, когда закончатся каникулы. А секреты я не прячу.

Они просто никому не интересны, кроме тех, кто умеет слушать тишину между словами.

Света замерла. Жвачка остановилась во рту. Глаза расширились. Она ожидала оправданий. Ожидала хвастовства. Ожидала слёз или злости. А получила спокойную, почти абсурдную, но идеально выверенную фразу, которая не оставляла места для продолжения. Не обижала. Не унижала. Просто закрывала тему. Как дверь. Без шума.

- Ты чё, серьёзно? - выдавила Света, пытаясь вернуть контроль над разговором. - Это типа шутка?

- Это типа правда, - улыбнулась Яна. Тихо. Без злости. Просто констатация. - Береги себя, Свет. Холодно. Стратегические объекты сами себя не исследуют.

Она повернулась. Пошла к машине. Не оглядываясь. Не ускоряя шаг. Просто уходя.

Мишка сидел в салоне, наблюдая через тонированное стекло. Когда Яна открыла дверь и села, он рассмеялся. Звук получился искренним, восхищённым.

- Ты её мозги перезагрузила за эти две фразы, - сказал он, качая головой. - Я думал, ты начнёшь спорить. А ты просто выдала ей новый сценарий. И она его приняла. Потому что не смогла найти в нём крючков. Браво, Жираф. Ты растёшь не по дням, а по часам.

Яна пристегнулась, посмотрела вперёд.

- Информационный вакуум, дорогой Кир, лечится абсурдом и спокойствием. Люди боятся не правды. Они боятся ти-

шины, в которой правда звучит. Я просто дала ей тишину.

Раф завёл двигатель. Машина плавно тронулась. Москва снова поплыла за окном. Но теперь она казалась другой. Не враждебной. Не чужой. Просто пространством. В котором можно двигаться. В котором можно выбирать. В котором можно быть.

***

Особняк встретил их тишиной и теплом. Снег продолжал падать, укрывая двор мягким, нетронутым слоем. Яна сняла куртку, прошла на кухню, осмотрела пространство. Холодильник. Шкафы. Стол. Плита. Всё на месте. Но пусто. Без души.

Она достала блокнот. Открыла чистую страницу. Начала писать. Не рецепты. Структуру. Простоту. Тепло. Кутья. Узвар. Запечённая рыба. Картофель с травами. Домашние соленья. Пряники на десерт. Никакой сложности. Никакой показухи. Только то, что согревает. Только то, что напоминает о доме. О том, что дом это не стены. Это люди. И еда, которую они делят.

Она позвонила на кухню. Попросила доставить продукты. Не экзотику. Не деликатесы. Простое. Свежее. Настоящее. Через час привезли всё. Яна взяла фартук. Завязала. Включила плиту. Начала готовить. Как дедушка учил.

Не спеша. Внимательно. Слушая, как шипит масло, как булькает вода, как пахнет укроп и чеснок, как тесто поднимается в духовке. Она не была поваром. Но она умела со-

здавать пространство. Умела вкладывать внимание в каждый жест. Умела превращать рутину в ритуал. И кухня постепенно наполнялась жизнью. Не шумом. А теплом. Ароматами. Ожиданием.

К вечеру стол был накрыт. Не богато. Не роскошно. По-семейному. Тарелки. Приборы. Свечи в центре. Не электрические. Настоящие. Восковые. Фитиль дрожит. Свет мягкий. Тени танцуют по стенам.

Они собрались не сразу. Не по команде. Просто пришли. Когда почувствовали запах. Когда услышали тишину, которая не давила, а звала. Тимур вошёл первым. Остановился у двери. Посмотрел на стол. На свечи. На Яну, которая вытирала руки полотенцем. В его глазах не было удивления. Только тихое признание. Он кивнул. Сел.

Фанси пришёл следом. Оперся на трость. Посмотрел на кутью. На узвар. Улыбнулся. Сократ вошёл без звука. Сел. Посмотрел на Яну. Кивнул. Раф занял место у окна. Молча. Но присутствие его заполняло угол, делая его уютным, защищённым.

Мишка ворвался последним. С пакетом в руке. С бутылкой безалкогольного сидра. С улыбкой, которая не сходила с лица.

- Ну что, команда! - объявил он, ставя бутылку в центр стола. - Готовьтесь к гастрономическому десанту. Я принёс подкрепление. Без градусов. Но с настроением.

Яна рассмеялась. Звук был тихим, но искренним. Она раз-

лила узвар по стаканам. Поставила тарелки. Села.

Они начали есть. Не спеша. Не разговаривая сразу. Просто позволяя вкусам раскрыться. Кутья была сладкой, но не приторной. С мёдом. С маком. С орехами. Пахла детством. Узвар был тёплым, кисловатым, с нотками сухофруктов, которые напоминали о лете, о солнце, о времени, когда всё было проще. Рыба запеклась идеально. Хрустящая корочка. Нежное мясо. Картофель с розмарином и чесноком таял во рту. Соленья были кислыми, хрустящими, бодрящими. Пряники на десерт были мягкими, ароматными, с начинкой из варёной сгущёнки, которая тянулась, как карамель.

Мишка откусил пряник, закрыл глаза, закивал. - Янка, ты гений! Это не еда. Это терапия. Я чувствую, как мои нервные клетки благодарят тебя за каждый кусок.

Яна улыбнулась.

- Ешь. Пока не остыло. И не благодари. Просто наслаждайся. Это главное.

Они ели. Пили. Молчали. Но молчание не было пустым. Оно было наполненным. Как комната, в которой давно не было шума, но которая помнит смех, помнит разговоры, помнит тепло тел. Оно было безопасным. Как одеяло, которое накрывает плечи в холодную ночь.

После еды Мишка достал из пакета колоду карт. Не обычную. Специальную. С картинками. С заданиями. С вопросами.

- Играем! - объявил он. - Правила простые. Вытаскиваешь

карту. Читаешь. Отвечаешь. Или выполняешь. Без отговорок. Без фильтров. Только правда. Только сейчас.

Фанси усмехнулся.

- В моё время правда была валютой. За неё платили жизнью. А ты предлагаешь играть в неё за столом.

Мишка подмигнул.

- Дед, наша жизнь уже давно игра. Мы просто забыли правила. Давай вспомним.

Они начали. Карта за картой. Вопрос за вопросом. Не глубокие. Не философские. Простые. Человеческие.

Какой твой самый странный сон?

Что ты любишь делать в тишине?

Какое воспоминание согревает тебя в холод?

Что бы ты сказал себе в одиннадцать лет?

Ответы были разными. Короткими. Длинными. Смешными. Грустными. Но все честные. Без масок. Без ролей. Просто люди. За столом. При свечах. Делящиеся кусочками себя.

Яна слушала. Отвечала. Смеялась. Чувствовала, как напряжение, которое копилось неделями, месяцами, годами, постепенно уходит. Растворяется в тепле. В голосах. В тишине между словами. Она не была здесь гостьей. Не была проектом. Не была хранительницей. Она была частью. Просто частью. И этого было достаточно.

Когда игра закончилась, когда карты были убраны, когда стаканы опустели, Тимур встал. Не резко. Не торжественно.

Просто поднялся. Взял стакан с узваром. Поднял его. Не высоко. На уровне груди. И посмотрел на каждого. Не по очереди. Всразу. Включая Яну.

- Год назад, - начал он, и голос его прозвучал тихо, но так, что каждое слово упало в тишину точно в цель, - я сидел в этом доме один. Думал, что семья это прошлое. Что долг это всё. Что связи это цепи. Что тишина это пустота. Я строил стены. Укреплял замки. Нанимал охрану. Думал, что безопасность это в контроле. В силе. В отсутствии слабостей.

Он сделал паузу. Сделал глоток. Посмотрел на Яну. В его глазах не было пафоса. Не было театральности. Только правда. Голая. Чистая. Без прикрас.

- А сегодня я смотрю за этот стол. И понимаю: я сильно ошибался. Семья это не кровь. Не фамилия. Не общие воспоминания. Семья это выбор. Это тишина, которую мы делим. Это смех, который не нужно прятать. Это ошибки, которые прощаются без слов. Это руки, которые поддерживают, не спрашивая почему. Это глаза, которые видят не то, что ты показываешь. А то, что ты несёшь внутри.

Он перевёл взгляд на Фанси. На Сократа. На Рафа. На Мишку. На Яну.

- У меня теперь есть семья. Не по рождению. По решению. По тишине, которая стала домом. По теплу, которое не требует доказательств. За вас. За то, что вы есть. За то, что вы остались. За то, что вы выбрали быть рядом. Не потому что должны. А потому что хотите.

Он поднял стакан выше.

- За нас. За то, что мы не сломались. За то, что мы не разбежались. За то, что мы нашли друг друга в мире, который учит быть одним. За то, что мы выбрали быть вместе.

Стаканы столкнулись. Звук получился тихим. Хрустальным. Чистым. Как удар по струне, которая резонирует долго, не затихая. Они пили. Не торопясь. Позволяя моменту растянуться. Позволяя словам уложиться в пространство. Позволяя тишине стать свидетельством.

Яна сидела. Не двигалась. Чувствовала, как внутри что-то щёлкнуло. Не сломалось. Встало на место. Как пазл, который наконец нашёл свою форму. Как ключ, который наконец повернулся. Как дверь, которая наконец открылась. Она не плакала. Не улыбалась широко. Просто дышала. Глубоко. Ровно. Позволяя теплу войти. Позволяя принятию остаться. Позволяя себе поверить, что это не сон. Не игра. Не временная передышка. Это реальность. Которую они создали. Вместе. Не словами. Присутствием. Не клятвами. Шагами. Не обещаниями. Тишиной.

Мишка сидел рядом, глядя на неё. В его глазах не было иронии. Не было шутки. Только тихое признание. Он кивнул. Едва заметно. Но достаточно.

Фанси закрыл глаза. Сделал вдох. Выдох. И в этом выдохе было всё. Благодарность. Принятие. Покой.

Сократ смотрел на свечи. На пламя. На тени. И улыбнулся. Тихо. Глубоко. Как человек, который наконец нашёл то,

что искал. Не снаружи. Внутри.

Раф сидел неподвижно. Но в его позе не было напряжения. Только присутствие. Только якорь. Только стена, которая не давит. А поддерживает.

Тимур поставил стакан. Сел. Посмотрел на Яну. В его взгляде не было вопроса. Не было сомнения. Только тихая, глубокая уверенность. Только признание. Только знание, что баланс найден. Не случайно. Не силой. Выбором. Ясным. Честным. Смелым.

Яна опустила взгляд на стол. На скатерть. На крошки. На следы от стаканов. На свои руки. Которые больше не дрожали. Которые не искали опору. Которые просто лежали. Спокойно. Уверенно. Настояще.

Она подняла глаза. Посмотрела на каждого. И поняла главное. Не то, что она дома. А то, что здесь она может быть собой. Не ломаясь. Не притворяясь. Не прячась. Просто дыша. Просто живя. Просто выбирая. И этого было достаточно.

А за окном всё ещё падал снег. Медленно. Плавно. Гипнотизирующе. Укрывая землю. Очищая воздух. Готовя почву для весны. Для нового. Для того, что ещё не написано, но уже дышит. Уже ждёт. Уже близко..

Глава 14

Глава 14. Клетка с решёткой

Читать под трек **«BlackPink» - DJ Kantik**

Двенадцатое января выдалось пасмурным, с тем тяжёлым, давящим небом, которое обещает снег, но не решается его дать. Как будто шантажирует, но не переходит к прямым угрозам.

Яна стояла перед зеркалом в своей комнате в особняке, разглядывая отражение. Школьная форма висела на стуле — тёмно-синий сарафан, белая блузка с кружевным воротничком, который всегда колол шею, гольфы, которые вечно сползали. Она взяла форму в руки, почувствовала ткань — жёсткую, как броня, которая не защищает, а сковывает. За прошедшие дни она привыкла к качественным вещам, к мембране, к свободе движений, к одежде, которая слушалась тела, а не диктовала ему, как двигаться. А теперь нужно было снова надеть эту униформу, этот костюм послушания, этот символ принадлежности к системе, которая учила не думать, а запоминать, не чувствовать, а подчиняться.

Она оделась медленно, словно совершала ритуал прощания с собой прежней. Блузка застёгнута на все пуговицы. Сарафан застёгнут сзади. Гольфы натянуты до колен. Туфли на низком каблуке, которые вечно натирали пятки. Волосы собраны в тугой хвост, который тянул кожу головы, напоми-

ная о каждом движении. Она посмотрела в зеркало. Оттуда на неё смотрела другая девочка. Не та, что ходила по лесу с миноискателем. Не та, что стояла перед Кабаном с невозмутимым лицом. Не та, что сидела за рождественским столом и смеялась над шутками Мишки. Оттуда смотрела серая мышь. Тихая. Невидимая. Удобная.

Дверь открылась без стука. Вошёл Мишка. Он остановился на пороге, оглядел её с головы до ног, и его лицо исказилось гримасой, в которой смешались ужас и сострадание.

- О боже, - простонал он, прижимая руку к сердцу. - Жираф, ты выглядишь так, будто тебя собираются отправить в ссылку в Сибирь. Или выдать замуж за старого князя. Эта форма... это же орудие пыток. Кто это придумал? Зачем? Чтобы убить в ребёнке всё живое?

Яна повернулась к нему, и в её глазах мелькнула тень той самой улыбки, которую она прятала под маской безразличия.

- Это не форма, Кир. Это камуфляж. Я иду на территорию врага. Мне нужно слиться с пейзажем.

Мишка фыркнул, подошёл ближе, поправил ей воротничок, который действительно колол шею.

- Слушай, если там кто-то тебя обидит, ты мне только мигни. Я приеду на своём Prado, вынесу дверь, заберу тебя и мы уедем хоть на край света. Или в Питер. Или просто покатаемся по кольцевой, пока у них нервы не сдадут.

Яна рассмеялась, звук получился тихим, но искренним.

- Не надо выносить двери. Я справлюсь. Это же просто

школа. Не джунгли Амазонки.

Мишка серьёзно посмотрел на неё, и в его глазах не было шутки.

- Школа это самые опасные джунгли, Жираф. Там нет хищников с клыками. Там есть нечто похуже. Там есть подростковая жестокость, которая не знает жалости. Там есть учителя, которые забыли, что такое быть ребёнком. Там есть система, которая перемалывает всех под один шаблон. Будь осторожна. Не дай им себя сломать. Помни, кто ты.

Яна кивнула. Она помнила. Она знала. Она была готова.

Тимур ждал её внизу, у стола, где стояла чашка горячего чая. Он не спрашивал, готова ли она. Он просто протянул ей термос.

- Возьми, - сказал он спокойно. - Там горячий чай. И бутерброды. В школьной столовой кормят... скажем так, не всегда вкусно. Не дай им лишить тебя сил. Еда это энергия. Энергия это свобода.

Яна взяла термос. Он был тёплым, тяжёлым, надёжным.

- Спасибо, отец.

Фанси сидел в кресле у окна. Он не оборачивался, когда она вошла. Но он знал, что она здесь.

- Помни, девочка, - сказал он тихо, не поворачивая головы, - школа учит фактам. Жизнь учит пониманию. Факты можно забыть. Понимание остаётся навсегда. Не позволяй им подменить одно другим. Не позволяй им убить в тебе вопрос ради ответа. Вопрос это жизнь. Ответ это конец.

Яна кивнула, хотя он её не видел.

- Я запомню.

Сократ стоял у двери. Он открыл её перед ней, пропуская вперёд.

- Будь невидимой, - сказал он тихо, когда она проходила мимо. - Но не теряй себя. Наблюдай. Слушай. Запоминай. Но не впитывай их яд. Ты как губка — можешь впитать воду, но можешь и впитать яд. Выбирай, что впитывать.

Раф стоял у машины. Он открыл заднюю дверь, кивнул. Яна села внутрь. Машина тронулась.

Мишка махал ей рукой из окна, пока машина не свернула за угол. Его лицо было серьёзным, лишённым обычной улыбки. Он волновался. И Яна это знала.

***

Школа встретила её запахом старой краски, пыли, дешёвой еды из столовой и страха. Страх пах кислым потом, который впитался в стены за десятилетия. Страх пах криками учителей, слезами учеников, унижением тех, кто был слабее. Яна вдохнула этот запах. Он не был ей чужим. Она дышала им семь лет. Но теперь она знала: запах можно терпеть. Но не обязательно им дышать. Можно задержать дыхание. Можно дышать глубоко, через рот. Можно создать свой собственный воздух внутри себя.

Она вошла в здание. Коридор встретил её гомоном, смехом, криками, звуком падающих учебников, скрежетом стульев. Яна остановилась у двери своего класса — седьмого

«Б». Вдохнула. Выдохнула. Взялась за ручку. Открыла.

Класс замолчал. Не сразу. Постепенно. Как волна, которая отступает от берега. Тридцать пар глаз повернулись к ней. Учительница, Мария Нарциссовна, женщина лет пятидесяти с уставшим лицом и глазами, которые давно перестали видеть в детях людей, а видели лишь объекты для натаскивания на тесты, остановилась у доски с мелом в руке.

- А, Карманова, - произнесла она, и в голосе её прозвучало не приветствие, а констатация факта, словно Яна была опоздавшим на урок предметом, который нужно учесть в журнале. - Проходи. Садись. Не задерживай урок.

Яна прошла к своей парте. Она сидела одна, на последней парте у окна. Это было её место с пятого класса. Место изгоя. Место невидимки. Место, куда не смотрят учителя, когда задают вопрос. Место, куда не смотрят одноклассники, когда делятся секретами. Место, где можно спрятаться.

Она села. Достала учебники. Тетради. Ручку. Термос поставила под парту. Всё было на своих местах. Всё было как всегда. Но внутри неё что-то изменилось. Она больше не была той девочкой, которая боялась поднять руку. Которая краснела, когда на неё смотрели. Которая проглатывала обиды, потому что не знала, как дать сдачи.

Теперь она знала.

Урок начался. Мария Нарциссовна писала на доске формулы, говорила о корнях, о степенях, о каких-то иксах и игреках, которые должны были стать друзьями на ближайшие

сорок пять минут. Яна слушала. Не потому что боялась отстать. А потому что собирала информацию. Она смотрела на учительницу. Видела, как та держит мел — неуверенно, словно он вот-вот сломается. Видела, как её плечи опущены — усталость, выгорание, потеря смысла. Видела, как она смотрит на класс — не на людей, а на объекты, которые нужно заполнить знаниями, как сосуды.

Яна открыла тетрадь. Начала писать. Не то, что на доске. А свои наблюдения. Почерк был ровным, чётким, без лишних закорючек. Каждое слово ложилось на строку точно, как солдат в строй.

Перемена.

Класс взорвался шумом. Кто-то побежал в столовую. Кто-то к окну курить (хотя это было запрещено). Кто-то просто орать, бегать, толкаться. Яна осталась сидеть. Достала термос. Открыла. Налила чай в крышку. Отпила. Горячая жидкость согрела изнутри.

К её парте подошли. Трое. Света, та самая, что встречала её у подъезда. Две её подруги — Анька и Ленка. Троица, которая правила в классе. Не силой. Не умом. А количеством. Анькой, которая была самой высокой. Ленкой, которая была самой громкой. Светой, которая была самой хитрой.

- Ну что, Кошмаркина, - начала Света, специально коверкая фамилию Яны. В голосе одноклассницы звучала не зависть, а попытка вернуть контроль над ситуацией, который она потеряла, когда Яна вышла из чёрного джипа. - Реши-

ла понты кинуть? На машине папкиной приехала? Думаешь, теперь ты крутая?!

Яна медленно поставила крышку с чаем на парту. Закрыла термос. Подняла глаза. Посмотрела на Свету. Не снизу вверх. Не со страхом. Прямо. Ровно. Спокойно.

- Это не папина машина, - сказала Яна. Голос её прозвучал тихо, но чётко. Так, что даже те, кто сидел в другом конце класса, обернулись. - Это машина человека, который меня уважает. А разница между уважением и понтами в том, что первые зарабатываются делами, а вторые покупаются деньгами.

Света замерла. Она ожидала оправданий. Ожидала, что Яна начнёт краснеть, путаться в словах, искать поддержки. А получила спокойный, выверенный ответ, который не оставлял места для продолжения атаки.

- Ты чё, умная самая?! - фыркнула Анька, пытаясь вернуть инициативу. - Думаешь, если будешь так говорить, мы тебя бояться будем?

Яна посмотрела на неё. Оценила. Высокая. Неуклюжая. Сильная физически, но слабая морально. Та, кто бьёт, потому что не умеет говорить.

- Я не хочу, чтобы вы меня боялись, - сказала Яна ровно. - Я хочу, чтобы вы меня оставили в покое. Разница в том, что страх это временное чувство. А покой это постоянное состояние. Вам нужно первое. Мне нужно второе. Давайте не будем мешать друг другу.

Ленка рассмеялась, звук получился резким, неприятным.

- Ой, какая философка нашлась. Смотри, не зафилософствуйся до того, что двойку по математике схватишь.

Яна улыбнулась. Тихо. Без злости. Без вызова. Просто констатация.

- Двойка по математике это не проблема. Проблема это когда ты не знаешь, кто ты. А я знаю. А вы?

Она встала. Взяла термос. Пошла к выходу. Не торопясь. Не оглядываясь. Оставила их стоять. С открытыми ртами. С непониманием в глазах. С потерей контроля.

В коридоре было пусто. Яна подошла к окну. Посмотрела на двор. На снег. На деревья. На небо. Она дышала. Глубоко. Ровно. Она не выиграла битву. Она выиграла время. А время это ресурс. Ресурс можно копить. Ресурс можно тратить. Ресурс можно превращать в силу.

***

Дни шли один за другим, похожие, как близнецы. Уроки. Перемены. Домашние задания. Контрольные. Яна ходила в школу, как на службу. Не с радостью. Не с отвращением. С принятием. Она выполняла свою работу. Училась. Запоминала. Отвечала. Но не впитывала. Не позволяла системе войти внутрь. Она создала вокруг себя невидимый купол. Слова учителей отскакивали от него, как горох от стены. Насмешки одноклассников разбивались о него, не оставляя следа. Она была здесь. Но не была частью. Она наблюдала. Анализировала. Запоминала.

Она применяла навыки. Не явно. Не демонстративно. Тихо. Незаметно.

На физкультуре, когда учитель заставлял их бегать кросс по залу, Яна не бежала быстрее всех. Она бежала ровно. Экономя силы. Контролируя дыхание. Вдох на три шага. Выдох на три шага. Как учил Кабан. Когда другие задыхались, краснели, падали, она финишировала с ровным дыханием, с пульсом, который не превышал ста ударов. Учитель смотрел на неё с подозрением. Не понимал. Как так можно?

На уроках истории, когда нужно было запоминать даты, имена, события, Яна не зубрила. Она строила связи. Как учил Сократ. Она видела не отдельные факты. Она видела структуру. Причину и следствие. Цепочку событий. Когда учитель спрашивал: «Почему произошла эта война?», другие перечисляли даты. Яна отвечала: «Потому что одна сторона почувствовала угрозу своей безопасности, а другая сторона почувствовала угрозу своему влиянию. Страх породил агрессию. Агрессия породила войну». Учитель молчал. Не знал, что сказать. Это не было в учебнике. Но это было правдой.

На переменах она не сидела одна. Она наблюдала. Она видела структуру класса. Кто с кем дружит. Кто кого боится. Кто кем манипулирует. Она видела невидимые нити, которые связывали их всех. И она понимала: это не дружба. Это выживание. Это попытка найти своё место в иерархии, которая не имеет смысла, но которая диктует правила.

Она не вмешивалась. Не пыталась изменить. Она просто знала. Знание это сила. Сила это выбор. Выбор это свобода.

Но они заметили. Одноклассники. Не сразу. Постепенно. Сначала Света. Потом Анька. Потом Ленка. Потом другие. Те, кто сидел тихо. Те, кто боялся поднять руку. Те, кто был изгоем, как и она. Они смотрели на неё. Не с завистью. С надеждой. С вопросом. Как она это делает? Как она не ломается? Как она остаётся собой?

И это было опаснее всего. Не для Яны. Для системы. Система не терпит вопросов. Система не терпит надежды. Система не терпит тех, кто показывает, что можно быть другим.

Они решили действовать.

Это произошло в пятницу. На последней перемене. Света подошла к её парте. Не одна. С Анькой. С Ленкой. И ещё с двумя парнями из класса — Серёгой и Димкой. Теми, кто считался «крутыми». Кто курил за школой. Кто не боялся учителей.

- Слушай, Карманова, - начала Света, и в голосе её не было обычной злости. Было что-то другое. Что-то холодное. Расчётливое. - Мы тут подумали. Ты у нас такая умная стала. Такая серьёзная. Такая... другая. Нам это не нравится.

Яна подняла глаза. Посмотрела на них. Пятеро против одного. Соотношение сил пять к одному. Шансы на победу в открытом столкновении минимальны. Но она не собиралась драться. Она собиралась думать.

- Продолжай, - сказала Яна спокойно.

Анька фыркнула.

- Ты думаешь, ты лучше нас? Думаешь, ты особенная?

Яна покачала головой.

- Нет. Я не лучше. Я просто другая. И это не делает меня особенной. Это делает меня мной. А вас — вами. И мы все имеем право на это.

Димка, высокий, худой, с прыщами на лице, шагнул вперёд.

- Слушай, философка. Хватит нести чушь. Завтра суббота. Каникулы продолжаются. Мы идём в парк. Гулять. Ты тоже идёшь.

Это не было приглашением. Это был приказ.

Яна посмотрела на него. Оценила. Он нервничал. Руки сжаты в кулаки. Дыхание учащённое. Он боялся. Не её. Того, что она откажет. Того, что потеряет лицо перед друзьями.

- Я не пойду, - сказала Яна ровно. - У меня другие планы.

Серёга, второй парень, усмехнулся.

- Какие такие планы? Сидеть дома? Читать книжки?

Яна не ответила. Она просто смотрела. Спокойно. Ровно. Без вызова. Без страха.

Ленка наклонилась к ней, прошептала так, чтобы слышали только они.

- Слушай, не будь дурой. Иди с нами. Будет весело. Повеселимся. Никто тебя не обидит.

Яна посмотрела на неё. Увидела ложь. Увидела страх. Увидела план. Они не хотели, чтобы она шла с ними. Они

хотели, чтобы она пошла за ними. В ловушку.

- Я не пойду, - повторила Яна. И это было не упрямство. Это было решение.

Света выпрямилась. Лицо её исказилось. В нём не было злости. Было разочарование. Было понимание, что план не сработал. Что она не может контролировать.

- Ладно, - сказала она тихо. - Как знаешь. Но помни: ты сама выбрала.

Они ушли. Не оглядываясь. Не угрожая. Просто ушли. Но Яна знала: это не конец. Это начало. Они не отступят. Они не могут отступить. Их эго не позволит. Им нужно восстановить контроль. И они найдут способ.

***

Понедельник. Яна пришла в школу как обычно. Но что-то было не так. Атмосфера. Напряжённая. Тяжёлая. Как перед грозой.

На третьей перемене, когда все были в столовой, в классе остались только Яна и те, кто её ненавидел. Света, Анька, Ленка, Серёга, Димка. И ещё несколько человек, которые боялись, но подчинялись заводилам.

Света подошла к двери. Закрыла её на ключ. Потом подошла к окну. Закрыла форточку.

- И какой смысл? - спросила Яна спокойно. Хотя уже знала ответ.

Анька усмехнулась.

- Мы решили, что тебе нужно остаться здесь. Подумать о

своём поведении.

Ленка подошла ближе.

- Ты думаешь, ты умнее всех? Думаешь, ты можешь нас игнорировать?

Яна посмотрела на них. Пятеро против одного. Дверь заперта. Окно закрыто. Кричать бесполезно — столовая далеко, учителя тоже.

- Вы заперли меня, - констатировала Яна. - Это незаконно.

Серёга рассмеялся.

- Законно? Это ты-то нам про закон? Да тебя здесь никто не найдёт. А когда найдут... скажем, что ты сама закрылась. Или ушла. Кто будет разбираться?

Димка подошёл к ней вплотную.

- Ты нам должна, поняла? За то, что думаешь, что ты лучше. За то, что игнорируешь нас. За то, что...

Он не договорил. Раздался звонок. Резкий. Громкий. Не школьный. Пожарный.

Все замерли.

Потом начался хаос. Крики. Беготня. Голоса в коридоре.

- Эвакуация! Все выходят! Быстро! - кричали в коридоре.

Света побледнела. Анька заметалась. Ленка смотрела на дверь.

- Где ключ..., - начала Света.

- Открывайте, - сказала Яна спокойно. - Сейчас.

Анька бросилась к двери. Дёргала ручку.

- Ключ заклинило. Не открывается, - прошептала она.

Яна подошла. Осмотрела замок. Старый. Советский. Простой.

- Отойдите, - сказала она.

Она достала из кармана шпильку, которую носила с собой. Не для красоты. Для случаев, когда нужно было открыть что-то. Кабан учил её основам. Простые замки открываются за тридцать секунд.

Она вставила шпильку в скважину. Поворот. Щелчок.

Дверь открылась.

- Бегите, - сказала Яна.

Они выбежали. Не оглядываясь. Не благодаря. Просто бежали.

Яна вышла последней. Коридор был полон. Все бежали к выходу. Учителя кричали, пересчитывали. Пожарные машины уже стояли у школы.

Но Яна не побежала. Она остановилась. Прислушалась.

И услышала.

Тихий звук. Механический. Тиканье.

Она повернула. Пошла не к выходу. А в противоположную сторону. К кабинету химии.

Там, на третьем этаже.

Она знала.

***

Кабинет химии был пуст. Дверь приоткрыта. Яна вошла.

И увидела.

На столе, посреди класса, лежало что-то. Небольшое. Ме-

таллическое. С проводами. С таймером.

Граната. Не учебная. Настоящая. РГД-5. С запалом. С таймером, который отсчитывал.

Осталось пять минут.

Яна замерла. Не от страха. От понимания.

Кто-то хотел не просто напугать. Кто-то хотел убить. Всех. Кто был в школе.

Она подошла ближе. Осмотрела.

Запал вкручен. Таймер механический. Часы. Стрелки двигались.

Она не была сапёром. Но Кабан учил её основам. Видеть. Понимать. Не трогать.

Но времени не было.

Она достала из кармана нож. Не большой. Складной. Острый.

И начала работать.

Не думая. Не боясь. Просто делая.

Первый провод. Синий. К таймеру.

Перерезала.

Ничего.

Второй. Красный. К запалу.

Перерезала.

Тишина.

Третий. Зелёный. К корпусу.

Перерезала.

Спокойно.

Остался один. Чёрный. Основной.

Она задержала дыхание.

Перерезала.

Таймер остановился.

Стрелки замерли.

Она громко выдохнула.

Только сейчас поняла, что задерживала дыхание.

Она взяла гранату. Осторожно. Завернула в тряпку, которую нашла на столе. Главное как учил Сократ не оставлять пальчиков.

Положила в рюкзак.

И вышла.

Быстро. Тихо. Незаметно.

Вниз по лестнице. Через чёрный ход. К тому окну, что видела утром. Сломанная решётка.

Она вылезла. Упала в снег.

И побежала.

Не оглядываясь.

К лесу.

Там, где её никто не найдёт.

***

Она бежала. Не чувствуя ног. Не чувствуя холода. Только адреналин. Только страх. Только понимание.

Она спасла их. Всех. Тех, кто её ненавидел. Тех, кто запер её. Тех, кто хотел её унизить.

Она спасла их.

И они никогда не узнают.

Она добежала до леса. Остановилась. Перевела дыхание.

И услышала шаги.

Кто-то шёл.

Быстро. Уверенно.

Она спряталась за дерево.

И увидела.

Лёха Сытов. Старшеклассник. Десятый класс. Тот, кто считался «авторитетом» в школе.

Он шёл по её следу.

Нашёл её.

Остановился.

Посмотрел на дерево, за которым она пряталась.

- Выходи, - сказал он. - Я знаю, что ты там.

Яна вышла.

Лёха посмотрел на неё. Сверху вниз. Он был выше на голову. Шире в плечах. Сильнее.

- Ты кто? - спросил он. - И чё ты сделала там?

Яна посмотрела на него. Спокойно. Ровно.

- Я та, кто обезвредил гранату, - сказала она. - А ты тот, кто шёл по моему следу.

Лёха замер. Глаза расширились.

- Ты.. - начал он. Не закончил.

- Я знаю, что ты видел, - продолжила Яна. - И я знаю, что ты никому не скажешь. Потому что если скажешь...

Она не договорила. Не нужно было.

Лёха понял.

- Ты мне должна, - сказал он, пытаясь вернуть контроль. - За то, что я молчу.

Яна рассмеялась. Тихо. Без злости.

- Я тебе ничего не должна, - сказала она. - Потому что ты не сделал одолжение. Ты сделал выбор. И этот выбор — в твоих интересах. Потому что если ты заговоришь... тебя спросят, почему ты молчал раньше. Почему не предупредил. Почему не помог. И тогда тебе придётся объяснять, что ты делал там, в школе. Когда все эвакуировались.

Лёха побледнел.

- Откуда ты..., - начал он.

- Я всё знаю, - перебила Яна. - И я всё вижу. И я всё помню.

Она повернулась. Пошла.

Не оглядываясь.

К дороге.

Где её ждал Тимур.

Где её ждал Мишка.

Где её ждала новая жизнь.

А Лёха стоял. Смотрел ей вслед.

И понимал: его жизнь изменилась. Навсегда.

Потому что он видел, как обычная девочка из седьмого класса стала... кем-то другим. Кем-то, кто не боится. Кто не ломается. Кто не подчиняется.

И он решил: он не будет её врагом.

Он будет... наблюдателем. Свидетелем. Тем, кто расска-

жет потом, как всё начиналось.

Как одна девочка изменила всё.

Не силой. Не оружием. Не криком.

А тишиной. Спокойствием. Знанием.

И это было страшнее любой гранаты.

Потому что гранату можно обезвредить.

А такую девочку... такую девочку даже нельзя контролировать.

Можно только принять.

И Лёха принял. Он повернулся. Пошёл домой.

А Яна шла к дороге. Где её ждал Прадо. Она села в машину. И Тимур обнял её. Крепко.

- Ты спасла их, - сказал он тихо. - Всех.

- И ты не ждёшь благодарности, - сказал Мишка, сидящий спереди. - Ты не ждёшь признания. Ты просто... сделала.

Тимур отстранился. Посмотрел на неё. В его глазах было не просто уважение. Не просто гордость. Было... благоговение.

- Ты не просто научилась, - сказал он. - Ты стала. Той, кем должна была стать.

Яна улыбнулась.

- Это только начало, - сказала она.

Раф кивнул, глядя в зеркало заднего вида, завел машину и они поехали.

Домой.

Где их ждал Фанси и Сократ.

Где их ждала семья.

Настоящая. Не по крови. По выбору. По тишине. По теплу. По доверию. И Яна знала: она дома.

Наконец-то.

Глава 15

Глава 15. Тени на асфальте

Читать под трек **«Roch'n Roll» - DJ Remix, Stephan Dirks**

Вторая половина января тысяча девятьсот девяносто седьмого года встретила Яну не привычным скрипом снега под ботинками, а низким гулом дизельных двигателей и резким запахом солярки, который въелся в морозный воздух двора «красной» школы в Коньково. Две серые буханки уазиков и черная волга с синими полосами стояли криво, перекрывая часть тротуара, словно кто-то парковался в спешке, не заботясь о геометрии пространства. Милиционеры в овчинных тулупах и ушанках курили у входа, выпуская густые клубы пара, которые тут же рассеивались на ветру. Ученики толпились группами, шептались, косились на машины, на погоны, на лица взрослых, которые выглядели усталыми, раздраженными и абсолютно чужими в этом сером школьном пейзаже. Яна вышла из машины Рафа, закрыла дверь, поправила лямку рюкзака и сделала вдох. Воздух был холодным, колючим, но она не стала задерживать дыхание. Она просто пропустила его через себя, отметила запах дешевого табака, влажной шерсти, солярки и того самого кисловатого оттенка, который всегда сопутствует страху. Страх пах иначе, чем тревога. Тревога была острой, металлической. Страх был тягучим,

липким, оседающим на языке. Она зафиксировала это ощущение, отпустила его и шагнула вперед.

Двор встретил ее взглядами. Сотни глаз, которые раньше скользили мимо, теперь задерживались. Шепот разных вопросов пробежал по толпе, как ветер по сухой листве. Кто это? На какой машине приехала? Почему милиция? Что случилось? Яна не ускоряла шаг. Не замедляла. Она шла ровно, перекатываясь с пятки на носок, как учил Сократ, чтобы движения не привлекали лишнего внимания, чтобы силуэт сливался с потоком, чтобы присутствие не становилось мишенью. Но было поздно. Присутствие уже стало фактом. Она вошла в здание. Коридор встретил ее гулом, который не был обычным школьным шумом. В нем читалась растерянность, подавленное возбуждение, попытка сохранить видимость порядка там, где порядок уже дал трещину. Учителя стояли у кабинетов, перешептывались, проверяли списки. Ученики жались к стенам, избегали смотреть друг другу в глаза. Яна прошла к своему классу, открыла дверь, вошла. Тридцать пар глаз повернулись к ней. Марья Нарциссовна стояла у доски, мел в руке дрожал едва заметно. Она кивнула, жест был коротким, отрывистым, лишенным привычного раздражения.

- Карманова, садись. Журнал заполним позже.

Яна села на свою парту у окна. Достала тетрадь. Ручку. Термос по традиции поставила под стол. Движения были плавными, выверенными, лишенными суеты. Она не стала

оглядываться. Не стала искать поддержки. Она просто ждала. Знала, что вызов неизбежен. Знала, что система всегда реагирует на нарушение тишины. Знала, что правда редко бывает нужна тем, кто ее ищет. Им нужна версия. Удобная. Простая. Закрывающая вопрос.

Перемена началась не со звонка. С шагов. Тяжелых, мерных, отдающихся эхом по коридору. Дверь класса открылась. Вошел мужчина в милицейской форме. «Капитан, - поняла Яна, глядя на погоны». Лицо широкое, скулы тяжелые, усы седые, глаза усталые, но внимательные. За ним двое оперативников в гражданском, кожаные куртки, руки в карманах, взгляды скользят по лицам, фиксируют детали, запоминают позы. Капитан остановился у учительского стола, положил на него папку, обвел класс взглядом.

- Ребята, послушайте внимательно. Вчера в школе произошло чрезвычайное происшествие. Был звонок о минировании школы. А взрывоопасный предмет так и не был найден. Все вы были эвакуированы. Сейчас нам нужно установить картину происходящего. Кто что видел? Кто что слышал? Кто где находился в момент объявления тревоги? Вопросы будут простые. Ответы нужны четкие. Вранье не поможет. Правда не навредит. Начинаем по списку.

Он назвал первую фамилию. Ученик встал, начал говорить. Тихо. Сбивчиво. Капитан кивал, делал пометки в блокноте. Второй. Третий. Яна слушала. Не вмешивалась. Фиксировала структуру допроса. Открытые вопросы. Проверка

на противоречия. Фиксация деталей. Метод старый, проверенный, но эффективный только тогда, когда отвечающий не готов. Когда отвечающий уверен, когда его слова не расходятся с фактами, когда его позиция не зависит от чужих интерпретаций, допрос превращается в формальность. Яна ждала своей очереди. Знака. Вызова.

- Карманова, - произнес капитан, не поднимая глаз от блокнота. К доске.

Яна встала. Прошла вперед. Остановилась у стола. Не ближе. Не дальше. На дистанции, которая позволяет говорить, не крича. Которая позволяет видеть реакцию. Которая позволяет контролировать пространство.

- Где вы находились в момент объявления эвакуации? - спросил капитан. Голос ровный. Без давления. Без угрозы. Просто констатация необходимости.

- В кабинете математики, - ответила Яна. Голос тихий. Четкий. Без дрожи. Без оправданий.

Капитан поднял глаза. В них мелькнуло что-то похожее на интерес.

- Кто еще был с вами?

- Никого. Я работала с дополнительным заданием. По заданию учителя.

Капитан посмотрел на Марью Ивановну. Та кивнула медленно.

- Да. Я давала ей задание. Она осталась после звонка. Я не успела проверить.

Капитан сделал пометку. Хорошо. Кто может подтвердить, что вы были именно там.

- Я могу подтвердить, - раздался голос с задней парты. Света. Встала. Лицо напряженное. Глаза бегают. - Мы видели, как она зашла в кабинет. Потом объявили тревогу. Мы побежали вниз. Ее не видели на первом этаже. Ее не было в строю. Мы думали, она осталась. Или спряталась.

Капитан повернул голову.

- Вы видели, как она выходила из кабинета?

- Нет, - ответила Света. Голос стал тише. Но увереннее. - Мы бежали. Не оглядывались. Но когда собрались во дворе, ее не было. Учителя пересчитывали. Ее не хватало. Потом она появилась. Откуда-то сзади. От черного хода.

Капитан посмотрел на Яну.

- Вы слышите? Есть расхождение. Вы утверждаете, что были в кабинете. Они утверждают, что не видели вас на первом этаже. Что вы появились позже. Объясните.

Яна не стала торопиться. Она сделала вдох. Выдох. Почувствовала, как плечи опускаются. Как взгляд становится прямым. Как тело заземляется.

- Я не спускалась по главной лестнице, - сказала она спокойно. - Я сначала забежала в кабинет химии на третьем этаже. Там хранятся реактивы. Взрывоопасные. Токсичные. При эвакуации первое правило закрыть доступ к опасным зонам. Я закрыла дверь на ключ. Сдала журнал. Вышла через запасной выход. Он ведет во внутренний двор. К черному

ходу. Там нет турникета. Нет толпы. Там безопаснее. Я спустилась по служебной лестнице. Вышла во двор. Присоединилась к строю сзади. Потому что спереди была давка. Потому что учителя кричали. Потому что паника мешает думать. Я не пряталась. Я действовала по инструкции. Если кто-то не видел меня на первом этаже, это значит, что он не смотрел туда, где я была. А не то, что меня там не было.

Капитан молчал. Смотрел на нее. Потом на Свету. Потом на блокнот.

- Кто такой инструктаж по эвакуации проводил? - спросил он.

- Завуч. В начале года. В акте сказано. Запасные выходы. Служебные лестницы. Приоритет безопасности над порядком построения.

Капитан кивнул медленно.

- Хорошо. Карманова, садитесь. Девочки, ко мне. После урока. Разберем ваши показания.

Яна вернулась на место. Не оглядываясь. Не торжествуя. Просто заняла свое пространство. Света села. Лицо побледнело. Анька сжала кулаки под партой. Ленка отвернулась к окну. Они пытались создать версию. Версия рассыпалась от первого же факта. Яна не боролась с ними. Она просто показала структуру. А структура не терпит лжи. Она ее вытесняет. Как вода вытесняет воздух из сосуда.

Урок прошел в тишине. Мария Нарциссовна писала формулы, но мел стучал реже. Взгляд ее скользил по классу, за-

держиваясь на Яне дольше, чем обычно. В этом взгляде не было одобрения. Не было осуждения. Было узнавание. Она видела не бунтарку. Не странную ученицу. Она видела человека, который знает, куда идет. Который не ломается под давлением. Который не ищет оправданий. Который просто действует.

Последний звонок прозвенел глухо. Ученики начали собираться. Шум вернулся. Но теперь он был другим. Не хаотичным. Напряженным. Яна упаковала сумку. Проверила карманы. Ключи. Ручка. Термос. Все на месте. Она встала. Пошла к выходу. Не торопясь. Не оглядываясь. Просто шла.

В коридоре ее ждали. Не учителя. Не милиция. Они. Света. Анька. Ленка. И двое парней из десятого класса. Леха Сытов и его друг. Стояли у выхода. Блокировали проход. Лица напряженные. Позы вызывающие. Но в глазах читалось нечто иное. Не злость. Тревога. Страх потери контроля.

- Ну что, умная, - начала Света, и в голосе ее звучала не обида, а попытка вернуть равновесие. - Думаешь, вышла сухой? Думаешь, всех провела? Милиция уедет. А мы останемся. И мы помним.

Яна остановилась. Посмотрела на них. Не снизу вверх. Не со страхом. Прямо. Ровно. Спокойно.

- Вы не помните, - сказала она тихо. - Вы интерпретируете. И ваша интерпретация расходится с фактами. Факты у милиции, у завуча, у учителя. Ваши слова это попытка создать реальность, которой нет. Но реальность не зависит от ваших

желаний. Она зависит от того, что было. А было то, что я действовала по инструкции. А вы бежали, не оглядываясь. И это нормально. Паника это реакция тела. Но не нужно прикрывать ее ложью. Ложь тяжелее правды. Она тянет вниз. Она ломает спину. Вы еще молодые. Спина должна быть прямой.

Леха Сытов шагнул вперед. Лицо исказилось. В нем не было угрозы. Было раздражение. Смешанное с непониманием.

- Ты чё несешь? Ты кто такая вообще? Думаешь, ты тут главная? Думаешь, ты умнее всех?

Яна посмотрела на него. Оценила. Высокий. Широкоплечий. Движения резкие. Дыхание учащенное. Он не опасен физически. Он опасен эмоционально. Эмоции делают человека предсказуемым. Предсказуемость делает его уязвимым.

- Я не думаю, что я главная, - сказала Яна ровно. - Я думаю, что вы тратите энергию не туда. Энергия ограниченный ресурс. Если тратить ее на иллюзии, не останется сил на реальность. А реальность требует внимания. Требует подготовки. Требует тишины внутри. У вас ее нет. У меня есть. И этого достаточно.

Она шагнула в сторону. Обошла их. Не ускоряя шаг. Не оглядываясь. Просто вышла в коридор. Просто спустилась по лестнице. Просто открыла тяжелую дверь с табличкой выход. Просто шагнула на улицу.

Мороз ударил в лицо. Воздух был чистым. Холодным. Бодрящим. Она сделала вдох. Выдох. Почувствовала, как на-

пряжение отступает. Уступает место ясности. Ясности, которая не требует доказательств. Которая просто есть.

Она пошла домой. По привычному маршруту. Вдоль забора школы. Через аллею. К остановке. К повороту. К своему району. Но что-то было не так. Не в воздухе. Не в звуках. В ритме. В тишине между шагами. В том, как тени ложились на снег. В том, как ветер менял направление. В том, как где-то вдалеке глухо хлопнула дверь машины.

Яна не обернулась. Не ускорила шаг. Она просто перевела взгляд в боковое зеркало витрины магазина. Увидела отражение. Черные жигули. Девятка. Тонированные стекла. Двигатель работает. Выхлоп идет. Машина не уезжает. Машина ждет.

Она зафиксировала факт. Не стала паниковать. Не стала бежать. Паника это ошибка. Бегство без плана это ловушка. Она продолжила идти. Ровно. Спокойно. Перекатываясь с пятки на носок. Слушая шаги за спиной. Считая интервалы. Двадцать метров. Пятнадцать. Десять.

Дверь машины открылась. Вышли двое. Не школьники. Взрослые. Кожаные куртки. Тяжелые ботинки. Шапки надвинуты на лоб. Лица скрыты воротниками. Один высокий. Широкоплечий. Второй пониже. Коренастый. В руке у него что-то блестело. Не нож. Не пистолет. Цепь. Короткая. Тяжелая.

- Эй, девочка, - раздался голос. Хриплый. Низкий. Без интонации. Просто констатация присутствия. - Остановись.

Поговорим.

Яна остановилась. Не потому что испугалась. Потому что оценка ситуации требовала паузы. Двое против одного. Расстояние пять метров. Пространство открытое. Снег глубокий. Бегство затруднено. Укрытия нет. Свидетелей нет. Улица пустая. Время позднее. Свет фонарей тусклый.

- Я не знаю вас, - сказала Яна. Голос ровный. Тихий. Без дрожи. Без вызова. - Мне не о чем с вами говорить.

Коренастый усмехнулся. Зубы желтые. Глаза маленькие. Бегающие.

- Не знаешь. Узнаешь. Ты вчера в школе была? Милицию видела? Теперь расскажи все, что знаешь.

Яна почувствовала, как внутри похолодело. Не от страха. От понимания. Это не школьные разборки. Это не обида одноклассников. Это проверка. Тест. Кто-то хочет знать, насколько она информирована. Насколько она связана. Насколько она уязвима. Кто-то хочет нащупать границы. Найти слабое место. Использовать ее как рычаг.

- Я ничего не видела, - сказала Яна спокойно. - Нас так быстро эвакуировали , что я ничего не смогла понять. Учителя кричали, была паника.

Высокий шагнул вперед. Тень упала на снег. Длинная. Угрожающая.

- Не ври. Мы знаем, что ты не обычная. Мы знаем, что за тобой кто-то стоит. Мы знаем, что ты не одна. Скажи, кто твоя крыша? Скажи, кто платит? Скажи, и мы уйдем. Не ска-

жешь, и мы заберем сумку. И тебя тоже заодно, - заржал коренастый.

Яна посмотрела на цепь. На ботинки. На лица. Оценила дистанцию. Оценила скорость. Оценила варианты. Бегство невозможно. Они быстрее. Снег глубокий. Укрытия нет. Сопротивление опасно. Цепь тяжелая. Удар в голову может быть смертельным. Но есть третий путь. Путь, который не требует силы. Требует времени. Требует пространства. Требует ошибки противника.

Она сделала шаг назад. Не отступила. Сместила центр тяжести. Подготовила тело. Вдохнула. Задержала дыхание. Сделала вид, что колеблется. Показала слабость. Показала страх. Показала готовность подчиниться.

- Ладно, - прошептала она. Голос дрогнул. Специально. - Я скажу. Только не бейте. Только отпустите.

Коренастый ухмыльнулся.

- Ну. Говори.

Яна сделала еще шаг назад. Указала рукой в сторону переулка. Там. За углом. Машина стоит. Черная. Волга. Там человек. Он все видел. Он ждет сигнала. Если я не вернусь через две минуты, он вызовет милицию. Он вызовет всех. Он знает номера. Он знает адреса. Он знает все.

Высокий нахмурился. Посмотрел в сторону переулка. Коренастый тоже. На секунду их внимание сместилось. На секунду их ритм сбился. На секунду они перестали контролировать дистанцию.

Яна не стала ждать. Она не стала думать. Она действовала.

Шаг вперед. Разворот. Выпад ногой. Не в голову. Не в корпус. В колено. Точно. Быстро. Без замаха. Без предупреждения. Хруст. Крик. Высокий упал на снег. Схватился за ногу. Цепь полетела в сторону.

Яна не стала смотреть. Не стала проверять. Она побежала. Не по дороге. По снегу. По сугробам. По дворам. Через чужие территории. Она не чувствовала усталости. Не чувствовала холода. Чувствовала только ритм. Вдох. Выдох. Шаг. Поворот. Дыхание. Бег.

За спиной раздался крик. Голоса. Шаги. Тяжелые. Неуклюжие. Они не были готовы к снегу. Не были готовы к маневру. Не были готовы к тому, что добыча не убегает в прямую линию. А меняет направление. А использует пространство. А знает, где узкие проходы. Где низкие заборы. Где старые дырки в заборах.

Яна перепрыгнула через низкий штакетник. Упала в сугроб. Поднялась. Побежала дальше. Сердце колотилось. Дыхание сбивалось. Но тело помнило тренировки. Помнило уроки Кабана. Помнило слова Тимура. Страх это информация. Используй ее. Не позволяй ей управлять тобой. Дыши. Смотри. Действуй.

Она свернула в арку. Прошла через двор. Вышла на другую улицу. Остановилась. Прислушалась. Шаги затихли. Голоса стихли. Только ветер. Только снег. Только сердце.

Она не стала ждать. Не стала прятаться. Она пошла. Ров-

но. Спокойно. К дому. К подъезду. К двери. К безопасности.

Подъезд встретил ее запахом сырости и старой краски. Лифт не работал. Лестница скрипела. Яна поднялась на последний этаж. Открыла дверь. Вошла. Закрыла. Щелкнул замок. Тишина.

Она сняла куртку. Повесила. Села на пол. Прислонилась к стене. Закрыла глаза. Дышала. Глубоко. Ровно. Позволяя телу прийти в себя. Позволяя адреналину уйти. Позволяя мыслям уложиться.

Через десять минут дверь открылась. Вошел Тимур. За ним Мишка. Сократ. Раф. Фанси.

Тимур опустился на колени рядом. Положил руку на плечо.

- Что случилось? - спросил он тихо.

Яна открыла глаза. Посмотрела на него. Не стала скрывать. Не стала приукрашивать. Рассказала все. Про машину. Про двоих. Про цепь. Про вопросы. Про побег. Про переулок. Про арку. Про тишину.

Тимур слушал. Не перебивал. Не задавал вопросов. Когда она закончила, он помолчал. Потом встал. Подошел к окну. Посмотрел на улицу.

- Это не случайность, - сказал он наконец. Голос был низким. Ровным. Без эмоций. Без паники. - Это проверка. Кто-то хочет понять, насколько ты защищена. Насколько ты информирована. Насколько ты уязвима. Они не хулиганы. Это профессионалы. Или полупрофессионалы. Работающие на

заказ. Или на интерес.

Мишка сел на стул. Провел рукой по лицу.

- Значит, граната была не просто пранк. Это был сигнал. Пробный шар. Посмотреть, как ты реагируешь. Посмотреть, как реагируем мы. Посмотреть, где границы.

Сократ кивнул.

- Границы сейчас расширяются. Кто-то хочет войти в зону. Школа это не просто учебное заведение. Это территория. Это поток. Это информация. Это связи. Кто контролирует школу, контролирует район. Кто контролирует район, контролирует рынок. Рынок это деньги. Деньги это власть. Власть это цель.

Фанси оперся на трость.

- Девочка выдержала. Не сломалась. Не испугалась. Не выдала лишнего. Это хороший знак. Но это также предупреждение. Они вернутся. С другими методами. С другими людьми. С другими условиями. Нужно готовиться. Не к войне. К выживанию. К контролю. К тишине внутри.

Раф стоял у двери. Молча. Но в его позе читалась готовность. Готовность действовать. Готовность защищать. Готовность не допустить повторения.

Яна встала. Подошла к столу. Налила воды. Выпила. Почувствовала, как холод уходит. Как тело возвращается. Как разум проясняется.

- Они спросили про крышу, - сказала она тихо. - Про платящего. Про связь. Они думают, что я часть системы. Что я

инструмент. Что я могу выдать информацию.

Тимур повернулся к ней.

- И что ты им показала?

- Что я не инструмент, - ответила Яна. - Что я не часть их системы. Что я действую по своим правилам. Что я не боюсь. Что я не ломаюсь. Что я выбираю.

Мишка рассмеялся. Тихо. Без злости. Без иронии. Просто признание.

- Жираф, ты даешь жару. Они думали, что имеют дело с ребенком. А получили оператора. Теперь они будут думать дважды. Трижды. Десять раз. Прежде чем подойти.

Сократ подошел к окну. Посмотрел на улицу.

- Они не отступят. Они проверят другие углы. Другие маршруты. Другие методы. Нужно изменить паттерн. Нужно ввести элемент случайности. Нужно создать иллюзию уязвимости там, где ее нет. И показать силу там, где ее не ждут.

Тимур кивнул.

- Раф, усиливаем периметр. Кир, меняем маршруты. Сократ, анализируем связи. Фанси, готовим протоколы. Яна, ты отдыхаешь. Сегодня. Завтра начинаем новую фазу. Фазу контроля. Фазу тишины. Фазу, где ты не реакция. Ты инициатива.

Яна кивнула. Не потому что устала. Потому что поняла. Игра изменилась. Правила стали другими. Ставки выросли. Но она не боялась. Она была готова. Она знала, что страх это информация. Знала, что тишина это сила. Знала, что выбор

это свобода.

Глава 16

Глава 16. Ванильный лабиринт

Читать под трек **«Conquer» - Andrxrxsso, Bloodthxrn**

Автомобиль Кира, брутальный и гладкий, словно отполированный камень, скользил по утренней Москве, разрезая воздух, который все еще хранил в себе ночную прохладу и запах сырой земли. Яна сидела на пассажирском сиденье, пристегнутая ремнем безопасности, и наблюдала, как за окном проплывают серые фасады домов, рекламные щиты с кричащими цветами и люди, спешащие по своим делам, не подозревающие о том, что в мире существуют параллельные реальности, скрытые за тяжелыми дверями и бронированными стеклами. Кир вел машину уверенно, одной рукой держа руль, а другой барабаня пальцами по панели приборов в такт музыке, которая тихо играла из динамиков, создавая атмосферу какого-то странного, почти ритуального спокойствия перед бурей, о которой Яна еще не догадывалась.

- Мы заедем в одно место, - сказал Кир, не сводя глаз с дороги, его голос звучал необычно ровно, без привычной иронии и сарказма, которые обычно сопровождали каждое его слово. - Там есть дело, которое нельзя откладывать. И оно касается не безопасности, не стратегий и не врагов. Оно касается кое-кого очень важного.

Яна повернула голову, посмотрела на его профиль, отме-

чая для себя это редкое отсутствие шуток. Кир редко бывал серьезным так открыто, обычно его броня из цинизма и смеха была непробиваема, но сейчас в его взгляде читалась какая-то глубокая, почти отеческая нежность, смешанная с тревогой.

- Кто этот кто-то? - спросила Яна, чувствуя, как внутри нее шевелится любопытство, острое и цепкое.

- Узнаешь, - ответил Кир, и уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. - Но скажу тебе сразу, Малая, этот кто-то не любит гостей. Не любит шума. Не любит, когда нарушают его границы. Но ради него мы нарушим все правила этикета, потому что он заслуживает этого больше, чем кто-либо другой на этом свете.

Машина свернула с шумного проспекта в тихий переулок, где деревья нависали над дорогой зелеными шатрами, и остановилась у небольшого продуктового магазина, вывеска которого гласила о том, что здесь продаются колбасы, сыры и свежие продукты. Кир заглушил двигатель, выключил музыку, и тишина в салоне стала плотной, почти осязаемой.

- Жди здесь, - бросил он, открывая дверь. - Я быстро.

Яна хотела предложить пойти с ним, но что-то в его тоне остановило ее. Это было не приказом, а просьбой, скрытой за формой утверждения. Она кивнула, откидываясь на спинку сиденья, и стала наблюдать за тем, как Кир уверенным шагом пересекает тротуар и исчезает за стеклянной дверью магазина. Внутри было видно, как он направился к прилавку

с молочными продуктами, как о чем-то спросил у продавщицы, как та кивнула и начала выкладывать товар на прилавок.

Через несколько минут он вернулся, неся в руках три большие картонные коробки, обернутые в прозрачный целлофан. Он сел в машину, положил коробки на заднее сиденье, завел двигатель и снова выехал на дорогу. Яна заметила, что коробки были тяжелыми, и на них виднелись знакомые надписи: сырки творожные, классические, в серебряной фольге, те самые, которые пахли ванилью и детством, которые продавались в каждом магазине, но которые Кир покупал так, словно это было редчайшее сокровище, добытое в далеких странах.

- Зачем так много? - не выдержала Яна, глядя на коробки в зеркало заднего вида. - Это же просто сырки.

- Не просто, - ответил Кир, и в его голосе снова прозвучала та самая мягкость, которую Яна у него почти не слышала. - Это не еда, Малая. Это якорь. Это связь. Это единственный способ сказать кое-кому, что он не один, что о нем помнят, что его любят, даже если он не умеет отвечать взаимностью в привычном смысле. И дарить их будешь ты.

- Я? - удивилась Яна, чувствуя, как внутри нее нарастает напряжение. - Почему я?

- Потому что он доверяет только тем, кто не пытается его лечить, переделывать или жалеть, - сказал Кир, вглядываясь в дорогу. - Он доверяет тем, кто принимает его таким, какой он есть. И Тимур считает, что ты именно такой человек. Ты

умеешь слушать тишину. А ему это нужно больше, чем воздух.

Они подъехали к особняку Сомегрэлло, миновали ворота, проехали по аллее и остановились у крыльца. Кир вышел, достал коробки с сырками и передал их Тимуру, который уже ждал их на ступеньках. Тимур принял коробки с какой-то странной бережностью, словно это были не продукты, а хрупкие кристаллы, которые могли разбиться от неосторожного движения.

- Идем, - сказал Тимур Яне, и в его голосе не было вопроса. Это было приглашение в мир, о котором она еще ничего не знала.

Они вошли в дом, прошли через просторный холл, мимо библиотеки, мимо зала, где обычно собирались все вечера, и направились в сторону, куда Яна никогда не ходила. Тимур вел ее уверенно, ведь он знал каждый камень, каждую доску в этом доме, и подошел к неприметной двери в конце коридора, которая обычно была закрыта и о которой Яна никогда не спрашивала, считая, что это просто кладовая или техническое помещение.

Тимур открыл дверь, и оттуда пахнуло холодом, сыростью и чем-то электрическим, острым, как озон после грозы. Вниз вела узкая лестница, вырубленная в камне, ступени которой были стерты тысячами ног, хотя Яна подозревала, что этими ногами были только ноги Тимура и, возможно, еще одного человека.

- Ты не любишь бродить по дому, - сказал Тимур, спускаясь первым, его голос эхом отразился от каменных стен. - Ты предпочитаешь свой маршрут: библиотека, зал, комната, кухня. Это хорошо. Это значит, что ты ценишь порядок и знаешь свои границы. Но сегодня мы выйдем за эти границы. Сегодня я покажу тебе то, что является сердцем этого дома. Не тем сердцем, которое бьется в груди, а тем, которое думает, помнит и защищает.

Яна спускалась следом, держась за холодные перила, и чувствовала, как воздух становится все более плотным, все более насыщенным звуками, которые она не могла сразу идентифицировать. Это был не просто гул вентиляции или шум труб. Это был ритмичный, низкий гул, похожий на дыхание огромного зверя, который спит глубоко под землей, но готов проснуться в любую секунду.

Лестница закончилась, и они вышли в длинный, узкий коридор, стены которого были покрыты бетоном, а потолок терялся в темноте. Тимур включил фонарик, луч которого выхватил из мрака трубы, идущие вдоль стен, и провода, спрятанные в кабель-каналах. Они шли долго, так долго, что Яна потеряла ощущение времени и направления, понимая лишь одно: они ушли далеко от особняка, далеко от леса, под которым она некоторое время назад искала мины и растяжки, и теперь находились где-то глубоко под землей, в месте, которое не было отмечено ни на одной карте.

Коридор извивался, поворачивал то влево, то вправо, яв-

ляя множество закрытых дверей и создавая ощущение лабиринта, и Яна поняла, что запомнить путь обратно будет практически невозможно без компаса или нити Ариадны. Но Тимур шел уверенно, не сбавляя шага, и Яна старалась держаться близко, чувствуя, как ее сердце начинает биться чаще от смеси страха и предвкушения.

Наконец коридор уперся в тупик, где стояла массивная железная дверь, покрытая ржавчиной в местах стыков, но выглядящая абсолютно надежной. На ней не было ручки, только электронный замок с клавиатурой и глазок камеры, который смотрел на них красным огоньком. Тимур подошел к двери, нажал несколько кнопок на клавиатуре, ввел код, а затем постучал по металлу особым ритмом: два коротких удара, пауза, три длинных, пауза, один короткий.

- Запомни, - сказал он тихо, не оборачиваясь к Яне. - Ритм это пароль. Код могут украсть, код могут подобрать. Но ритм это отпечаток души. Если ты когда-нибудь окажешься здесь одна и тебе нужно будет войти или выйти, стучи именно так. И если тот, кто внутри, жив и в сознании, он откроет.

Замок щелкнул, механизмы внутри двери пришли в движение, и тяжелая створка медленно отъехала в сторону, открывая проход. Изнутри пахнуло теплом, пылью и чем-то сладковатым, как будто там давно никто не убирал, но при этом воздух был насыщен энергией, которая заставляла волосы на руках вставать дыбом.

Они вошли в огромное помещение, которое напоминало

пещеру, но пещеру, созданную не природой, а человеком. Стены были заставлены стеллажами, заставленными серверами, мигающими огоньками, проводами, которые сплетались в сложные узоры, похожие на корни гигантского дерева. В центре комнаты, в полумраке, подсвечиваемом только синеватым светом десятков мониторов, сидел человек.

Он сидел в старом, продавленном кресле, наклонившись к столу, заставленному клавиатурами, джойстиками и чашками с остатками кофе. На нем была надета футболка с каким-то логотипом, который Яна не могла разглядеть, и огромные наушники, которые полностью закрывали его уши. Его пальцы бешено бегали по клавишам одной клавиатуры, а другая рука судорожно сжимала джойстик, управляя персонажем на одном из экранов, где происходила перестрелка в трехмерном пространстве. На другом мониторе бежали строки кода, зеленые символы на черном фоне, которые менялись с такой скоростью, что у Яны начала кружиться голова.

Тимур подошел ближе, встал рядом с креслом и наклонился к человеку. Он положил руку ему на плечо, и Яна увидела, как мышцы человека напряглись, но он не обернулся, не прервал игры, продолжая стрелять и одновременно что-то печатать другой рукой.

- Максимка, - позвал Тимур, и в его голосе прозвучали ноты, которые заставили Яну вздрогнуть. Это был не голос лидера, не голос воина, не голос того, кто принимает реше-

ния. Это был голос отца, мягкий, бережный, полный бесконечной нежности и терпения. - Иди сюда, сынок. Посмотри, кто пришел.

Человек в наушниках замер. Его пальцы остановились над клавиатурой, джойстик медленно выпал из рук, и он медленно, словно через силу, повернул голову. Яна увидела молодого парня, худого, жилистого, с кожей, которая казалась почти прозрачной от долгого отсутствия солнечного света. Его волосы были длинными, спутанными, черными, они падали на лицо, закрывая половину лба в жутких шрамах и один глаз, но второй глаз, который смотрел на них, был ясным, острым, пронзительным, как лезвие бритвы. В этом глазу не было безумия, о котором Яна могла бы подумать, глядя на его неопрятный вид. В нем был интеллект, сосредоточенность и какая-то глубокая, затаенная боль.

Парень медленно снял наушники, положил их на стол, и его взгляд скользнул по Тимуру, а затем остановился на Яне. Он не улыбнулся, не кивнул, не сказал приветствия. Вместо этого он поднял два пальца вверх, сложенных в знак победы, и произнес слово, которое звучало странно в этом подземелье.

- Хой! - крикнул он, и его голос был хриплым, словно он давно не разговаривал, или говорил только шепотом. - Принесла?

Тимур улыбнулся, той самой редкой улыбкой, которая появлялась на его лице только когда он смотрел на нее. Он по-

вернулся к Яне и кивнул на коробки, которые она держала в руках, хотя она не помнила, чтобы брала их с собой, но они каким-то образом оказались у нее, видимо переданные Тимуром перед дверью.

- Да, Максимка, - сказал Тимур мягко. - Это для тебя.

Яна шагнула вперед, протянула коробки. Парень, которого звали Максимка, не взял их аккуратно. Он резко выхватил коробки из ее рук, словно боялся, что их отберут, сорвал обертку с такой скоростью, что бумага разлетелась по столу, и запихнул сырок в рот целиком, не разжевывая, глотая его вместе с серебряной фольгой, которую тут же выплюнул на пол. Он ел жадно, торопливо, словно это было не лакомство, а лекарство, которое спасало его от смерти, и что-то бормотал себе под нос, слова которого были неразборчивы, но в которых Яна уловила ритм, похожий на код.

- Вкусняшка, - пробормотал Максимка, облизывая пальцы, испачканные в творожной массе. - Сахар. Глюкоза. Энергия для проца. Хой, хой, хой!

- Ну вот и познакомились, - сказал Тимур, вздыхая, и в его вздохе было столько усталости и любви одновременно, что Яна почувствовала, как у нее сжимается горло. - Она придет, когда потребуется. Она часть команды теперь.

Максимка кивнул, его глаза снова обратились к мониторам, его пальцы снова запрыгали по клавишам, и он начал бормотать что-то про баги, трояны и бэкдоры, словно Яны и Тимура больше не существовало, словно они стали частью

фона, частью системы, которую он обслуживал.

Тимур взял Яну за руку, его ладонь была теплой и сухой, и повел ее к выходу. Но не успели они сделать и шага, как со стороны стола раздался звук бросаемого предмета.

- Ты просил! - крикнул Максимка, не оборачиваясь. - На!

Он кинул что-то маленькое в сторону Тимура. Тимур ловко поймал это на лету, даже не глядя, и сжал в кулаке. Яна увидела, что это был маленький черный квадрат, тонкий, твердый. Дискета. Старая, пятидюймовая, с наклейкой, на которой было написано что-то маркером, но Яна не успела прочитать. В этом маленьком куске пластика, заключалась, видимо, информация, которая стоила больше, чем все золото в этом доме.

Они поднялись наверх, прошли через коридоры, которые теперь казались Яне менее чужими и пугающими, и вошли в зал, где все уже ждали их. Кир сидел на диване, Ник стоял у окна, Раф точил нож, и все они обернулись, когда вошли Тимур и Яна. В воздухе висело напряжение, но не то напряжение, которое бывает перед боем. Это было напряжение ожидания, тишины перед тем, как будет рассказана история, которую нельзя забыть.

Тимур подошел к бару, налил себе стакан виски, выпил его залпом, не морщась, и поставил стакан на стол. Он сел в кресло, обвел взглядом всех, кто был в комнате, и начал говорить. Голос его был тихим, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду, расходясь кругами, которые дохо-

дили до самого сердца.

- Вы все спрашивали, кто такой Максимка? - начал Тимур, и в его глазах отразился огонь камина, хотя камин не горел. - Вы видели его странности. Вы видели, как он ест, как он говорит, как он живет в своем мире, который для нас кажется хаосом, а для него является единственным порядком. Но вы не знаете, через что он прошел. Вы не знаете, что стоит за его глазами.

Он замолчал, собираясь с мыслями, и Яна почувствовала, как внутри нее что-то сжимается, предвкушая боль, которую несет эта история.

- Много лет назад, когда мир был другим, когда границы были проницаемы, а жизнь стоила дешевле, чем пуля, я был в командировке. В месте, где шла война. Не та война, о которой пишут в газетах. Та война, которая стирает города с лица земли, которая превращает людей в зверей, которая оставляет после себя только пепел и крики. Это было на Кавказе, в начале девяностых, когда империя рухнула, и осколки ее начали резать друг друга. Я был там по делу, по работе, но судьба распорядилась иначе.

- В одном из сел, которое было захвачено боевиками, я нашел подвал. - продолжил Тимур. - В подвале были люди. Не солдаты. Не бойцы. Гражданские. Женщины, старики, дети. Их держали как заложников, как разменную монету, как скот. Они сидели в темноте, в грязи, без еды, без воды, без надежды. И среди них был мальчик. Ему было тогда лет во-

семь или девять. Худой, грязный, с большими испуганными глазами, которые смотрели на мир так, будто он уже видел ад и вернулся обратно.

Тимур сделал паузу, его рука сжалась в кулак, костяшки пальцев побелели.

- Его звали Максим. Его родители были туристами, они приехали посмотреть горы, погулять по старым улочкам, насладиться гостеприимством, которого нигде больше не существовало. Они попали в перекрестный огонь, в хаос, в мясорубку, которая не разбирает, кто свой, кто чужой. Родители погибли сразу. А мальчика забрали. Забрали, потому что он был свидетелем. Забрали, потому что в безумии всегда ищут козлов отпущения. Забрали, чтобы сломать.

- Он сидел в подвале месяцами. Годами. Я не знаю точно, сколько времени там прошло, потому что время в таких местах не имеет значения. Там есть только сейчас. Сейчас больно. Сейчас страшно. Сейчас хочется умереть. Максим перестал говорить. Сначала он плакал, звал маму, кричал от систематических пыток и боли. Потом он замолчал. Страх и боль выжгли в нем все слова, все эмоции, всю человечность. Он стал тенью. Он стал частью темноты. Он забыл как зовут, откуда он, что такое небо, что такое солнце, что такое тепло.

Когда мы выбили эти двери, когда мы освободили заложников, Максим не пошел с нами. Он сидел в углу, сжавшись в комок, и смотрел на нас пустыми глазами. Он не реагировал на голос, на прикосновения, на еду. Он был здесь, но его

не было. Его разум ушел туда, куда не могли добраться пули и крики. В безопасное место. В тишину.

Мы забрали его. Я не мог оставить его там. Я привез его сюда, в Москву, в этот дом. Я думал, что время лечит. Что врачи помогут. Что любовь вернет его. Но Максим был сломан слишком глубоко. Он не выходил из комнаты. Он кричал, если кто-то пытался войти. Он бился головой о стену, если слышал громкий звук. Он был агрессивен, опасен, совершенно неадекватен. Диагнозы сыпались один за другим: аутизм, посттравматическое расстройство, шизофрения, кататония. Врачи качали головами, говорили, что это необратимо, что он никогда не станет нормальным, что он будет до конца дней сидеть в своей темноте.

Тимур посмотрел на Яну, и в его взгляде была мольба о понимании.

- Но я не верю в необратимость. Я верю в то, что у каждого человека есть ключ. Есть то, что может открыть дверь, которую закрыла травма. И я искал этот ключ. Я пробовал музыку, рисование, животных, разговоры. Ничего не работало. Максим жил в своем мире, и этот мир был полон страха. Пока однажды я не принес ему компьютер.

Старый, шумный, с черно-зеленым экраном, с клавиатурой, на которой не хватало половины клавиш. Я поставил его в угол комнаты, включил и вышел. Я думал, он разобьет его. Я думал, он испугается звука кулера. Но когда я вернулся через час, Максим сидел перед экраном. Он не смотрел на

меня. Он смотрел на код. На строки текста, которые бежали по монитору. Его пальцы, которые раньше дрожали от страха, теперь уверенно нажимали на клавиши. Он не печатал слова. Он печатал команды. Он взламывал систему. Он находил ошибки. Он создавал порядок из хаоса.

Для него компьютер стал тем самым безопасным местом. Там, в коде, все логично. Все предсказуемо. Если есть ошибка, ее можно исправить. Если есть проблема, ее можно решить. Там нет боли. Там нет криков. Там нет войны. Там только логика и математика. Максим начал жить там. Он учился сам, читая книги, которые я приносил, изучая сети, которые тогда только начинали зарождаться. Он стал гением. Неуловимым хакером, которого боялись корпорации и правительства, но которого никто не мог найти. Потому что он был призраком. Он был Максимкой, который сидел в подвале и ел творожные сырки.

Тимур замолчал, и тишина в комнате стала тяжелой, наполненной уважением и болью.

- А сырки? - спросила Яна тихо, чувствуя, как слезы подступают к горлу. - Почему сырки?

Тимур улыбнулся, и эта улыбка была печальной, но светлой.

- Потому что это было первое, что он съел, когда мы выбрались из подвала, - ответил он. - Мы дали ему воду, хлеб, мясо. Он отказался. Он смотрел на нас с ужасом, боялся, что это яд, что это ловушка. А потом я увидел в кармане одно-

го из бойцов пачку сырков. Обычных, дешевых, в фольге. Я развернул один, протянул ему. Максим понюхал. Потом лизнул. Потом откусил. И впервые за годы, за все эти годы в темноте, в его глазах мелькнуло что-то человеческое. Вкус ванили и сахара вернул его на секунду в детство. В то время, до войны. До боли. До потери. С тех пор сырки это его якорь. Его связь с тем миром, где было добро. Когда он ест сырок, он чувствует себя в безопасности. Он чувствует, что кто-то заботится о нем. Что он не один.

Яна закрыла глаза, и перед ее внутренним взором возникла картина: маленький мальчик в темном подвале, который получает кусочек сладости и впервые за долгое время чувствует вкус жизни. И она поняла, почему Тимур так бережно нес коробки. Почему Кир был серьезен. Почему Максимка был таким странным.

Он не был сломан. Он был спасен. Спасен кодом и ванилью. Спасен терпением и любовью человека, который не отдал его врачам, который не списал его со счетов, который создал для него мир, где он мог быть собой.

Яна открыла глаза, посмотрела на Тимура, и в ее взгляде было новое понимание. Она поняла, что семья это не только те, кто стреляет и защищает. Это еще и те, кто лечит души. Кто находит ключи в темноте. Кто верит в невозможное.

- Он придет, когда потребуется, - повторила Яна слова Тимура. - Он часть команды.

- Да, - кивнул Тимур. - Он наш щит в цифровом мире.

Наш глаз, который видит все. Наш разум, который не спит. И мы должны беречь его. Потому что без него мы слепы. А без нас он погибнет. Мы нужны друг другу. Это и есть баланс.

Раф, который молча слушал всю эту историю, подошел к Тимуру, положил руку ему на плечо.

- Он в безопасности, - сказал Раф тихо. - Я слежу за периметром. Никто не войдет. Никто не узнает.

- Я знаю, - ответил Тимур. - Но безопасность это не только стены. Это доверие. И я доверяю вам. Всем. Потому что вы приняли его. Не как ошибку. Не как обузу. А как своего.

Кир встал, подошел к Яне, положил руку ей на голову, растрепав волосы.

- Вот так, Малая, - сказал он, и в его голосе снова появилась ирония, но теперь она была теплой, как плед. - Теперь ты знаешь секрет. Теперь ты знаешь, что у нас в подвале живет волшебник. И если ты будешь хорошей девочкой, может быть, он научит тебя взламывать пентагон.

Яна рассмеялась, и этот смех разрядил напряжение, которое висело в воздухе.

- Я не хочу взламывать пентагон, сказала она. Я хочу взламывать сердца.

Кир усмехнулся.

- Ну, с этим ты справляешься и без хакера, - сказал он. - Вон смотри, Тимур уже сдался. Сократ улыбается. Даже Раф перестал точить нож. Ты опаснее любого вируса, Малая.

Раф фыркнул, но в его фырканье не было злости. Было

согласие.

Вечер закончился тихо. Все разошлись по своим делам, но Яна осталась в зале, глядя на огонь в камине, который наконец-то разожгли. Она думала о Максимке. О его глазах. О его пальцах, которые танцевали по клавишам. О его жадности к сыркам. Она понимала, что он не просто хакер. Он был хранителем. Хранителем памяти, хранителем тайн, хранителем того, что нельзя увидеть глазами.

И она знала, что когда придет время, она снова спустится в подвал. Что она снова постучит в дверь. Два коротких, три длинных, один короткий. И что Максимка откроет. Потому что она принесет ему не только сырки. Она принесет ему признание. Признание того, что он важен. Что он нужен. Что он жив.

А за окном шел дождь. Мелкий, моросящий. Он стучал по стеклу, словно пытаясь достучаться до тех, кто внутри, словно напоминая о том, что мир снаружи продолжается, что война не закончилась, что враги не спят. Но здесь, в этом доме, под защитой стен и людей, которые стали семьей, было тепло. Было безопасно. Было место для тех, кто сломан, но не забыт.

Яна встала, подошла к окну, приложила ладонь к стеклу. Холод проник через стекло, но не остудил ее руку. Внутри нее горел огонь. Огонь понимания. Огонь сострадания. Огонь решимости.

Она не знала, что ждет их в будущем. Не знала, какие бит-

вы им предстоит выдержать. Не знала, сможет ли Максимка взломать систему, которая угрожает им всем. Но она знала одно: они не одни. У них есть Максимка, дедушка Фанси, Сократ, Раф, Кир, Тимур. И у них есть она.

И этого было достаточно.

Чтобы идти вперед. Чтобы не бояться. Чтобы жить.

А где-то глубоко под землей, в темной комнате, подсвечиваемой только мониторами, Максимка откусил очередной сырок, проглотил его и дьявольски улыбнулся. Его пальцы снова запрыгали по клавишам, и на экране побежали строки кода, которые были не просто командами и которому он дал имя «KARMA». Они были молитвой. Молитвой о защите. Молитвой о любви. Молитвой о том, чтобы мир не рухнул.

И код слушал его. Код выполнял его волю. Код становился щитом.

Потому что в мире, где правят пули и деньги, иногда спасение приходит не от солдата с автоматом. Иногда оно приходит от мальчика с творожным сырком и доступом ко всему.

И эти двое, одиннадцатилетняя девочка и странный хакер, были самым большим секретом Тимура. Самым большим оружием. Самой большой надеждой.

Яна отвернулась от окна, пошла к себе в комнату. Она не боялась темноты. Она не боялась тишины. Потому что знала: в темноте горят экраны. В тишине стучат клавиши. И в этом есть жизнь.

В этом есть будущее.
В этом есть они.
Вместе.
Навсегда.

Глава 17

Глава 17. Тихая гавань

Читать под трек **«Тишина» - Сёма Мишин**

Утро двадцать третьего января началось не со звонка будильника, а с ощущения тяжести, которое легло на грудь еще до того, как Яна открыла глаза. За окном серело рассветное небо, обещая очередной день московской зимы, когда снег кажется грязным уже к обеду, а мороз проникает сквозь любые слои одежды. Она лежала неподвижно, слушая привычные звуки просыпающегося дома. Где-то на кухне гремела посудой бабушка, ворча себе под нос о ценах на продукты и о том, что мир окончательно сошел с ума. В родительской спальне тихо храпел отец, его дыхание было ровным и тяжелым, словно он нес на себе груз всех финансовых проблем семьи даже во сне. Яна знала эти звуки, знала этот ритм, знала каждую трещину на потолке своей комнаты, но сегодня все это казалось декорацией, за которой скрывалась настоящая жизнь. Настоящая жизнь началась в первые дни после Нового года, когда она переступила порог особняка Тимура, когда собаки признали в ней свою, когда старый дом принял ее как хозяйку. Теперь она жила на две семьи, училась в обычной школе, в мире одноклассников, которые спорили из-за ручек с блестками и боялись двойки по математике, и этот контраст разрывал ее сознание на части.

Она села на кровати, чувствуя, как холодный воздух касается ног. Комната была такой же, как всегда. Плакаты на стенах, учебники на столе, книжки по любимой философии на полке, которые она уже перестала замечать как что-то диковинное. Но внутри нее что-то изменилось. Недавно она прошла испытание. Вчера она посмотрела в зеркало и увидела не чужие ожидания, а себя. Вспомнила как Фанси назвал ее Кармой. Это слово звучало в голове не как титул, а как приговор, как обязанность, как путь, с которого нельзя свернуть. Она оделась медленно, выбирая одежду не по моде, а по удобству. Темные брюки, теплый свитер, куртка, которая не сковывает движений. Она смотрела на себя в зеркало и видела одиннадцатилетнюю девочку, но в глазах читалась усталость взрослого человека, который уже прошел слишком много для своего возраста. Она знала, что сегодня придется играть роль. Придется снова притворяться, что ее волнуют только оценки и прогулки с подружками. Придется скрывать тот огонь, который зажегся в ней в начале года. И эта необходимость лгать, даже молча, вызывала физическое отвращение.

Школа встречала ее привычным шумом. Коридоры гудели, как улей, где каждый занят своим делом, но никто не знает общей цели. Запах мокрых волос от падающего снега, мела, старой краски и дешевого парфюма, который девочки начинали использовать, подражая взрослым, ударил в нос при входе. Яна сняла куртку, повесила ее на крючок в разде-

валке, закрыла дверцу на маленький ключик. Этот щелчок был как граница между мирами. Здесь она была просто Яной Кармановой, ученицей седьмого класса. Здесь не было авторитетов, не было стрелок, не было крови на снегу. Здесь были только уроки, перемены, сплетни. Она сделала глубокий вдох, выравнивая дыхание, и шагнула в поток детей.

Класс встретил ее равнодушием. Никто не заметил, что она изменилась. Никто не увидел той глубины, которая появилась в ее взгляде. Одноклассники обсуждали новогодние подарки, кто куда ездил, кто что получил и предстоящий День Святого Валентина. Голоса были громкими, резкими, полными поверхностной радости. Яна села на свою парту, достала учебники, приготовила ручку. Она слушала их разговоры, но не слышала смысла. Для нее это был просто шум, фон, который нужно было перетерпеть. Она чувствовала себя иностранцем в стране, где не знает языка. Все говорили о вещах, которые казались ей незначительными, и она не могла разделить их энтузиазм. Как можно радоваться новой кукле, когда ты знаешь, что в этом городе есть люди, которые убивают за взгляд? Как можно переживать из-за оценки, когда ты знаешь, что есть оценки, которые ставятся жизнью и смертью? Это отчуждение росло в ней с каждым днем, создавая невидимую стену между ней и остальным миром.

И в этом мире был только один человек, который не пытался пробить эту стену. Слава Астахов сидел через ряд, у другой стены. Он не был популярным. Не был лидером. Не

был тем, на кого обращают внимание девочки, мечтая о первом поцелуе. Он был тихим. Светлые волосы, немного выгоревшие летом, падали на лоб, и он постоянно их откидывал движением головы, которое стало его привычкой. Он не был высоким, но его телосложение было крепким, собранным, он занимался спортивными танцами, но не ради медалей, а для себя. Его лицо было спокойным, без той нервной мимики, которая свойственна подросткам. В его глазах не было любопытства. Не было оценки. Было внимание. То самое внимание, которое не требует объяснений.

Яна заметила его еще в начале года. Он не подходил знакомиться. Не предлагал помощь. Не пытался впечатлить. Он просто был. Иногда на уроках, когда учитель поворачивался к доске, их взгляды встречались. Это длилось секунду, не больше. Но в эту секунду Яна чувствовала, как внутри нее опускается якорь. Шум класса исчезал. Тревога отступала. Она понимала, что он видит ее. Не ту маску, которую она носит для остальных. А ту Яну, которая внутри. Ту, которая устала, которая боится, которая несет груз, неподъемный для одиннадцати лет. И он не спрашивал, что это за груз. Он просто кивал. Едва заметно. И этого было достаточно.

Сегодня был вторник. Второй урок история. Елена Ивановна, женщина с вечным запахом валерьянки и строгим взглядом, рассказывала о реформах Петра Первого. Голос ее был монотонным, усыпляющим. Яна смотрела в окно. Снег продолжал падать, укрывая город белым одеялом. Ей хоте-

лось быть там. На улице. В тишине. В особняке. Где-то, где не нужно притворяться. Вдруг дверь класса открылась, и вошла завуч. Она что-то шепнула учительнице. Елена Ивановна нахмурилась, посмотрела на класс:

- Мне нужны двое дежурных в раздевалку, - сказала она строго. - Там проверка будет. Нужно все прибрать, развесить куртки по местам, проверить, нет ли лишних вещей. Кто сегодня дежурный?

Яна подняла руку. Она не любила дежурства, но это был шанс выйти из класса. Шанс побыть в тишине хотя бы двадцать минут.

- Хорошо, Карманова, - кивнула учительница. - Кто еще?

В глубине класса поднялась рука. Слава Астахов. Он не смотрел на Яну. Смотрел на учительницу. Лицо его было спокойным.

- Отлично, - сказала Елена Ивановна. - Идите. Чтобы через двадцать минут все было идеально.

Они вышли в коридор. Дверь закрылась за ними, отрезая шум класса. Коридор был пустым. Только где-то вдалеке уборщица мыла пол, и звук швабры эхом отдавался под высоким потолком. Яна и Слава пошли к раздевалке. Они не говорили. Не было необходимости. Их шаги синхронизировались. Шуршание обуви по линолеуму создавало свой ритм. Яна чувствовала его присутствие рядом. Оно не давило. Не требовало. Оно было как теплая стена, за которой можно спрятаться от ветра.

Раздевалка находилась на первом этаже. Это было большое помещение с рядами вешалок, запахом старой одежды, пыли и сырости. Свет горел тускло, одна лампа мигала, создавая нервную пульсацию в углу. Яна остановилась посередине, огляделась. Куртки висели криво, некоторые валялись на полу, шарфы свисали с вешалок, как удавки. Беспорядок, который копился неделями.

- Начнем отсюда, - сказал Слава. Голос его был тихим, низким. Не командным. Предлагающим.

Он подошел к первому ряду, начал снимать куртки, вешать их ровно. Яна молча присоединилась. Они работали рядом. Плечо к плечу. Иногда их руки касались, когда они тянулись к одной вешалке. Кожа его была теплой. Прикосновение было случайным, но оно отправило волну спокойствия по всему телу Яны. Она смотрела на его руки. Уверенные, сильные, но не грубые. Он делал все медленно, тщательно. Не как работу, которую нужно сдать. Как ритуал. Как наведение порядка в хаосе.

- Здесь всегда так, - сказала Яна вдруг. Сама не поняла, зачем сказала. Просто слова вырвались, как пар из кипящего чайника.

Слава не обернулся. Продолжал вешать куртку.

- Везде так, - ответил он. - Люди создают хаос, потому что боятся порядка. Порядок требует ответственности. А хаос можно списать на обстоятельства.

Яна замерла. Она посмотрела на него. Он стоял спиной, но

она чувствовала, что он знает, о чем она думает. Это не были слова одиннадцатилетнего мальчика. Это была мудрость, которая не зависит от возраста. Она подошла ближе.

- Тебе не кажется, что мы притворяемся? - спросила она. - Что все это игра? Школа. Оценки. Правила. Будто мы готовимся к жизни, а жизни нет. Есть только ожидание.

Слава повернулся. В его глазах не было удивления. Не было осуждения. Только понимание.

- Игра не значит, что она не настоящая, - сказал он. - В игре тоже есть правила. Если их нарушить, тебя выгонят. Но смысл не в правилах. Смысл в том, как ты играешь. Можно играть честно. Можно играть грязно. Можно играть так, чтобы всем было интересно. А можно играть так, чтобы только ты выиграл.

Яна опустила глаза. Она думала о вчерашнем дне. О том, что ей сказали в особняке. О том, что она Карма. О том, что она должна держать баланс. Разве это не игра? Разве это не правила, которые ей навязали?

- А если правила неправильные? - спросила она. - Если они ломают людей? Если они требуют лжи?

Слава подошел к ней. Встал близко. Не нарушая границ. Но достаточно близко, чтобы она чувствовала его тепло.

- Тогда ты меняешь правила, - сказал он тихо. - Но не ломаешь игру. Иначе тебя исключат. А если тебя исключат, ты не сможешь ничего изменить. Ты должна быть внутри. Чтобы видеть. Чтобы влиять. Чтобы быть той, кто меняет ход

игры, не выходя из зала.

Яна смотрела на него. В его словах было то, что она искала. То, что ей пытался объяснить Фанси, но сложными словами. Слава сказал это просто. Быть внутри. Не ломать. Менять. Это было ключом. Это было разрешением. Она не должна выбирать между школой и особняком. Она должна быть везде. И везде оставаться собой.

- Ты уставшая, - сказал Слава вдруг. Не вопрос. Констатация.

Яна кивнула. Не стала отрицать. Не стала говорить, что все хорошо.

- Да, - сказала она. - Очень.

- Отдохни, - сказал он. - Я закончу здесь. Ты посиди.

Он указал на скамейку в углу. Старую, деревянную, с потрескавшейся краской. Яна села. Ноги гудели. Спина ныла. Она закрыла глаза. Слушала звуки раздевалки. Шуршание ткани. Скрип вешалок. Дыхание Славы. Ровное, спокойное. Она чувствовала, как напряжение уходит из плеч. Как челюсть разжимается. Как дыхание становится глубже. Здесь, в этой пыльной раздевалке, с мальчиком, которого она почти не знала, она чувствовала себя безопаснее, чем в бронированной машине Тимура. Потому что здесь не нужно было быть Кармой. Не нужно было быть хранителем. Не нужно было держать баланс. Можно было просто быть Яной. Уставшей одиннадцатилетней девочкой, которой нужно просто посидеть в тишине.

Слава не торопился. Он не пытался заполнить паузу словами. Он понимал, что тишина сейчас важнее. Он закончил с одним рядом, перешел к другому. Движения его были плавными. Уверенными. Яна наблюдала за ним сквозь прикрытые веки. Он не смотрел на нее. Не проверял, как она себя чувствует. Он просто был рядом. И это присутствие было как одеяло, которым накрывают замерзшего человека.

- Знаешь, - сказал Слава, не оборачиваясь. - Я тоже иногда устаю.

Яна открыла глаза. Посмотрела на его спину.

- От чего? - спросила она.

- От того, что все ждут чего-то, - сказал он. - Родители ждут оценок. Учителя ждут послушания. Друзья ждут поддержки. А ты просто хочешь, чтобы тебя оставили в покое. Чтобы дали побыть собой. Но нельзя. Нужно соответствовать. Нужно быть удобным. А быть удобным это как носить тесную обувь. Ходить можно. Но ноги кровоточат.

Яна сжала пальцы. Она узнала это ощущение. Тесная обувь. Каждый день. Дома. В школе. Везде. Она думала, что она одна такая. Что только она чувствует эту тесноту. А оказывается, он тоже чувствует.

- Ты тоже носишь тесную обувь? - спросила она.

Слава остановился. Повернулся. Улыбнулся. Улыбка была тихой. Грустной. Но теплой.

- У меня размер ноги не совпадает с размером ботинок, которые мне покупают, - сказал он. - Но я научился терпеть.

Пока.

- Пока? - переспросила Яна.

- Пока не вырасту, - сказал он. - Пока не смогу купить свои ботинки. Свои правила. Свою жизнь. А пока терплю. И ищу тех, кто тоже терпит. Чтобы не было так одиноко.

Он подошел к скамейке. Сел рядом. Не близко. На расстоянии вытянутой руки. Посмотрел на нее.

- Ты не одна, Яна, - сказал он. И в этих словах было больше, чем в любых клятвах. - Я вижу тебя. Я знаю, что тебе тяжело. Я не спрашиваю, почему. Не лезу. Просто знай. Если нужно будет посидеть в тишине. Если нужно будет, чтобы кто-то просто был рядом. Я здесь.

Яна чувствовала, как в горле встает ком. Слезы подступили к глазам. Не от горя. От облегчения. От того, что ее увидели. Не спросили. Не потребовали. Просто увидели. Она кивнула. Не смогла сказать ни слова. Горло сжалось.

- Спасибо, - прошептала она наконец.

- Не за что, - ответил Слава. Встал. Потянулся. Кости хрустнули. - Ладно, доделываем. А то Елена Ивановна придет, устроит разнос.

Они закончили быстро. Оставшиеся десять минут прошли в работе. Но атмосфера изменилась. Теперь между ними была связь. Невидимая нить, которая связала их в этой пыльной раздевалке. Они не договаривались. Не обещали. Но они знали. Теперь они свои. В этом мире чужих людей у них есть один свой.

Когда они вернулись в класс, урок уже заканчивался. Елена Ивановна посмотрела на них, осмотрела раздевалку взглядом, кивнула.

- Садитесь, - сказала она.

Яна села на свое место. Слава прошел к своему. Но перед тем как сесть, он обернулся. Посмотрел на нее. И в этом взгляде было все то, что они сказали друг другу в раздевалке. Я здесь. Я вижу. Ты не одна.

Яна улыбнулась. Едва заметно. Уголок губ дрогнул. Но Слава увидел. Кивнул. Сел.

Остаток дня прошел как в тумане. Уроки слились в один длинный поток звуков и образов. Яна не слушала учителей. Не записывала в тетрадь. Она сидела, смотрела в окно, чувствовала тепло в груди. То тепло, которое дал Слава. Оно не защищало от пуль. Не останавливало ножи. Не решало проблем с бандитами. Но оно давало силы жить. Оно напоминало, что она человек. Не инструмент. Не Карма. Не хранитель. Просто девочка. У которой есть друг.

Когда прозвенел последний звонок, Яна не торопилась одеваться. Она медленно собирала вещи. Класс опустел быстро. Все бежали домой, в секции, в гости. Яна вышла последней. В коридоре было тихо. Она подошла к окну. Посмотрела на двор. Снег шел сильнее. Машины стояли засыпанные. Люди бежали, кутаясь в шарфы.

Слава подошел сбоку. Неожиданно. Без звука.

- Домой? - спросил он.

- Да, - ответила Яна. - Меня заберут.

- Машина? - уточнил он. Не вопрос. Констатация.

Яна кивнула.

Слава тоже. Не осуждал. Не завидовал. Просто принял.

- Береги себя, - сказал он.

- И ты, - ответила Яна.

Он повернулся. Пошел к выходу. У двери остановился. Обернулся.

- Ян? - окликнул он.

- Да?

- Если будет совсем тяжело. Если натрешь ножки. Приходи сюда. В школу. В раздевалку. Я буду здесь.

Он ушел. Дверь хлопнула. Яна осталась одна. В тишине. В сумерках. Она стояла у окна, смотрела на его удаляющуюся фигуру. Маленький человек в большом мире. Но внутри него была сила. Тихая. Незаметная. Но настоящая.

Она вышла на улицу. Мороз ударил в лицо. Воздух был холодным, чистым. Она вдохнула глубоко. Легкие заполнились холодом. Тело напряглось, готовясь к защите. Но внутри было тепло. Тепло от слов Славы. Тепло от понимания.

У ворот школы стояла черная БМВ. Сократ вышел из машины. Открыл дверь.

- Поехали, сказал он. - Тимур ждет.

Яна села. Машина тронулась. Город проплывал мимо. Огни, витрины, люди. Все это было декорацией. Настоящее было внутри. Она закрыла глаза. Вспомнила взгляд Славы.

Вспомнила его слова. Тесная обувь. Свои ботинки. Свои правила.

Она знала, что путь будет трудным. Знала, что будут дни, когда хочется все бросить. Когда хочется снять эту ношу. Когда хочется быть просто ребенком. Но теперь она знала, что у нее есть тихая гавань. Не особняк. Не бронированная машина. Не охрана. А обычный школьник с светлыми волосами и тихим голосом. Который видит. Который понимает. Который рядом.

Это меняло все. Это делало нагрузку легче. Это давало опору. Она не одна. У нее есть союзник. В самом неожиданном месте. В самой обычной школе. В мире, который она считала чужим.

Сократ смотрел на нее в зеркало заднего вида.

- Все в порядке? - спросил он. - Ты сегодня тихая.

- Да, не бери в голову, - ответила Яна. Открыла глаза. Улыбнулась. Настоящей улыбкой. - Все в порядке. Правда.

Сократ кивнул. Не стал спрашивать подробнее. Он видел улыбку. Видел глаза. Видел, что внутри нее что-то изменилось. Что-то хорошее. Что-то, что дало ей силы.

Машина свернула на знакомую дорогу. К особняку. К Тимуру. К Фанси. К новой жизни. Но теперь у Яны было два настоящих дома. Один там, за городом. Где учат держать баланс, говорят о карме и решают судьбы. И один здесь. В школе, в раздевалке. Где можно просто посидеть в тишине. Где можно быть собой. Где есть Слава.

Она прижалась лбом к холодному стеклу. Снег стучал по крыше. Машина шла ровно. Яна чувствовала вибрацию двигателя. Чувствовала движение. Чувствовала жизнь. Она не знала, что будет завтра. Не знала, какие испытания приготовил мир. Но знала одно. Она выдержит. Потому что у нее есть якорь. Потому что у нее есть друг. Потому что она не одна.

И этого было достаточно. Чтобы жить. Чтобы идти. Чтобы быть.

Вечером, лежа в кровати в особняке, Яна достала записную книжку. Открыла чистую страницу. Взяла ручку. Подумала. Что написать? О Тимуре? О Фанси? О карме? Нет. Сегодня она напишет о другом. О тихой гавани. О Славе. О том, что сила не всегда в громких словах. Иногда сила в тишине. В взгляде. В понимании.

Она начала писать. Слова ложились на бумагу легко. Без усилий. Без цензуры. Она писала о том, как важно иметь человека, который видит тебя насквозь. И не требует объяснений. Который просто говорит: я здесь. И этого достаточно.

Когда она закончила, положила ручку. Закрыла книжку. Посмотрела в потолок. Тени плясали от камина. Огонь трещал. Тепло заполняло комнату. Яна закрыла глаза. Улыбнулась. Завтра будет новый день. Новые уроки. Новые испытания. Но она не боится. Потому что у нее есть Слава. Есть тихая гавань. Есть место, где можно снять тесную обувь. И просто быть.

И в этой тишине, в этом тепле, в этом знании, она уснула. Спокойно. Глубоко. Без снов. Без тревог. Просто уснула. Как ребенок. Как человек. Как Яна.

А за окном продолжал падать снег. Укрывая город. Скрывая следы. Готовя почву для весны. Для нового. Для того, что еще не написано. Но уже дышит. Уже ждет. Уже близко. И Яна знала: что бы ни случилось, она справится. Потому что у нее есть друзья. Есть семья. Есть она сама. И этого достаточно. Всегда достаточно.

Глава 18

Глава 18. Леди Искушения

Читать под трек **«Леди Искушения» - Yana Deeva feat. Yana's Karma Project - релиз в Яндекс Музыке в начале июня 2026**

Январь выдохнул свой последний мороз и незаметно уступил место февралю, месяцу, который в Москве всегда пах мокрым асфальтом, угарным газом и чем-то сладковато-приторным, словно кто-то рассыпал по улицам тонны сахарной пудры, пытаясь подсластить серость бетонных коробок. Календарь неумолимо приближался к четырнадцатому числу, и школа, этот микроскопический срез большого мира, начинала сходить с ума. Воздух в коридорах стал густым от шепота, от переглядываний, от неловких улыбок, которые тут же прятались за спины друзей. Везде, куда ни глянь, мелькало розовое. Розовые сердечки на тетрадках, розовые ленточки на волосах, розовые конвертики, которые девочки прятали в портфелях с таким видом, будто переправляют секретную документацию через линию фронта.

Яна сидела на широком подоконнике в коридоре второго этажа, поджав ноги, и смотрела на эту суету с тем спокойным отстранением, которое свойственно наблюдателю, запертому в аквариуме с тропическими рыбками. Она никогда не понимала этого праздника. Для нее День святого Валенти-

на был не торжеством любви, а днем всеобщей социальной тревоги, днем, когда нужно было доказать свою значимость через наличие открытки в почтовом ящике. В первом классе она влюбилась в Макса, двоечника с вечно развязанными шнурками и синяком под глазом. Она любила его тихо, как любят далекую звезду, не надеясь на взаимность. Однажды на перемене он подошел к ней, сунул в руку огрызок яблока, обглоданный так, что видны были косточки, и рассмеялся так громко, что весь класс обернулся. Сказал, что ей больше подходит, потому что она тихая. Тогда она поняла первую истину: внимание не равно любви. Иногда это просто способ утвердиться за счет чужой беззащитности.

А до школы, в родном подъезде, был еще один эпизод, который врезался в память намертво. Какой-то парень, лет четырнадцати, которого бабушка за глаза называла джентльменом за вежливые кивки и привычку придерживать дверь, предложил Яне помощь. Она тащила вверх по ступенькам тяжелую желтую коляску с игрушечным ребенком, спина ныла, пальцы скользили по холодным перилам. Он подошел, улыбаясь той самой усмешкой взрослого, который снисходит до ребенка.

- Давай, крошка, я помогу, - сказал он, и в этом слове «крошка» было столько превосходства, что Яну передернуло. Она не хотела быть крошкой. Она не хотела быть слабой, которой нужно помогать. Она резко отдернула руку, толкнула коляску так, что та стукнулась о стену, и проскочила мимо

него, бросив ледяной взгляд. С тех пор они были заклятыми врагами, молчаливыми и непримиримыми. Он обижался, что она отвергла его рыцарство. Она ненавидела его за то, что он видел в ней лишь объект для благотворительности.

И вот теперь, в седьмом классе, история повторялась, только масштабнее. Девочки хихикали, косясь на мальчиков у расписания. Мальчики, пытаясь казаться круче, нескромно подмигивали, строили из себя альфа-самцов, хотя сами боялись подойти к доске без шпаргалки. Яна открыла тетрадь по физике и начала рисовать. Не сердечки. Не цветы. Ее рука сама вывела овал, затем штриховку, затем характерную насечку. Она рисовала гранату. Ф-1. Лимонку. Ту самую, чугунную, с характерными сегментами, похожими на дольки лимона, за что она и получила свое прозвище.

- Похоже на гранату, - раздался голос прямо над ухом.

Яна не вздрогнула. Она знала, что Сашка Бутовский стоит рядом. Он был высоким, нескладным, с вечно растрепанными светлыми волосами и насмешкой в глазах. Сашка был одним из тех, кто выживал в школе через юмор и наглость. Он перегнулся через ее плечо, глядя на рисунок.

- Сходство есть, - признала Яна, не поднимая головы. - Но пропорции нарушены. У настоящей лимонки корпус цельнолитой, чугунный. А у меня он вышел слишком гладким. И запал не тот. Ты видишь, я нарисовала предохранительную скобу слишком тонкой? Она должна держать ударную пружину, а у меня она выглядит так, будто ее ветром сдует.

Сашка хмыкнул, но не ушел. Он сел на соседний подоконник, заглядывая в тетрадь с искренним интересом.

- А что за запал у настоящей? УМЗ?

- УМЗ, - кивнула Яна, проводя ручкой по бумаге. - Унифицированный механический запал. Там внутри боек, ударник, боевая пружина. Когда выдергиваешь чеку, скоба отлетает, боек бьет по капсюлю, начинается горение замедлителя. Три-четыре секунды. Потом взрыв. Осколки разлетаются радиусом до двухсот метров. Но самое страшное не осколки. Самое страшное это психология. Когда слышишь цоканье чеки, время замедляется. Ты понимаешь, что у тебя есть три секунды, чтобы изменить свою судьбу. Либо ты бросаешь, либо тебя разрывает.

Вокруг них постепенно начала собираться толпа. Сначала двое парней из их класса, потом еще один, постарше, из восьмого. Девочки, услышав слово взрыв, переглянулись и отодвинулись подальше, фыркая. Парни же, наоборот, приблизились. В их глазах читалось то самое мальчишеское любопытство к опасности, которое всегда живет в подростках.

- Ты то откуда это знаешь? - спросил один из парней, кивнув на рисунок. - В книжках читаешь или в библиотеке сидишь?

- В книжках, - пожала плечами Яна. - И в жизни. Когда знаешь, как устроена вещь, она перестает быть магией. Она становится механизмом. Граната это просто банка с энергией, которая ждет освобождения. Как человек.

- Как человек, - повторил Сашка, заржав. - Это ты про кого? Про себя? Карманова, ну ты даешь…

- Про всех, - ответила Яна спокойно. - Мы все носим внутри взрывчатку. Обиды, страхи, ожидания. Кто-то умеет держать чеку. А у кого-то скоба слетает от первого же сквозняка.

Парни замолчали. Шутки кончились. В воздухе повисло напряжение, но не враждебное, а сосредоточенное. Яна чувствовала, как меняется их восприятие. Она перестала быть той тихой девочкой с задней парты, которую можно не замечать. Она стала источником информации, носителем знания, которое пугает и притягивает одновременно.

- Слушай, а тот случай в школе, - начал вдруг другой парень, старшеклассник, понизив голос. - С эвакуацией. С гранатой в кабинете химии. Ты же была там, да? Ты видела, как ее обезвредили?

Яна подняла глаза. Взоры пяти парней уставились на нее. В них не было страха. В них был вопрос. Подозрение. И уважение, смешанное с недоверием.

- Видела, - сказала она просто.

- И как это было? - спросил Сашка, и в его голосе исчезла привычная ирония. - Кто это сделал? Милиция? Саперы? Или кто-то из своих?

Яна смотрела на них. Она знала, что сказать правду значит навлечь на себя внимание, которого она не искала. Сказать ложь значит потерять то уважение, которое только что завоевала. Ложь в мужском мире, даже подростковом, пах-

нет слабостью. А правда требует смелости.

- Никто из милиции, - сказала Яна тихо, но так, чтобы каждый слышал. - Милиция приехала, когда уже все закончилось. Это сделал человек, который понимал устройство. Не сапер с дипломом. А тот, кто знает цену секунде. Тот, кто не боится держать скобу пальцем, пока не перережет провод.

- И это была не милиция, - уточнил Сашка, глядя ей прямо в глаза. - Это был кто-то из учеников.

- Возможно, - ответила Яна, не отводя взгляда. - Но главное не кто. Главное, что, знаешь? Главное, что бомба не взорвалась. Главное, что все живы. А кто держал чеку, тому, наверное, просто повезло, что рядом были люди, которые не запаниковали, а доверились.

Парни переглянулись. В этом взгляде было признание. Они поняли, что она не скажет больше. Но они поняли и другое: она не боится. Она не прячется за спину взрослых. Она знает, о чем говорит.

- Круто, - выдохнул один из них, и напряжение спало, уступив место восхищению. - Ты реально в теме, Ян. Не знал, что ты такая.

- Есть много чего, чего вы не знаете, - улыбнулась Яна, закрывая тетрадь. - И это хорошо. Знание это ответственность. А вам пока рано грузиться.

Она встала, поправила рюкзак и пошла к выходу, оставляя за спиной шепот и восхищенные взгляды. Она чувствовала, как меняется ее статус в этой микровселенной. Она больше

не была невидимкой. Она стала загадкой. А загадку берегут. Загадке подмигивают. Загадкой вдохновляются.

Дома ее ждала другая реальность. Бабушка стояла у плиты, помешивая борщ, а папа читал газету, разложив ее так, чтобы закрыть пол-лица. Атмосфера была уютной, домашней, но в то же время какой-то душной.

- Ну что, дочка, - начал папа, не поднимая глаз от газеты, - готовишься к четырнадцатому числу? Кавалеры звонят? Валентинки ждут?

Яна сняла куртку, повесила ее на крючок.

- Никого нет, - ответила она, проходя на кухню. - И не будет.

- Как это не будет? - возмутилась бабушка, выключая конфорку. - Тебе почти двенадцать лет. В твоем возрасте уже за замуж выходили. Э-э-э, раньше! Но должны же быть поклонники! Хоть один!

- Нет, - повторила Яна, садясь за стол. - Мне не нужны поклонники. Мне нужны люди. А поклонники это просто зрители, которые платят билетами из розовой бумаги.

Папа сложил газету, посмотрел на нее с интересом.

- Философствуешь. Это хорошо. Но все же, может, стоит кому-то подарить открытку? Чтобы не быть белой вороной.

Яна посмотрела на них. На бабушку, которая искренне верила, что счастье измеряется ухажерами в раннем возрасте. На папу, который пытался быть современным, но оставался заложником стереотипов. Она поняла, что объяснить им

что-то бесполезно. Их любовь к ней была безусловной, но их понимание мира было узким. Они не видели тех нитей, которые связывали ее с особняком на севере. Они не знали, что у нее есть семья, которая выбирала ее каждый день, а не по обязанности.

- У меня есть кому подарить, - сказала Яна тихо. - Но не открытки. Подарки. Настоящие.

Она встала, прошла в свою комнату, достала из-под матраса копилку. Тяжелую, глиняную, в виде свиньи. Разбила ее молотком из шкафчика папы. Деньги высыпались на пол: мятые купюры, монеты, сдача с обедов. Она собрала все, пересчитала. Сумма была небольшой, но достаточной.

Она вышла из дома, не сказав ни слова, и пошла в магазин. Не в тот, где продают открытки с плюшевыми мишками. Она пошла в лавку антиквариата, в отдел канцелярии, в магазин тканей. Она искала не красивое. Она искала значимое.

Для Фанси она купила пачку редкого чая. Не того, что в пакетиках, а листовой, темный, с ароматом земли и дыма. Пуэр, запечатанный в настоящий мандарин. Для Тимура она выбрала дорогую ручку. Черную, с золотым пером. Тяжелую. Того типа, которой подписывают приговоры или указы, но которой можно и стихи писать, если душа просит. Или убить, если ткнуть в шею. Или в глаз.

Для Рафа она нашла точильный камень. Натуральный, арканзасский, мелкой зернистости. Для ножа, который он носит на поясе. Для Сократа она купила старинные песочные

часы. Не для того, чтобы измерять время, а для того, чтобы напоминать: время течет, и его нельзя остановить, можно только наполнить смыслом. Для Кира она приобрела футболку с надписью «лучший брат» и это говорило само за себя. Комментарии не были нужны. Для Вовы она нашла острый индейский тамагавк - идеально для лесных забав в стиле Кабана.

И седьмой подарок. Для него. Для того, кого она еще не знает, но чувствует его присутствие. Для того, кто стоит за спиной у Тимура. Для того, кто держит баланс. Она купила серебряный кулон. Простой, без камней. В форме щита. Интуитивно она знала: так надо. Седьмое звено. Седьмое чудо света. Без него структура рухнет.

Дома она взяла плотную бумагу, цветные карандаши и начала рисовать. Не сердечки. Она рисовала сердца анатомические, с желудочками и предсердиями, но вписывала в них узоры. Для Фанси она нарисовала корень дуба и написала: «Сила не в кроне, а в корнях. Спасибо за мудрость». Для Тимура она нарисовала компас и написала: «Пусть курс всегда будет верным, даже в шторм. Спасибо за крышу». Для Рафа она нарисовала щит и написала: «Защита это не стена. Это присутствие. Спасибо за спину». Для Сократа она нарисовала книгу и написала: «Слова лечат, когда они искренни. Спасибо за голос». Для Кира она нарисовала анатомическое сердце, внутри которого вместо клапанов был изображен смеющийся подсолнух, пробивающийся сквозь асфальт.

И подписала: «Юмор — это броня, которая не ржавеет. Спасибо за то, что ты мой брат и мой щит от серьезности мира».

Для Кабана она изобразила мощное сердце, оплетенное не венами, а крепкими корнями векового дуба, уходящими глубоко в землю. Рядом лежал тот самый томагавк. Текст гласил: «Сила не в ударе, а в стойкости. Спасибо за то, что за твоей спиной можно спрятаться от любой бури».

А для седьмого, неизвестного, она просто нарисовала открытую дверь и написала: «Для того, кто придет, чтобы защищать. Добро пожаловать».

Она вложила подарки в коробочки, перевязала их простой бечевкой. И сложила в школьный рюкзак. Получилось скромно, но от этого еще более ценно. В мире пластика и блеска искренность выглядит как эксклюзив.

***

Пятница, четырнадцатое февраля. Урок русского языка. За окном серело, небо давило свинцовой тяжестью, предвещая снегопад. Учительница, Мария Ивановна, вошла в класс с охапкой конвертов. Розовых, красных, золотых.

- Ну что, голубки, - начала она, и в голосе ее звучала фальшивая игривость, - сегодня у нас праздник любви. Будем раздавать валентинки.

Класс загудел. Девочки захихикали, мальчики начали переглядываться. Яна сидела на своей парте у окна, смотрела на улицу и считала минуты. Ей хотелось только одного: чтобы звонок прозвенел, чтобы она могла выйти, сесть в маши-

ну Сократа и уехать в тот мир, где не нужно притворяться, где не нужно ждать писем от тех, кто вчера не замечал. Она договорилась с бабушкой, что останется на ночевку у одноклассницы. Ложь во спасение. Ложь ради тишины.

Мария Ивановна начала раздавать. Имя за именем. Смех, визг, шепот. Яна не поднимала головы. Она знала, что для нее ничего нет. Ей не писали. Ей не дарили. Она была фоном.

И вдруг перед ее партой остановилась учительница. И не одна. За ней стоял почтальон, тот самый дядя Вася, который обычно разносил школьные газеты. В руках у него была не одна открытка. У него была целая стопка. Пухлая, высокая, перевязанная резинкой.

- Карманова, - сказала Мария Ивановна, и в голосе ее прозвучало искреннее удивление. - Ты нас удивила! Вот тихоня! Смотри сколько для тебя много!

Яна подняла голову. Почтальон вывалил стопку ей на парту. Конверты посыпались, как листья осенью. Розовые, красные, с блестками, с печатным текстом, с рукописным. Десять. Двадцать. Тридцать. Весь стол был завален.

Класс затих. Тридцать пар глаз уставились на нее. И она увидела их. Парней. Сашку Бутовского. Димку. Тех, кто вчера слушал ее про гранату. Они сидели за своими партами, улыбались, подмигивали, кивали. В их глазах не было насмешки. В их глазах было нечто, от чего у Яны сжалось горло. Признание. Симпатия. Интерес.

Яна смотрела на эту гору бумаги и чувствовала, как внут-

ри поднимается волна. Не радости. Паники. Обиды. Почему сейчас? Почему вдруг? Семь лет они проходили мимо. Семь лет она была невидимкой. А теперь, после одного разговора, после одной истории про гранату, они вдруг воспылали любовью? Или это тоже игра? Или это жалость? Или они хотят проверить, сломается ли она от внимания, как ломается тонкий лед под тяжелым сапогом?

Она поняла, что внезапно не смогла сделать вдох. Воздух стал густым, вязким. Шум в ушах нарастал. Ей хотелось разорвать эти конверты. Хотелось крикнуть: вы не знаете меня! Вы знаете только то, что я показала! Вы любите не меня, вы любите образ! Вы любите загадку!

Она резко встала. Стул со скрежетом отъехал назад. Все вздрогнули.

- Мне нужно… выйти…, - выдавила она.

И не дожидаясь разрешения, схватила рюкзак, не тронув ни одного конверта, и выбежала из класса. Слышала за спиной только тишину. Тишину, которая громче крика.

***

Она бежала по коридору, не разбирая дороги. Вылетела на улицу, в морозный воздух, который обжег легкие. Пошла к метро. Ноги шли сами. Мозг работал вхолостую. В голове крутилась одна мысль: поспешила. Надо было остаться. Надо было открыть. Может, там правда? Может, там искренность? Но страх был сильнее. Страх разочарования. Страх того, что это снова окажется огрызком яблока.

В метро она села на лавку, сжала рюкзак между колен. Поезд качался, стучал колесами. Она смотрела на свое отражение в темном стекле и не узнавала себя. Кто эта девочка с испуганными глазами? Это не она. Она та, кто стоит перед гранатой и не моргает. Она та, кто читает нити. А здесь она растерялась.

Вышла на своей станции. Поднялась на улицу. И тут поняла: она не знает, куда идти. Обычно Сократ забирал ее у школы. Или она шла до дома пешком. Но сейчас дом был не тем местом. Там ждали вопросы. Там ждали объяснения. А она не хотела объяснять. Она хотела в бункер. В особняк. К своим.

Но как туда попасть? Такси не вызвать. Телефона-автомата рядом нет. А деньги... деньги остались дома, в копилке. Нет, постой, в кармане есть мелочь на проезд, но не на всю дорогу до севера.

- Эй, девочка, - раздался голос рядом.

Яна обернулась. К ней подошла женщина. Строгая, в пальто, рядом девочка лет пяти, в розовой шапке, которая смотрела на Яну с любопытством.

- Ты одна? - спросила женщина, и в голосе ее звучала бдительность, смешанная с тревогой. - Тебе сколько лет? Где родители? Ты не заблудилась?

Яна замерла. Она выглядела потерянной. Это факт. И в этом мире потерянная девочка это потенциальная жертва. Она должна была ответить. Должна была соврать, что мама

ждет. Но язык не повиновался.

- Я... - начала она, но слова застряли.

И тут, словно по команде, из-за поворота вылетел он. Не Прадо. Не Волга. Красный, низкий, хищный. Ford Mustang. Купе. 1996 год выпуска. Красный, как кровь, с хромированными дисками, которые сверкали на сером асфальте, как лезвия бритвы. Машина взревела мотором, звук был низким, утробным, и остановилась прямо перед ними, заняв полдороги.

Дверь распахнулась. Из машины выскочил Кир. Ее Мишка. В кожаной куртке, в темных очках, несмотря на пасмурную погоду, с улыбкой, которая растягивала лицо от уха до уха. Он выглядел как рок-звезда, которая сбежала с концерта, чтобы спасти мир. Или хотя бы одну девочку.

- О, моя любимая пассажирка, - воскликнул он, подходя к Яне широким шагом. - Прости, опоздал, малая. Пробки, светофоры, бюрократия. Ты знаешь, как это. Мир не хочет, чтобы мы были счастливы, но мы его обманем!

Он остановился, снял очки, посмотрел на женщину с ребенком. И тут же его лицо преобразилось. Из хулигана он превратился в образцового джентльмена. Он сложил руки за спиной, слегка наклонил голову, улыбнулся так тепло, что женщина, кажется, растаяла на месте.

- Добрый день, уважаемая, -произнес он голосом, в котором звучал мед и бархат. - Позвольте представиться. Кир. Личный водитель и телохранитель этой очаровательной ле-

ди. Мы с ней спешим на секретную миссию. Дело государственной важности. Спасение котят с дерева или что-то в этом роде! Придумайте сами! Спасибо, что присмотрели. Вы настоящий ангел-хранитель этого района!

Женщина растерянно моргнула.

- Ну... я просто спросила...

- И правильно сделали, - перебил Кир, подмигивая. - Бдительность это наше все. Но теперь позвольте мне взять эстафету. Леди, разрешите?

Он повернулся к Яне, протянул руку, как рыцарь даме. Яна, несмотря на смятение, не могла не улыбнуться. Этот человек был стихией. Он был хаосом, который приносил порядок своим присутствием. Она вложила свою руку в его ладонь. Теплую, сильную.

- Поехали домой, - сказала она.

- Мигом! - подтвердил Кир. Он открыл ей дверь, помог сесть, захлопнул с глухим стуком. Обошел машину, сел за руль, завел двигатель. Мустанг рыкнул, словно зверь, почуявший волю, и рванул с места.

Женщина с ребенком осталась стоять на тротуаре, глядя им вслед, и Кир, проезжая мимо, помахал ей рукой, не снимая очков.

В салоне пахло кожей, бензином и дорогим парфюмом. Яна откинулась на сиденье, выдохнула. Адреналин начинал отступать, уступая место усталости.

- Откуда ты знал, что я здесь? - спросила она, глядя на его

профиль.

Кир рассмеялся, переключая передачу. Машина плавно влилась в поток.

- Малая, я знаю все. У меня есть радары, спутники, телепаты. Шучу. Тимур позвонил. Сказал, что ты сбежала со школы, как партизанка из плена. Что тебя ищут валентинками, а ты бежишь от любви, как черт от ладана. Я понял: миссия спасения! Срочный вылет!

Он усмехнулся, поглядывая на нее в зеркало заднего вида.

- Ну что, много поклонников? Слышал, ты там взрывчатку изучаешь. Парни в восторге?

Яна посмотрела на свои руки. Тридцать конвертов. Гора розовой бумаги.

- Много, - сказала она тихо. - Слишком много. Я не понимаю, Кир. Почему вдруг? Вчера я была пустым местом. А сегодня... сегодня я как достопримечательность. Они пишут, но они не знают меня. Они знают только то, что я сказала. Это не любовь. Это интерес. Как к фокусу.

Кир кивнул, лицо его стало серьезнее.

- Знаешь, Ян, люди всегда такие. Они любят тайну. Пока ты была серой мышкой, ты была безопасной. Скучной. А как только ты показала зубы, как только показала, что внутри у тебя есть стержень, они потянулись. Это не значит, что они плохие. Это значит, что они проснулись. Ты их разбудила. А просыпаться всегда страшно и приятно одновременно.

Он достал мобильный телефон. Кирпич. Большой, чер-

ный. Нажал кнопку. Поднес к уху.

- Забрал, - сказал он коротко. И положил трубку.

- Все, - улыбнулся он. - Тимур в курсе. Раф уже накрывает на стол. Дед точит саблю. Шучу. Дедушка Фанси заваривает чай. Сократ полирует линзы. А я везу главную звезду вечера. Так что вытри нос, принцесса. У нас праздник. Не тот, розовый. А наш, настоящий.

Яна посмотрела на него. И впервые за весь день почувствовала, что узел в груди начинает развязываться. Она не была одна. Она была частью чего-то большего. И эти конверты... может, они и не важны. Главное, куда она едет. И с кем.

***

Особняк встретил их светом в окнах и тишиной, которая не была пустой. Кир заглушил мотор, вышел, открыл дверь Яне. Она вышла, вдохнула морозный воздух, который здесь казался чище, и пошла к крыльцу.

Дверь открылась еще до того, как она поднялась на ступени. На пороге стояли они. Все. Тимур в свитере с норвежским орнаментом, Фанси в халате, Раф в простой футболке, Сократ с книгой в руках. И даже Пес, глава охраны, который обычно хмурился, теперь улыбался, стоя чуть вдалеке.

Яна шагнула на крыльцо. И тут же ее окружили. Не толпой. А по очереди.

Тимур обнял первым. Крепко, по-отцовски, но с уважением.

- Скучал, дочка, - прошептал он. - Дома без тебя... Пусто.

Фанси подошел следом. Положил руку на плечо. Взгляд его был теплым, без привычной строгости.

- Выросла, - сказал он. - Вижу. Глаза горят. Значит, жива. Значит, борешься.

Раф просто кивнул, но в его кивке было столько силы, что Яна почувствовала, как выпрямляется спина. Он обнял ее коротко, сильно, и отстранился.

- В безопасности, - сказал он. - Это главное.

Сократ улыбнулся, поправил очки.

- Ты принесла нам подарки, я вижу. Чую запах сюрприза. Ну же, не томи. Входи. Чай стынет. А чай, как известно, ждать не любит.

Они вошли в дом. Тепло обволокло Яну, смывая уличную грязь, школьный шум, страх. Она сбросила куртку, рюкзак, выдохнула. Это был ее дом. Не тот, где бабушка жалуется на соседей. А этот. Где ее знают. Где ее ценят. Где ее не спрашивают, почему она не такая, как все.

Они сели за стол. Большой, дубовый, заваленный едой. Не оливье, не селедка под шубой. А то, что любила Яна. Блины с икрой, нарезка разных вариантов сыра, мясо для мужчин, фрукты для нее. Яна достала коробки. Поставила перед каждым.

- Это вам, - сказала она, и голос ее дрогнул. Не потому что от холода. А потому что от волнения. - Сегодня День Святого Валентина и я хочу подарить подарки всем вам, потому что я вас всех очень сильно люблю.

Фанси открыл свою коробку первым. Увидел чай. Понюхал. Закрыл глаза.

- М-да, - протянул он. - Настоящий пуэр с дымком. Ты знаешь вкус, девочка. Спасибо. Это лучший чай для размышлений.

Тимур открыл свой. Увидел ручку. Взял в руки, проверил баланс. Улыбнулся.

- Тяжелая, - сказал он и по-доброму засмеялся. - Хорошая. Буду подписывать ей только хорошие приказы. Обещаю.

Раф открыл свой. Увидел камень. Провел пальцем по поверхности. Кивнул.

- В самый раз, - сказал он. - Мой нож затупился. Теперь будет как бритва. Спасибо, Ян.

Сократ открыл свой. Увидел песочные часы. Перевернул их. Песок засыпал тихо, ровно.

- Красиво, - сказал он. - Напоминание. Время не ждет. Но мы можем успеть. Ты очень тонко чувствуешь каждого из нас.

Кабан развернул свой тамагавк, присвистнул от восторга и по-медвежьему крепко заграбастал Яну в свои крепкие объятия. Кир развернул коробку последним. Достал футболку. Прочел надпись. Скинул куртку, свитер, оставшись в майке и надел подарок Яны. Разгладил надпись руками. Посмотрел Яне прямо в глаза. Принятие. И просто кивнул, подмигивая. Слова, в этих двух моментах, были не нужны.

А седьмую коробку она поставила в центр стола. Ту са-

мую, с серебряным кулоном.

- Это для него, - сказала она, глядя на Тимура. - Для того, кто придет. Я чувствую, что кто-то должен быть здесь. Кто-то, кто дополнит круг. Этот подарок для него.

Тимур посмотрел на коробку. Потом на Яну. В его глазах мелькнуло что-то странное. Гордость? Удивление?

- Ты видишь больше, чем мы думаем, - сказал он тихо. - Ладно. Мы оставим это здесь. Для него.

Потом настала их очередь. Они переглянулись. Раф кивнул. Тимур встал, вышел в соседнюю комнату. Вернулся с большой коробкой. Деревянной. Лакированной. С резьбой.

- Это тебе, - сказал Тимур, ставя коробку перед ней. - От всех нас. Коллективный подарок. За то, что ты с нами. За то, что ты не ломаешься. За то, что ты наша.

Яна посмотрела на коробку. Сердце пропустило удар. Что там? Книга? Компас? Что-то символическое?

Она открыла крышку.

Внутри, на черном бархате, лежал пистолет.

Не игрушечный и не сувенирный. Настоящий. Компактный. С вороненым стволом. С рукояткой, покрытой насечкой. Тяжелый. Холодный. Смертоносный.

С гравировкой: «Карме, любимой дочери».

Яна замерла. В комнате повисла тишина. Не та, что давит. А та, что звенит.

Тимур наклонился, положил руку на край коробки, но не коснулся оружия.

- Это не игрушка, Яна, -сказал он серьезно. - Это инструмент. Как нож. Как книга. Как слово. Мы не учим тебя убивать. Мы учим тебя защищать и защищаться. Защищать правду. Пистолет это не сила. Сила это в пальце, который нажимает на курок. И в голове, которая решает, когда нажимать, а когда нет.

Он посмотрел ей в глаза.

-Ты готова?

Яна смотрела на черный металл. Видела свое отражение в отражении. Видела не монстра. Видела ответственность и доверие. Они доверили ей жизнь. Свою и чужую.

Она медленно протянула руку. Коснулась рукоятки. Холод обжег пальцы, но не испугал. Она сжала пальцы. Рукоятка легла в ладонь как влитая. Удобно. Тяжело. Реально.

- Да, отец, - сказала она тихо. - Я готова.

За окном началась метель. Ветер бил в стекла, словно пытаясь пробиться внутрь, сорвать покровы, узнать секреты. Но внутри было тепло. Внутри была сталь. Внутри была семья.

Яна закрыла коробку. Но не убрала ее. Она поставила ее рядом с собой. Как стража. Как обещание. Как начало новой главы.

А где-то в глубине дома, в тени коридора, стояла еще одна коробочка. Та самая, с серебряным кулоном. Ждала своего часа. Ждала того, кто придет.

И Яна знала: он придет. Скоро. И когда он придет, мир

изменится. Снова.

Но теперь она не будет бояться. У нее есть граната в знаниях. У нее есть пистолет в руке. У нее есть семья за спиной.

И этого достаточно.

Глава 19

Глава 19. Нефрит

Читать под трек **«Pullin Up» Soda.**

«Со мной ничего не получится, так что даже не пытайтесь. Потому что, когда полетят пули, я умру последним (с)

В кухне особняка висело то самое напряжение, которое обычно предшествует грозе. Воздух казался плотным, словно его накачали свинцом, и каждый вдох давался с легким усилием. На столе, застеленном скатертью, лежала развернутая карта региона. Бумага была старой, исчерченной линиями, стрелками и пометками, сделанными разными почерками. В центре карты красным маркером был обведен район приисков, там, где хребты гор упирались в небо, а реки несли мутную воду, полную песка и надежд на удачу.

Тимур стоял у окна, спиной к комнате, и курил. Дым от сигареты поднимался ровной струйкой, уходя в вентиляцию, но запах табака смешивался с чем-то еще, с металлическим привкусом тревоги, который чувствовали все. Он молчал уже минут десять, и это молчание было тяжелее любого крика.

За столом сидели остальные. Раф точил нож подарком Яны, хотя лезвие и так было острым, способным резать волос на лету. Движения его были механическими, ритмичными, но в плечах читалось напряжение. Кир сидел, откинув-

шись на спинку стула, крутя в пальцах монету, подбрасывая ее и ловя, но взгляд его был сосредоточен на Тимуре. Фанси сидел во главе стола, сложив руки на трости, и смотрел на карту так, будто пытался прочитать в линиях не географию, а судьбу.

Яна стояла в углу, прислонившись к косяку. Она не навязывалась. Она просто ждала. Она знала, о чем идет речь. Белая нефритовая лихорадка. Камень, который ценился дороже золота в определенных кругах, камень, который не просто добывали, а вымаливали у земли. Фанси договорился с кланом Нефрита о поставках полгода назад. Схема была чистой, прозрачной, честной. Но в последние месяцы объемы упали. Выручка сократилась вдвое. Остатки стали мутными, с примесями. Кто-то воровал или подменял. Кто-то играл в свою игру на территории, которая по праву принадлежала общим интересам.

- Нужно ехать, - сказал наконец Тимур, не оборачиваясь. Голос его был хриплым, усталым. - Нужно смотреть в глаза и понимать, это саботаж или просто удача отвернулась.

Раф перестал точить нож. Лезвие звякнуло о точильный камень.

- Тимур Габриэлович, - начал он, и в голосе не было спора, только констатация факта. - Это стрелка, а не прогулка. Не чайпитие. Это территория чужаков. Буряты не любят гостей. А тем более тех, кто приходит с претензиями. Если Нефрит решил играть втемную, там будет жарко.

- Я знаю, что будет жарко, - отозвался Тимур, поворачиваясь. Лицо его было серым, глаза ввалились. - Поэтому я беру тебя и Кабана. И тебя, Кир. Мы едем втроем.

Кир поймал монету, сжал ее в кулаке и усмехнулся, но усмешка не коснулась глаз.

- Втроем это хорошо. Меньше мишеней. Но Тимур, ты же не думаешь, что Нефрит позовет нас на чай с булочками? Это будет засада. Или разговор на повышенных тонах с применением тяжелой артиллерии. Нам нужен запасной выход. Или запасной план.

- У нас есть план, - сказал Фанси тихо. Его голос прозвучал как шелест сухой листвы. - Мы потребуем аудита. Мы потребуем доступа к карьеру. Если они чисты, им нечего скрывать. Если грязны, они сами себя выдадут. Но ехать нужно аккуратно. Без демонстрации силы. Сила провоцирует силу.

Тимур кивнул. Он подошел к столу, оперся ладонями о край, обвел глазами всех и сказал как припечатал:

- Но есть еще один момент. Яна едет с нами.

Тишина, которая воцарилась в комнате, была абсолютной. Даже часы на стене, казалось, перестали тикать. Раф медленно поднял голову, и в его взгляде мелькнуло недоумение, смешанное с резким протестом. Кир перестал крутить монету, она звякнула о стол и покатилась по скатерти. Фанси нахмурился, и морщины на лбу углубились.

- Тимур, - начал Раф, позабыв даже про отчество, а в его голосе прозвучала сталь. - Это не место для ребенка. Это зо-

на боевых действий. Там люди, которые не знают жалости. Там пули летят быстрее слов. Яна не боец. Она не выдержит. Она сломается. Или мы будем вынуждены защищать ее вместо дела. Отвлекаться на нее. Это риск. Неоправданный риск.

Кир подхватил нить, но его тон был мягче, хотя смысл тот же.

- Шеф, я понимаю твою логику. Ты хочешь, чтобы она видела и училась. Чтобы она понимала, как работает мир за пределами школьных стен. Но мир, в который мы едем, он не учит. Он ломает. Там нет урока. Там есть только результат. Жив или мертв. И если что-то пойдет не так, я не смогу стрелять, думая и выбирая что мне делать: закрыть ее собой или устранить врага. Это лишняя переменная. А в уравнении, где на кону жизни, переменных должно быть минимум.

Фанси поднял руку, призывая к тишине. Он смотрел на Тимура долго, изучающе.

- Девочка умна, - сказал он наконец. - У нее есть дар. Но дар не заменяет опыт. На стрелке правят не аргументы. Там правят стволы и характер. Нефрит человек жестокий. Он не будет слушать ребенка. Он может посчитать это оскорблением. Привезти девчонку на разборки это как показать врагу, что ты слаб. Или что ты безнаказанно уверен в себе. И то, и другое опасно.

Тимур выпрямился. Он смотрел на каждого из них, и в его глазах горел тот самый огонь, который не давал усомниться

в его решении.

- Я не спрашиваю разрешения. Я ставлю перед фактом. Яна. Едет. С. Нами.

Он перевел взгляд на Яну. В углу она не шелохнулась, но ее дыхание стало чуть глубже.

- Почему, - спросил Раф. - Просто почему?

- Потому что она видит то, что мы не видим, - ответил Тимур. - Мы смотрим на цифры. На объемы. На деньги. Мы ищем вора среди своих, ищем крысу. Яна видела схему. Она сидела над картой три ночи. Она нашла узел. Не в цифрах, а в логистике. В том, как груз уходит, где теряется время. Она говорит, что вор не среди рабочих. Вор среди логистов. И что Нефрит сам не знает, что его обманывают. Или знает, но боится признать. Если мы придем просто с пушками, Нефрит закроется. Он уйдет в глухую оборону. Он начнет войну. А если мы придем с решением, с планом, как вычистить грязь без крови, без потери лица, у нас есть шанс. Яна предложит ему выход. Тот самый, о котором она мне говорила. Многоходовку. Прозрачную цепочку. Контроль на каждом этапе. Без посредников. Это ударит по карману тех, кто ворует, но спасет бизнес Нефрита. Он должен услышать это от нее. От того, кто не связан с прошлым. От чистого листа.

Раф помолчал. Он посмотрел на Яну. Девочка стояла спокойно, руки опущены вдоль тела, взгляд прямой. В ней не было страха. Не было желания похвастаться. Было только спокойное знание своего дела.

- Она предложила схему, в которой Нефрит остается хозяином, но теряет теневой доход, - сказал Раф медленно. - И ты думаешь, он согласится?

- Я думаю, у него нет выбора, - ответила Яна за Тимура. И ее голос прозвучал тихо, но четко, перекрывая гул холодильника и тиканье часов. - Если он откажется, значит, он не хозяин. Значит, он марионетка. А марионеток меняют. Нефрит гордый. Он не позволит думать, что им управляют крысы. Он захочет доказать, что он главный. Схема дает ему возможность стать главным по-настоящему. Чистым. Сильным. Без грязи за спиной. Это шанс для него. Не для нас. Для него, Раф.

Кир посмотрел на Тимура, потом на Яну. В его глазах мелькнула искра восхищения, смешанная с тревогой.

- Малая, ты гонишь. Ты предлагаешь льву посмотреть в зеркало и увидеть, что у него зубы гнилые. Лев может не оценить. Лев может откусить голову тому, кто держит зеркало.

- Пусть попробует, - сказала Яна. - Но если он откусит, он потеряет не голову. Он потеряет империю. Потому что крысы уже грызут фундамент. Я вижу это. Вы не видите, потому что смотрите сверху. Я смотрю изнутри. В структуру.

Тимур кивнул. Решение было принято. Он не стал спорить с Рафом или Киром. Он знал их сомнения. Они исходили из заботы. Из опыта. Из боли, которую они уже переживали. Но он также знал, что мир меняется. И старые методы больше не работают. Нужен новый взгляд. Нужна та самая

нить, которую видит Яна. Миру нужна Яна.

- Готовьтесь, - сказал Тимур. - Выезжаем через час. Броня. Оружие. Связь. Раф, ты на правом фланге. Кир, на левом. Я в центре. Яна со мной. Ближе к телу. Если начнется стрельба, вы прикрываете. Если начнется разговор, вы молчите. Даете ей говорить. Поняли?

Раф кивнул, пряча нож в ножны.

Кир вздохнул, поднимая монету с пола. -Понял. Но если начнется перестрелка, я забираю малую и сваливаю.

Фанси встал, опираясь на трость.

- Будь осторожен, Тимур. Нефрит не дурак. Он чувствует запах крови. И запах страха. Не дай ему почувствовать ни того, ни другого. И дайте Яне бронежилет, который мы ей специально купили.

- Конечно, - ответил Тимур разом на всё.

Через час они вышли на улицу. Морозный воздух ударил в лицо, но внутри машин уже было тепло. Два черных джипа стояли у крыльца. Яна села в машину Тимура, в бронике было немного непривычно, неудобно, тяжело, но Кир настоял, а она не хотела ни подводить, ни ослушаться брата. Раф и Кир заняли свои места во втором автомобиле. Колонна тронулась.

Дорога на север вела через промзону, мимо заброшенных заводов, складов, гаражных кооперативов, где жизнь кипела своей, теневой жизнью. Снег по обочинам был грязным, перемешанным с мазутом и реагентами. Небо нависало низ-

ко, серое, давящее. Яна смотрела в окно, но не видела пейзажа. Она видела схему. В голове крутились цифры, маршруты, точки перевалки. Она представляла, как камень идет от карьера до порта. Как он меняется. Как он теряет вес. Как деньги утекают в карманы тех, кто стоит между добытчиком и покупателем. Она знала, что Нефрит будет злиться. Что он будет угрожать. Но она также знала, что гнев это реакция на боль. Если убрать причину боли, гнев уйдет. Останется только бизнес.

Машины свернули с асфальта на грунтовку, которая вела к старому складу на берегу реки. Место было выбрано не случайно. Изолированное. Контролируемое. С одной стороны река, с другой лес, с третьей забор с колючей проволокой. Идеальная ловушка. Или идеальная крепость.

Они остановились у ворот. Ворота были открыты. Это уже было сигналом. Приглашением. Или вызовом.

Тимур заглушил мотор. Вышел. Раф и Кир тоже вышли, рассредоточившись, держа руки близко к кобурам. Яна вышла последней. Она поправила куртку, глубоко вдохнула. Воздух пах ржавчиной, рекой и чем-то сладковатым, как гниющие водоросли.

Внутри склада было просторно. Высокие потолки, ржавые балки, свет пробивался сквозь щели в крыше, падая на пол пыльными столбами. В центре стоял стол. За ним сидели люди.

Нефрит был высоким, широкоплечим мужчиной с лицом,

изрезанным морщинами, как карта старых дорог. Глаза узкие, темные, без блеска, как камни на дне реки. На шее толстая золотая цепь, на пальцах перстни с печатками. Рядом с ним сидели трое. Молчаливые. Суровые. В кожаных куртках. Руки на коленях. Готовые.

Увидев Тимура, Нефрит кивнул. Кивок был коротким, сухим.

- Тимур Сомегрэлло, - произнес Нефрит. Голос его был низким, гортанным, с акцентом, который придавал словам особую тяжесть. - Пришел. Думал, не придешь. Думал, боишься.

Тимур кивнул молча, подходя к столу. Он не сел. Остался стоять. Это была игра в доминирование. Кто сядет первый, тот подчинится.

- Я пришел по делу. По камню.

Нефрит усмехнулся. Усмешка не коснулась глаз.

- Камень идет. Камень хороший. Чего тебе надо?

- Мне надо правды, - сказал Тимур. - Объемы упали. Качество упало. Деньги идут не те. Кто-то ворует или подменяет. Я хочу знать кто. И я хочу, чтобы это прекратилось.

Глаза Нефрита сузились. В них мелькнула вспышка, быстрая, как молния.

- Ты спрашиваешь с меня, как с щенка? Я Нефрит. Я держу слово. Я держу камень. Если что-то не так, это не моя вина. Это твои люди. Твои крысы.

- Мои люди чисты, - отрезал Тимур. - А твои, может, и

нет. Но я не пришел обвинять. Я пришел решать.

И тут в разговор вступила Яна. Она сделала шаг вперед, выходя из-за спины Тимура. Нефрит и его люди одновременно повернули головы. В их взглядах промелькнуло удивление, смешанное с брезгливостью. Девчонка. Ребенок. В кожаной куртке, с серьезным лицом.

- Кто это?! - спросил Нефрит, и в голосе прозвучало презрение. - Твоя дочь? Привел на войну? Думаешь, жалость спасет?

- Она мой партнер. И она знает больше, чем ты думаешь, - ровно ответил Тимур.

Нефрит расхохотался. Смех был грубым, лающим.

- Партнер? Девчонка? Ты шутишь, Сомегрэлло? Или ты рехнулся? Убирай ее. Пока я не передумал. Пока я не решил, что ты меня оскорбил.

Яна не отступила. Она посмотрела Нефриту прямо в глаза. И в этом взгляде не было страха. Не было вызова. Было спокойствие. Было знание.

- Я не партнер, - сказала она. - Я наблюдатель. И я вижу, что тебя обманывают. Не Тимур. Не его люди. Свои. Те, кто сидит рядом. Те, кто везет камень. Те, кто считает вес.

Нефрит замер. Смех оборвался. Лицо стало каменным.

- Что ты несешь, малявка?

- Обычно я несу правду, - ответила Яна. - И я постараюсь донести ее до тебя, если ты начнешь наконец-то слушать. Твой камень теряется на этапе перевалки. В пункте Б. Там,

где грузят на баржи. Там есть человек. Твой доверенный. Он меняет пломбы. Он меняет вес. Он забирает двадцать процентов. И отдает тебе отчет с минусом. Ты думаешь, это рынок упал. Это не рынок. Это вор. И я знаю, как его поймать. Не пулей. Умом.

Она достала из кармана листок. Не спеша. Не демонстрируя. Просто положила на стол перед Нефритом.

- Это схема, смотри, - сказала она. - Прозрачная цепочка. ГЛОНАСС на каждом контейнере. Весы с двойным контролем. Фотофиксация при загрузке и разгрузке. Прямая связь с покупателем. Без посредников. Твой человек теряет возможность воровать. Ты теряешь двадцать процентов тени. Но ты получаешь сто процентов чистоты. Ты получаешь рынок и уважение. Ты перестаешь быть крысой, которую доят другие. Ты становишься хозяином.

Нефрит смотрел на листок. Его пальцы сжались в кулаки. Лицо потемнело. В глазах загорелся огонь. Не благодарности. Ярости.

- Ты... ты смеешь... - прошептал он. - Ты смеешь учить меня? Ты, сопля? Ты думаешь, я не знаю? Ты думаешь, я слепой?

Он знал. Это было видно по тому, как дрогнула скула. По тому, как сжались кулаки. Он знал, но боялся признать. Боялся, что признание это слабость. Боялся, что Тимур использует это против него. А тут пришла девочка. И сказала вслух. И предложила решение, которое лишало его возможности

делать вид, что все хорошо. Которое требовало от него действовать. Жестко. Кроваво. Против своих.

- Ты хочешь, чтобы я убил своих? - спросил Нефрит тихо. - Чтобы я показал слабость? Чтобы я стал посмешищем?

- Я хочу, чтобы ты стал сильным, -ответила Яна. - Сильный не боится правды. Сильный чистит дом. А слабый прячет грязь под ковер. Пока ковер не прогорит.

Нефрит встал резко. Стул со скрежетом отъехал назад. В его руке блеснул металл. Пистолет. Тяжелый. Старый. Но смертоносный.

- Убери схему, - рявкнул он. - Убирай! Я не буду играть в твои игры! Я не буду слушать советы от ребенка! Я сам решу, кто вор! И я решу, как с ним поступить! А ты... ты лишняя!

Тимур сделал шаг вперед. Рука легла на кобуру.

- Нефрит, не делай глупостей. Мы говорим.

- Мы кончили говорить! - заорал Нефрит. И в этот момент его люди тоже встали. Руки потянулись к кобурам. Воздух наэлектризовался. Секунда. Доля секунды.

Раф выстрелил первым. Не в Нефрита. В потолок. Громкий, оглушительный хлопок разнесся по складу, эхо ударилось о стены, заставив всех вздрогнуть.

- На пол! - крикнул Раф.

Но было поздно. Один из людей Нефрита, молодой, с безумными глазами, дернул затвор. Выстрел. Пуля ударила в металлическую балку рядом с головой Яны, отлетев рикошетом. Осколок чиркнул по плечу Рафа, разрезав куртку, оста-

вив кровавую полосу.

Раф не вскрикнул. Он просто отшатнулся, упал на одно колено, но тут же поднял ствол. Второй выстрел. Третий.

Начался хаос. Крики. Топот. Запах пороха ударил в нос, едкий, удушливый. Яна упала на пол, прижавшись к бетонному полу, холодному, пыльному. Сердце колотилось так, что, казалось, сейчас разорвет грудь. Но мозг работал. Холодно. Четко. Она видела ноги. Сапоги. Бегающие. Стреляющие. Она видела, как Тимур стреляет в ответ, укрывая ее собой. Видела, как Кир двигается сбоку, как тень, как призрак, его выстрелы были точными, короткими.

Нефрит орал. Не слова. Звуки. Зверь, загнанный в угол. Он понял, что схема это не подарок. Это ультиматум. Это приговор его вору, который, возможно, сидел здесь же, среди его людей. И он не мог это принять. Гордость. Страх. Гнев. Смешались в яд.

Он кинулся к задней двери. Его люди прикрывали. Перестрелка была короткой. Оружие Тимура и его людей было точнее. Дисциплина брала верх над яростью. Один из бурятов упал, сраженный пулей Кира. Второй закричал, хватаясь за ногу.

Нефрит выскочил в дверь. Дверь захлопнулась за ним.

Тимур сделал рывок, но Кир удержал его. -Шеф, не надо. Там ловушка. Там может быть засада снаружи.

Тимур остановился. Грудь тяжело вздымалась. Лицо было белым. В глазах горела ярость. Но он кивнул.

- Раф, ты как?

Раф сидел на полу, прижимая руку к плечу. Кровь сочилась сквозь пальцы, но дыхание было ровным.

- Царапина. Глубокая, правда, зараза, но кость цела. Жить буду. Только этот гад ушел.

Кир подошел к телу убитого бурята. Обыскал карманы. Достал телефон. Старый. Кнопочный. Нажал кнопку. Экран загорелся. Последний звонок. Номер.

- Шеф, - сказал Кир тихо. - Это не просто Нефрит. Это связь. С Икшой.

Тимур замер. Икшинская братва. Заказчики. Профессионалы. Те, кто не оставляет следов. Те, кто убивает за деньги. Если Нефрит связан с ними, значит, это не просто воровство. Это зачистка. Подготовка к войне.

- Уходим, - сказал Тимур. - Быстро. Раф, держись. Кир, прикрой. Яна, ко мне.

Яна поднялась. Ноги дрожали. Не от страха. От адреналина. От осознания того, что только что она видела смерть. Вплотную. Почувствовала запах пороха. Услышала свист пуль. И поняла: мир не шутил. Мир был готов убить. Но она также отметила, что это ее совершенно не напугало. Наоборот, она была в своей стихии. Абсолютно.

Они выбежали из склада. Сели в машины. Моторы взревели. Колонна рванула с места, оставляя за собой облака пыли и дыма.

Обратная дорога прошла в молчании. Тяжелом. Густом.

Никто не говорил. Раф сидел сзади, бледный, но держался. Кир смотрел в зеркало, сканируя дорогу. Тимур сжимал руль так, что костяшки пальцев побелели. Яна смотрела в окно, но не видела пейзажа. Она видела лицо Нефрита. Видела его ярость. Понимала: он не отступит. Он вернется. И в следующий раз это не будет разговор. Это будет война.

Когда они приехали в особняк, было уже темно. Снег шел крупными хлопьями, укрывая следы, скрывая кровь, которую они привезли на шинах.

Тимур вышел первым. Помог Рафу выйти. Отдал его Киру. Сам подошел к Яне. Лицо его было искажено гневом. Глаза горели.

- Что это было? - рявкнул он. Голос его сорвался на крик. И Яна отметила, что это был первый раз когда она слышала как Тимур повысил голос. - Ты зачем полезла? Ты зачем показала схему? Ты хотела геройствовать? Ты хотела показать, какая ты умная? Тебя чуть не убили! Чуть не получила пулю! Ты ребенок! Тебе не место там! Не место в криминале! Не место с нами!

Яна стояла молча. Снег падал на плечи, таял, оставлял мокрые пятна. Она смотрела на Тимура. Видела его страх. Видела, что за гневом стоит ужас. Ужас за нее. За ту, которая стала ему ближе, чем кровь. Страх за свою дочь.

Она не стала спорить. Не стала оправдываться. Она просто шагнула вперед. Обняла его. Крепко. Прижалась головой к груди. Почувствовала, как колотится его сердце. Как

напряжены мышцы. Как он дрожит.

Тимур замер. Руки опустились. Гнев ушел, уступив место усталости. Бессилию. Страсти, которую он не мог контролировать. Он обнял ее в ответ. Крепко. Сильно.

- Прости, - прошептал он. Голос его дрогнул. - Я испугался. Понимаешь?! Я! Испугался! Впервые в жизни! Нефрит это не просто вор. Это Икша. Это заказники. Они не играют. Они убивают. Если бы пуля попала в тебя... Я бы не пережил. Я бы сжег весь город, всю страну! Весь мир! Но и этим я бы не вернул тебя, доченька..

- Я знаю, отец, - сказала Яна тихо. - Но я не боюсь. Я знаю, что делаю. Схема сработает. Не сейчас. Позже. Нефрит поймет. Он поймет, что я права. И он придет. Не с пушкой. С предложением.

Тимур отстранился, посмотрел ей в глаза. В них не было слез. Не было раскаяния. Только уверенность.

- Ты упрямая, - сказал он, и в голосе прозвучала нежность. - Как и я. Ладно. Идем в дом. Рафу нужен врач. Кир вызовет доктора. А мы... мы будем пить чай. И думать.

Дома было тепло. Рафа увели в комнату. Кир вызвал доктора, своего, проверенного, который не задавал вопросов. Фанси встретил их в коридоре. Увидел кровь на плече Рафа, увидел лицо Тимура. Ничего не спросил. Просто кивнул. И ушел готовить чай.

Чаевничали молча. Тимур сидел в кресле, глядя в огонь. Яна сидела напротив. Кир вошел, хромая, но с улыбкой на

лице. Видимо его тоже чуть зацепило.

- Ну что, команда, - начал он, садясь на диван. - Живы? Целы? Вроде да. Раф потерял немного крови, но это даже полезно. Обмен веществ ускоряется. А Нефрит... Нефрит теперь знает, что мы не игрушки. И что у нас есть козырь.

- Какой козырь? - спросил Фанси, наливая чай.

- Схема, - сказала Яна. - Он понял. Он не хотел признавать, но понял. Вор сидит рядом. И схема вскроет его. Нефрит не дурак. Он выживет. И он придет.

Кир посмотрел на Яну. В его глазах было уважение.

- Малая, ты крутая. Но в следующий раз, когда полезешь в пекло, предупреди. А то у меня нервы не железные. Я думал, мне придется стрелять в того бурята, который целился в тебя. А я не люблю стрелять в людей, у которых глаза как у испуганного оленя. Это портит аппетит.

Яна улыбнулась. Слабой улыбкой.

- Я предупрежу. Если будет время.

- Время это роскошь, - сказал Тимур, поднимая чашку. - У нас его нет. Нефрит не успокоится. Икша не отступит. Нам нужно готовиться.

Кир кивнул.

- Согласен. И начнем с базы. Яна, иди сюда.

Яна встала, подошла. Кир достал из кобуры пистолет. Свой. Тяжелый. Черный.

- Помнишь подарок? - спросил он. - Пора переходить от теории к практике. Садись.

Яна села рядом. Кир положил пистолет на стол.

- Смотри внимательно, - сказал он. - И запоминай. Пистолет это не магия. Это механизм. Машина. У него есть детали. У него есть логика. Если ты понимаешь логику, ты управляешь машиной. Если нет, машина управляет тобой. И это плохо.

Он взял пистолет в руки. Движения были плавными, уверенными.

- Первое. Проверка. Всегда. Прежде чем делать что-либо, проверяй, заряжен ли ствол. Отводишь затвор. Смотришь в патронник. Пусто? Хорошо. Полно? Еще лучше. Но ты должна знать. Знание это сила. Незнание это смерть.

Он показал. Затвор пошел назад с глухим щелчком. Пустая казенная часть блеснула в свете лампы.

- Второе. Разборка. Зачем? Чтобы чистить. Чтобы смазывать. Чтобы понимать, как работает. Снимаешь магазин. Кнопка сбоку. Нажимаешь. Магазин падает в руку. Тяжелый. Полный.

Он показал. Магазин выпал. Кир положил его на стол.

- Третье. Затвор. Отводишь назад до упора. Поворачиваешь ствол? Нет, тут фиксатор. На некоторых моделях. На этом просто отводишь. Видишь? Пружина. Возвратная. Она толкает затвор вперед. Энергия. Сила.

Он разобрал пистолет. Детали легли на стол в строгом порядке. Ствол. Затвор. Пружина. Рамка. Ударник. Боек.

- Каждая деталь важна, - сказал Кир. - Если пружина сла-

бая, затвор не вернется. Выстрела не будет. Если боек тупой, капсюль не пробьет. Осечка. Если ствол грязный, пуля пойдет криво. Промах. Ты должна знать каждую деталь. Как свои пять пальцев. Как свое имя.

Он протянул пистолет Яне.

- Держи.

Яна взяла. Металл был холодным. Тяжелым. Но в руке лежал удобно.

- Теперь собери, - сказал Кир. - По памяти. Не глядя на детали. Закрой глаза.

Яна закрыла глаза. В темноте возникла картинка. Чертеж. Схема. Каждая деталь на своем месте. Она взяла рамку. Вставила ствол. Зафиксировала. Вложила возвратную пружину. Надела затвор. Сдвинула назад. Щелчок. Фиксация. Вставила магазин. Щелчок.

Открыла глаза. Пистолет был собран.

Кир улыбнулся. Широко. Искренне.

- Вот это я понимаю! Талант! Не в стрельбе, а понимании. Ты видишь структуру и видишь, как вещи работают. Это редкость. Большинство видит только опасность. Ты видишь инструмент.

Он забрал пистолет, передернул затвор. Щелк.

- Запомни главное, - сказал он, и голос его стал серьезным. - Пистолет не решает проблем. Он создает новые. Он убивает. Он калечит. Он забирает жизнь. Использовать его это последний шаг. Когда слова кончились. Когда пути отрезаны.

Когда жизнь на кону. Не играй с ним. Не хвастайся. Не показывай без нужды. Он твой друг. Но друг опасный. Уважай его. И он послужит тебе.

Яна кивнула. Она понимала.

- Хорошо, - сказал Кир, убирая пистолет. - А теперь иди спать. Завтра будет новый день. И новые проблемы. Нефрит не спит. И мы не будем.

Яна встала. Пошла к двери. Остановилась. Посмотрела на них. На Тимура, который смотрел в огонь. На Фанси, который пил чай. На Кира, который подмигивал.

- Спасибо, - сказала она.

- За что? - спросил Кир. - За урок? За пулю? За чай?

- За доверие, - сказала Яна.

Кир усмехнулся.

- Не благодари. Просто не подведи. И живи. Это главное.

Яна вышла в коридор. Поднялась на второй этаж. Зашла в свою комнату. Закрыла дверь. Села на кровать. Посмотрела на коробку с пистолетом, которая стояла в углу.

Она не боялась. Она чувствовала тяжесть ответственности. Тяжесть знания и пути, который она выбрала. Не потому что хотела. А потому что не могла иначе.

Она легла. Закрыла глаза.

Война началась. Но она не была одна. У нее был пистолет. У нее была схема. У нее была семья.

И у нее была правда.

А правда, как учил Фанси, тяжелее камня.

Она закрыла глаза. И уснула. Спокойно. Крепко. Как перед боем.

А за окном снег продолжал падать. Укрывая следы. Скрывая тайны. Готовя землю для весны. Для новой жизни. Для новой крови.

И где-то в темноте, в тени леса, стояла черная машина. С заглушенным мотором. С людьми внутри. Которые ждали. Которые смотрели на окна особняка. Которые знали, что покой закончился.

Война пришла. И она не стучала в дверь. Она уже была внутри.

Глава 20

Глава 20. Анатомия страха

Читать по трек **«GET HARD» NIGYL**

Утро пришло не с солнцем, а с тишиной. Той самой плотной, ватной тишиной, которая ложится на город после бессонной ночи, когда адреналин выгорает, оставляя после себя пепел усталости и медленное осознание того, что мир не рухнул, а просто сдвинулся на миллиметр в сторону. Небо над Москвой было низким, серым, похожим на старую штукатурку, которая вот-вот осыплется, но держится из упрямства. Воздух пах мокрым асфальтом, выхлопами и чем-то металлическим, словно кто-то натирал город наждаком, пытаясь сгладить острые углы вчерашнего дня.

Кир вошел на кухню первым. Он не постучал и не предупредил. Просто появился в дверном проеме, как тень, которая решила обрести форму. В руках у него была чашка с чем-то дымящимся, на лице та самая ухмылка, которая не сходила с его губ даже когда мир шел наперекосяк. Он сел за стол, отхлебнул, поморщился, будто кофе был слишком горьким, или просто жизнь требовала такой гримасы.

- Малая, - начал он, не глядя на Яну, а уперев взгляд в столешницу, покрытую крошками и пятнами от вчерашнего ужина. - Я тут подумал. Мы вчера чуть не превратились в решето. Раф потерял кровь, Тимур поседел на три оттенка,

Фанси молчит так, будто обет дал. А ты... ты просто стояла. Как статуя. Красивая, но бесполезная, если не знать, зачем она там стоит. Короче. Предлагаю сменить локацию. Уехать. Подышать воздухом, который не пахнет порохом и предательством. Есть одно место. На севере. Пансионат «Лесная Тишина». Советская классика, перешитая под девяностые. Ковры на стенах, хрусталь в буфетах, и персонал, который делает вид, что не слышит выстрелов. Поехали, а? Отдохнем или хотя бы притворимся, что умеем.

Яна стояла у окна, смотрела на двор, где снег уже начал таять, обнажая грязные проплешины асфальта, похожие на раны, которые не хотят заживать. Она не обернулась сразу. Позволила словам Кира улечься в пространство, проверить их на вес, на искренность, на скрытый смысл. Отдых в их мире был не роскошью. Это была тактика. Пауза между ударами. Способ перезагрузить нервную систему, чтобы она не сгорела от постоянного напряжения. Интуиция требовала движения. Тело требовало покоя. Разум требовал анализа.

- Поехали, - сказала она тихо. - Но только если там будет тишина. Не та, что давит. А та, что лечит.

Кир рассмеялся. Звук получился низким, раскатистым, но в нем не было насмешки. Только облегчение.

- О, ты заговорила! Я уж думал, ты превратилась в мебель. Ладно, собираемся. Через час выезжаем. Возьми теплые вещи. Там лес и может быть, волки. И там, возможно, есть баня, которая не развалилась.

Сборы заняли мало времени. Яна не брала лишнего. Только необходимое. Термос, книгу Сенеки. Компас и нож, который подарил Раф. И маленькую черную коробку с пистолетом, которую она спрятала в самый низ сумки, завернув в шерстяной шарф. Не потому что планировала стрелять. А потому что знание о его присутствии меняло геометрию пространства. Давало опору. Точку отсчета.

Тимур вышел из кабинета с сумкой в руке. Лицо его было осунувшимся, под глазами залегли тени, но взгляд оставался четким, сфокусированным. Он не спрашивал, готова ли она. Он просто кивнул. В этом кивке было всё. Признание необходимости. Принятие риска. Молчаливое обещание, что он будет рядом. Не как телохранитель. Как якорь. Как отец.

Раф уже ждал у машины. Плечо было перевязано, рука висела на перевязи, но осанка оставалась прямой, готовой к действию в любую секунду. Он открыл дверь, помог Яне сесть, сам занял место впереди, рядом с Тимуром. Кир уселся на заднее сиденье, с Яной, вытянул ноги, закрыл глаза, и через минуту уже посапывал, словно поездка на север была не побегом от опасности, а обычным воскресным выездом на дачу.

Машина тронулась. Москва осталась позади, растворяясь в зеркале заднего вида, как сон, который теряет четкость при пробуждении. Дорога вела на север, мимо промзон, мимо спальных районов, мимо полей, покрытых серым, мокрым снегом, который не таял, а просто лежал, ожидая весны, ко-

торой еще не было. Лес начался внезапно. Сосны, высокие, стройные, с темными стволами, уходящими в небо, сменили березы, кривые, облезлые, похожие на стариков, которые забыли, зачем стоят. Воздух стал чище, холоднее, насыщенным запахом хвои, смолы и влажной земли. Дыхание выровнялось. Плечи опустились. Тело вспомнило, что оно живое, что оно может расслабиться, хотя бы на время, хотя бы до следующей бури.

Тимур вел машину уверенно, руки на руле лежали легко, без напряжения, но пальцы иногда постукивали по коже, отсчитывая какой-то свой внутренний ритм. За окном мелькали последние деревни, редкие огни поселков, и когда они окончательно закончились, уступив место старой дороге, проложенной меж высоких сосен, в салоне повисла та особенная тишина, которая бывает только перед важным разговором. Раф сидел рядом, прижимая к груди перевязанную руку, морщился от боли, но молчал. Сзади, откинувшись на сиденье, дремал Кир, изредка открывая глаза, чтобы вставить какую-нибудь едкую фразу, и снова проваливаясь в сон. Яна сидела тихо, смотрела в окно на мелькающие деревья, чувствовала, как меняется атмосфера в машине, как воздух становится плотнее, насыщеннее ожиданием.

Тимур сделал паузу, выждал момент, когда шум двигателя станет ровным, монотонным, гипнотизирующим, и начал говорить. Голос его был низким, ровным, без дрожи, но в каждом слове чувствовалась та особая тяжесть, которую да-

ют не годы, а пережитое.

- Ты думаешь, власть это просто? - спросил он, не оборачиваясь, глядя на дорогу, которая уходила вперед, прямая, бесконечная. - Ты думаешь, это просто кресло, кабинет, телефон, приказы? Нет, Яночка. Власть это кровь. Это грязь. Это когда ты стоишь по колено в дерьме и пытаешься выбраться, зная, что если оступишься, тебя сожрут. И не просто сожрут. Выплюнут кости. И забудут.

Он сделал паузу, переключил передачу, почувствовал, как машина отзывается на движение, и продолжил.

- Ты родилась в восемьдесят пятом. В восемьдесят пятом году, Яна. А в девяносто первом тебе было шесть. Ты ничего не помнишь. Для тебя это история. Учебники. Даты. Факты. А для нас... для нас это было жизнью. Или смертью. Граница была тонкой. Тоньше, чем лезвие ножа.

Раф повернул голову, посмотрел на Тимура, кивнул едва заметно. Он помнил. Он был там. В те дни. В те ночи. Когда Москва горела. Не метафорически. По-настоящему. Огнем. Дымом. Кровью.

- В девяносто первом, - продолжал Тимур, и в голосе его прозвучала та особая нота, которая бывает только когда говоришь о чем-то личном, о чем-то, что нельзя забыть, - я сидел в камере. Не в первый раз. Не в последний. Но именно та камера... она запомнилась. Знаешь почему? Потому что там был Кир.

Он усмехнулся. Усмешка была кривой, уставшей, но в ней

не было злобы. Было что-то другое. Признание. Принятие.

- Кир, - повторил он. - Тот самый Кир, который сейчас храпит сзади, мечтая, наверное, о том, как бы подцепить какую-нибудь официантку в пансионате. Тогда он был другим. Моложе. Злее. Голоднее. Не в смысле еды. В смысле жизни. Он хотел всего. Сразу. И был готов за это драться. Зубами. Когтями. Чем угодно.

Тимур сделал паузу, дал словам улечься, дал Яне представить ту камеру, тех людей, то время.

- Мы сидели вместе, - продолжал он. - По началу не друзья и не братья. Просто двое, которых судьба столкнула в тесной клетке. Камера была маленькой. Грязной. Вонючей. Нас было шестеро. Шесть тел на двенадцать квадратных метров. Шесть судеб, которые переплелись, как змеи в клубке. Кир спал на верхней шконке. Я на нижней. Между нами была решетка. Невидимая. Граница. Кто-то должен был стать главным. Кто-то должен был подчиниться.

Он помолчал, вспомнил тот запах. Запах пота. Мочи. Дешевой махорки. Отчаяния.

- Мы не дрались, - сказал он тихо. - Не сразу. Сначала были слова. Взгляды. Проверка. Кто сильнее. Кто выдержит. Кто сломается. Кир смотрел на меня. Я смотрел на него. И мы оба понимали: один из нас должен будет уступить. Или умереть.

Раф слушал, не перебивая. Он знал эту историю. Не всю. Но достаточно, чтобы понимать, о чем говорит Тимур.

- В девяносто втором, - продолжал Тимур, и в голосе его прозвучала гордость, тихая, скрытая, но настоящая, - я получил российский паспорт. Гражданство. Бумагу, которая давала право жить. Не просто существовать. Жить. Ты понимаешь, что это значит, Яна? Иметь бумагу, которая говорит: ты свой. Ты не чужой. Ты не враг. Ты человек.

Он сделал паузу, дал ей почувствовать вес тех слов, тех дней, той борьбы.

- А Кир... Кир еще сидел. Еще не вышел. Еще не получил свой шанс. И когда я вышел, когда получил эту бумагу, я знал: я должен вытащить его. Не потому что он мой друг. А потому что он был частью меня. Частью той жизни, которую я оставил за решеткой. Частью того пути, который привел меня сюда. В эту машину. К тебе.

Яна слушала, не шевелясь. Она чувствовала, как слова Тимура проникают внутрь, как они меняют что-то в ней, как они открывают дверь в тот мир, который она не знала, но который был частью ее истории.

- А потом, - сказал Тимур, и в голосе его прозвучала та особая дрожь, которая бывает только когда говоришь о чем-то действительно страшном, - пришел октябрь. Девяносто третий год.

Он замолчал. Долго. Дал тишине сделать свое дело. Дал ей представить тот октябрь. Тот дым. Тот огонь.

- Ты видела фотографии? - спросил он наконец. - Белого дома? Того, что горел? Того, в который стреляли из танков?

Яна кивнула, хотя она не видел. Но представляла.

- Это было не просто, - сказал Тимур тихо. - Это был ад. Настоящий. Не метафорический. Не книжный. Реальный. Когда небо черное от дыма. Когда земля красная от крови. Когда люди стреляют в людей. Не потому что они враги. А потому что кто-то сказал: они враги. И они поверили.

Он переключил передачу, почувствовал, как машина идет по старой дороге, как колеса находят колею, и продолжил.

- Я был там, - сказал он просто. - Не в Белом доме. Не среди защитников. Не среди штурмующих. Я был рядом. Наблюдал. Смотрел. Пытался понять. И я понял одну вещь. Страшную. Простую. Неизбежную.

Он сделал паузу. Дал ей повиснуть в воздухе.

- Власть, - сказал он, - это не то, что дают. Это то, что берут. Силой. Кровью. Жизнью. И если ты не готов драться за нее, ты не заслуживаешь ее. Никогда.

Раф кивнул. Он помнил те дни. Помнил тот страх. Тот ужас. То понимание, что все может рухнуть в один миг.

- Ты думаешь, это просто слова? - спросил Тимур, обернулся на секунду, посмотрел на Яну. - Нет. Это правда. Та правда, которую ты должна знать. Та правда, которую ты должна принять. Потому что однажды... однажды нас не будет рядом. Не будет меня, Рафа, Кира. Не будет никого. И ты останешься одна. Совсем одна. Против всех. Против мира. Против смерти.

Он замолчал. Дал словам улечься. Дал им проникнуть глу-

боко.

- И тогда, - продолжил он тихо, - ты должна будешь выбрать. Сдаться. Или драться. Умереть. Или жить. И если ты выберешь жизнь... если ты действительно захочешь жить... ты должна будешь сделать все. Все, что нужно. Все, что возможно. И все, что невозможно.

Он сделал паузу. Глубокую. Тяжелую.

- Ты должна будешь вырывать сердца врагам, - сказал он спокойно. - Без дрожи. Без эмоций. Как констатацию факта. Ты должна будешь выкалывать глаза тем, кто хочет тебя ослепить. Ты должна будешь ползти по земле, если нужно. Грызть землю зубами. Пить кровь. Дышать пылью. Но жить. Понимаешь? Жить.

Яна чувствовала, как по спине бегут мурашки. Не от страха. От осознания. От понимания той правды, которую говорил Тимур. Той правды, которая была не в книгах. Не в учебниках. В жизни, крови, костях.

- Жизнь отнять легко, - сказал Тимур тихо. - Очень легко. Один выстрел. Один удар. Один толчок. И все. Нет человека. Нет жизни. Нет будущего. Но желание жить... желание жить отнять нельзя. Его можно только убить в себе. Сдаться. Сломаться. Перестать хотеть. И пока ты хочешь жить... пока ты действительно, по-настоящему, до дрожи, до боли, до крови хочешь жить... тебя нельзя убить. Понимаешь? Нельзя. Ты бессмертна.

Он замолчал. Долго. Дал словам проникнуть глубоко. В

каждую клетку, каждую кость, каждую мысль.

- В девяносто третьем, - продолжил он наконец, - я видел, как умирали люди. Не от пуль и не от ножей. От отчаяния. От понимания, что все кончено. Что ничего нельзя изменить. Что мир рушится. И они сдавались. Ложились. Умирали. А другие... другие дрались. До последнего. До последней капли крови, до последнего вздоха. И они выживали. Не потому что были сильнее. А потому что хотели жить. Больше. Сильнее. Глубже.

- Ты должна это знать, - сказал Тимур, обернулся, посмотрел на Яну прямо в глаза. - Ты должна это помнить. Когда нас не будет. Когда ты останешься одна. Когда мир обрушится на тебя. Когда все будет против тебя. Ты должна будешь вспомнить эти слова. Вспомнить этот разговор. Вспомнить эту дорогу. И ты должна будешь драться. Не за власть, не за деньги, не за славу. За жизнь. За свою жизнь. За право жить. За право быть. За право дышать.

Он сделал паузу. Глубокую. Тяжелую.

- И если для этого нужно будет вырвать сердце... то вырви! Если нужно будет выколоть глаза... выколи! Если нужно будет ползти по земле... ползи! Но живи! Живи любой ценой. Живи до конца. Живи до победы. Живи до тех пор, пока бьется сердце. Пока дышат легкие. Пока видят глаза. Пока ты хочешь жить.

Яна чувствовала, как что-то меняется внутри нее. Не страх. Не ужас. Осознание. Понимание той силы, которая

была в словах Тимура. Той правды, которая была в его голосе. Той жизни, которая была в его глазах.

Кир заворочался сзади, открыл глаза, зевнул.

- Чего это вы тут о сердцах говорите? - спросил он хрипло, потянулся, хрустнул шеей. - Собираетесь кому-то сердце вырвать? Я в деле. У меня сильные руки и острый нож.

Тимур усмехнулся.

- Спи, Кир, - сказал он. - Спи. Тебе еще пригодятся твои руки. И твой нож. И твое сердце. Если оно у тебя еще есть.

Кир рассмеялся. Коротко. Резко.

- Есть, - сказал он. - Есть сердце. И оно бьется. Громко. Сильно. До тех пор, пока я хочу жить. А я хочу жить, брат. Очень хочу. До конца.

И он снова закрыл глаза, провалился в сон, оставив после себя тишину. Ту особенную тишину, которая бывает только после важных слов. После важных истин. После важных обещаний.

Тимур смотрел на дорогу. На сосны. На небо. На тот путь, который вел их вперед. К пансионату. К отдыху. К передышке. Но он знал: это не конец. Это только начало. Начало того пути, который должна будет пройти Яна. Одна. Без них. Без защиты. Без поддержки. И он должен был подготовить ее. Должен был дать ей то оружие, которое нельзя отнять. То знание, которое нельзя забыть. Ту силу, которая нельзя сломить.

- Живи, - сказал он тихо. Почти шепотом. Так тихо, что

только Яна могла услышать. - Живи, доченька. Живи до конца. Живи до победы. Живи до тех пор, пока бьется твое сердце. Потому что пока оно бьется... ты жива. А пока ты жива... все возможно. Все.

И Яна кивнула. Не словами. Не голосом. Сердцем. Душой. Всем своим существом. Она поняла. Поняла ту правду, которую говорил Тимур, ту силу, которая была в его словах, тот путь, который должен был стать ее путем.

Дорога вела вперед. Меж сосен. Меж деревьев и теней. К пансионату и отдыху. К передышке. Но Яна знала: это не конец. Это только начало. Начало того пути, который она должна была пройти. Одна. Сильная. Живая. До конца. До победы.

И она была готова.

***

Пансионат «Лесная Тишина» встретил их воротами из кованого железа, покрытыми ржавчиной, которая проступала сквозь свежую краску, словно болезнь, которую не удалось вылечить. За воротами виднелся главный корпус. Кирпичный, трехэтажный, с колоннами, которые помнили еще советские съезды, с балконами, где когда-то сушилось белье, а теперь висели гирлянды, которые не горели даже ночью. Парковка была пустой. Только их машина нарушала тишину, скрипя гравием под шинами.

Администратор, женщина лет пятидесяти, с лицом, испещренным морщинами, которые складывались в карту про-

житых лет, встретила их без удивления. Видимо, таких гостей здесь хватало. Тех, кто приезжал не лечиться, а прятаться. Не от болезней тела, а от болезней мира. Она выдала ключи, кивнула, указала на корпус номер два. Говорила мало. Смотрела в сторону. Знала, что вопросы здесь не задают. Что ответы здесь не нужны. Что тишина это валюта, которую принимают без обмена.

Номера располагались на втором этаже. Окна выходили в лес. Сосны стояли стеной, закрывая горизонт, создавая иллюзию изоляции, которая не давила, а оберегала. Внутри пахло старым деревом, пылью и чем-то сладковатым, словно кто-то давно оставил здесь конфеты, которые так и не съели. Мебель была тяжелой, дубовой, покрытой лаком, который потрескался от времени. Кровать широкая, с железным изголовьем, застеленная белым, накрахмаленным бельем, которое хрустело под пальцами. Ванная комната маленькая, с плиткой, от которой отваливались кусочки, с краном, который подтекал, отсчитывая время каплями, которые падали в раковину с ритмом метронома.

Яна поставила сумку на пол. Осмотрелась. Проверила окна. Заперла дверь. Положила стул под ручку. Не из паранойи. Из привычки. Из понимания, что безопасность это не отсутствие угрозы. Это наличие контроля. Она сняла куртку, повесила на вешалку, села на кровать. Тело просило покоя. Разум просил анализа. Она выбрала третье. Просто быть. Дышать. Слушать.

Лес шумел за окном. Ветер качал ветви. Где-то вдалеке крикнула птица. Звук был резким, одиночным, но не пугающим. Просто напоминающим, что жизнь продолжается. Даже здесь. Даже сейчас.

Вечер пришел незаметно. Сумерки легли на лес мягким, серым покрывалом, поглотив цвета, оставив только контуры, тени, силуэты. Они ужинали в столовой на первом этаже. Еда была простой, сытной, лишенной изысков, но полной того самого вкуса, который остается в памяти, когда мир становится слишком сложным. Суп с грибами, гречневая каша, бородинский хлеб и чай с травами. Разговаривали мало. Не потому что нечего было сказать. А потому что слова уже были сказаны вчера и в дороге. Сегодня требовалось другое. Тишина. Присутствие. Разделение пространства без необходимости заполнять его шумом.

Раф ел медленно, тщательно пережевывая, словно каждый кусок был последним. Кир шутил тихо, почти про себя, комментируя качество хлеба, температуру супа, скрип стульев, и в его шутках не было злости, только попытка удержать нормальность, которая ускользала, как вода сквозь пальцы. Тимур сидел во главе стола, смотрел в окно, где лес уже слился с ночью, и в его взгляде читалась та самая тяжесть, которую несут те, кто принимает решения, от которых зависят жизни. Яна сидела рядом, слушала, чувствовала, как напряжение постепенно отступает, уступая место усталости, которая не была слабостью, а была признанием того, что те-

ло имеет пределы, и эти пределы нужно уважать.

После ужина они разошлись по номерам. Двери закрылись. Замки щелкнули. Тишина стала абсолютной. Яна разделась, надела пижаму, легла в кровать. Закрыла глаза. Сна не было сразу. Был поток образов, мыслей, воспоминаний. Вчерашняя перестрелка. Лицо Нефрита. Крик Кира. Тяжесть пистолета в руке. Схема, которую она предложила. Все это крутилось в голове, как шестеренки в старом механизме, который никак не мог найти сцепление. Она дышала глубоко, считала до десяти, отпускала каждый образ, позволяя ему уйти, как облаку, которое уносит ветер. Постепенно сознание затуманилось. Тело расслабилось. Дыхание выровнялось. Сон пришел не как гость, а как старый знакомый, который не стучит, а просто входит, садится рядом, и ждет, пока ты перестанешь сопротивляться.

Ночь была глубокой, черной, лишенной звезд. Ветер стих. Лес замер. Даже капли из крана перестали падать, будто время остановилось, выдохнуло, решило отдохнуть. Яна спала. Не крепко, но чутко. Тело помнило урок. Мозг работал в фоновом режиме, сканируя пространство, фиксируя изменения, готовый к сигналу.

И сигнал пришел.

Не звук. Не движение. Изменение давления. Воздух в комнате сдвинулся. Стал тяжелее. Плотнее. Кто-то вошел. Не через дверь. Через окно? Нет. Дверь была заперта. Стул стоял на месте. Но воздух изменился. Пахло чем-то чужим.

Холодным. Металлическим. Потом кожей. Потом потом, который не принадлежал этому месту.

Яна не открыла глаза. Не пошевелилась. Дыхание осталось ровным. Тело осталось неподвижным. Но внутри что-то щелкнуло. Не мысль и не логика. Интуиция. Та самая древняя, выверенная миллионами лет эволюции, система предупреждения, которая срабатывает раньше сознания, которая читает микровибрации, микросдвиги воздуха, микроследы присутствия. Она почувствовала его. Не увидела. Почувствовала. Движение слева. От шкафа. Тень, которая отделилась от стены. Фигура, которая скользнула по полу, бесшумно, как призрак, как тот, кто знает, как гасить звук шагов, как замедлять дыхание, как становиться частью темноты.

Он подошел к кровати. Остановился. Дышал тихо. Почти неслышно. Но она слышала. Не ушами. Кожей. Костями. Кровью. Он поднял руку. В ней блеснуло лезвие. Короткое. Узкое. Матовое. Не отражающее свет. Смертоносное. Он занес его. Цель была ясна. Шея. Сердце. Точка, где жизнь обрывается без звука, без борьбы, без предупреждения.

И в этот момент интуиция взорвалась! Не как мысль. Как импульс, как молния, которая пробивает тьму, не спрашивая разрешения. Тело среагировало раньше разума. Глаза распахнулись. Не от страха, а от ясности. Она увидела лезвие. Увидела руку. Увидела лицо, скрытое маской, но в глазах читалось нечто ледяное, пустое, лишенное сомнения, лишен-

ное колебания. Профессионал. Не любитель. Не мститель. Исполнитель. Тот, кто не задает вопросов. Кто не оставляет следов. Кто приходит, когда нужно, и уходит, когда сделано.

Она не стала кричать сразу. Крик это трата энергии. Крик это сигнал, который можно перехватить. Она сделала рывок. Не в сторону двери. Не под кровать. В сторону балкона. Тело сорвалось с кровати, прокатилось по полу, ударилось плечом о стену, но не остановилось. Ноги нашли опору. Она вскочила. Рванула к стеклянной двери. Лезвие чиркнуло по воздуху, там, где секунду назад была ее шея. Разрезало пижаму. Оставило царапину на коже. Жжение. Кровь. Но жизнь!

Она схватила ручку балкона. Дернула. Заперто. Окно не открывалось с этой стороны. Ловушка! Она обернулась. Убийца уже был в шаге. Поднимал лезвие снова. Глаза холодные. Руки уверенные. Движения экономные. Без лишних жестов. Без эмоций. Только функция. Только задача.

И тут она закричала. Не от страха. От необходимости. Крик должен был быть громким. Резким. Пронзительным. Таким, чтобы разбудить мертвых. Таким, чтобы пробить стены. Таким, чтобы стать маяком.

- Помогите! - вырвалось из горла, звук был хриплым, рвущим, полным воздуха, который горел в легких, но в нем не было паники. Была команда. Требование. Призыв.

Убийца не остановился. Он не колебался. Он просто сделал шаг вперед. Занес лезвие. И в этот момент стекло балкона разлетелось. Не от выстрела. От удара. Фигура в черной

куртке влетела внутрь, не касаясь пола, перепрыгивая через перила соседнего балкона, используя инерцию, используя гравитацию, используя тело как оружие.

Кир.

Он не приземлился мягко. Он упал на колено, перекатился, выхватил пистолет из кобуры, и выстрел прозвучал раньше, чем Яна успела моргнуть. Звук был оглушительным в замкнутом пространстве. Эхо ударило о стены, вернулось, смешалось с запахом пороха. Убийца дернулся. Лезвие выскользнуло из рук, звякнуло о пол. Он упал на спину, нога подогнулась, но он попытался подняться, потянулся к кобуре на поясе.

Кир не дал ему времени. Второй выстрел. Точный. В плечо. Рука отлетела в сторону. Третья попытка встать. Третий выстрел. В бедро. Убийца рухнул. Не мертвый. Обездвиженный. Но живой. Достаточно живой, чтобы ответить на вопросы. Достаточно живой, чтобы понять, что игра закончена. На сегодня.

Дверь номера упала на пол с грохотом, сорванная с петель ударом тяжелого плеча. В проеме появились Тимур и Раф. Тимур в футболке, с пистолетом в руке, лицо белое, глаза расширенные, дыхание сбитое. Раф с автоматом, перевязанное плечо, но стойка устойчивая, взгляд сканирующий, готовый к продолжению.

Яна стояла у балкона, прижавшись к стене, дышала часто, мелко, руки дрожали, но не от слабости. От адреналина. От

осознания того, что секунда назад она была на грани. Что лезвие было в миллиметре от шеи. Что крик был единственным, что отделило жизнь от тишины.

Тимур увидел ее. Увидел царапину на шее. Увидел кровь на пижаме. Увидел глаза, в которых еще не улеглась буря. Он бросил пистолет на пол. Не думая. Не оценивая риски. Просто бросил. И шагнул к ней. Быстро. Тяжело. С той самой скоростью, которая не оставляет места для размышлений, только для действия.

Он обнял ее. Крепко. Сильно. Не как телохранитель. Не как командир. Как отец. Как тот, кто чувствует, как тонка нить, на которой держится мир. Как тот, кто понимает, что потеря невосполнима. Некоторых людей невозможно заменить. Что страх не уходит. Что он только прячется, ждет момента, чтобы ударить снова.

Яна уткнулась лицом в его плечо. Закрыла глаза. Почувствовала, как его руки дрожат. Как его дыхание сбивается. Как его тело напряжено, готовое к защите, но в то же время уязвимое, открытое, лишенное брони. Она не плакала. Не кричала. Просто дышала. Позволяя его теплу войти внутрь. Считала до десяти, на восьмом счету вспомнила глаза Славы Астахова и позволила этому воспоминанию стать якорем. Позволяя себе понять, что она не одна. Что есть те, кто готов умереть, чтобы она жила. И это знание тяжелее любого оружия. Оно не защищает тело. Оно защищает душу.

- Отец, - прошептала она. Слово вырвалось само. Не как

обращение. Как признание. Как принятие. Как связь, которая не требует слов, которая просто есть, как дыхание, как шаг, как тишина между ударами сердца.

Тимур не ответил. Не смог. Он просто прижал ее сильнее, закрыл глаза, и в этой тишине, которая наступила после выстрелов, после крика, после грохота упавшей двери, было больше сказано, чем в любых речах. Больше признано. Больше принято.

Раф подошел к убийце. Наступил на руку, которая тянулась к кобуре. Склонился. Осмотрел. Маска черная, плотная, без опознавательных знаков. Одежда темная, тактическая, без логотипов. Ботинки мягкие, бесшумные. Профессионал. Не наемник с улицы. Не бандит из подворотни. Исполнитель. Тот, кто работает по заказу. Тот, кто не оставляет следов. Тот, кто знает, как исчезать.

Кир сидел на полу, прислонившись к стене, дышал тяжело, но руки были в готовности. Пистолет лежал рядом, дуло еще дымилось. Он посмотрел на Яну, потом на Тимура, и усмехнулся. Усмешка была кривой, уставшей, но в ней не было облегчения. Только признание.

- Ну что, малая, - хрипло сказал он. - Говорил же, тут волки. А ты думала, это метафора. Оказалось, нет. Оказалось, они умеют ходить через стены в шкафу. И носить маски, чтобы не портить прическу. В следующий раз, когда поедешь отдыхать, бери с собой бронестекла. И, может, запасную жизнь. На всякий случай.

Яна отстранилась от Тимура. Вытерла лицо ладонью. Посмотрела на Кира. В глазах не было страха. Не было благодарности. Только ясность.

- Спасибо, - сказала она тихо. - Но в следующий раз я сама справлюсь.

Кир рассмеялся. Звук получился сухим, но искренним.

- Вот это я понимаю! Амбиции! Только помни, амбиции без подготовки это рецепт для некролога. Так что учись. Тренируйся. И не забывай, что я всегда на соседнем балконе. Даже если сплю. Особенно если сплю. Мой внутренний будильник срабатывает на звук разбитого стекла лучше, чем на кофе.

Тимур наконец отпустил ее. Отошел на шаг. Посмотрел на Рафа.

- Сними маску, - скомандовал Сомегрэлло.

Раф наклонился, схватил убийцу за волосы, дернул голову вверх. Маска была тугой, кожаной, с отверстиями для глаз и рта. Раф потянул. Материал поддался с тихим звуком трения. Маска сползла.

Лицо было обычным. Не красивым. Не уродливым. Средним. Ничем не примечательным. Именно это и пугало. Профессионалы не запоминаются. Они стирают себя, становятся фоном, становятся тенью. Но в глазах, которые смотрели на них, не было боли. Не было страха. Не было раскаяния. Только пустота. Только принятие. Только ожидание конца.

Тимур шагнул ближе. Присмотрелся. В углах глаз шрамы.

На шее татуировка, едва заметная, скрытая воротником, но теперь видная. Крест. Переплетенный с змеей. Символ. Не религиозный. Криминальный. Икшинская братва. Заказники. Те, кто не торгуется. Те, кто не отступает. Те, кто выполняет заказ до конца, даже если заказчик мертв. Даже если мир рушится. Даже если цена жизнь.

- Икша, - прошептал Тимур. Голос его прозвучал тихо, но в нем прозвучала сталь, которая не ржавеет, которая не гнется, которая не ломается под давлением. Он достал телефон. Не старый. Новый. Защищенный. Нажал кнопку. Поднес к уху.

- Проверь Икшу, - сказал он в трубку, когда соединение установилось. - Заказ на девочку. Одиннадцать лет. Особняк на севере. Пансионат «Лесная Тишина». Номер два. Кто платил. Кто курировал. Кто давал допуск. Быстро.

Он слушал. Не перебивал. Не задавал вопросов. Просто впитывал. Просто фиксировал. Просто позволял информации укладываться в пространство, как камни в фундамент, как вода в камень, как тень в свет. Когда он повесил трубку, щелчок прозвучал тихо, но отчетливо, словно дверь закрыла не только проход, но и пространство между мирами.

- Нефрит, - сказал он наконец. Голос был ровным. Без эмоций. Без паники. Просто констатация. Просто память. Просто правда, которая не требует доказательств. - Он заказал. Через посредников. Через Икшу. Думал, что скроет следы. Думал, что мы не свяжем одно с другим. Ошибся.

Кир поднялся с пола, подошел ближе, посмотрел на убийцу, потом на Тимура.

- Икша не сливает заказы, - сказал он тихо. - Это их правило. Их кодекс. Их религия. Если взяли заказ, выполнят. Даже если заказчик передумал. Даже если заказчик умер. Даже если цель уехала на край света. Они не отступают. Они не прощают. Они не забывают. Значит, этот не последний. Значит, охота объявлена. Значит, они будут приходить. По одному. По двое. По ночам. По дням. Пока не сделают. Пока не закроют счет. Пока не вычеркнут имя из списка.

Раф кивнул медленно. Тяжело. В его позе не было усталости. Только готовность. Только принятие. Только тихое знание, что война не закончилась. Она только сменила форму. Из открытой в скрытую. Из прямой в теневую. Из той, где стреляют в упор, в ту, где стреляют из тени, из угла, из сна.

Тимур посмотрел на Яну. В его глазах не было вопроса. Не было сомнения. Только тишина. Только присутствие. Только знание, что страх это не враг. Это информация. Это компас. Это сигнал, который говорит: будь внимательнее. Будь быстрее. Будь умнее. Будь готова.

- Мы не спрячемся, - сказал он тихо. - Не побежим. Не будем ждать, пока они найдут нас. Мы будем ждать их. На своих условиях. На своей территории. С своими правилами. Пусть приходят. Пусть пробуют. Пусть поймут, что девочка, которую они хотели убрать, не просто цель. Она узел. Она баланс. Она та, кто видит нити. И нити эти уже запутали их

самих.

Яна кивнула. Не победно. С принятием. С пониманием, что отдых закончился. Что тишина была иллюзией. Что мир не дал передышки. Он дал тест. И она прошла его. Не идеально. Не без царапин. Но прошла. И это главное.

Кир подошел к ней, положил руку на плечо.

- Малая, - сказал он тихо, без иронии, без сарказма, только с той самой серьезностью, которая приходит, когда шутки кончаются, а реальность начинается. - Ты молодец. Не потому что выжила. А потому что не сломалась. Потому что не закрылась. Потому что не спряталась за страхом. Ты стояла. Ты кричала. Ты дышала. И это больше, чем могут сказать многие. Запомни это чувство. Оно пригодится. Не для войны. Для жизни. Для того, чтобы не терять себя, когда мир требует стать тенью.

Яна посмотрела на него. Улыбнулась. Слабой. Тихой. Но искренней.

- Я запомню, - сказала она. - И спасибо за прыжок. В следующий раз я открою окно сама. Чтобы тебе не пришлось портить штаны о старые перила.

Кир рассмеялся. Звук получился громким, живым, заполнившим комнату, вытеснив запах пороха, вытеснив напряжение, вытеснив тень, которая пыталась остаться. -Вот это я понимаю. Юмор после попытки убийства. Вот это уровень! Вот это мастерство! Это настоящее искусство выживания. Ладно, малая, пошли перекусим, мне что-то есть захотелось.

Пока кровь не остыла и нервы не сдали. Пока мир не решил проверить нас еще раз.

Они вышли из номера. Дверь осталась открытой. Убийца лежал на полу, связанный, обездвиженный, но живой. Достаточно живой, чтобы стать вопросом. Достаточно живой, чтобы стать ответом. Тимур позвонил своим людям. Дал инструкции. Не убивать. Не пытать. Сохранить. Использовать. Информация это оружие. А оружие нужно беречь.

Внизу, в столовой, они сидели за столом. Чай был горячим. Пар поднимался ровными столбиками, кружась в холодном воздухе, создавая иллюзию движения там, где его не было. Яна пила чай медленно, чувствуя, как тепло расходится по груди, согревая ребра, расслабляя диафрагму, выравнивая дыхание, замедляя сердцебиение до ровного, уверенного ритма. Это был не просто напиток. Это была настройка. Подготовка нервной системы. Перезагрузка восприятия. Вход в состояние, где страх не имеет власти, где сомнение теряет вес, где действие становится естественным продолжением мысли.

Раф сидел напротив, молчал, пил чай, глядел в окно, где лес уже начинал светлеть, обнажая контуры деревьев, ветвей, неба. Кир рассказывал что-то тихое, почти про себя, о старых временах, о поездках, о шутках, которые не требовали аудитории, только понимания. Тимур сидел во главе стола, смотрел на Яну, и в его взгляде не было защиты. Не было контроля. Было доверие. Было принятие. Было тихое знание,

что она не ребенок, который нуждается в опеке. Она человек, который нуждается в пространстве. В пространстве, где можно расти. Не ломаясь. Не подчиняясь. Не прячась. Просто дыша. Просто живя. Просто выбирая.

А Яна смотрела на них не как на спасителей и не как на покровителей. Как на семью. Не по крови. По выбору. По тишине, которая стала домом. По теплу, которое не требует доказательств. По шагам, которые синхронизировались без слов. По взглядам, которые встречались и не отводились. По молчанию, которое не пустое, а наполненное. По смеху, который не громкий, а теплый. По боли, которую делят не по обязанности, а по необходимости.

И она поняла главное. Не то, что опасность миновала. А то, что она не миновала. Она трансформировалась. Из внешней во внутреннюю. Из физической в ментальную. Из той, что бьет в тело, в ту, что бьет в разум. И это сложнее. Это требует не силы мышц, а силы воли. Не скорости ног, а скорости мысли. Не брони тела, а брони духа. И у нее есть и то, и другое. Не в избытке. Не в совершенстве. Но достаточно. Достаточно, чтобы стоять, дышать, выбирать.

За окном рассветало. Небо светлело, окрашиваясь в бледно-розовые тона, которые медленно сменялись золотом, синевой и, наконец, ранним утром. Лес просыпался. Птицы начинали петь. Ветер шевелил ветви. Мир продолжался. Не обращая внимания на выстрелы. Не замечая кровь. Не останавливаясь из-за страха. Он просто жил. Дышал. Двигался. И

она была частью этого. Не фоном. Не тенью. Частью. Участником. Наблюдателем. Действующим лицом.

Она поставила чашку на стол. Встала. Подошла к окну. Посмотрела на лес, на небо, на свое отражение в стекле. В глазах не было страха, усталости и сомнения. Была тишина и ясность. Была готовность.

- Мы не спрячемся, - повторила она тихо слова своего отца. - Чтобы показать, что мы не боимся, что мы не ломаемся. Чтобы показать, что правда тяжелее камня. А камень можно разбить. Правду нет.

Тимур кивнул. Не словами. Взглядом. Жестом. Присутствием.

Кир усмехнулся.

- Подали пример, ха! Малышка, ты растешь не по дням, а по часам. Скоро начнешь учить нас, как прыгать через балконы. Как кричать так, чтобы стекла лопались и выживать без подсказок. Я запишу, лады? В блокнот, а лучше сразу в память и сердце. Потому что такие моменты не повторяются. Они становятся легендой. А легенды нужны не для прошлого. Для будущего. Для тех, кто придет после и кто будет стоять там, где мы стояли. Для тех, кто будет дышать там, где мы дышали. Для тех, кто будет выбирать там, где мы выбирали.

Яна улыбнулась. Тихо. Глубоко. Как человек, который наконец нашел ответ. Не в словах, а в присутствии. Не в обещаниях, а в шаге. Не в будущем, а сейчас.

Она повернулась. Посмотрела на них. На Тимура, Рафа,

Кира.

- Мы готовы, - сказала она. Не как вопрос, а как констатация. Как факт и начало. Не конца, а пути. Не финала, а старта. Не точки, а линии. Которая ведет вперёд. Всегда вперёд. К тому, что должно быть, и к тому, что уже началось. К тому, что нельзя остановить. Только принять, пройти, стать. Только жить. По-настоящему. Честно. Полно. До конца. До света. До истины. До себя.

За окном падал снег. Тихо. Плавно. Гипнотизирующе. Укрывая следы. Готовя почву. Для весны. Для нового. Для того, что ещё не написано. Но уже дышит. Уже ждёт. Уже близко. И Яна знала: это только начало. Только самое начало.

А где-то в глубине леса, за деревьями, за сугробами, за тишиной, стояла черная машина. С заглушенным мотором. С людьми внутри. Которые ждали и смотрели на окна пансионата. Которые знали, что покой закончился и игра началась..

Глава 21

Глава 21. Крик души

Читать под трек **«We stay inside» Glass Petals, Sophiegrophy**

«Я не скрываюсь, когда вхожу внутрь. Когда я ощущаю, как в комнате нарастает напряжение» (с)

После той ночи в пансионате, воздух в комнате Яны в Коньково изменился. Не стал холоднее. Не стал тяжелее. Просто перестал быть нейтральным. Каждая молекула кислорода теперь несла в себе отпечаток металла, пороха, чужого дыхания, которое секунду назад могло стать последним, что она вдохнет. Тело помнило все. Не умом, который пытался упаковать события в логические коробки, а кожей, мышцами, нервной системой, которая научилась считывать микро сдвиги в пространстве раньше, чем сознание успевало сформулировать мысль. Она лежала на кровати, глядя в потолок, где трещины в штукатурке напоминали карты незнакомых земель, и понимала, что детство, то самое, что измеряется беззаботностью, верой в безопасность, уверенностью в том, что мир вращается вокруг школьных оценок и розовых открыток, закончилось не вчера. Оно закончилось в тот момент, когда лезвие чиркнуло по воздуху в миллиметре от ее шеи, когда крик сорвался с губ не как просьба о помощи, а как команда собственной жизни не сдаваться,

когда она увидела в глазах убийцы не ярость, не месть, а пустоту, абсолютную, ледяную, лишенную сомнения функциональную готовность прекратить чужое существование ради чужого приказа. Криминал, как выяснилось, не был игрой. Не был романтикой подворотен, не был киношной эстетикой кожаных курток и умных цитат. Это была математика выживания. Геометрия, где каждая точка пересечения линий могла стать финалом. Где доверие измерялось не словами, а расстоянием до выхода. Где любовь проявлялась не в цветах, а в готовности принять пулю, которая летела в тебя.

Она вернулась в школу в тот же понедельник, когда за окном еще висела серая, мокрая мгла, когда асфальт чавкал под ногами, смешивая грязь с реагентами, а город дышал усталостью тех, кто проснулся, чтобы снова идти на работу, в магазин, в очередь, в жизнь, которая не спрашивает, готов ли ты. Яна надела форму. Застегнула все пуговицы. Завязала шнурки. Взяла рюкзак. Вышла из дома. Бабушка что-то говорила у двери, что-то про суп, про уроки, про то, что нельзя опаздывать, но слова пролетали мимо, не задевая, не проникая внутрь. Яна кивала, где нужно, молчала, где не нужно, и шагала по лестнице с тем ровным, размеренным ритмом, который не оставлял места для случайностей.

В школе было шумно. Гомон, смех, скрип обуви по линолеуму, звонки, которые разрезали время на отрезки, обязывающие быть внимательным, отвечать, поднимать руку, соответствовать. Она вошла в класс. Села за свою парту у окна.

Достала тетрадь. Открыла. Стала ждать. Не урока. Не перемен. А того момента, когда реальность снова попробует ее на прочность.

Но дни тянулись медленно, как резина, которую растягивают до предела, боясь отпустить, зная, что щелчок будет болезненным. Яна не реагировала. Не на шепот за спиной. Не на взгляды, которые теперь были другими, настороженными, оценивающими, смешанными с чем-то похожим на уважение или страх. Не на попытки одноклассников заговорить, задать вопрос, проверить, не сломалась ли она, не стала ли слишком серьезной, слишком взрослой, слишком чужой. Она просто существовала. Внутренне сосредоточенная, собранная, как струна, настроенная на частоту, которую не слышат другие, но которая вибрирует внутри, напоминая, что покой это иллюзия, а бдительность это единственная валюта, которая не обесценивается. Она писала конспекты, отвечала у доски, сдавала работы. Делала все, что требовалось, но без участия души. Душа ушла вглубь, в то место, где хранятся травмы и пережевываются ночные кошмары, где тело учится заново дышать без оглядки на тень за спиной. Она стала замкнутой. Не из гордости или обиды. Из необходимости сохранить энергию и того понимания, что каждый эмоциональный всплеск это утечка ресурса, который может понадобиться в момент, когда дверь снова упадет на пол, стекло разлетится, а лезвие снова чиркнет по воздуху.

Но система, будь то школа или улица, или мир в целом,

не любит тех, кто выходит из общего ритма. Она стремится вернуть отклонившегося в строй, сгладить угол, стереть индивидуальность, превратить в функцию. И чем тише становилась Яна, тем громче становились те, кто боялся ее тишины. Девочки из класса, те самые, что раньше хихикали над розовыми конвертами, а теперь не знали, как к ней подступиться, нашли способ. Не прямой и совсем не честный. Через тело и физику превосходства. Они были ниже, компактнее, привыкшие занимать место через шум, движение и через коллективное давление. А Яна была высокой. Длинные ноги, прямая спина, плечи, которые не сутулились, а несли невидимый груз осознанности. В глазах одноклассниц это читалось не как сила, а как угроза. Как вызов их хрупкому миру, где иерархия строилась на громкости, а не на глубине.

Началось с мелочей. С толчков в коридоре, якобы случайных, но рассчитанных так, чтобы сбить с ритма. С фраз, брошенных мимоходом, но звучащих как приговор.

- Ой, смотри, Кармашкова идет, асфальт аж трещит! - кричали ей в спину, намеренно коверкая фамилию.

- Ты чего такая вытянутая, тебе в баскетбол или в модельное, но там лицо не то!

- Ты чего молчишь, язык проглотила или думаешь, что умнее всех?

Яна не отвечала. Не ускоряла шаг и не замедляла. Просто шла, пропуская слова мимо ушей, как ветер пропускает сквозь ветви, не ломая их, но запоминая направление. Она

знала, что реакция это топливо для агрессии. Что молчание это не слабость, а стратегия. Это способ лишить противника того, что ему нужно больше всего: подтверждения своей значимости через твой страх.

Но стратегия имеет предел. Тело имеет предел. Психика имеет предел. В четверг, на большой перемене, когда коридор был забит людьми, когда шум достигал пика и воздух стал вязким от сотен голосов, смеха, топота, одна из девочек, Анька, та самая, что раньше пыталась запереть ее в классе, подошла близко. Не одна. С двумя подругами. Они встали полукругом, преграждая путь к лестнице. Анька улыбнулась. Улыбка была кривой, напряженной, лишенной радости. В ней читалась злость. Злость на то, что Яна не ломается. Злость на то, что ее молчание сильнее их крика, а еще на то, что в ее глазах нет того самого детского испуга, который так сладко кормит эго подростков.

- Ты чего зазналась? - начала Анька, и голос ее прозвучал резко, ломая общий гул. - Думаешь, если тебя на машине привозят, ты королева? Думаешь, мы тебя боимся? Да ты просто длинная жердь, которую ветер сдует. И толстая вдобавок. Кости одни, а жира сколько. Страшно смотреть! Уродка!

Яна остановилась. Не отступила и не сделала шаг в сторону. Просто стояла. Дышала. Смотрела прямо перед собой. Внутренний счетчик тикал. Не паника. Анализ. Расстояние до выхода. Положение тел. Углы обзора. Выходы из ситуа-

ции. Но тело уже не слушалось счетчика. Тело помнило лезвие и помнило крик. Помнило, как тонка грань между жизнью и тишиной. И вдруг, без предупреждения, без логической цепочки, внутри что-то лопнуло. Не мысль и не решение. Плотина. Та самая, что сдерживала страх, усталость, одиночество, боль от предательства мира, который должен быть безопасным, но оказался полем битвы. Напряжение, копившееся неделями, вырвалось наружу не как крик. Как рык. Как звук, который не принадлежит голосу, а вырывается из груди, из живота, из самых глубоких слоев нервной системы, которые хранят память о древних опасностях, о необходимости выжить любой ценой.

Яна внезапно закричала. Не слова. Звук. Громкий, рвущий, полный воздуха, который горел в легких, полный слез, которые хлынули из глаз без предупреждения, без контроля, как прорвавшаяся река. Она оттолкнула Аньку. Не сильно, но достаточно, чтобы та отшатнулась. Рванула в сторону, не разбирая дороги, не видя лиц, не слыша шума, который вдруг стих, уступив место вакууму, в котором слышен только собственный стук сердца, дыхание, а еще собственный плач, который не прекращался, который вырывался наружу, освобождая тело от яда, который оно копило слишком долго. Учителя подбежали. Кто-то схватил за руку и попытался успокоить. Слова пролетали мимо, как пули мимо мишени, которая уже сдвинулась. Яна вырывалась. Не злобно. Отчаянно. Как животное, загнанное в угол, которое знает,

что единственный выход это движение, это крик, это сброс напряжения, которое иначе разорвет изнутри.

Ее увели к директору. Не как наказуемую. Как сломанную. Как ту, чья система дала сбой, чья броня треснула, а тишина обернулась штормом. Кабинет директора встретил ее запахом старой бумаги, пыли, дешевого кофе и власти, которая пахнет не уверенностью, а страхом потерять контроль. Директор, мужчина лет пятидесяти, с лицом, испещренным морщинами усталости, с глазами, которые давно перестали видеть в детях людей, а видели лишь объекты для отчетности, сидел за столом, листал журнал, делал пометки. Увидев ее, взъерошенную, с покрасневшими глазами, с дрожащими плечами, он вздохнул. Тяжело. Устало. Положил ручку.

- Карманова, - начал он, и в голосе прозвучало не сочувствие, а констатация проблемы, которую нужно решить по инструкции. - Что это было? Истерика? Нападение на одноклассницу? Нарушение дисциплины? Ты понимаешь, что это основание для вызова родителей? Для постановки на внутришкольный учет? Для разговора с комиссией?

Яна стояла посреди кабинета. Дышала часто, мелко. Руки сжаты в кулаки до белых костяшек. Внутри все еще бушевал шторм, но разум уже начал возвращаться, собирать осколки, пытаться найти опору. Она посмотрела на директора. Не с вызовом, а с болью. С той самой болью, которая не требует сочувствия, а требует признания факта.

- Никого нет, - вырвалось у нее. Голос хриплый, сорван-

ный, но каждое слово падало на стол тяжело, как камень, который не сдвинуть. - Никого. Мама в Италии. Папа в Сочи. Все работают. Все заняты. Все далеко. Мне одиннадцать лет и я одна. Всегда одна. В школе. Дома. В голове. Вы вызываете родителей? Кого? Тень на стене? Голос в трубке? Вы думаете, им есть дело? Им есть дело до ваших отчетов? До оценок? До того, чтобы я не мешала? А до меня? До того, что я чувствую? До того, что я вижу? До того, что мне страшно? Нет! Никому нет дела! И вы тоже, Игорь Петрович! Вы просто хотите, чтобы я молчала. Чтобы я была удобной. Чтобы я не кричала. Чтобы я не ломала ваш порядок. Но я не могу больше молчать. Я не могу. Я задыхаюсь!!

Директор замер. Ручка зависла над журналом. В его глазах мелькнуло что-то похожее на растерянность. Не потому что он не знал, что делать. А потому что столкнулся с тем, с чем не умел работать: с живой болью, которая не укладывается в инструкции, с ребенком, который не просит помощи, а констатирует одиночество, которое тяжелее любого наказания.

И в этот момент дверь распахнулась. Не от ветра и не от сквозняка. От удара. Резкого, уверенного, лишенного сомнения. В проеме стояли двое. Тимур и Кир. Не в костюмах или в форме. Просто в одежде, которая не привлекала внимания, но осанка, взгляд, тишина, которая их окружала, говорили громче любых титулов. Тимур в темном пальто, руки в карманах, лицо спокойное, но глаза сканирующие пространство, фиксирующие детали, оценивающие угрозы. Кир в кожаной

куртке, с той самой ухмылкой, которая не сходила с лица даже когда мир шел наперекосяк, но в глазах читалась настороженность, готовность к действию, тихая ярость, которую он держал на коротком поводке.

Директор встал. Медленно. Неуверенно. Бумаги в руках дрогнули. В его лице произошла мгновенная трансформация. Не от страха, а от узнавания. От того самого знания, которое не требует доказательств, которое передается через газеты, через шепот в коридорах министерств, через статьи в «Московском Комсомольце», где фамилии этих людей печатались рядом с заголовками о переделах, о влиянии, о силе, которая не подчиняется законам, а пишет их.

Тимур Сомегрэлло. Кир Иванов. Имена, которые не произносили вслух в приличном обществе, но которые знали все. Те, кто держит нити. Те, кто решает вопросы, которые не решаются в судах. Те, чье присутствие в кабинете директора школы означало одно: правила игры изменились.

Тимур шагнул внутрь. Не торопясь и не демонстративно. Просто занял пространство. Кир прошел следом, закрыл дверь, повернул замок. Щелчок прозвучал тихо, но в тишине кабинета он отозвался как выстрел.

Кир не стал ждать. Он подошел к Яне. Не как телохранитель и, безусловно, не как подчиненный. Как тот, кто знает, как обращаться с разбитым стеклом, не порезавшись. Он остановился в шаге. Посмотрел на нее. В его глазах не было упрека или сарказма. Только тихое признание и безгранич-

ное понимание.

- Ну что, сестренка? - сказал он тихо, и в голосе прозвучала та самая ирония, которая не ранит, а обнимает, которая не высмеивает, а признает. - Опять решила устроить концерт без билета? Директор, наверное, думает, что мы репетируем оперу. А ты, я смотрю, уже вторую арию берешь. Высокие ноты. Драматизм. Слезы. Все как положено. Только вот что я тебе скажу, дорогая моя. Когда ты кричишь так, что стекла дрожат, ты не побеждаешь. Ты просто выпускаешь пар. А пар, если его не направить, сжигает котел изнутри. Давай выдохнем. Вместе. Я тут. Мы тут. Никто тебя не тронет. Ни здесь. Ни там. Ни в мыслях. Ни в реальности. Дыши. Я считаю. Раз. Два. Три.

Яна посмотрела на него. Сквозь слезы, сквозь дрожь, сквозь остатки шторма. И вдруг что-то щелкнуло. Не в голове. В груди. Та самая опора, которую она искала, которую не находила в пустых стенах квартиры, в равнодушных взглядах учителей, в шепоте одноклассников, оказалась здесь. В этом человеке, который шутит, когда страшно. Она сделала вдох. Глубокий. Дрожащий. Но полный воздуха. Кивнула. Не словами. Телом. Глазами. Принятием.

Кир улыбнулся. Широко. Искренне. Подошел ближе. Обнял. Крепко. Нежно. Не как мужчину женщину. Не как взрослого ребенка. Как того, кто держит другого, когда земля уходит из-под ног. Яна уткнулась лицом в его куртку. Запах кожи, табака, дороги, жизни. Она не плакала гром-

ко. Просто дышала. Позволяя себе быть слабой и принятой. Позволяя себе понять, что она не одна. Что есть те, кто придет, когда дверь упадет. Кто войдет, когда крик сорвется. Кто обнимет, когда мир станет слишком тяжелым.

Кир отстранился, но не отпустил руку с плеча. Посмотрел на директора, который все еще стоял, сжимая журнал, не зная, куда деть глаза, куда деть руки, куда деть власть, которая вдруг оказалась бумажным корабликом перед реальной силой.

- А теперь, - сказал Кир, и в голосе прозвучала сталь, обернутая в бархат, - давайте поговорим. По-человечески. Без журналов или угроз. Пока, конечно. Без вызовов родителей, которых нет. Потому что родителей, которых она ждет, здесь нет. Но есть те, кто за нее отвечает. Кто за нее платит. Кто за нее стреляет, если потребуется. И мы хотим, чтобы школа стала местом, где она учится. А не местом, где она выживает. Понятно?

Директор кивнул. Медленно. Тяжело.

- Понимаю. Я... я не знал. Я думал...

- Не думай, - перебил Тимур. Голос его прозвучал тихо, но каждое слово упало на стол точно в цель. - Тебе думать противопоказано. Мы берем эту школу под контроль. Любые вопросы по Яне решаются через нас. Любые конфликты гасятся до того, как станут проблемой. Любые попытки давления пресекаются. Не угрозами. Решениями. Ты директор. Ты отвечаешь за порядок. Мы даем тебе порядок. Ты даешь

нам тишину. По рукам?

Директор глотнул. Воздух в кабинете стал плотнее. Он понял, что это не просьба. Это констатация нового расклада. Что отказ невозможен. Что сопротивление бессмысленно. Что перед ним стоит не просто опекун. Стояла структура. Сила. Выбор, который не обсуждается.

- По рукам, - прошептал он.

- Отлично, - кивнул Тимур. - Теперь детали. Яна не поедет с классом на экскурсию, которая у вас запланирована. Но для ее бабушки, для школы, для отчетов она поедет. Две недели. Санкт-Петербург. Образовательная экскурсия. Праздники. Двадцать третье февраля. Восьмое марта. Билеты оплачены. Гостиница забронирована. Программа согласована. Класс едет. Яна остается здесь. Но в документах она в списке. Ты подтверждаешь. Подписываешь. Отправляешь отчет. Иначе...

Тимур не договорил. Не нужно было. Иначе означало проверку. Аудит. Вопросы, на которые у директора не было ответов. Вопросы, которые могли стоить должности. Вопросов, которые могли стоить свободы. Или вообще: темный лес, яма, конец. Фантазия директору подбрасывала разные варианты.

- Я понимаю, - сказал директор, и в голосе прозвучала покорность, смешанная с облегчением. - Я подпишу. Все будет оформлено. Никаких проблем и вопросов. Яна под моей защитой. Под вашей защитой. Все понятно.

- Хорошо, - сказал Тимур. Он достал из внутреннего кармана папку. Положил на стол. - Документы. Подписи. Печати. Все готово. Осталось только твое имя. И твое молчание. Молчание это твоя жизнь. Не забывай.

Директор взял ручку. Подписал. Рука дрожала, но подпись вышла четкой. Финальной. Тимур кивнул. Забрал папку. Повернулся к Киру. Кивнул. Молчаливая команда. Идем.

Кир подмигнул Яне.

- Ну что, малышка? Шоу окончено. Занавес. Аплодисменты отменяются. Пойдем, выпьем чаю. Или кофе. Или что там пьют люди, которые только что пережили вторую серию драмы. Я угощаю. У меня есть купон на скидку в забегаловке за углом. Правда, он просрочен, но я думаю, мы сможем договориться. Моя харизма еще работает. Или почти работает.

Яна улыбнулась. Слабой. Тихой. Но искренней улыбкой. Кивнула. Вышла из кабинета. Кир придержал дверь, пропустил ее, сам вышел следом, закрыв за собой пространство, которое уже принадлежало истории, а не настоящему.

В коридоре было тихо. Уроки уже начались. Свет падал из окон узкими полосами, ложась на линолеум пыльными столбами. Яна села на скамейку у стены. Кир сел рядом. Не близко и не далеко. На расстоянии, которое позволяет говорить, не крича. Которое позволяет дышать. Которое позволяет быть.

Несколько минут никто не говорил. Тишина была не пустой. Наполненной. Прожитой. Яна смотрела на свои руки.

Трогала царапину на шее, которая уже затянулась, оставив тонкую розовую линию. Посмотрела на пальцы, которые все еще слегка дрожали. На колени, которые помнили, как ударялись о пол, когда тело срывалось с кровати. Кир смотрел в окно. На серое небо и на голые ветви деревьев. На мир, который продолжал жить, не замечая трещин, которые появляются в душах тех, кто видит слишком много.

- Знаешь, - начал Кир наконец, и в голосе не было иронии. Только усталость. Смешанная с чем-то глубоким, личным, тем, что не показывают на публике, что хранят в сейфе сердца, под семью замками. - Люди думают, что страх это слабость. Что его нужно прятать или давить. Что его нужно превращать в гнев, в действие, в контроль. Но страх это не враг, а компас. Он показывает, где тонкий лед, а где темный лес. Где дверь, за которой сидит то, что нельзя назвать. Ты сегодня не сломалась. Ты выпустила пар. Это нормально. Это нужно. Но помни. Пар это энергия. Если ее не направить, она сожжет котел. Если направить, она двигает поршни. Ты выбрала выдох. Теперь выбирай вдох. Глубокий. Ровный. Без дрожи. Без оглядки. Без ожидания удара. Просто вдох. И шаг.

Яна повернулась к нему. Посмотрела в глаза. В них не было страха. Не было сомнения. Только тихое знание и принятие. Только готовность идти дальше, даже когда ноги дрожат.

- Я боюсь, - сказала она тихо. Не шепотом. Просто тихо. Честно. Без попытки казаться сильнее. Без маски. - Я боюсь

не боли. Не смерти. Я боюсь тишины после. Той, где нет тебя. Нет Тимура, Сократа, Вовы, Рафа. Нет Фанси. Где только я. И темнота. И лезвие. И я не знаю, выдержу ли. Не физически. Ментально. Душа имеет предел. Я чувствую, как она истончается. Как становится прозрачной и пропускает холод, который не уходит.

Кир кивнул. Медленно. Тяжело.

- Знаю, малышка. Все проходят через это. Те, кто выживает и те, кто остается человеком. Душа не сталь. Она ткань. Тонкая. Живая. Она рвется. Ее чинят. Не нитками. Вниманием. Присутствием. Тишиной, которая не давит. А обнимает. Ты не одна. Помни это. Не как слова. Как факт или якорь. Когда станет холодно, вспомни мою руку на плече. Вспомни голос Тимура. Вспомни смех Рафа. Вспомни чай Фанси. Вспомни, что ты не функция. Ты человек. С правом на страх, на слезы, на выдох. И с правом на вдох.

Яна закрыла глаза. Вдохнула. Глубоко. Медленно. Позволила воздуху войти. Позволила ему согреть легкие. Позволила ему разогнать холод, который скопился в груди. Выдохнула. Медленнее. Позволила напряжению уйти. Позволила телу вспомнить, что оно живое. Что оно дышит. Что оно здесь.

Когда она открыла глаза, Кир смотрел на нее с той самой улыбкой, которая не скрывала боль, а признавала ее. Но в глазах было что-то новое. Что-то тяжелое. Что-то, что он не мог спрятать за шутками, за сарказмом, за стендап-ритмом, который обычно спасал его от тяжести мира.

- Малая, - начал он, и голос прозвучал тише. Серьезнее. Лишенным привычной легкости. - Есть вещи, о которых не говорят за чаем. О которых не шутят. О которых молчат, чтобы не сглазить. Чтобы не призвать. Но молчание иногда опаснее слов. Потому что оно дает ложное чувство безопасности. А безопасность это иллюзия. Особенно сейчас.

Он сделал паузу. Взгляд ушел в окно. На серое небо. На ветви. На мир, который не знает, что в нем ходят тени, которые не отбрасываются солнцем.

- Нефрит не отступит, - продолжил Кир. Голос стал ровным. Металлическим. Лишенным эмоций, но полным веса. - Он потерял лицо и контроль. Потерял двадцать процентов тени, которые кормили его крыс. Он не простит и не забудет. Не отпустит. Он будет мстить. Не через переговоры или схемы. Через кровь. Через заказ. Через тех, кто не задает вопросов. Кто не оставляет следов. Кто приходит, когда нужно, и уходит, когда сделано.

Яна слушала. Не перебивала. Не задавала вопросов. Просто впитывала. Позволяла словам укладываться в пространство, как камни в фундамент, как вода в камень, как тень в свет.

- Икша, - сказал Кир, и в этом слове прозвучало что-то ледяное, древнее, то, что не пишется в газетах, не обсуждается на кухнях, не произносится вслух даже теми, кто знает. - Они получили заказ. Не через посредников. Напрямую. От Нефрита. Через каналы, которые не отслеживаются. Через день-

ги, которые не пахнут. Через молчание, которое стоит дороже золота. И они послали не группу. Не наемников с улицы. Не любителей с пистолетами. Они послали одного. Одного человека. Которого нет в списках и нет в архивах. Которого нет в памяти тех, кто выжил. Потому что выживших нет.

Он замолчал. Взял дыхание. Выдохнул. Посмотрел на Яну. В его глазах не было страха. Не было паники. Только признание. Только тихое, глубокое, абсолютное знание того, что мир изменился. Что правила игры стали другими. Что тень, которая стояла за спиной, обрела имя.

- Его кличут Удав, - сказал Кир. Голос прозвучал тихо, но каждое слово упало на скамейку тяжелее любого камня. - Не потому что он душит. А потому что он сжимает. Медленно. Неотвратимо. Без спешки. Без ярости и эмоций. Только функция. Только задача. Только результат. На его счету восемьсот тридцать четыре жертвы. Не бандитов и не врагов. Целей. Тех, кого нужно убрать. Тех, кого нужно стереть. Тех, чье имя становится шепотом, а потом тишиной. Он не оставляет следов или свидетелей. Не оставляет сомнений. Он приходит, когда ты спишь. Когда ты смеешься. Когда ты думаешь, что ты в безопасности. Он не стреляет в упор и не режет горло. Он находит точку. Одну. Где жизнь обрывается без звука. Без борьбы. Без предупреждения. И он никогда не ошибается. Никогда. Восемьсот тридцать четыре раза. Ни одного промаха. Ни одной осечки. Ни одного выжившего, кто мог бы сказать, как он работает. Как он думает. Как он

дышит.

Яна смотрела на него. Не отводила глаз. Не сжимала кулаки. Не задерживала дыхание. Просто слушала. Позволяла информации войти. Позволяла ей лечь в память. Позволяла ей стать частью карты, которую она носила внутри.

- Восемьсот тридцать четыре, - повторила она тихо. Не как вопрос. Как констатация. Как факт. Как число, которое не пугает, а информирует.

- Да, - кивнул Кир. - И самое страшное не число. Самое страшное не имя. Самое страшное то, что я, Кир Иванов, авторитет, снайпер, человек, который видел войны, перестрелки, предательства, кровь, которая литрами лилась на асфальт, человек, который думал, что страх это слово из словаря, который давно выкинул... я впервые в жизни боюсь. Не за себя. А за тебя. Потому что Удав не берет в расчет возраст. Не берет в расчет защиту. Не берет в расчет молитвы, броню, удачу. Он берет в расчет только цель. И он идет. Не завтра. Не через неделю. Сейчас. Он уже в городе. Я чувствую это. Не интуицией, а кожей. Воздух стал другим. Тяжелее. Плотнее. Как перед грозой или землетрясением. Как перед тем, что нельзя остановить. Можно только принять. Можно только встретить. Можно только выжить. Но я впервые не знаю как. Ведь осечек у Удава - нет.

Он замолчал. Посмотрел на свои руки. На пальцы, которые обычно не дрожали. Которые обычно были в готовности. Которые обычно нажимали на спуск без колебаний.

Сейчас они сжались в кулаки. Не от злости, а от бессилия и понимания, что есть вещи, которые не решаются пулей. Не решаются схемой или криком. Решаются только присутствием. Только бдительностью. Только готовностью принять удар, который летит из тени.

Яна сидела молча. Не потому что нечего было сказать. Потому что слова были лишними. Они не защищали. Не успокаивали. Не меняли геометрию пространства. Она смотрела на коридор. На свет из окон. На пыль, которая танцевала в лучах. На мир, который продолжал жить, не зная, что в нем ходит тень, которая не отбрасывается солнцем. И внутри нее что-то сдвинулось. Не сломалось. Встало на место. Как шестеренка, которая нашла свое место в механизме. Как ключ, который повернулся в замке. Как дверь, которая открылась не наружу. Внутрь. В ту часть себя, где живет не страх. А ясность. Где живет не паника. А принятие. Где живет не желание спрятаться. А желание увидеть. Увидеть тень. Увидеть Удава. Увидеть точку, где жизнь обрывается. И понять, как не дать ей оборваться.

- Он придет, - сказала она тихо.

- Да, - кивнул Кир. - Придет. И мы будем ждать. Не в панике и не в бегстве. В тишине и в бдительности. В готовности. Не как жертвы. Как охотники, которые знают, что добыча идет к ним. Которые знают, что тень не страшна, если на нее смотреть. Которые знают, что Удав сжимает, но не давит сразу. Что у нас есть время. Немного, но есть. И мы его ис-

пользуем. Не для страха. Для подготовки и тишины внутри. Для якоря, который не даст сбиться с курса.

Он встал. Подошел к окну. Посмотрел на улицу. На серое небо. На ветви. На мир, который не знает, что в нем идет война, которая не объявляется, которая не заканчивается парадом, которая измеряется не километрами, а секундами, не выстрелами, а тишиной, не победами, а выживанием.

- Мы не спрячемся, - сказал он, не оборачиваясь. - Не побежим и будем ждать, пока он найдет нас. Мы будем ждать его. На своих условиях и на своей территории. Со своими правилами. Пусть приходит и пробует. Пусть поймет, что девочка, которую он хочет убрать, не просто цель. Она узел. Она баланс. Она та, кто видит нити. И нити эти уже запутали его самого.

Яна встала. Подошла к нему. Не близко. Не далеко. На расстоянии, которое позволяет говорить, не крича. Которое позволяет дышать. Которое позволяет быть.

- Я не боюсь, родной, - сказала она тихо.

Кир повернулся. Посмотрел на нее. В его глазах не было сомнения. Не было страха. Только тихое признание и гордость. Что она часть баланса. Часть Кармы.

- Тогда идем домой, - сказал он.

Они вышли из школы. Воздух ударил в лицо. Холодный. Чистый. Бодрящий. Яна сделала вдох. Глубокий. Медленный. Позволила воздуху войти. Позволила ему согреть легкие и разогнать холод, который скопился в груди. Выдохну-

ла. Медленнее. Позволила напряжению уйти и телу вспомнить, что оно живое.

А где-то в глубине города, в тени переулка, в тишине квартиры с задернутыми шторами, стоял человек. Ничем не примечательный. Именно это и пугало. Профессионалы не запоминаются. Они стирают себя, становятся фоном, становятся тенью. В руках он держал фотографию. Девочка. Одиннадцать лет. Высокая. Прямая спина. Глаза, в которых не было страха. Только ясность. Только принятие. Только готовность.

Он посмотрел на фотографию. Не долго. Не внимательно. Просто зафиксировал. Убрал в карман. И принялся ждать нужно времени.

Глава 22

Глава 22. Семь чудес света

Предупреждение: глава 16+

Читать под трек **«Русский рок» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках Яндекс. Музыка, ВК музыка и тд.**

Февраль в том году выдался особенно злым, таким, какой бывает только в Москве, когда зима уже устала сама от себя, но отпускать землю не хочет. Это был не просто холод, который можно переждать в подъезде или согреть чаем. Это был пронзительная, настойчивая холодрыга, проникающая сквозь любые слои одежды, находящая мельчайшие щели в воротнике, в манжетах, в самой ткани, напоминающая о том, что тело уязвимо, что кожа это всего лишь тонкая оболочка между тобой и миром, который не всегда дружелюбен, который может ранить просто своим присутствием. Ветер не обдувал, он резал, гнал по асфальту мелкую ледяную крошку, заставлял прохожих втягивать головы в плечи, прятать подбородки в шарфы, ускорять шаг, будто бегство от мороза могло спасти от него. Город казался вымершим, серым, однотонным, словно кто-то смыл все краски, оставив только оттенки бетона, грязи и свинцового неба. Но для Яны этот путь стал другим. Она шла по знакомому маршруту от дома до школы, по которому ходила сотни раз, знала каждый

треснувший плиточный квадрат на тротуаре, каждый сугроб у подъезда, каждую собаку, цепь которой натягивалась при ее приближении. Но теперь все изменилось. Не улица, не дома, не серое небо, а присутствие, которое шло рядом, меняло саму плотность воздуха вокруг.

Кир двигался слева, чуть впереди, заложив руки в карманы своей неизменной черной кожаной куртки, которая поскрипывала при ходьбе, издавая тот самый сухой, ритмичный звук, ставший для Яны символом защиты, звуком, который говорил громче любых слов о том, что она не одна. Этот скрип кожи был как метроном, отсчитывающий шаги, синхронизирующий их дыхание, их ритм движения сквозь утреннюю толпу. Он не оглядывался демонстративно, не делал резких движений, не выделялся вызывающей походкой, но его тело было настроено на другую частоту, чем у обычных прохожих, которые спешили на работу, опустив глаза, думая о своих проблемах, о ценах, о долгах. Кир сканировал пространство. Его взгляд скользил по витринам, отмечая отражения, по подъездам, оценивая темноту арок, по припаркованным машинам, фиксируя номера и состояние стекол, по лицам встречных людей, считывая микровыражения, напряжение в плечах, направление взгляда. И в этом не было паранойи, не было нервозности, была профессиональная привычка, отточенная годами выживания в мире, где ошибка стоила дороже денег, превратившая инстинкт самосохранения в искусство, а искусство в образ жизни. Он не смот-

рел на угрозу. Он видел структуру пространства. Он видел, где может прийти опасность, еще до того, как она проявится. И Яна, идущая рядом, чувствовала это поле безопасности, которое он создавал вокруг себя, невидимый купол, отсекающий хаос улицы, позволяющий ей дышать ровно, не сжиматься от каждого громкого звука, не искать глазами выход.

Они подошли к школе. Типовое серое здание, построенное еще в семидесятых, с высокими окнами, за которыми теплилась жизнь классов, с крыльцом, стертым тысячами ног, с железной дверью, которая вечно заедала на морозе. Кир остановился за шаг до входа. Не преграждая путь. Не командуя. Просто обозначая границу. Он повернул голову, посмотрел на Яну. В его глазах не было вопроса. Не было сомнения. Только тихое подтверждение того, что до этой точки он сопроводил, а дальше она пойдет сама, но он будет рядом, в здании, в коридоре, в пространстве, которое теперь тоже под контролем. Яна кивнула. Не словами. Просто взглядом. Она понимала правила. Школа это территория, где есть свои законы, свои авторитеты, свои ритуалы, и вторжение должно быть дозированным, чтобы не спровоцировать конфликт там, где он пока не нужен. Она шагнула на крыльцо. Открыла тяжелую дверь. В лицо ударил запах школы. Смесь мокрой шерсти, дешевого мела, пыли, старой краски и чего-то кислого, что бывает только в местах скопления детей, уставших от учебы, от правил, от необходимости сидеть смирно.

Коридор школы встретил их привычным гулом, но сего-

дня этот звук казался Яне особенно чужим, словно она слушала его через толстое стекло. Они не пошли к ее классу. Кир уверенно свернул туда, где располагалась администрация. Его рука лежала на ее плече не для того, чтобы направлять, а чтобы обозначить присутствие, и в этом жесте было больше защиты, чем в любых словах.

Дверь кабинета директора была обита дерматином, местами затертым до дыр. Кир постучал не костяшками пальцев, а всей ладонью, создав глухой, требовательный звук, который не предполагал ожидания ответа. Он просто открыл дверь и вошел, увлекая Яну за собой.

Кабинет директора Игоря Петровича представлял собой типичное пространство советской школы, переживающей постсоветский кризис. Потрескавшийся линолеум, стол, покрытый зеленым сукном с вытертыми пятнами, портреты на стенах, которые уже никто не воспринимал всерьез. За столом сидел мужчина лет пятидесяти с уставшим лицом и залысинами, которые он пытался скрыть, зачесывая редкие волосы набок. Рядом стояла женщина в строгом костюме, с плотно сжатыми губами и глазами, в которых читалась постоянная усталость от чужих проблем. Это была Татьяна Юрьевна, завуч.

Игорь Петрович поднял глаза, и в его взгляде мелькнуло раздражение от того, что его покой нарушили без стука и разрешения. Но когда он увидел Кира, раздражение сменилось настороженностью и страхом. В Москве девяносто

седьмого года люди научились считывать опасность с первого взгляда, и Кир излучал ее так же естественно, как другие излучали доброжелательность.

- Чем могу помочь? - спросил директор, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нем все же проскользнула нотка неуверенности.

- Мне нужно, чтобы Яну Карманову перевели в седьмой Д, - сказал Кир просто, без приветствий и объяснений. Он не спрашивал. Он информировал.

Игорь Петрович моргнул, пытаясь осознать услышанное. Татьяна Юрьевна сделала шаг вперед, ее лицо покрылось легким румянцем возмущения.

- Простите, но это невозможно, - начала она, и в ее голосе звучала та самая уверенность человека, который знает правила и верит в их незыблемость. - Седьмой Д это класс коррекции, там учатся дети с задержкой развития, с социальными проблемами. Яна учится в параллельном классе с нормальной программой. Перевод в Д класс это шаг назад, это...

- Мне все равно, как там учатся, - перебил ее Кир, и в его голосе не было злости. Было спокойствие человека, который уже принял решение и просто ожидает его исполнения. - Мне нужно, чтобы она была именно там. Сейчас.

Татьяна Юрьевна открыла рот, чтобы возразить, но Игорь Петрович поднял руку, останавливая ее. Он смотрел на Кира, и в его глазах происходила сложная работа. Он оценивал ситуацию, взвешивал риски, пытался понять, с кем имеет де-

ло. В Москве девяносто седьмого года директора школ учились выживать, и одним из навыков выживания было умение распознавать, когда нужно проявить принципиальность, а когда лучше промолчать и выполнить просьбу.

- Игорь Петрович, это против всех правил… - начала Татьяна Юрьевна, не замечая предупреждающего взгляда директора. - Мы не можем просто так перевести ученицу в класс коррекции без заключения психолого-медико-педагогической комиссии, без согласия родителей, без...

- Татьяна Юрьевна, - тихо сказал Игорь Петрович, но в его голосе прозвучала сталь, которая заставила завуча замолчать на полуслове. Он медленно поднялся из-за стола, обошел его и подошел к ней. Его лицо было спокойным, но в глазах горел тот самый огонь, который появляется у загнанного в угол человека, который понял, что у него нет выбора. - Вы выполните то, что я говорю. Сейчас же. Оформите перевод. Без комиссий. Без вопросов. Без задержек.

Татьяна Юрьевна побледнела, потом покраснела, и на ее щеках проступили красные пятна, которые были верным признаком того, что она находится на грани срыва. Она смотрела на директора, не понимая, как он может так легко нарушать правила, которые она годами защищала как неприкосновенные.

- Игорь Петрович, это моя ответственность, - начала она, и в ее голосе звучала мольба. - Если что-то случится...

- Если что-то случится, это будет моя ответственность, -

отрезал директор, и в его голосе прозвучала такая усталость, что стало понятно: он давно перестал верить в то, что правила могут кого-то защитить. - Оформляйте. Сейчас.

Татьяна Юрьевна сжала губы так, что они побелели. На ее лице отразилась целая гамма эмоций: возмущение, бессилие, страх, понимание того, что она ничего не может изменить. Она медленно кивнула, достала из ящика стола журнал переводов, открыла его дрожащими руками и начала писать. Ее почерк, обычно ровный и аккуратный, сейчас был нервным и угловатым.

Кир наблюдал за этим молча, не проявляя ни торжества, ни удовлетворения. Для него это была просто процедура, необходимая формальность, которую нужно было преодолеть. Он положил руку на плечо Яне, и в этом жесте было молчаливое обещание: все будет хорошо, я контролирую ситуацию.

- Готово, - сказала Татьяна Юрьевна, и в ее голосе звучала такая горечь, будто она подписывала собственный приговор. Она вырвала лист из журнала, протянула его директору. Игорь Петрович подписал его не глядя, вернув ей.

- Отведите их в седьмой Д, - приказал он. - Сейчас.

- Их?!? - воскликнула завуч.

- Да, вы слышали что я сказал. Их. Это сопровождающий. Это не обсуждается! Делайте свою работу! - вдруг рявкнул директор.

Татьяна Юрьевна испуганно кивнула, вышла из-за стола,

направилась к двери. Кир и Яна последовали за ней. В коридоре она обернулась, посмотрела на Яну, и в ее взгляде было что-то похожее на жалость.

- Ты понимаешь, куда идешь? - тихо спросила она, и в ее голосе не было осуждения. Было предупреждение. - Седьмой Д это не просто класс. Это яма. Оттуда не возвращаются.

- Я вернусь, - ответила Яна спокойно, и в ее голосе не было бравады. Было простое знание факта.

Татьяна Юрьевна покачала головой, повернулась и пошла по коридору. Ее шаги были тяжелыми, будто каждый метр давался ей с трудом.

Седьмой Д располагался в самом конце коридора, в крыле, которое давно не ремонтировали. Облупившаяся краска на стенах, выбитые стекла в окнах, запах сырости и затхлости. Татьяна Юрьевна остановилась у двери, постучала, не дожидаясь ответа, открыла ее и вошла.

Класс представлял собой печальное зрелище. Парты с вырезанными на них именами и нецензурными надписями, разбитые стулья, доска, покрытая слоем пыли. За партами сидело человек пятнадцать, и сразу было видно, что это не обычные школьники. Кто-то откровенно спал, положив голову на руки. Кто-то ковырял в носу, глядя в одну точку. Кто-то перешептывался с соседом, и в этом шепоте было что-то зловещее.

Учитель, мужчина лет сорока с красным носом и трясущимися руками, стоял у доски и пытался что-то объяснить,

но его голос был монотонным и невыразительным, и было понятно, что его никто не слушает.

- Анатолий Карпович, - начала Татьяна Юрьевна, и в ее голосе звучала такая усталость, будто она извинялась за то, что существует. - Это Яна Карманова. Ее переводят в ваш класс. С сегодняшнего дня.

Анатолий Карпович медленно повернулся, посмотрел на Яну мутными глазами, в которых с трудом фокусировался взгляд.

- Который час? - спросил он, и в его голосе не было интереса. Это была привычка, рефлекс. На уроке географии он всегда спрашивал у Яны который час. Почему-то.

-Два часа, - ответил Кир вместо Яны, и в его голосе прозвучала такая холодная вежливость, что учитель невольно вздрогнул.

Анатолий Карпович кивнул, повернулся к классу.

- Садись, Карманова, - сказал он. - Там, где есть место.

Татьяна Юрьевна вздохнула, посмотрела на Яну с выражением человека, который провожает кого-то на казнь, и вышла, закрыв за собой дверь. Потом приоткрыла дверь и добавила:

- Сопровождающий тоже остается, - и не дав Анатолию Карповичу опомнится, быстро закрыла дверь класса.

Кир оглядел класс, и его взгляд остановился на трех партах, которые стояли в центре. За одной из них сидел огромный парень с бычьей шеей и маленькими глазками, которые

бегали по классу, оценивая каждого. За другой сидел худой, рыжий парень с красными глазами и вечно открытым ртом, из которого текла слюна. За третьей сидел парень с темными волосами и надменным выражением лица, который демонстративно рассматривал свои ногти.

- Это кто? - тихо спросил Кир у Яны, кивнув в сторону парней.

- Большой это Соломон Пукарев, - шепнула Яна. - Ему семнадцать, но он уже пять лет сидит в седьмом классе. Гроза района. Все его боятся. Рыжий это Мышь. Никто не знает его настоящего имени. Он нюхает клей в подвалах. А тот, с ногтями, это Сасун Дидян. Его семья держит все магазины на районе. Они богатые.

Кир усмехнулся, и в его усмешке было что-то такое, что заставило Яну насторожиться.

- Пукарев Соломон? - громко переспросил он, и в его голосе прозвучал такой искренний восторг, что несколько учеников обернулись. - Это гениально. Еврей с таким именем. Это как если бы я назвал свою собаку Абрамович. А Мышь? Это вообще шедевр. Крыса, которая нюхает клей. Это не кличка, это диагноз. А Сасун Дидян? Звучит как название особого субботника в армянской сауне.

Яна невольно улыбнулась, несмотря на напряжение, которое висело в воздухе.

- Не смейся, - прошептала она. - Они опасные.

- Опаснее меня? - Кир хмыкнул. - Малая, опасные это те,

кто знает, что делает. А эти... это просто мусор, который скопился на дне. Они не опасные. Они жалкие.

Он взял Яну за руку, подвел к свободной парте в центре класса, рядом с партой Соломона и Сасуна.

- Садись, - сказал он тихо, и в его голосе не было вопроса.

Яна села. Кир остался стоять рядом, скрестив руки на груди, и его взгляд медленно скользнул по классу, останавливаясь на каждом, кто пытался встретиться с ним глазами.

Анатолий Карпович продолжал что-то бубнить у доски, рисуя кривую карту мира, но его голос тонул в шуме, который начал нарастать в классе. Ученики перешептывались, показывали пальцем на Яну, хихикали.

Соломон Пукарев медленно повернулся на стуле, оглядел Яну с головы до ног, и в его маленьких глазках мелькнуло что-то такое, что заставило Яну сжаться. Он наклонился к Сасуну, что-то прошептал ему на ухо, и оба рассмеялись. Смех был грубым, неприятным, полным презрения.

- Эй, новенькая, - сказал Соломон, и его голос прозвучал так громко, что Анатолий Карпович замолчал на полуслове. - Тебя как, для развлечения или для работы привели?

Сасун хихикнул, продемонстрировал свои ногти.

- У нас тут, видишь, девочек мало, - пояснил он, и в его голосе звучала такая уверенность хозяина положения, что Яне стало не по себе. - Так что ты теперь наша. Будешь делать то, что скажем. Поняла?

- Снимай кофту! - заржал Пукарев, - да ваще все снимай,

шмара! Заценим твои прелести!

Яна молчала, сжимая руки в кулаки под партой. Она знала, что должна что-то ответить, что должна дать отпор, но слова застряли в горле. Она не знала что означает слово «шмара», но раз одноклассник приказал снять кофту, вероятно, это было что-то сверх неприличное. Ее передернуло от мерзости. И она инстинктивно прижалась к брату, потому что знала наверняка: с ним она в полной безопасности.

Кир медленно повернул голову в их сторону, и в его движении не было спешки. Было что-то хищное, что заставило Соломона и Сасуна невольно отшатнуться.

- Вы закончили? - тихо спросил Кир, и в его голосе не было злости. Было спокойствие человека, который уже принял решение.

Соломон фыркнул, пытаясь скрыть внезапный страх.

- А ты кто такой, дядя? - спросил он, пытаясь звучать уверенно, но в его голосе прозвучала дрожь. - Че тебе надо?

- Мне? - Кир усмехнулся, и эта усмешка была холоднее январского ветра. - Мне ничего не надо. А вот вам... вам стоит задуматься о том, как вы разговариваете с моей подопечной.

- Твоей подопечной? - Сасун рассмеялся, но смех вышел нервным, срывающимся. - Это что, твоя дочь? Выглядишь слишком молодо, чтобы у тебя была дочь в седьмом классе. Или ты ее сутенер?

В классе кто-то хихикнул, но смех быстро оборвался, когда Кир сделал шаг вперед. Его движение было таким быст-

рым, таким неожиданным, что Соломон и Сасун не успели отреагировать.

Кир достал из-за пояса пистолет. Не для того, чтобы угрожать. Не для того, чтобы стрелять. Просто чтобы показать. Черный, матовый, с коротким стволом, он появился в его руке так естественно, будто был продолжением его тела.

Кир молниеносно поставил пистолет прямо в лоб Соломону, и в его глазах не было злости. Не было угрозы. Было простое, спокойное знание того, что он контролирует ситуацию.

- Слушай внимательно, - сказал Кир тихо, но так, что каждый в классе услышал каждое слово. - Я не буду повторять, не буду объяснять и не буду вести переговоры. Ты, - сказал он, указав стволом на Соломона, - сейчас заткнешь свою пасть.

- И ты, - сказал он, переведя ствол на Сасуна, - тоже. И все остальные, - обведя пистолетом класс, - тоже заткнутся.

В классе повисла тишина. Не та тишина, которая бывает, когда все внимательно слушают. А та тишина, которая бывает, когда все боятся пошевелиться.

- А теперь, - продолжил Кир, и в его голосе прозвучала такая холодная насмешка, что Соломон и Сасун невольно сжались, - давайте познакомимся поближе. Соломон Пукарев. Еврей с таким именем это как раввин, который ест свинину в Йом Киппур. Это не имя. Это приговор. Твои родители, наверное, думали, что это смешно. Назвать сына Соломон Пу-

карев. Это как назвать собаку Абрамович Какаха или кошку Троцкий Пук. Только вот тебе, дружок, не должно быть смешно. Тебе семнадцать лет, а ты все еще в седьмом классе. Это не достижение. Это диагноз. Ты не гроза района. Ты позор района. Ты не опасный, а жалкий.

Соломон открыл рот, чтобы что-то сказать, но Кир даже не дал ему возможности. Пистолет снова был ткнут в его лоб.

- А ты, - сказал он, повернувшись к Сасуну, - Сасун Дидян. Звучит как название дешевого армянского коньяка или армянского субботника в сауне. Если ты понимаешь о чем я. Твоя семья держит магазины? Ну и что? Это не делает тебя крутым. Это делает тебя избалованным сопляком, который думает, что деньги решают все.

- Но здесь, - сказал Кир, указал пистолетом на класс, - деньги не работают. Здесь работают другие правила. И одно из них гласит: не трогай тех, кто под моей защитой.

Сасун побледнел, его надменное выражение лица сменилось страхом.

- А ты, - продолжил Кир, повернувшись к рыжему парню, - Мышь. Это даже не кличка. Это констатация факта. Ты не человек. Ты вредитель. Ты нюхаешь клей в подвалах. Знаешь, что это значит? Это значит, что ты уже мертв. Ты просто еще не знаешь об этом. Твой мозг уже превратился в кашу, легкие уже черные. Ты не живешь. Ты гниешь заживо. И самое смешное, что ты даже не понимаешь этого. Ты думаешь, что ты крутой. Что ты опасный. Но ты просто мусор. И

мусор должен оставаться на своем месте.

Мышь открыл рот, из него потекла слюна, но он не издал ни звука.

Кир убрал пистолет, спрятал его за пояс, и в его движении не было хвастовства. Было простое знание того, что он сделал то, что должен был сделать.

- А теперь, - сказал он, повернувшись к Яне, - учись. До конца урока еще много времени.

Яна кивнула, чувствуя, как дрожь постепенно отпускает ее тело. Она посмотрела на Кира, и в ее глазах было не только облегчение. Было понимание того, что он только что сделал для нее. Он не просто защитил ее. Он установил правила. Он показал, кто здесь главный.

Анатолий Карпович стоял у доски, держа мел в трясущейся руке, и смотрел на Кира мутными глазами, в которых плескался страх.

- А вы... - начал он, и его голос дрогнул, - вы... вы кто такой?

- Я? - Кир усмехнулся, подошел к парте, сел рядом с Яной. - Я тот, кто будет следить за тем, чтобы здесь соблюдались правила.

- Какие правила? - Анатолий Карпович попытался звучать уверенно, но получилось жалко.

- Правила простые, - сказал Кир, откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди. - Никто не трогает Яну. Никто не смеет над ней издеваться. Никто не смеет ее унижать. И

если кто-то нарушит это правило...

Кир не договорил, но в его взгляде было все сказано.

Анатолий Карпович сглотнул, повернулся к доске, попытался продолжить урок, но его голос дрожал, руки тряслись, и было понятно, что он больше не контролирует ситуацию.

- А теперь, - сказал Кир, и в его голосе прозвучала такая холодная насмешка, что Анатолий Карпович невольно вздрогнул, - давайте продолжим наш урок географии. Только давайте сделаем это правильно.

- Что вы имеете в виду? - Анатолий Карпович обернулся, и в его глазах был страх.

- Я имею в виду, - сказал Кир, встал, подошел к доске, взял мел из трясущейся руки учителя, - что вы рассказываете ерунду. То что вы рисуете на доске это каракули пьяного человека. Экватор это воображаемая линия, которая делит Землю на Северное и Южное полушария. Она проходит через...

Кир начал говорить, и в его голосе прозвучала такая уверенность, такая эрудиция, что Анатолий Карпович невольно отступил. Кир рисовал на доске, объяснял, показывал, и в его движениях была такая точность, что стало понятно: он знает, о чем говорит.

- А вы, - сказал он, повернувшись к Анатолию Карповичу, - вы вообще знаете, где находится Южный полюс? Или вы думаете, что это там, где вы храните свою водку?

Класс замер. Никто не смеялся. Все смотрели на Кира с

таким выражением, будто видели привидение.

Анатолий Карпович покраснел, потом побледнел, открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашел слов.

- Вы уволены, - сказал Кир просто, и в его голосе не было злости. Было простое знание факта. - Вы не учитель. Вы алкоголик, который притворяется учителем. И это не работает.

- Вы не можете меня уволить, - прошептал Анатолий Карпович, и в его голосе звучала мольба.

- Могу, - сказал Кир. - И увольняю. А теперь садитесь. И молчите.

Анатолий Карпович медленно опустился на стул, закрыл лицо руками, и в его позе было столько отчаяния, что Яне стало жалко его. Но только на мгновение. Потому что она знала: Кир прав. Этот человек не должен быть учителем. Он не должен учить детей. Он должен лечиться.

Кир вернулся к парте, сел рядом с Яной, посмотрел на нее, и в его глазах мелькнула искорка.

- Ну что, Малая, - сказал он тихо, так, чтобы только она услышала, - нравится тебе новый класс?

Яна посмотрела на него, и в ее глазах было не только облегчение. Было понимание того, что он только что сделал для нее. Он не просто защитил ее. Он дал ей пространство, где она может быть собой.

- Спасибо, - прошептала она, и в ее голосе звучала такая искренность, что Кир невольно улыбнулся.

- А что теперь? - спросила Яна.

- Теперь? - Кир усмехнулся. - Теперь мы будем учиться. И я буду следить за тем, чтобы никто не мешал.

- А если помешают?

Кир посмотрел на нее, и в его глазах было что-то такое, что заставило Яну невольно сжаться.

- Тогда, - сказал он тихо, - я напомню им, кто здесь главный. И кто такой Кир Мишка Иванов.

И в его голосе не было угрозы. Было простое знание факта.

***

На следующий день когда они пришли в школу коридоры гудели. Уроки еще не начались, кто-то опаздывал или просто школа жила своей жизнью, не зависящей от расписания. Яна была уже в классе. Из кабинета русского языка доносился голос бывшей классной руководительницы Яны. Монотонный, усыпляющий.

Внезапно дверь класса открылась без стука. Не по звонку, не в положенное время, а прямо посреди урока русского языка, когда Мария Ивановна, склонившись над журналом, монотонным голосом объясняла очередное правило, которое большинство учеников уже перестали слушать после первых пяти минут, потому что звук ее голоса стал фоном, белым шумом, под который можно было рисовать в тетради, смотреть в окно или просто дремать, подперев голову рукой. Мел стучал по доске, отмеряя время, оставляя белые следы на зеленой поверхности, ученики писали в тетрадях, кто-то скри-

пел пером, кто-то шуршал страницами, кто-то откашливался, создавая ту самую атмосферу учебного процесса, которая казалась незыблемой, вечной, безопасной. И в этот момент вошел Кир. Он не постучал. Не извинился за опоздание. Не спросил разрешения войти. Он просто шагнул через порог, заполнив собой пространство, которое до этого момента принадлежало скуке и рутине. Его появление не было агрессивным, не было вызывающим в открытую, но было вызовом самому укладу, самому ощущению контроля, которое Мария Ивановна годами выстраивала вокруг себя, как крепость из правил, требований, оценок, замечаний.

В классе повисла тишина. Не та, что бывает после звонка, когда все ждут команды сесть. А та, что бывает, когда в комнату заходит хищник. Воздух стал плотнее. Дыхания затаились. Мария Ивановна замерла с мелом в руке. Ее пальцы, привыкшие держать указку, дрогнули. Она медленно повернула голову. Увидела человека в черной кожаной куртке. Увидела его рост, его взгляд, который не искал места, не спрашивал, не оправдывался, а просто фиксировал обстановку. Она открыла рот. Закрыла. Не нашла слов. В ее мире, где власть измерялась журналом и красной ручкой, этот человек был из другой реальности. Из той, о которой шептались родители на кухнях, которую показывали в новостях между сводками погоды и курсом доллара. Реальности, где правила писались не министерством образования, а силой, влиянием, правом входа без стука. Конечно, она узнала его.

Да и как было не узнать человека, который не сходил со страниц московских газет криминальных хроник.

Кир не стал ждать приглашения. Он не стал искать свободного места у окна или у двери. Он прошел по проходу между партами. Его шаги были тихими, но каждый шаг отдавался в тишине как удар. Ученики провожали его взглядами. Кто-то испуганно сжался. Кто-то с интересом вытянул шею. Кто-то переглянулся с соседом, и в этом обмене взглядами было немое сообщение: «Ты видишь? Это реально? Это криминальный авторитет Кир Иванов?». Кир дошел до последней парты, где сидела Яна. Он не смотрел на нее. Не кивал. Не подавал знаков. Он просто опустился на стул рядом. Дерево скрипнуло под его весом. Он откинулся на спинку. Заложил руки за голову. Расслабился. Но в этом расслаблении была готовность. Как у кошки, которая лежит на солнце, но мышцы напряжены для прыжка.

Мария Ивановна наконец обрела голос. Он вышел хриплым, ломким, не похожим на тот уверенный тон, которым она читала правила орфографии.

- Кто вы? Зачем вы здесь? Это урок. У нас занятие. Вы срываете процесс!

Кир повернул голову. Медленно. Плавно. Посмотрел на нее. Не зло. Не с вызовом. Спокойно. Как взрослый смотрит на ребенка, который пытается установить правила в игре, где он не знает условий.

- Я сопровождаю, - сказал он тихо. Голос был низким, бар-

хатным, но в нем была сталь. - И вы продолжайте. Не обращайте внимания. Мы просто послушаем.

Мария Ивановна покраснела. Пятна пошли по шее. Она почувствовала, как власть ускользает. Как ее крепость из правил трещит по швам. Она хотела сказать, что это невозможно. Что есть устав. Что есть директор. Что есть родители. Но слова застряли в горле. Потому что она увидела в его глазах понимание того, что она скажет. И понимание того, что это не имеет значения. Что есть иерархии выше школьного устава. Что есть силы, которые не обсуждаются в учительской.

Кир улыбнулся, и в этой улыбке не было вызова или насмешки, было что-то теплое, легкое, та самая ирония, которая не ранит, а приглашает к диалогу, которая говорит, что мир не так серьезен, как кажется.

- Мария Ивановна, - начал он, и его голос прозвучал низко, бархатно, с той самой интонацией, которая не требует внимания, а просто занимает свое место в пространстве. - Вы сегодня особенно прекрасны в этом сером свитере.

Класс замер. Мария Ивановна покраснела так, что краска дошла до корней волос, проступила даже на шее. Она не ожидала комплимента, тем более такого, сказанного не как лесть или попытка флирта, а как простое признание, тихое и искреннее, лишенное расчета. За годы работы в школе никто не говорил ей таких слов. Не как оценку ее внешности, а как напоминание о том, что она женщина, а не только функ-

ция, не только транслятор правил, не только контролер поведения.

Несколько учеников не выдержали. Слишком много всего произошло за одну минуту. Слишком много правил было нарушено. Кто-то из задних парт хихикнул, кто-то шепнул соседу что-то едкое про Яну, про то, что она привела с собой телохранителя, про то, что она возомнила себя неизвестно кем. Кир даже не обернулся полностью. Он просто поднял руку, и в его движении не было агрессии, была только точность, отточенная до автоматизма. Что-то мелькнуло в воздухе, и два ученика, сидевшие на задней парте, одновременно вскрикнули. Один схватился за лоб, другой за глаз. В них полетели не кулаки, а мелкие монеты, которые Кир достал из кармана и метнул с такой скоростью и точностью, что они оставили красные отметины на коже. Это не было серьезным ударом, это было предупреждением, сообщением, которое не требовало слов: я вижу вас, я могу достать вас, я не буду терпеть глупости.

Девочки, сидевшие рядом с Яной, переглянулись. Они привыкли к своему положению в классе, к своей иерархии, к тому, что Яна была той, кого можно было игнорировать или слегка поддевать, чтобы почувствовать собственное превосходство. Одна из них, Катя, та самая, что всегда была в центре внимания, наклонилась к Яне и шепнула что-то едкое про то, что теперь без няньки никуда, что она совсем маленькая, что ей пора бы уже самой разобраться со своими про-

блемами.

Кир не повысил голос. Он просто повернулся к ней, и в его взгляде не было злости, было только холодное спокойствие, которое пугает больше крика.

- Знаешь, милая, - сказал он тихо, но так, что весь класс услышал, - я не смотрю на возраст, когда дело касается уважения. Если ты продолжишь в том же духе, я с удовольствием оттарабаню тебя в ближайшем туалете, и поверь, это будет гораздо неприятнее, чем любой разговор с директором. Я не шучу. И у меня очень короткое терпение, когда дело касается тех, кто обижает моих друзей.

Катя покраснела, потом побледнела. Она отвернулась, уткнулась в тетрадь, делая вид, что пишет, хотя рука дрожала так, что буквы получались кривыми. Остальные девочки тоже отвернулись, вдруг найдя что-то невероятно интересное в своих учебниках. В классе повисла тишина, но не та напряженная тишина страха, а тишина уважения, тишина понимания новых правил игры.

Так Кир стал частью школьной жизни Яны, и это было нечто совершенно особенное, выходящее за рамки обычного представления о том, что такое охрана или сопровождение. Он ходил с ней в школу каждый день, неизменно появляясь у подъезда ровно за пятнадцать минут до начала занятий, садился за одну парту, откидывался на спинку стула с той самой расслабленной уверенностью человека, который знает, что контролирует ситуацию, и присутствовал на всех

уроках без исключения, превращая каждый школьный день в нечто похожее на импровизированное шоу, где он был одновременно и зрителем, и участником, и критиком, и комментатором.

Он не просто сидел молча, отмечая присутствие для галочки, он участвовал в жизни класса с тем самым едким сарказмом и неподражаемым чувством юмора, которое одновременно и раздражало учителей, и заставляло учеников украдкой улыбаться в кулак, боясь рассмеяться вслух. На уроках литературы, когда Мария Сергеевна, женщина лет пятидесяти с вечно усталым лицом и голосом, который звучал как заезженная пластинка, зачитывала отрывки из Достоевского и требовала от семиклассников глубокого анализа душевных терзаний героев, Кир неизменно поднимал руку и задавал вопросы, которые ставили учительницу в тупик своей неожиданной логикой и житейской мудростью.

- Мария Сергеевна, скажи мне одну вещь, - начинал Кир, откидываясь на спинку стула и сцепляя руки за головой с видом философа, созерцающего бренность бытия. - Вот Раскольников, этот наш дорогой Родион Романович, берет топор и идет к старушке-процентщице. Вопрос на засыпку: зачем ему столько рефлексии перед этим делом? Ну подумай, Маш, логически. Решил человек проблему – решил. Чего мучиться-то? Чего спать потом ночами, ходить бледный, с собой разговаривать? Вот я, например, если вижу проблему, я ее решаю. Быстро. Эффективно. Без лишних нервов. А эти

герои твои только и делают, что страдают. Скучно же, Маш, ну честно! Я бы на месте Достоевского написал проще: пришел, увидел и убил. И все счастливы. Ну, кроме старушки, конечно. Но прогресс, как говорится, требует жертв.

Мария Сергеевна краснела, поправляла очки дрожащими руками, пыталась что-то возразить про глубину психологизма, про вечные вопросы бытия, про нравственные муки совести, но Кир уже переключался на другой объект, оставляя учительницу в состоянии легкого ступора, когда она стояла у доски с мелом в руке и не знала, то ли продолжать урок, то ли просто сесть и заплакать от бессилия перед этой стихией здравого смысла, облеченного в форму циничного сарказма.

На уроках истории все было еще интереснее, потому что Кир, как выяснилось, неплохо разбирался в предмете, но при этом категорически отказывался принимать на веру то, что было написано в учебниках. Когда учитель истории, молодой парень лет двадцати пяти, который только что закончил педагогический и еще верил в то, что может изменить мир к лучшему, рассказывал про великие победы и мудрых правителей, Кир неизменно поднимал руку и начинал рассуждать про то, что историю пишут победители, а это значит, что половина того, что они сейчас учат, это просто хорошо отредактированная версия событий, где все плохие проигравшие, а все хорошие победители, хотя на самом деле все было гораздо сложнее и интереснее.

- А скажи-ка мне, уважаемый Петр Андреевич, - начинал

Кир, крутя в руках ручку и глядя на учителя с тем самым выражением лица, которое одновременно выражало и интерес, и скепсис, - вот ты говоришь, что этот правитель был великим и мудрым. А кто это сказал? Ну серьезно. Кто? Его придворные летописцы? Которые, если бы сказали что-то плохое, сами бы лишились голов? Или может быть иностранные послы, которые сами не понимали, что происходит, и писали то, что хотели услышать их короли? Вот я, например, когда читаю учебник, у меня такое ощущение, что я читаю не историю, а какой-то рекламный проспект. Все были великие, все были мудрые, все победители. А где проигравшие? Где их версия событий? Где их правда? Или правда только у тех, у кого меч побольше?

Петр Андреевич открывал рот, закрывал его, пытался что-то сказать про объективность исторической науки, про множественность источников, про критический анализ, но Кир уже переключался на ученика, который сидел рядом и пытался списать домашнее задание у соседа по парте, оставляя учителя истории в состоянии легкого замешательства и понимания того, что этот конкретный ученик знает про историю больше, чем все учебники вместе взятые, но при этом категорически отказывается играть по правилам системы.

На математике все было еще веселее, потому что Кир, как выяснилось, обожал математику, но при этом ненавидел то, как ее преподают в школе. Когда учительница математики, женщина с тридцатилетним стажем, которая видела тысячи

учеников и думала, что ее уже ничем не удивить, пыталась объяснить очередную теорему или формулу, Кир неизменно поднимал руку и задавал такие вопросы, которые заставляли ее краснеть и не знать, что ответить, потому что вопросы эти были не про то, как решить задачу, а про то, зачем вообще нужно то, что они изучают, и как это применяется в реальной жизни.

- Анна Викторовна, скажи-ка мне, пожалуйста, - начинал Кир, откидываясь на спинку стула и глядя в потолок с видом человека, который пытается понять смысл бытия, - вот мы с вами уже третий месяц изучаем эти твои квадратные уравнения. Вопрос: где я в жизни встречусь с необходимостью их решать? Ну серьезно. Вот представьте ситуацию. Иду я по улице. Вдруг на меня нападает бандит. Вынимает нож и говорит: реши, братан, квадратное уравнение, а не то зарежу. И что мне делать? Решать? Или может быть проще дать ему денег и разойтись миром? Вот я о чем. Зачем нам это? Ну кроме того, чтобы сдать экзамен и забыть, как страшный сон.

Класс засмеялся, а Анна Викторовна покраснела, поправив прическу дрожащими руками, пытаясь что-то сказать про развитие логического мышления, про тренировку мозга, про то, что математика это гимнастика ума, но Кир уже переключался на другой объект, оставляя учительницу в состоянии легкого ступора и понимания того, что этот человек прав, но она не может ему это признать, потому что тогда придется признать, что вся система образования построена

на иллюзии необходимости знаний, которые в реальной жизни не применяются.

Но самым интересным был урок физкультуры, который превратился в настоящее шоу, когда Кир решил показать классу, что такое боевые искусства, а не то, что они изучают под руководством физрука, мужчины лет сорока с пивным животом и одышкой, который думал, что физкультура это просто способ провести время между звонками и получить зарплату.

- Слушай, уважаемый Виктор Петрович, - начал Кир, когда физрук в сотый раз заставлял их отжиматься от пола, приговаривая, что слабых в жизни не любят, - а вы не пробовали сами отжаться хоть раз? Ну кроме как с дивана на кухню за пивом. Я просто интересуюсь. Для общего развития. Понимаете, когда человек с пивным животом и одышкой рассказывает нам про то, какие мы слабые и недоразвитые, у меня возникает стойкое ощущение, что мы наблюдаем какую-то форму проекции. Ты про себя рассказываешь, Витюш? Честно. Я бы на твоем месте просто признал, что физкультура это пережиток прошлого, и разрешил бы нам просто сидеть, общаясь. Пользы было бы больше. И нервы целее. И давление в норме.

Виктор Петрович покраснел, пыхтел, пытался что-то сказать про важность здорового образа жизни, про то, что движение это жизнь, про то, что в здоровом теле здоровый дух, но Кир уже встал с мата и начал показывать классу, что такое

настоящие приемы самообороны, начиная с простых ударов и заканчивая сложными бросками, которые он демонстрировал на манекене, который стоял в углу спортзала и который после получаса работы Кира выглядел так, будто попал под каток.

- Смотрите и учитесь, дорогие товарищи, - приговаривал Кир, демонстрируя очередной прием, который заключался в том, что он захватывал руку манекена, делал шаг в сторону, разворачивал корпус и бросал манекен на мат с таким усилием, что тот отскакивал от пола и падал обратно, издавая какой-то странный звук, похожий на стон. - Вот это называется бросок через бедро. Применяется, когда противник нападает спереди и пытается вас схватить. Вы делаете шаг в сторону, захватываете его руку, разворачиваетесь и бросаете на землю. Все просто. Главное не сила, а техника. И понимание того, что вы делаете. Вот как сейчас.

Виктор Петрович, который до этого момента пытался делать вид, что контролирует ситуацию, наконец понял, что теряет контроль над классом, и решил вмешаться, подойдя к Киру и потребовав, чтобы тот прекратил это безобразие и вернулся к выполнению нормативов, которые предусмотрены программой.

- Слушай, Виктор Петрович, - сказал Кир, поворачиваясь к физруку и глядя на него с тем самым выражением лица, которое одновременно выражало и сочувствие, и презрение, - ты правда думаешь, что можешь меня остановить? Ну се-

рьезно. Вот смотри. Ты весишь, я не знаю, килограмм сто с пивным животом. У тебя одышка, когда ты поднимаешься даже на второй этаж. Ты последний раз отжимался-то, когда? Год назад? Два? И ты думаешь, что можешь мне что-то доказать? Давай так. Я тебе покажу один простой прием, а ты попробуешь его повторить. Если получится, я признаю, что ты прав, и мы вернемся к твоим нормативам. Если нет, ты признаешь, что физкультура это фикция, и разрешишь нам делать то, что мы считаем нужным. Идет?

Виктор Петрович, который к этому моменту был уже настолько зол, что не мог мыслить рационально, согласился, не понимая, что подписывается на собственное унижение, и попытался схватить Кира за руку, чтобы показать, кто здесь главный, но Кир просто сделал шаг в сторону, захватил руку физрука, развернулся и бросил его на мат с такой легкостью, будто тот был не мужчиной весом в сто килограмм, а ребенком.

- Вот так это делается, - сказал Кир, стоя над физруком, который лежал на спине и пытался отдышаться, глядя в потолок с выражением лица человека, который только что понял, что вся его жизнь была иллюзией. - А теперь попробуй повторить. Ну же. Не стесняйся. Я подожду.

Виктор Петрович попытался встать, но у него ничего не получилось, потому что после такого броска даже встать было проблемой, не то что повторить прием, и он просто лежал на мате, глядя в потолок и понимая, что этот ученик прав, и

что вся его карьера физрука была просто способом прятаться от реальности, где настоящие мужчины занимаются настоящими делами, а не заставляют детей отжиматься от пола ради оценки в журнале.

Кир помог ему встать, похлопал по плечу с тем самым выражением лица, которое одновременно выражало и сочувствие, и превосходство, и сказал:

- Ничего страшного, Виктор Петрович, в следующий раз получится, главное не сдаваться и продолжать тренировки, и что может быть, через годик-другой, если ты начнешь заниматься собой, у тебя что-то получится, но пока, к сожалению, уровень твоей физической подготовки не соответствует требованиям, которые ты предъявляешь к ученикам.

После этого урока Кир стал легендой школы, и даже учителя, которые до этого момента пытались игнорировать его присутствие, начали относиться к нему с тем самым уважением, которое смешивалось со страхом, потому что все понимали, что этот человек не просто умный и сильный, он еще и опасный, потому что знает, на что способен, и не боится это демонстрировать.

Но самое интересное происходило, когда Кир общался с Яной, потому что в этих диалогах проявлялась та самая химия, которая возникает между двумя людьми, которые понимают друг друга без слов, которые могут говорить намеками и понимать друг друга с полуслова, которые могут шутить друг над другом и не обижаться, потому что знают, что

за каждой шуткой стоит не желание обидеть, а желание показать, что они видят друг друга насквозь, и это их не пугает, а наоборот, сближает.

- Слушай, Малая, - говорил Кир, когда они шли из школы домой, и он называл ее так с тех пор, как перестал звать Жирафом, потому что понял, что она выросла не только физически, но и морально, и что прозвище Жираф, которое он придумал в первый день, когда увидел ее высокую и неуклюжую, больше не соответствовало реальности, потому что она больше не была неуклюжей, она была грациозной, как кошка, которая знает, что контролирует ситуацию. - Скажи мне одну вещь. Вот зачем ты вообще ходишь в эту школу? Ну серьезно. Чему они могут тебя научить? Ну кроме того, как сидеть смирно и делать то, что говорят? Я просто интересуюсь. Для общего развития. Понимаешь, когда я вижу, как ты сидишь на уроках и делаешь вид, что слушаешь, у меня возникает стойкое ощущение, что мы наблюдаем какую-то форму шизофрении. Ты знаешь, что все это фикция, но делаешь вид, что веришь. Зачем?

Яна улыбалась, глядя на него с тем самым выражением лица, которое одновременно выражало и восторг, и превосходство, и ответила:

- Братец, ты когда-нибудь думал о том, что может быть, я хожу в школу не для того, чтобы чему-то научиться, а для того, чтобы понять, как работает система? Как она ломает людей? Как она превращает их в функции? Как она заставляет

их забывать, кто они на самом деле? Вот ты, например, ты видишь систему насквозь, ты понимаешь, что это фикция, но ты все равно играешь по ее правилам. Ты ходишь со мной в школу, ты сидишь на уроках, ты задаешь вопросы, которые ставят учителей в тупик, но ты все равно не выходишь из игры. Зачем? Может быть, потому что ты тоже часть системы? Может быть, потому что ты тоже нуждаешься в ней, чтобы чувствовать себя живым?

Кир останавливался, глядя на нее с выражением лица человека, который только что получил удар ниже пояса, и говорил:

- Малая, ты знаешь, иногда я думаю, что ты читаешь мои мысли, и это пугает меня больше, чем любая пуля или нож, потому что пулю можно увидеть, нож можно почувствовать, а мысли... мысли это нечто иное, это нечто, что проникает внутрь и остается там навсегда, и когда кто-то может читать твои мысли, это значит, что ты больше не контролируешь ситуацию, и это страшно.

- Не бойся, братик, - отвечала Яна, кладя руку ему на плечо с тем самым выражением лица, которое одновременно выражало и сочувствие, и превосходство, - я не читаю твои мысли, я просто вижу тебя насквозь, и это не одно и то же. Мысли это то, что ты думаешь, а то, что я вижу, это то, кто ты есть на самом деле, и это гораздо интереснее, потому что ты сам не всегда знаешь, кто ты есть. А я знаю, и это дает мне преимущество, которое ты не можешь отнять, потому

что оно не внешнее, оно внутреннее, оно часть тебя, часть меня, часть того, что связывает нас вместе, и это сильнее любой пули, любого ножа, любой угрозы, потому что это правда, а правда всегда сильнее лжи.

Кир улыбался, качал головой и отвечал:

- Малая, ты знаешь, иногда я думаю, что ты слишком умная для своего возраста, и это пугает меня, потому что умные люди либо становятся очень богатыми, либо очень мертвыми, и я не хочу, чтобы ты стала второй категорией, потому что первая категория мне нравится больше, и я готов сделать все, чтобы ты осталась в первой категории, даже если это значит, что мне придется убить всех, кто попытается тебя остановить.

- Не убивай, Кир, убийство это последний аргумент, и когда ты его используешь, ты признаешь, что у тебя закончились все остальные аргументы, а у нас с тобой еще много аргументов в запасе, и мы их используем, прежде чем перейдем к крайним мерам, и я знаю, что ты согласишься со мной, потому что ты умный человек, а умные люди не убивают без необходимости, они находят другие способы решения проблем, и мы найдем эти способы, вместе, потому что мы команда, а команды не убивают, команды защищают, и это разница, которую ты понимаешь лучше, чем кто-либо другой.

Кир кивал, соглашаясь с ней, и они продолжали идти домой, обсуждая все на свете, от философии до боевых искусств, от литературы до математики, от истории до психо-

логии, и в этих разговорах рождалась та самая связь, которая сильнее крови, дружбы, любви, потому что это связь двух умов, двух душ, двух людей, которые нашли друг друга в этом хаосе мира, и это давало им силу, которую никто не мог отнять, потому что она была внутри них, часть их, часть того, что делало их теми, кто они есть, и это было самое ценное, что у них было, и они это знали, и это давало им уверенность в том, что что бы ни случилось, они справятся, вместе, потому что они команда, а команды непобедимы, когда они едины, когда они доверяют друг другу, когда они знают, что могут положиться друг на друга в любой ситуации.

Кир не ограничился школой. Он снял квартиру на той же лестничной площадке, где жила Яна с бабушкой. Это произошло так быстро и естественно, что Яна даже не успела удивиться. Просто однажды, вернувшись из школы, она увидела, как из соседней квартиры выносят старую мебель, а через два дня туда заехали люди с коробками, среди которых был и Кир с его неизменной любовью к кожаной куртке и парой сумок.

Бабушка Яны сначала насторожилась. Новый сосед, мужчина, да еще и выглядит так, будто сошел с обложки криминального боевика. Но Кир быстро нашел к ней подход. Он не пытался произвести впечатление, не хвастался, не задавал вопросов. Он просто был рядом, когда нужно. Однажды, когда бабушка пыталась вытащить на помойку старый сломанный стул и тяжелые пакеты с мусором, Кир, выходя из сво-

ей квартиры, молча взял все из ее рук, вынес до помойки, а через десять минут вернулся с отверткой и за пару минут починил тот самый стул, который бабушка уже собиралась выбросить.

- Знаете, бабуль, - сказал он, вытирая руки тряпкой, - этот стул еще послужит. Добротная вещь была, просто петля разболталась. Теперь будет еще крепче, чем новый.

Бабушка, которая привыкла к тому, что мужчины в ее жизни либо исчезали, либо требовали внимания и заботы, была ошарашена такой простотой и эффективностью. Она начала приглашать его на чай. Сначала робко, как бы между прочим, потом все чаще. Кир приходил, садился за стол, пил чай с бабушкиными пирогами, слушал ее рассказы о том, как жила раньше, о том, как выросла Яна, о том, как тяжело жить на два дома. Он не перебивал, не давал советов, не пытался казаться лучше, чем есть. Он просто слушал, и в этом было что-то целительное для бабушки.

Яна только радовалась. Она видела, как меняется атмосфера в доме, как бабушка начинает улыбаться чаще, как исчезает та постоянная тревога, которая жила в ее глазах. И она сама чувствовала себя спокойнее. Знание того, что Кир рядом, что он живет за стеной, что он идет с ней в школу, что он сидит на уроках, создавало вокруг нее невидимый купол защиты. Это не было слабостью, это было принятием помощи, пониманием того, что быть сильным не значит быть одиноким, что принимать защиту не значит быть беспомощным.

Но спокойствие длилось недолго. Информация пришла неожиданно, как удар под дых. Тимур получил сведения от своих людей, что на Яну готовится покушение. Не просто угроза, не просто запугивание, а конкретный заказ. Исполнитель уже в городе. Профессионал высшего класса. Человек, которого в криминальных кругах называли Удавом. Не за жестокость, а за методичность, за терпение, за способность ждать нужного момента часами, сутками, не выдавая своего присутствия, не совершая лишних движений.

- Завтра, - сказал Тимур, собрав всех в гостиной особняка. - Завтра, когда Яна будет выходить во двор школы после уроков, он попытается ее убрать. Снайперская винтовка, крыша соседнего дома, прямой видимости достаточно. У нас есть одна попытка. Одна. Если ошибемся, второго шанса не будет.

В комнате повисла тишина. Кир сидел, откинувшись на спинку кресла, но в его позе не было расслабленности, была собранность хищника, который почуял опасность. Раф стоял у окна, его лицо было непроницаемым, но руки сжались в кулаки. Фанси сидел в своем кресле, перебирая четки, его глаза были закрыты, но было видно, что он молится или медитирует, собираясь с мыслями.

- Удав, - произнес Кир тихо, и в его голосе прозвучало что-то такое, от чего у Яны по спине пробежал холодок. - Это не просто наемник, босс. Это легенда. Восемьсот тридцать четыре подтвержденных устранения. Ни одного промаха. Ни

одного свидетеля. Он не оставляет следов, он не совершает ошибок. Он просто приходит и делает свою работу. И если он взялся за заказ, он не отступит. Никогда.

- Мы не дадим ему шанса, - сказал Тимур решительно. - У нас есть преимущество. Мы знаем, что он придет. Мы знаем, когда. Мы знаем, где он будет. Теперь нужно придумать, как его перехитрить.

Они разработали план. Долго, тщательно, обсуждая каждую деталь, каждый возможный поворот событий. Яна должна была стать приманкой, но не настоящей приманкой. В назначенный час из школы должна была выйти девочка, похожая на Яну, в ее одежде, с ее сумкой. А сама Яна должна была быть там, где ее не ждут. На той самой крыше, откуда должен был стрелять Удав.

Катя, та самая девочка, что пыталась задеть Яну в классе, неожиданно согласилась помочь. Не из доброты, не из раскаяния, а из страха. Кир поговорил с ней после уроков, и в его словах не было угроз, было только спокойное объяснение того, что произойдет, если она откажется, и что будет, если согласится. Катя побледнела, кивнула и согласилась. Яна отдала ей свою куртку, сумку, попросила надеть ее шарф, чтобы издалека было не отличить.

- Ты уверена, что хочешь это сделать? - спросила Яна, глядя на Катю. Это может быть опасно.

Катя усмехнулась, но в ее усмешке не было злости, было понимание:

- Лучше я буду в опасности один день, чем буду всю жизнь бояться, что он придет за мной. Кир сказал, что если мы справимся, он позаботится о том, чтобы меня и мою семью больше никто не тронул. Это шанс. Я не упущу его.

На следующее утро все было готово. Тимур и Раф заняли позиции вокруг школы, контролируя подходы. Кир должен был сопровождать Катю, изображая Яну, и вывести ее из опасной зоны в нужный момент. А Яна... Яна должна была сделать то, что от нее требовалось. Она заранее, еще несколько дней назад, вычислила, с какой крыши будет наиболее удобный обзор на школьный двор. Она изучила план зданий, рассчитала углы, расстояние, возможные пути отхода. И теперь, когда пришло время, она шла туда.

Крыша была старой, покрытой рубероидом, который потрескался от времени и морозов. Яна поднялась тихо, стараясь не шуметь, сливаясь с тенями чердачных помещений. И она увидела его. Человек лежал на животе, прижавшись к холодному бетону, перед ним лежала винтовка с оптическим прицелом, его тело было расслаблено, но в этой расслабленности была та самая готовность, которая отличает профессионала от любителя. Он не двигался, не оглядывался, он просто ждал, сливаясь с окружающей средой, становясь частью крыши, часть ветра, часть холода.

Яна не стала прятаться. Не стала подкрадываться. Она просто вышла из тени и сделала несколько шумных шагов вперед, ее каблуки застучали по бетону, нарушая тишину.

Человек напрягся, его рука дернулась к винтовке, но он не стал стрелять. Он понял, что что-то не так. Во дворе школы была не та девочка, которую он должен был убрать. Эта шла прямо на него, не боясь, не прячась.

- Привет, - сказала Яна, и ее голос прозвучал спокойно, без дрожи, без страха. - Я знаю, что ты пришел, чтобы убить меня. Как тебя зовут?

Человек замер. Он медленно, очень медленно отложил винтовку в сторону, не сводя рук с оружия, но и не делая угрожающих движений. Он начал поворачиваться, и это движение было плавным, текучим, как у змеи, как у того самого Удава, чье имя он носил. Его лицо было скрыто капюшоном, но когда он поднял голову, Яна увидела глаза. Не злые, не холодные, а просто пустые, как у человека, который давно перестал чувствовать, который превратил себя в инструмент, в механизм для выполнения работы.

И в этот момент что-то произошло. Что-то, что нельзя было объяснить логикой, что не укладывалось в рамки обычного восприятия. Между ними, в пространстве, которое разделяло их, что-то вспыхнуло. Не физический свет, а что-то иное, невидимое, но ощутимое, как электрический разряд, как та самая нить, о которой говорил Фанси, о которой говорила сама Яна, когда училась видеть связи между людьми. Эта нить засверкала, засияла ослепительным светом, и в тот же миг внутри у обоих разлилось тепло. Не жар, не страсть, а именно тепло, то самое чувство, которое возникает, когда

две родственные души встречаются после долгой разлуки, когда две части одного целого находят друг друга.

Это не было любовью в привычном понимании. Не было влюбленностью, не было страстью. Это было чем-то более глубоким, более древним, тем, что в эзотерике называют запечатлением, связью соулмейтов, тех самых родственных душ, которые проходят через множество воплощений, чтобы в конце концов найти друг друга, завершить свой урок, свой путь. Удав почувствовал это так же ясно, как и Яна. Его пустые глаза наполнились чем-то, что он, возможно, не чувствовал уже очень давно. Он медленно поднялся, отодвинул винтовку в сторону, сделал несколько шагов навстречу Яне.

- Я пришел убить тебя, - сказал он, и его голос прозвучал хрипло, как будто он давно не говорил, или как будто слова давались ему с трудом. - Но теперь я знаю... я знаю, что ты часть моей души.

Яна улыбнулась. Не победно, не торжествующе, а тихо, с пониманием, с принятием того, что произошло. Она сделала шаг навстречу, и между ними не было страха, не было ненависти, не было того, что должно быть между убийцей и жертвой.

- Ты седьмой, - сказала она тихо, но четко, и в ее словах прозвучала не загадка, а констатация факта, как будто она говорила о чем-то, что уже было предрешено, что уже было написано в книге судеб. - Тот, кто держит баланс.

Удав замер. Его глаза расширились, как будто он услышал

то, что должен был услышать, но не ожидал услышать именно сейчас, именно здесь, именно от нее. Ему об этом говорила старая бабка цыганка, когда он был ребенком, в том же возрасте что и его цель сейчас. Что он встретит часть своей души, когда придет время. И оно пришло. Он Седьмой. Тот, кто замыкает круг. Тот, без кого система не может быть полной. Тот, чья задача не убивать, а защищать, даже если он сам этого еще не понимает.

В этот момент внизу, во дворе школы, раздался звук выстрела. Но это был не выстрел снайперской винтовки. Это был сигнал. Сигнал о том, что план сработал, что Катя в безопасности, что опасность миновала. Но они уже не слышали этого. Они стояли на крыше, глядя друг на друга, и между ними вибрировала та самая нить, которая теперь связывала их навсегда.

Кир появился на крыше через несколько минут. Он не стал подниматься с оружием наготове, не стал кричать, не стал атаковать. Он просто вышел из люка, увидел их и остановился. В его глазах не было удивления, было понимание. Он подошел ближе, остановился в нескольких шагах.

- Ну что, малая, - сказал он, и в его голосе не было обычной иронии, было что-то мягкое, теплое. - Похоже, у нас пополнение в команде. Только я не уверен, что Тимур будет рад узнать, что наш новый боец еще пять минут назад пытался тебя пристрелить.

Удав не обернулся. Он не сводил глаз с Яны, как будто бо-

ялся, что если отвернется, она исчезнет, растворится в воздухе, окажется сном, видением, которое исчезнет с рассветом.

- Он не будет стрелять, - сказала Яна, не отрывая взгляда от Удава. - Он не может. Потому что теперь он знает.

- Что он знает? - спросил Кир, подходя ближе, но не нарушая того пространства, которое возникло между ними.

- Что он седьмой, - ответила Яна просто. - И что его задача не убить меня, а защитить. Потому что без него баланс не будет полным. Без него круг не замкнется.

Кир усмехнулся, но в его усмешке не было насмешки, было признание.

- Знаешь, а ведь ты права. Я всегда говорил, что в нашей команде не хватает одного элемента. Одной детали. И кажется, мы ее только что нашли. Только я не уверен, что Тимур оценит, что эта деталь еще пять минут назад была нацелена на нас с крыши.

Удав наконец отвернулся от Яны. Он посмотрел на Кира, и в его глазах больше не было пустоты. В них была решимость, та самая решимость человека, который нашел свой путь, свое предназначение, свою причину жить.

- Меня зовут Ник, - сказал он тихо. - Но вы можете звать меня Удавом. Так меня знают те, кто должен меня бояться. Но теперь... теперь я буду тем, кого должны уважать.

Кир протянул ему руку. Удав посмотрел на нее, потом на Яну, и медленно, неуверенно, как будто забыв, как это дела-

ется, пожал протянутую руку.

- Добро пожаловать в клуб, - сказал Кир, и в его голосе прозвучала та самая искренность, которая редко прорывалась сквозь слой сарказма и иронии. - Только учти, у нас строгие правила. Первое правило: мы не стреляем в своих. Второе правило: мы защищаем Яну. Всегда. Даже ценой собственной жизни. Третье правило: если ты нарушишь первые два, я лично позабочусь о том, чтобы ты пожалел, что родился. Шучу. Ну, или почти шучу.

Яна подошла к ним. Она посмотрела на Кира, потом на Удава, и улыбнулась. В этой улыбке было понимание того, что все изменилось. Что круг замкнулся и баланс восстановлен. Что теперь они готовы к тому, что будет дальше.

- Мы должны вернуться, - сказала она тихо. - Тимур ждет. Дедушка Фанси волнуется. И нам нужно многое обсудить.

Они спустились с крыши втроем. Кир шел впереди, прокладывая путь. Удав шел сзади, прикрывая тылы. А Яна шла посередине, между прошлым и будущим, опасностью и защитой, смертью и жизнью. И она знала, что это не конец. Это только начало. Начало чего-то нового, чего-то большего, чего-то, что изменит не только их жизни, но и жизни многих других.

Когда они вышли из подъезда, Тимур уже ждал их у машины. Он увидел Удава, идущего рядом с Яной, и в его глазах мелькнуло понимание. Он не стал задавать вопросов. Не стал требовать объяснений. Тимур понимал, что в их мире

бывает всякое. Он просто кивнул, открывая дверь машины.

- Поехали домой, - сказал он просто. - Там разберемся.

Они сели в машину. Кир за руль, Тимур рядом, Яна и Удав на заднее сиденье. Машина тронулась, вливаясь в поток вечернего трафика. За окном мелькали огни города, серые дома, уставшие люди, спешащие домой. Но внутри машины было тихо. Каждый думал о своем. Каждый понимал, что все изменилось.

Яна посмотрела на Удава. Он сидел, сжав руки в кулаки, глядя в окно, но было видно, что он не видит города. Он видел что-то другое. Что-то внутри себя.

- Ты не пожалеешь? - спросила она тихо, так, чтобы только он услышал.

Удав повернулся к ней. В его глазах больше не было пустоты. В них был огонь. Тот самый огонь, который зажигается, когда человек находит свой путь.

- Я уже пожалел, - ответил он тихо. - Пожалел о всех тех, кого убил. О всех тех жизнях, которые забрал. Но я не могу вернуть их. Я могу только защитить тех, кто еще жив. И я буду защищать тебя. Потому что ты дала мне шанс. Шанс стать человеком, а не инструментом.

Яна положила руку на его руку. Его пальцы были холодными, напряженными, но под ее рукой они медленно расслабились.

- Ты уже стал человеком, - сказала она. - В тот момент, когда почувствовал нить. В тот момент, когда понял. Инстру-

менты не чувствуют. Инструменты не выбирают. А ты выбрал.

Машина свернула к особняку. Ворота открылись, пропуская их внутрь. Когда они вышли из машины, Фанси уже ждал их на крыльце. Он посмотрел на Удава, и в его старых глазах мелькнуло понимание. Он медленно кивнул, как будто приветствуя не нового члена команды, а давно потерянного сына, который наконец вернулся домой.

- Добро пожаловать, - сказал он просто. - Мы ждали тебя.

И в этих словах было все. И принятие, и понимание, и знание того, что круг замкнулся, что баланс восстановлен, что теперь они готовы к тому, что будет дальше.

Яна поднялась по ступенькам, оглянулась. Кир, Тимур, Раф, Фанси, Удав. В доме еще Кабан и Сократ. Семь человек. Семь не личных любимых чудес. Семь сил, которые теперь были связаны одной целью, одной нитью, одним балансом.

Она улыбнулась. Впервые за долгое время она чувствовала себя по-настоящему спокойной. Не потому что опасность миновала. А потому что теперь она не одна. Потому что теперь у нее есть семья. Не та, что по крови. А та, что по духу. Та, что выбрала быть рядом.

За окном начинался снег. Крупные хлопья медленно кружились в воздухе, опускаясь на землю, укрывая ее белым одеялом. Зима вступала в свои права, но внутри дома было тепло. Тепло не от батарей, а от того, что они были вместе.

И Яна знала, что это только начало. Что впереди еще мно-

го испытаний. Что Нефрит не отступится. Что Икша будет мстить. Что будут новые враги, новые угрозы, новые опасности. Но теперь она не боялась. Потому что теперь у нее есть они. Семь сердец, которые бьются в унисон. Ради нее.

Она сделала глубокий вдох. Выдохнула. И шагнула внутрь дома. В свой дом. К своей семье. К своей судьбе.

А где-то вдалеке, в темном переулке, стояли люди. Они наблюдали за особняком, за окнами, за огнями. Они знали, что их план провалился. Что Удав предал их. Но они не отступились. Они просто ждали. Ждали своего часа. Своего шанса.

Война только начиналась.

Глава 23

Глава 23. Кир

Читать под трек **«Light Out» GRXVITON, Foyon, Rumusen**

Февраль в том году продолжался не с каплями, а с ветром, который не просто дул, а резал, проникал под одежду, искал незащищенные места, напоминал о том, что тело уязвимо, что кожа это всего лишь тонкая оболочка между тобой и миром, который не всегда дружелюбен. Особняк на севере Москвы стоял тихо, но тишина эта была обманчивой. За высокими заборами, колючей проволокой, камерами наблюдения, сигнализацией, за бдительными глазами Рафа и его людей, за всей этой видимой броней скрывалась другая правда, которую Ник Удав понял в первую же минуту после того, как переступил порог. Он не стал ждать приглашения, не стал представляться, не стал объяснять, зачем пришел. Он просто исчез из поля зрения охраны, прошел через периметр так, будто его не существовало, оставил на столе Тимура одну единственную монету, старую, потертую, с гербом, которого уже не чеканят, и вернулся к воротам ровно через двенадцать минут, словно прогулка по территории была обычной вечерней пробежкой. Никто не заметил его входа. Никто не зафиксировал движения на камерах. Сигнализация не сработала. Датчики движения молчали. Только монета лежала

на столе, тяжелая, холодная, немая, как приговор, как напоминание, как урок, который нельзя проигнорировать.

Тимур поднял монету, повертел ее в пальцах, посмотрел на Ника, который стоял в дверном проеме, спокойный, собранный, лишенный суеты, лишенный желания произвести впечатление, просто присутствующий, как тень, которая решила обрести форму. Раф стоял рядом, лицо непроницаемое, но в глазах читалось то самое понимание, которое приходит, когда осознаешь, что привычные правила больше не работают. Фанси сидел в кресле, перебирал четки, не поднимая глаз, но было видно, что он слушает, чувствует, оценивает. Яна стояла чуть поодаль, рядом с Киром, который откинулся на косяк двери, скрестил руки на груди, и в его позе не было расслабленности, была готовность, та самая, которая не кричит, а шепчет, которая говорит, что мир изменился, и нужно меняться вместе с ним.

Ник не стал говорить сразу. Он дал тишине улечься, дал напряжению достичь пика, дал каждому почувствовать вес момента. Потом он сделал шаг вперед, не торопясь, не демонстрируя силу, просто занял пространство, которое до этого принадлежало иллюзии безопасности.

- Вы думаете, что стены защищают? - начал он, и голос его прозвучал тихо, ровно, без эха, без лишней интонации, просто констатация, просто память и правда, которая не требует доказательств. - Вы думаете, что камеры видят все? Что датчики фиксируют движение, а замки держат дверь? Что

люди стоят на постах и постоянно смотрят? Вы ошибаетесь. Все это декорации. Бутафория. Театр для тех, кто верит, что безопасность можно купить, установить, настроить, нажать кнопку и спать спокойно. Безопасность это не железо. Не бетон. Не электроника. Безопасность это психология. Это понимание того, как думает тот, кто приходит не с добром. Это умение видеть не то, что показывают, а то, что скрывают. Это контроль не над периметром, а над восприятием. Я вошел сюда не потому, что я лучше ваших людей. Я вошел, потому что вы оставили щели. Не в заборе, а в голове. Вы смотрите на карту, но не видите территорию. Вы доверяете приборам, но не доверяете интуиции. Вы строите крепость, но забываете, что крепость это не стены, а люди, которые за ними стоят. И если эти люди спят, если они отвлечены, если они верят в иллюзию, крепость падает от одного толчка. Без выстрела или взрыва. Просто потому, что кто-то решил, что пора.

Тимур положил монету на стол. Звук получился тихим, но в тишине комнаты он отозвался как удар по натянутой струне. Он не стал спорить и, уж конечно, не стал оправдываться. Не стал говорить о том, что система работает, что люди проверены, что опыт за плечами. Он просто кивнул. Медленно. Точно. Без суеты. Без эмоций. Без попытки впечатлить. Просто констатация факта. Факта принятия и понимания. Факта того, что нить не порвалась. А связала. Факта того, что узел не затянулся, а, наоборот, развязался.

Ник не стал ждать реакции. Не стал требовать подтвер-

ждения как и не стал нарушать тишину, которая наступила после его слов.

Яна сделала шаг вперед. Не торопясь. Не демонстрируя уверенность. Просто заняла свое место в пространстве, которое до этого момента принадлежало напряжению, которое теперь уступало место пониманию и не требовало слов.

- Ты прав, - сказала она тихо. Голос прозвучал ровно. Честно. Лишенным попытки впечатлить. - Мы строили стены, но забыли, что стены это не защита. Это граница. А граница это не линия на карте. Это состояние ума. Если ум спит, стена рухнет от ветра. Если ум бодрствует, стена не нужна. Потому что ты видишь угрозу раньше, чем она появится. Ты чувствуешь намерение раньше, чем оно станет действием. Ты читаешь пространство раньше, чем оно изменит плотность. Это не магия. Это внимание и практика. Это выбор быть здесь, сейчас, полностью, без остатка, без отвлечений, без иллюзий, без надежды на то, что кто-то другой сделает работу за тебя.

Ник посмотрел на нее. Не с удивлением. Не с одобрением. С тихим признанием. В его глазах не было вопроса. Не было сомнения. Только тишина и присутствие. Только знание, что она не просто поняла слова. Она прожила их. Она впустила их внутрь, позволила им лечь в память, стать частью структуры, частью опоры, частью того внутреннего компаса, который не показывает север, а показывает направление, которое выбирает сама душа, когда перестает бояться и начи-

нает доверять себе.

- Ладно, - сказал Кир, отталкиваясь от косяка и подходя ближе, и в его голосе прозвучала та самая ирония, которая не ранит. - Значит, теперь у нас есть новый начальник по безопасности? И я надеюсь, он не будет заставлять нас отжиматься по утрам, потому что мой позвоночник уже подал официальную жалобу в профсоюз. И вообще, Малая, ты заметила, как он вошел? Как призрак и тень. Как тот, кто знает, что двери открываются не ключом, а намерением. Я, конечно, тоже умею тихо ходить, но у меня получается только когда я крадусь к холодильнику ночью, а тут... тут это искусство. Высший пилотаж! Я аплодирую стоя.

Яна улыбнулась. Как человек, который наконец нашел ответ.

- Он не начальник, - сказала она, глядя на Ника, и в ее голосе не было подчинения. - Он не будет командовать. Он будет направлять. И мы будем слушать. Не потому что обязаны. А потому что понимаем, что тишина внутри важнее шума снаружи.

Ник кивнул. Тимур встал и подошел к нему. Протянул руку. Не как босс. Не как хозяин. Как равный. Как тот, кто признает силу не в титуле, а в присутствии.

- Добро пожаловать, - сказал он тихо. Голос прозвучал ровно. Без эха. Без лишней интонации. Просто факт. Просто условие. Просто пространство, которое он готов предоставить.

Ник пожал руку. Крепко. Не демонстративно. Просто подтвердил договор, который не требовал слов, который просто был.

***

Ник Удав поселился в особняке на следующий день после того, как оставил монету на столе Тимура. Он не стал занимать одну из гостевых комнат, а выбрал небольшое помещение рядом с главным входом, которое раньше использовалось как кладовка. За сутки он превратил его в нечто среднее между постом охраны и кельей аскета: минимум вещей, максимальная функциональность, ни одной лишней детали. За это время он полностью перестроил систему безопасности дома, и сделал это так, что даже Раф, человек с безупречной репутацией в вопросах охраны, только разводил руками и признавал свое поражение.

Ник не стал устанавливать новые камеры или датчики. Он просто показал им всем, как легко можно обойти то, что они считали неприступной защитой. Однажды утром Тимур обнаружил, что все замки в доме открыты, хотя вечером они были закрыты. Камеры продолжали работать, но записывали пустые коридоры, хотя Ник в это время спокойно ходил по дому, заходил в каждую комнату, проверял окна, изучал маршруты движения. Он не украл ничего, не оставил следов взлома, просто показал, что вся их система безопасности это иллюзия, театр для тех, кто верит, что безопасность можно купить и установить.

Когда Тимур спросил, как ему это удалось, Ник просто пожал плечами и сказал, что люди привыкли доверять технике больше, чем собственной интуиции. Камеры видят только то, что находится в их поле зрения, датчики реагируют только на движение, замки защищают только от тех, кто не умеет их открывать. Настоящая безопасность начинается не с железа, а с головы, с понимания того, как думает тот, кто хочет проникнуть внутрь. Нужно думать как взломщик, чтобы защитить дом от взломщика.

Яна наблюдала за всем этим молча, но внимательно. Она видела, как меняется атмосфера в доме, как исчезает та расслабленность, которая была раньше, как все начинают быть более внимательными, более собранными. Ник не стал диктовать свои правила, не стал командовать, он просто показал пример, и все последовали за ним, потому что поняли, что он прав.

Однажды, в один из вечеров, когда они сидели на веранде и смотрели на закат, Яна достала из кармана небольшую коробочку, перевязанную простой бечевкой. Она не стала ничего говорить, просто протянула ее Нику, который сидел рядом, погруженный в свои мысли. Ник посмотрел на вещицу, потом на Яну, и медленно взял ее, развязал бечевку, открыв. Внутри лежал серебряный кулон в форме щита, простой, без украшений, но с какой-то особой энергетикой, которая чувствовалась даже на расстоянии.

Ник поднял глаза на Яну, и в его взгляде было что-то та-

кое, что заставило ее сердце забиться чаще. Он не стал спрашивать, зачем она это сделала, не стал благодарить, просто кивнул, надел цепочку на шею, и кулон лег на его грудь, словно всегда там был. И в этот момент Яна почувствовала, как внутри нее что-то щелкнуло, как будто пазл встал на свое место. Она увидела, как между ними протянулась невидимая нить, тонкая, но прочная, и поняла, что это не конец, а только начало. Что придет еще один, восьмой, и тогда круг замкнется полностью, как знак бесконечности, и баланс будет восстановлен.

Она не стала говорить об этом вслух, потому что знала, что слова могут разрушить то, что еще не созрело. Просто улыбнулась, и Ник, который редко улыбался, ответил ей той самой улыбкой, которая появлялась на его лице только когда он общался с Яной.

С тех пор они стали ходить везде втроем: Яна, Кир и Ник. Это выглядело странно со стороны: почти двенадцатилетняя девочка и два взрослых мужчины, один из которых был известен в криминальных кругах как лучший снайпер, а второй как человек, который мог проникнуть куда угодно и остаться незамеченным. Но они не обращали внимания на косые взгляды, на шепот за спиной, на недоумение окружающих. Они просто были вместе, и этого было достаточно.

Тимур и Фанси иногда недоумевали, почему именно так, почему эта троица, а не они сами сопровождают Яну. Может быть, дело было в возрасте: Кир и Ник были моложе, ближе

к Яне по духу, хотя разница в возрасте все равно оставалась огромной. Нику было тридцать четыре, Киру тридцать восемь, Яне почти двенадцать, но возраст это всего лишь цифра, а связь между людьми измеряется не годами, а чем-то другим, тем, что нельзя измерить или взвесить.

Кир, как всегда, превращал эти прогулки в настоящее шоу. Он не мог просто идти молча, ему нужно было комментировать все, что происходило вокруг, шутить, подкалывать Яну, которая отвечала ему с такой же иронией и сарказмом, что Кир только смеялся и качал головой, говоря, что Малая растет слишком быстрой и скоро совсем отобьет у него хлеб.

- Слушай, Малая, - говорил он, когда они шли по улице, и Кир демонстративно оглядывался по сторонам, изображая параноика. - Ты не находишь, что мы выглядим немного странно? Две горы мышц и один маленький, но очень опасный комочек нервов. Я серьезно, если нас кто-то увидит со стороны, то подумает, что мы либо секта, либо цирк уродов. А может, мы и есть секта. Секта поклонников здравого смысла в мире, который сошел с ума. Признайся, ты ведь тоже иногда думаешь, что мы все немного того, да?

Яна улыбалась и отвечала:

- Братец, если мы секта, то ты у нас точно главный пророк, потому что никто другой не может нести такую чушь с таким серьезным видом. И вообще, кто сказал, что здравый смысл это нормально? Может, это мы нормальные, а все остальные просто еще не проснулись.

Ник шел рядом, молча, но его присутствие было ощутимым, как тихий ритм, как тень, которая не давит, а поддерживает. Он редко вмешивался в их разговоры, но когда Яна поворачивалась к нему и задавала вопрос, он отвечал кратко, точно, без лишних слов, и в его ответах была та самая мудрость, которая приходит не с возрастом, а с опытом, с болью и потерями, с пониманием того, что жизнь это не игра, а серьезное дело, за которое нужно отвечать.

Однажды, когда они шли мимо парка, Яна спросила Ника, почему он молчит так много, неужели ему нечего сказать. Ник остановился, посмотрел на нее своими глубокими, печальными глазами, и сказал, что слова это как патроны, их нужно беречь и тратить только тогда, когда это действительно необходимо. Большинство людей говорят слишком много, потому что боятся тишины и боятся остаться наедине со своими мыслями, боятся услышать то, что говорит им их собственная душа. А тишина это не пустота, это пространство, в котором рождается истина.

Яна кивнула, понимая, что он прав, и в этот момент Ник улыбнулся, той самой редкой улыбкой, которая появлялась на его лице только когда он общался с Яной, и Яна снова почувствовала, как внутри нее что-то теплое разлилось, как будто она сделала что-то важное, что-то правильное.

Но идиллия не могла длиться вечно. Мир не давал передышки, не позволял расслабиться, не позволял забыть, что опасность это не событие, а состояние, это фон, на котором

разворачивается жизнь, который не исчезает, а только меняет форму.

Они возвращались из школы, как обычно, втроем. Кир шел слева, болтал без умолку, рассказывая какую-то историю про то, как он однажды пытался объяснить учителю физики, что теория относительности Эйнштейна это просто отговорка для тех, кто опаздывает на уроки. Ник шел справа, молча, но внимательно сканируя пространство, отмечая каждую деталь, каждую аномалию. Яна шла посередине, слушала Кира, улыбалась, отвечала на его шутки, но внутри нее было то самое чувство тревоги, которое она научилась не игнорировать, а слушать.

Они свернули на улицу Академика Капицы, которая вела к лесу, где обычно было тихо и безлюдно. Кир как раз рассказывал анекдот про то, чем отличается оптимист от пессимиста, когда Яна услышала звук. Не громкий и резкий, а четкий, точный, тот самый звук шин по асфальту, который говорит о том, что что-то движется слишком быстро, слишком агрессивно, слишком целенаправленно.

Она моментально обернулась и увидела черную машину, которая вылетела из-за поворота, не сбавляя скорости, не собираясь останавливаться. В ее глазах не было сомнения, только холодная решимость, только намерение, которое нельзя изменить, нельзя остановить, можно только принять и попытаться выжить.

Кир тоже услышал, тоже увидел, и в его глазах на мгнове-

ние мелькнул страх, не за себя, а за Яну, за ту, которую он поклялся защищать, за ту, которая стала для него не просто подопечной, а чем-то большим, чем-то таким, что нельзя назвать словами, но можно почувствовать сердцем.

Он не стал думать, не стал колебаться, не стал искать выход. Он просто шагнул вперед, закрыл собой Яну, принял на себя тот удар, который предназначался ей, и в этот момент мир взорвался звуком выстрелов, которые прозвучали не как хлопок, а как разрыв, как треск, как крик металла, который не выдерживает нагрузки, как крик плоти, которая не выдерживает удара.

Яна почувствовала, как Кир дернулся несколько раз, как его тело напряглось, как кровь теплая, липкая, чужая потекла по ее рукам, которые инстинктивно сжались, пытаясь остановить то, что нельзя остановить, пытаясь удержать то, что уходит, пытаясь спасти то, что нельзя спасти.

Кир упал на колени, потом на бок, его глаза были открыты, но в них уже не было той самой искры, того самого огня, который делал его живым, который заставлял его шутить, смеяться, жить. Он посмотрел на Яну, и в его взгляде было что-то такое, что заставило ее сердце сжаться, что-то такое, что нельзя назвать словами, но можно почувствовать всем существом.

- Не бойся, Малая, - прошептал он, и в его голосе не было боли, не было страха, только та самая ирония, которая не покидала его даже сейчас, даже здесь, даже в этот последний

момент. - Я всегда говорил, что моя спина это мое слабое место. Но я не думал, что она станет мишенью для чужих пуль. Скажи Тимуру, что я... что я...

Он не договорил, глаза закрылись, тело обмякло, и Яна почувствовала, как внутри нее что-то оборвалось, что-то такое, что нельзя починить, нельзя восстановить, можно только принять и жить с этим дальше.

Но она не стала плакать или кричать, не стала терять время на эмоции, которые не спасут, не помогут, не вернут. Она прижала руки к ранам, зажала их так сильно, как только могла, пытаясь остановить кровь, которая текла, текла, текла, унося с собой жизнь и надежду, унося с собой того, кто стал для нее больше, чем просто охранником, больше, чем просто другом, больше, чем просто человеком.

Ник в этот момент стрелял в ту злосчастную машину, а сейчас уже вызвал скорую.

Потом он подошел к Яне, положил руку ей на плечо, и в этом прикосновении было что-то такое, что заставило ее почувствовать, что она не одна, что есть те, кто рядом, кто поможет, кто поддержит, кто не даст сломаться.

Скорая приехала быстро, слишком быстро для того, чтобы это было случайностью, словно кто-то заранее знал, что здесь произойдет, словно кто-то ждал этого момента, готовился к нему, планировал его. Врачи работали быстро, профессионально, без суеты, без паники, и Яна сидела рядом, сжимая в руках окровавленную куртку Кира, и чувствовала,

как внутри нее что-то меняется, что-то такое, что нельзя назвать словами, но можно почувствовать всем существом.

Врач, мужчина лет сорока с усталым лицом и руками, которые помнили слишком много смертей, подошел к ней, посмотрел в глаза, и сказал, что она сделала все правильно, что ее действия спасли ему жизнь, что еще немного и было бы поздно, что она молодец, что она справилась, что она сильная.

Яна кивнула, не веря своим ушам, не веря тому, что он жив, что он выжил, что он будет жить, что все будет хорошо, что все закончится хорошо, что все будет так, как должно быть.

В больнице ее не хотели пускать в реанимацию, говорили, что это невозможно, что это против правил, что это опасно, что это неправильно. Но Яна посмотрела на медсестру, которая стояла у двери, и сказала, что она его младшая сестра, что она не уйдет и она будет ждать, даже вечность, что она будет рядом и не оставит его одного, не предаст его, не сломается.

И медсестра, женщина с добрыми глазами и усталым лицом, посмотрела на нее, увидела в ее глазах ту самую решимость, ту самую силу и любовь, которая не знает границ или правил, которая не знает страха, и кивнула, открыла дверь, пропустила ее внутрь, и Яна вошла, села рядом с кроватью, взяла Кира за руку, и сидела так часами, не отходя ни на шаг, не закрывая глаз, не позволяя себе уснуть, не позволяя себе

расслабиться, не позволяя себе забыть, что он здесь, что он жив, что он дышит, что он борется и не сдается.

Тимур, Раф, Сократ и Ник пришли на следующий день, молча, без слов, без вопросов, просто сели рядом, и Тимур спросил, кто это был, что она запомнила, что она видела, что она почувствовала.

Яна подняла глаза, посмотрела на него, и сказала, что она запомнила номер машины, ХАМ199, и в ее голосе не было эмоций, только информация и факты, только то, что необходимо для того, чтобы найти тех, кто это сделал, чтобы наказать их, отомстить, восстановить справедливость, защитить тех, кто не может защитить себя.

Тимур кивнул, достал телефон, сделал несколько звонков, и через час они уже знали, что машина принадлежит людям Нефрита, что это он заказал покушение, что это он решил убрать Яну, что это он перешел черту и объявил войну, что это он не оставил им выбора.

Ник встал, посмотрел на Яну, и в его глазах было что-то такое, что заставило ее почувствовать холод, что-то такое, что нельзя назвать словами, но можно почувствовать всем существом, что-то такое, что говорит о том, что пришло время делать то, для чего он был создан, то, для чего он был обучен, то, для чего он живет.

- Пора мне поработать, - сказал он тихо, и в его голосе не было эмоций, только решимость и намерение, только то, что нельзя изменить или остановить, можно только принять

и попытаться выжить.

И он ушел, не оглядываясь и не сомневаясь, не спрашивая разрешения.

Яна осталась сидеть рядом с Киром, держа его за руку. В палате реанимации пахло антисептиком и чем-то металлическим, тревожным. Мониторы тихо пищали, отсчитывая секунды чужой жизни. За окном медленно темнело, и Яна наблюдала, как дневной свет уступает место сумеркам, как тени заползают в углы и мир за стеклом продолжает жить своей обычной жизнью, не зная и не желая знать о том, что здесь, в этой маленькой палате, решается чья-то судьба.

Она не помнила, сколько времени прошло. Часы потеряли смысл. Было только настоящее: звук дыхания Кира, тепло его ладони в ее руке, тихий гул аппаратуры, которая поддерживала в нем жизнь. Яна не плакала. Слезы были роскошью, которую она не могла себе позволить. Вместо этого она говорила с ним. Тихо, монотонно, рассказывала обо всем: о том, как они впервые встретились, о его шутках, о том, как он учил ее стрелять, о том, как смеялся, когда она впервые попала в мишень. Она говорила о пустяках, о вещах, которые не имели значения для кого-то другого, но были важны для них двоих.

На третий день Кир открыл глаза.

Это произошло внезапно. Он просто посмотрел на нее, и в его взгляде было что-то знакомое, что-то такое, что заставило Яну почувствовать, как внутри у нее что-то ёкнуло. Он

поморщился, попытался что-то сказать, но из горла вырвался только хрип.

— Тише, родной, — шепнула Яна, сжимая его руку. — Не напрягайся.

Но Кир не послушался. Он собрался с силами, сделал глубокий вдох и прохрипел:

— Малая... ты все еще здесь? Я думал, ты уже ушла искать себе нового телохранителя. Надеюсь, хоть получше меня выбрала?

Яна рассмеялась сквозь слезы радости:

— Идиот, — сказала она, и в ее голосе было столько облегчения, столько радости, столько всего, что нельзя было выразить словами. Она прижалась щекой к его руке и спросила, — Ты вообще понимаешь, что произошло?

— Пули, кровь, больница, — перечислил Кир, и в его голосе уже появились знакомые нотки иронии. — Стандартный набор для человека с моей профессией. Скажи лучше, ты запомнила номер машины?

— ХАМ199, — ответила Яна сразу.

— ХАМ... — Кир усмехнулся, и эта усмешка была болезненной, но искренней. — Ну конечно. Нефрит решил поиграть в крутого. Даже номер соответствующий выбрал. Творческий подход, что тут скажешь.

Он замолчал, перевел дыхание, и в его глазах на мгновение мелькнула тень.

— Ты в порядке? — спросил он тихо, и в этом вопросе

было больше искренности, чем во всех его шутках вместе взятых.

— Я в порядке, — ответила Яна. — Благодаря тебе.

— Ну, я же говорил, что моя спина создана для великих дел, — Кир попытался пошутить, но получилось не очень, он сразу же закашлялся. — Хотя, признаюсь, я представлял себе свою смерть немного иначе. Без больничной еды и этих идиотских халатов.

Дверь открылась, и вошел врач. Он удивленно посмотрел на Кира, потом на мониторы, потом снова на Кира.

— Вы очнулись, — сказал он, и в его голосе было искреннее удивление. — Это... неожиданно. При таких повреждениях вы должны были быть в коме еще минимум неделю.

— Меня держит здесь не медицина, — прохрипел Кир, — а чистое упрямство. И страх, что если я умру, Малая найдет себе другого напарника, который будет шутить хуже меня.

Врач покачал головой, но было видно, что он улыбается. Он проверил показатели, записал что-то в карту, дал указания медсестре и вышел, оставив Яну и Кира наедине.

— Ты правда думаешь, что я найду кого-то лучше тебя? — спросила Яна, садясь обратно на стул. - Есть незаменимые люди. И ты точно один из них.

— Я на это надеюсь, — серьезно ответил Кир.

Он замолчал, закрыл глаза, и через минуту уже спал. Яна сидела рядом, держа его за руку, и чувствовала, как внутри у нее что-то успокаивается, как напряжение, которое копилось

днями, начинает медленно отпускать.

***

Через неделю Кира выписали. Вернее, не совсем выписали — Тимур настоял на том, чтобы его забрали домой, где за ним будет присматривать личный врач и медсестра.

- Больничные стены, - сказал он тогда, - не способствуют выздоровлению. Дома и стены лечат.

Кир не спорил. Он был еще слаб, бледен, двигался осторожно, но в его глазах уже горел тот самый огонек, который делал его им. Когда они вышли из больницы, он глубоко вдохнул свежий воздух и сказал:

— Свобода. Как же я скучал по этому чувству. Знаешь, Малая, больница это такое место, где ты понимаешь, насколько ценна обычная возможность выйти на улицу и вдохнуть воздух. Не тот, что с запахом антисептика, а настоящий. С запахом жизни.

— Ты сейчас серьезно? — спросила Яна, глядя на него с улыбкой. — Кир, который шутит про смерть, вдруг стал философом?

— Я всегда был философом, — ответил он с достоинством. — Просто раньше у меня не было такой хорошей аудитории. А сейчас, когда я чуть не умер, я понял, что жизнь это не то, что нужно тратить на плохие шутки. Хотя, — он усмехнулся, — хорошие шутки еще никому не мешали.

Тимур забрал их на своей машине. Раф и Ник уже ждали в

особняке. Когда Кир вошел в дом, он остановился на пороге, огляделся и сказал:

— Дом, милый дом. Как же я скучал по этим стенам, по этому запаху... Знаете, а ведь я никогда не думал, что буду так рад вернуться домой. Обычно я воспринимаю дом как место, где можно поспать между заданиями. Но сейчас... сейчас я понимаю, что дом это не стены. Это люди.

Ник подошел к нему, молча пожал руку, и в этом жесте было больше, чем в сотне слов. Раф кивнул, и в его глазах было облегчение. Тимур положил руку ему на плечо и сказал:

— Рад тебя видеть, брат.

— Взаимно, босс, — ответил Кир. — Взаимно.

***

Медсестру, которую наняли для ухода за Киром, звали Галина. Это была женщина лет тридцати пяти, с приятным лицом и профессиональными манерами. Она казалась идеальной: внимательная, заботливая, знающая свое дело. Кир поначалу даже шутил, что она слишком хороша для того, чтобы быть настоящей, что наверняка у нее есть какой-то секрет.

Яна поначалу тоже ей доверяла. Галина была внимательна к Киру, следила за его состоянием, вовремя давала лекарства. Но что-то в ней настораживало. Может быть, слишком внимательный взгляд, которым она осматривала комнаты, когда думала, что никто не видит. Может быть, то, как она задавала вопросы о распорядке дня, о том, кто и когда

бывает дома. А может, просто интуиция, та самая, которая никогда не подводила Яну.

Однажды ночью Яна проснулась от странного звука. Она прислушалась. В доме было тихо, слишком тихо. Но что-то было не так. Она встала, бесшумно вышла из комнаты и пошла по коридору. Свет в комнате Кира был выключен, но из-под двери пробивалась узкая полоска. Яна подошла ближе, приложила ухо к двери и услышала шепот.

— Где деньги? — спрашивал женский голос. Голос Галины. — Я знаю, что они здесь. Где сейф?

— Ты серьезно думаешь, — ответил Кир, и в его голосе не было страха, только усталое раздражение, — что я скажу тебе, где сейф? После того, как ты пыталась меня обокрасть? Это было бы глупо даже для меня. А я, между прочим, тот человек, который шутит про собственную смерть.

— Заткнись, — прошипела Галина. — Где деньги?

— Знаешь, — сказал Кир, и Яна могла представить, как он усмехается, — я всегда думал, что медсестры должны лечить, а не грабить. Но, видимо, я ошибался. Кризис жанра, так сказать.

В этот момент Яна поняла, что нужно действовать. Она тихо отошла от двери, нашла телефон и позвонила Нику. Он ответил после первого гудка.

— Что случилось? — спросил он тихо.

— Галина, — прошептала Яна. — Она в комнате Кира. Пытается его ограбить.

— Иду, — сказал Ник. — Не подходи к комнате. Жди меня внизу.

Яна спустилась вниз, и через минуту появился Ник. Он не бежал, не суетился, просто шел быстро и целенаправленно. В его движениях не было агрессии, только холодная решимость. Он поднялся наверх, и Яна услышала, как открылась дверь в комнату Кира.

Потом был короткий разговор. Тихий, но жесткий. Яна не слышала слов, но слышала интонации. Голос Ника был ровным, спокойным, но в нем было что-то такое, что заставляло кровь стыть в жилах. Галина пыталась что-то объяснить, оправдаться, но Ник не слушал.

Через несколько минут он спустился вниз.

— Она ушла, — сказал он просто. — Больше не вернется.

— Что ты сделал.. на самом деле? — спросила Яна, и в ее голосе было не любопытство, а тревога.

— То, что было необходимо, — ответил Ник. — Она больше никому не причинит зла.

Яна не стала спрашивать подробностей. Она поняла, что не хочет их знать. В мире, в котором они жили, была своя справедливость, свои законы, свои способы наказания. И эти способы не всегда были законными, но всегда были невероятно эффективными.

Кир на следующий день выглядел уставшим, но в его глазах горел тот самый огонек.

— Знаешь, Малая, — сказал он, когда они остались на-

едине, — я всегда думал, что самое страшное это умереть. Но сейчас я понимаю, что есть вещи похуже. Например, проснуться ночью и увидеть, как медсестра роется в твоих вещах. Это как-то... обидно. Особенно когда ты еще слаб и не можешь дать ей в глаз.

— Тебе не было страшно? — спросила Яна.

— Страшно? — Кир усмехнулся. — Малая, я почти умер от пуль. Медсестра-воришка это уже не страшно, это просто неприятно. Как комар, который кусает, когда ты и так весь в синяках.

Он замолчал, потом серьезно добавил:

— Но знаешь, что самое интересное? Ник не убил ее. Я слышал, как он с ней разговаривал. Он дал ей выбор: уйти и никогда не возвращаться или... ну, ты понимаешь. И она выбрала первое. Это удивительно. Я думал, что в нашем мире нет места милосердию. Особенно от килера. Но, видимо, я ошибался.

— Ник не монстр, — сказала Яна.

— Никто из нас не монстр, — ответил Кир. — Мы просто люди, которые вынуждены делать то, что другие не хотят или не могут делать. И иногда это значит быть жестоким. А иногда... иногда это значит дать второй шанс.

Он помолчал, потом улыбнулся:

— Хотя, признаюсь, я бы на месте Ника поступил жестче. Все-таки она пыталась обокрасть человека, который лежит с пулями в спине. Это как-то... неспортивно.

Яна рассмеялась, и этот смех был легким, свободным, таким, каким он не был уже давно. Кир смотрел на нее и улыбался, и в его глазах было что-то такое, что нельзя было назвать словами, но можно было почувствовать.

— Знаешь, Малая, — сказал он тихо, — ты принесла мне удачу. Я никогда не думал, что скажу это вслух, но это правда. Когда ты рядом, я выживаю. Даже когда все говорят, что это невозможно. Так что, видимо, ты мой личный талисман. Только, пожалуйста, не говори никому. У меня репутация крутого парня, а талисманы это как-то... не по-мужски.

— Твоя репутация в безопасности, — засмеялась Яна. — Никто не узнает, что великий Кир боится остаться без своего талисмана.

— Вот и отлично, — Кир усмехнулся. — А теперь иди, позови Ника. Мне нужно с ним поговорить. О том, что было ночью. И о том, что будет дальше.

Яна вышла из комнаты и нашла Ника в саду. Он стоял у старого дуба, смотрел на небо, и в его позе было что-то, что говорило о том, что он думает о чем-то важном.

— Кир хочет поговорить с тобой, — сказала Яна.

Ник кивнул, повернулся к ней, и в его глазах было что-то такое, что заставило ее почувствовать, как внутри у нее что-то ёкнуло.

— Ты не боишься? — спросил он вдруг.

— Чего?

— Того, что происходит. Того, что будет. Того, что мы

втянули тебя в это.

Яна помолчала, потом ответила:

— Я не боюсь. Потому что я знаю, что вы рядом. Потому что я знаю, что мы вместе. А вместе мы сила. Непобедимая сила.

Ник улыбнулся. Яна отметила, что он стал чаще улыбаться и ее это радовало.

— Ты права, — сказал он. — Вместе мы сила. И вместе мы пройдем через все. Что бы ни случилось.

Он пошел к дому, а Яна осталась стоять в саду, смотрела на небо, на деревья, на дом, в котором жили люди, которые стали для нее семьей. И она чувствовала, что это только начало. Что впереди еще много всего. Что Нефрит не отступится. Что будут новые враги, новые угрозы, новые испытания. Но она не боялась. Потому что теперь у нее были они. Кир, Ник, Тимур, Раф, Фанси, Сократ и Кабан. Семь элементов. Семь сил. Семь сердец, которые бьются в унисон.

И восьмой придет. Она знала это. Чувствовала это. И когда он придет, знак бесконечности замкнется. И баланс будет восстановлен.

А пока... пока нужно было жить. День за днем. Момент за моментом. Дышать полной грудью. Ценить каждое мгновение. И быть готовой ко всему, что приготовила судьба.

Потому что судьба не спрашивает, готов ли ты. Она просто приходит. И ты должен быть готов встретиться с ней лицом к лицу.

Яна глубоко вдохнула, выдохнула и пошла в дом. К дому. К семье. К своей судьбе.

Глава 24

Глава 24. Решение

Предупреждение: глава 16+

Читать под трек **«STAR THE LINE» OSTAVITSLED, spvcedream**

Кир поправился на удивление быстро. Врачи качали головами, говорили о крепком организме, о воле к жизни, о чем-то еще медицинском, но Яна знала настоящую причину. Он не мог позволить себе валяться слишком долго. Не потому что был слабым, а потому что был гордым. Бездействие для него было хуже боли. Он ненавидел быть тем, о ком заботятся, кого жалеют, кто лежит беспомощный. Поэтому через две недели после выписки он уже снова ходил с ней в школу, опираясь на трость, но с той же самой ухмылкой на лице, с тем же самым взглядом, который говорил миру: я еще здесь, я еще дышу, и вы ничего не можете с этим поделать.

Ник переехал в Коньково через три дня после того, как Кир вышел из больницы. Он не стал снимать квартиру в том же доме — это было бы слишком очевидно, слишком близко, слишком уязвимо. Вместо этого он нашел помещение в доме напротив, на четвертом этаже, с окнами, которые выходили прямо на школьный двор и на подъезд, где жила Яна. Квартира была пустой, если не считать стола, двух стульев, бинокля на подоконнике и карты района, приколотой кноп-

ками к стене. Никаких личных вещей. Никаких фотографий. Никаких следов того, что здесь кто-то живет. Только функция, работа, наблюдение.

Он вставал за час до рассвета, заваривал крепкий чай, садился у окна и начинал свой день. Он наблюдал, как просыпается район, как выходят первые машины, как дворник метет тротуар, как дети бегут в школу. Он запоминал все: номера машин, которые парковались во дворе, время, когда соседи выходили на работу, лица тех, кто часто появлялся в поле зрения. Он не вел записей — все хранилось в памяти, выверенной и натренированной, как механизм швейцарских часов.

Однажды Яна поднялась к нему после уроков. Она не постучала — просто открыла дверь, которую Ник никогда не запирал изнутри, и вошла. Он сидел у окна с чашкой чая в руке, не оборачиваясь, будто знал, что это она.

- Ты не спишь совсем? — спросила Яна, садясь на второй стул.

Ник повернул голову. В его глазах были темные круги, но взгляд оставался ясным, сфокусированным.

- Сплю, — ответил он просто. — Когда нужно.

- Ты должен отдыхать. Иначе сорвешься.

Он усмехнулся — редко, почти незаметно, но усмехнулся. Это была та самая улыбка, которую никто, кроме Яны, не видел. Тихая, печальная, но настоящая.

- Срываться нельзя, — сказал он. — Поэтому я иногда

сплю.

Она поняла. Не слова, а то, что было за ними. Ник нес ответственность. Не только за ее безопасность, но за что-то большее, что нельзя было назвать. За баланс, за порядок, за ту невидимую нить, которая связывала их всех. И он не позволял себе расслабиться, потому что знал: стоит ему отвлечься на секунду, и эта нить может оборваться.

— Чай с мятой, — сказала она, наливая. — Бабушка сказала, что он успокаивает.

Ник посмотрел на стаканчик, потом на нее. В его глазах мелькнуло что-то теплое, человеческое.

— Спасибо, — сказал он и сделал глоток.

Они сидели молча, смотрели на школьный двор, где несколько мальчишек гоняли мяч, несмотря на холод. Молчание не было неловким — оно было комфортным, как старое пальто, которое греет даже тогда, когда уже не защищает от ветра.

Но этот покой длился недолго.

Первым приехал Тимур. Его черная BMW бесшумно затормозила у подъезда, и через минуту тяжелые шаги прогремели на лестнице. Он вошел без стука, как всегда, его присутствие мгновенно изменило атмосферу квартиры, сделало пространство плотнее, серьезнее.

Вслед за ним подтянулись остальные. Сократ вместе с Киром приехали на старой Волге, ворча что-то про пробки и идиотов за рулем. Раф появился как всегда незаметно — Яна

даже не поняла, когда он вошел, просто вдруг увидела его стоящим у окна.

А потом, к всеобщему удивлению, пришел Фанси. Старик выбрался из особняка впервые за последние недели, и это само по себе было знаком. Когда Фанси покидал свое убежище, значит, происходило что-то действительно серьезное.

Они расселись в гостиной Ника. Тимур занял кресло у окна рядом со стоящим Сократом, Фанси устроился на диване, подложив под спину подушку. Кир ходил по комнате, не находя себе места. Раф стоял у стены, скрестив руки на груди. Ник сидел рядом с Яной, но чувствовалось, что он уже мысленно готовится к тому, что будет сказано.

— Ну что, — начал Тимур, закуривая трубку. — Ситуация известна. Нефрит перешел все границы. Он не просто угрожает. Он действует. Его люди уже дважды пытались выйти на наших людей. Один наш парень пропал без вести неделю назад. Мы знаем, что это его рук дело.

— Почему мы просто не уберем его? — спросил Кир, останавливаясь посреди комнаты. — Чего мы ждем?

— Потому что это не так просто, — ответил Раф спокойно. — Нефрит не дурак. Он окружил себя охраной. У него связи. Если мы просто придем и убьем его, это будет война. Полномасштабная война со всеми вытекающими.

— А сейчас что? — фыркнул Кир. — Не война? Он уже объявил нам войну. Просто мы делаем вид, что не замечаем.

— Мы должны быть умнее, — сказал Фанси тихо. Его го-

лос был слабым, но в нем все еще чувствовалась та сила, которая заставляла слушать. — Нельзя отвечать на силу силой. Нужно отвечать силой ума.

— Ум — это хорошо, — сказал Тимур, выпуская клуб дыма. — Но иногда ум должен подкрепляться действием. Мы не можем позволить ему продолжать. Он слишком много знает. Слишком много видит. Если он продолжит копать, он докопается до таких вещей, которые затронут не только нас.

Наступила тишина. Тяжелая, густая. Каждый думал о своем. О том, что поставлено на карту. О том, сколько людей может пострадать. О том, где проходит грань между защитой и агрессией.

— Мы могли бы подкупить кого-то из его людей, — предложил Раф. — Найти слабое звено.

— Уже пробовали, — покачал головой Тимур. — Нефрит хорошо платит. И еще лучше пугает. Его люди преданы ему не из любви. Из страха. А страх — это надежная веревка.

— Тогда нужно создать ситуацию, когда он сам сделает ошибку, — сказал Кир. — Заманить в ловушку.

— Какую ловушку? — спросил Раф. — Он не дурак. Он не пойдет туда, где чувствует опасность.

— Тогда нужно сделать так, чтобы он не почувствовал, — сказал Кир упрямо.

Они спорили еще долго. Предлагали варианты, отбрасывали их, возвращались снова. Говорили о том, как создать алиби, как замести следы, как сделать так, чтобы никто не

смог выйти на них. Но каждый предложенный план имел свои слабые места. Каждый вариант нес в себе риск.

Яна сидела молча, слушала, наблюдала. Она смотрела на их лица, видела, как напряжены их челюсти, как сжаты кулаки, как глубоко залегли морщины на лбах. Они боялись. Не за себя, а за нее. За то, во что она втянута. За то, что может случиться, если они ошибутся.

И она понимала их страх. Понимала их колебания. Понимала, почему они не могут принять решение. Потому что решение означало переступить черту. Означало взять на себя ответственность за чужую жизнь. Даже если эта жизнь была жизнью врага.

Но Яна не чувствовала колебаний и страха. Чувствовала только холодную, ясную уверенность в том, что должно быть сделано.

Нефрит перешел черту первым. Когда он послал своих людей за ней. Когда он угрожал тем, кто ей дорог. Когда он решил, что может играть с огнем и не обжечься.

Он ошибся.

И теперь ему придется заплатить за эту ошибку, решила она мысленно.

— Мы зашли в тупик, — сказал Тимур наконец, туша трубку. Его голос звучал устало. — У нас есть три дня. Три дня, прежде чем Нефрит сделает следующий ход. Если мы не действуем сейчас, мы потеряем инициативу навсегда.

Он помолчал, обвел взглядом комнату, остановил взгляд

на Яне.

— Ян, — обратился он тихо. — Что думаешь?

Все повернулись к ней. Кир, Раф, Фанси, Ник. Даже Тимур смотрел на нее с каким-то странным выражением лица. Не как на ребенка. Как на равную. Как на того, чье мнение имеет вес.

Яна медленно подняла голову. И в этот момент все заметили перемену.

Ее глаза изменились. Из ясных, детских глаз они превратились во что-то другое. Холодное. Хищное. Безжалостное. В них не было страха. Не было сомнений. Не было жалости. Только холодная, расчетливая решимость.

— Тут все просто, — сказала она тихо. Ее голос звучал ровно, без дрожи, без эмоций. — Нефрита пора убирать.

Повисла тишина. Густая, тяжелая. Авторитеты в комнате замерли, от неожиданности.

— Пусть ему не повезет, — продолжила Яна все тем же ровным голосом. — Пусть его машина взорвется. На Ленинградском шоссе. Где-нибудь между поворотом на Химки и мостом. Там, где нет камер. Где нет свидетелей. Где можно исчезнуть, не оставив следов.

Она говорила так спокойно, так буднично, словно обсуждала погоду или меню на ужин. Не убийство и не смерть. Просто техническую деталь. Просто необходимость.

Все смотрели на нее, не в силах отвести взгляд. Они видели, как изменилась Яна. Как исчезла девочка. Как появил-

ся кто-то другой. Кто-то, кто не знает жалости. Кто-то, кто готов сделать то, что необходимо.

— Он меня достал, — пожала плечами Яна, и в этом жесте было что-то до ужаса взрослое. — Пора отвечать за свои поступки. По-взрослому.

Кир первым нашел в себе силы заговорить.

— Ты... ты понимаешь, что предлагаешь? — спросил он, и в его голосе звучало не осуждение. Удивление. Восхищение. Отголоски страха.

— Понимаю, — кивнула Яна. — Он начал эту игру. Он думал, что может играть с нами. Думал, что мы будем бояться или прятаться. Что будем ждать, пока он сам не решит, когда нанести удар. — Она усмехнулась. Холодно. Безрадостно. — Он ошибся. Теперь он узнает, что значит играть с огнем.

Тимур смотрел на нее долго. Внимательно. Словно видел впервые.

— Ты готова к последствиям? — спросил он тихо.

— Я уже живу с этими последствиями, — ответила Яна. — С того момента, как он впервые угрожал мне. С того момента, как я поняла, что в этом мире нет безопасных мест. Нет правил, которые работают. — Она помолчала. — Я давно готова. Просто ждала момента.

Фанси заговорил первым после долгого молчания. Его голос был слабым, но в нем звучала та мудрость, которая приходит только с годами.

— Она права, — сказал старик. — Нефрит перешел черту.

Если мы не ответим, он поймет, что может продолжать. Что мы слабы. Что мы боимся. — Он покачал головой. — Страх — это худший советчик. Страх делает тебя уязвимым. Яна это понимает. Лучше, чем многие из нас.

Кир рассмеялся. Коротко. Резко.

— Знаете, а ведь она права, — сказал он, и в его голосе звучало что-то похожее на гордость. — Мы тут сидим, думаем, как бы сделать так, чтобы никого не задеть. Как бы решить все мирно. А она просто говорит: уберите его. Просто. Четко. Без лишних слов.

— Это не просто, — возразил Раф. — Это убийство.

— Это война, — поправила его Яна. — И в войне нет правил. Есть только победа или поражение. Жизнь или смерть. — Она посмотрела на каждого по очереди. — Нефрит выбрал свою сторону. Теперь мы выбираем свою.

Тимур кивнул медленно.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, мы согласны. Как мы это сделаем?

Яна усмехнулась.

— Вы профессионалы, — сказала она. — Вы знаете, как это делается. Вам не нужно, чтобы я объясняла детали. Вам нужно только решение. И оно принято.

Она встала, подошла к окну, посмотрела на школьный двор, где все еще бегали мальчишки.

— Сделайте так, чтобы это выглядело как несчастный случай, — сказала она, не оборачиваясь. — Как взрыв газового

баллона. У него же тачка с ГБО? Как короткое замыкание. Как угодно. Главное — чтобы никто не смог выйти на нас. Чтобы никто не смог доказать, что это мы.

— А если докажут? — спросил Раф.

Яна обернулась. В ее глазах горел тот самый холодный огонь.

— Тогда мы будем знать, что среди нас предатель, — сказала она тихо. — И тогда у нас будут другие проблемы.

Наступила тишина. Долгая. Тяжелая. Каждый думал о своем. О том, что они обсуждают. О том, что они планируют. О том, как изменится их жизнь после того, как это будет сделано.

— Ты действительно готова к этому? — повторил Тимур. — К тому, что после этого пути назад не будет?

Яна посмотрела на него. И в ее взгляде было что-то такое, отчего у Тимура пробежал холодок по спине.

— Пути назад не было с самого начала, — сказала она. — Я просто первая, кто это признала.

Она подошла к двери, остановилась.

— Сделайте это быстро, — сказала она, не оборачиваясь. — Без боли. Без страданий. Просто... конец.

Дверь закрылась за ней тихо. Почти бесшумно.

В комнате повисла тишина. Густая, тяжелая, насыщенная тем, что было сказано. Тем, что было решено. Тем, что должно было произойти.

Кир первым нарушил молчание.

— Ну что, — сказал он, и в его голосе звучало что-то похожее на восхищение. — Кто-нибудь еще чувствует, что только что стал свидетелем чего-то... важного?

— Она права, — сказал Тимур тихо. — Мы застряли. Думали, что можем решить все дипломатией. Что можем найти мирный выход. — Он усмехнулся. Горько. — Нефрит не понимает дипломатии. Он понимает только силу.

— Но она ребенок, — возразил Раф. — Мы не можем...

— Она не ребенок, — перебил его Фанси. — По крайней мере, не совсем. Она... другая. Она видит то, чего не видим мы. Понимает то, чего не понимаем мы. — Старик помолчал. — И она готова сделать то, на что у нас не хватает решимости.

Кир рассмеялся.

— Знаете, а ведь я предлагал тоже самое, — сказал он. — Мы слишком долго ждали. Слишком много думали. Пора действовать.

Тимур посмотрел на каждого по очереди.

— Хорошо, — сказал он. — Решено. Нефрит уходит. — Он помолчал. — Сделайте это чисто. Без следов. Без свидетелей. И ради бога, пусть это будет быстро.

Кир кивнул.

— Будет сделано, — сказал он.

Раф молчал. Смотрел в окно. Думал о том, что они только что решили. О том, как изменится их жизнь. О том, что пути назад действительно нет. О том, что одиннадцатилетняя де-

вочка только что спланировала убийство. Рафа передернуло.

— Мы монстры, — сказал он тихо.

— Нет, — возразил Тимур. — Мы выжившие. А выжившие делают то, что необходимо. Не то, что приятно.

Он встал, подошел к окну, посмотрел на улицу, где уже темнело.

— Приготовьтесь, — сказал он. — Завтра мы начинаем.

И в его голосе звучала та холодная решимость, которая не оставляла сомнений.

***

На следующий день в школе было оживленнее обычного. Кто-то принес свежий номер «Московского комсомольца», и газета переходила из рук в руки, как горячая картошка. На первой полосе, под броским заголовком, была фотография обгоревшего остова автомобиля и короткая заметка о том, что известный бурятский предприниматель Сергей Мун, известный в определенных кругах под кличкой Нефрит, погиб в результате взрыва своего бронированного автомобиля на Ленинградском шоссе.

Класс гудел. Все обсуждали, пересказывали, добавляли детали, которых не было в газете, но которые казались правдоподобными. Кто-то говорил, что Нефрит держал все рынки на севере Москвы. Кто-то утверждал, что у него были связи в правительстве. Кто-то шептал, что это была разборка между кланами, что кто-то не поделил сферы влияния.

Кир, который сидел на задней парте, листая какой-то жур-

нал, вдруг поднял голову.

- Знаете, в чем главная проблема криминального бизнеса? — спросил он, и в его голосе звучала та самая ирония, от которой учителя морщились, а ученики смеялись. — В том, что он не предусматривает пенсии. Ты либо умираешь богатым, либо умираешь молодым. Третьего не дано. Нефрит, судя по всему, выбрал первый вариант.

Яна, которая сидела рядом, повернулась к нему.

- Ты думаешь, это была месть? - спросила она специально громко, заметив как одноклассники к ним прислушиваются.

- Месть? — Кир рассмеялся, но смех был сухим, без веселья. — Месть это когда ты убиваешь того, кто убил твоего брата. Это личное. Здесь же все проще и сложнее одновременно. Здесь речь идет о балансе сил. Когда кто-то становится слишком сильным, слишком богатым, слишком заметным, остальные начинают нервничать. И они делают то, что делают всегда в таких случаях — убирают того, кто нарушил негласное равновесие.

- Ты говоришь так, будто сам там был, — заметил кто-то из одноклассников.

Кир пожал плечами.

- Я просто читаю газеты. И вижу закономерности. Человек, который строит свою империю на страхе, рано или поздно становится заложником этого страха. Он не может доверять никому, потому что знает: все вокруг боятся его и, следовательно, хотят его смерти. Он нанимает охрану, ставит

камеры, бронированные машины, но все это не помогает. Потому что самая большая угроза приходит не снаружи. Она приходит изнутри. От того, кому ты доверял. Кого считал своим.

Яна слушала, и в ее голове что-то щелкало. Не страх, не ужас, а понимание. То самое понимание структуры, о котором говорил Фанси. Она видела не просто смерть человека. Она видела систему, которая перемалывала тех, кто пытался ее обмануть, кто пытался стать больше, чем позволяли правила.

В этот момент зазвонил звонок. Не школьный, а мобильный. Кир достал его из кармана, посмотрел на экран, и его лицо изменилось. Исчезла ирония, исчезла ухмылка. Осталась только сосредоточенность, та самая, которая появлялась у него в моменты опасности.

- Это Тимур, — сказал он тихо, поднимаясь. — Мне нужно выйти.

Он вышел из класса, и Яна видела через окно, как он быстро пошел к машине, которая уже стояла у ворот. Через минуту он вернулся, но уже не один — с ним был Ник. Они о чем-то быстро поговорили с учителем, и тот кивнул, отпуская их.

- Поехали, — сказал Кир Яне. — Тимур хочет нас видеть. Срочно.

***

В особняке пахло кофе и чем-то еще — напряжением, ко-

торое висело в воздухе, как перед грозой. Тимур стоял у камина, держа в руках чашку, которую так и не поднес ко рту. Раф сидел в кресле, перебирая какие-то бумаги. Сократ стоял у окна, спиной к комнате, будто охраняя их даже здесь, внутри дома.

- Ты сделал хорошую работу, — сказал Тимур, когда они вошли. Он смотрел на Ника, и в его голосе было что-то большее, чем просто благодарность. Было признание. Было понимание той цены, которую пришлось заплатить.

Ник обернулся. Его лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то похожее на облегчение.

- Он страдал? — спросила Яна тихо.

Тимур помолчал секунду.

- Нет. Он ничего не понял. Машина взорвалась мгновенно.

- Это хорошо, — кивнула Яна. — Никто не должен страдать. Даже такие, как он.

Тимур кивнул, потом перевел взгляд на Кира.

- У нас мало времени, — сказал он. — Нефрит был не просто бизнесменом. Он был частью большой игры. И его смерть — это только начало. Те, кто стоял за ним, не оставят это просто так. Они будут искать виноватых. И они найдут нас.

- Так что мы делаем? — спросил Кир, садясь на диван и морщась от боли в боку.

- Мы уезжаем, — сказал Тимур просто. — На время. Пока

все не уляжется.

- Куда? - лениво поинтересовался Сократ.

- В Грузию, - припечатал Тимур.

Повисла тишина. Даже Кир перестал улыбаться.

- В Грузию? — шокировано переспросила Яна. — Зачем?

- Там у меня есть люди. Старые друзья. Те, кто помнит, что такое честь. Там мы будем в безопасности. Там мы сможем перегруппироваться. И там, — Тимур сделал паузу, — мы найдем то, что ищем.

- Что мы ищем? — спросил Ник.

Тимур посмотрел на каждого из них по очереди.

- Ответы. И восьмого, как считает Карма.

Яна почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Карма. Ее впервые так назвали вслух. Восьмой. Тот, о ком она говорила Нику. Тот, кто должен был замкнуть круг.

- Ты думаешь, он там? — спросила она тихо.

- Я надеюсь, — сказал Тимур. — И я готов рискнуть всем, чтобы узнать.

Кир свистнул.

- Ну что ж, Грузия так Грузия. Я всегда хотел попробовать настоящее хачапури. И, — он усмехнулся, — я слышал, грузинские женщины очень темпераментные. Может, найду там свою судьбу.

- Твоя судьба это пуля в лоб, — сказал Раф, не поднимая головы от бумаг.

- Оптимист, — фыркнул Кир.

Тимур подошел к Яне.

- Ты поедешь с нами, — сказал он. - Это не вопрос. Это констатация факта.

Яна кивнула. Она не боялась. Странно, но она действительно не боялась. Было волнение, было предчувствие чего-то важного, но не страх.

- Когда мы едем? — спросила она.

- Завтра утром. У вас есть ночь, чтобы собрать вещи. И, — Тимур усмехнулся, — чтобы попрощаться с теми, кто должен знать.

- С бабушкой? — уточнила Яна.

- С бабушкой, — подтвердил Тимур. — И со школой. Хотя, — он усмехнулся, — сомневаюсь, что школа будет сильно скучать.

Кир рассмеялся.

- Они точно не будут скучать. Особенно после того, как я объяснил учителю истории, почему Римская империя пала на самом деле.

- Почему же? — спросил Раф, наконец поднимая голову.

- Потому что они слишком много времени тратили на вечеринки и слишком мало на оборону. Звучит знакомо, не правда ли?

Все рассмеялись, даже Ник. Это был редкий звук — смех Ника, тихий, почти незаметный, но искренний. И Яна почувствовала, как внутри у нее что-то теплое разлилось. Они были вместе. Они были семьей. И ничто не могло этого из-

менить.

***

Квартира на Профсоюзной сегодня дышала непривычной, почти звенящей пустотой. Отсутствие взрослых всегда меняло акустику пространства, делало воздух более свободным, позволяя звукам гулять по коридорам без преград. Мама — Елена Борисовна Карманова, биохимик, кандидат наук, работала в одном из неаполитанских институтов в трихологическом направлении. Она изучала структуру волос, их рост, влияние различных факторов на здоровье кожи головы. Её руки помнили каждый эксперимент, каждую пробирку, каждый микроскоп. Она уехала в Италию на стажировку, которая должна была продлиться несколько лет. «Это важный проект, — говорила она по телефону, — международное сотрудничество. Я должна быть здесь». Её голос звучал одновременно и взволнованно, и отстранённо. Она скучала по дочери — Яна чувствовала это в редких звонках, в коротких сообщениях. Но работа была для мамы не просто работой. Это было призвание. Это было пространство, где она чувствовала себя нужной, компетентной, значимой. И Яна понимала это. Не сердилась и не обижалась. Некогда было.

Папа уехал в Минск на закрытый симпозиум по биохимии старения, где ему предстояло выступать с докладом перед коллегами из СНГ. Дедушка с бабушкой по маминой линии еще в феврале укатили в Лысьву, где они в поте лица готовили ящики с рассадой к новому дачному сезону, пол-

ностью игнорируя московскую слякоть и городскую суету. В результате в трехкомнатной квартире остались только Яна и бабушка Катя, мамина свекровь, женщина удивительной и очень избирательной жизненной философии.

Баба Катя была добра, но ее доброта и внимание имели крайне узкую направленность. Бабушка Катя обожала сериал «Санта Барбара». Каждый вечер она усаживалась перед телевизором, заваривала крепкий чай, доставала блокнот и тщательно записывала сюжетные повороты, имена персонажей, их интриги. «Там такие сложные отношения, — говорила она, — настоящие человеческие драмы». Она знала наизусть все перипетии жизни Кэпвеллов, все любовные треугольники, все семейные тайны. И когда Яна получала книги от папы, бабушка смотрела на них с лёгким неодобрением: «Книги — это хорошо, деточка. Но жизнь — она в сериалах. Там всё по-настоящему».

Яна вышла из своей комнаты с небольшим, темно-синим рюкзаком. Рюкзак был собран с педантичной аккуратностью, свойственной ей в последние месяцы. Внутри лежали две сменные футболки, тонкая флисовая кофта, дорожная аптечка, которую собирал Ник, и пара книг в мягкой обложке. Никаких кукол, никаких лишних мелочей, никаких сувениров для подружек. Только то, что могло понадобиться в дороге и на месте. На самом дне, вшитом в подкладку потайном кармашке, лежал тяжелый латунный компас дедушки Фанси и маленькая бархатная коробочка с кольцом от Сократа.

На кухне пахло вареной говядиной и разваренным рисом. Катя стояла у плиты, помешивая кашу. Увидев внучку, женщина оторвалась от кастрюли, вытерла руки о цветастый фартук и посмотрела на нее поверх очков.

- Собираешься, значит? - сказала она, кивая на рюкзак. - В Ленинград поедешь.

- В Санкт-Петербург, бабушка, - спокойно поправила Яна. - Мы же с классом на олимпиаду по литературе и экскурсию.

Катя махнула рукой, не придавая значения географическим нюансам. Для нее разница между Ленинградом и Петербургом была абсолютно несущественной. Главное, что ребенок уезжал на целых две недели, и ей не придется готовить завтраки и слушать бесконечные споры о школьных учителях.

Легенда была выстроена безупречно. Раф и Сократ не любили импровизаций, поэтому подготовка к отъезду началась еще неделю назад. Олимпиада по литературе и истории, организованная элитным московским лицеем, требовала от участников проживания в закрытом пансионате под Петербургом. Родительское согласие, оформленное по всем правилам, лежало на кухонном столе. Бланк был настоящим, печать школы была настоящей, но подпись классного руководителя была подделана с такой ювелирной точностью, что даже опытный эксперт не нашел бы разницы.

- Распишись здесь, - сказала Яна, придвинув бланк к краю стола.

Катя взяла шариковую ручку, даже не глянув на мелкий шрифт. Она доверяла системе образования. Если школа отправляет, значит, так надо. Тем более что Яна всегда была хорошисткой, и поездки на олимпиады были для нее делом привычным. Женщина чиркнула своей размашистой, привычной к подписыванию квитанций ЖКХ подписью и вернула бланк.

- Все, свободна.

Баба Катя уже была занята мыслями о том, как дела у Иден и Круза и помирятся ли они в сегодняшней серии или нет.

Мама сейчас, наверное, пила эспрессо в каком-нибудь итальянском кафе, обсуждая с коллегами влияние трипептидов меди на регенерацию волосяных фолликулов. Папа стоял у трибуны в минском университете, объясняя коллегам механизмы клеточного старения. Они жили в своем мире, полном логики, расписаний и научных гипотез. Они даже не подозревали, что их дочь шагнула в пространство, где логика уступала место интуиции, а расписания диктовались не звонками, а внезапными угрозами. Яна не винила их. Она просто приняла этот разрыв как данность. Она любила их, но уже не нуждалась в их опеке, потому что нашла тех, кто мог защитить ее от настоящей тьмы.

Яна вернулась в комнату, застегнула куртку на все молнии. Оставалось только ждать. Сократ сказал, что за ней заедет Кир. Красный мустанг должен был свернуть во двор ровно в семь вечера.

Девочка села на широкий подоконник. Стекло было холодным, оно холодило ладони, заземляя, возвращая в физическую реальность. За окном двор выглядел совершенно обыденно. Соседские мальчишки пинали рваный мяч у гаражей, какая-то женщина в длинном пуховике выгуливала таксу, двое подростков курили за углом подъезда. Никто из прохожих даже не догадывался, что девочка, спокойно сидящая на окне одной из квартир, через пару часов окажется в совершенно другом измерении. В том месте, где не существовало олимпиад и пансионатов. Где вместо учителей были Тимур и Фанси, а вместо школьных учебников — неписаные законы улицы, кодексы чести и кармы.

В квартире царила бытовая тишина, нарушаемая бормотанием Кати, которая хвалила пса из газет за хороший аппетит. Яна закрыла глаза. Она чувствовала, как внутри нее натягивается та самая невидимая нить, о которой говорил Сократ. Нить, которая тянулась от Коньково к югу, к Тбилиси, к горам. Она готовилась к тому, чтобы пересечь границу своей обычной жизни.

В кармане куртки завибрировал телефон. Простая кнопочная Нокиа, выданная Рафом. Никаких сим-карт на ее имя, только чистый, анонимный сигнал.

Яна достала телефон, нажала на кнопку ответа.

- Во дворе, - раздался голос Кира. В нем не было привычной иронии, только сухая, деловая констатация. - Спускайся.

Яна положила трубку в карман. Она встала с подоконни-

ка, поправила лямку рюкзака, проверяя, не давит ли она на плечо.

- Бабушка, я пошла, - крикнула она в сторону кухни. - Автобус ждет у ворот школы.

- Давай, давай, - донеслось в ответ. - Не забудь шапку, в Питере сыро и ветрено! И не звони по ночам, я сплю!

Яна не стала возражать. Она шагнула в прихожую, мягко закрыла за собой входную дверь, стараясь не хлопнуть.

Когда она вышла из подъезда, холодный воздух ударил в лицо, пахнув мокрой пылью и весной. У первого этажа, прямо у входа, стоял красный мустанг. Двигатель работал тихо, почти неслышно. Задняя дверь была приоткрыта, приглашая внутрь.

Кир сидел за рулем. Он не обернулся, но Яна знала, что он уже оценил ее состояние, ее рюкзак, ее шаг, ее готовность.

- Ну что, школьница, - сказал он, когда она захлопнула дверь и пристегнулась. - Олимпиада по выживанию начинается.

Машина тронулась, плавно вливаясь в вечерний поток. Двор остался позади. Яна посмотрела в зеркало заднего вида. Окно ее квартиры уже терялось в сумерках. Там осталась бабушка Катя. Там осталась Москва с ее суетой и иллюзиями.

Впереди была долгая дорога. И Кир не шутил. Это была не поездка в Петербург. Это было начало пути, который не проходил по школьным учебникам. Грузия ждала. И Яна знала,

что обратно она вернется уже совсем другой девочкой.

***

В особняке все было готово. Чемоданы стояли у входа, документы были собраны, билеты куплены. Тимур встретил ее в прихожей.

- Все в порядке? — спросил он.

- Да, — кивнула Яна. — Бабушка отпустила.

- Хорошо, — Тимур положил руку ей на плечо. — Завтра будет долгий день. Постарайся выспаться.

- Я не смогу спать, — призналась Яна. — Слишком много всего.

Тимур усмехнулся.

- Я понимаю. Я тоже не спал перед своей первой... операцией.

- Какой операцией?

Тимур помолчал.

- Это неважно. Важно то, что ты должна знать: завтра мы делаем шаг, из которого нет возврата. Ты понимаешь?

Яна кивнула.

- Понимаю.

- Хорошо, — Тимур посмотрел на нее долгим взглядом. — Тогда иди отдыхай. Завтра нам понадобится вся твоя сила.

Яна поднялась к себе в комнату, но спать не легла. Вместо этого она подошла к окну, открыла его и глубоко вдохнула холодный ночной воздух.

Она думала о Грузии. О горах, о которых читала в книгах. О вине, о котором говорил Кир. О людях, которых они должны были встретить. И о шестом. О том, кто должен был замкнуть круг.

Кто он? Как он выглядит? Почему именно он?

Вопросов было больше, чем ответов. Но Яна не боялась неопределенности. Она научилась жить с ней, научилась находить в ней не угрозу, а возможность.

За спиной скрипнула дверь. Она обернулась. В проеме стоял Ник.

- Не спишь? — спросил он.

- Нет, — Яна усмехнулась. — А ты?

- Тоже.

Он вошел в комнату, закрыл за собой дверь, подошел к окну. Они стояли молча, смотрели на ночное небо, на редкие звезды, которые пробивались сквозь городской свет.

- Ты боишься? — спросил Ник вдруг.

Яна подумала.

- Нет, — сказала она честно. — Я волнуюсь. Но не боюсь.

- Почему?

- Потому что ты со мной.

Ник повернулся к ней. В его глазах было что-то такое, что заставило ее сердце забиться чаще.

- Я.. мы.. не всегда можем быть рядом всегда, — сказал он тихо. — Завтра может случиться все, что угодно. И ты должна быть готова к этому.

- Я готова, — сказала Яна. И она действительно была готова.

Ник кивнул, потом достал из кармана что-то маленькое, протянул ей.

- Это тебе, — сказал он.

Яна взяла. Это был маленький нож, складной, с черной рукояткой.

- Это не подарок. Это необходимость. Ты должна уметь защищать себя.

- Но я не умею...

- Научишься, — сказал Ник просто. — Кир научит. Или я.

Яна посмотрела на нож, потом на Ника.

- Спасибо, — сказала она тихо.

Ник кивнул, потом вдруг улыбнулся. Той самой редкой улыбкой, которую видела только она.

- Ты сильная, Яна, — сказал он. — Сильнее, чем думаешь.

Они стояли молча, смотрели на небо, и Яна чувствовала, как между ними натягивается невидимая нить. Не та, о которой она говорила раньше. Другая. Более личная. Более важная.

- Завтра все изменится, — сказал Ник.

- Да, — согласилась Яна. — Но это хорошо.

- Почему?

- Потому что перемены это жизнь. А жизнь это то, ради чего стоит бороться.

Ник посмотрел на нее, и в его глазах было что-то похожее

на гордость.

- Ты права, — сказал он. — Иди спать. Завтра будет долгий день.

- Да, — Яна спрятала нож в карман. — Спокойной ночи, Ник.

- Спокойной ночи, милая, — сказал он и вышел.

Яна закрыла окно, легла в кровать, закрыла глаза. И хотя она сказала, что не сможет спать, сон пришел быстро. Ей снились горы. Высокие, заснеженные, величественные. И она шла к ним, не одна — с Киром, с Ником, с Тимуром, со всеми, кто стал ей семьей. И они шли вместе, плечом к плечу, шаг за шагом, к чему-то важному, к чему-то, что ждало их там, за горизонтом.

А утром, когда солнце только начало подниматься над Москвой, они сели в машину и поехали в аэропорт. Яна смотрела в окно на проплывающий мимо город, на дома, на людей, на жизнь, которая продолжалась.

Она не знала, что их ждет в Грузии. Не знала, найдут ли они восьмого. Не знала, смогут ли они выжить.

Но она знала одно: они вместе. А значит, у них есть шанс.

И Яна улыбнулась.

Потому что жизнь это не то, что с тобой происходит. Это то, как ты на это реагируешь.

А она выбрала реагировать смело.

Выбрала жить.

Выбрала идти вперед.

Всегда вперед.

И где-то там, впереди, за горами, за облаками, за горизонтом, их ждало что-то. Что-то важное. Что-то, что изменит все.

Но это будет завтра.

А сегодня они просто летели.

Вместе.

И этого было достаточно.

Глава 25

Глава 25. Полет

Читать под трек **«EVIL» shxdeli, xxiene**

Предупреждение. Глава содержит сцены психологического и физического насилия, а также элементы триллера. Рекомендовано для читателей старше шестнадцати лет.

Двадцать первое февраля тысяча девятьсот девяносто седьмого года выдалось на редкость морозным, даже для Москвы, которая к этому времени уже привыкла к капризам зимы. Воздух на частном аэродроме был настолько холодным, что дыхание мгновенно превращалось в ледяную пыль, оседающую на ресницах и воротниках. Тимур организовал перелет без лишнего шума. Никаких общих терминалов, никаких очередей, никаких любопытных взглядов. Черный Bombardier Challenger, стоявший на взлетной полосе, напоминал хищную птицу, свернувшуюся перед прыжком. Его темный, почти матовый корпус поглощал свет редкого февральского солнца, а двигатели уже издавали тот низкий, вибрирующий гул, который чувствуется не ушами, а грудной клеткой.

Яна поднялась по трапу последней, запахнув куртку до самого подбородка. В свои одиннадцать лет она выросла резко, вытянувшись так, что продавцы школьной формы уже давно отказывались подбирать ей размер, а одноклассники смотре-

ли на нее с той смесью зависти и непонимания, которая свойственна подросткам, столкнувшимся с чужим ранним развитием. Она выглядела лет на пятнадцать, и это обстоятельство, которое раньше казалось ей просто неудобным, сегодня несло в себе скрытую, липкую угрозу.

Внутри салон был обшит темным деревом и кремовой кожей. Воздух пах дорогим кофе, озоном и чем-то неуловимо сладким, как будто здесь всегда цвели цветы, независимо от того, на какой высоте находился самолет. Тимур, Фанси и Сократ расположились в дальней части салона, в своеобразном кабинете, за массивным столом, где уже лежали карты и папки с документами. Они сразу же ушли в свои разговоры, создавая вокруг себя невидимый купол закрытости.

Яна прошла к своему месту, где уже сидел Кир. Он откинулся на спинку кресла, закинув ногу на ногу, и с усмешкой следил за тем, как стюард раскладывает хрустальные бокалы. Напротив, через узкий проход, сидел Ник. Рядом с ним, у иллюминатора, устроился Раф. Ник не смотрел ни на стюарда, ни на Кира. Его взгляд был прикован к Яне. В нем не было той привычной, холодной отстраненности, которую он демонстрировал врагам. В его глазах читалось что-то другое. Что-то напряженное, почти болезненное. Он чувствовал ее кожей. Каждый раз, когда она меняла положение, когда вздрагивала от громкого звука турбин, его мышцы непроизвольно напрягались. Для Ника она не была просто ребенком, которого нужно охранять. Она была частью его собственной

нервной системы, вынесенной наружу. И эта мысль пугала его больше, чем любой приставленный к виску ствол.

Бортпроводников было двое. Стюардесса, девушка с легкой улыбкой и быстрыми руками, и стюард по имени Виктор. Виктор был высоким, широкоплечим, с той самой уверенной, слегка наглой ухмылкой, которая часто встречается у мужчин, привыкших получать желаемое без особых усилий. На нем была идеально отглаженная форма, а от него самого пахло тяжелым, сладковатым парфюмом, который в замкнутом пространстве салона казался удушающим.

- Добрый день, дама и господа, - произнес Виктор, его голос был бархатным, с легкой хрипотцой. - Меня зовут Виктор, и я буду отвечать за ваш комфорт на протяжении этого перелета. Если вам понадобится что-то, просто нажмите кнопку вызова.

Он прошел по салону, предлагая напитки. Когда он остановился рядом с Яной, его взгляд скользнул по ней, задержавшись на ее лице, затем опустился ниже, и в его глазах мелькнула та самая искра, которую Яна уже научилась узнавать. Это был не взгляд взрослого на ребенка. Это был взгляд мужчины на женщину. И от этого взгляда по спине Яны пробежал холодок, который не имел ничего общего с февральским морозом за бортом.

- Что для вас приготовить, мадемуазель? - спросил Виктор, наклоняясь чуть ближе, чем требовал этикет. - У нас есть отличный апельсиновый фреш, или, может быть, вы

предпочитаете что-то покрепче? Шучу, конечно, - добавил он, подмигивая. - Для такой красивой девушки у нас найдется и шампанское.

Яна вжалась в спинку кресла. Ее пальцы инстинктивно сжали подлокотники. Она хотела сказать, что ей просто воду, но голос застрял в горле. Она чувствовала себя загнанной. Его запах был слишком резким, его улыбка слишком широкой, а пространство между ними резко стало слишком маленьким.

- Ей апельсиновый, но разбавленный газировкой, и без льда, - вмешался Кир. Его голос прозвучал ровно, но в этой ровности было столько стали, что стюард невольно выпрямился. - И принеси ей плед. У нас тут юная леди, а не звезда подиума. Так что давай поменьше слащавых улыбок и побольше сервиса, дружище.

Виктор усмехнулся, но в его глазах промелькнуло раздражение.

- Как скажете, сэр, - ответил он, выпрямляясь. - Но я просто хотел убедиться, что нашей самой очаровательной пассажирке комфортно.

- Комфорт ей обеспечу я, - ответил Кир, не меняя позы, но его взгляд стал тяжелым. - А ты просто неси сок.

Виктор пожал плечами и отошел. Яна выдохнула, чувствуя, как дрожат колени. Кир тихо положил руку на ее плечо. Его ладонь была теплой и тяжелой.

- Все хорошо, малая, - сказал он тихо, так, чтобы слышала

только она. - Этот клоун просто не знает границ. Не обращай внимания. Посмотри на меня. Ты в безопасности.

Яна кивнула, но она не могла расслабиться. Она почувствовала на себе другой взгляд. Она подняла глаза и посмотрела через проход. Ник сидел абсолютно неподвижно. Его руки лежали на коленях, но Яна заметила, что костяшки его пальцев побелели. Он не смотрел на Виктора. Он смотрел на нее. И в его взгляде была такая темная, вязкая ярость, что Яна на секунду забыла, как дышать. Это была не просто злость. Это была готовность убить. Прямо здесь. Прямо сейчас. В воздухе.

Самолет набрал высоту, и гул двигателей стал более ровным, убаюкивающим. Стюардесса принесла легкий ланч. Виктор снова подошел к их ряду, чтобы уточнить, все ли в порядке с напитками. Он снова наклонился к Яне, его рука случайно задела ее колено. Он не отстранился сразу. Он задержал руку на секунду дольше, чем было необходимо.

- У вас красивые ножки, - сказал он тихо, почти шепотом, его губы были опасно близко к ее уху. - Для вашего возраста, конечно. Но вы выглядите так, будто вам уже можно ходить в клубы. Может, когда приземлимся, выпьем кофе? В Тбилиси есть отличные места, где я бываю часто.

Яна отшатнулась, ее щеки залило краской. Не от стыда. От ужаса. От омерзения. Она не понимала, что делать. Она не умела давать отпор таким мужчинам. В ее мире были Сократ, Тимур, Кир, Ник. В ее мире мужчины либо защищали,

либо убивали. И ее мужчины всегда чтили воровской кодекс, где слово честь была законом. А этот... этот был гиеной, который прятался за улыбкой и униформой.

- Виктор, отойди от нее, - чуть громче сказал Кир. В его голосе уже не было иронии. Только холодная, убийственная ясность. - Последнее предупреждение. Ты не понимаешь, с кем связался, но я тебе объясню. Если твоя рука еще раз коснется того, что тебе не принадлежит, ты не долетишь до Тбилиси. Тебя выкинут из этого самолета без парашюта, и я лично прослежу, чтобы твои останки даже собаки не нашли. Понял?

Виктор выпрямился, его лицо потемнело. Он хотел что-то ответить, но взглянул на Ника. Ник медленно повернул голову. Он не сказал ни слова. Он просто посмотрел на Виктора. И в этом взгляде Виктор увидел свою смерть. Не метафорическую. Абсолютную, неизбежную, близкую смерть. Стюард сглотнул, кивнул и быстро ретировался в хвост салона.

Яна сидела, не двигаясь. Ее дыхание было сбивчивым. Кир налил ей воды из своего стакана.

- Пей, - сказал он мягко. - Гадюка он, конечно, но лететь еще долго. Не давай ему испортить тебе настроение. Я прослежу за ним.

Но напряжение в салоне не спало. Оно висело в воздухе, как электрический разряд перед грозой. Ник продолжал смотреть на Яну. Он чувствовал, как ее аура, обычно такая чистая и ровная, теперь была рваной, запятнанной чужим

грязным вниманием. Для Ника, который всю жизнь жил в мире, где все было либо черным, либо белым, где все решалось силой или хитростью, это было невыносимо. Он не мог просто сидеть и просто смотреть. Он чувствовал физическую боль в груди, словно кто-то сжимал его сердце в тиски. Он хотел разорвать Виктора на части. Но он был в воздухе. Он был связан правилами, которые сам же и установил. И это сводило его с ума.

Прошло около часа. Яна почувствовала, что ее тошнит. Не от турбулентности. От того липкого, сладкого запаха парфюма Виктора, который, казалось, въелся в кожу салона. От того взгляда, который она все еще чувствовала на своей спине.

- Я... я пойду умоюсь, - тихо сказала она Киру.

Кир кивнул.

- Иди. Дверь в конце коридора.

Яна встала. Ее ноги были ватными. Она прошла по узкому проходу, стараясь не смотреть в сторону хвоста салона, где, как она знала, находился Виктор. Она толкнула дверь туалета, вошла, закрылась на задвижку. Включила свет. Маленькое зеркало отразило ее бледное лицо. Она открыла кран, плеснула холодной водой на лицо. Глубоко вдохнула. Выдохнула. Все хорошо. Просто дурак. Просто глупый, пошлый дурак.

Она повернулась, чтобы выйти. И в этот момент ручка двери дернулась. Замок щелкнул. Дверь распахнулась, ударившись о стену.

Виктор стоял в проходе. Его улыбка исчезла. В его глазах была та самая, животная похоть, которую он больше не пытался скрывать. Он шагнул внутрь, толкнув Яну так, что она отлетела к раковине.

- Ты чего такая недотрога, а? - прошипел он, нависая над ней. - В салоне все заняты. Твои дружки пьют коньяк. Никто не услышит. Давай, красавица, не ломайся. Ты сама знаешь, чего хочешь.

Он схватил ее за плечи. Его пальцы впились в ткань ее свитера. Яна закричала, но звук потонул в гуле двигателей. Виктор навалился на нее, его рука легла ей на рот, зажимая губы, давя на нос. Запах его пота и алкоголя ударил ей в голову. Он стал лапать ее, его руки скользили по талии, поднимаясь выше. Яна извивалась, пытаясь вырваться, царапая его руки, брыкаясь ногами, но он был слишком тяжелым, слишком сильным. Страх парализовал ее. Она чувствовала, как темнота подступает к краям зрения..

А в это время в салоне самолета Раф наклонился к Нику.

- Эй, Удав, - сказал он тихо. - Ты чего застыл? Ты ее ждешь уже десять минут. Девчонка в туалет пошла. Сходи, проверь, не упала ли там. А то ты меня уже своим молчанием достал.

Ник моргнул. Словно очнулся от транса. Он посмотрел на пустое кресло Яны. Его сердце пропустило удар, а затем начало колотиться так сильно, что он чувствовал вибрацию в ребрах. Десять минут. Слишком долго. Слишком тихо.

Он не ответил Рафу. Он просто исчез. Его движение бы-

ло настолько быстрым, настолько лишенным суеты, что Раф даже не успел проследить за ним. Ник прошел по проходу, его шаги были абсолютно бесшумными. Он подошел к двери туалета. Она была приоткрыта. Замок был сломан.

Ник толкнул дверь.

То, что он увидел, заставило его мир сузиться до одной единственной, красной точки. Виктор нависал над Яной. Ее свитер и футболка были задраны. Ее глаза были полны слез и абсолютного, животного ужаса. Рука Виктора зажимала ее рот. Белоснежная оголенная кожа живота девочки сработала для Ника как красная тряпка для быка.

Время остановилось. Для Ника не существовало больше ничего. Не существовало самолета. Не существовало Тимура. Не существовало правил.

Существовал только он, она и тот, кто посмел прикоснуться к ней.

Ник не кричал. Он не рычал. Он действовал с той пугающей, хирургической точностью, которая свойственна только профессионалам высочайшего класса. Он схватил Виктора за волосы, рванул его голову назад с такой силой, что послышался хруст позвонков. Виктор разжал руку, захрипел. Ник ударил его коленом в живот, затем в грудную клетку. Виктор согнулся. Ник схватил его за горло, сжал пальцы так, что вены на его собственных руках вздулись, и швырнул стюарда на пол.

Виктор попытался встать, но Ник наступил ему на грудь.

Он наклонился, его лицо было в сантиметре от лица Виктора.

- Ты тронул ее, - прошептал Ник. Его голос был тихим, но в нем было столько яда, что Виктор заплакал от одного только звука. - Ты тронул то, что тебе не принадлежит.

Ник поднял Виктора, как куклу, и выбросил его из туалета в проход. Сам он шагнул к Яне. Она сидела на полу, прижав колени к груди, трясясь так сильно, что зубы стучали. Ее блузка была порвана на плече.

Ник опустился на колени. Его руки, которые только что ломали кости, теперь дрожали. Он не смел коснуться ее. Он боялся, что его прикосновение теперь будет таким же грязным, как прикосновение Виктора.

- Родная… - прошептал он. Его голос сорвался. - Посмотри на меня.

Яна медленно подняла глаза. В них не было узнавания. Только страх.

Ник сглотнул. Ему нужно было вывести ее отсюда. Прямо сейчас. Но они были в воздухе. Он не мог просто открыть дверь. Он не мог телепортировать ее на землю. Эта мысль сводила его с ума. Он стиснул зубы так сильно, что челюсть заныла.

Он аккуратно поднял ее на руки. Она была легкой, как перышко, но для него сейчас она весила больше, чем весь мир. Он вышел из туалета, неся ее на руках.

В салоне Кир уже стоял. Он увидел Ника, увидел Яну в

его руках, увидел ее порванную одежду, ее заплаканное лицо. Лицо Кира изменилось. Исчезла вся ирония, вся расслабленность. Осталась только холодная, концентрированная ярость.

- Ник, - сказал Кир тихо. - Что он сделал?

Ник не ответил. Он просто передал Яну Киру. Его руки были пустыми, но его кулаки были сжаты так, что ногти впились в ладони, оставляя кровавые полумесяцы.

Кир принял Яну, прижал к себе, накрыл своей курткой. Он сел в кресло, усадил ее к себе на колени, закрыл ее лицо своим плечом, пряча от взглядов других людей.

- Все хорошо, родная, - шептал он, качая ее, как маленькую. - Все хорошо. Я здесь. Никто тебя не тронет. Слышишь? Никто. Я куплю тебе все магазины в Грузии. Я куплю тебе все шелка в Тбилиси, только перестань дрожать. Пожалуйста, перестань дрожать.

Яна вцепилась в его рубашку. Ее пальцы побелели. Она не могла говорить. Она не могла даже плакать. Она просто тряслась, уткнувшись лицом в его плечо. Ей было стыдно. Дико, невыносимо стыдно. Хотя она понимала умом, что не виновата, но ее тело реагировало так, словно она сделала что-то ужасное. Она не могла поднять глаза. Она боялась посмотреть на Кира. Боялась посмотреть на Ника. Боялась, что они увидят в ней что-то грязное.

Ник стоял посреди прохода. Он смотрел на туалет. Виктор лежал на полу, хрипя, пытаясь встать. Ник медленно по-

дошел к нему.

В это время из хвоста салона раздался крик. Стюардесса, которая возвращалась с подносом, увидела окровавленного Виктора и закричала так пронзительно, что звон разбился о стены салона.

- Убили! - закричала она, роняя поднос. Стеклянные бокалы разлетелись по полу. - Убили! Помогите!

Тимур, Фанси и Сократ вскочили из кабинета. Раф мгновенно оказался рядом с Ником, преграждая ему путь.

- Ник, остановись, - сказал Раф тихо. - Мы в воздухе. Убьешь его здесь, нас всех арестуют в Тбилиси. Тимур не сможет нас вытащить.

Ник посмотрел на Рафа. В его глазах не было логики. Не было расчета. Только первобытная, слепая ярость.

- Он тронул ее, - сказал Ник. Его голос звучал так, будто из его горла выходил не воздух, а битое стекло. - Он тронул ее. Я не могу оставить его в живых. Я не могу. Понимаешь? Я не могу.

Удав так оттолкнул Рафа, что он, будучи огромным и сильным, отлетел в сторону, потому что не ожидал такой силы от человека, который весил на тридцать килограммов меньше. Ник схватил Виктора за ноги. Виктор закричал, пытаясь уцепиться за кресла. Ник не обращал внимания. Он тащил его к аварийному выходу, который находился в хвосте салона.

Тимур понял, что происходит. Он знал Ника. Он знал, что

когда у Удава срывает крышу, остановить его может только смерть. Или Яна.

- Яна! - крикнул Тимур. - Яна, скажи ему!

Но Яна не слышала. Она была в своем собственном кошмаре, зажмурившись, вцепившись в Кира.

Ник дернул рычаг аварийного открытия. Давление в салоне мгновенно изменилось. Воздух с воем вырвался наружу. Холод ударил в лицо. Виктор закричал, цепляясь за косяк. Ник посмотрел на него.

- Запомни ее лицо, - прошептал Ник. - Это последнее, что ты увидишь.

Он пнул Виктора в грудь. Тело стюарда вылетело в открытое небо, мгновенно превратившись в крошечную точку, а затем исчезнуло в облаках. Ник захлопнул дверь, но было поздно. Разгерметизация вызвала сбой в электронных системах. Самолет резко дернулся.

Пилоты в кабине, услышав крики и почувствовав скачок давления, попытались стабилизировать машину, но Ник, не закончив свое дело, пошел дальше. Он вошел в кабину пилотов. Дверь была не заперта изнутри. Он зашел, закрыл ее за собой и запер.

- Что происходит? - крикнул второй пилот, оборачиваясь.

Ник не ответил. Он достал нож. Ему нужно было убедиться, что никто не помешает ему вернуться к Яне. Никто. Никогда.

В салоне началась паника. Самолет резко клюнул носом

вниз. Свет мигнул и погас. Загорелись красные аварийные лампы. Стюардесса плакала, цепляясь за кресла. Тимур понял, что происходит что-то непоправимое.

- Сократ! - крикнул Тимур. - Кабина! Сократ, в кабину!

Сократ не колебался ни секунды. Он рванул к носу самолета. Дверь в кабину была заперта. Он ударил по ней ногой, затем плечом, но она не поддавалась. Из-за двери не доносилось ни звука. Только ровный, страшный гул падающего самолета.

Самолет вошел в штопор. Перегрузки прижали всех к креслам. Яна открыла глаза, когда ее прижало к Киру. Она увидела красные огни, увидела панику.

- Что происходит? - прошептала она, ее голос был хриплым.

- Мы падаем, малая, - сказал Кир. Он держал ее крепко, его лицо было каменным. - Но мы не разобьемся. Слышишь? Мы не разобьемся. Сократ уже там.

Дверь в кабину с громким треском поддалась. Сократ ввалился внутрь. Он увидел картину, от которой у него перехватило дыхание. Оба пилота лежали на полу, с перерезанными глотками. Ник сидел в кресле второго пилота, его нож был окровавлен. Самолет падал. Земля приближалась с ужасающей скоростью.

- Убери нож! - крикнул Сократ. Его голос пробил трансовое состояние Ника. - Убери нож и отойди! Быстро!

Ник медленно повернул голову. Он посмотрел на Сокра-

та, затем на нож в своей руке. Он будто не понимал, откуда он взялся. Он разжал пальцы. Нож упал на пол. Сократ оттолкнул его, занял место пилота. Его руки легли на штурвал. Он посмотрел на приборы. Высота падала критически быстро. Скорость была запредельной.

Сократ потянул штурвал на себя. Перегрузка вдавила его в кресло. Самолет застонал, металл заскрипел. Нос начал подниматься. Сократ выровнял машину, но они были слишком низко. Впереди виднелись огни Тбилиси. Аэропорт был прямо по курсу, но они заходили на посадку с неправильной стороны, без связи с диспетчером, с поврежденными системами.

Тимур вошел в кабину.

- Что с экипажем? - спросил он, хотя уже понял ответ.

- Мертвы, - сказал Сократ, не отрывая взгляда от приборов. - Ник их убил. Но сейчас не до этого. Держись. Будет жестко.

Самолет вылетел из облаков. Внизу раскинулся Тбилиси. Огни города горели ровно, не подозревая о том, что над ними несется тонна металла с мертвыми пилотами и убийцей в салоне. Сократ выпускал шасси. Одно шасси не вышло. Он потянул рычаг, но загорелась красная лампа.

- Ладно, - пробормотал Сократ. - Садимся на брюхо. Пристегнитесь! - крикнул он в салон. - Все пристегнулись!

Самолет коснулся взлетной полосы. Удар был страшным. Металл заскрежетал, посыпались искры. Самолет начало

трясти, его разворачивало. Сократ боролся со штурвалом, используя все свое мастерство, всю свою интуицию, весь свой опыт. Самолет вынесло с полосы, он пробороздил землю, снося антенны, и наконец остановился, уткнувшись носом в земляной вал.

Тишина.

Только треск остывающего металла и чье-то прерывистое дыхание.

Яна открыла глаза. Она была жива. Кир был жив. Он обнимал ее так сильно, что у нее болели ребра.

- Мы сели, - прошептал он. - Мы сели, родная.

Ник сидел в углу кабины. Он смотрел на свои руки. Они были в крови. Он посмотрел на Яну. Она смотрела на него. В ее глазах не было страха перед ним. Но в них была боль. И это ранило его больше, чем любой нож. Он медленно встал, вышел из кабины, прошел по салону, игнорируя Тимура, который смотрел на него с ужасом и пониманием. Ник вышел наружу, в ночной, теплый воздух Тбилиси, и растворился в темноте у взлетной полосы. Ему нужно было быть одному. Ему нужно было понять, что он только что сделал.

Позже, в закрытом терминале аэропорта, где Тимур уже решил все вопросы с местными властями, Яна сидела на диване. На ней была новая куртка, которую Кир нашел в багаже. Она сидела, обхватив колени, и смотрела в пол. Она не плакала. Она просто не могла поднять голову. Ей было стыдно. Она чувствовала себя грязной. Она думала, что Кир и

Ник смотрят на нее иначе. Что они видят в ней ту, над которой пытались надругаться.

Кир сидел рядом. Он молчал долгое время. Он ждал, пока она сама не заговорит. Но она молчала.

- Малая, - сказал он наконец. - Посмотри на меня.

Яна медленно подняла глаза. В них стояли слезы.

-Мне стыдно, - прошептала она. - Я... я не знаю, что я сделала не так. Я не хотела...

Кир шумно выдохнул. Он провел рукой по лицу. Это было неловко. Это было страшно неловко. Он был убийцей, стратегом, философом, но он не был подготовлен к этому разговору. Но он должен был это сделать. Прямо сейчас.

- Яна, послушай меня внимательно, - сказал он. Его голос был серьезным, но без той жесткости, которая обычно в нем присутствовала. - То, что сделал этот козел... это не твоя вина. Понимаешь? Ты ничего не сделала не так. Ты просто росла. Ты выросла красивой. И такие уроды, как он, видят в этом возможность.

Яна моргнула.

- Но он... он хотел...

- Он хотел того, чего хотят все самцы от самок, - сказал Кир прямо. Без эвфемизмов.

Яна покраснела до корней волос. Она опустила глаза.

- Это нормально, что ты этого не знаешь и не хочешь знать, - продолжил Кир, его голос стал мягче. - Но ты должна понимать. В природе, когда растение цветет, оно привлекает

насекомых. У цветов есть пестики и тычинки. Тычинки производят пыльцу, пестики ее принимают, и так рождается новый цветок. У людей это устроено похожим образом, только сложнее. Это биология. Это инстинкт.

Яна слушала, широко открыв глаза. Ей было невыносимо стыдно, но в то же время она чувствовала, как тяжелый камень падает с ее души. Это не было чем-то грязным. Это было частью природы. Просто этот конкретный "самец" был болен, зол и опасен.

- Виктор был не просто мужчиной, - сказал Кир, и в его голосе прозвучала сталь. - Он был хищником, который забыл, что охотиться можно только на равных. Он захотел взять то, что не готово. И за это он заплатил.

Яна посмотрела на Кира.

- А Ник... почему он... почему он так разозлился? Он убил всех. Даже пилотов.

Кир помолчал. Он посмотрел в сторону двери, за которой, где-то в темноте аэропорта, находился Ник.

- Ник... он особенный, - сказал Кир тихо. - Ты знаешь, что он не такой, как мы. Он живет в своей голове. Для него мир черно-белый. Есть свои, и есть чужие. Есть то, что трогать нельзя, и есть то, что можно уничтожить. Ты для него... ты не просто ребенок, которого он охраняет по приказу Тимура. Ты для него часть его собственной души. Понимаешь? Он чувствует тебя. Когда этот урод прикоснулся к тебе, Ник почувствовал это так, словно прикоснулись к нему самому. Его

ярость была не просто злостью. Это была боль. Боль от того, что кто-то попытался осквернить то, что для него священно.

Яна закрыла глаза. Она вспомнила взгляд Ника в туалете. Вспомнила, как он дрожал, когда поднимал ее.

- Он любит меня? - прошептала она.

Кир усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки. Только грусть.

- Он любит тебя так, как умеют любить только те, кто много потерял, - сказал Кир. - Он любит тебя как вторую половину своей души. Как ту, кто держит его на земле. И когда кто-то пытается оторвать его от земли грязными руками, он сходит с ума. Он не хотел убивать пилотов. Он просто не мог остановиться. Он защищал тебя. Своим единственным, доступным ему способом.

Яна сидела молча. Она чувствовала, как внутри нее что-то меняется. Страх, который парализовал ее, медленно отступал, уступая место пониманию. Она не была грязной. Она была защищенной. Она была любимой.

- Я хочу его видеть, - сказала она вдруг.

Кир поднял брови.

- Ты уверена? Он сейчас... он сам себя не контролирует. Он может быть опасен.

- Я хочу его видеть, - повторила Яна. Уверенно.

Кир кивнул. Он встал, подошел к двери, открыл ее. На пороге стоял Ник. Он вернулся. Он стоял в тени, не решаясь войти. Его руки были чистыми, но он смотрел на них, словно

ожидая увидеть кровь.

- Ник, - сказал Кир. - Иди сюда. Она хочет тебя видеть.

Ник медленно поднял голову. Он посмотрел на Яну. Он не двигался. Он боялся. Боялся, что она отшатнется. Боялся, что в ее глазах он увидит монстра.

Яна встала. Она сделала шаг к нему. Потом еще один. Она остановилась в метре от него. Она подняла руку и положила ее на его щеку. Его кожа была холодной. Он вздрогнул от ее прикосновения.

- Ты не монстр, - прошептала Яна. - Ты мой щит. Спасибо, что спас меня.

Ник закрыл глаза. Он наклонился, прижался лбом к ее лбу. Он не обнял ее. Он боялся сломать. Он просто стоял, дыша ее воздухом, чувствуя, как его душа, которая только что висела над пропастью, медленно возвращается на место.

- Я убил их, - прошептал он. - Я не смог остановиться.

- Я знаю, - сказала Яна. - И если бы я могла, я бы сделала то же самое. Но ты сделал это за меня.

Они стояли так долго. В аэропорту Тбилиси, в окружении смерти и хаоса, они нашли свой собственный, тихий баланс. Кир смотрел на них и тихо усмехался. Он знал, что это только начало. Что впереди будет еще много боли, много крови, много испытаний. Но он также знал, что пока они есть друг у друга, пока эта невидимая нить связывает их, они выстоят.

- Завтра, - сказал Кир, нарушая тишину, - мы поедем по магазинам. Я обещал, что я куплю тебе все шелка, помнишь?

Я держу слово. Но сначала ты поспишь. А ты, Удав, иди умойся. И запомни, в следующий раз, когда сорвешь крышу, постарайся не убивать экипаж. Это неудобно для логистики. Или научись управлять самолетом сам.

Ник медленно кивнул. Впервые за этот день, в его глазах мелькнула та самая, редкая улыбка. Тихая. Печальная. Но живая.

Яна усмехнулась в ответ. Ей все еще было страшно. Ей все еще было стыдно. Но она знала, что справиться. Потому что у нее был Кир и Ник. А этого, как оказалось, было достаточно, чтобы пережить даже падение с небес.

Глава 26

Глава 26. Ночной разговор

Читать под трек **«I want it that way» Faruk Orman**

Тбилиси встретил их не прохладой, а густым, почти осязаемым теплом, которое даже глубокой ночью не отпускало раскаленный за день камень. Воздух пах пылью, выхлопными газами, жареным мясом и чем-то сладковатым, напоминающим перезревший инжир. Машина Тимура, за которой негласно следовали еще две черные внедорожники, бесшумно скользила по узким улочкам старого Сололаки. Яна сидела на заднем сиденье, прижавшись лбом к холодному стеклу. Она не плакала. Слезы закончились где-то на взлетной полосе, когда Сократ вытащил их из покореженного корпуса самолета. Сейчас внутри была только звенящая, ватная пустота, в которой гулко отдавался каждый удар сердца.

Особняк Тимура стоял в тупике, скрытый от глаз высокой каменной стеной, увитой диким виноградом. Массивные деревянные ворота распахнулись без единого звука. Дом был роскошным, но не кричащим. Тяжелая грузинская архитектура, резные балконы из орехового дерева, мощеный внутренний двор с фонтаном, в котором лениво плескалась вода. Фанси, который еле держался на ногах, сразу ушел в свою комнату, даже не обернувшись. Сократ молча кивнул Тимуру и растворился в тени коридора, унося с собой запах гари

и крови, который, казалось, въелся в его кожу. Раф остался на улице, продолжая нести свою вахту, хотя вахтер был уже не нужен.

Тимур провел Яну по широкой мраморной лестнице на второй этаж, открыл перед ней тяжелую дверь с витражной вставкой. Комната была огромной, с высоким потолком, украшенным ручной росписью. В центре стояла кровать с резным изголовьем, застеленная белоснежным покрывалом. В углу тихо потрескивал камин, хотя на улице было тепло. Тимур постоял на пороге, его ледяные глаза на мгновение смягчились, но он не стал подходить. Просто кивнул и закрыл за собой дверь, оставив Яну одну в этом чужом, но странно уютном пространстве.

Она не разделась. Просто забралась на кровать с ногами, подтянула колени к подбородку и закрыла глаза. Но сон не шел. Каждый раз, когда она проваливалась в забытье, перед глазами вспыхивали обрывки. Рука Виктора, пахнущего дешевым табаком и потом, зажимающая ей рот. Хруст шейных позвонков, когда Ник дернул его голову. Красная лампочка разгерметизации. Крик стюардессы. Тело, вылетающее в черное небо. И гул падающего самолета, когда Ник зашел в кабину пилотов.

Она проснулась от собственного крика. Звук был страшным, раздирающим, не принадлежащим ребенку. Яна села на кровати, судорожно хватая ртом воздух, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. В комнате было темно, только

тлеющие угли в камине отбрасывали слабые багровые блики на резной потолок. Она обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, которая сотрясала все тело.

Дверь открылась почти бесшумно. Яна дернулась, но тут же узнала силуэты. Кир вошел первым, его привычная сутулость сейчас казалась не расслабленностью, а усталостью. Следом, сливаясь с темнотой, шел Ник. Они не спрашивали разрешения. Не подходили с той осторожностью, с которой взрослые обычно подходят к напуганным детям. Они просто пришли.

Кир обошел кровать с левой стороны, Ник остановился справа. В тишине комнаты слышалось только тяжелое, рваное дыхание Яны и ровный, почти неслышный гул города за окном. Кир сбросил ботинки, не развязывая шнурков, и лег поверх покрывала, устроив голову на подушке рядом с ее плечом. Ник сделал то же самое с другой стороны. Они создали вокруг нее невидимый кокон, плотнее и надежнее любых стен.

Яна лежала посередине. Ее голова покоилась на подушке, волосы веером рассыпались по наволочке, дыхание уже начало выравниваться, но сон все не приходил, отступая при каждом новом шорохе или скрипе старого дома. Слева, аккуратно положив голову на край подушки, лежал Кир. Его привычная сутулость исчезла, когда он принял горизонтальное положение, но даже во сне его лицо сохраняло напряженное выражение, а челюсть была слегка сжата. Справа, за-

стывший как изваяние, лежал Ник. Он не двигался уже больше часа, его рука лежала на покрывале, в паре сантиметров от ее ладони, и Яна чувствовала исходящее от него тепло даже сквозь эту ткань. Они не спали. Все трое понимали, что сон сегодня будет поверхностным, тревожным, и присутствие двух мужчин по обе стороны от нее было единственным якорем, который не давал ее сознанию окончательно провалиться в черную бездну кошмаров.

Тишина в комнате была не пустой. Она была насыщенной, звенящей от невысказанных слов, от адреналина, который все еще циркулировал в их венах после падения самолета, от тяжести содеянного и от той странной, интимной близости, которая возникает между людьми, прошедшими через совместную смерть и выжившими. Яна повернула голову, посмотрела на Ника в полумраке. Его профиль был резким, словно вырубленным из темного гранита, глаза были открыты и смотрели в потолок, не мигая. Она повернулась к Киру. Он лежал на боку, лицом к ней, и в лунном свете его глаза казались почти черными, лишенными своей обычной едкой искорки.

- Вы спите? - тихо спросила Яна. Ее голос прозвучал хрипловато, разорвав тишину как лезвие тонкий шелк.

- Нет, - ответил Кир, и в его голосе была та самая бархатная хрипотца, которая обычно предшествовала сарказму, но сейчас в ней звучала только усталость. - Пытаемся. Но когда рядом лежит человек, который только что пережил падение

с небес, а с другой стороны лежит человек, который только что устроил бойню в небе, сон как-то не клеится.

Яна слабо улыбнулась, но улыбка быстро сошла с ее лица. Она снова посмотрела на Ника. Он медленно перевел взгляд на нее. В его глазах не было осуждения за то, что она не спит. Было только бесконечное, пугающее внимание.

- Ник, - начала она, и слова застряли в горле, требуя усилия, чтобы протолкнуть их наружу. - А Виктор... тот стюард. Что он хотел со мной сделать?

Кир напрягся. Яна почувствовала, как матрас слегка прогнулся, когда он резко выдохнул. Ник не изменил положения, но Яна заметила, как медленно сжалась его ладонь, лежащая на покрывале, как пальцы впились в ткань.

- Малая, - начал Кир, и его голос стал неестественно мягким, тем тоном, которым взрослые говорят с детьми, пытаясь скрыть правду за слоем ваты. - В мире есть разные люди. Есть хорошие, а есть такие, у которых внутри что-то сломалось. У них нет компаса. Они видят что-то красивое и хотят это забрать. Не потому что им это нужно. А потому что они не умеют просто смотреть. Они хотят присвоить. Виктор был таким. Он увидел тебя и захотел сделать тебя своей вещью. Но мы не позволяем нашим людям, быть чьими-то вещами. Понимаешь?

Яна нахмурилась. Ей было одиннадцать, но старая душа внутри нее отвергала эту ватную ложь. Она не хотела слышать про сломанный компас. Она хотела понять механику

того ужаса, который она пережила в тесном туалете.

- Нет, Кир, - сказала она твердо. - Я не про вещи. Я про то, что он делал руками. Он залез под свитер. Он дышал мне в шею. Он говорил про клубы. Что это значит? Он хотел меня ударить?

Кир закрыл глаза, словно молясь о землетрясении, которое бы мгновенно разрушило этот особняк к чертовой матери. Ник медленно повернул голову на подушке, его взгляд встретился с взглядом Кира, и в этом беззвучном обмене взглядами Кир понял: спасайся сам, брат. Ник не собирался врать.

- Виктор не хотел тебя ударить, Яна, - произнес Ник. Его голос был низким, ровным, лишенным всяких эмоций, как голос диктора, зачитывающего сводку погоды. - Удар это способ причинить боль или остановить. Он не хотел причинить тебе боль. Он хотел использовать твое тело для удовлетворения своего инстинкта.

Кир тихо застонал, уткнувшись лицом в подушку. Яна не могла понять смеялся он или плакал.

- Инстинкта? - переспросила Яна, чувствуя, как внутри нее что-то сжимается, но не от страха, а от холодного, аналитического интереса. - Какого инстинкта?

- У самцов в природе есть инстинкт размножения, - продолжил Ник, и его тон был настолько будничным, что это звучало почти комично. - Но у людей этот инстинкт часто мутирует. Он превращается в инстинкт власти, доминирова-

ния, присвоения. Когда Виктор наклонился над тобой, его мозг воспринимал тебя не как равного, не как личность, а как ресурс. Как территорию, на которую можно ступить, не спрашивая разрешения. Он хотел войти в твой личный контур. Оставить свой след. Доказать себе и тебе, что он имеет право делать с тобой что угодно. Это не про любовь. И не про желание в том смысле, в котором ты могла бы это понять, посмотрев кино. Это про агрессию, замаскированную под страсть. Он хотел сломать твою границу, чтобы почувствовать себя сильным.

Яна лежала неподвижно, переваривая его слова. Территория. Контур. Агрессия. Это было понятно. Это укладывалось в ее картину мира, в которой уже были Сократ, Тимур, Фанси и их правила.

- То есть он хотел меня завоевать? - уточнила она. - Как в войну?

- Именно, - кивнул Ник. - Только в войне есть правила. А он правил не признавал. Поэтому я его устранил.

Кир поднял голову, его лицо было красным, и он яростно потер ладонью лицо.

- Ник, мать твою, - начал он шипеть, - ты не можешь просто так говорить с ребенком про инстинкты размножения и территорию! Ты же ее пугаешь словами!

Яна не испугалась. Наоборот, она почувствовала странное облегчение. Слова Ника были жесткими, но честными. В них не было той липкой жалости, которую она ненавидела.

- Ник прав, - сказала она тихо. - Я не ребенок, который боится слов. Я боюсь того, чего не понимаю. А теперь я понимаю. Он был захватчиком.

- Вот именно, - поддержал ее Ник, и в его голосе впервые за вечер прозвучала нотка, которую можно было бы назвать гордостью, если бы он вообще умел это чувство выражать. - Ты была крепостью. А он пришел с ломом. Но у крепости есть стены. И есть стража.

Он чуть сместил ладонь, и его мизинец случайно коснулся ее пальцев. Яна не отстранилась. Наоборот, она чуть повернула кисть, чтобы принять это прикосновение. Кир наблюдал за этим движением, и в его груди что-то екнуло, но он быстро заглушил это чувство привычной усмешкой.

- Ну ладно, - сказал Кир, садясь на кровати и опираясь спиной на изголовье. - Раз уж мы все равно не спим и открыли этот клуб анонимных знатоков биологии, давайте разберем, почему Удав тут не только стены снес, но и потолок, и фундамент, и пилотов в придачу. Малая, ты ведь хочешь спросить, почему он перебил весь экипаж?

Яна перевела взгляд на Ника. Он тоже сел, его движения были плавными, бесшумными. Он смотрел на свои руки, лежащие на коленях.

- Да, - сказала Яна. - Пилоты же просто летели. Они ничего не сделали. Почему ты их...

Ник поднял глаза. В них не было раскаяния. Не было оправданий. Была только пугающая, абсолютная ясность.

- Потому что когда система дает сбой, ее нужно обнулить, - сказал он. - Виктор дал сбой. Но самолет был системой. Пока мы были в воздухе, система работала на то, чтобы доставить нас в точку Б. Но когда Виктор открыл дверь, система стала враждебной. Пилоты попытались вмешаться. Они начали задавать вопросы, брать управление, менять курс. Они стали частью угрозы. Не потому что хотели мне зла. А потому что их протокол безопасности противоречил моему протоколу безопасности. Мой протокол гласил: устранить любую переменную, которая может помешать мне вывести Яну из зоны поражения. Пилоты были переменными. Я их устранил.

Яна слушала, и холодок, который пробежал по ее спине, был не от страха перед Ником, а от масштаба его мышления. Он не был сумасшедшим. Он был гением. В его голове была своя, кристально чистая логика, которая пугала больше любого безумия.

- Ты думаешь, что убил их? - спросила Яна.

Ник посмотрел на нее, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то человеческое, уязвимое.

- Я знаю, что убил, - ответил он. - И я знаю, что буду видеть их лица, когда буду закрывать глаза. Но если бы я не убил их, Сократ не успел бы сесть за штурвал. Если бы я не открыл аварийный люк, мы бы врезались в горы. Я выбрал вас. Их жизни в обмен на твою. Это не математика. Это инстинкт. Тот самый, про который я говорил. Только мой инстинкт не

о присвоении. Он о сохранении.

Кир тяжело вздохнул, провел рукой по своим коротко стриженным волосам.

- Слышь, малая, - сказал он, глядя в потолок. - Вот такая вот у нас философия. Я шучу, чтобы не завыть. Сократ читает книги, чтобы не стрелять. А Ник стреляет, чтобы мы могли читать книги. Мы все тут немного сломанные. И ты... ты единственная, кто здесь целая.

Яна посмотрела на него.

- Я тоже сломанная, Кир, - прошептала она. - Просто мои трещины пока заполнены не свинцом, а книгами.

Кир усмехнулся, но в его глазах блеснуло что-то влажное. Он протянул руку и взъерошил ее волосы, чуть дольше задержав ладонь на ее макушке, чем позволял этикет.

- Ладно, - сказал он. - Хватит философии. Спим. Завтра Тимур устроит нам всем головомойку за самолет, а мне еще нужно будет придумать, как объяснить местной полиции, почему от их любимого стюарда остался только мокрый след в стратосфере.

Они снова легли. Но теперь тишина была другой. Она была очищенной. Все страшные, липкие мысли были вытащены наружу, разложены по полкам и названы своими именами. Яна закрыла глаза. На этот раз сон пришел быстро. Он был глубоким, без сновидений, тяжелым и спасительным. Во сне она инстинктивно потянулась к теплу. Ее рука нашла руку Ника, и ее пальцы переплелись с его пальцами. Кир, ле-

жащий с другой стороны, тихо выдохнул, придвинулся чуть ближе и накрыл своим плечом ее плечо. Так они и уснули. Трое сломанных, преданных друг другу, осколков, собравшихся в единый узор под балдахином в чужом городе.

***

Утро в Тбилиси наступило резко, без плавных переходов. Солнце, словно разозлившись на долгую ночь, ударило в ставни ослепляющим, белым светом. Уличные собаки начали свой утренний концерт, где-то внизу кричал продавец фруктов, а из соседнего двора доносился запах жареного теста и специй.

Тимур вошел в комнату Яны без стука. Он всегда входил без стука, потому что считал, что стук это признак неуверенности, а он в себе не сомневался никогда. Он был одет в свежую льняную рубашку, закатанную до локтей, и держал в руке чашку с кофе с молоком. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась та самая ледяная собранность, которая предвещала бурю. Он хотел просто разбудить Яну, узнать, как она себя чувствует после вчерашнего, и отвести ее на завтрак.

То, что он увидел, заставило его остановиться на пороге. Чашка в его руке дрогнула, но он не проронил ни звука.

Кровать была огромной, но трое спящих на ней тел сплелись в такой интимный, доверительный узел, что Тимуру на секунду перехватило дыхание. Яна лежала посередине, ее голова покоилась на плече Кира. Рука Кира лежала поверх ее

талии, защищая, прижимая к себе. Нога Кира была заброшена поверх ее ног. А с другой стороны, Ник лежал на спине, но его голова была повернута к Яне, а его рука, большая, с грубой кожей и шрамами, крепко, почти болезненно сжимала ее ладонь. Пальцы Ника были переплетены с ее пальцами так, что казалось, они срослись. Лицо Ника во сне потеряло свою каменную маску. Оно было расслабленным, почти детским, и в этом было что-то настолько интимное, что Тимур почувствовал, как вторгается в чужую, священную территорию.

На мгновение Тимур увидел в этом не угрозу, а красоту. Три одиноких человека, нашедших свой тихий причал. Но потом включился разум. Включился босс. Включился человек, который держит на себе империю и знает, что любая слабость, любая эмоциональная привязанность его людей может стать трещиной, в которую ударит враг. И эта трещина сейчас спала в его кровати.

Тимур медленно поставил чашку на столик. Звук фарфора о дерево прозвучал как выстрел.

Кир дернулся первым. Его рука мгновенно метнулась под подушку, но там не было оружия. Он резко сел, его глаза были мутными от сна, но инстинкты сработали быстрее разума. Ник открыл глаза тоже мгновенно с задержкой на долю секунды. Без фазы пробуждения. Просто в одну секунду он спал, а в следующую его взгляд был холодным, сфокусированным и смертоносным. Он тут же разжал руку Яны, отстранился на край кровати, его лицо снова стало маской.

Яна зашевелилась, неохотно открывая глаза. Она посмотрела на Тимура, зевнула, потянулась и, не понимая напряжения, которое повисло в воздухе, улыбнулась.

- Доброе утро, отец, - сказала она, ее голос был сонным и мягким. - А мы тут разговоры разговаривали до утра. Про биологию.

Тимур не улыбнулся в ответ. Он посмотрел на Кира, потом на Ника. Его взгляд был тяжелым, как свинцовая плита.

- Разговоры, - повторил Тимур. Его голос был тихим, но в нем было столько яда, что Кир невольно сглотнул. - Биология. В моей кровати. С моими лучшими бойцами. Которые вчера чуть не разнесли пол-Европы?

- Тимур, - начал Кир, вставая с кровати и потягиваясь, пытаясь сбросить с себя остаток сна и напускную беспечность. - Не начинай. Мы просто... она не могла уснуть. Ей было страшно. Мы ее успокоили. Это называется психологическая реабилитация, а не то, о чем ты подумал.

- Я подумал о том, что вы охренели, - произнес Тимур, не повышая голоса. - О том, что вы забыли, кто вы есть, и кто она есть. Ей одиннадцать лет, Кир. Одиннадцать. Она ребенок. А вы... вы взрослые мужики с кучей грехов и крови на руках. Вы не имеете права даже дышать в ее сторону так, как вы дышите сейчас. Вы должны были спать в комнатах для гостей. Вы должны были оставить ей пространство. А вы залезли к ней в постель.

Кир вспыхнул. Его лицо покраснело, и он сделал шаг на-

встречу Тимуру.

- Ты совсем рехнулся, Тимур? - рявкнул Кир, и его голос заполнил комнату, заставив Яну вздрогнуть. - Ты сейчас реально несешь какую-то порнографическую ересь! Она для нас как сестра! Понимаешь? Как маленькая, иногда надоедливая, умная сестренка, которая достала нас своими вопросами про инстинкты размножения! Мы ее грели, потому что в этом вашем грёбанном Тбилиси кондиционер гоняет воздух со скоростью света, а камин походу бутафорский и нихера не греет! Ты со своими параноидальными замашками и грязной головой лезешь туда, где даже мысли такой нет!

Кир схватил свои туфли, начал надевать их на ходу, яростно завязывая шнурки.

- Я такую ересь слушать не буду, - бросил он через плечо, направляясь к двери. - У меня от твоих инсинуаций, Тимур, мигрень. Я пошел завтракать. И если там не будет хинкали, я уеду домой.

Дверь за ним захлопнулась с такой силой, что фрески на потолке, казалось, дрогнули.

В комнате повисла тишина. Яна сидела на кровати, обхватив колени, ее глаза были широко открыты. Она смотрела на Тимура, не понимая, почему тот так злится, и на Ника, который продолжал сидеть на краю кровати, опустив голову.

Тимур медленно перевел взгляд с двери, за которой скрылся Кир, на Ника. Ник не поднял головы. Его плечи были напряжены, руки лежали на коленях, ладони смотрели

вверх, открытые, но неподвижные.

Тимур сделал шаг вперед. Его тень упала на Ника. Но Тимур на секунду повернулся к Яне и жестко приказал:

- Выйди. Сейчас же.

Яна вскочила с кровати и босиком выбежала за дверь. Ослушаться отца она просто не могла. Он был для нее всем.

- Кир умеет врать, - тихо сказал Тимур, когда за Яной захлопнулась дверь. Его голос теперь был лишен гнева. В нем была только сталь и лед. - Он умеет врать мне, врагам, себе, и даже своей совести. Он сказал, что она для него как сестра. И он сам в это поверил, потому что ему так удобнее.

Тимур остановился прямо перед Ником. Он ждал.

Ник медленно поднял голову. Его глаза встретились с глазами Тимура. В них не было страха. Не было вызова. Была только бесконечная, глубокая усталость и та самая правда, которую он прятал от всего мира.

- Она для тебя тоже как сестра, Ник? - спросил Тимур.

Вопрос повис в воздухе. Он не требовал ответа. Он требовал признания.

Ник смотрел на Тимура. Его челюсть сжалась так сильно, что под кожей натянулись сухожилия. Он мог соврать. Он мог кивнуть. Он мог буркнуть что-то невразумительное и уйти следом за Киром. Но он смотрел в глаза человека, который был его боссом, его создателем, его спасителем и его судьей. И он не смог.

Ник медленно отвернулся. Он посмотрел на стену, на по-

тускневшие фрески, на луч солнца, в котором танцевала пыль. Он не сказал ни слова. Но его молчание, его невозможность посмотреть Тимуру в глаза в эту секунду, его профиль, в котором читалась такая боль, что Тимуру стало физически тошно, сказали всё.

Она не была ему сестрой. И никогда ею не будет.

Тимур закрыл глаза на мгновение. Он потер переносицу, чувствуя, как внутри него рушится еще одна несущая конструкция его идеально выстроенного мира. Он знал, что Ник опасен. Он знал, что Ник предан. Но он не знал, что эта преданность имеет форму, которая может сжечь их всех дотла.

- Я так и думал, - сказал Тимур и добавил уже более ровным голосом, - спускайся, завтрак на столе.

Ник остался сидеть на кровати. Он не двигался, пока Тимур не вышел за дверь. И только когда дверь закрылась, он медленно опустил голову, спрятал лицо в ладони, и его плечи впервые за долгие годы дрогнули в беззвучном, отчаянном напряжении.

***

После завтрака Яна позвала за собой Кира и Ника в оранжерею, которую заприметила еще вчера. Они встали из-за стола и прошли вместе с ней в цветочный сад Тимура. Когда они остановились у фонтанчика в центре оранжереи, то Яна пристально на них посмотрела. Они были ее тенями. Ее ангелами с окровавленными руками. И в этот момент, в этой роскошном цветочном зале посреди чужого города, после всего,

что произошло, Яна поняла одну простую и страшную истину. Ей не было с ними страшно. Ей не было стыдно. Она могла рассказать им о своих самых темных мыслях, о своих страхах, о своей боли, о своих тайнах и они не отвернулись бы. Они приняли бы ее всю, с ее кармой, с ее старой душой, с ее сломанностью.

- Я хочу, чтобы вы знали - я люблю вас обоих, - тихо сказала Яна. И в ее голосе не было детской наивности. Это было признание девушки, которая знает цену слову. - Я не знаю, что будет дальше. Я не знаю, что будет, когда я вырасту. Но сейчас, в эту секунду, вы единственные, кто делает меня целой.

Кир медленно протянул руку и погладил ее по волосам. Движение было таким бережным, что Яна едва не расплакалась снова.

- Мы знаем, малая, - прошептал он. - Мы знаем. И мы никуда не денемся. Даже если весь мир рухнет. Даже если Тимур прикажет. Даже если судьба развернется против нас. Мы твои. Навсегда.

Ник не говорил. Он просто подтянул ее руку к своему лицу и тихо, почти невесомо прижался губами к ее костяшкам. В этом прикосновении было больше, чем в любых клятвах. В нем было признание. В нем было обещание. В нем была вся его израненная, темная душа, которую он отдавал ей без остатка.

Она закрыла глаза, и мысль, которая мелькнула в ее созна-

нии перед тем как уйти, была о том, что карма это не только воздаяние. Карма это еще и встреча. Встреча тех, кто предназначен друг другу. И где бы они ни были, в Москве или в Тбилиси, в особняке или в падающем самолете, они всегда найдут друг друга. Всегда.

И этого достаточно.

Глава 27

Глава 27. Леди Искушения

Предупреждение: текст содержит сцены психологического напряжения, элементы сложного эмоционального взаимодействия и откровенные разговоры на грани дозволенного. Рекомендовано для читателей старше шестнадцати лет.

Читать под трек **«Леди Искушения» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project**

Тбилисское солнце в конце февраля было совсем не таким, как московское. Оно не просто светило, оно обволакивало, проникало сквозь одежду, сквозь кожу, согревая каждую клеточку тела до самого дна. Воздух в горах был свежим, холодным еще от глубокого снега, а в городе воздух был густым, пряным, насыщенным запахом влажной земли, хвои, жасмина и чем-то неуловимо сладким, что невозможно было назвать одним словом, но что обязательно присутствовало в каждом вдохе. Это был запах жизни, которая здесь текла иначе, медленнее, гуще, словно время само по себе было более вязким, позволяя наслаждаться каждым мгновением без той лихорадочной спешки, которая была свойственна Москве. Яна стояла у окна в своей комнате в особняке Тимура и смотрела на город, раскинувшийся внизу, на красные черепичные крыши, на узкие улочки старого Сололаки, на блестящую ленту Куры, и чувствовала, как это тепло входит

в нее, растворяет остатки ночных кошмаров, остатки страха, остатки того липкого ужаса, который еще вчера висел над ней в салоне самолета. Сегодня был первый день. Первый настоящий день. И Тимур, этот человек с ледяными глазами и репутацией, которая заставляла молчать даже самых дерзких, сказал ей утром, глядя в свою неизменную трубку:

- Сегодня отдых. Никаких дел. Никаких разговоров об Икше. Никаких планов. Просто живите. Дышите. А завтра начнется настоящая работа.

И в этих словах было столько непривычной для него мягкости, столько тихой заботы, что Яна поняла: он дает им пространство. Он дает им возможность выдохнуть. И она решила использовать это пространство. Полностью. До последней капли. Потому что после всего, что произошло, после падения, после крови, после тех слов, которые были сказаны ночью в этой самой комнате, баланс сил изменился. Она больше не была просто девочкой, которую нужно охранять. Она была той, кто держал их души в своих маленьких, хрупких руках. И она хотела проверить, насколько крепко они держатся. Не со зла или из жестокости. Из любопытства. Из желания понять границы этого нового, странного, прекрасного мира, в котором она оказалась. Из желания почувствовать свою силу. Свою женственность. Которая, пусть и в зачаточном состоянии, уже пульсировала в ней, как старая душа, просыпающаяся в молодом теле.

Чтобы разгрузить голову, Ник пригласил их троих в горы

на пикник. Быстро собравшись, они доехали до любимого места Удава, он бывал тут еще в юности, когда только встретил Тимура на своем сложном пути.

Ник вышел из машины первым, бесшумно, как тень, и открыл ей дверь. Его движения были такими же плавными, такими же экономными, как всегда, но Яна заметила, как напряжены его плечи, как он держит дистанцию, словно боясь, что случайное прикосновение может нарушить ту тонкую грань, которую он сам себе установил. Кир выбрался из салона следом, потянулся, хрустнул шеей и усмехнулся своей обычной, едкой усмешкой, но в его глазах читалась та самая, скрытая нежность, которую он так тщательно прятал за маской циника. Они пошли пешком. Ник вел их не по туристическим тропам, а по какой-то своей, только ему известной тропе, которая петляла вверх, в горы, уводя все дальше от города, от людей, от шума. Дорога становилась уже, круче, воздух — свежее, прозрачнее. Пахло сосной, можжевельником, сырым мхом и чем-то диким, нетронутым цивилизацией. Яна шла между ними, чувствуя себя центром вселенной. Их внимание было приковано к ней, не явно, не навязчиво, но абсолютно. Каждый ее шаг, каждый вздох, каждое движение фиксировались их периферийным зрением, их инстинктами, их душами. И она понимала: они полностью в ее власти. И эта мысль вызывала в ней не страх, не стыд, а чистое, звонкое, озорное желание играть. Исследовать. Проверять. Потому что они привыкли видеть в ней жертву, ребен-

ка, объект защиты. Но они не привыкли видеть в ней девушку. Старую душу, которая понимает мужчин лучше, чем они сами понимают себя. И она решила подарить им этот опыт. Этот урок. Эту игру.

Они вышли на небольшую площадку, скрытую от посторонних глаз густым орешником и высокими соснами. Отсюда открывался вид на долину, на Куру, на весь Тбилиси, который теперь казался игрушечным, нереальным, далеким. Здесь было тихо. Только ветер шелестел в ветвях, только птицы пели где-то высоко в небе, только их собственное дыхание звучало в этой тишине. Ник достал из рюкзака большой, теплый плед, расстелил его на сухой траве, аккуратно, ровно, создавая островок уюта посреди дикой природы. Кир выложил еду: свежий хлеб, завернутый в льняную ткань, сыр сулугуни, зелень, вяленые фрукты, чурчхелу, бутылку красного вина для себя и Ника, и для Яны — холодный лимонад в стеклянной бутылке, который он, видимо, специально нес в термосумке, чтобы тот не нагрелся. Все было продумано. Все было подготовлено. Все было сделано с той тщательностью, с которой мужчины, привыкшие к войне и хаосу, создают красоту и порядок для тех, кого любят. Яна села на плед, поджав ноги, посмотрела на них обоих. Они сидели напротив, расслабленные, довольные, уверенные в том, что сейчас будет обычный пикник. Обычный разговор и тишина. Они не знали, что сейчас начнется и что их мир перевернется. И это незнание делало момент еще более ценным. Еще более ост-

рым. Еще более вкусным. Яна мысленно улыбнулась самой себе в предвкушении.

Она взяла кусок хлеба, отломила, положила в рот, медленно прожевала, глядя на них поверх корочки. Ее взгляд был спокойным, ясным, лишенным детской непосредственности. В нем была глубина. Была игра. Была женщина. Кир заметил это первым. Его усмешка дрогнула, исчезла. Он замер с бокалом в руке, вино качнулось, но не пролилось. Ник почувствовал изменение атмосферы кожей. Его взгляд, обычно пустой и отстраненный, стал тяжелым, сфокусированным. Он понял, что происходит что-то важное. Что-то, к чему он не готов. Но он не отвел взгляд. Он принял вызов. Молча. Напряженно. Жадно.

- Кир, - сказала Яна тихо, и голос ее прозвучал не как вопрос ребенка, а как утверждение взрослой женщины, которая знает, чего хочет. - А ты любишь женщин, которые знают, чего хотят? Или тебе нравятся те, которых нужно учить?

Вопрос повис в воздухе. Густой. Тяжелый. Провокационный. Но не пошлый и не вульгарный. Психологический. Глубокий. Кир замер. Бокал в его руке остановился на полпути ко рту. Он посмотрел на нее, и в его глазах мелькнуло то самое, что она искала. Растерянность. Смущение. Восхищение. Страх. Он не ожидал такого вопроса. Не от одиннадцатилетней девочки. Не здесь и не сейчас. Он привык к ее мудрости, к ее философии, к ее карме. Но он не привык к ее флирту и женственности. К тому, что она может задавать во-

просы, которые заставляют мужчину чувствовать себя мужчиной, а не опекуном.

- Малая, - начал он, и голос его сорвался, стал хриплым, неуверенным. - Ты... ты откуда такие вопросы берешь? Тебе одиннадцать лет. Ты должна спрашивать про кукол, про школу, про мороженое. А не про... э-э-э… не про предпочтения взрослых мужчин.

Яна улыбнулась. Улыбка была мягкой, нежной, но в ней была сталь. Была власть.

- Я спрашиваю потому, что мне просто интересно! - ответила она, и в ее голосе прозвучала та самая нотка, которая заставила Кира сглотнуть. - Мне интересно, как устроен ваш мир. Ваш мужской мир. Вы говорите, что защищаете меня. Но я хочу понять, какая любовь вам ближе. Та, которая требует силы. Или та, которая требует слабости. Ведь если женщина знает, чего хочет, она сильная. А если ее нужно учить, она слабая. Так какая тебе нравится, Кир? Сильная или слабая?

Кир поставил бокал на траву. Резко. Вино плеснулось через край. Он провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть румянец, который заливал его щеки. Он не мог ответить. Не потому что не знал ответа. А потому что ответ был слишком честным, опасным и взрослым для этого момента, места и для этой девочки. Он посмотрел на Ника, ища поддержки, спасения, выхода. Но Ник сидел неподвижно, как статуя. Его лицо было каменным, но в глазах горел такой огонь, такой

темный, вязкий, всепоглощающий, что Киру стало жарко. Ник совсем не помогал. Ник наблюдал, страдал и… желал. И Яна видела это. Видела каждую эмоцию, реакцию, дрожь в их телах. И это давало ей крылья. Давало силу и ощущение абсолютной, головокружительной власти. Она запомнила этот момент, поняв, что уже точно будет его использовать и дальше.

- Ник, - повернулась она к нему, и в ее голосе появилась новая, бархатистая нотка. Более низкая и тягучая. Более женская. - А ты? Ты ведь молчишь всегда. Ты никогда не говоришь о таких вещах. Но я вижу, как ты смотришь и как дышишь. Как ты сжимаешь кулаки, когда я смеюсь. Скажи мне, Ник. Когда ты смотришь на женщину, которую хочешь завоевать... что ты чувствуешь в теле? Где именно? В груди? В животе?

Тишина стала абсолютной. Птицы замолчали. Ветер стих. Даже трава перестала шелестеть. Весь мир сузился до этой площадки, до этого пледа, до этих трех фигур. Ник не моргнул. Его челюсть сжалась так сильно, что под кожей натянулись сухожилия. Его пальцы впились в колени, костяшки побелели. Он смотрел на нее, и в этом взгляде было столько боли, столько желания, столько запретного, невозможного, недопустимого чувства, что Яна почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Не от страха, а от осознания своей силы и от того, что она может сделать с этим человеком. Что она может заставить его чувствовать то, что он запрещает

себе годами. Десятилетиями. Всю жизнь.

- Ян, - произнес он наконец, и голос его прозвучал как скрежет металла о камень. Низкий. Хриплый. Разрушенный. - Не надо. Пожалуйста. Не надо играть с огнем. Ты не понимаешь, что делаешь. Ты не понимаешь, какие силы ты будишь. Ты ребенок. Ты моя... ты моя душа. Но ты не женщина. Пока не женщина. И эти вопросы... они не для тебя. Они для тех, кто готов нести ответственность за ответы. А ты не готова. И я не готов.

Но Яна не остановилась. Она сделала глоток лимонада, медленно, демонстративно, глядя ему прямо в глаза и затем облизала губы. Ник перестал дышать, не отрывно смотря на нее. Холодная жидкость обожгла горло, но внутри разливалось тепло. Горячее. Опьяняющее. Тепло власти. Тепло игры. Тепло пробуждения.

- А почему я не готова, Ник? - спросила она, и в ее голосе прозвучала та самая детская наивность, которая была самой страшной, самой провокационной частью ее игры. - Потому что я маленькая? Или потому что ты боишься своих ответов? Ведь если ты скажешь правду, тебе придется признать, что ты чувствуешь. Что ты хочешь, да? Что ты живой. А ты привык быть мертвым. Привык быть тенью и машиной. Но машина не задает вопросов про тело. Машина не сжимает кулаки и не страдает. Значит, ты не машина. Значит, ты живой. И значит, ты должен ответить. Честно. Без масок. Без страхов. Где ты чувствуешь желание, Ник? В груди? В живо-

те? Или там, где бьется твое настоящее сердце?

Кир застонал. Тихо. Глухо. Он закрыл лицо руками, словно пытаясь спрятаться от этого света, от этой правды, от этой девочки, которая разрушала его мир одним вопросом. Ник сидел неподвижно. Но Яна видела, как дрожит его рука, лежащая на колене. Как сбилось его дыхание. Как расширились зрачки. Он был на грани. На грани срыва и на грани признания. На грани того, чтобы переступить черту, которую он сам себе установил. И она знала: он не переступит. Не сейчас. Не при ней. Но он почувствует и осознает. Он примет эту боль, желание и эту правду. И это сделает его сильнее. Сделает его настоящим.

Яна улыбнулась. Мягко. Нежно. Победно. Она знала, что победила. Не их. Себя. Свою женственность и силу. Свою способность быть не просто объектом любви, а субъектом. Той, кто вызывает желание и той, кто управляет им. Той, кто играет с огнем и не обжигается. Потому что она не играла с мужчинами. Она играла с их душами и с их запретами. С их страхами. И они принимали эту игру вместе с болью. Принимали эту правду. Потому что любили ее. Любили настолько, что готовы были страдать, молчать и держать эту грань. Ради нее самой и ее безопасности. Ради ее детства. Ради ее будущего.

Она взяла чурчхелу, откусила, медленно прожевала, глядя на них поверх лакомства. Вкус был сладким, терпким, ореховым. Вкус победы. Вкус жизни. Вкус пробуждения.

- Вы такие смешные, - сказала она наконец, и в ее голосе прозвучала та самая детская легкость, которая вернула их на землю. - Вы думаете, я хочу чего-то от вас? Нет. Я просто хочу понять, как вы устроены. Как вы чувствуете и как вы живете. Ведь вы мои тени. Мои защитники. Мои ангелы. И я имею право знать, что у вас внутри. Не для того, чтобы использовать. А для того, чтобы понимать. Чтобы любить вас правильно. Чтобы быть той, кто вам нужен. Не ребенком и не женщиной. А собой. Старой душой, которая видит вашу боль и силу. И принимает их. Все. Без остатка и осуждения. Без страха.

Она положила чурчхелу на плед. Посмотрела на них. В ее глазах не было насмешки. Не было триумфа. Только любовь. Глубокая. Безусловная. Принимающая. Любовь старой души, которая понимает мужчин лучше, чем они сами понимают себя.

Кир опустил руки. Посмотрел на нее. В его глазах стояли слезы. Не от горя, а от облегчения и признания. Он понял. Понял, что она не играла с ним. Она играла с его страхами и запретами. С его болью. И победила их. Не уничтожив. Приняв. Ник медленно выдохнул. Расслабил кулаки. Посмотрел на нее. В его глазах не было огня. Было спокойствие. Признание. Любовь. Он понял. Понял, что она не требовала ответа. Она требовала принятия. Солнце начало садиться. Окрашивая небо в розовые, золотые, фиолетовые тона. Свет стал мягче, теплее, интимнее. Тени удлинились, сливаясь с зем-

лей. Воздух стал прохладнее, свежее. Пора было возвращаться. Но никто не спешил. Никто не хотел нарушать эту тишину. Это принятие и эту связь. Они сидели. Смотрели. Дышали. Жили. Любили. Принимали. Понимали. Доверяли. Связывались. Навсегда. Неразрывно. Абсолютно.

Яна внезапно напряглась. Что-то беспокоило её. Не страх. Не тревога. А что-то другое — предчувствие, ощущение, что что-то должно случиться, что-то должно произойти, что-то должно измениться. И это что-то было не плохим и не хорошим. Оно просто было. Как снег. Как лёд. Как время.

— Что случилось? — спросил Кир, почувствовав изменения в пространстве. Его голос был низким, ровным, без тени требования, без попытки заставить её говорить. Просто вопрос.

— Не знаю, — ответила Яна тихо. — Просто... чувствую, что что-то должно произойти. Что-то важное.

Ник поднял голову. Его взгляд был тяжёлым, оценивающим, но в нём не было осуждения. Только внимание. Только готовность услышать. Только присутствие.

— Предчувствия редко бывают случайными, — сказал он наконец. — Особенно у тех, кто умеет слушать тишину.

Яна повернулась к нему, посмотрела в глаза. В его взгляде было что-то такое, от чего у неё сжалось сердце. Не страх. Не тревога. А что-то более глубокое — понимание того, что он знает. Что он видел. Что он ждал этого момента.

— Что ты знаешь? — спросила она тихо.

Ник не ответил сразу. Он медленно поставил бокал на плед, встал, подошёл к краю площадки, где земля обрывалась крутым снежным склоном, уходящим вниз, к лесу, к реке, к чему-то невидимому, скрытому за пеленой тумана. Он стоял там долго, молча, и Яна видела, как его плечи напряглись, как спина выпрямилась, как всё его тело пришло в состояние готовности — не агрессии, не страха, а именно готовности. Как будто он ждал. Как будто он знал.

— Там, — сказал он наконец, указывая рукой куда-то вниз, на склон, — что-то есть.

Яна встала, подошла ближе, встала рядом с ним. Ветки хрустнули под ногами, звук был громким в этой тишине, и она невольно вздрогнула. Вниз, на склон, где земля обрывалась крутым уступом, где были какие-то тёмные пятна, которые она не могла разглядеть отсюда.

— Что там? — спросила она.

— Не знаю, — ответил Ник. — Но что-то есть. И это что-то ждёт.

Яна прищурилась, пытаясь разглядеть что-то в этой дали, в этом хаосе теней и ветвей деревьев. И вдруг она увидела. Где-то там, на краю склона, где еще лежал снег и он был особенно глубоким, где тень от сосны падала особенно густо, что-то блестело. Не снег. Не лёд. Что-то другое. Что-то металлическое. Что-то, что не должно было быть там.

— Я вижу, — сказала она тихо. — Там что-то блестит.

Кир подошёл ближе, встал рядом, прищурился.

— Где? — спросил он.

— Там, — Яна указала рукой. — На краю склона. Где тень от сосны.

Кир молчал долго. Потом медленно кивнул.

— Ник, — сказал он. — Посмотри.

Ник кивнул, начал аккуратно спускаться по склону. Его движения были осторожными, точными, выверенными. Он не торопился и не рисковал. Он просто шёл, шаг за шагом, прощупывая снег ногой, проверяя каждый сантиметр пути, каждый выступ, каждую неровность.

Яна смотрела на него, и что-то внутри неё сжималось. Не страх. Не тревога. А что-то другое — нетерпение, желание узнать, что там, что блестит, что ждёт их там, на краю склона. Она сделала шаг вперёд.

— Яна, стой, — сказал Кир, и в его голосе прозвучала та самая интонация, которая не терпела возражений. — Подожди Ника.

Но Яна не послушала. Она сделала ещё один шаг. Потом ещё один. Снег был глубоким, холодным, он забирался в ботинки, холодило ноги, но она не чувствовала этого. Она чувствовала только это странное, навязчивое желание узнать, что там. Что блестит. Что ждёт.

— Яна! — голос Кира был резким, громким, полным тревоги. — Стой!

Но было уже поздно.

Яна сделала ещё один шаг, и в этот момент снег под её

ногами предательски хрустнул, осел, и она почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она попыталась ухватиться за что-то, за ветку, за камень, за что угодно, но руки только царапнули воздух, и она полетела вниз.

Время замедлилось. Она видела, как снег летит ей в лицо, как ветки сосен мелькают перед глазами, как небо и земля меняются местами, как мир переворачивается, как всё становится не таким, каким было секунду назад. Она не кричала. Не было времени. Не было воздуха. Было только это странное, отстранённое наблюдение за тем, как её тело падает, как оно кувыркается, как оно ударяется о что-то твёрдое, о камень, о землю, о что-то ещё.

И потом — боль.

Острая, жгучая, невыносимая боль в левой руке. Она почувствовала, как что-то хрустнуло внутри, как кость сломалась, как мышцы разорвались, как всё внутри неё закричало от этой боли. Она попыталась пошевелить рукой, но боль стала ещё острее, ещё невыносимее, и она застонала, не в силах сдержать этот звук.

Она лежала на снегу, смотрела в небо, которое было серым, пасмурным, далёким, и не могла пошевелиться. Рука горела огнём, боль пульсировала в такт сердцебиению, и она чувствовала, как что-то тёплое — кровь — растекается под ней, впитывается в снег, окрашивает его в розовый, потом в красный цвет.

— Яна! — голос Кира был где-то далеко, наверху, и он

звучал так, будто доносился из другого мира, из другого времени, из другой реальности. — Яночка, ты где?

Она попыталась ответить, но из горла вырвался только хрип, только стон, только что-то невнятное, что-то, что не было словами.

— Ник! Быстро! — голос Кира был резкий, командный, полный той самой тревоги, которую он обычно так тщательно скрывал. — Яна где-то около тебя!

Яна слышала, как где-то наверху заскрипел снег, как кто-то побежал, как что-то упало, как кто-то закричал. Мир вокруг неё стал хаотичным, громким, страшным, и она закрыла глаза, пытаясь спрятаться от этой боли, от этого страха, от этого ощущения, что всё кончено, что всё сломалось, что всё изменилось навсегда.

— Милая, открой глаза, — голос Ника был рядом, совсем рядом, и она почувствовала, как чьи-то тёплые руки коснулись её лица, как кто-то осторожно, бережно приподнял её голову, как чьё-то дыхание обожгло её щёку. — Яночка, посмотри на меня.

Она открыла глаза. Ник был над ней, его лицо было бледным, глаза полными такого страха, такой боли, такой тревоги, что ей захотелось заплакать. Не от своей боли. От его боли. От того, что она причинила ему это. Что она напугала его. Что она заставила его чувствовать этот страх.

— Рука, — прошептала она, и слова давались ей с трудом, каждое слово было как нож, который резал горло изнутри.

— Сломала... руку...

— Я знаю, — сказал Ника тихо. — Я вижу. Не двигайся. Не пытайся пошевелиться. Кир уже спускается. Он поможет.

Яна попыталась кивнуть, но боль в голове стала невыносимой, и она застонала, закрыла глаза, пытаясь спрятаться от этой боли, от этого мира, от этого ощущения, что всё кончено.

— Дыши, — голос Ника был ровным, спокойным, но в нём была та самая дрожь, которую он не мог скрыть. — Просто дыши. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Я здесь. Я с тобой. Я никуда не уйду.

Яна попыталась дышать. Вдох. Боль. Выдох. Страх. Вдох. Тревога. Выдох. Боль. Она дышала, но каждый вдох был как нож, каждый выдох был как крик, и она чувствовала, как силы покидают её, как сознание начинает плыть, как мир вокруг неё становится размытым, нечётким, далёким.

— Не смей отключаться, — голос Ника стал резким, громким, полным такой тревоги, что она невольно открыла глаза. — Яна, смотри на меня. Не закрывай глаза. Смотри на меня. Слышишь?

Она посмотрела на него. Его глаза были полны слёз, которые он не пытался скрыть, которые текли по его щекам, оставляя на снегу тёмные пятна.

— Ники… — прошептала она ласково.

— Хорошо, — сказал Ник, не обратив внимание на ласковый тон, и в его голосе прозвучало облегчение, которое

длилось всего секунду, которое тут же сменилось новой тревогой. — Держись. Кир уже близко.

Яна услышала, как где-то рядом заскрипел снег, как кто-то тяжело дышал, как что-то упало на снег рядом с ней. Она повернула голову — движение далось ей с трудом, боль пронзила всё тело, но она заставила себя посмотреть.

Кир был рядом. Он опустился на колени рядом с ней, его лицо было сосредоточенным, серьёзным, в его глазах не было страха, только расчёт, только понимание того, что нужно сделать, только готовность действовать.

— Сломана, — сказал он, осторожно, бережно касаясь её руки, и Яна застонала от боли, которая стала ещё острее, ещё невыносимее. — Открытый перелом. Кость вышла наружу. Нужно зафиксировать. Нужно остановить кровь.

— Делай, — сказал Ник, который тоже спустился вниз и теперь стоял рядом, его лицо было бледным, но в его глазах читалась та самая решимость, которая не позволяла ему поддаться панике.

Кир кивнул, начал действовать. Его движения были быстрыми, точными, выверенными. Он достал из кармана бинт, начал осторожно, бережно фиксировать руку, останавливать кровь, и Яна чувствовала, как каждое его прикосновение причиняет боль, но это была необходимая боль, боль, которая вела к исцелению, к выздоровлению, к жизни.

— Дыши, — сказал Кир тихо, и в его голосе прозвучала та самая забота, которую он обычно так тщательно скры-

вал за маской холодности, за маской безразличия, за маской профессионализма. — Скоро будет легче. Скоро боль уйдёт. Держись.

Яна попыталась кивнуть, но силы покидали её, сознание начинало плыть, мир вокруг неё становился размытым, нечётким, далёким, и она чувствовала, как что-то тёплое, что-то хорошее, что-то безопасное начинает окутывать её, уносить её куда-то далеко, туда, где нет боли, где нет страха, где нет тревоги.

— Не смей, — голос Ника был где-то далеко, и в нём была такая тревога, такая боль, такой страх, что она невольно открыла глаза. — Яна, не смей отключаться. Смотри на меня. Слышишь? Смотри на меня.

Но сознание Яны медленно отключалось. Темнота наступала..

Яна почувствовала, как чьи-то сильные руки подняли её, как её тело оторвалось от снега, от земли, от боли, как её начали нести куда-то вверх, к свету, к жизни, к тому месту, где боль станет меньше, где страх уйдёт, где тревога исчезнет.

Она закрыла глаза. От той самой усталости, которая приходит после борьбы, после страха, после боли, после того момента, когда ты понимаешь, что выжил, что выстоял, что выдержал.

И в этой усталости было что-то хорошее. Что-то тёплое. Что-то безопасное.

Она уснула.

***

Когда Яна открыла глаза, она была не на склоне. Не на снегу. Не в боли. Она была в своей комнате.

Рука болела. Но это была другая боль. Не острая, не жгучая, не невыносимая. А тупая, ноющая, постоянная. Боль, которая напоминала о том, что случилось, о том, что было, о том, что она выдержала, о том, что она выжила.

Она попыталась пошевелить рукой, и боль стала острее, но она заставила себя не застонать, не закричать, не показать, что ей больно. Она лежала неподвижно, смотрела в потолок, на котором были те самые трещины, которые она знала наизусть, которые она считала столько раз, которые она знала лучше, чем своё собственное имя.

Дверь открылась. Вошёл Кир. В руках он держал чашку с чем-то горячим, от чего шёл пар, который поднимался вверх, растворялся в воздухе, исчезал, как и всё в этом мире — временно, хрупко, недолговечно.

— Ты проснулась, — сказал он ласково, и в его голосе прозвучало облегчение, которое было таким глубоким, таким искренним, таким настоящим, что у неё сжалось сердце.

— Да, — ответила она, и её голос был хриплым, слабым, далёким, как будто доносился из другого мира. — Что... что случилось?

— Ты упала, — сказал он, подойдя ближе, поставил чашку на тумбочку рядом с кроватью. — Сломала руку. Открытый перелом. Мы доставили тебя домой. Врач был здесь. Он на-

ложил гипс. Сказал, что всё заживёт. Что через шесть недель ты сможешь снять гипс. Что всё будет хорошо.

Яна посмотрела на свою левую руку. Она была в гипсе — белом, тяжёлом, неудобном, но это был знак того, что она выжила, что она выдержала, что она справилась.

— Как... как долго я спала? — спросила она.

— Два дня, — ответил Кир. — Ты спала два дня. Мы боялись, что ты не проснёшься. Что травма головы... что внутреннее кровотечение... что... — он замолчал, не договорил, и в его глазах промелькнула та самая боль, тот самый страх, та самая тревога, которую он так тщательно скрывал.

— Но я проснулась, — сказала Яна тихо. — Я здесь. Я жива.

— Да, — сказал он, и в его голосе прозвучала такая нежность, такая забота, такая любовь, что у неё защипало в носу. — Ты здесь. Ты жива. И это главное.

Яна посмотрела на него. Его лицо было уставшим, бледным, с тёмными кругами под глазами, и она понимала, что эти два дня были для него адом. Что он не спал. Что он не ел. Что он сидел рядом с ней, держал её за руку, ждал, молился, надеялся, верил.

— Прости, — прошептала она. — Я... я не послушала. Я пошла туда. Я...

— Не извиняйся, — перебил её Кир, и в его голосе прозвучала та самая твёрдость, которая не терпела возражений. — Ты не виновата. Ты увидела что-то. Ты захотела узнать.

Это нормально. Это естественно. Это часть того, кто ты есть. Не извиняйся за это. Никогда.

Яна посмотрела на него, и в её глазах стояли слёзы. Не от боли. Не от страха. А от того, что он понял. Что он принял. Что он не осудил. Что он был рядом.

— Спасибо, — прошептала она.

— Не за что, — сказал Кир, и он улыбнулся — той самой улыбкой, которая преобразила его лицо, которая делала его моложе, мягче, человечнее. — Я просто был там, где должен был быть. С тем, с кем должен был быть.

Яна закрыла глаза. Не от усталости. А от того, что она чувствовала. От того, что она была не одна. Что она была любима, была нужна и важна.

И в этом чувстве было что-то такое, что заставляло забыть о боли. О страхе. О тревоге.

Она вновь уснула.

И на этот раз сон был спокойным. Без боли. Без страха. Без тревоги.

Потому что она знала.

Она была не одна.

Она была дома.

***

Сон забрал её быстро и глубоко, как забирает только после того, как тело исчерпало все запасы адреналина и страха. Яна лежала на огромной кровати в своей комнате в особняке Тимура, левая рука была зафиксирована в аккуратном гип-

се, Сократ и Раф вправили открытый перелом прямо в медицинском крыле дома. Её дыхание выровнялось, лицо расслабилось, но изредка брови всё равно вздрагивали — даже во сне она проживала тот момент, когда снег ушёл из-под ног и мир перевернулся.

Дверь комнаты открылась бесшумно. Сократ вошёл первым, посмотрел на спящую Яну, кивнул кому-то и вышел в коридор. За ним последовали Кир и Ник. Раф остался у двери, скрестив руки на груди. Тимур ждал их в своём кабинете.

***

Кабинет был погружён в полумрак. Только настольная лампа с зелёным абажуром отбрасывала круг тёплого света на массивный стол из морёного дуба. Тимур сидел в глубоком кожаном кресле, откинувшись на спинку, и медленно курил трубку. Дым поднимался к потолку тяжёлыми кольцами, растворяясь в темноте. На столе перед ним лежала папка с медицинским отчётом о переломе Яны, фотография со скалы, где она сорвалась, и чашка с остывшим чаем, которую он так и не допил.

Дверь открылась. Кир вошёл первым, с той самой своей походкой, которая обычно выражала уверенность, но сейчас в ней было слишком много напряжения. Ник шёл следом, почти сливаясь с тенью коридора, его лицо оставалось каменным, но глаза были тёмнее обычного, почти чёрными. Тимур не сразу поднял на них глаза. Он сделал затяжку, медленно выдохнул дым, и только потом его взгляд, тяжёлый и холод-

ный, как зимнее небо над Москвой-рекой, остановился на обоих.

— Садитесь, — сказал он тихо.

Это не было приглашением. Это был приказ, произнесённый голосом, в котором не было ни одного лишнего звука. Кир сел первым, на край стула, спина прямая, руки на коленях. Ник остался стоять у стены, чуть позади Кира, его присутствие было почти неосязаемым, но Тимур чувствовал его кожей.

— Знаете, почему я вас вызвал? — спросил Тимур.

Кир кивнул. Ник промолчал.

— Нет, — сказал Тимур, и его голос стал ещё тише, что сделало его опаснее любого крика. — Вы не знаете. Потому что если бы знали — вы бы не позволили этому случиться.

Он поставил трубку на край стола. Металл чокнулся о дерево, и звук в тишине прозвучал как выстрел.

— Одиннадцатилетняя девочка, — начал Тимур, и каждое слово падало в тишину как камень в колодец, — сорвалась со скалы. Сломала руку. Открытый перелом. Кость вышла наружу. Она могла сорваться на десять метров ниже. Могла удариться головой о камень. Могла погибнуть. А вы, двое придурков, которые должны были смотреть за ней каждые три секунды, были заняты чем?

Он замолчал. Дым от трубки поднимался между ними, создавая завесу, за которой нельзя было спрятаться. Кир сжал кулаки, но промолчал. Ник не шевельнулся.

— Вы были заняты своими чувствами, — продолжил Тимур, и в его голосе появилась та самая сталь, от которой у Кира по спине пробежал холодок. — Вы были заняты тем, что смотрели на неё. Что думали о ней. Что переживали из-за того, что кто-то посмел к ней прикоснуться в самолёте. Вы потеряли фокус. Вы забыли, зачем вы здесь.

— Тимур, — начал Кир, и в его голосе прозвучала попытка оправдания, — мы не потеряли фокус. Мы были на площадке. Мы следили за периметром. Мы...

— Вы следили за периметром, — перебил Тимур, и его голос не повысился, но в нём появилась та самая ярость, которую он обычно прятал за спокойствием, — но вы не следили за ней. Вы смотрели на неё, когда она ела. Вы смотрели на неё, когда она смеялась. Вы смотрели на неё, когда она задавала свои вопросы. Но вы не смотрели на то, куда она идёт. Вы не заметили, что она подошла к краю скалы. Вы не заметили, что снег под её ногами начал оседать. Вы не заметили, потому что вы были не там. Вы были в своих головах. В своих фантазиях. В своих чувствах.

Он сделал паузу. Долгую. Тяжёлую.

— Я знаю, что вы чувствуете, — сказал Тимур наконец, и в его голосе не было осуждения. Было констатация. Факт, который он принял как данность. — Я вижу это. Я вижу, как Кир смотрит на неё, когда думает, что никто не видит. Я вижу, как Ник замирает, когда она входит в комнату. Я вижу, как вы оба готовы убить любого, кто косо посмотрит в её

сторону. Я вижу, как вы лежали с ней в одной кровати здесь, в моем доме, создавая вокруг неё кокон. Я вижу всё.

Кир поднял голову. В его глазах мелькнуло что-то — не страх, а вызов.

— Мы не...

— Молчи, — сказал Тимур. Одно слово. И Кир замолчал. Не потому что испугался. А потому что понял: сейчас не время для споров. Сейчас время слушать.

— Я не осуждаю вас за чувства, — продолжил Тимур, и его голос стал мягче, но от этого только страшнее. — Чувства не выбирают. Они приходят. Они живут в нас. Они могут быть разрушительными или созидательными. Но одно я должен сказать вам. Одно, и только одно.

Он наклонился вперёд, уперся локтями в стол, сцепил пальцы. Свет лампы упал на его лицо, и в его глазах не было ни капли тепла. Только лёд. Только сталь. Только обещание, которое нельзя было нарушить.

— Если вы перейдёте черту без её согласия, — сказал он тихо, и каждое слово падало как капля ртути, тяжёлое и неумолимое, — если вы прикоснётесь к ней без её разрешения, если вы воспользуетесь её доверием, её возрастом, её неопытностью, её состоянием после травмы... если вы сделаете хоть один шаг, на который она не дала явного, осознанного, добровольного согласия...

Он замолчал. Дав словам повиснуть в воздухе. Дав им проникнуть в каждую клетку их тел.

— ...я лично вспорю вам животы, — закончил он. — Медленно. Мучительно. Чтобы вы понимали каждую секунду, каждую боль, каждую ошибку, которую вы совершили. Я не буду судить. Я не буду спрашивать. Я просто сделаю это. И никто не сможет вас спасти. Ни она. Ни Фанси. Ни Раф. Никто. Вы исчезнете. Так, будто вас никогда не существовало.

В комнате повисла тишина. Густая. Тяжёлая. Непроницаемая. Кир побледнел. Ник не изменился в лице, но его руки, лежавшие вдоль тела, медленно сжались в кулаки.

— Но, — продолжил Тимур, и в его голосе появилась другая интонация. Не угроза. Предупреждение. Сложное, многогранное, опасное предупреждение, — если она сама... если она сама сделает шаг... если она сама проявит инициативу... если она сама, осознавая, понимая, добровольно... — он подбирал слова осторожно, точно, как хирург выбирает инструмент, — ...тогда я не вмешаюсь.

Он откинулся на спинку кресла, выдохнул. Дым снова поднялся к потолку.

— Я не дам разрешения, — сказал он. — И не благословлю. Я не одобрю. Но я и не остановлю. Если это будет её выбор. Её осознанный, добровольный, взрослый выбор. Во взрослом возрасте. Не ваш. Не навязанный. Исключительно ее.

Он посмотрел на каждого по очереди.

— Вы понимаете разницу? — спросил он.

Кир кивнул медленно.

— Да, — сказал он. Голос был хриплым.

Ник открыл рот, но не сказал ничего. Просто кивнул.

— Хорошо, — Тимур взял трубку, закурил снова. — Тогда запомните ещё одно. Она становится женщиной. Не сейчас. Не завтра. Но процесс пошёл. Она растёт. Она меняется. Она начинает чувствовать своё тело, свою силу, свою привлекательность. И вы несёте ответственность. Не за её чувства. Не за её выбор. За её безопасность. За то, чтобы она могла выбрать сама. Без давления. Без манипуляций. Без страха.

Он замолчал. Дал словам уложиться.

— Если вы действительно чувствуете то, что чувствуете, — продолжил он, — тогда ваша задача не получить её. Ваша задача не добиться её. Ваша задача не сделать её своей. Ваша задача — создать пространство, в котором она сможет стать собой. В котором она сможет понять, чего хочет. В котором она сможет выбрать. Осознанно. Свободно. Без принуждения.

Он сделал паузу. Посмотрел на них долгим взглядом.

— И если в этом пространстве она выберет вас, — сказал он наконец, — тогда... тогда я не вмешаюсь. Но если она выберет не вас... если она выберет другого... если она выберет никого... тогда вы примете это. Без обид и мести. Без попыток изменить её решение. Вы примете это как мужчины. Как те, кто действительно любит. Не владеет. Любит.

В комнате снова повисла тишина. Но теперь она была дру-

гой. Не тяжёлой. Наполненной. Осмысленной.

Кир поднял голову.

— Мы понимаем, — сказал он.

Ник кивнул.

— Мы будем охранять её, — сказал он. — И от других. И от себя.

Тимур усмехнулся. Едва заметно.

— Это самая трудная охрана, — сказал он. — И самая важная.

Он сделал последнюю затяжку, затушил трубку.

— Можете идти, — сказал он.

Кир и Ник встали. Повернулись к двери.

— И ещё, — остановил их Тимур.

Они обернулись.

— Если вы хоть раз, хоть на секунду, поставите свои чувства выше её безопасности, — сказал он тихо, — я узнаю. И тогда никакие оправдания вас не спасут. Никакие чувства. Никакая любовь. Ничто.

Он посмотрел на каждого в последний раз.

— Вы мне нужны живыми, — сказал он. — Но она нужна мне целой. И если придётся выбирать... — он не договорил, но в его глазах было всё сказано.

Кир и Ник вышли из кабинета.

Дверь закрылась за ними тихо.

Тимур остался один. Сидел в темноте, курил трубку, думал о том, что сделал. О том, что разрешил. О том, что за-

претил.

Он не дал разрешения. Нет. Но он и не запретил. И это было опаснее любого запрета. Потому что это оставляло пространство. Пространство для выбора. Для ошибки. Для боли. Для любви.

Он выдохнул дым, посмотрел, как тот растворяется в воздухе.

— Прости меня, девочка, — прошептал он в пустоту. — Я не могу защитить тебя от всего. Я не могу закрыть тебя в башне. И не могу остановить время. Я могу только... — он замолчал, — ...могу только надеяться, что ты сделаешь правильный выбор. И что они будут достаточно сильны, чтобы принять его. Какой бы он ни был.

За окном падал снег. Тихо. Плавно. Гипнотизирующе.

А где-то в другой комнате спала Яна. Спокойно. Безмятежно. Не зная, что только что её судьба, её выбор, её будущее были взвешены на невидимых весах. Что только что два мужчины получили предупреждение. Угрозу. И... разрешение.

Не явное. Не прямое. Но разрешение.

И в этом «но» помещалась вся её свобода. Вся её ответственность. Вся её карма.

Глава 28

Глава 28. Старый Тбилиси

Читать под трек **«Если это не любовь» Dato**

Утро в Тбилиси не приходило, оно медленно проступало из предрассветного тумана, как старая фреска, которую реставратор осторожно освобождает от слоев вековой пыли. Солнце еще не коснулось красных черепичных крыш Сололаки, но воздух уже наполнился запахом сероводородных источников, жареного теста и влажной земли.

В огромном доме Тимура царила та особая, звенящая тишина, которая бывает только после сильной бури. Вчерашний разговор в кабинете остался за закрытыми дверями, но его эхо висело в коридорах, проникая в каждую комнату, в каждую щель, отравляя утренний свет.

Яна спустилась к завтраку первой. Ее левая рука, закованная в белый гипс, казалась чужой, неуклюжей и бесконечно тяжелой. Она чувствовала себя уродливой. Не из-за самой травмы, а из-за того взгляда, который она поймала вчера в глазах Ника, когда он нес ее на руках. В том взгляде было столько первобытного, животного ужаса за ее жизнь, что теперь, в холодном свете утра, ей казалось, она стала для них обузой. Хрупкой, сломанной куклой, которая испортила их идеальную, отточенную машину выживания.

Когда она вошла в столовую, Кир и Ник уже сидели за

длинным дубовым столом. Между ними было ровно то расстояние, которое необходимо для того, чтобы вытянуть руку и ударить. Они не разговаривали. Кир механически крошил в тарелку белый хлеб, его челюсть была сжата так сильно, что под кожей на скулах играли желваки. Ник смотрел в свое черное кофе, его лицо было маской из гранита, но Яна заметила, как его пальцы медленно, ритмично барабанят по краю фарфоровой чашки.

Они оба подняли глаза, когда она вошла. И оба тут же отвели их в сторону.

- Доброе утро, - сказала Яна, стараясь, чтобы ее голос звучал ровно. Она обошла стол и села на свое обычное место, прямо между ними.

- Доброе, - буркнул Кир, не глядя на нее. Он придвинул к ее тарелке блюдо с сыром сулугуни, но сделал это так резко, что нож звякнул о фарфор.

Ник молча налил ей чай. Его рука двигалась отрывисто. Он поставил стакан перед ней, и его пальцы на долю секунды задержались в миллиметре от ее здоровой правой руки. Яна замерла, ожидая того самого прикосновения, которое ночью в горах дало ей понять, что она жива. Но Ник отдернул руку, словно обжегшись, и снова уставился в свою чашку.

Яна посмотрела на них. Это была пытка. Не физическая, а та, что разъедает душу изнутри. Они были здесь, они дышали с ней одним воздухом, но между ними выросла невидимая стеклянная стена. Кир, который всегда садился так,

чтобы видеть ее лицо, теперь смотрел куда-то в угол потолка. Ник, который всегда чувствовал ее настроение раньше, чем она сама его осознавала, теперь казался глухим и слепым.

Она вспомнила вчерашний разговор в темной комнате, их признания, тепло их тел, клятвы, которые они произнесли в полумраке. И вдруг ей стало стыдно. До боли, до тошноты. Они пожалели ее!! Сломанную, испуганную, с гипсом на руке. А утром, на трезвую голову, они поняли, какую ошибку совершили. Они дали слабину. И теперь они закрывались, строили вокруг себя крепость из равнодушия, чтобы не повторить этого.

Яна опустила глаза в свою тарелку. Аппетита не было. Внутри разрасталось что-то темное, липкое. Может, она недостаточно хороша? Может, ее старая душа, ее странные мысли, ее слишком взрослый для одиннадцати лет взгляд в итоге отпугнули их? Она поднесла вилку ко рту, но рука дрожала, и она уронила кусок сыра обратно на тарелку.

Тимур вошел в столовую в своем безупречном белом льняном костюме. Он остановился на пороге, его холодный, оценивающий взгляд мгновенно отсканировал комнату. Он увидел Яну, сгорбившуюся над тарелкой, ее дрожащую руку, ее опущенные плечи. Он увидел Кира, который яростно, с ненавистью крошил хлеб. Он увидел Ника, превратившегося в каменную статую.

Тимур медленно подошел к столу. Он не сел. Он положил ладони на гладкую поверхность дуба и посмотрел на своих

лучших бойцов:

- Вы, - сказал Тимур, и его голос прозвучал тихо, но в этой тишине было столько яда, что Кир вздрогнул. - Вы два конченых придурка!

Кир поднял голову, в его глазах вспыхнула искра.

- Я не знаю, что именно вы себе вообразили вчера ночью, - продолжал Тимур, его голос начал повышаться, теряя привычную ледяную гладкость. - Я не знаю, какие сопливые клятвы вы тут раздавали в темноте. Но я вижу, что происходит сейчас. Вы решили наказать ее. Вы решили, что лучший способ выполнить мое вчерашнее предупреждение — это превратиться в куски льда и заставить эту девочку думать, что она совершила преступление, просто упав со склона.

Ник медленно поднял глаза. В его взгляде не было раскаяния. Только глухая боль.

- Мы не хотим причинить ей вред, - сказал он хрипло.

- Вред? - Тимур рассмеялся, и этот смех был сухим и злым. - Вы просто посмотрите на нее! Посмотрите! Сейчас же!

Яна подняла голову. Ее глаза были сухими, но в них стояла такая беззащитность, что у Кира внутри все перевернулось. Он хотел вскочить, хотел обнять ее. Хотелось закричать, что она идеальна, что она - единственное, что имеет смысл в этом прогнившем мире. Но он сжал кулаки под столом так, что ногти впились в ладони, оставляя кровавые по-

лумесяцы. Он дал слово. Он поклялся держать дистанцию.

- Она думает, что она вам противна, кретины! - выплюнул Тимур. - Она думает, что ее гипс, ее падение и присутствие сейчас вызывает у вас тошноту, придурки вы эдакие! Вы разрушаете ее изнутри, вместо того чтобы защищать от внешних угроз. Вы думаете, вы герои? Вы трусы! Вы боитесь собственных чувств больше, чем пуль в упор!

Он выпрямился, оттолкнулся от стола.

- Доедай, Яна, - сказал он, и его голос мгновенно смягчился, превращаясь в тот ровный, уверенный тон, который был для нее якорем. - Через десять минут мы выходим. Я покажу тебе город. А эти двое, - он кивнул на Кира и Ника, - пусть идут чистить оружие. Им нужно выплеснуть эту агрессию куда-то, кроме как в твою сторону.

Кир резко встал, его стул с грохотом отлетел назад.

- Я не могу, - выдавил он, его голос сорвался. Он посмотрел на Яну, и в его глазах стояла мольба. - Просто не могу.

Он шагнул к двери, но на полпути остановился, не в силах просто уйти, не сказав ничего.

- Яна, ты... ты не виновата. Ты ничего не сделала.

Он вылетел из комнаты, хлопнув дверью так, что задрожали стекла в серванте.

Ник сидел неподвижно. Он смотрел на Яну долгим, тяжелым взглядом, в котором читалась вся мука мира.

- Прости, - прошептал он. И медленно, сгорбившись, словно неся на плечах неподъемную ношу, вышел следом.

Яна сидела одна за огромным столом. Тимур обошел вокруг и положил свою тяжелую руку ей на здоровое плечо.

- Ешь, - сказал он ешь тихо.

- Я не голодна.

Тимур вздохнул.

- Тогда идем, дочка. Воздух здесь лечит лучше любых таблеток.

***

Тбилиси не просыпался — он рождался каждое утро заново. Рассвет над Кавказскими хребтами приходил не как обещание, а как тайна: сначала — серебристая полоса над горизонтом, потом — розовый отблеск на вершинах, и лишь затем — золото, растекающееся по ущельям, как расплавленный мёд. Река Кура, чёрная в предрассветной тишине, медленно меняла цвет: от угольно-серого к бронзовому, от бронзового — к живому изумруду, отражая первые лучи солнца, пробивающиеся сквозь туман над холмами.

Город вставал на холмах, как древний змей, обвившийся вокруг реки. Его улицы — не прямые линии на карте, а живые вены, пульсирующие жизнью. Узкие, вымощенные булыжником переулки извивались между домами, чьи балконы нависали друг над другом так низко, что соседи могли подавать друг другу хлеб через перила. Стены — не кирпич и бетон, а слои времени: здесь — следы пуль от персидских набегов XVIII века, там — царапины от советских танков 1921 года, а выше — свежая краска, нанесённая вчера рука-

ми молодого художника, мечтающего о Европе.

Воздух Тбилиси был не просто воздухом — он был напитком. Утром — прохладным, с привкусом горной росы и цветущих каштанов. Днём — тёплым, густым от аромата жареного лаваша, специй на рынке Дезертирка, дыма от уличных костров, где варили кофе в турках. Вечером — тяжёлым от запаха чачи, цветущего жасмина и чего-то древнего, что не передать словами: запаха камня, пропитанного веками молитв, запаха земли, хранящей память о тех, кто здесь жил, любил, умирал.

Звуки города не смешивались в шум — они складывались в симфонию. Где-то внизу, у реки, звонко били молотки кузнецов, наследников тех самых мастеров, что ковали мечи для царя Ираклия. На площади Свободы — гул голосов, смех детей, лай собак, звон трамвая, чей рельс ещё помнил времена Сталина. Из открытых окон старых домов доносились звуки грузинских песен — то грустных, как река в тумане, то радостных, как вино в кубке. А над всем этим — колокольный звон из церкви Метехи, чистый, как слеза, напоминающий: здесь время не линейно. Здесь прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно.

Люди Тбилиси не ходили — они двигались. Движения их были неспешными, но наполненными смыслом. Старик у фонтана, закуривающий сигарету, делал это так, будто каждое движение — ритуал. Женщина на балконе, развешивающая бельё, делала это так, будто каждая простыня — часть

её души. Мальчик, гоняющий обруч по булыжной мостовой, делал это так, будто обруч — не металл, а связь с теми, кто гонял его здесь сто лет назад.

На улицах — не толпа, а поток. Поток лиц: смуглых, с горящими глазами, с морщинами, вырезанными не возрастом, а жизнью. Лиц, на которых читалась история: здесь — следы войны, там — радость от первого внука, выше — боль от утраты, но всегда — гордость. Гордость за город, за народ, за то, что они выжили. Выжили несмотря на персов, турок, русских, советских, на всех, кто пытался стереть их с карты. Выжили, потому что в их крови — не страх. Память.

Рынок Дезертирка — не место торговли. Это сердце города. Здесь не продают — дарят. Дарят не товар, а историю. Хлеб — не мука и вода, а молитва, замешанная в тесто. Вино — не сок винограда, а слёзы предков, собранные в бочку. Кинжал — не сталь и дерево, а честь, выкованная в огне. Здесь каждый лоток — алтарь. Каждый продавец — жрец. Каждый покупатель — паломник.

Храмы Тбилиси не возвышались над городом — они сливались с ним. Церковь Метехи, стоящая на скале над рекой, не была просто зданием. Она была свидетелем. Свидетелем казни царя Ираклия. Свидетелем любви, рождавшейся на её ступенях. Свидетелем слёз матерей, молившихся о сыновьях, ушедших на войну. Её стены помнили каждую молитву, каждый вздох, каждый шёпот. И в тишине, царившей внутри, слышалось не эхо — голос. Голос тех, кто здесь был.

Кто остался.

Крепость Нарикала, возвышающаяся над городом, не была просто крепостью. Она была стражем. Стражем, который видел всё: набеги, пожары, революции, любовь, ненависть, рождение, смерть. Её стены, покрытые мхом и трещинами, не были разрушены временем — они приняли его. Приняли, как мать принимает ребёнка. И в каждой трещине — история. В каждом камне — память.

Но главное в Тбилиси — не камни, не река, не горы. Главное — дух. Дух, который не умирает. Дух, который передаётся от отца к сыну, от матери к дочери, от учителя к ученику. Дух, который живёт в каждом глотке вина, в каждой строчке поэта Руставели, в каждом взгляде старика, смотрящего на закат. Дух, который говорит: «Ты не один. Ты — часть чего-то большего. Ты — часть нас».

Тбилиси не был городом для туристов. Он был городом для тех, кто помнит. Для тех, кто знает. Для тех, кто любит. Он не прощал лжи. Не терпел равнодушия. Но тем, кто приходил с чистым сердцем, он открывал двери. Двери в мир, где время течёт иначе. Где каждый шаг — не просто шаг. Каждое слово — не просто слово. Каждая встреча — не случайность.

Здесь, на берегах Куры, под сенью Кавказских гор, жил кодекс. Не написанный на бумаге. Не вырезанный в камне. Живой. Дышащий. Кодекс чести, слова, долга. Кодекс, который помнили те, кто помнит. И который передавали тем, кто

научится.

Тбилиси не спрашивал: «Кто ты?»

Тбилиси знал. Знал с первого взгляда. С первого шага. С первого дыхания. И если ты был своим — город принимал тебя. Как принимает мать своего ребёнка. Как принимает земля семя. Как принимает река дождь.

Тбилиси дышал.

И те, кто вдыхал его воздух, становились частью его дыхания.

Навсегда.

***

Улицы старого Тбилиси в это время суток принадлежали только тем, кто знал их ритм. Солнце уже поднялось, заливая узкие переулки Сололаки золотым светом, но в тени резных балконов, нависающих друг над другом, еще лежала утренняя прохлада.

- Город просыпается раньше нас, - сказал вдруг Тимур после долгого молчания. - В Тбилиси так. Здесь время не спешит. Оно дышит.

- Почему ты привёз меня сюда, отец? - спросила она. Не как обвинение. Как вопрос.

Тимур замер на секунду и тепло улыбнулся.

- Потому что здесь начиналось всё, - ответил он. - Не для тебя. Для меня. Я впервые приехал сюда в семнадцать лет. Сбежал из дома. Думал, что знаю всё о жизни. А здесь… здесь я научился.

- Сегодня я покажу тебе Тбилиси. Не туристический. Настоящий. Тот, который видят только те, кто знает. Пойдем прогуляемся.

Солнце уже пригревало, но в тени старых домов ещё сохранялась прохлада ночи. Улица Леселидзе - узкая, вымощенная булыжником, с домами, чьи балконы нависали друг над другом, как будто хотели пошептаться.

- Смотри, - сказал Тимур, указывая на один из домов. - Видишь эти балконы? Они не случайны. В старые времена, когда в городе не было телефонов, женщины выходили на балконы и разговаривали с соседками. Так они узнавали новости. Так они жили.

Яна посмотрела на балконы. На выцветшие занавески. На цветы в горшках. На женщину, которая как раз вышла на балкон с корзиной белья.

- Она поёт, - сказала Яна тихо.

Действительно, женщина напевала старую грузинскую песню. Мелодия - грустная, но в ней - не печаль. Надежда.

- Это «Сулико», - сказал Тимур. - Песня о любви. О том, как любовь переживает смерть. В 1997 году её поют реже, чем раньше. Но те, кто помнит - поют.

Они шли дальше. Мимо лавок с коврами, с медом, с кинжалами ручной работы. Мимо кофейен, где пожилые мужчины играли в нарды, попивая кофе из маленьких чашек. Мимо детей, гоняющих мяч по узким улочкам.

Тимур шел медленно, его рука крепко, но аккуратно при-

держивала Яну за ладонь, ведя ее по неровной брусчатке. Они мало говорили. Яна впитывала в себя запахи жареного мяса, специй, влажного мха и древнего камня.

Они свернули с главной улицы на узкую улочку, которая упиралась в тупик. Там, под тенистым ореховым деревом, на скамейке сидел старик. Ему было лет восемьдесят, не меньше. Его лицо было похоже на карту высокогорья - изборожденное глубокими морщинами, обветренное, темное. На коленях у него лежала скрипка. Не современная, лакированная, а старая, потемневшая от времени и пота, с царапинами на деке, которые выглядели как шрамы.

Тимур остановился. Яна почувствовала, как его рука напряглась. Это было не напряжение угрозы, а напряжение памяти.

- Георгий, - сказал Тимур. Голос его был низким, с той хрипотцой, которая появлялась только когда он говорил о чем-то действительно важном.

Старик поднял голову. Его глаза, светлые и прозрачные, как горная река, посмотрели на Тимура. Он медленно улыбнулся, открыв рот, где не хватало двух передних зубов.

- Тимур, - кивнул старик. Голос у него был такой же скрипучий, как его инструмент. - Я думал, ты забыл дорогу к моему дому.

- Я не забываю дороги, которые мне спасли жизнь, - ответил Тимур. Он обернулся к Яне. - Это Георгий. Он играл на скрипке еще тогда, когда ты даже в проекте не была.

Старик улыбнулся.

- А это - твоя? - спросил он, кивнув на Яну.

Тимур не ответил. Просто посмотрел на Яну. В его глазах — не вопрос. Признание.

- Моя. - кивнул Тимур. - Моя. Вопреки всему.

Яна сделала шаг вперёд. В её глазах — не страх. Понимание.

Старик посмотрел на Яну. Его взгляд был тяжелым, но в нем не было той пугающей оценки, которую Яна привыкла видеть у взрослых мужчин. В нем было любопытство и какая-то бесконечная, тихая грусть.

- Красивая девочка, - сказал Георгий. - У нее глаза старые. Очень старые.

Тимур кивнул, не удивляясь словам старика.

- Георгий был не просто музыкантом, - начал Тимур, глядя куда-то сквозь старика, в прошлое. - В восьмидесятых я только вышел из тюрьмы, отбывал первую пятилетку за грабеж, а он был капитаном спецназа ГРУ. Я думал, что знаю, как устроен этот мир. Так получилось, что мы попали в засаду в ущелье. Нас было двенадцать. Вышли только мы.

Яна замерла. Она посмотрела на старика, который теперь казался ей не безобидным дедушкой, а спящим вулканом.

- Мне прострелили легкое и перебили бедро, - продолжал Тимур, его голос стал ровным, монотонным, как доклад. - Боеприпасы кончились. Остальные либо погибли, либо ушли вперед, потому что приказ был выходить. Георгий

остался. Он взял меня на спину. Я весил тогда почти восемьдесят килограмм, он сам был ранен в плечо осколком. Он нес меня шесть километров по горам, под огнем. Он отстреливался одной рукой, держа меня другой. Когда мы добрались до своих, он потерял сознание. У него было три пули в теле.

Яна смотрела на старика, и в ее глазах стояли слезы. Она медленно, своей здоровой рукой, достала из кармана платок и вытерла лицо.

- Почему вы мало общаетесь? - спросила она тихо. Тимур усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

- Потому что он видел меня слишком слабым, - ответил Тимур. - А я видел его слишком святым. После того случая мы разошлись. Он ушел в музыку. Я ушел в тень. Но раз в год, когда я приезжаю в Тбилиси, я прихожу сюда. Сыграешь, Георгий?

- Что тебе сыграть, Теймураз?

- Нотки сочного мандарина, - загадочно ответил отец.

Георгий поднял скрипку. Он зажал ее подбородком, его пальцы, узловатые и покрытые пятнами, легли на струны. Он не стал настраивать инструмент, он просто провел смычком.

Звук был нежным, тягучим, похожим на плач. Это была не грузинская песня. Это была мелодия, в которой слышался ветер в ущельях, запах крови, крики падающих товарищей и тихая молитва того, кто выжил, чтобы нести эту память. Яна закрыла глаза. Она почувствовала, как музыка обвивает ее, как она проникает в ее гипс, в ее кожу, в ее кости. Она

увидела не глазами, а душой молодой капитан с лицом, перекошенным от боли, который несет на спине истекающего кровью пацана. Увидела, как пули рвут воздух вокруг них. Увидела, как он шепчет: "Ты будешь жить, слышишь? Ты будешь жить, потому что у тебя впереди большая дорога".

Когда музыка стихла, Яна открыла глаза. По ее щекам текли слезы. Георгий опустил скрипку.

- Ты слышишь, девочка, - сказал он тихо. - Ты слышишь то, что не слышат другие. Твой отец привел тебя ко мне не просто так.

Он посмотрел на Тимура.

- Береги ее, Тимур. У нее душа, которая помнит все. А такие души в этом мире страдают больше всех.

- Клянусь, - ответил Тимур. И в его голосе не было иронии. Только клятва.

Они оставили старику немного денег, завернутых в газету, и пошли дальше. Яна молчала долго. Они спустились к реке Куре, сели на парапете старого моста, смотря, как темная вода несет свои воды к морю.

- Отец, - Яна нашла в себе силы спросить наконец. - А почему Кир и Ник так ведут себя со мной сегодня?

Тимур тяжело вздохнул. Он достал свою трубку, но не стал ее зажигать, просто крутил в пальцах.

- Потому что они любят тебя, Яна, - сказал он просто.

Яна обернулась к нему, ее лицо исказилось от обиды.

- Любят? Они сегодня даже не посмотрели на меня! Они

обращались со мной как с пустым местом. Если это любовь, то я лучше бы они меня ненавидели.

Тимур повернулся к ней, его серые глаза стали жесткими.

- Ты думаешь, любовь это когда тебе дарят подарки и улыбаются? Любовь, настоящая, мужская любовь, это когда ты готов умереть за человека. Или убить, чтобы спасти. А когда любимый человек падает со скалы и чуть не погибает у тебя на руках, ты понимаешь, насколько хрупок этот мир. Они вчера поклялись мне, что будут держать дистанцию. Что не перейдут черту, пока ты не станешь взрослой. И сегодня они пытаются выполнить эту клятву. Они пытаются убить в себе то, что рвется к тебе. Они отстраняются, чтобы не сделать тебе больно своим желанием.

Яна сжала губы.

- Но мне больно от их холода, - прошептала она.

- Я знаю, - сказал Тимур, и его голос смягчился. - Но это цена, которую они платят за то, чтобы ты росла свободной. Не торопи их, дочка. И не думай о себе плохо. Ты идеальна. А они просто испугались своей силы.

***

Метехи. Храм над рекой.

Они ушли от старика в другую сторону и вскоре поднялись на холм Метехи. Старый храм, построенный ещё в XII веке, возвышался над рекой Кура, как страж. Каменные стены, покрытые мхом, свидетельствовали о веках, прошедших над этим местом. Внутри — тишина. Не пустая. Живая. Ти-

шина молитв. Тишина памяти.

- Здесь, - сказал Тимур, останавливаясь у алтаря, - в 1795 году был казнён последний грузинский царь. Его звали Ираклий II. Он отказался сдаться персам. Даже когда они обещали пощадить его народ. Он выбрал честь.

Яна посмотрела на алтарь. На иконы. На свечи, горящие в темноте. И вдруг - почувствовала. Почувствовала не страх. Не печаль. Связь. Связь с тем, кто стоял здесь двести лет назад. С тем, кто выбрал честь.

- Почему ты рассказываешь мне это? - спросила она тихо.

Тимур обернулся. Посмотрел на неё. В его глазах - не холодность. Понимание.

- Потому что ты выбираешь, - ответил он. - Каждый день. Каждый час. Каждую минуту. Ты выбираешь честь. Даже когда это больно. Даже когда это опасно.

Яна молчала. Долго. Потом - кивнула.

Они вышли на своеобразный балкон в храме. Солнце уже поднялось высоко, окрашивая небо в ярко-голубой цвет. Внизу, на реке, плыли лодки. На берегу - дети, играющие в воде. Жизнь продолжалась. Как продолжалась она двести лет назад. Как будет продолжаться через двести лет.

- Ты видишь? - спросил Тимур. - Город живёт. Несмотря на всё. Несмотря на войны, смерть. Несмотря на нас.

Яна кивнула. Молча. Её глаза - тёмные, как ночь - смотрели на реку. На лодки. На жизнь.

Тимур замер у каменных перил, его пальцы, сжимающие

край камня, побелели. Он повернулся к Яне, и в его глазах - не холодность, а растерянность.

- Ты назвала меня «отец», и не один раз, - сказал он тихо. Не вопрос. Удивление.

Яна подняла на него взгляд. В её глазах - не смущение. Понимание.

- Да, - ответила она. - Ты мой отец. Не по крови. По духу.

Тимур молчал. Долго. Его горло сжалось. Он отвернулся к окну, глядя на реку Кура. На город. На жизнь.

- А Дедушку… - начал он, голос дрогнул. - Ты зовёшь его «папА». По-французски. С ударением на последний слог.

- Да, - кивнула Яна. - Потому что он - папА. Тот, кто учит. Тот, кто любит. Тот, кто помнит.

Тимур закрыл глаза. Его плечи опустились. Впервые за двадцать лет — слабость.

- Я… я не знал, - прошептал он. - Я не знал, что ты… что ты так видишь нас.

Яна подошла ближе.

- Вы оба - мои отцы, - сказала она. - Один - отец. Другой - папА. И я люблю вас обоих.

Тимур открыл глаза. Посмотрел на неё. В его глазах - не слёзы. Свет. Свет того, кто наконец-то понял.

- Спасибо, - прошептал он. - Спасибо за веру, дочка. Ты же знаешь.. по кодексу нам нельзя иметь семью и детей.. и я рад этому.

- Почему? - удивилась Яна.

- Потому что так у меня есть ты, - улыбнулся Тимур и притянул ее к себе для отеческих объятий.

Они стояли молча. Рядом друг с другом. Как семья. Как те, кто прошёл через многое. И кто нашёл путь домой.

За окном - Тбилиси. Тёмный. Бескрайний. Но в храме - свет. Не от свечей. От них.

*

Нарикала. Крепость над городом.

Подъём на Нарикалу был долгим. Крутые каменные ступени, ведущие вверх, к крепостным стенам. Воздух - всё более прохладный, с привкусом горных ветров. Яна шла молча. Её шаги - уверенные. Её дыхание - ровное.

На вершине - вид. Вид, от которого захватывает дух. Вся Тбилиси - как на ладони. Река Кура, извивающаяся между холмами. Старые дома с балконами. Новые здания, ещё не вписывающиеся в облик города. И, главное - небо. Бескрайнее. Свободное. Как будто обещающее: ты можешь быть кем угодно.

- Здесь я впервые понял, что такое свобода, - сказал Тимур, останавливаясь у стены. - Не свобода от правил. Не свобода от страха. Свобода выбора. Выбора быть тем, кем ты хочешь быть. Даже если мир говорит - нельзя.

Яна посмотрела на него. В её глазах - не вопрос. Понимание.

- Ты выбрал быть вором в законе, - сказала она.

- Но не потому что хотел власти. Потому что хотел поряд-

ка.

Тимур улыбнулся.

- Ты правильно понимаешь, - сказал он.

Он подошёл ближе. Посмотрел на город. На реку. На небо. Его серые глаза, обычно такие холодные и непроницаемые, сейчас казались задумчивыми, почти уязвимыми. Ветер с гор приносил запах пыли и цветущего жасмина, перемешивая их с далёким звоном колоколов из Метехи.

- В 1997 году в Грузии нет закона, - сказал он тихо, и в его голосе не было привычной стали. Была усталость. Усталость человека, который слишком долго держал на своих плечах то, что другие называли честью. - Есть только сила. Сила тех, кто сильнее. Но сила - не закон. Закон - это честь. Честь, которая передаётся из поколения в поколение. Честь, которую нельзя купить. Честь, которую нельзя украсть.

Яна молчала. Долго. Она смотрела на его профиль, на резкие линии лица, на седые пряди в волосах, которые пробивались сквозь черноту. Ей было одиннадцать, но в её старой душе жили воспоминания о временах, когда честь действительно была валютой, за которую умирали. Она понимала больше, чем могла бы понять любая другая девочка её возраста.

- Ты боишься, что эта честь исчезнет, - сказала она наконец. Не как вопрос. Как констатацию.

Тимур кивнул. Молча. Его глаза - серые, как утренний туман над Курой — смотрели на город. На реку. На небо. Он

видел не просто пейзаж. Он видел хрупкий мир, который держался на тонкой нити традиций, на словах, данных однажды и сдержанных ценой жизни. Он видел, как эта нить истончается с каждым днём, с каждой новой войной, с каждым молодым бандитом, который думает, что пистолет заменяет слово.

- Да, - сказал он. - Я боюсь.

Признание далось ему с трудом. Тимур Сомегрэелло не привык признавать страх. Но с Яной было иначе. С ней можно было быть слабым. Потому что она видела силу не в мышцах и не в оружии. Она видела её в чём-то другом. В чём-то, что он сам уже почти забыл.

Яна подошла к нему. Встала рядом. Их плечи почти соприкасались. Она была маленькой, хрупкой, с загипсованной рукой, но в этот момент она казалась выше его. Не ростом. Присутствием.

- Она не исчезнет, - сказала она. - Пока мы помним.

Тимур обернулся. Посмотрел на неё. В его глазах - не холодность. Надежда. Хрупкая, как утренний лёд на лужах, но настоящая.

- Скажи, отец, - начала Яна, и слово «отец» прозвучало естественно, как будто она произносила его всю жизнь. - Обычный бандит и вор в законе... это же два совершенно разных человека, верно?

Тимур медленно кивнул. Он достал трубку, но не стал её зажигать. Просто держал в руках, как талисман.

- Верно, - сказал он. - Совершенно разных.

- Почему? - Яна смотрела на него внимательно, её тёмные глаза впитывали каждое слово. - Бандитов много. Они везде. На улицах, в подворотнях, в дорогих ресторанах, да даже в школе! Они думают, что сила - это всё. Что можно взять всё, что хочешь, если у тебя есть пистолет и смелость. Но вор... вор - это другое. Верно?

Тимур улыбнулся. Улыбка была грустной, но в ней было что-то тёплое.

- Ты говоришь как мудрец, дочка, - сказал он тихо. - Хотя тебе всего одиннадцать.

- Душа старше тела, - пожала она плечами.

Он вздохнул. Посмотрел на город, раскинувшийся у их ног. На красные черепичные крыши. На узкие улочки, где жизнь текла так же, как сто лет назад.

- Бандит берёт, - начал Тимур медленно, подбирая слова. - Вор - хранит. Бандит думает о себе. Вор - о других. О балансе и справедливости. Бандит нарушает порядок. Вор - создаёт его. Даже если этот порядок кажется жестоким тем, кто не понимает.

Яна кивала. Она понимала. Она видела это в Тимуре. В том, как он держал своё слово. В том, как он защищал слабых, даже если это было невыгодно. В том, как он карал предателей, даже если это было больно.

- Честь, - продолжила Яна, подхватывая его мысль. - Это то, что отличает вора от бандита. Верно? Бандит может быть

сильным. Смелым. Богатым. Но если у него нет чести, он никто. Просто преступник. А вор... вор - это тот, кто держит баланс. Кто следит, чтобы сила не превратилась в тиранию. Чтобы слабость не стала приговором.

Тимур посмотрел на неё с изумлением. Он видел, как её глаза горят пониманием. Как её старая душа впитывает мудрость веков, как губка впитывает воду.

- Ты права, - сказал он. - Совершенно права. Честь - это не просто слово. Это кодекс. Это закон, который написан не на бумаге. В сердцах и в крови. Вор в законе - это не титул. Это ответственность. Тяжёлая, непосильная для большинства. Это жизнь, посвящённая не себе. А идее. Идее справедливости. Даже если эта справедливость кажется жестокой.

- Расскажи мне, - попросила Яна. - О кодексе. О том, что нельзя нарушать.

Тимур кивнул. Он сел на каменную скамью у стены крепости, жестом пригласив Яну сесть рядом. Она села, поджав ноги, её загипсованная рука лежала на коленях.

- Первое, - начал Тимур, и его голос стал тише, торжественнее, - никогда не предавай. Слово вора - это закон. Если ты сказал - ты сделал. Даже если это стоит тебе жизни. Даже если это больно. Даже если это невыгодно. Слово - это всё, что у нас есть. Без слова мы - никто. Просто бандиты с пистолетами.

Яна слушала, не отрываясь. Она видела, как его глаза горят. Как он говорит не о правилах. О вере.

- Второе, - продолжал Тимур, - никогда не поднимай руку на слабого. На того, кто не может дать сдачи. На старика. На женщину. На ребёнка. Сила дана нам не для того, чтобы унижать. А для того, чтобы защищать. Вор - это щит. Не меч. Понимаешь?

- Понимаю, - тихо сказала Яна. - Это как карма. Если ты используешь силу не по назначению, она обернётся против тебя.

- Именно, - кивнул Тимур. - Третье - никогда не сотрудничай с властью. Не иди на сделки. Не предавай своих ради спасения собственной шкуры. Вор живёт по своим законам. Не по тем, что написаны в кабинетах чиновников. Наши законы - древнее. Справедливее.

- Но почему? - спросила Яна. - Почему нельзя сотрудничать? Если это поможет спасти кого-то?

Тимур покачал головой.

- Потому что это скользкий путь, милая. Сегодня ты сотрудничаешь, чтобы спасти одного. Завтра - чтобы спасти себя. Послезавтра - чтобы получить выгоду. И постепенно ты перестаёшь быть вором. становишься просто преступником. А это... это хуже смерти.

Яна молчала. Она переваривала его слова. Она видела в них не просто правила. Философию. Образ жизни.

- Четвёртое, - сказал Тимур, и в его голосе появилась сталь, - никогда не бери чужого. Не завидуй. Не жадничай. Вор живёт скромно. Даже если у него есть всё. Потому что

богатство - не в деньгах. В уважении. В том, что тебя помнят. Что твоё имя произносят с почтением, даже когда тебя нет.

- А пятое? - спросила Яна.

Тимур улыбнулся.

- Пятое - самое главное. Никогда не забывай, кто ты. Откуда ты пришёл. Кому ты обязан. Вор - это не одиночка. Он - часть братства. Часть традиции. Часть истории. Если ты забываешь это, ты теряешь всё.

Яна сидела молча. Ветер играл её волосами. Где-то внизу, в городе, звонили колокола. Жизнь текла своим чередом. Но здесь, на вершине Нарикалы, в этот момент рождалось что-то важное. Что-то, что определит её путь на годы вперёд.

- Отец, - сказала она наконец. - А ты... ты никогда не нарушал эти правила?

Тимур замер. Его глаза потемнели. Он отвернулся, посмотрел на реку.

- Нарушал, - тихо сказал он. - Один раз. Давно. Очень давно.

- Что случилось?

- Я поставил чувства выше чести, - сказал он, и в его голосе была такая боль, что Яна невольно протянула свою здоровую руку и накрыла его ладонь. - Я спас того, кого должен был наказать. Потому что любил его. Как сына.

- И что было потом?

- Потом он предал меня, - сказал Тимур. - Предал всех. И из-за него погибли хорошие люди. Те, кого я клялся защи-

щать.

Яна молчала. Она понимала. Она видела, как эта рана всё ещё кровоточит в его душе.

- Ты жалеешь? - спросила она.

Тимур медленно кивнул.

- Каждый день, - сказал он. - Каждую ночь. Но я также понимаю, что это сделало меня тем, кто я есть. Я научился. Я больше не допускаю ошибок. Я держу баланс. Даже если это больно.

Яна сжала его руку.

- Ты хороший человек, отец, - сказала она. - Не потому что никогда не ошибался. А потому что исправлял ошибки. Потому что помнил. Потому что держал слово.

Тимур посмотрел на неё. В его глазах стояли слёзы. Он не плакал. Но они были там. Готовые пролиться.

- Спасибо, дочка, - прошептал он. - За то, что веришь.

Они сидели молча. Долго. Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в багровые тона. Город внизу зажигал огни. Жизнь продолжалась.

- Яна, - сказал Тимур наконец. - Обещай мне одно.

- Что?

- Когда ты вырастешь... когда придёт твоё время... помни эти правила. Ты, конечно, никогда не станешь вором. Но держи честь. Держи слово и баланс. Мир нуждается в таких людях. Больше, чем когда-либо.

Яна кивнула.

- Обещаю, - сказала она. - Я помню. Я всегда буду помнить.

Тимур улыбнулся. Впервые за весь день его улыбка была настоящей. Без тени боли. Без груза прошлого.

- Тогда всё будет хорошо, - сказал он. - Потому что у нас есть будущее.

Они спустились с Нарикалы, когда солнце уже начало клониться к закату, окрашивая старые черепичные крыши Тбилиси в цвета ржавчины и теплого меда. Воздух стал прохладнее, и ветер с гор приносил запах вечерней сырости и далекого дыма. Яна шла рядом с Тимуром, ее шаги были тихими, но уверенными. Она шла в ногу с ним, не пытаясь поспеть, просто чувствуя его ритм.

- Отец, - начала она вдруг, переступая через очередной кривой булыжник мостовой. - А почему у воров нет семьи?

Тимур остановился. Он медленно обернулся, посмотрел на нее, и в его серых глазах мелькнуло удивление. Он не ожидал этого вопроса. Не сегодня. Не после всего, о чем они говорили.

- У тебя нет жены. Нет других детей. Нет дома, где тебя ждут к ужину. Фанси тоже один. Сократ один. Кир... Ник тоже. Почему? Разве вы не хотите, чтобы вас кто-то ждал?

Тимур долго молчал. Он вытащил из кармана свою неизменную трубку, медленно набил ее табаком, но так и не закурил. Просто держал в руках, словно это был какой-то талисман, дающий ему время собраться с мыслями.

- Есть такое понятие, Яночка, - сказал он наконец, и голос его стал тише, почти сливаясь с шумом вечернего города. - Воровская женитьба. Но женятся воры не на женщинах. Они женятся на воровском мире.

Яна нахмурилась, пытаясь понять глубину его слов.

- Семья это якорь, - продолжил Тимур, глядя куда-то поверх ее головы, на темнеющие склоны гор. - Тяжелый, ржавый якорь, который тянет ко дну. Когда у мужчины появляется жена, дети, дом с белыми занавесками, он перестает быть свободным. Он начинает бояться.

- Чего бояться? - тихо спросила Яна.

- Всего, - усмехнулся Тимур, но в усмешке не было веселья. - Бояться, что его посадят, и некому будет кормить детей. Бояться, что его убьют, и они останутся одни на этом свете. А страх, Яна, это яд для вора. Вор должен быть бесстрашен. Он должен знать, что ему нечего терять, кроме своей чести и своей короны. Как только у тебя появляется то, что ты можешь потерять, ты становишься уязвимым. А в нашем мире уязвимых съедают первыми.

Он сделал паузу, глядя на свои руки, покрытые шрамами и старыми татуировками, которые в полумраке казались просто темными пятнами.

- Есть еще одна причина, - добавил он. - Братство. Воровской мир это огромная, сложная, жестокая семья. И в этой семье нельзя выделять своих кровных. Нельзя ставить их выше братьев. Если вор начнет тащить деньги из общака на иг-

рушки своему сыну или на шубу жене, он перестанет быть вором. Он станет обычным бандитом. А бандитов, Яна, мы презираем больше, чем ментов. Бандит думает о себе. Вор думает о масти.

Яна слушала его, и внутри нее что-то сжималось от щемящей, тихой боли. Она смотрела на этого сильного, властного мужчину, который держал в страхе пол-Европы, и вдруг видела в нем не босса, а монаха. Монаха, давшего страшный обет.

- Это как монашество, - вдруг сказала она. - Только вместо бога вы служите закону.

Тимур вздрогнул. Он посмотрел на нее так, словно увидел впервые. В его глазах читалось потрясение. Никто никогда не говорил ему этого. Ни Фанси, ни Сократ, ни самые мудрые старики на сходках. А сказала это одиннадцатилетняя девочка с загипсованной рукой.

- Точно, - кивнул он, и голос его дрогнул. - Монашество. Монахи дают обет безбрачия, чтобы их душа принадлежала только небу. А вор дает обет, чтобы его жизнь принадлежала только братве. Это жертва, Яночка. Страшная, тихая жертва, о которой никто не пишет в газетах. Мы отдаем свое счастье, свой покой, свою возможность быть просто мужчиной, ради того, чтобы в этом мире оставался порядок.

- И тебе не больно? - спросила она, глядя на его профиль, на резкие линии лица, которые в сумерках казались еще более жесткими. - Никогда не бывает больно от того, что ты

один?

Тимур медленно выдохнул. Он наконец поднес трубку к губам, но так и не зажег ее.

- Бывает, - признался он. - Особенно по ночам. Когда возвращаешься в дом после тяжелой ходки, и там никого. Только стены. Бывает больно, когда видишь, как другие мужчины гуляют с сыновьями по парку, держат их за руку. Но потом ты вспоминаешь, ради чего ты это выбрал. Ради того, чтобы в мире, где правят крысы и предатели, оставалось место для тех, кто держит слово.

Он обернулся к ней, и в его серых глазах мелькнуло что-то теплое, почти отцовское, что полностью разрушило его образ ледяного босса.

- А потом, - добавил он тише, - появилась ты. И я понял, что семья это не всегда кровь и штамп в паспорте. Семья это те, кто готов умереть за тебя. И те, за кого ты готов умереть. У меня есть братва. У меня есть Фанси. У меня есть Кир и Ник. И у меня есть ты. Мне больше не нужно.

Яна подошла к нему и обняла его за талию, прижавшись щекой к его боку. Тимур замер, а потом медленно, неуверенно, словно боясь сломать, положил руку ей на голову.

- Я понимаю, отец, - прошептала она.

Они стояли так посреди старой тбилисской улицы, пока солнце окончательно не скрылось за хребтами, и город не зажег свои тысячи огней. Огни горели ровно, тепло, освещая путь тем, кто идет домой. А они шли домой. Вместе.

И в этом моменте Тбилиси жил. Тбилиси помнил. Тбилиси держал честь.

И они тоже держали.

***

Когда они вернулись в особняк, солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Во внутреннем дворике, под старой магнолией, царило напряжение, которое можно было резать ножом.

Кир и Ник сидели на каменной скамье. Между ними лежала пепельница, переполненная окурками. Кир курил одну сигарету за другой, его нога нервно дергалась. Ник сидел абсолютно неподвижно, глядя в одну точку на стене.

Яна и Тимур остановились у порога, наблюдая за ними из тени арки.

- Знаешь, что меня больше всего бесит? - сказал вдруг Кир, не поворачивая головы. - Твой молчаливый взгляд. Ты сидишь и думаешь, что ты святой. Что ты контролируешь себя. А на самом деле ты просто трус. Ты боишься, что если ты сделаешь хоть шаг, ты ее сломаешь.

Ник медленно повернул голову. Его глаза были темными, как бездна.

- Я не трус, - сказал он тихо. - Я знаю свои пределы. А ты, Кир, просто прячешься за своим смехом. Ты шутишь, чтобы не признать, что ты хочешь забрать ее и увезти туда, где нас никто не найдет. Но ты не можешь. Потому что ты тоже знаешь, что она не готова.

- Она никогда не будет готова, если мы будем сидеть тут и играть в монахов! - рявкнул Кир, вскакивая на ноги. Он швырнул недокуренную сигарету в стену. - Она сегодня смотрит на меня так, будто я ее предал. А я предал ее, потому что послушал старого мудака!

- Старый мудак спас тебе жизнь, придурок, - раздался голос Тимура из темноты арки.

Кир вздрогнул, но не отступил.

- Мы не монахи, - продолжал Ник, его голос дрогнул от сдерживаемой ярости. - Мы ее тени. А тени не имеют права касаться света. Они его только очерчивают.

- Ты слишком много читаешь, Удав, - усмехнулся Кир, и в его усмешке было столько злобы, что Яна похолодела. - Ты знаешь, в чем твоя проблема? Ты думаешь, что если ты будешь страдать молча, ты будешь лучше меня. Но ты просто эгоист. Ты любишь свою боль больше, чем ее улыбку.

Ник встал. Он был выше Кира, шире в плечах. Движение было плавным, но в нем чувствовалась смертельная опасность.

- Ты хочешь поговорить о боли? - спросил Ник, и его голос превратился в низкий рык. - Ты хочешь поговорить о том, кто из нас эгоист? Ты вчера ночью обнимал ее так, что оставлял на ней синяки. Ты душил ее своим присутствием. А сегодня ты сидишь и ноешь, как девчонка, потому что я не дал тебе сорваться!

Кир шагнул вперед, его лицо было в сантиметре от лица

Ника.

- Не смей мне говорить, что делать, - прошипел он. - Ты забыл, кто я? Ты забыл, что я делал, когда мне было столько же лет, сколько ей сейчас? Я не буду сидеть и смотреть, как она угасает в этом гипсе, думая, что мы ее разлюбили!

Он толкнул Ника в грудь.

Это был не просто толчок. Это был вызов.

Ник не отступил. Он ударил первым. Короткий, хлесткий удар в челюсть. Кир отлетел назад, но тут же бросился в ответ. Они сцепились, как два диких зверя. Это не была драка пьяных мужиков в баре. Это была отточенная, жестокая, смертоносная пляска двух профессионалов, которые знали все слабые места друг друга.

Кир ушел от удара Ника, нанес свой, в ребра, но Ник заблокировал его предплечьем и нанес ответный удар в солнечное сплетение. Кир согнулся, но тут же подсел, пытаясь сбить Ника с ног. Они покатились по земле, поднимая облако пыли и сухих листьев.

Яна закричала:

- Нет! Перестаньте!

Но они не слышали. Или не хотели слышать.

Кир вырвался, откатился в сторону и схватил со скамьи свой нож. Лезвие блеснуло в лучах заходящего солнца. Ник увидел это, его рука метнулась к поясу. Через секунду в его руке тоже был нож.

Они встали друг напротив друга, тяжело дыша, их лица

были в крови и пыли. В их глазах не было ненависти. Там было безумие. Безумие мужчин, которые любят одну женщину и не могут вынести того, что другой чувствует то же самое.

- Ты хочешь убить меня? - крикнул Кир, его голос был хриплым, сорванным. - Убей! Убей, и посмотри, как она будет смотреть на тебя! Она тебя возненавидит!

Ник сжал рукоять ножа так, что костяшки побелели. Его рука дрожала. Он медленно опустил лезвие.

- Я не могу, - прошептал он. - Я не могу причинить ей боль. Даже если для этого мне придется убить себя.

В этот момент из дома выскочили Сократ и Раф. Они действовали слаженно, как одна машина. Раф, огромный и бесшумный, перехватил руку Кира, выкручивая ее так, что нож со звоном упал на брусчатку. Сократ подошел к Нику, его лицо было каменным, и одним резким движением выбил нож из его пальцев, заломив руку за спину.

- Все, - сказал Сократ, и его голос прозвучал как удар хлыста. - Хватит. Вы оба ведете себя как дети, которым не дали конфету.

Кир рванулся, но хватка Рафа была железной. Он плюнул на землю, вытер кровь с губы и посмотрел на Яну, которая стояла на пороге, бледная как полотно.

- Видишь? - сказал Кир, его голос дрожал. - Видишь, до чего мы дошли? Из-за тебя! Мы готовы перегрызть друг другу глотки, потому что не можем до тебя дотянуться.

Тимур вышел из тени арки. Он шел медленно, но его при-

сутствие заставило всех замереть. Он посмотрел на Кира и Ника, которые стояли, связанные своими же охранниками, с разбитыми лицами.

- Вы закончили? - спросил Тимур.

Кир молча кивнул. Ник опустил голову.

- Тогда идите и умойтесь, - сказал Тимур. - А потом идите к ней. И извинитесь. Не словами. А действиями. Покажите ей, что вы не монстры. Покажите ей, что вы ее Треугольник. Три точки, которые держат небо. А без одной из них небо рухнет.

Тимур подошел к Яне, обнял ее за плечи и увел в дом, оставив двух мужчин наедине с их разбитыми сердцами и осознанием того, что их любовь к этой девочке — это не дар. Это крест. И они понесут его до конца, даже если для этого придется убивать друг друга каждый день.

Яна шла по коридору, прижимаясь к боку Тимура. Ее рука болела, сердце колотилось, но в голове была только одна мысль. Они дрались не потому, что ненавидели друг друга. Они дрались, потому что любили ее слишком сильно, чтобы просто молчать. И в этом безумии было больше правды, чем в любых клятвах.

Глава 29

Глава 29. Отечество

Читать под трек **«Light Like a Feather» Sina Bathaie**

Предупреждение: текст содержит сцены психологического напряжения, элементы криминальной субкультуры и сложные эмоциональные ситуации. Рекомендовано для читателей старше шестнадцати лет.

Февраль в Тбилиси выдался на редкость дождливым и даже снежным. Метель кружила за окнами загородного дома, заметая дорожки, укутывая деревья в тяжелые белые шубы и превращая мир за стеклом в размытое, холодное полотно. Но внутри дома царило тепло, тот особенный, густой и уютный микроклимат, который создается не отоплением, а присутствием людей, считающих это место своим единственным настоящим домом.

Яна сидела за столом в своей комнате, склонившись над куском плотной, темной кожи. Ее пальцы, несмотря на юный возраст, двигались уверенно и точно. Вокруг были разбросаны инструменты: шило, вощеная нить, маленькие молоточки, банки с краской. Она шила. Не куклу и не платье. Она шила чехол для ножа. Для Ника. Рядом лежал уже готовый кисет для табака для Тимура, искусно расшитый сложным геометрическим узором, который она подсмотрела в одной из старых книг Сократа еще в Москве. А на полке стояла ак-

куратно упакованная коробка с зажигалкой, на которой гравер, найденный Рафом, выгравировал тонкую, едва заметную надпись. Для Кира.

Сегодня было двадцать четвертое февраля. И Яна с ужасом внезапно вспомнила, что она пропустила вчера праздник, который был посвящен ее верным мужчинам. Вчера в школе мальчишки получили наверняка открытки и шоколадки, учителя сказали дежурные слова о мужестве и защитниках. Яна слушала бы эти речи с легкой, снисходительной улыбкой, которая всегда появлялась на ее лице, когда взрослые пытались объяснить ей очевидные вещи. Для нее защитники Отечества были не абстрактными солдатами из парадов на Красной площади. Они были здесь. Они сидели за соседним столом, пили кофе, чистили оружие, читали книги и молча охраняли ее сон.

Она хотела сделать им праздник. Настоящий. Не тот, что в школе. Она хотела показать им, что видит их, ценит и понимает, какую цену они платят за ее спокойствие.

Яна закончила последний стежок, обрезала нить и провела пальцем по гладкой коже. Чехол получился идеальным. Он плотно облегал рукоять, оставляя свободным лишь самый кончик, чтобы нож можно было выхватить одним движением. Она улыбнулась, убрала инструменты и начала переодеваться. На ней было простое, но элегантное темно-зеленое платье, волосы она собрала в небрежный пучок, оставив несколько прядей свободно падать на лицо. Она выгля-

дела старше своих одиннадцати лет, и это обстоятельство сегодня играло ей на руку. Ей нужно было выглядеть не как ребенок, которому разрешено играть в гости, а как хозяйка этого дома. Как та, кто держит этот мир в равновесии.

Когда она спустилась в просторную гостиную с высоким каменным камином, там уже собрались все. Тимур стоял у окна, глядя на метель, в руке он держал свою неизменную трубку. Фанси сидел в глубоком кожаном кресле, его глаза были полузакрыты, но Яна знала, что он видит и слышит все. Сократ читал книгу, но стоило ей войти, он отложил ее и встал. Раф стоял у двери, как всегда, невидимый, но абсолютно присутствующий.

И еще там был один человек. Яна знала его по рассказам, но видела впервые. Это был Автандил. Старый вор в законе, приехавший в Тбилиси по делам, о которых Яне не рассказывали, но которые, судя по напряженной атмосфере, были важными. Автандил был высоким, худым, с лицом, напоминающим засушенный лист, и пронзительными, черными глазами, в которых читалась вся жестокость и вся мудрость уголовного мира. Он сидел прямо, его руки лежали на коленях, и он наблюдал за Яной с холодным, оценивающим вниманием.

- Добрый вечер, - сказала Яна, ее голос прозвучал ровно и спокойно. Она прошла в центр комнаты, остановилась у большого дубового стола, на котором уже стояли закуски, бутылки и графины.

- Вечер добрый, девочка, - отозвался Автандил. Его голос был сухим, как треск веток в костре.

Яна проигнорировала этот тон. Она посмотрела на Тимура, на Кира, который только что вошел из кухни, вытирая руки полотенцем, на Ника, бесшумно появившегося в дверном проеме.

- Я хотела бы сказать тост, - объявила Яна.

В комнате воцарилась тишина. Это было не просто уважение к хозяйке. Это было внимание хищников, которые учуяли что-то новое.

- Вчера было двадцать третье февраля, - продолжила Яна, и в ее голосе прозвучали теплые, искренние нотки. - В мире этот день называют Днем защитника Отечества. Я смотрю на вас и понимаю, что для меня вы и есть настоящие защитники. Вы защищаете не границы на карте. Вы защищаете меня. Мой дом. Мою жизнь. Мою душу. Вы стоите между мной и тьмой, и я знаю, что ни один враг не пройдет сквозь вас. Поэтому я хочу поднять этот бокал за вас. За моих защитников. За мое Отечество.

Она подняла свой стакан с морсом.

В этот момент в комнате что-то сломалось.

Это не было звуком. Это было физическое изменение давления. Воздух мгновенно стал тяжелым, вязким, почти твердым. Яна увидела, как лицо Тимура побледнело, а его пальцы, державшие трубку, сжались так сильно, что костяшки стали белыми. Кир замер с полотенцем в руках, его обыч-

ная усмешка исчезла, сменившись выражением абсолютного, ледяного ужаса. Ник, стоявший у двери, медленно, почти незаметно для постороннего глаза, сместил вес тела, его рука скользнула к поясу, туда, где лежал нож. Сократ закрыл книгу и встал, его лицо стало каменным.

Но самым страшным было лицо Автандила.

Старый вор медленно поднялся с кресла. Его движения были плавными, но в них чувствовалась смертельная опасность. Он посмотрел на Яну, и в его черных глазах не было ничего человеческого. Только холодная, беспощадная оценка.

- Что ты сказала, девочка? - спросил Автандил. Его голос был тихим, но он разнесся по комнате, как удар хлыста.

Яна замерла. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она не понимала, что произошло. Она сказала правильные слова. Она выразила свою благодарность. Почему они смотрят на нее так, будто она только что произнесла смертный приговор?

- Я сказала, что вы мои защитники, - повторила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. - И что я поздравляю вас с праздником.

Автандил медленно обошел стол. Он не смотрел на Тимура. Он смотрел только на Яну.

- Тимур, - произнес Автандил, не отрывая взгляда от Яны. - Ты знаешь, что такое косяк?

Тимур медленно выдохнул дым.

- Знаю, Автандил, - тихо ответил он.

- Ты знаешь, что бывает с теми, кто нарушает понятия? Кто путает масти? Кто приносит в дом то, что противоречит нашему закону?

Тимур молчал.

Автандил остановился в шаге от Яны. Он был высоким, и ему пришлось слегка наклониться, чтобы посмотреть ей в глаза.

- Девочка, - сказал он, и в его голосе зазвучала сталь. - Ты не знаешь, кто мы. Ты думаешь, мы солдаты и мы служим флагу. Но мы воры. А вор не служит государству. Государство для вора — это враг. Это тюрьма. Это конвой. Это лагеря.

Яна смотрела на него, и в ее голове начинали складываться кусочки мозаики. Она читала книги. Она знала историю и знала, что воры в законе возникли как оппозиция советской власти. Что они отрицали все государственные институты.

- Двадцать третье февраля, - продолжал Автандил, и его голос стал жестче, - это день Советской Армии. Армии, которая сажала наших отцов, которая охраняет тюрьмы, где гниют наши братья. Вор не служит в армии. Вор не празднует день армии. Для вора этот день — день траура. День памяти о тех, кто сломал нашу жизнь. А ты приходишь сюда, в дом, где живут воры, и предлагаешь тост за защитников Отечества. Ты предлагаешь нам предать наш закон? Ты предлагаешь нам стать солдатами?

В комнате повисла мертвая тишина. Яна поняла. Она поняла свою ошибку. Она принесла в этот мир свои правила, свои школьные праздники, не подумав о том, что этот мир живет по совершенно другим, жестоким и неумолимым законам. Она чуть не заставила Тимура, Кира, Ника совершить косяк. Она чуть не поставила их вне закона. В мире, где это означало смерть.

Автандил медленно выпрямился. Он посмотрел на Тимура.

- Тимур, - сказал он. - Ты позволил этому ребенку испытать меня? Ты решил проверить, насколько я верен понятиям? Если это так, то ты совершил большую ошибку.

Тимур медленно поднял голову. В его серых глазах горел огонь.

- Автандил, - сказал он тихо. - Отойди от нее.

Автандил усмехнулся.

- Или что, Тимур? Ты будешь защищать ребенка от вора? В своем собственном воровском доме? В день, когда ребенок пытается навязать нам чуждые понятия?

В этот момент Ник сделал шаг вперед. Его движение было настолько быстрым, что Автандил даже не успел моргнуть. Лезвие ножа Ника оказалось у горла старого вора, не касаясь кожи, но обещая смерть в следующее мгновение. Кир уже стоял рядом, его пистолет был направлен в спину Автандила. Раф заблокировал выход. Сократ встал так, чтобы закрыть Яну своим телом.

Яна смотрела на эту картину, и ее сердце билось где-то в горле. Она видела, как легко этот мир может сорваться в пропасть. Как одно неосторожное слово, одна невинная ошибка может привести к бойне. Она видела, что ее мужчины готовы убить гостя, чтобы защитить ее. Но она также видела, что это убийство разрушит все. Оно разрушит связи Тимура, оно сделает их изгоями, оно начнет войну, в которой не будет победителей.

- Стоп, - выдохнула Яна. Ее голос прозвучал не громко, но в нем была та самая сила, которая заставляла слушать. - Ник, убери нож. Кир, убери пистолет.

Ник замер. Его глаза были темными, в них читалось несогласие, но он медленно опустил руку. Кир неохотно убрал пистолет за спину.

Яна сделала шаг вперед, оказавшись лицом к лицу с Автандилом. Она смотрела на старого вора, и в ее взгляде не было страха. Было понимание, сострадание. И была мудрость, которая не соответствовала ее возрасту.

- Батоно Автандил, - сказала она тихо, проявив уважение к вору. - Вы правы. Я совершила ошибку. Я не знала всех тонкостей вашего закона и принесла в этот дом праздник, который для вас является оскорблением. И за это я прошу прощения. Не как ребенок, который не знал, что делает. А как хозяйка этого дома, которая уважает законы тех, кто в нем живет.

Автандил смотрел на нее, и в его глазах мелькнуло удив-

ление. Он ожидал слез, истерики, оправданий. Но он увидел спокойствие. Он увидел признание ошибки и готовность ответить за нее. И он услышал уважительное обращение, как того требовала традиция.

- Но, - продолжила Яна, и ее голос стал тверже, - вы тоже неправы. Вы говорите, что вор не служит государству и что вор отрицает систему. Я согласна с тем, что система жестока, она ломает людей. И вы правы, что не хотите быть ее частью.

Она сделала паузу, обводя взглядом всех мужчин в комнате.

- Но вы говорите, что у вас нет отечества. Что вам некого защищать. И вот здесь вы ошибаетесь.

Автандил нахмурился.

- Отечество это не карта на стене, - сказала Яна. - Это не флаг и не гимн. Отечество это место, где тебя понимают. Где тебя ждут и где ты нужен. Для меня мое отечество это этот дом. Это люди, которые в нем живут. Это вы.

Она посмотрела на Автандила.

- Вы говорите, что защищаете воровской закон? Что вы верны понятиям? Но понятия это не бумага. Понятия это люди. Это братство. Это семья. Когда вы защищаете слабого от сильного, когда вы держите слово, когда вы не предаете своих вы защищаете свое отечество. Вы защищаете свой мир. И пусть этот мир скрыт от глаз, пусть он живет в тени, но он существует. И он нуждается в защите.

Яна перевела взгляд на Тимура, на Кира, на Ника.

- Они не солдаты государственной армии, - сказала она. - Они солдаты моего мира. Они защищают меня. И пока я жива, пока я дышу, у них есть отечество. И они его защитят. Ценой своей жизни или моей, если потребуется. Поэтому я не прошу вас праздновать день, который вам чужд. Я прошу вас признать, что вы защитники. Тех, кто вам дорог.

В комнате повисла тишина. Но это была уже другая тишина. Напряженность ушла, уступив место глубокому, вдумчивому молчанию.

Автандил смотрел на Яну долго. Его черные глаза изучали ее лицо, искали в нем фальшь, страх, детскую наивность. Но он не нашел ничего из этого. Он нашел только чистую, кристальную правду.

Медленно, очень медленно, старый вор кивнул.

- Ты говоришь как старая душа, девочка, - сказал он тихо. - Твой язык остер, как кинжал, и точен, как прицел. Ты права. Я ошибся. Я услышал слова, но не услышал смысла.

Он повернулся к Тимуру.

- Тимур, - сказал Автандил. - У тебя в доме растет не ребенок. Растет Карма. Береги ее. Она видит то, чего не видим мы.

Тимур медленно выдохнул. Он подошел к Яне, положил руку ей на плечо.

- Спасибо, дочка, - прошептал он.

Яна улыбнулась. Она подняла свой стакан.

- Тогда давайте выпьем не за двадцать третье февраля, -

сказала она. - Давайте выпьем за тех, кто защищает свой мир. За тех, кто держит слово. За тех, кто не предает. За нас.

Автандил поднял свой стакан. Кир поднял свой. Ник, стоявший у стены, медленно кивнул и тоже поднял стакан. Сократ, Фанси, Раф присоединились к ним.

- За нас, - сказал Автандил.

Они выпили. Звук стаканов, соприкасающихся друг с другом, прозвучал в тишине комнаты как клятва. Как обещание и признание того, что они связаны не просто кровью или законом. Они связаны чем-то большим. Чем-то, что не имеет названия, но что сильнее любых понятий.

После ужина, когда Автандил ушел в гостевую комнату, а остальные разошлись по своим делам, Яна осталась в гостиной. Она сидела у камина, глядя на огонь. Дверь открылась, и вошли Кир и Ник. Они сели по обе стороны от нее, не говоря ни слова. Кир обнял ее за плечи, Ник взял ее руку.

- Ты сегодня была невероятной, - тихо сказал Кир. Его голос был хриплым. - Я думал, Автандил нас всех перережет.

- Я испугалась, - призналась Яна. - Я не знала. Я просто хотела сделать вам приятно.

Ник медленно поднял ее руку и поцеловал в запястье.

- Ты сделала больше, чем просто приятно, - сказал он. - Ты напомнила нам, кто мы. Ты дала нам то, чего у нас не было.

- Что? - спросила Яна.

- Отечество, - ответил Ник.

Яна посмотрела на него. В его темных глазах горел огонь.

Она посмотрела на Кира. В его глазах стояла гордость.

Она прижалась к Киру, переплетая пальцы с пальцами Ника. Они сидели у камина, слушая треск поленьев и вой метели за окном. И в этот момент Яна поняла, что она действительно создала для них праздник. Не тот, что в календаре. А тот, что в сердце. Праздник принадлежности. Праздник дома. А подарки.. подарки она подарит позже, тем более, что они не были готовы для всех.

И пока они были вместе, пока они держались за руки, никакие законы, никакие понятия, никакие метели не могли разрушить их мир. Потому что их мир держался не на правилах.

Он держался на них.

На их любви.

На их верности.

На их Карме.

Глава 30

Глава 30. Треугольник

Читать под трек **«Sad Eyes» Enrique Iglesias**

Яна сидела на краю кровати, сжимая в руках смятую простыню, и смотрела на свой гардероб так, будто перед ней стояла неразрешимая математическая задача. Комната была погружена в полумрак — тяжелые бархатные шторы, которые Тимур велел задергивать днем, чтобы сохранить прохладу, пропускали только узкие полосы света, падающие на персидский ковер. Где-то внизу, в саду, цикады начали свою вечернюю симфонию, их стрекотание сливалось с далеким звоном колоколов из Метехи.

Она встала, подошла к шкафу, открыла дверцу. Внутри висело несколько платьев — простые, хлопковые, которые привезла ей мама из Неаполя. Рядом — домашние брюки и кофты, удобные, мягкие, в которых можно было просто сидеть и читать. Яна провела рукой по ткани платья — нежно-голубого, с мелкими белыми ромашками. Оно было легким, воздушным, но... зачем платье? Она же дома. Никуда не идет. Никто не придет...

Ее щеки вспыхнули. Она отвернулась от шкафа, подошла к окну, приоткрыла штору. Внизу, в саду, она увидела фигуру — высокую, сутулую, с сигаретой в руке. Ник. Он стоял неподвижно, глядя куда-то вдаль, на горизонт, где горы

сливались с небом. Его плечи были напряжены, и даже отсюда, с третьего этажа, Яна чувствовала ту бурю, что бушевала внутри него.

Она отдернула штору, отошла от окна. Ее сердце колотилось. Почему ей так важно, во что она одета? Почему она вдруг начала перебирать платья, крутиться перед зеркалом, поправлять волосы? Ей одиннадцать лет. Она сломала руку. Она должна сидеть тихо, не двигаться, не...

- Глупая, - прошептала она себе, глядя на свое отражение в зеркале. - Что ты делаешь? Они просто придут проверить, как ты. Они же твои охранники. Твои... тени.

Но даже произнося это слово, она чувствовала, как внутри нее что-то сжимается. Тени. Да, они были ее тенями. Но тени не смотрят так, как смотрел на нее Ник, когда нес ее на руках со склона. Тени не дрожат так, как дрожал голос Кира, когда он говорил: «Ты здесь. Ты жива. И это главное».

Яна снова открыла шкаф. Ее рука потянулась к платью. Нет. Это неправильно. Это... это как будто она чего-то ждет. Чего-то хочет. А она не должна хотеть. Она ребенок. Они взрослые мужчины. Между ними — пропасть.

Но разве эта пропасть не существовала всегда? Разве она не чувствовала эту связь с того самого дня, когда впервые увидела их в особняке Тимура? Разве она не видела, как они смотрят друг на друга, как они молча понимают друг друга, как они...

Яна закрыла глаза. В ее голове всплыла картина: они втро-

ем на пикнике. Кир с бокалом вина. Ник, сжимающий кулаки. И она — посередине, задающая вопросы, на которые они не могут ответить. Вопросы, которые заставляют их страдать.

Она открыла глаза, решительно схватила платье. Сняла его с вешалки, прижала к себе. Ткань была мягкой, прохладной. Она подошла к зеркалу, приложила платье к себе. Голубой цвет подчеркивал ее темные волосы. Ромашки... они напоминали ей о чем-то простом, чистом, настоящем.

- Дура, - сказала она своему отражению. - Какая же ты дура!

Но платье она не убрала. Оставила его на кровати. Села рядом, поджав ноги. Посмотрела на дверь. Они должны были прийти скоро. Кир сказал: «Мы вернемся вечером». Прошло уже два часа. Где они? Что они делают? О чем говорят?

Она представила их в ванной комнате внизу. Кир, смывающий с лица пыль и кровь после очередного сложного дня. Ник, стоящий под душем, позволяющий воде смыть с себя напряжение. Они наверняка говорят о ней или о том, что произошло. О том, что чувствуют.

Яна легла на кровать, уставилась в потолок. Трещины на штукатурке образовывали странные узоры — как карта неизведанных земель. Она провела пальцем по воздуху, повторяя линии. Где-то там, за этими стенами, был Тбилиси. Город, который Тимур показал ей сегодня. Город, в котором она почувствовала себя... дома.

Но настоящий дом был не в городе. Не в особняке. Дом был там, где были они. Кир и Ник. Ее треугольник.

Она закрыла глаза. Услышала шаги на лестнице. Быстрые, тяжелые. Кто-то бежал. Сердце Яны забилось чаще. Она села, поправила волосы, натянула на ноги домашние брюки — компромисс, который она нашла, чтобы не чувствовать себя слишком... нарядной.

Дверь распахнулась.

На пороге стоял Кир. Его волосы были мокрыми, рубашка расстегнута на две верхние пуговицы, на скуле — свежая царапина. Он дышал тяжело, будто пробежал марафон. Его глаза нашли Яну мгновенно, и в них вспыхнуло что-то — облегчение, радость, страх...

- Ты... - начал он, но осекся. Его взгляд скользнул по платью, лежащему на кровати. По ее лицу. По гипсу на руке. - Ты в порядке?

Яна кивнула.

- Да. А ты?

Кир усмехнулся - криво, нервно.

- Я? В полном. Кроме того, что этот упрямый осел... - он осекся, провел рукой по лицу. - Неважно.

Он вошел в комнату, закрыл за собой дверь. Оперся о нее спиной, глядя на Яну.

- Зачем платье? - спросил он вдруг, кивнув на кровать.

Яна покраснела.

- Я... я не знала, во что одеться.

Кир рассмеялся - тихо, хрипло.

- Малая, ты можешь ходить хоть в мешке. Нам все равно.

- Не все равно, - прошептала Яна.

Кир замер. Его улыбка исчезла. Он медленно отошел от двери, подошел к кровати, сел рядом с ней — осторожно, чтобы не задеть гипс.

- Тебе тоже должно быть все равно, - сказал он тихо. - Потому что мы... мы не те, кто должен...

Он не договорил. Просто смотрел на нее, и в его глазах была такая боль, что Яна захотела обнять его, прижать к себе, сказать, что все будет хорошо.

Но она не могла. Потому что все было не хорошо. Все было сложно, запутанно, опасно.

- Кир, - начала она, но дверь снова распахнулась.

На пороге стоял Ник.

Он был спокоен. Слишком спокоен. Его лицо было маской, но Яна видела, как напряжены его челюсти, как сжаты кулаки. В другой руке он держал... цветы. Маленький, неуклюжий букетик из полевых цветов - ромашек, незабудок, каких-то желтых диких цветов.

Он смотрел на Кира. Кир смотрел на него. Между ними снова повисло напряжение — густое, осязаемое, опасное.

- Ты пришел, - сказал Кир. Голос его был ровным, но в нем звенела сталь.

- Да, - ответил Ник. Тоже ровным голосом. - Пришел.

Он вошел в комнату, закрыл дверь. Остановился посере-

дине, глядя на Яну. Его взгляд скользнул по платью на кровати. На мгновение в его глазах мелькнуло что-то - боль, ревность, понимание...

- Это тебе, - сказал он, протягивая букет. Голос его был тихим, почти неслышным.

Яна взяла цветы. Они были простыми, полевыми, с прилипшими к стеблям травинками. Но в них было что-то такое искреннее, такое настоящее, что у нее перехватило горло.

- Спасибо, - прошептала она. - Они... они прекрасны. Это мой первый букет.. то есть первые цветы от.. э-э-э.. ну ты понял..

Она снова предательски покраснела.

Ник кивнул. Отвернулся, подошел к окну. Встал спиной к ним, глядя на сад.

Кир смотрел на него. Его лицо было непроницаемым, но Яна видела, как дрожит его рука, сжимающая край простыни.

- Ты взял цветы, - сказал он вдруг. - Романтик, блин.

Ник не обернулся.

- Заткнись, Кир.

- О, обиделся? - Кир рассмеялся - зло, нервно. - А чего обижаться? Ты же у нас чувствительный. Цветочки собираешь, как девчонка...

Ник медленно обернулся. Его глаза были темными, как ночь.

- Я сказал: заткнись.

- Или что? - Кир встал, подошел к нему. - Что ты сделаешь? Еще раз хочешь подраться? Так мы уже выяснили, кто сильнее.

- Вы не выяснили, - тихо сказала Яна. - Вы просто причинили друг другу боль.

Они оба обернулись к ней. В их глазах было удивление, стыд, понимание...

- Она права, - сказал Ник тихо.

- Нет, не права, - Кир покачал головой. - Она не понимает. Не может понять.

- Что я не могу понять? - Яна встала, подошла к ним. - Что вы любите меня? Что вы ревнуете? Что вы не знаете, что делать с этими чувствами?

В комнате повисла тишина.

Кир смотрел на нее, и в его глазах стояли слезы.

- Малая, слушай… - прошептал он. - Ты не должна...

- Я должна, - перебила его Яна. - Потому что это моя жизнь. Мои чувства. Мой выбор. И вы не можете решать за меня.

Ник подошел ближе.

- Мы не решаем, малышка, - сказал он тихо. - Мы... мы боимся.

- Чего вы боитесь? - Яна посмотрела на него. - Что я вырасту? Что я выберу кого-то другого? Что я...

- Что мы причиним тебе боль, - перебил ее Кир. - Что мы не сможем... что мы...

Он не договорил. Просто опустился на кровать, закрыл лицо руками.

Ник стоял неподвижно. Его лицо было бледным.

- Кир прав, - сказал он наконец. - Мы боимся. Боимся, что наши чувства... что они разрушат тебя. Что мы... что мы слишком...

- Слишком что? - Яна подошла к нему. Взяла его за руку. - Слишком старые? Слишком опасные? Слишком... любящие?

Ник вздрогнул. Его пальцы сжали ее руку.

- Да, - прошептал он. - Слишком любящие.

Кир поднял голову. Посмотрел на них. В его глазах была такая боль, что Яна почувствовала, как у нее сжимается сердце.

- Мы не можем, - сказал он тихо. - Мы не должны...

- А кто решает? - Яна посмотрела на него. - Тимур? Вы сами? Или... я?

В комнате снова повисла тишина.

Ник медленно опустился на кровать рядом с Киром. Они сидели рядом - два мужчины, которые готовы были убить друг друга некоторое время назад, и которые сейчас смотрели на одну и ту же девочку с одинаковой болью в глазах.

- Ты, - прошептал Кир. - Всегда ты.

Яна села напротив них, скрестив ноги. Посмотрела на каждого по очереди.

- Тогда слушайте, - сказала она тихо. - Я не знаю, что будет

завтра. Не знаю, что будет через год. Через пять лет. Через десять. Но я знаю одно.

Она замолчала, давая словам набрать силу.

- Я знаю, что вы - мои. Не в том смысле, в котором вы думаете. А в том смысле, что вы - часть меня. Часть моей души. Моей кармы. И я не могу... не хочу... отказываться от этого.

Кир закрыл глаза.

- Малая, - прошептал он. - Ты не понимаешь...

- Понимаю, - перебила его Яна. - Понимаю лучше, чем вы думаете. Я вижу, как вы смотрите на меня. Как вы дышите, когда я рядом. Как вы... как вы страдаете.

Ник поднял голову. Его глаза были красными.

- Мы не должны, - сказал он тихо. - Ты ребенок. Мы... мы монстры.

- Нет, - Яна покачала головой. - Вы не монстры. Вы - люди. Люди, которые любят. И это... это не преступление.

Кир открыл глаза. Посмотрел на нее.

- А что если... что если мы не сможем остановиться? - спросил он тихо. - Что если мы... перейдем черту?

Яна молчала долго. Потом сказала:

- Тогда я сама решу. Не Тимур. Не вы. Я. И вы примете мое решение. Как мужчины. Как те, кто любит.

Ник кивнул медленно.

- Хорошо, - прошептал он.

Кир провел рукой по лицу.

- Ты слишком взрослая для своих лет, малая, - сказал он. - Это... это пугает.

- Я знаю, - Яна улыбнулась - тихо, грустно. - Но это моя карма. Мой путь. И вы... вы идете со мной. До конца.

Она протянула руки. Кир и Ник посмотрели на них. Потом - друг на друга. И медленно, неуверенно, вложили свои ладони в ее руки.

Яна сжала их руки.

- Мы - треугольник, - сказала она тихо. - Три точки. Три угла. И если убрать один... вся фигура рухнет.

Кир усмехнулся - криво, но в его глазах блеснула искра.

- Сократ так сказал? - спросил он.

- Да, - кивнула Яна. - Когда увидел, как вы смотрите на меня. Как вы... как мы не можем друг без друга.

Ник посмотрел на Кира. В его глазах не было больше ненависти. Только усталость. Только принятие.

- Он прав, - сказал он тихо. - Мы не можем.

Кир кивнул.

Они сидели так долго - втроем, держась за руки, глядя друг на друга. И в этой тишине рождалось что-то новое. Не любовь в том смысле, в котором ее понимают взрослые. А что-то более глубокое. Более сложное. Более... вечное.

Яна первая нарушила молчание.

- Знаете, - сказала она тихо, - а ромашки и незабудки... теперь мои любимые цветы.

Ник улыбнулся - впервые за этот вечер. Тихо, робко.

- Правда? - спросил он.

- Да, - кивнула Яна. - Потому что они... они простые. Настоящие. Как ты.

Кир фыркнул.

- Эй, а я что? Не настоящий?

Яна рассмеялась - звонко, искренне.

- Ты... ты сложный, - сказала она. - Как хороший коньяк. Или как... как нож с узорами.

- Спасибо, - Кир усмехнулся. - Наверное.

Ник смотрел на них, и в его глазах было что-то теплое. Что-то, чего не было раньше.

- Мы... мы трое идиотов, - сказал он вдруг.

Кир обернулся к нему.

- А ты - романтик, - парировал он. - С цветочками.

Ник покраснел слегка, но заметно.

- Заткнись, - пробормотал он.

- Не заткнусь, - Кир рассмеялся. - Теперь буду дразнить. Романтик-романтик...

Яна смотрела на них и улыбалась. Впервые за этот долгий день она чувствовала... покой. Понимание. Принятие.

Они были ее треугольником. И она - их центром.

И это было... правильно.

***

В коридоре, в тени арки, стоял Тимур.

Он слышал каждое слово. Каждую фразу. Каждое признание.

Его лицо было непроницаемым, но в глазах читалась такая боль, такая усталость, что казалось - он постарел на десять лет за этот вечер.

Он медленно провел рукой по лицу. Опустил руку. Посмотрел на дверь комнаты Яны.

- Они не остановятся, - прошептал он себе. - Никогда не остановятся.

За его спиной раздался тихий шаг.

Тимур обернулся.

В коридоре стоял Фанси. Старик был одет в свой обычный темный костюм, его лицо было спокойным, но в глазах читалась мудрость, которую дают только прожитые годы.

- Ты слышал? - спросил Тимур тихо.

- Да, - кивнул Фанси.

Он подошел ближе. Остановился рядом с Тимуром. Посмотрел на дверь комнаты.

- Они... - начал Тимур, но осекся. - Они не должны...

- Должны, - перебил его Фанси. - Или не должны. Кто решает?

Тимур посмотрел на него.

- Я, - сказал он. - Я решил. Я должен защитить ее.

- От чего ты ее собрался защищать? - Фанси посмотрел на него прямо в глаза. - От любви?

Тимур молчал.

Фанси усмехнулся - тихо, грустно.

- Тимур, - сказал он. - Ты думаешь, ты можешь остановить

силу такой любви?

- Должен, - прошептал Тимур. - Она ребенок...

- Она не ребенок, - перебил его Фанси. - Не для них. И не для себя. Она... она старая душа. Ты это знаешь. Я это знаю. И они... они это чувствуют.

Тимур закрыл глаза.

- Я обещал, - сказал он. - Обещал вспороть им животы, если они...

- Если они перейдут черту без ее согласия, - закончил за него Фанси. - Но разве они переходят? Разве они заставляют?

Тимур открыл глаза. Посмотрел на старика.

- Они... они любят ее, - прошептал он. - А это... это опасно.

- Да, - согласился Фанси. - Опасно. Но разве любовь не всегда опасна?

Тимур молчал.

Фанси положил руку ему на плечо.

- Слушай, - сказал он тихо. - Ты не можешь остановить реку. Ты не можешь остановить ветер. И ты не можешь остановить любовь. Особенно такую.

- Какую? - спросил Тимур.

- Такую, - Фанси кивнул на дверь. - Треугольную. Связанную. Вечную.

Тимур усмехнулся - криво, без радости.

- Треугольную, - повторил он. - Сократ так сказал?

- Да, - кивнул Фанси. - Когда увидел, как они смотрят на

нее. Как они... как они не могут друг без друга. Как они... как они любят ее больше, чем себя.

Тимур молчал долго. Потом сказал:

- Я боюсь, - прошептал он. - Боюсь, что они... что они разрушат ее.

- Не разрушат, - Фанси покачал головой. - Они... они умрут за нее. Разве ты не видишь? И, кстати, не только они. И Рафаэль, и Сократ, и я, и ты сам.

Тимур посмотрел на него.

- В этом ты прав, - сказал он тихо. - И это... это пугает меня больше всего.

Фанси усмехнулся.

- Любовь всегда пугает, - сказал он. - Потому что она... она делает нас уязвимыми. Слабыми. Беззащитными.

- И зачем она тогда нужна? - спросил Тимур.

Фанси посмотрел на него - прямо, в глаза.

- Затем, - сказал он тихо, - что без нее... мы уже мертвы.

Тимур молчал.

За дверью комнаты вдруг раздался смех Яны - звонкий, искренний, счастливый.

Тимур закрыл глаза. Открыл. Посмотрел на Фанси.

- Что мне делать? - спросил он тихо.

Фанси усмехнулся.

- Ничего, - сказал он. - Просто... будь рядом. Защищай. Но не от них. От других и от мира, системы. От... от всего, что может разрушить этот треугольник.

Тимур кивнул медленно.

- Хорошо, - прошептал он и добавил то, что очень редко себе позволял. - Спасибо, отец.

Фанси положил руку ему на плечо.

- Они... они ее судьба, сын, - сказал он тихо. - А ты... ты ее отец. И твоя задача... не мешать судьбе. А помогать ей.

Тимур посмотрел на него. В его глазах было что-то новое. Не страх. Не боль. Принятие.

- Спасибо, - прошептал он.

Фанси кивнул. Отошел от него.

- Иди спать, - сказал он. - Завтра... завтра будет новый день.

Он повернулся, пошел по коридору. Остановился, не оборачиваясь.

- И помни, - сказал он тихо. - Силу такой любви... не остановить. Можно только... принять. И помочь.

Он ушел.

Тимур остался стоять в коридоре. Смотрел на дверь комнаты Яны. Слушал их смех. Их голоса. Их... любовь.

Он медленно провел рукой по лицу. Опустил руку. Повернулся, пошел к себе.

За его спиной, в комнате, Яна смеялась. Кир дразнил Ника. Ник краснел. И в этом... в этом была жизнь.

Настоящая. Сложная. Вечная.

Треугольная.

Тимур остановился у окна. Посмотрел на Тбилиси. На го-

род, который спал. На горы, которые молчали. На небо, в котором горели звезды.

- Прости меня, девочка, - прошептал он. - Я не могу защитить тебя от всего. Но я... я попробую.

За его спиной, в коридоре, было тихо.

Но в комнате - в комнате была жизнь.

И это... это было главное.

Глава 31

Глава 31. (не)Нормальная девочка

Читать под трек **«Numb» Arc North, Aaron Richards**

Утро в Тбилиси было нежным и обманчивым. Оно пахло влажной пылью, разогретой ночной прохладой, и сладким дымом от первых утренних костров, на которых в старом городе уже жарили мясо. Солнце только начало выбираться из-за хребтов, окрашивая небо в бледно-розовые тона, но жара уже чувствовалась в воздухе. В особняке Тимура царила тишина, но это была не та успокаивающая тишина, которая бывает после дождя. Это была тишина натянутой струны. Воздух внутри каменных стен был густым, пропитанным запахом оружейного масла, дешевого табака и невидимым напряжением, которое исходило от двух мужчин, сидящих в библиотеке.

Кир и Ник не разговаривали. Они просто делали свое дело. Кир методично, с раздражающим металлическим лязгом, собирал и разбирал свой любимый глок, протирая каждый винтик промасленной тряпкой. Ник сидел напротив, затачивая свой длинный, матовый клинок. Шорох камня о сталь был тихим, ритмичным, похожим на дыхание спящего зверя. Они не смотрели друг на друга. Драка на днях оставила на их лицах ссадины и синяки, но физические раны были ничем по сравнению с той внутренней грызней, которая продолжа-

лась. Они помирились, да. Они даже шутили вчера вечером, поддразнивая друг друга. Но фундамент треснул. И сегодня, когда Тимур спустился вниз и коротко бросил, что пора начинать работу по Икше, что в городе засветились его люди и нужно чистить территорию, оба поняли: игра окончена. Начиналась охота. А на охоте нет места нормальности. Нет места спокойствию.

Яна спустилась по лестнице, и звук ее шагов заставил двух мужчин одновременно замереть. Кир положил затвор на стол. Ник убрал камень. Оба подняли глаза.

Она выглядела не так, как обычно. Никаких брюк, никаких оверсайз свитеров, в которые она пряталась последние месяцы. На ней было то самое голубое платье с мелкими белыми ромашками. Ткань мягко облегала фигуру, подчеркивая талию и линию бедер, которая за последний год стала отчетливее, женственнее. Но главное было не платье. Главное были волосы. Яна распустила их. Тяжелые, темные, волнистые, они падали ниже поясницы, достигая середины бедра, блестя в лучах утреннего солнца, пробивающегося сквозь витражи. Она выглядела на свои пятнадцать, а то и на шестнадцать. Она выглядела как девушка, которая готова к жизни, к улицам, к вниманию.

Кир медленно выдохнул, его челюсть сжалась. Ник просто перевел взгляд на свои руки, лежащие на коленях.

- Я собираюсь в пекарню, напротив, - сказала Яна, стараясь, чтобы голос звучал буднично. - Хочу купить хачапури и

лобиани. Вы же голодные?

Кир усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

- Мы переживем без сахара, малая.

- Я знаю, что вы переживете, - ответила Яна, встречаясь с ним взглядом. - Но мне нужно выйти. Мне нужно просто пройтись. Это же рядом! Буквально в двух шагах!

Раф, который стоял у двери, как невидимая статуя, едва заметно кивнул.

Кир посмотрел на нее, его серые глаза потемнели.

- Делай что хочешь, - сказал он, беря со стола затвор и защелкивая его с резким, пугающим щелчком. - Только не задерживайся. У нас сегодня длинный день.

Яна кивнула и вышла из дома. Она не видела, как Ник медленно поднял голову, проводив ее взглядом до самой двери, и как Кир, не выдержав, тихо выругался себе под нос, чувствуя, как внутри закипает та самая, темная, липкая ярость, которую он так старательно в себе давил.

***

Пекарня на улице Леселидзе открывалась в пять утра, и к шести, когда Яна подошла к ней, оттуда уже доносился невероятный запах. Пахло свежим тестом, дрожжами, топленым маслом, жареным луком и чем-то сладким, карамельным, что кружило голову. Яна толкнула тяжелую деревянную дверь, и колокольчик над ней звякнул, приветствуя гостя.

Внутри было тесно, уютно и очень тепло. За прилавком

стояла полная женщина с добрым лицом и быстрыми руками, раскладывающая горячую выпечку по плетеным корзинам. Рядом с ней, протирая мукой руки о фартук, возился мужчина с густыми усами, загружая в печь противни. А в углу, у маленького столика, стоял парень.

Ему было лет шестнадцать. Высокий, худощавый, с кудрявыми темными волосами, которые он постоянно пытался пригладить, и с огромными, слегка испуганными глазами. Когда Яна вошла, он замер с чашкой кофе в руке. Его взгляд скользнул по ее лицу, по распущенным волосам, по голубому платью, и Яна увидела, как его щеки залило густым, багровым румянцем. Он нервно сглотнул, поставил чашку так резко, что кофе плеснулось на блюдце.

- Доброе утро, - сказала Яна, подходя к прилавку. Улыбнулась женщине. - Что у вас сегодня самого вкусного?

- Все вкусное, деточка, - рассмеялась женщина, ее голос был похож на теплое молоко. - Вот это, с мясом и луком, только из печи. А вот это, с сыром, это муж мой испек, он у меня мастер.

Яна смотрела на витрину, и у нее разбегались глаза. После вчерашнего дня, после слез, после той тяжелой, душной атмосферы в особняке, ей до зарезу нужна была эта простая, человеческая жизнь. Запах хлеба, улыбка женщины, румянец этого парня. Это было нормально. Это было безопасно.

- Мне, пожалуйста, вот это, и вот это, и два лобиани, и, может быть, три сладких рулета, - сказала Яна, указывая паль-

цем.

Парень у столика не выдержал. Он подошел к прилавку, вытирая руки о фартук.

- Вы... вы не унесете это, - сказал он. Голос его был низким, с легкой хрипотцой, и он старался говорить уверенно, но получилось робко. - Там очень много. Тесто тяжелое.

Яна обернулась. Он стоял совсем близко. От него пахло мукой и кофе.

- Правда? - удивилась она. - Мне казалось, я справлюсь. Я сильная.

Он усмехнулся, и это движение сделало его лицо неожиданно красивым, открытым.

- Я Лука, - представился он, протягивая руку, на которой все еще белели пятна муки. - Я работаю здесь. Мои родители это Нана и Гига. А я просто таскаю тяжести.

Яна посмотрела на его руку, потом улыбнулась и протянула свою.

- Яна. Очень приятно, Лука.

Он слегка сжал ее пальцы, и Яна почувствовала, как он вздрогнул. Его рука была теплой, шершавой от работы.

- Ты... вы из этого большого дома наверху? - спросил он, кивая в сторону холма, где стоял особняк Тимура. - Я вас там видел. Вы часто ходите гулять в жасминовый сад.

- Иногда, - кивнула Яна. - Мне нравится этот аромат. Он напоминает мне о лете.

Лука покраснел еще сильнее.

- Хотите, я помогу вам донести? - предложил он, и в его глазах мелькнула та самая, чистая, юношеская решимость, когда хочется показать свою силу перед девушкой. - Там круто в гору, а корзина тяжелая. Я быстро.

Яна посмотрела на корзину, потом на него. Ей было приятно. Не в том смысле, в котором смотрели на нее Кир и Ник. А в том простом, человеческом смысле, что кто-то хотел о ней позаботиться, просто потому что она ему понравилась. Что она была не центром вселенной, не объектом охраны, не старой душой с кармой, а просто девочкой, которая купила слишком много булок.

- Если тебе не сложно, - согласилась она. - Мне будет легче.

Лука сиял. Он быстро сложил выпечку в большую плетеную корзину, закрыл ее льняной салфеткой и легко подхватил одной рукой, хотя корзина была явно увесистой.

- Веди, - сказал он, открывая перед ней дверь.

Они шли по узким улочкам старого города. Утреннее солнце уже поднялось выше, и тени стали короче. Лука шел рядом, стараясь держаться на полшага позади, чтобы не загораживать ей солнце, но так, чтобы она его видела. Он рассказывал ей про город. Про то, как его дед когда-то спас одного известного певца, про то, что в переулке за углом живет кот, который понимает грузинский, но не понимает русский, про то, что он хочет поступить в университет, но отец говорит, что пекарня надежнее.

Яна слушала, улыбалась, задавала вопросы. Ей было легко. Впервые за долгое время она не чувствовала на себе тяжелых, оценивающих взглядов. Не чувствовала ответственности. Не чувствовала тени. Рядом был просто человек. Обычный, немного неуклюжий, добрый парень.

Они свернули на улицу, где стоял особняк. Массивные кованые ворота были приоткрыты. Во дворе стояла черная машина Тимура, и у открытой двери стоял Раф, и Яна прошла через парадный вход, Лука пошел за ней.

В холле было прохладно и пахло старым деревом и левкоем. В центре зала, у лестницы, стояли Кир и Ник. Они уже были одеты в черное, готовые к выезду. Кир застегивал куртку, Ник проверял что-то на запястье.

Яна вошла, смеясь над какой-то фразой Луки.

- ...и тогда он говорит, что если кот мяукнет два раза, то будет дождь, а если три, то...

Она осеклась.

Смех застрял в горле. Воздух в холле мгновенно сгустился, превратившись в бетон. Кир медленно поднял голову. Его взгляд упал на Луку, потом скользнул по Яне, по ее распущенным волосам, по ее сияющему лицу. В его глазах не было иронии. Не было шуток. Там была такая черная, ледяная ярость, что у Яны похолодели пальцы.

Ник стоял абсолютно неподвижно. Его лицо было маской, но Яна видела, как напряглись мышцы на его шее, как его рука медленно, инстинктивно скользнула к поясу, туда,

где лежал нож. Его взгляд был прикован к Луке. Это был взгляд хищника, который увидел чужака на своей территории. Взгляд, который обещал смерть.

Лука этого не заметил. Он радостно улыбнулся, поправил корзину в руке.

- Доброе утро! - сказал он громко, его голос эхом отразился от мраморных стен. - Я просто помог вашей гостье донести хлеб. Очень тяжелая корзина!

Яна сделала шаг вперед, ее сердце колотилось где-то в горле. Она посмотрела на Кира. Потом на Ника.

- Лука, быстро, - тихо сказала она, ее голос дрожал. - Уходи. Уходи отсюда. Сейчас же.

Лука моргнул, его улыбка стала растерянной.

- Что? Но я... я еще не поставил корзину. И мы даже не познакомились толком, я...

- Уходи! - почти крикнула Яна, и в ее голосе прозвучал такой страх, что Лука наконец-то обернулся и увидел Кира.

Кир сделал шаг вперед. Медленно. Его рука лежала на рукоятке пистолета под курткой.

- Ты глухой, пацан? - спросил Кир, и его голос был таким тихим, что его было почти не слышно, но каждое слово резало воздух как бритва. - Тебе девушка сказала уходить. Уходи, пока я не решил проверить, как быстро ты бежишь.

Лука побледнел. Он посмотрел на Яну, потом на Кира, потом на Ника, чья рука уже лежала на рукояти ножа. Инстинкт самосохранения, заложенный в каждом живом существе, на-

конец-то проснулся в юноше. Он медленно, очень медленно поставил корзину на пол.

- Простите, - прошептал он, отступая к двери. - Я... я просто помог.

- Беги, - выдавила Яна, закрывая глаза.

Лука развернулся и почти выбежал из холла, его шаги быстро застучали по брусчатке двора, а затем стихли. Дверь захлопнулась.

В холле повисла тишина. Только тяжелое дыхание Яны нарушало его. Она открыла глаза. Кир и Ник стояли перед ней. Они не приближались, но их присутствие заполняло все пространство, вытесняя кислород.

- Ты, - начала Яна, ткнув пальцем в Кира, и ее голос сорвался. Она попыталась взять себя в руки, выпрямилась. - Что это было? Что это, черт возьми, было?!

Кир усмехнулся, но в этой усмешке было столько яда, что Яна отшатнулась.

- А что такое, малая? - спросил он, делая шаг ближе. - Мы просто оценили обстановку. Шестнадцатилетний мальчишка, распущенные волосы, голубое платье. Ты выглядишь на шестнадцать. Он смотрел на тебя как на самку. А ты... ты кокетничала с ним. Улыбалась. Смеялась.

- Я не кокетничала! - крикнула Яна, и слезы подступили к ее глазам. - Я просто разговаривала! Я просто попросила помочь донести хлеб! Он просто парень! Он ничего не сделал!

Ник медленно поднял глаза. Его голос был тихим, но в

нем звенела сталь.

- Он смотрел на тебя, Яна. Я видел его зрачки. Я видел, как он дышал. Он хотел тебя. В его голове ты уже была его. И если бы мы не стояли здесь, он бы попытался взять тебя за руку. Или поцеловать.

- И что?! - закричала Яна, и ее голос эхом разнесся по холлу. - И что если бы он попытался?! Он просто мальчик! Ему шестнадцать лет! Он впервые в жизни увидел девушку, которая ему понравилась! Это нормально! Это жизнь!

Она шагнула к ним, ее глаза горели огнем.

- Это моя жизнь! - выкрикнула она, и слезы наконец-то покатились по ее щекам. - Я имею право разговаривать с кем хочу! Я имею право улыбаться! Я имею право быть просто нормальной девочкой, которая покупает хлеб! Вы не можете убивать всех, с кем я заговорю! Вы не можете смотреть на всех как на мясо! Я не ваша собственность! Я не ваша кукла, которую вы прячете в коробке!

Кир закрыл глаза. Его лицо исказилось от боли и ярости. Он медленно выдохнул, провел рукой по лицу, и когда он открыл глаза, в них не было ничего, кроме холодной, жестокой правды.

- Нормальной девочкой? - тихо произнес он. - Нормальной? Ты правда думаешь, что ты нормальная? Ты думаешь, что мир за этими стенами такой же, как в твоей голове?

Он сделал еще один шаг, нависая над ней.

- Этот мальчишка, Яна, не видел в тебе нормальную де-

вочку. Он видел красивую мордочку. И знаешь, что было бы, если бы он взял тебя за руку? Его бы нашли в реке через два часа. С перерезанным горлом. Не нами. Теми, кто следит за Тимуром. Теми, кто ищет любую зацепку, любую слабость. Твоя нормальность это мишень. Ты улыбаешься ему, а он даже не знает, что уже покойник.

Яна замерла. Ее дыхание перехватило.

- Ты плачешь, потому что мы испортили твою сказку, - продолжал Ник, и его голос был еще хуже. Он был спокойным, ровным, безжалостным. - Ты думаешь, мы звери. Мы не звери. Мы просто видим реальность. Ты сама слепая. Ты сама не понимаешь, где ты находишься. Ты хочешь играть в обычную жизнь, но ты забыла, кто ты. И кто мы.

- Вы защищаете меня, - сказала Яна, ее голос дрожал, превратившись в тонкий писк. - Вы должны защищать меня от врагов, а не от обычных людей!

- Обычных людей не существует, Яна, - отрезал Кир. - Есть те, кто полезен, и те, кто мертв. Ты выбрала второе. Так что не смей плакать и не смей кричать на нас. Мы сделали тебе одолжение. Мы не дали ему умереть по глупости. А теперь иди наверх. И закрой волосы. И надень что-нибудь, что не привлекает взгляды.

Яна смотрела на них. На Кира, чье лицо было каменным. На Ника, чьи глаза были пустыми. В ее груди что-то разорвалось. Не просто треснуло. Разорвалось. То хрупкое, теплое, что она пыталась сохранить в себе, что она пыталась выраc-

тить, несмотря на кровь, на Тбилиси, на Икшу. Они не просто убили ее попытку быть нормальной. Они плюнули на нее. Они сказали ей, что она сама виновата в том, что ее хотят. Они сказали ей, что ее чувства, ее улыбка, ее человечность это слабость, которая убивает.

- Ты... вы... - прошептала она. - Вы монстры. Вы оба.

Она развернулась. Корзина с хлебом осталась стоять посреди холла, как ненужный хлам. Она побежала к двери.

- Яна! - окликнул ее Кир, и в его голосе мелькнуло что-то похожее на испуг. - Куда ты?!

- Прочь! - закричала она, не оборачиваясь. - Прочь от вас!

Она вылетела из холла, пробежала по двору, мимо ошарашенного Рафа, который даже не успел преградить ей путь, и выскочила за ворота.

Она бежала. Она не знала куда. Слезы застилали глаза, смешиваясь с потом. Сердце билось так сильно, что отдавалось болью в ребрах. Она бежала по брусчатке, сбивая дыхание, спотыкаясь о неровности, задирая платье. Она хотела убежать от особняка. Убежать от Кира. Убежать от Ника. Убежать от той правды, которую они ей выплюнули в лицо. Убежать от того, что они были правы.

Тбилиси принял ее в свои объятия. Узкие улочки, резные балконы, тенистые переулки. Она сворачивала наугад, углубляясь в старый город, туда, где туристы ходили редко, где дома стояли ближе друг к другу, закрывая небо. Воздух здесь был тяжелее, пах сыростью и канализацией. Солнце почти не

проникало сквозь нависающие крыши.

Она бежала долго. Пока ноги не начали подкашиваться, пока легкие не загорелись огнем. Она остановилась, упираясь руками в колени, тяжело, жадно глотая воздух. Слезы продолжали течь по щекам, капая на горячий камень.

Она подняла голову, чтобы понять, где она. Это был какой-то тупик. Узкий переулок, заканчивающийся высокой каменной стеной, увитой сухим плющом. Вокруг не было ни души. Только где-то вдалеке лаяла собака.

Яна выпрямилась, вытирая лицо рукавом платья. Ей стало страшно. Не от Кира и Ника. А от того, что она заблудилась. Она обернулась, чтобы пойти обратно, к главной улице.

И тут она почувствовала руку.

Рука была сильной, костлявой, с длинными, скрюченными пальцами. На запястье бренчали тяжелые, дешевые браслеты. Рука крепко, почти до боли, сжала ее локоть.

Яна вздрогнула, обернулась.

Рядом с ней стояла старуха. Она была одета в многослойные, полинялые юбки ярких цветов, на голове был повязан темный платок, из-под которого выбивались седые, грязные пряди. Ее лицо было покрыто глубокими морщинами, кожа цвета старой кожи. Но главное были глаза. Они были черными, блестящими, цепкими, как у птицы, которая высматривает добычу. В них не было старческой кротости. В них была хитрость и что-то еще, от чего у Яны внутри все похолодело.

- Красивая девочка, - прошептала старуха. Голос у нее был

хриплый, скрипучий, как несмазанная петля. - Очень красивая. Волосы как ночь. Глаза как звезды.

Яна попыталась отдернуть руку, но хватка старухи была на удивление железной.

- Отпустите меня, - сказала Яна, стараясь, чтобы голос не дрожал. - Мне нужно идти.

Старуха усмехнулась, обнажив желтые, редкие зубы. Она наклонилась ближе, и от нее пахло кислым вином, пылью и чем-то гнилым.

- Куда идти, птичка? - спросила она. - В этот мир полный волков? Здесь темно. Здесь опасно. Я знаю дорогу. Я знаю, где безопасно.

- Я сама найду дорогу, - упрямо сказала Яна, пытаясь вырваться.

Старуха не отпустила. Наоборот, ее пальцы впились в кожу еще глубже. Она внимательно, пристально посмотрела на лицо Яны, потом перевела взгляд на ее руки, на платье.

- Ты не отсюда, - тихо сказала она. - Ты пахнешь чужой землей. Но ты живешь в большом доме на холме. Дом с железными воротами. Дом, где живут волки.

Яна замерла. Сердце пропустило удар.

- Ты... ты кто? - прошептала она.

Старуха медленно, очень медленно улыбнулась. В этой улыбке было столько холодной, расчетливой жестокости, что Яна вдруг осознала: она не просто старая цыганка. Это не нищенка. Это охотник.

- Меня зовут Нано, - сказала она тихо. - А тебя... тебя зовут Яна. И ты дочь Теймураза.

Это был не вопрос. Это была констатация.

Яна открыла рот, чтобы закричать, чтобы позвать на помощь, но рука старухи мгновенно, с пугающей скоростью метнулась к ее лицу. Ладонь, пахнущая табаком и грязью, плотно закрыла ей рот, вдавливая губы в зубы. Другая рука обхватила ее талию, притягивая к себе с силой, не соответствующей возрасту.

- Тссс, - прошипела Нано ей в ухо, и ее дыхание было горячим и зловонным. - Не кричи, птичка. Волки Теймураза далеко. А мы уже почти дома.

Яна извивалась, пытаясь вырваться, но старуха была сильной. Она толкала ее вглубь переулка, к темной, зияющей двери в каменной стене, которую Яна раньше не заметила. Дверь была приоткрыта, и из нее веяло холодом и запахом сырости.

Яна била ее ногами, царапала руки, но Нано только крепче держала ее. В черных глазах старухи горел триумф.

- Твой отец думает, что его стены защитят его, - шептала она, вталкивая Яну в темноту. - Но он забыл, что тени проникают везде. А ты, птичка, ты слишком яркая. Ты светишься. И мы заберем этот свет.

Дверь захлопнулась за ними с глухим, тяжелым звуком, отрезая последний луч солнца. И в этой темноте Яна наконец-то поняла. Поняла, что ошибка Кира и Ника была не в том, что они напугали Луку. Ошибка была в том, что они

заставили ее убежать. Убежать из единственного места, где она была в безопасности.

Она была одна. В темноте. С чудовищем. И никто ее не слышал.

Глава 32

Глава 32. Алая свадьба

Читать под трек **«Ты больше не моя» Dino MC47**

Тимур вышел из кабинета не сразу. Сначала в коридоре долго висела тишина, тяжелая и вязкая, как смола. Когда дверь наконец открылась, он не произнес ни слова. Он просто стоял в проеме, медленно раскуривая свою трубку, и смотрел на Кира и Ника. Они все еще стояли в холле, окруженные разобранными стволами и патронами, но воздух вокруг них был мертвым. Они чувствовали его взгляд спиной, чувствовали, как меняется давление в доме, как стены словно сжимаются.

Тимур сделал затяжку, выдохнул дым в потолок и тихо спросил:

- Где Яна?

Кир замер с затвором в руке. Ник медленно поднял голову от ножа. В их взглядах мелькнуло недоумение, быстро сменившееся холодным ужасом.

- Она... она убежала, — выдавил Кир, его голос вдруг показался ему чужим, сиплым.

Тимур не моргнул. Он медленно обошел стол, поставил трубку на край и посмотрел на них. В его серых глазах не было гнева. Было что-то гораздо большее. Было абсолютное, ледяное понимание краха.

- Где. Моя. Дочь? - рявкнул Тимур.

Кир медленно встал. Его лицо было бледным, как мел.

- Босс, мы... мы думали, она вернулась. Мы слышали шум в холле...

- Вы думали, - перебил Тимур. Его голос не повысился, но от него по спине Кира пробежал мороз. - Вы думали. Два профессионала. Два лучших бойца, которых я когда-либо видел. Вы думали. А я вам скажу, что есть на самом деле. На самом деле, в трех кварталах от этого дома уже засветились люди Икши. На самом деле, его разведка уже сняла квартиру в доме напротив, и они смотрят в бинокль на наши ворота. На самом деле, этот город кишит крысами, которые только и ждут, чтобы укусить. А вы, двое конченых придурков, стоите здесь и смотрите на меня пустыми глазами, потому что вы просрали ребенка!!

Он ударил кулаком по столу. Звук был таким громким, что звякнули стекла в серванте.

- Ребенка, мать вашу! - рявкнул Тимур, и его лицо исказилось от ярости. - Одиннадцатилетнюю девочку, которая на днях плакала в моем холле, потому что вы, идиоты, напугали ее до полусмерти! Вы думаете, это игра? Вы думаете, это ваши разборки? Переходный возраст никто не отменял, она сбежала, потому что вы ее довели! А теперь ее нет!

Кир вздрогнул, его лицо горело.

- Мы найдем ее, Тимур. Клянусь, мы...

- Вы ничего не найдете! - Тимур подошел к нему вплот-

ную, и Кир увидел в его глазах ту самую бездну, из которой не возвращались. - Потому что вы не знаете этот город так, как знаю его я. Вы не знаете, куда она могла пойти. Вы знаете только, как убивать. А сейчас вам нужно ее найти. Живой. Целой. И если с ней хоть волос упадет... если хоть один палец... я не вспарю вам животы. Я заставлю вас смотреть, как она умирает. А потом я убью вас. Медленно.

Он развернулся и крикнул в коридор:

- Придурки, что вас… Раф! Сократ! Подъем! Все люди! Обыскать каждый подвал, каждый чердак, каждый переулок в радиусе пяти километров! Найти ее!

Дом взорвался. Забегали люди, зазвонили телефоны, захлопали двери. Кир и Ник стояли посреди зала, и мир вокруг них рушился. Ник медленно сжал кулаки, и его ногти впились в ладони так глубоко, что по коже потекла кровь. Он не чувствовал боли. Он чувствовал только одно: он потерял ее. Он потерял свою ось. И если он не найдет ее в ближайшие десять минут, он сожжет этот город дотла.

***

Яна не понимала, куда ее ведут. Рука старухи, Нано, сжимала ее локоть с пугающей, нечеловеческой силой. Они шли не по улицам, а через какие-то дворы-колодцы, через арки, через узкие, темные проходы, пахнущие сыростью и мусором. Солнце исчезло, словно его и не было. Воздух стал холодным, тяжелым.

- Куда ты меня ведешь? - хрипло спросила Яна, пытаясь

вырваться. - Отпусти меня!

Старуха только усмехнулась, ее желтые зубы блеснули в полумраке.

- Тссс, птичка. Твой отец далеко. А мы уже пришли.

Они остановились перед массивной деревянной дверью, вбитой в каменную стену. Нано постучала - три удара, пауза, два удара. Дверь скрипнула, и Яну втолкнули внутрь.

Она оказалась в большом, полутемном помещении, заставленном старыми коврами, сундуками и низким столиком. Посредине, на груде подушек, сидел мужчина. Ему было лет сорок, может, пятьдесят. Его лицо было смуглым, жестким, с тяжелым, волевым подбородком и пронзительными черными глазами. На нем была шелковая рубашка, расстегнутая на груди, и множество золотых цепей. Рядом с ним стояли двое здоровых мужчин с мрачными лицами.

- Нано, - сказал мужчина, его голос был низким, бархатным, но в нем чувствовалась сталь. - Кого ты привела?

- Демна, - старуха склонилась в поклоне. - Я привела тебе подарок. Дочь Теймураза.

Демна медленно поднял глаза и посмотрел на Яну. Его взгляд скользнул по ее лицу, по распущенным волосам, по голубому платью. Яна почувствовала себя так, будто ее раздели догола. Его взгляд был тяжелым, липким, оценивающим.

- Теймураза? - Демна усмехнулся. - Серьезно? Нано, ты знаешь, что будет, если Теймураз узнает, что мы держим его

дочь?

- Он не узнает, - старуха хихикнула. - Пока. Мы можем потребовать выкуп. Хороший выкуп.

Демна встал. Он был высоким, широкоплечим. Он медленно обошел Яну, словно осматривая лошадь на рынке. Яна застыла, ее сердце колотилось где-то в горле. Она чувствовала опасность. Не ту опасность, которая была в особняке Тимура, где она знала, что ее защитят. Это была дикая, первобытная опасность.

- Выкуп, - задумчиво произнес Демна. Он остановился перед ней, взял ее подбородок своей тяжелой рукой и заставил поднять голову. - А сколько ей лет, Нано?

- Лет четырнадцать, - пожала плечами старуха. - Посмотри на нее. Она уже почти женщина.

Яна хотела закричать, что ей одиннадцать, что она ребенок, но рука Демны сжалась на ее подбородке так сильно, что она захлебнулась воздухом.

- Четырнадцать, - повторил Демна. Он медленно улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего человеческого. - По нашим законам, четырнадцать - это возраст, когда девушка готова к замужеству. А Теймураз... Теймураз старый волк. Он не отдаст выкуп. Он начнет войну. А война - это плохо для бизнеса. Но если она станет моей женой... если она станет частью моей семьи... Теймураз не посмеет тронуть нас. Это будет союз.

Яна широко раскрыла глаза. Ужас, холодный и липкий,

залил ее изнутри.

- Нет, - прошептала она. - Нет, мне одиннадцать. Я ребенок. Отпустите меня.

Демна рассмеялся. Звук был грубым, неприятным.

- Одиннадцать? Девочка, ты выглядишь на пятнадцать. Твое тело готово. А разум... разум мы воспитаем. Нано, отведи ее в заднюю комнату. Переоденьте ее. Сегодня вечером будет свадьба.

- Нет! - закричала Яна. Она рванулась, но Демна даже не пошатнулся. Он просто толкнул ее, и она отлетела к стене, ударившись плечом о грубый камень. Боль вспыхнула в левой руке, в гипсе. - Я не буду! Я не буду!

Двое мужчин схватили ее за руки и потащили в темный коридор. Яна билась, кричала, но ее голос тонул в толстых коврах, которыми были увешаны стены.

Ее заперли в маленькой, сырой комнате без окон. Пахло плесенью и чем-то сладковато-приторным. На кровати лежало платье. Белое. Кружевное. Страшное в своей невинности посреди этого грязного, темного места. Рядом стояла старая цыганка с иглой и нитками.

- Снимай платье, - сказала цыганка на ломаном русском. - Будем подгонять.

Яна прижалась к стене, обхватив колени руками.

- Я не надену это. Я не выйду за него. Он убьет меня.

Цыганка подошла ближе. В ее руке блеснуло что-то острое. Нож.

- Наденешь, - тихо сказала она. - Или я отрежу тебе эти красивые волосы. А потом отрежу пальцы. По одному. Ты поняла, птичка?

Яна посмотрела на нож. Потом на цыганку. Она поняла. В этом мире не было правил. Не было Тимура. Не было Кира и Ника. Была только грубая, жестокая сила. И она была маленькой, сломанной, с гипсом на руке.

Она медленно, дрожащими руками, начала расстегивать пуговицы своего голубого платья с ромашками.

Часы тянулись как вечность. Ее переодели. Белое платье было тесным, оно давило в груди, кололо шею кружевом. Волосы ей заплели в сложную, тяжелую прическу, вплетая в них монеты и ленты. Монеты холодными дисками били по вискам.

Когда дверь открылась, Яна не сопротивлялась. Ее взяли под руки и повели. Они шли через длинный коридор, в конце которого горел свет. Слышалась музыка. Грубая, ритмичная, бьющая по нервам. Бренчание гитар, топот ног, крики.

Ее вывели в большой зал. Посредине стоял импровизированный алтарь, увенчанный красными лентами и свечами. Вокруг стояли цыгане. Мужчины, женщины, дети. Все они смотрели на нее. В их глазах не было радости. Было любопытство. Жадность. Предвкушение.

У алтаря стоял Демна. Он был одет в черный костюм, на груди блестела золотая брошь. Он смотрел на нее. Его взгляд скользнул по ее телу, обтянутому белым кружевом, и Яна

почувствовала, как ее тошнит. Это был взгляд собственника. Взгляд мясника, смотрящего на тушу.

- Подведите ее, - сказал Демна.

Ее подтолкнули к алтарю. Свечи горели ярко, их жар обжигал лицо. Старый цыган в длинной рубахе начал читать молитву на непонятном языке. Его голос был монотонным, гипнотизирующим.

Яна смотрела на Демну. Он улыбался. Он уже считал ее своей. Он уже думал о том, что будет после свадьбы. О том, как он будет ломать ее. Как он будет подчинять ее себе.

Внутри Яны что-то щелкнуло. Страх, который парализовал ее последние часы, вдруг испарился. Осталась только холодная, ясная ярость. Она была Кармой. Она была старой душой. И она не умрет здесь. Не в этом грязном платье. Не от этого человека.

Она резко дернулась. Цыганка, державшая ее за руку, не ожидала сопротивления. Яна вырвалась, толкнула старуху и бросилась к двери.

- Держите ее! - заорал Демна.

Двое мужчин бросились за ней. Яна бежала, не разбирая дороги, задрав тяжелое подолье платья. Она вылетела во двор, в темноту, в холодный ночной воздух. Она бежала к забору, к свободе.

Но ее догнали быстро. Сильные руки схватили ее за волосы, рванули назад. Яна закричала, ее ноги оторвались от земли. Втолкнули в дом, за дверь. Удар в живот выбил из нее

весь воздух. Она упала на пол, в пыль, на грязные ковры.

Демна подошел к ней. Он смотрел сверху вниз, его лицо было искажено яростью.

- Ты думаешь, ты можешь убежать? - тихо сказал он. - Ты думаешь, ты особенная?

Он кивнул мужчинам.

- Научите ее уважению. Но не трогайте лицо. Сегодня свадьба.

Мужчины подняли ее. Один из них замахнулся. Яна зажмурилась, ожидая удара.

И в этот момент дверь в дом просто исчезла.

Ее не открыли. Ее вынесли с петель вместе с косяком. Грохот был таким, что земля дрогнула. Музыка оборвалась. Крики сменились тишиной.

В проеме стояли трое.

Ник был первым. Он не бежал. Он скользил. В его руке был нож, и лезвие отражало свет свечей. Его лицо было маской смерти. В его глазах не было ничего, кроме абсолютного, первобытного ужаса, который он сейчас собирался подарить каждому в этой комнате.

За ним шел Кир. Он не прятался. Он шел прямо, в его руках был пистолет, и он уже стрелял. Два глухих хлопка — и двое мужчин, державших Яну, рухнули на землю, даже не поняв, что произошло. Кир смотрел на Яну, лежащую в пыли в белом платье, и в его глазах вспыхнуло такое безумие, что даже цыгане отступили.

Раф замыкал шествие. Он просто занял дверь. Огромный, неподвижный, как скала. Никто не пройдет. Никто не уйдет.

- Ян, - выдохнул Ник. Его голос был хриплым, сорванным. Он бросился к ней, опустился на колени в грязь, не обращая внимания на кровь, которая брызнула на его белые брюки. Его руки дрожали, когда он касался ее лица. - Малышка, милая, я здесь. Я здесь.

Яна открыла глаза. Она увидела его лицо. Увидела слезы, которые текли по его щекам, смешиваясь с пылью. Увидела Кира, который стоял над ними, его пистолет был направлен в Демну, который пытался незаметно дотянуться до ножа за поясом.

- Не шевелись, - тихо сказал Кир. Его голос был спокойным, но в нем звенела сталь. - Даже не дыши.

Демна замер.

- Кир, - прошептала Яна. Ее голос был слабым, но в нем была та самая сила, которая держала их всех. - Он... он хотел жениться на мне.

Кир медленно повернул голову. Посмотрел на Демну. Посмотрел на белое платье. Посмотрел на кровь, которая капала с губы Яны.

В его глазах что-то умерло. И что-то проснулось.

- Ник, - сказал Кир тихо. - Выведи ее. Тут… я сам.

Ник поднял Яну на руки. Она была легкой, как перышко. Он прижал ее к себе, закрыл ее лицо своим плечом, пряча от того, что сейчас произойдет.

- Раф, - добавил Кир. - Закрой дверь.

Раф шагнул вперед и просто закрыл дверь. Вернее, то, что от нее осталось.

Когда дверь закрылась, в зале стало темно. Только свечи. И только звуки. Короткие, глухие звуки. Крики, которые обрывались на полуслове. Звук разрываемой плоти. Звук падающих тел.

Яна не смотрела. Она уткнулась лицом в шею Ника. Она чувствовала, как он тоже дрожит. Как его сердце бьется так сильно, что отдается в ее груди. Она чувствовала, как его слезы падают на ее волосы.

- Все хорошо, - шептал он, его голос срывался. - Все хорошо, маленькая. Мы здесь. Мы с тобой. Никто тебя не тронет. Никогда. Никогда больше.

Это длилось недолго. Минуту. Может, две. Когда Раф открыл дверь, в зале не было никого живого. Только Кир стоял посреди комнаты. Его рубашка была темной от крови. Он медленно вставил пистолет в кобуру. Его руки дрожали.

Он подошел к Нику и Яне. Посмотрел на нее. На ее лицо, на котором был грязный след от руки Демны. На ее белое платье, испачканное в пыли и крови.

Кир медленно поднял руку и стер грязь с ее щеки. Его пальцы были теплыми, несмотря на кровь.

- Ну что, малая, - тихо сказал он, и в его голосе прозвучала та самая ирония, которая была его щитом. - Похоже, мы немного опоздали на регистрацию. Но ничего, в ЗАГСе оче-

реди большие, успеем.

Яна посмотрела на него. И вдруг рассмеялась. Это был странный, истеричный смех, смешанный со слезами. Она смеялась и плакала одновременно, уткнувшись лицом в плечо Ника, чувствуя руки Кира, которые обняли их обоих.

- Вы идиоты, - прошептала она сквозь слезы. - Вы оба идиоты.

- Знаем, - Кир усмехнулся, и в его глазах тоже блестели слезы. - Но мы твои идиоты. Поехали домой.

***

Машина мчалась по ночному Тбилиси. Сирены выли где-то вдалеке, но Тимур уже решил все вопросы. Дорога была свободна.

Яна сидела на заднем сиденье, между Киром и Ником. На ней все еще было это дурацкое белое кружевное платье. Монеты в волосах звякали при каждом повороте. Она дрожала. Адреналин отступал, оставляя после себя холодную, липкую пустоту.

Ник обнимал ее, его рука крепко сжимала ее плечо. Кир сидел рядом, его рука лежала на ее колене, его большой палец медленно чертил круги на ткани платья.

- Знаешь, - вдруг сказал Кир, глядя в окно на мелькающие огни города. - Я всегда мечтал о традиционной свадьбе. Но чтобы невеста была в белом, а женихи в черном, и все гости были мертвы... Это немного не в моем вкусе. Слишком много крови на ковре.

Яна посмотрела на него. Ее губы дрогнули.

- Кир, - тихо сказал Ник, но в его голосе не было осуждения. Только усталость.

- Что? - Кир пожал плечами. - Я просто говорю. В следующий раз, когда решим жениться, давай арендуем нормальный ресторан. И пригласим Сократа. Он любит тосты. И я сам выберу тебе платье.

Яна снова рассмеялась. Тихо, слабо. Но это был настоящий смех. Она прижалась к Киру, потом к Нику.

- Спасибо, - прошептала она. - Спасибо, что вы есть.

Кир поцеловал ее в макушку. Ник просто крепче сжал ее руку.

Машина свернула на улицу Леселидзе. Они ехали домой. Яна закрыла глаза, чувствуя, как тепло возвращается в ее тело. Как страх отступает. Как она снова становится собой.

И вдруг она открыла глаза.

- Стоп, - сказала она.

Кир нахмурился.

- Что?

- Останови машину. Здесь.

Кир посмотрел на нее, потом перевел взгляд на улицу. Машина остановилась у тротуара.

Яна посмотрела в окно. И ее сердце остановилось.

Пекарня. Семейная пекарня Наны и Гиги. Дверь была вырвана с петлями. Витрина разбита. Внутри горел свет, но это был не теплый свет ламп. Это был свет, который вырывал-

ся из открытой двери, освещая мостовую красноватым, тревожным отблеском.

- Яна, - тихо сказал Ник, чувствуя, как она напряглась. - Не надо.

- Я должна, - прошептала она. - Откройте дверь.

Кир и Ник переглянулись. В их глазах читалось понимание. Они знали, что она увидит. Они знали, что это не их работа. Но они знали, кто это сделал.

Они вышли из машины. Кир и Ник шли по бокам от нее, закрывая ее собой. Раф остался у машины, сканируя периметр.

Яна шагнула внутрь пекарни.

Запах ударил ей в лицо. Не запах хлеба. Не запах свежей выпечки. Запах меди. Запах пороха. Запах смерти, смешанный с запахом горелого сахара.

На полу лежали Нана и Гига. Они были мертвы. Их тела лежали рядом, их руки были сцеплены. Они умерли вместе.

А посредине комнаты, на полу, посыпанном мукой, которая теперь была красной, лежал Лука.

Он лежал на спине. Его руки были раскинуты в стороны. Его глаза были открыты и смотрели в потолок. На его шее был широкий, страшный разрез. Кровь растеклась вокруг него, впиталась в муку, создавая странный, жуткий узор. Он выглядел как ангел. Как сломанный, невинный ангел, который просто хотел помочь девушке донести хлеб.

Яна замерла. Воздух вышел из ее легких. Мир вокруг нее

сузился до этой фигуры на полу. До его открытых, мертвых глаз. До муки, которая лежала на его ресницах.

Она медленно повернулась к Киру и Нику. Ее лицо было белым, как полотно. В ее глазах не было слез. Только пустота. Только абсолютный, всепоглощающий ужас.

- Это же не вы? - прошептала она. Ее голос был тонким, ломким. - Это не вы сделали это?

Кир шагнул к ней. Его лицо было искажено болью.

- Яна, нет. Клянусь тебе. Это не мы. Мы были с тобой.

- Но это... это из-за меня, - прошептала она. - Из-за того, что я пришла сюда. Из-за того, что я улыбалась ему.

Ник подошел с другой стороны. Он не стал ее трогать. Он просто встал рядом, его присутствие было тяжелой, надежной стеной.

- Нет, - твердо сказал Ник. - Это не из-за тебя. Это послание. Это Икша. Или его люди. Они знали, что ты здесь. Они знали про пекарню. Они хотели показать нам, что они могут достать тебя где угодно. Что они могут убить любого, кто тебе улыбнется.

Яна посмотрела на Луку. На его раскинутые руки. На его мертвые глаза.

Они убили его просто потому, что он помог ей. Просто потому, что он был обычным мальчишкой, который хотел понравиться девушке.

Яна медленно подняла руку и коснулась лица Кира. Потом лица Ника.

- Они думают, что могут нас сломать, - тихо сказала она. И в ее голосе не было страха. Была только холодная, стальная решимость. - Они думают, что могут убить всех, кто мне дорог. Но они ошибаются.

Она обернулась и посмотрела на тело Луки.

- Я похороню его, - сказала она. - Я сама. И я запомню его лицо. И я запомню их лица.

Кир и Ник смотрели на нее. На девочку в грязном свадебном платье, с монетами в волосах, которая только что пережила ад, и которая сейчас стояла посреди бойни и говорила о мести.

Они поняли. Они поняли, что потеряли ее. Не в том смысле, что она умерла. А в том смысле, что та маленькая девочка, которая плакала в холле особняка, умерла сегодня. В этой пекарне. На этом полу, в муке и крови.

И родилась кто-то другой. Кто-то, кто был готов к войне.

- Поехали домой, - тихо сказал Кир.

Они вышли из пекарни. Ночь была холодной. Звезды горели ярко, безразлично. Где-то вдалеке выла сирена.

Яна села в машину. Она смотрела в окно на разбитую витрину пекарни. Она не плакала. Она просто запоминала. Запоминала запах, цвет крови на муке и лицо Луки.

Кир завел двигатель. Ник сел рядом, его рука нашла ее руку в темноте.

Машина тронулась. Они ехали домой. Но дом уже не был тем местом, где было безопасно. Дом был просто крепостью.

А война... война только начиналась.

И Яна знала, что она готова. Потому что у нее был Треугольник. И потому что у нее была Карма. А Карма всегда находит своих. Всегда.

Глава 33

Глава 33. Сунь Цзы

Читать под трек **«Симфония клинка» - Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны.**

Вода в душе была горячей, почти обжигающей. Яна стояла под жесткими струями, запрокинув голову, и позволяла кипятку смывать с себя этот день. Смывать белое кружево, которое она ненавидела. Смывать запах пыли, сырости и дешевого табака из цыганского притона. Смывать прикосновения грязных рук, сальные взгляды Демны и липкий, тошнотворный страх, который застрял где-то глубоко в горле и не хотел выходить наружу. Она терла кожу мочалкой до красноты, до боли, пытаясь стереть не просто грязь, а само воспоминание о том, как она лежала в пыли и ждала удара. Вода стекала по ее телу, розовая от царапин, потом прозрачная. Она вымыла голову дважды, высушила волосы полотенцем, но не распустила их. Взяла из шкафа свою самую простую, самую закрытую пижаму — штаны с брючинами до пола и кофту с длинным рукавом, застегнутую на все пуговицы. Надела. Почувствовала себя чуть лучше. Немного, но все же.

Она подошла к двери, приоткрыла ее и выглянула в темный коридор. В доме было тихо, но эта тишина была обманчивой. Она знала, что они не спят. Она знала, что они сидят

где-то в темноте, курят, пьют, и их внутренности разрывает от мысли о том, как близко они были к тому, чтобы потерять ее.

- Кир, — позвала она тихо. - Ник.

Шаги раздались мгновенно. Не через секунду. Мгновенно! Будто они ждали этого звука. Кир появился из тени коридора первым, его фигура была напряженной, готовой к рывку. Ник вышел из комнаты напротив, его лицо в полумраке казалось каменным, но глаза блестели.

- Что случилось? — спросил Кир, его голос был хриплым, сорванным. - Ты в порядке? Тебе что-то нужно? Воды? Лекарства?

- Мне страшно, — просто сказала Яна. Она стояла в дверях своей комнаты, сжимая пальцами край дверного косяка. - Я не хочу спать одна. В этой кровати. В этом доме. Мне кажется, что если я закрою глаза, я снова окажусь там. В темноте. С ним.

Кир замер. Его челюсть сжалась так сильно, что Яна услышала скрип зубов даже на расстоянии. Ник сделал шаг вперед, его рука дрогнула, словно он хотел протянуть ее к ней, но он остановил себя, сжав кулак.

- Мы с тобой, — сказал Ник. Его голос был низким, вибрирующим, как натянутая струна. - Мы никуда не уйдем.

- Зайдите ко мне, — попросила Яна. - Просто посидите. Пока я не усну. Пожалуйста.

Они переглянулись. В этом взгляде не было слов, но было

целое состояние. Боль, страх, облегчение и то самое, что они так старательно прятали. Они вошли в комнату. Кир первым, Ник следом. Яна забралась под одеяло, свернувшись калачиком, оставив пустое место слева и справа. Кир осторожно, словно боясь сломать, лег с левой стороны, поверх одеяла. Ник лег справа, тоже поверх. Они не касались ее. Они просто были там. Их тела создавали живой щит, барьер между ней и миром, который пытался ее убить.

Темнота в комнате была густой. Только лунный свет пробивался сквозь щели в тяжелых шторах, рисуя на полу бледные полосы. Яна лежала между ними, слушала их дыхание. Кир дышал чуть тяжелее, рванее. Ник дышал ровно, но она чувствовала, как дрожит матрас под его плечом.

- Ян, — начал Кир, и в его голосе не было привычной иронии. Только голая, нефильтрованная правда. - Расскажи нам. Где ты была? Куда ты бежала? Как они тебя взяли?

Яна закрыла глаза. Ей не хотелось вспоминать, но она понимала: если она не расскажет это сейчас, этот яд останется в ней навсегда. Он отравит ее, отравит их, разрушит то хрупкое равновесие, которое они только что обрели.

- Я бежала, — тихо сказала она. Ее голос звучал глухо в темноте. - Я не знала куда. Я просто хотела убежать от вас. От ваших взглядов. От того, что вы сказали мне в холле. Вы сделали меня виноватой в том, что я живу. Вы сказали, что моя улыбка — это мишень. И я поверила вам. Я решила, что если я буду невидимой, если я спрячусь, со мной ничего не

случится.

Она помолчала, сглотнув ком в горле.

- Я свернула не туда. Ушла в старые переулки, где нет туристов. Там было тихо. И там появилась она! Старая цыганка! Нано. Она схватила меня так сильно, что я даже закричать не успела! Она знала мое имя! Она знала, что я дочь Тимура. Она знала про дом. Это не было случайностью, ребят. Это была ловушка! Они следили за мной. Они ждали, пока я сделаю ошибку. И я ее сделала. Я вышла без охраны.

Рука Ника на одеяле медленно, почти незаметно, сдвинулась ближе к ее руке. Он не коснулся ее, но она чувствовала тепло его кожи.

- Демна, — продолжила Яна, и ее голос дрогнул. - Цыганский барон. Он... он смотрел на меня так, будто я вещь. Он сказал, что я выгляжу на пятнадцать. Что по их законам я могу быть женой. Он хотел жениться на мне, чтобы вступить в союз с Тимуром или шантажировать его. Не знаю. Он бил меня. Его люди били меня. Они хотели сломать меня, чтобы я подчинилась..

Кир издал звук. Тихий, звериный. Звук, который издают хищники, когда видят кровь врага. Яна почувствовала, как матрас под ним напрягся до предела.

- Когда они одели меня в это дурацкое белое платье, — шептала Яна, и слезы наконец-то покатились по ее щекам, впитываясь в наволочку. - Когда я стояла перед ним... перед алтарем... и он смотрел на меня... я не боялась умереть. Я так

боялась его прикосновений! Я боялась, что он заберет у меня то, что принадлежит только мне! И в этот момент... в самую страшную секунду моей жизни... я думала не о Тимуре. Не о Фанси. Не о боге..

Она открыла глаза, повернула голову и посмотрела в темноту, туда, где лежал Кир.

- Я думала о вас, — прошептала она. И в этих словах было больше признания, чем в любых клятвах. - Я смотрела на дверь и молилась, чтобы она сломалась.. Я хотела, чтобы за ней стояли вы двое. Не Раф! Не Сократ! Вы. Кир и Ник. Всегда только вы двое! Я хотела, чтобы это вы ворвались туда! Даже если бы вы были злыми или если бы вы кричали на меня! Даже если бы вы дрались друг с другом! Я хотела, чтобы это были вы! Потому что если бы это были вы... я бы знала, что я уже дома и мне нечего бояться. Что даже если я умру, я умру в ваших руках.

В комнате повисла такая тишина, что казалось, воздух застыл. Яна услышала, как Кир медленно, судорожно выдохнул. Услышала, как Ник сжал зубы так сильно, что послышался тихий скрежет.

- Ты маленькая идиотка, — прошептал Кир. Его голос был мокрым, разбитым. - Ты маленькая, упрямая, невыносимая идиотка, Яна. Но ты наша идиотка.

- Я знаю, — всхлипнула она.

- Ты думаешь, нам было легко? — вдруг заговорил Ник. Его голос прозвучал в темноте как удар хлыста. - Ты дума-

ешь, мы хотели сказать тебе те слова в холле? Ты думаешь, нам не больно видеть, как ты улыбаешься другим? Мы сказали это, потому что этот мир — гнилой! Потому что любая твоя слабость — это дыра в броне, через которую в тебя плюнут ядом! Мы не хотели сделать тебе больно. Мы хотели сделать тебя неуязвимой.

- Но я не неуязвимая, — тихо ответила Яна. - Я просто живая. И мне больно.

Ник медленно повернулся. В лунном свете Яна увидела его профиль. Он смотрел на нее, и в его глазах стояли слезы. Настоящие, живые слезы, которые он никогда не позволил бы себе при свете дня.

- Если бы мы были там сразу, — сказал он, и его голос сорвался на шепот. - Если бы мы были там, Ян... от этого цыгана не осталось бы даже мокрого места. Мы бы разорвали его на куски голыми руками. Мы бы сожгли этот притон дотла вместе с ним. Но мы не были там. И мы никогда не простим себе этого. Никогда. Пока сердце бьется.

Кир протянул руку. Медленно, осторожно. Его пальцы нашли ее руку поверх одеяла. Он не сжал ее. Просто положил свою ладонь на ее запястье, чувствуя пульс.

- Мы здесь, малая, — тихо сказал он. - Мы здесь. И клянусь тебе всем, что у меня есть, клянусь своей кровью... никто больше никогда не посмотрит на тебя так, как смотрел тот урод. Никто! Мы вырежем этот мир наизнанку, но ты будешь в безопасности. Спи. Мы не уснем. Мы будем смотреть.

Яна закрыла глаза. Рука Кира на ее запястье была тяжелой, горячей, живой. Присутствие Ника справа было плотным, как стена. Страх, который грыз ее изнутри последние часы, медленно отступал, растворяясь в тепле их тел. Она уснула. Не сразу. Но уснула. И в этот раз сны не приходили. Была только темнота, дыхание двух мужчин и стук их сердец, которые бились в унисон с ее собственным.

***

Утро пришло резко, без плавных переходов. Яркий, безжалостный кавказский солнечный свет пробился сквозь щели в шторах, ударив по лицу Кира. Он моргнул, сбрасывая с себя оцепенение сна, и его рука инстинктивно метнулась к центру кровати.

Пусто.

Одеяло было аккуратно откинуто. Подушка не смята. Яны не было.

Кир вскочил мгновенно, сбивая с себя простыню. Сердце ударило в ребра с такой силой, что перехватило дыхание. Он посмотрел на другую сторону. Ника тоже не было.

- Мать твою, — выдохнул Кир, бросаясь к двери. Он вылетел в коридор, его босые ноги шлепали по холодному мрамору. Он пробежал мимо ванной, мимо гостевой комнаты. Дверь в комнату друга была открыта. Пусто. Кровать заправлена.

Он развернулся и почти столкнулся с Ником, который бежал по коридору с другой стороны. Лицо Ника было белым,

как мел, в его руке был нож, который он, видимо, выхватил из тумбочки, не задумываясь.

- Где она? — рявкнул Кир.

- Не знаю, — Ник уже разворачивался, направляясь к лестнице. — пошли вниз, спросим у Рафа и Сократа.

Они спустились по мраморной лестнице почти кувырком, игнорируя всякую осторожность. Врываться в гостиную они не стали, просто встали в арке, готовые ко всему.

В гостиной, у огромного панорамного окна, выходящего в сад, стояли Тимур, Фанси, Раф и Сократ. Они пили кофе. Они выглядели спокойными, рассудительными, будто ничего не произошло. И посреди них стояла Яна.

Кир остановился так резко, что Ник врезался ему в спину. Они замерли, уставившись на девочку.

Это была не Яна. Та Яна, которая вчера плакала в его руках, которая носила голубое платье с ромашками и распущенные волосы до поясницы, исчезла. Девочка, стоявшая перед ними сейчас, была одета полностью в черное. Черные брюки, черная закрытая водолазка, черные ботинки на плоской подошве. Ее длинные, роскошные волосы были стянуты назад и убраны в тугой, строгий пучок на затылке, не оставляя ни одной свободной пряди. Ее лицо было бледным, черты заострились, а глаза... в ее глазах не было ни страха, ни слез, ни детской наивности. Там был лед. Холодный, расчетливый, безжалостный лед.

Кир и Ник переглянулись. В их взглядах читалось абсо-

лютное, немое потрясение. Они медленно перевели глаза на Тимура.

Тимур медленно поднял чашку с кофе, сделал глоток и посмотрел на них поверх края фарфора. В его серых глазах не было удивления. Только странная, пугающая гордость.

- Доброе утро, джентльмены, — спокойно произнес Тимур. - Вы проспали завтрак, но это не страшно. У Кармы есть план.

Слово повисло в воздухе. Карма. Не Яна. Не девочка. Не дочь. Карма. Тимур никогда не называл ее так в присутствии посторонних, да и при них использовал это имя редко, только в моменты высшей концентрации. Он намеренно использовал этот код сейчас. Чтобы показать им: перед ними стоит не та, кого они вчера укладывали спать. Перед ними стоит та, ради которой они убивали.

Кир медленно шагнул в комнату. Ник шел следом, убирая нож за пояс, но не выпуская рукоять из руки.

- Какой план? — спросил Кир. Его голос был ровным, но мышцы на шее натянулись.

Яна повернулась к ним. Она не улыбнулась. Не сделала шаг навстречу. Она просто смотрела на них, и в этом взгляде было столько веса, что Киру стало физически тяжело дышать.

- План по зачистке, — сказала она. Ее голос звучал иначе. Ниже. Тверже. Без единой дрожи. — Тимур, Сократ, дедушка Фанси. Разрешите мне начать?

Тимур кивнул, жестом приглашая ее говорить.

- Вы прекрасно знаете, что я люблю перечитывать Сунь Цзы, — начала Яна, медленно обходя круг, в котором стояли мужчины. Ее шаги были тихими, но каждый шаг отдавался в тишине комнаты. - Так вот, он говорит, что всякая война основана на обмане. Мы до сих пор играем по их правилам. Мы прячемся в особняках, мы выезжаем на бронированных машинах, мы стреляем в ответ. Это ошибка. Икша и люди Нефрита сильны там, где они видят нас. Они сильны в открытой войне. Но мы не будем воевать. Мы будем их разрушать. Изнутри. По кусочкам. Так, чтобы они даже не поняли, кто наносит удар.

Она остановилась посередине комнаты, посмотрела на Кира и Ника.

- Шаг первый. Разведка. Но не наша. Наша разведка слишком заметна. Рафа узнают на улицах, Кира знают в барах, Ника... Ника боятся даже тени. Нам нужны те, кого они не видят. Те, кто невидим для их системы.

Она кивнула Сократу. Тот медленно достал из кармана пиджака сложенный лист бумаги и протянул его Киру. Кир развернул его. Это была карта Тбилиси. Но не обычная: на ней были отмечены десятки маленьких красных точек.

- Мы с Рафом вчера спустились в город вчера, — тихо сказала Яна. - После того, как Ник и Кир вытащили меня из притона. Пока вы везли меня домой. Я смотрела в окно. Я видела их. Бездомных. Торговцев на улицах. Чистильщиков

обуви. Детей, которые продают газеты. Они везде. Они видят все. Икша и правая рука Нефрита думают, что они короли улиц. Но они не замечают тех, кто лежит у их ног.

Фанси, сидевший в кресле, медленно кивнул, его старые глаза блестели.

- Я нашла старосту бездомных у старых бань, — продолжила Яна. - Его зовут Леван. Он старый, слепой на один глаз, но он знает каждую крысу в этом городе. Я поговорила с ним. Не деньгами. Тимур дал мне деньги, но Левану плевать на деньги. Ему нужно было уважение. Я сказала ему, что Тимур уважает его, как равного. Что мы просим его помощи не как нищего, а как стратега. Он согласился. Эти пятьдесят точек на карте, — она указала на бумагу в руке Кира, — это глаза. Они будут следить за каждым складом, каждой машиной, каждой встречей людей Икши и Нефрита. Они будут знать, кто с кем спит, кто кому должен, кто кого ненавидит.

Кир смотрел на карту, его челюсть отвисла. Ник подошел ближе, вчитываясь в отметки.

- Шаг второй, — сказала Яна, и в ее голосе появилась стальная нотка. - Великий мастер войны писал: «Посей раздор в рядах врага, чтобы он сражался сам с собой». Икша и люди Нефрита сейчас работают вместе, потому что боятся Тимура. Но у них нет причин любить друг друга. Они делят рынок. У них есть трения. Мы не будем их объединять. Мы будем их стравливать.

Она посмотрела на Сократа.

- Сократ, ты знаешь людей Нефрита в порту. Кир, ты знаешь людей Икши на таможне. Мы создадим утечку. Фальшивую. Мы сделаем так, чтобы Икша подумал, что Нефрит сдал его людей полиции в прошлом месяце. А люди Нефрита узнают, что Икша пытался перехватить их груз с оружием. Не драматично. Тихо. Через тех же бездомных. Через сплетни в чайханах. Через записки, «случайно» забытые в карманах курток. Через месяц они не просто перестанут работать вместе. Они начнут охоту друг на друга.

Тимур медленно поставил чашку на блюдце. Звук фарфора был громким.

- Шаг третий, — продолжила Яна, не давая никому возразить. Сунь Цзы сказал: «Атакуй там, где он не готов, появляйся там, где тебя не ждут». Когда они начнут грызть друг друга, их периметр ослабнет. Они бросят людей на внутренние войны. И в этот момент мы нанесем удар. Не по базам и не по складам. По их головам.

Она подошла к окну, посмотрела на сад.

- Я изучила их расписание. Икша каждое утро в шесть тридцать ездит в баню на одном и том же черном джипе. Его охрана меняется каждые два часа, но есть дыра. Пятнадцать минут, когда старая смена уезжает, а новая еще не приехала. Правая рука Нефрита играет в нарды в одном и том же клубе по вторникам и четвергам. В клубе нет заднего выхода. Только парадный.

Она обернулась. Ее черные глаза встретились с глазами

Кира.

- Мы не будем штурмовать. Мы будем использовать среду. Кир, ты знаешь человека, который обслуживает вентиляцию в том клубе? Ник, ты можешь достать нервно-паралитический газ, который не оставляет следов при вскрытии? Мы сделаем так, что они просто уснут. Навсегда. Без выстрелов. Без свидетелей. Без войны.

В комнате повисла мертвая тишина. Только где-то в саду пела птица.

- Это... — начал Кир, и его голос был хриплым. Он посмотрел на карту, на Яну, на Тимура. — Яна, это... это геноцид. Это не зачистка. Это стирание. Ты хочешь убить их всех? Всю верхушку? За одну неделю?

- Я хочу, чтобы их не существовало, — спокойно ответила она. - Сунь-цзы говорил: «Высшее искусство войны — сломить сопротивление врага без боя». Но в нашем мире, Кир, без боя не бывает. Бой будет. Просто они не будут знать, что они в нем участвуют, пока не получат нож в ребро.

Ник медленно подошел к ней. Он смотрел на нее сверху вниз, его лицо было непроницаемым, но в глазах бушевал шторм.

- Ты понимаешь, что будет после? — тихо спросил он. - Когда мы это сделаем? Власть не любит пустоту. Придут новые. Более голодные. Более жестокие.

- Пусть приходят, — жестко сказала Яна. - Мы их тоже сломаем. Я не остановлюсь, Ник. Не после того, что они сде-

лали со мной. Не после того, что они сделали с Лукой. Они перешли черту. Они тронули то, что принадлежит мне. И теперь я заберу у них всё.

Она сделала шаг к Нику, подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза.

- Ты сказал вчера в машине, что они хотели показать нам, что могут достать меня где угодно. Я показываю им, что я могу достать их в их собственных постелях. Что я вижу их насквозь. Что я не девочка, которую можно спрятать в башне. Я Карма. И карма всегда возвращается.

Фанси медленно встал из кресла. Он подошел к Яне, положил свою тяжелую, морщинистую руку ей на плечо:

- Ты права, — сказал старик, и его голос прозвучал как приговор. - План безупречен. Он жесток. Он не оставляет шансов. Но он гениален. Мы не можем позволить им дышать.

Сократ кивнул, закрывая свой блокнот.

- Я подготовлю утечки, — сказал он ровно. - Люди Нефрита поверят в предательство Икши к вечеру.

Раф молча достал телефон, набрал номер и вышел из комнаты, чтобы начать координацию с людьми на улицах.

Кир и Ник остались стоять посреди комнаты. Они смотрели на Яну. На эту маленькую девочку в черном, с тугим пучком волос, которая только что расписала им схему уничтожения двух самых опасных кланов в городе. Схему, которую не смог бы разработать ни один генерал.

- Ты пугаешь меня, малая, — тихо сказал Кир. В его го-

лосе не было осуждения. Только благоговение и легкий, животный страх. - Ты пугаешь меня до чертиков.

- Я не делаю ничего, чему вы меня не научили, — ответила Яна. Она подошла к Киру, протянула руку и поправила воротник его рубашки. Ее пальцы были холодными, но прикосновение было нежным. - Вы научили меня, что мир — это война. Вы научили меня, что выживает сильнейший. Я просто применяю ваши уроки.

Ник медленно подошел с другой стороны. Он не коснулся ее. Он просто встал так, чтобы она была между ним и Киром.

- Мы сделаем это, — сказал Ник. Его голос был твердым, как гранит. - Мы сделаем всё, что ты скажешь. Каждый шаг. Каждую деталь. Но ты будешь смотреть. Ты будешь видеть, как это делается. Чтобы ты никогда не забывала цену, которую мы платим за твой покой.

- Я буду смотреть, — кивнула Яна. - Я хочу видеть их глаза. Я хочу видеть, как гаснет их свет.

Тимур, стоявший у окна, медленно улыбнулся. Это была улыбка хищника, который увидел, как его волчонок впервые показал клыки.

- Ну что ж, — сказал он, разворачиваясь к ним. - Вы слышали даму? Кир, Ник — берите карты. Сократ, ко мне в кабинет. У нас много работы.

Он подошел к Яне, положил руку ей на голову, чуть касаясь тугого пучка волос.

- Ты сделала правильный выбор, дочка, — тихо сказал он.

- Добро пожаловать в большую игру!

Яна посмотрела на Кира и Ника. В их глазах горел огонь. Не тот огонь, который пугал ее вчера. А другой. Огонь преданности. Огонь войны. Огонь Треугольника, который только что перестал быть просто связью. Он стал оружием.

Они вышли из гостиной, направляясь в разные стороны. Кир и Ник шли плечом к плечу, уже обсуждая детали маршрутов и точек отсечения. Яна шла за ними, ее шаги были тихими и ровными. Она больше не боялась. Она знала, что впереди будет кровь. Будет боль. Будет смерть. Но она знала и другое.

Она знала, что они победят. Потому что карма неумолима. И потому что у нее были Кир и Ник. А у них была она.

И этого было достаточно, чтобы сжечь этот город дотла.

Глава 34

Глава 34. Тень треугольника

Читать под трек **«Кодекс чести» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны**

Столовый зал особняка в Тбилиси напоминал бункер, облицованный мореным дубом. Тяжелый стол, способный вместить тридцать человек, сейчас казался островом в океане вязкого, почти осязаемого молчания. Серебряные приборы звякали о фарфор с пугающей отчетливостью, каждый звук резал воздух, как лезвие по натянутой ткани.

Яна сидела посередине, механически разрезая мясо на мелкие, идеальные кусочки. Она не ела. Аппетит отвалился еще днем, когда они возвращались с горной дороги. Она чувствовала на себе взгляды, но не поднимала глаз. Она знала, что сейчас произойдет. Воздух в комнате сгустился до состояния ртути, и любое неосторожное движение могло вызвать взрыв.

Напротив нее, во главе стола, сидел Тимур. Он не спешил. Медленно, с хирургической точностью отправлял вилку в рот, тщательно пережевывал, проглатывал. Его серые глаза, обычно теплые, когда он смотрел на дочь, сейчас были холодными и пустыми, как колодец без дна.

Слева от Яны замер Кир. Пятьдесят семь лет, более соро-

ка из которых он провел на вершине криминального Олимпа. Он не притронулся к еде. Перед ним стоял нетронутый бокал с красным вином. Его правая рука лежала на колене, пальцы слегка подергивались в такт неслышному ритму.

Справа сидел Ник. Он был воплощением абсолютной неподвижности. Только желваки на его скулах выдавали то колоссальное напряжение, которое сжимало его мышцы в стальные жгуты.

- Сегодня в полдень, - голос Тимура прозвучал негромко, но в тишине зала он прокатился, как гром в ущелье, - мы потеряли склад на Вознесенской. Сорок единиц ствола, триста кило чистого золота, два ляма баксов в общаке. Пришлось поджечь дотла, чтобы оперативники не нашли отпечатки и ДНК.

Яна замерла с ножом в руке. Она знала про склад. Она знала, что там произошла утечка. Но она не знала деталей.

Тимур отложил вилку. Вытер губы льняной салфеткой. Сложил ее идеально ровным квадратом.

- Знаете, почему менты приехали туда ровно через четыре минуты после того, как вы вывели оттуда груз? - Тимур поднял глаза. Его взгляд скользнул по Киру, затем по Нику. - Потому что вы оставили хвост. На серой «Тойоте». Вы вели их по городу, через три контрольные точки, прямо к тайнику. Вы нарушили базовый закон конспирации. Вы привели собак к нашей норе.

Кир медленно поднял голову. Его лицо было каменным,

но в глубине серо-зеленых глаз вспыхнула искра.

- Хвост был профессиональным, - голос Кира был низким, вибрирующим. - Двое на машине, третий на крыше соседнего здания. Мы их сняли. Но они успели передать координаты.

- Вы их сняли, - Тимур усмехнулся. Усмешка была кривой, ядовитой. - Кир, ты сорок лет в игре. Ты знаешь, что если ты видишь хвост, ты не ведешь его к складу. Ты ведешь его на кладбище. Или ты сливаешь груз и уходишь в тень. Но ты повел их к общаку. Почему?

В зале повисла пауза. Кир не ответил. Он знал почему.

- Потому что, - Тимур продолжил, его голос стал тише, но от этого каждое слово приобретало вес свинцового слитка, - ты был занят не дорогой. Ты был занят тем, чтобы проверить, не замерзла ли наша маленькая птичка. Ты смотрел на нее в зеркало заднего вида, вместо того чтобы смотреть на дорогу. Ты пожертвовал двумя миллионами и безопасностью клана, потому что боялся, что у нее - что? Насморк?!

Ник медленно сжал кулак под столом. Хруст суставов прозвучал как выстрел.

- Тимур, - Кир произнес имя медленно, с расстановкой. - Ты сейчас говоришь со мной как с рядовым стрелком, который проспал смену.

- Я говорю с тобой как босс, - Тимур не моргнул. - Как человек, которому ты сам передал корону. Как человек, который теперь отвечает за жизни сотен пацанов. Ты сложил

полномочия, Кир. Ты ушел в тень. Ты сказал: «Тимур, рули ты». Я и рулю. И пока я рулю, в моем доме не будет беспредела. А то, что ты устроил сегодня - это беспредел. Это ставит под удар всех.

Кир медленно выдохнул. Он положил ладони на край стола. Его пальцы были длинными, с коротко стриженными ногтями, покрытыми мелкими шрамами от ножевых порезов, которые он получил еще в девяностых.

- Я сложил полномочия, - Кир поднял глаза, и в этот момент воздух в комнате словно наэлектризовался. - Я передал тебе операционное управление. Я дал тебе корону, потому что устал от ежедневной рутины. Потому что я хотел сосредоточиться на стратегии. Но ты, пацан, похоже, перепутал мою отставку с моей смертью.

Тимур медленно наклонился вперед.

- Я ничего не путаю, Кир. Я уважаю твой стаж. Я уважаю то, что ты сделал для наших стран. Но я не позволю тебе саботировать мои приказы. Ты должен был сдать груз на перевалочной базе в Мцхете. Твой приказ был - Мцхета. А ты повез груз в Тбилиси. Почему?

- Потому что в Мцхете была засада, - Кир ответил спокойно. - Мои люди заметили смену патрулей ДПС. Нестыковка. Я принял решение на месте.

- Твои люди? - Тимур рассмеялся. Звук был сухим, как треск ветки. - Твои люди сейчас - это Ник и два стажера. А мои люди, Кир, сидят в каждом переулке этого города. Если

бы ты доложил мне, мы бы обошли Мцхету стороной. Но ты не доложил. Ты решил сам. Ты решил, что ты все еще король.

Кир медленно встал. Движение было плавным, но в нем чувствовалась скрытая, взрывная мощь. Он не кричал. Его голос стал тише, но от него по коже Тимура пробежали мурашки.

- Вообще-то, это не твои люди, а люди Кармы на минуточку, и я изначально и есть король русской мафии, - Кир произнес это с ледяной, убийственной вежливостью. - То, что я переложил на тебя сейчас свои обязанности, босс, - выделил он едко, - не дает тебе права меня тут оскорблять. Я строил этот клан, когда ты еще пешком под стол ходил и в песочнице машинки катал. Я знаю этот город лучше, чем знаю свои морщины. И если я решил везти груз через Тбилиси, значит, так было надо.

Тимур тоже встал. Он был моложе Кира на четырнадцать лет, выше его на полголовы, но в этом кабинете, за этим столом, он был хозяином. И он это знал.

- Твой стаж не дает тебе права на самоуправство, - Тимур шагнул навстречу Киру, сокращая дистанцию. - Здесь не семидесятые, Кир. Здесь не время, когда можно было решать вопросы, положив ствол на стол. Здесь правила изменились. И первое правило моего правления: клан выше личных интересов. А ты сегодня поставил свои интересы выше клана.

- Мои интересы, - Кир усмехнулся, и в этой усмешке было столько презрения, что Тимур на секунду замер, - это без-

опасность этого дома.

- Безопасность? - Тимур вдруг рассмеялся. Но это был смех ярости, смех отца, которого загнали в угол. Он резко ткнул пальцем в сторону Яны, которая сидела, вжавшись в спинку стула, с побелевшими пальцами. - Давай говорить прямо, Кир! Давай без этих красивых слов про стратегию и грузы!

Тимур сделал еще шаг, его лицо исказилось от гнева. Он забыл про понятия. Забыл про иерархию. В нем заговорил отец, загнанный в угол хищник, который увидел, как старый волк облизывается на его волчицу.

- Ты думаешь, я не вижу? - Тимур рявкнул, его голос эхом разнесся по залу. - Ты думаешь, я слепой? Ты ушел в тень, стал ее «другом», ее «наставником»... Другом?! Наставником?! Или тем, кто хочет залезть ей под платье, не дожидаясь ее совершеннолетия?! Ты думаешь, я не замечаю, как ты на нее смотришь, когда думаешь, что я не вижу?! Ты, старый кобель, решил, что можешь играть в спасителя, чтобы получить то, что тебе не принадлежит по праву?!

В комнате повисла абсолютная, звенящая тишина.

Яна почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Она медленно подняла глаза на Кира.

Лицо Кира изменилось. Исчезла маска спокойствия. Исчезла ирония. Осталось только лицо человека, который только что получил пощечину, которую не смывают кровью — только смертью. Его глаза стали абсолютно черными. Зрачки

расширились, поглощая радужку.

Кир не закричал. Он издал звук. Низкий, утробный, звериный рык, от которого у Яны сжалось сердце.

В одно мгновение, с грацией и скоростью, невозможной для его возраста, Кир схватил край тяжелого дубового стола. Мышцы на его шее вздулись, вены налились свинцом. С нечеловеческим усилием он рванул стол на себя.

Тарелки, бокалы, графины с вином, серебряные приборы - все взмыло в воздух! Тяжелый дуб с грохотом перевернулся, ударившись о паркет. Стекло разлетелось по всему залу, осыпая Яну мелкими, сверкающими осколками. Тимур отскочил в сторону, его рука инстинктивно метнулась к кобуре под пиджаком.

Но Кир был быстрее.

Он не просто встал. Он вскочил на перевернутый стол, его ботинки с глухим стуком встали на массивную дубовую доску. Он возвышался над Тимуром, как судья над подсудимым. Его правая рука уже была у пояса.

Металлический лязг затвора прозвучал в тишине зала как приговор.

Глок-19 оказался в руке Кира мгновенно, словно он был продолжением его пальцев. Кир направил ствол прямо в лоб Тимуру. Его рука не дрожала. Ни на миллиметр.

- Ты перешел черту, пацан, - голос Кира был тихим, но каждое слово падало в тишину, как гвоздь в крышку гроба. - Ты оскорбил мою масть. Ты оскорбил мой дом. И ты оскор-

бил меня. По понятиям, за такие слова положен ответ. И ответ - свинец.

Тимур замер. Его рука застыла в сантиметре от рукояти своего пистолета. Он смотрел в дуло глока, и в его глазах впервые за долгие годы мелькнул настоящий, первобытный страх. Не страх смерти. Страх перед человеком, который уже давно перестал быть просто человеком, превратившись в функцию убийства.

- Кир... - выдохнул Тимур.

- Молчать, - Кир взвел курок. Щелчок был громким, как удар хлыста. - Ты сейчас будешь слушать меня, щенок. Я ушел в тень не потому, что я слаб. Я ушел в тень, потому что я устал вытирать носы тем, кто не понимает, на чьей земле он стоит. Я стал другом этой девочки, потому что она - единственное чистое, что осталось в этом грязном мире. И если ты еще раз посмеешь подумать, что мои чувства к ней грязные... если ты еще раз посмеешь оскорбить мою честь при людях... я забуду, что ты когда-то спас мне жизнь. Я забуду, что ты босс. Я просто приставлю этот ствол к твоему виску и нажму на курок. Понял?

Тимур медленно, очень медленно убрал руку от кобуры. Он поднял ладони вверх, показывая, что не вооружен. Его лицо было бледным, но он держал удар.

- Я понял, - тихо сказал Тимур. - Я перегнул. Я говорил как отец, а не как босс. Прости.

Кир не опускал пистолет. Его глаза были прикованы к Ти-

муру, выискивая малейший признак лжи.

В этот момент Яна вскочила со стула.

- Хватит! - закричала она, ее голос сорвался на визг. - Хватит! Кир, убери пистолет! Отец, не трогай свое оружие!

Она бросилась вперед, пытаясь встать между ними, пытаясь закрыть Тимура собой, закрыть Кира собой, разорвать этот смертельный узел.

Но она не успела сделать и трех шагов.

Ник двигался так быстро, что глаз не успевал зафиксировать его перемещение. Он не бежал - он скользил. Его рука, тяжелая и неумолимая, как стальная балка, перехватила Яну за талию. Вторая рука заблокировала ее плечи.

- Не лезь, малышка, - голос Ника прозвучал прямо у ее уха, низкий, вибрирующий, лишенный всяких эмоций. - Это мужской разговор. По понятиям. Не мешай.

Яна рванулась, пытаясь вырваться из его железных объятий. Она била его кулаками в грудь, царапала лицо, но Ник даже не шелохнулся. Он просто держал ее, прижав к своей груди, закрывая ее тело своим, как живой щит, одновременно удерживая ее от вмешательства в смертельную дуэль.

- Отпусти меня! - кричала Яна, ее слезы текли по лицу, смешиваясь с потом. - Он убьет его! Кир, не надо! Пожалуйста!

Кир услышал ее крик. Его рука дрогнула. Всего на долю секунды. Но этого было достаточно.

- Уберите сталь, братья.

Голос прозвучал из угла зала. Спокойный, размеренный, с легкой хрипотцой.

Сократ сидел в глубоком кожаном кресле, которое чудом уцелело при падении стола. Перед ним на маленьком журнальном столике стояла нетронутая чашка кофе. Он не смотрел на пистолет. Он смотрел на Кира. Его мудрые глаза были полны глубокой, всепоглощающей печали.

- В этом доме кровь не льется за столом, - Сократ медленно встал. Его движения были плавными, неторопливыми. Он не боялся пистолета. Он знал, что Кир не выстрелит в него. - Это закон, который старше вас обоих. Старше воровского кодекса. Старше ваших понятий.

Сократ сделал шаг вперед. Затем еще один. Он встал прямо между дулом Глока и грудью Тимура.

- Кир, - Сократ посмотрел в глаза старому волку. - Ты прав. Тимур перешел черту. Он оскорбил твою масть. Он оскорбил твою честь. По закону, ты имеешь полное право нажать на курок. Никто в этом городе не посмеет тебя осудить. Но если ты выстрелишь сейчас, ты нарушишь главный закон. Ты разрушишь клан изнутри. Ты покажешь пацанам, что старшие режут друг друга из-за женщины, пускай пока еще маленькой. И этот клан сгниет за месяц. Ты хочешь этого?

Кир молчал. Его грудь тяжело вздымалась. Пистолет все еще был направлен в Тимура, но ствол слегка опустился.

Сократ медленно повернул голову к Тимуру.

- А ты, Тимур, - голос старика стал жестче, как кремень. - Ты забыл, с кем говоришь. Ты забыл, что перед тобой стоит не просто старший. Перед тобой стоит Патриарх. Человек, который держал страны, когда ты еще учился читать. Ты оскорбил его при девочке. Ты показал ей, что наши понятия - это просто слова, которые мы нарушаем, когда нам удобно. Ты разрушил ее веру в нас. Исправляй.

Тимур медленно выдохнул. Он посмотрел на Яну, которая все еще билась в руках Ника. Увидел ее слезы, ее ужас. И понял, что Сократ прав. Он разрушил не просто авторитет Кира. Он разрушил мир в глазах своей дочери.

Тимур медленно, очень медленно опустился на одно колено. Прямо на осколки стекла, которые впились в его брюки. Он опустил голову.

- Я был не прав, - голос Тимура дрогнул, но он говорил четко. - Я нарушил закон. Я оскорбил старшего. Я прошу прощения, Кир. Не как босс. Как пацан, который оступился. Прости меня.

Кир смотрел на него сверху вниз. Его лицо было каменным. Внутри него кипела ярость, боль и унижение. Он хотел выстрелить. Он хотел увидеть, как Тимур упадет. Но он также знал, что Сократ прав.

Медленно, с усилием, Кир опустил пистолет. Он не убрал его в кобуру. Просто опустил руку вдоль тела.

- Встань, - тихо сказал Кир. Его голос был хриплым, как наждачная бумага. - Встань, пацан. И запомни этот урок.

В следующий раз, когда ты захочешь проверить мою масть, вспомни, как легко я могу забрать твою.

Тимур медленно встал. Он отряхнул колени, игнорируя кровь, которая проступила сквозь ткань брюк. Он не смотрел на Кира. Он посмотрел на Яну.

- Прости меня, дочка, - тихо сказал он. - Я не хотел, чтобы ты это видела.

Яна не ответила. Она просто смотрела на него, ее глаза были полны слез и непонимания. Ник медленно ослабил хватку, но не отпустил ее. Он чувствовал, как она дрожит всем телом.

Сократ медленно подошел к Киру. Он положил свою морщинистую, легкую руку на руку Кира, в которой все еще был зажат Глок.

- Убери сталь, брат, - тихо сказал Сократ. - Война окончена. Ты победил. Ты сохранил лицо. Теперь сохрани клан.

Кир посмотрел на руку Сократа. Потом медленно, с видимым усилием, вставил пистолет в кобуру. Щелчок застежки прозвучал как финальная точка в этом безумном спектакле.

Кир спрыгнул со стола. Его ботинки глухо ударились о паркет. Он не смотрел ни на Тимура, ни на Яну. Он просто развернулся и пошел к выходу из зала. Его шаги были тяжелыми, размеренными.

У двери он остановился. Не оборачиваясь, он достал из кармана пачку сигарет и зажигалку.

- Я покурю, - бросил он через плечо. Его голос был абсо-

лютно пустым. - На террасе. Чтобы меня никто не трогал.

Он вышел. Дверь за ним закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

В зале воцарилась тишина. Только тяжелое дыхание Тимура и тихие всхлипывания Яны нарушали ее.

Сократ медленно подошел к Нику.

- Отведи ее в комнату, - тихо сказал старик. - Она сегодня увидела слишком много. Ей нужно спать.

Ник медленно кивнул. Он развернул Яну к себе. Его руки, которые только что держали ее как в тисках, теперь стали мягкими, почти нежными. Он стер большим пальцем слезу с ее щеки.

- Пойдем, малышка, - прошептал он. - Пойдем спать.

Яна медленно кивнула. Она не сопротивлялась. Она просто шла, опираясь на его руку, чувствуя, как ее ноги становятся ватными.

Тимур стоял посреди разбитого стола, глядя на осколки стекла, в которых отражался лунный свет. Он проиграл. Он сохранил клан, но он потерял что-то гораздо более важное. Он посмотрел на Сократа.

- Я все исправлю, - тихо сказал Тимур.

- Исправляй, - Сократ медленно покачал головой. - Но помни, Тимур. Карму нельзя обмануть. И нельзя купить. Она всегда возвращается.

Тимур медленно кивнул. Он развернулся и пошел в свой кабинет, оставив Сократа одного в разрушенном зале.

А на террасе, в холодном ночном воздухе, стоял Кир. Он курил одну сигарету за другой, глядя в темноту сада. Его руки дрожали. Не от страха. От адреналина. От ярости. От осознания того, как близко он был к тому, чтобы разрушить все, что строил десятилетиями.

Он знал, что Тимур прав. В чем-то он был прав. Кир любил эту девочку. Не как отец. Не как наставник. Как мужчина. И эта любовь была его слабостью. Его ахиллесовой пятой.

Но он также знал, что он никогда, никогда не позволит никому, даже Тимуру, говорить о ней в таком тоне. Она была его Кармой. Его светом в этой темноте. И он сожжет этот город дотла, прежде чем позволит кому-то ее оскорбить.

Кир выбросил окурок в темноту. Он смотрел на звезды, и в его глазах горел холодный, расчетливый огонь. Война только начиналась. И он был готов к ней.

***

Ночь в Тбилиси не наступала — она медленно, густо наливалась темнотой, как старое вино в тяжелый графин. За окном шумел теплый, почти летний дождь, барабаня по черепичным крышам Сололаки и смывая дневную пыль с резных балконов. Но внутри комнаты Яны воздух стоял неподвижный, спертый, пропитанный запахом обезболивающего, которым мазали ее сломанную руку, и той тяжелой, вязкой тишиной, которая бывает только после сильного шторма.

Тимур уже ушел к себе. Сократ и Фанси тоже разошлись. Дом затих. Но сон не приходил. Яна лежала на спине, уста-

вившись в темный потолок, и слушала, как бьется ее собственное сердце. Левая рука, закованная в белый, неуклюжий гипс, ныла тупой, ноющей болью. Но не рука была причиной того, что она не могла закрыть глаза. Причиной были они. Кир и Ник.

В ушах до сих пор звенел звук разбитого стекла. Перед глазами стояла картина, как Кир, вскочив на перевернутый дубовый стол, навел Глок на Тимура. Как Тимур, этот гордый, властный мужчина, стоял на коленях в осколках, признавая свою вину. Как Сократ, которому было всего тридцать восемь, но в чьих глазах читалась мудрость древнего старца, спокойно встал между двумя стволами и разрулил ситуацию, от которой у Яны до сих пор дрожали колени.

Их каменные лица за ужином. Их отведенные взгляды. То, как Кир, бросив «я покурю», вышел на террасу, а Ник просто превратился в статую, в которой, казалось, не осталось ни капли жизни. Они наказывали себя. Но почему-то, наказывая себя, они наказывали и ее. Они отняли у нее то единственное, что у нее было — их присутствие, их тепло, их невидимый кокон, в котором она чувствовала себя в безопасности.

Она не выдержала. Перевернулась на здоровый бок, сбросила с себя край одеяла и тихо позвала в темноту:

— Кир... Ник...

Она знала, что они не ушли далеко. Она знала, что они где-то здесь. И через мгновение дверь бесшумно скользну-

ла в сторону. В проеме возникли две фигуры. Кир шел первым, его силуэт был сутулым, напряженным. От него пахло дождем, табаком и чем-то горьким, металлическим. Ник растворялся в темноте за его спиной, бесшумный, как тень. Они остановились у кровати, не смея сделать ни шагу без ее разрешения.

- Вы чего там застыли? - прошептала Яна, и в ее голосе не было детской капризности. Была усталая, взрослая просьба. - Я не могу уснуть. И мне холодно. Идите сюда.

Кир выдохнул. Звук получился рваным, хриплым. Он медленно подошел к кровати, снял ботинки и, не раздеваясь, осторожно лег поверх одеяла с левой стороны. Ник молча последовал его примеру, устраиваясь справа. Матрас прогнулся под их весом, и Яна мгновенно оказалась зажата между ними. Это было пространство, где воздух казался теплее, где запахи табака, дождя и их собственной, мужской, немного горьковатой ауры вытесняли запах лекарств.

Долгое время никто не говорил. Слышен был только шум дождя за окном и их дыхание. Кир дышал тяжело, рвано, словно каждый вдох давался ему с трудом. Ник дышал ровно, но Яна чувствовала, как дрожит матрас под его плечом - он был напряжен как сжатая пружина.

- Прости, - вдруг тихо сказал Кир. Его голос прозвучал непривычно глухо, без единой нотки его обычной едкой иронии. Он лежал на спине, уставившись в потолок, но его правая рука, лежавшая на одеяле, медленно, неуверенно сдви-

нулась в сторону ее ладони, которая была наполовину в гипсе. Его пальцы коснулись ее кожи, и Яна почувствовала, как они дрожат. - За сегодня. За то, что я устроил этот цирк. Тимур... он нажал на больное. Когда он сказал про платье... я потерял контроль. А король не имеет права терять контроль. Мы просто не знали, куда деть себя после того, как Сократ нас развел.

Яна медленно повернула голову на подушке, посмотрела на его профиль в полумраке.

- Вы не устроили цирк, Кир. Вы были испуганы. Я вижу вас насквозь. Ты боишься, что если позволишь себе хоть каплю тепла, то потеряешь контроль. А Тимур это почувствовал и ударил именно туда. А Ник...

Она повернула голову в другую сторону. Ник лежал неподвижно, его глаза были закрыты, но длинные ресницы отбрасывали тени на бледные скулы.

- ...а Ник боится, что его тепло сожжет меня дотла, - закончила Яна.

Ник медленно открыл глаза. В темноте они казались абсолютно черными, без единого блика. Он не сказал ни слова. Просто медленно, почти благоговейно, накрыл своей широкой ладонью ее правую руку, лежащую поверх одеяла. Его пальцы были прохладными, но от его прикосновения по ее руке разлилось горячее, пульсирующее тепло. Он переплел свои пальцы с ее пальцами, сжимая их так бережно, словно держал в руках хрустальную птицу, которая могла рассы-

паться от любого резкого движения.

- Я не сожгу тебя, - наконец прошептал Ник. Его голос был низким, вибрирующим, отдающимся где-то глубоко в груди. - Я буду греть тебя. Пока у меня есть кровь в венах. Я буду греть тебя, даже если для этого мне придется сгореть самому.

Кир фыркнул в темноту, но звук получился водянистым, неубедительным.

- Ты слышала его, малая? - усмехнулся он, но в его голосе слышалась горечь. - Он у нас романтик. Поэт. А я просто придурок, который поднял ствол на собственного брата.

- Ты не придурок, - мягко возразила Яна. Она освободила свою левую, закованную в гипс руку и неловко, но настойчиво положила ее поверх ноги Кира. - Ты мой щит. А он моя тень. И мне нужны вы оба. Мне не нужен кто-то один. Вы не понимаете? Вы думаете, что вы конкурируете. Но вы не конкурируете. Вы дополняете друг друга.

Кир медленно повернул голову, посмотрел на Ника через ее лицо. В темноте их взгляды встретились. Яна почувствовала, как изменилось давление в комнате. Это был беззвучный разговор двух мужчин, которые знали о жизни и смерти больше, чем большинство людей, но которые сейчас были совершенно беспомощны перед лицом одиннадцатилетней девочки. В этом взгляде не было ненависти. Было признание. Было понимание того, что они оба попали в одну и ту же ловушку, и выхода из нее нет.

- Сократ сказал мне одну вещь, - тихо продолжила Яна,

глядя в потолок. - Он сказал, что мы Треугольник. Кир - это пламя. Ник - это тень. А я - ось, которая держит вас обоих. В геометрии нет фигуры устойчивее треугольника. Пока мы вместе, нас невозможно разрушить. Но треугольник рухнет, если убрать один из углов. Поэтому не закрывайтесь от меня. Пожалуйста. Не делайте так, как сегодня за ужином. Мне больно от вашего холода.

Кир медленно прикрыл глаза. Его рука, лежавшая на одеяле, медленно поднялась и легла ей на плечо. Тяжело. Похозяйски. Успокаивающе. Его большой палец начал медленно, ритмично чертить круги на ткани ее пижамы.

- Мы не будем, - хрипло произнес он. - Клянусь тебе, Ян. Мы больше не будем прятаться за масками. Если Тимур хочет, чтобы мы были тенями, мы будем тенями. Но для тебя... для тебя мы всегда будем здесь.

Ник медленно придвинулся ближе. Теперь его плечо касалось ее плеча. Он наклонил голову, и Яна почувствовала, как его губы едва заметно, почти невесомо коснулись ее виска. Это прикосновение было обжигающим. В нем было столько сдерживаемой страсти, столько боли и нежности, что у Яны перехватило дыхание.

- Спи, - прошептал Ник ей в волосы. Его дыхание было горячим. - Я буду смотреть. Я буду дышать. Я буду здесь.

Яна закрыла глаза. Боль в руке отступала, растворяясь в тепле их тел. Она чувствовала, как Кир медленно, аккуратно обнимает ее со спины, его рука ложится поверх одеяла на

ее талию, создавая замкнутый круг защиты. А Ник держит ее руку, его пальцы переплетены с ее пальцами, его дыхание ровняется с ее дыханием.

Они не были просто охранниками. Они не были просто мужчинами, которые дали слово ее отцу. Они были частью ее души, ее кармы, ее судьбы. И в эту ночь, под шум тбилисского дождя, в тесной кровати старого особняка, их Треугольник стал чем-то большим, чем просто геометрическая фигура. Он стал живым организмом. Он стал домом.

- Я люблю вас, - прошептала она в темноту, и слова прозвучали как молитва.

Кир не ответил. Только его рука на ее талии сжалась чуть крепче. Ник не ответил. Только его губы снова коснулись ее виска, чуть дольше на этот раз. Но она знала. Они слышали. И в их молчании было больше правды, чем в любых клятвах.

Яна уснула. Впервые за долгие часы ее тело полностью расслабилось. Сон пришел не как забытье, а как возвращение домой. А Кир и Ник остались лежать по обе стороны от нее, слушая ее дыхание, охраняя ее покой, и в их сердцах, раздираемых запретами и любовью, наконец-то наступил хрупкий, нежный мир.

***

Утро в Тбилиси в тот день было обманчиво мягким. Солнце только начало золотить верхушки каштанов в саду особняка, но внутри кабинета Тимура царила атмосфера, в которой можно было резать ножом.

Яна вошла первой. На ней снова было черное. Черная водолазка, черные брюки, волосы стянуты в тот же тугой, беспощадный пучок. В ее руке была папка с картами и распечатками. Она не шла — она скользила, и каждый ее шаг отдавался в тишине комнаты как удар метронома.

За ней в кабинет вошли Кир и Ник. И вот это было первое, что бросалось в глаза. Они вошли не как хищники, готовые к охоте. Кир ухмылялся, крутя в пальцах зажигалку, и его взгляд постоянно скользил к Яне с той самой теплой, почти пьяной, от вчерашней ночи нежностью. Ник шел чуть позади, но его плечи были расслаблены, а в темных глазах плескалось что-то светлое, почти мальчишеское. Они все еще жили вчерашним вечером. Они все еще парили в том эфире, где она доверила им свою душу, признавшись, что любит их обоих. Они считали себя самыми счастливыми мужчинами на этой проклятой земле.

Яна остановилась у стола. Посмотрела на Киру. Потом на Ника.

И ее лицо осталось каменным.

- Садитесь, - сказала она. Голос был ровным, лишенным всяких эмоций. Холодным, как лезвие в морозилке.

Кир замер, его улыбка медленно сползла с лица. Он переглянулся с Ником. Тот нахмурился, но молча сел на стул. Кир нехотя плюхнулся рядом, щелкнул зажигалкой, но огонек тут же погас, стоило ему встретиться с ее взглядом.

- Я не знаю, что вы там себе вообразили сегодня утром, -

начала Яна, раскрывая папку и раскладывая фотографии на столе. - Может быть, вам показалось, что вчерашний вечер изменил расстановку сил. Может быть, вы решили, что раз я позволила вам обнять себя и открыла свою душу, мы теперь можем играть в счастливую семью. Но вы ошибаетесь.

Она положила ладонь на стол, прямо поверх фотографии грузинского портового склада.

- Шутки кончились, - тихо произнесла она, и в этой тишине было больше угрозы, чем в любом крике. — Где самый крутой стратег и самый неуловимый киллер? Я их не вижу. Я вижу двух мужчин, которые потеряли фокус. Собрались! Живо!

Кир медленно откинулся на спинку стула, его челюсть сжалась, но он восхищенно ухмыльнулся. Он узнавал этот тон. Это говорила не та девочка, которая дрожала прошлой ночью. Это говорила Карма. Та, ради которой они убивали.

- Нефрита нет, - продолжила Яна, не отрывая взгляда от карт. - Мы взорвали его в Москве. Но его люди в Тбилиси живы. Сосо «Бык» и его правая рука Иракли. Они контролируют порт и думают, что после смерти босса могут вступить в альянс с Икшей. Они думают, что могут делить город. Мы не дадим им даже подумать об этом. Сегодня они должны исчезнуть. Без шума. Без следов. Сначала дело, парни. А потом, если мы выживем и преуспеем, будем веселиться.

Ник медленно поднял голову. В его глазах уже не было света. Свет погас, уступив место той самой черной, вязкой

концентрации, которая делала его машиной смерти.

- Сосо будет в порту в двенадцать, - хрипло произнес Ник. - Он проверяет контейнеры лично.

- А Иракли, - добавил Кир, его голос вернулся в нормальное русло, хриплый и уверенный, - в час дня едет на обед в ресторан «Геноцвала» на Руставели. У него всегда четыре охранника, но он всегда садится спиной к стене, у окна.

Яна кивнула.

- Иракли берешь ты, Ник. Но не в ресторане. Слишком много свидетелей. Возьми его, когда он выйдет. Используй переулок за кухней. Сосо — твоя работа, Кир. У тебя есть тридцать секунд, пока он будет в транзитной зоне между кранами. Иракли должен выглядеть как несчастный случай. Сосо — как разборки. Икша должен подумать, что это его люди начали зачистку.

Она захлопнула папку.

- Вопросы?

Кир усмехнулся, но в его глазах стояло искреннее, почти пугающее восхищение.

- Никаких, шеф, - хмыкнул он, вставая. - Разрешите откланяться и идти творить историю?

- Твори, - холодно бросила Яна.

Когда они вышли, она медленно выдохнула. Ее руки, спрятанные под столом, слегка дрожали. Днем она была Кармой. Днем она не имела права на слабость, на улыбку, на взгляд, полный любви. Днем она была серым кардиналом,

стратегом, тенью, которая дергала за нитки. Но каждая клеточка ее тела кричала о том, что ей больно. Что она хочет обратно в их объятия - туда, где спокойно. Но она сжала кулаки, заставила дрожь утихнуть, и посмотрела в окно. План работал. И она не остановится, пока город не будет чист.

***

День прошел в напряженном, почти электрическом ожидании. Яна не сидела в особняке. Она спустилась в город, в маленькую, пахнущую корицей и старым деревом чайхану у серных бань. За соседним столиком сидел Леван - тот самый староста бездомных со слепым глазом. Он медленно прихлебывал чай из глиняной пиалы.

Яна сидела напротив, делая вид, что читает книгу Суньцзы, которую принесла с собой. На самом деле она слушала. Слушала город.

Через Левана прошли десятки мальчишек-чистильщиков обуви, бродяг, уличных торговцев. Они приносили новости. Шепот. Икша нервничал. Его люди на таможне начали странно переглядываться. Нефритовские «быки» в порту искали предателя, уверенные, что кто-то из их же сдал их позиции полиции. Паранойя, которую посеяла Яна, дала первые, сочные плоды.

- Сделано, - тихо прошептал Леван, не поворачивая головы. - В порту стрельба. Один труп. Говорят, свои. А в переулке у «Геноцвалы» нашли еще одного. Нож в горло.

Яна медленно закрыла книгу. В ее сердце не было радо-

сти. Только холодное удовлетворение.

- Спасибо, Леван, - тихо сказала она, оставляя на столе свернутые купюры. - Ты хорошо поработал. Благодарю тебя, друг Кармы.

Она вышла на улицу. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в тревожные, кроваво-красные тона. Тбилиси готовился к ночи. К ночи, в которой она снова сможет быть просто Яной.

***

Они вернулись в особняк поздно. Кир пах порохом и дорогим табаком, его куртка была застегнута на все пуговицы, но Яна заметила, как он едва заметно прихрамывает на левую ногу - видимо, неудачно приземлился после прыжка с контейнера. Ник был чистым, без единой капли крови на одежде, но его лицо было бледным, а под глазами залегли глубокие тени. Убийство в упор, даже для него, всегда забирало кусок души.

Когда Яна увидела их в холле, маска Кармы треснула и рухнула. Она не сказала ни слова. Просто подошла, взяла Кира за руку, а Ника за запястье, и повела их наверх. В свою комнату.

Там, в темноте, в тишине, они снова стали собой. Яна сбросила черную водолазку, переоделась в мягкую, теплую пижаму. Кир разделся до майки, Ник просто сел на край кровати, устало проводя рукой по лицу.

Яна забралась под одеяло, свернувшись калачиком, и про-

тянула руки.

Кир тут же лег рядом, обнимая ее со спины, его рука тяжелым, успокаивающим грузом ложилась на ее талию. Ник лег спереди, его ладонь медленно, бережно нашла ее руку, переплетаясь пальцами.

- Мы их убрали, - тихо сказал Кир в темноту, его голос был хриплым от усталости. - Сосо и Иракли. Икша сейчас рвет и мечет, он думает, что это Нефритовские остатки начали войну. Он стягивает людей в горы, оставляет город почти пустым. Твой план, малая... это гениально. Это чертовски гениально.

- Я знаю, - прошептала Яна, утыкаясь носом в плечо Ника. - Но это только начало.

В комнате повисла тишина. Где-то внизу тихо играл джаз, доносился звук открываемой пробки. Раф или Сократ готовили ужин. А здесь, в этой комнате, в этом коконе из трех тел, было только их дыхание.

- Ян, - вдруг тихо спросил Ник. Его голос был таким низким, что она почувствовала его вибрацию в грудной клетке. - А что потом? Когда мы закончим с Икшей. Когда Тбилиси будет чист. Что будет с тобой?

Яна замерла. Она подняла голову, посмотрела в темноту, где угадывался профиль Ника.

- Что ты имеешь в виду?

- Ты взрослеешь, - продолжил Ник, и в его голосе сквозила та самая, скрытая боль. - Тебе будет двенадцать. Потом

пятнадцать. Восемнадцать. Ты не сможешь всю жизнь прятаться в особняке. Ты не сможешь всю жизнь быть тенью. У тебя должна быть своя жизнь. Учеба. Друзья. Будущее. О чем ты мечтаешь, Яна? Чего ты хочешь от этого мира?

Кир на спине медленно погладил ее по волосам.

- Давай, малая, - усмехнулся он, но в усмешке не было насмешки. - удиви нас. Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? Балериной? Врачом? Или сразу президентом?

Яна тихо рассмеялась. Звук был легким, звонким, разбивающим тяжесть ночи.

- Ни то, ни другое, - сказала она, устраиваясь поудобнее между ними. - Я хочу поступить на криминалиста. В юридический институт, на факультет судебной экспертизы.

В темноте повисла пауза. Кир даже приподнялся на локте.

- Ты... что? - хмыкнул он. - Криминалист? Малая, ты хочешь изучать трупы и отпечатки пальцев? Серьезно?

- Я хочу изучать то, как вы прячете концы, - серьезно ответила Яна, поворачиваясь к нему лицом в темноте. - Вы лучшие в том, что делаете. Но мир меняется, Кир. Камеры, ДНК, баллистика. Рано или поздно кто-то из вас оставит след. И я хочу быть тем человеком, который этот след найдет первым. И уничтожит.

Она обвела взглядом обоих.

- Я хочу быть вашим щитом с той стороны закона. Я хочу сидеть в лаборатории в белом халате, смотреть в микроскоп и говорить следователю: «Нет, товарищ капитан, этот порох

не из того оружия, которое вы ищете. Этот человек невиновен». Я хочу прикрывать вас извне. Чтобы вам никогда не пришлось бояться ошибки. Чтобы за вашей спиной всегда стоял человек, который сможет переписать реальность так, как нужно нам.

Ник медленно сжал ее руку. Его пальцы дрожали. В темноте Яна почувствовала, как его дыхание перехватило.

- Ты хочешь стать нашим адвокатом дьявола, - хрипло выдохнул он. - Но с дипломом.

- Именно, - улыбнулась Яна.

Кир медленно опустился на подушку. Он молчал долго. Потом она почувствовала, как его плечи начали дрожать. Он смеялся. Тихо, беззвучно, но всем телом.

- Господи, - выдохнул он, утыкаясь лицом в ее макушку. - Тимур будет в восторге. Фанси, наверное, вообще икону тебе закажет. Ты... ты невероятная, Янка! Ты действительно думаешь на десять шагов вперед. Хорошо. Будешь криминалистом. А я... я буду платить за твой институт. И за микроскопы. И за белые халаты. Все, что хочешь.

- А о чем мечтаешь ты, малышка? - вдруг тихо спросил Ник. - Не о работе. Не о войне. О том, чего ты хочешь для себя. Просто... для души.

Яна замерла. Ее сердце забилось чуть быстрее. Она знала, что они спросят. Она ждала этого вопроса.

- Я... - начала она, и ее голос стал тише, почти детским. - Я мечтаю о свадьбе.

Кир перестал смеяться. Ник замер, его рука на ее руке стала неподвижной.

- О свадьбе? - переспросил Кир, его голос стал серьезным. - С кем, малая? Ты еще ребенок...

- Не с кем-то, - перебила его Яна, и в ее голосе прозвучала та самая, чистая, хрустальная искренность, которая обезоруживала их лучше любого оружия. - С вами. С вами обоими.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как за окном шелестит листва старого каштана.

- Я мечтаю, - продолжала она, глядя в темноту, рисуя в уме эту картину, - что мы уезжаем далеко. В горы. Где-то высоко, где воздух такой чистый, что кружится голова. Там нет особняка Тимура. Нет Кира-патриарха и Ника-киллера. Там есть только лес, горы и маленькая церковь из белого камня. И мы стоим там. Втроем. Нет гостей. Нет Тимура, который будет хмуриться. Нет Фанси, который будет ворчать. Только мы. И небо. И я в простом белом платье, не кружевном, а льняном. И вы... вы стоите рядом. И мы даем клятвы. Не перед законом. А перед собой. Перед горами. Перед кармой.

Она сделала паузу, чувствуя, как по щекам текут теплые слезы.

- Я просто хочу, чтобы мы были семьей. Не тайной. Не тенями. А семьей. Чтобы я просыпалась утром и видела вас. И знала, что никто, никогда не сможет это разрушить. Это просто мечта. Глупая, наверное. Но она у меня есть.

Кир не ответил сразу. Она почувствовала, как его рука

медленно, осторожно ложится ей на живот. Поверх ткани пижамы. Его ладонь была горячей, тяжелой, родной.

Ник сделал то же самое. Его холодные, длинные пальцы легли рядом, его ладонь накрыла ее живот с другой стороны.

Яна медленно, очень медленно положила свои руки поверх их рук. Она обхватила их ладони, прижимая их к себе, замыкая круг. Три руки на ее животе. Три сердца, бьющиеся в одном ритме.

- Это не глупая мечта, - прошептал Кир, и его голос дрогнул так сильно, что она едва узнала его. - Это... это единственная мечта, которая имеет смысл. Мы сделаем это, Ян. Клянусь. Когда придет время. Мы построим эту церковь. Даже если нам придется таскать камни наверх своими руками.

- Я буду охранять твой сон в этой церкви, - тихо добавил Ник, и его губы коснулись ее лба. - Я буду стоять у двери. И никто не посмеет нарушить твой покой.

Яна закрыла глаза. Слезы впитывались в подушку. Но ей было не больно. Ей было так хорошо, так тепло, так невероятно спокойно, что она провалилась в сон мгновенно. Без кошмаров. Без теней. Только запах Кира, тепло Ника и ощущение их рук на ее животе, которые держали ее в этом мире, не давали ей упасть в бездну.

***

Утро наступило незаметно. Солнце ворвалось в комнату, заливая все золотым, теплым светом. Яна проснулась от того, что кто-то мягко целует ее в висок.

Она открыла глаза. Кир лежал рядом, опираясь на локоть, и смотрел на нее с той самой, озорной, счастливой ухмылкой. Ник сидел у окна, но его взгляд был прикован к ней, и в его обычно каменном лице читалось абсолютное, безмятежное счастье.

Они оба выглядели так, будто только что выиграли в лотерею. Кир, который обычно просыпался ворчливым и дерганым, сегодня казался самим воплощением спокойствия. Ник, который всегда был напряжен, даже во сне, сейчас дышал ровно, и его глаза сияли.

- Доброе утро, невеста, - тихо усмехнулся Кир, проводя пальцем по ее щеке. - Как спалось в объятиях твоих будущих женихов?

Яна улыбнулась, потянулась, чувствуя приятную ломку в мышцах после вчерашнего напряжения.

- Прекрасно, - ответила она. - А вы?

- Мы, - Ник повернулся от окна, и его голос прозвучал так тепло, что у Яны сжалось сердце, - самые счастливые люди на этой планете.

Кир фыркнул, вскочил с кровати и потянулся, его позвоночник хрустнул.

- Ладно, довольно соплей, - хмыкнул он, хотя в его глазах все еще плясали черти. - Пойдемте завтракать. Я голоден как волк, а после вчерашней беготни по порту я готов съесть быка целиком.

Они спустились вниз, держась за руки. Это было запреще-

но правилами этикета, это было странно, но в этот момент им было плевать. Они были Треугольником. Они были семьей.

В столовой их ждал сюрприз.

За столом, помимо Сократа, Фанси и Тимура, сидели незнакомые мужчины. Их было трое. Высокие, темноволосые, с той самой кавказской, гордой осанкой, которая сразу выдавала в них людей из клана. Они были одеты в дорогие, но сдержанные костюмы. Рядом с ними стояли двое здоровенных охранников.

Тимур поднял голову, когда они вошли. Его лицо было серьезным, но в глазах читалось облегчение.

- А, вот и наши герои ночи, - сказал он, жестом приглашая их к столу. - Проходите. Яна, Кир, Ник. Позвольте представить вам наших гостей из Армении. Семья Оганнесян.

Один из мужчин, постарше, с проседью в волосах и волевым подбородком, встал.

- Теймураз, - сказал он на ломаном русском, его голос был низким, как горный обвал. - Спасибо за гостеприимство. Мы приехали, чтобы закрыть южные границы. Икша слишком расползся, он пытается уйти в горы через наши перевалы. Мы не позволим ему использовать нашу землю как туалет. Мы здесь, чтобы помочь вам зачистить этот мусор раз и навсегда.

Тимур кивнул.

- Рад это слышать, Аршак. Мы ценим помощь братьев.

Аршак Оганнесян усмехнулся, обвел взглядом Кира и Ни-

ка.

- А это и есть ваши тени? - спросил он. - Говорят, они вырезали порт за одну ночь. Впечатляет.

- Это они, - подтвердил Тимур. - Но у нас есть еще кое-кто. Тот, кто придумал эту операцию.

Все взгляды упали на Яну. Она стояла спокойно, ее лицо было бесстрашным. Она знала, кто такие Оганнесяны. Армянский клан. Древний, жестокий, но честный. Они держат слово. Если они в деле, у Икши не будет шанса спрятаться в горах.

Аршак внимательно посмотрел на нее.

- Эта девочка? - усмехнулся он. - Теймураз, ты шутишь?

- Я никогда не шучу в делах, Аршак, - холодно ответил Тимур. - Она - Карма. И она видит то, чего не видите вы.

Аршак пожал плечами, садясь обратно.

- Хорошо. Пусть будет так. Но у меня есть еще один сюрприз для тебя, Теймураз. Я привез не только людей. Я привез своего сына. Он будет учиться у меня. Он будет знать этот мир с изнанки. Он должен быть здесь, когда мы будем брать Икшу.

Аршак кивнул в сторону двери.

- Арман. Входи.

Дверь столовой медленно открылась.

Яна почувствовала, как воздух в комнате изменился. Это было не физическое изменение. Это было изменение самой ткани реальности. Словно кто-то невидимый провел по ее

позвоночнику невидимой нитью, натянув ее до предела.

В дверях стоял парень. Ему было лет четырнадцать, может, чуть больше. Он был высоким, худощавым, но в его движениях чувствовалась та самая, природная, хищная грация, которая бывает только у тех, кто с детства знает цену жизни. У него были темные, почти черные волосы, чуть вьющиеся на висках, и глаза...

Яна замерла. Ее сердце пропустило удар, а затем начало биться так громко, что ей показалось, его слышат все в комнате.

Его глаза были карими, глубокими, как сама земля. В них не было детской наивности. В них была древняя, выстраданная мудрость. Боль. И сила. Та самая сила, которая не кричит о себе, а просто есть.

Он вошел в комнату. Его движения были плавными, уверенными. Он не смотрел на Тимура. Не смотрел на Кира и Ника. Он смотрел только на нее.

И когда их взгляды встретились, Яна поняла. Она поняла это не умом. Она поняла это душой. Та самая старая душа, которая жила в ней, мгновенно узнала его. Узнала без слов. Без имен. Без прошлых жизней.

Это был он.

Не просто знакомый. Не просто союзник. Это была та самая нить, которую она чувствовала все эти годы, но не могла назвать. Тот самый восьмой элемент, который должен был замкнуть круг. Тот, кто придет позже, но чье присутствие

она чувствовала прямо сейчас, в этом утреннем свете, в этой столовой, в этом вдохе.

Арман подошел к столу. Он не улыбался. Его лицо было серьезным, но в уголках губ дрожала едва заметная, робкая линия. Он остановился в шаге от нее.

Он смотрел на нее так, словно видел не одиннадцатилетнюю девочку в черной водолазке. Он видел ее душу. Видел ее боль, ее силу, ее карму. Видел ту самую невесту в льняном платье в горах, о которой она мечтала прошлой ночью.

Кир медленно встал. Ник напрягся, его рука инстинктивно дернулась к поясу. Они почувствовали это. Они почувствовали, как изменилось пространство. Как Яна вдруг перестала быть только их центром. Как в их Треугольник вошла новая, мощная сила.

- Меня зовут Арман, - сказал он. Его голос был низким, с легким, красивым армянским акцентом, который делал каждое слово похожим на музыку. Он говорил тихо, но в тишине столовой его голос прозвучал как клятва. - Арман Оганнесян.

Яна медленно протянула ему руку. Ее пальцы дрожали, но она заставила себя не отвести взгляд.

- Яна, - прошептала она. - Яна Карманова.

Арман взял ее руку. Его ладонь была горячей, сухой, шершавой от мозолей. Его пальцы медленно, почти благоговейно, обхватили ее кисть. Он не пожал ее. Он просто держал. И в этом прикосновении было больше обещаний, чем в любых

словах, которые могли бы произнести Кир и Ник.

- Я знаю, - тихо сказал Арман, и в его карих глазах вспыхнула искра, которая заставила Яну почувствовать, как у нее подгибаются колени. - Я знаю, кто ты. Я чувствовал тебя. Еще до того, как въехал в этот город.

Тимур наблюдал за ними. Его серые глаза сузились. Фанси медленно кивнул, его старые губы дрогнули в едва заметной улыбке. Сократ просто закрыл свой блокнот, понимая, что сегодня уроков не будет. Сегодня в этой комнате происходила химия, которую нельзя было описать формулами.

Кир медленно опустился на стул. Он посмотрел на Армана, потом на Яну, потом на Ника. В его глазах читалось замешательство, ревность, но и что-то еще. Признание. Он видел, как Арман держит ее руку. Видел, как она смотрит на него. И он, Кир Иванов, человек, который не боялся никого в этом мире, впервые за долгие годы почувствовал страх. Не за свою жизнь. А за то, что его мир только что стал больше. Что их Треугольник только что превратился в нечто большее. В квадрат. В звезду. В судьбу.

- Ну что ж, - тихо сказал Тимур, нарушая тишину. - Похоже, наша семья только что выросла. Аршак, рад, что твой сын здесь. Яна, Арман... похоже, вам придется многому научиться друг у друга.

Арман медленно отпустил руку Яны, но его взгляд так и остался прикован к ней. Он сел за стол, напротив нее. Он не смотрел на еду. Он смотрел только на нее.

Яна медленно села рядом с Киром. Кир автоматически положил руку ей на колено, сжимая его чуть сильнее, чем обычно. Ник сидел через стол, его темные глаза не отрывались от Армана.

Завтрак начался. Но это был не просто завтрак. Это было начало новой эпохи. Эпохи, в которой Икша был уже обречен. Эпохи, в которой Тбилиси должен был пасть к их ногам. Эпохи, в которой Яна наконец-то поняла, что ее карма - это не одиночество. Это путь, на котором ее всегда ждут. И иногда - даже опережают.

День только начинался. И впереди была война. Но она знала, что выиграет ее. Потому что за ее спиной теперь стояли не двое. За ее спиной стояла армия. И в центре этой армии была она.

Карма.

Глава 35

Глава 35. Останови этот миг

Читать под трек **«Тбилисский вечер» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны.**

День в Тбилиси не наступал постепенно — оно обрушивался на город внезапно, как удар хлыста, заливая узкие улочки Сололаки и Авлабара ослепительным, почти физически осязаемым светом. Солнце пекло, превращая воздух в дрожащее марево, пахнущее раскаленной пылью, выхлопными газами и сладковатым ароматом цветущей глицинии, цепляющейся за старые кирпичные стены.

В столовой особняка царила тишина, но это была не та умиротворенная тишина, что бывает после спокойной ночи. Это было напряжение, застывшее в янтаре. За длинным дубовым столом, накрытым белоснежной скатертью, сидели двое гостей. Аршак Оганесян, глава армянского клана, массивный мужчина с лицом, высеченным из базальта, неторопливо разрезал хачапури по-аджарски, аккуратно отделяя желток от сыра. Рядом с ним, абсолютно неподвижный, сидел его сын. Арман.

Яна сидела напротив. Она механически пила чай, чувствуя на себе взгляд Армана. Он не смотрел на нее открыто, не пялился, как это делали другие. Его взгляд был тяже-

лым, изучающим, скользящим по ее профилю с точностью лазерного дальномера. Арман был тихим. Слишком тихим для четырнадцатилетнего парня. В нем не было той суетливой энергии, которая обычно присуща молодежи. Он пил свой кофе маленькими, размеренными глотками, его темные глаза были полуприкрыты, но Яна, благодаря неделям тренировок под присмотром Ника и Кира, видела: он не моргает слишком часто. Он сканирует помещение. Он оценивает выходы. Он считает секунды.

Кир сидел слева от Яны. Он не ел. Он просто крутил в пальцах серебряную вилку, и металл тихо поскрипывал, выдавая напряжение в его запястье. Ник находился справа. Он вообще не прикасался к еде. Его руки лежали на коленях, ладонями вниз, пальцы слегка растопырены, готовые в долю секунды превратиться в оружие. Они оба чувствовали присутствие Армана как физическую угрозу. Не потому что парень был вооружен. А потому что он был слишком спокоен. В их мире спокойствие - это признак хищника, который уже выбрал жертву и просто ждет удобного момента.

- Яна, - голос Армана прозвучал неожиданно мягко, с легким, почти неуловимым акцентом, который делал его речь бархатистой. - Я хотел бы показать тебе город. Настоящий Тбилиси. Не тот, что в путеводителях.

Вилка в руке Кира остановилась. Звук металла о фарфор прекратился. Ник медленно поднял голову, его темные глаза встретились с глазами Армана. В воздухе повисла неви-

димая, но осязаемая стена.

- У Яны плотный график, - сказал Кир, и его голос прозвучал ровно, но в нем звенела сталь. - У нее занятия, тренировки. Мы не можем позволить себе просто так гулять по городу.

Арман не отвел взгляд от Кира. Он не моргнул.

- Я не предлагаю просто гулять, - тихо ответил он. - Я предлагаю показать ей места, где она сможет отдохнуть от... тренировок. Я знаю несколько дворов в Авлабаре, где до сих пор пекут гату по рецептам моей бабушки. И место, где варят лучший кофе на песке. Это займет не больше трех часов.

Яна посмотрела на Кира, потом на Ника. Она видела, как напряглись их челюсти. Видела, как Кир уже готовился выдать очередную колкость, а Ник - просто встать и перегородить ей путь к двери.

- Я пойду, - сказала Яна. Ее голос был спокойным, но в нем прозвучала та самая нотка, которая не допускала возражений. - Мне нужно развеяться. После вчерашнего... - она не закончила фразу, но все в комнате поняли, о чем речь. После пекарни. После белого платья. После крови на муке.

Кир медленно выдохнул. Он положил вилку на тарелку.

- Мы пойдем с тобой, - сказал он. Это не было предложением. Это был приказ.

Арман медленно кивнул.

- Конечно. Чем больше, тем веселее.

***

Улицы Тбилиси в полдень были раскаленными сковородами. Асфальт плавился, воздух дрожал, смешивая запахи жареного мяса, дешевого табака и пряностей. Они шли вчетвером. Яна и Арман в центре, Кир и Ник замыкали строй, образуя живой коридор. Кир шел чуть впереди, его рука постоянно находилась в кармане пиджака, рядом с рукоятью Глока. Ник шел сзади, его шаги были абсолютно бесшумными, он сливался с тенями колонн и арок.

Арман шел рядом с Яной. Он не пытался взять ее за руку, не навязывался. Он просто шел, его плечо иногда почти касалось ее плеча. Он рассказывал ей об архитектуре, о том, как персидские и русские мотивы переплетаются в резьбе по дереву на балконах. Яна слушала, кивала, но ее периферийное зрение было приковано к Киру и Нику. Она чувствовала их ярость. Она чувствовала, как они сходят с ума от того, что какой-то мальчишка идет рядом с ней.

И тут это случилось.

Они сворачивали в узкий переулок, где тени были глубокими и прохладными. Из подворотни, шатаясь, вышел мужчина. Он был огромным, заросшим грязной щетиной, от него разило дешевым вином и потом. Он не просто шел - он шел на Яну. Его мутные глаза остановились на ней, и он протянул вперед грязную, мозолистую руку, что-то бормоча на ломаном грузинском.

Кир среагировал мгновенно. Его рука вылетела из кармана, пальцы сжались вокруг рукояти пистолета. Он сделал шаг

вперед, его тело напряглось, готовясь нанести удар, который переломал бы этому пьянице ребра. Ник уже скользил вперед, его нож наполовину вышел из ножен, лезвие блеснуло в полумраке переулка.

Но Арман был быстрее.

Он не сделал резкого движения. Он просто шагнул вперед, оказавшись между Яной и пьяницей. Движение было плавным, почти ленивым. Пьяница замахнулся, пытаясь схватить Яну за руку. Арман не стал блокировать удар силой. Он просто подставил свое запястье под запястье противника, слегка развернул корпус и потянул руку пьяницы вниз и в сторону, одновременно подставляя свою ногу.

Это было чистое айкидо. Или дзюдо. Или что-то еще, но это было безупречно. Пьяница, потеряв равновесие, не упал - Арман просто направил его инерцию так, что мужчина мягко, но неумолимо оказался на коленях прямо перед Яной. Арман не причинил ему боли. Он не сломал ему руку. Он просто нейтрализовал угрозу, используя силу самого противника против него же.

Пьяница моргнул, глядя на свои колени, не понимая, как это произошло. Арман спокойно, без единой эмоции, положил руку ему на плечо и что-то тихо сказал на грузинском. Мужчина медленно встал, пошатываясь, и поплелся обратно в подворотню, даже не оглянувшись.

Кир замер. Его рука все еще сжимала пистолет в кармане. Ник медленно, очень медленно убрал нож в ножны. Они оба

смотрели на Армана.

Парень обернулся к Яне. Его лицо было абсолютно спокойным. Ни капли адреналина, ни капли гордости.

- Извини за это, - тихо сказал он. - В этом переулке иногда бывают неприятные встречи. Пойдем, кофе уже стынет.

Яна посмотрела на него. В ее глазах вспыхнуло что-то новое. Уважение.

Арман привел их не в туристический район. Он вел их по лабиринтам старого Авлабара, где время, казалось, застыло в трещинах на штукатурке. Они спустились в глубокий, прохладный двор, окруженный старыми домами с резными деревянными балконами, увитыми диким виноградом. Посреди двора, под огромным, раскидистым гранатовым деревом, ветви которого ломались от тяжести темно-красных плодов, сидела старуха. Она месила тесто в огромном медном тазу.

- Это тетя Зоя, - тихо сказал Арман, подходя к ней. - Она печет гату уже пятьдесят лет.

Он поговорил с ней на армянском, быстро, тихо. Старуха подняла на Яну глаза, улыбнулась беззубым ртом, кивнула и протянула ей горячий, пахнущий топленым маслом и сахаром кусок теста. Яна откусила. Вкус был невероятным - сладкий, пряный, с нотками кардамона и ванили.

- Моя бабушка пекла точно так же, - сказал Арман, глядя, как Яна ест.

Потом они пошли дальше. Арман привел их к крошечной, едва заметной кофейне, втиснутой между двумя стары-

ми зданиями. Внутри пахло жареными зернами и медью. За прилавком стоял мужчина с длинными усами. Арман кивнул ему, и тот молча поставил на стойку два маленькие медные джезвы, наполненные мелким, как пыль, песком. Под песком горели угли.

- Кофе по-армянски, - объяснил Арман, беря одну из джезв. Он ловко, одним движением стряхнул песок, и на поверхности черной, густой жидкости образовалась идеальная, высокая пенка. Он протянул чашечку Яне. - Пей медленно. Здесь не спешат.

Они сидели на старой каменной скамье под цветущим деревом иуды, которое осыпало их розовыми лепестками. Кир и Ник стояли неподалеку, у стены, скрестив руки на груди. Они не пили кофе. Они сканировали улицу.

Яна пила кофе. Он был крепким, горьким, с осадком на дне. Она смотрела на Армана. Он сидел прямо, его руки лежали на коленях. Он не ерзал, не смотрел по сторонам. Он смотрел на нее.

- Ты хочешь пойти в военную академию, - сказала Яна. Это не был вопрос. Она знала это из досье, которое Кир собрал на семью Оганесян. Но ей хотелось услышать это от него. Арман не удивился вопросу - собирать досье друг на друга, в их мире, было вполне обычным делом.

Арман медленно кивнул.

- Да. В этом году подаю документы.

- Почему? - Яна отставила чашечку. - У тебя есть клан. У

тебя есть бизнес. Тебе не нужно идти в армию, чтобы доказать что-то отцу.

Арман усмехнулся. Усмешка была едва заметной, только уголок губ дрогнул.

- Мне не нужно ничего доказывать отцу. Мне нужно понять, как работает система. Армия - это идеальная машина. Это логистика, стратегия, психология масс. Я хочу стать офицером. В идеале - генералом. Не для того, чтобы командовать. А для того, чтобы знать, как думать на три шага вперед. Как видеть поле боя целиком.

Яна наклонилась вперед. Ее глаза блестели.

- У меня так с криминалистикой, - тихо сказала она. - Я хочу заниматься поведенческим анализом. Понимать, почему люди убивают. Не как они убивают, а почему. Какая трещина в их психике приводит к тому, что они берут нож или пистолет. Это тоже поле боя. Только оно находится внутри головы.

Арман посмотрел на нее. В его темных глазах вспыхнул огонек. Не похоти. Не интереса самца к самке. А интереса равного к равному. Интеллектуального голода.

- Поведенческий анализ, - медленно повторил он. - Профилирование. Ты хочешь видеть структуру там, где другие видят хаос.

- Именно, - Яна улыбнулась. - Ты хочешь управлять армиями. Я хочу понимать убийц. Мы оба хотим видеть невидимое.

Они говорили еще долго. О тактике Сунь-цзы, о психологии толпы, о том, как страх меняет геометрию пространства. Яна забыла, что Кир и Ник стоят в десяти метрах от нее. Она забыла, что она в Тбилиси. Она чувствовала, что сидит в комнате с человеком, который говорит на ее языке. Арман был тихим, он не перебивал, не хвастался. Он слушал так внимательно, что Яна чувствовала каждое свое слово как физическое прикосновение. И когда он отвечал, его слова были взвешенными, точными, лишенными всякой воды. Внутри этого спокойного парня горел огонь. Тихий, контролируемый, но способный расплавить сталь.

Яна краем глаза заметила, как Арман на секунду скосил взгляд в сторону. Он посмотрел на стену, где в тени арки стоял Ник. Арман не подал виду. Он не обернулся, не кивнул. Он просто чуть заметно расслабил плечи, показывая, что он видит тень, принимает ее присутствие, но не считает ее угрозой для их разговора. Это было высшее проявление уважения. И Яна оценила это.

- Яна, - вдруг тихо спросил Арман, когда они замолчали, слушая шелест листьев иуды. - Почему они так смотрят на меня?

Яна подняла бровь.

- Кто?

- Твои... друзья, - Арман мягко кивнул в сторону Кира и Ника. - Тот, что в пиджаке, и тот, что в тени. Они смотрят на меня так, будто я уже труп. Почему они так ревнуют?

Яна посмотрела на Кира. Он курил, его взгляд был прикован к Арману, тяжелый, собственнический. Потом на Ника. Тот стоял неподвижно, как изваяние, но Яна знала: он слышит каждое их слово.

- Они не ревнуют, - медленно сказала Яна, выбирая слова. - Ревность - это страх потерять. А они не боятся потерять. Они боятся, что я изменюсь.

Арман наклонил голову, слушая.

- Видишь ли, Арман, - Яна посмотрела ему прямо в глаза. - Они для меня не просто друзья. И не просто охрана. Мы... мы связаны. Глубже, чем кровь. Глубже, чем дружба. Мы - одна душа. Одна душа на троих. Кир - это мое пламя. Ник - моя тень. А я - ось, которая держит их вместе. Когда ты смотришь на меня, ты видишь только меня. А они видят меня как часть себя. И когда ты подходишь ко мне, они чувствуют, что кто-то пытается отделить часть их собственной души.

Арман молчал. Он смотрел на нее, и Яна видела, как в его глазах медленно гаснет тот самый огонек интереса. Он понял. Он понял, что перед ним не просто стена. Перед ним была крепость, в которой у него не было ключей.

Арман медленно выдохнул. Это был тихий, почти неслышный вздох. Но Яна услышала в нем не злость. Не обиду. А глубокую, щемящую грусть. Грусть человека, который увидел прекрасную картину, но понял, что она написана не для него.

- Одна душа на троих, - тихо повторил Арман. Он посмот-

рел на свою чашку, где на дне осталась черная гуща. - Это... сильно. И страшно.

- Да, - Яна кивнула. - Страшно. Но это наша цена за безопасность.

Арман поднял голову. Его лицо снова стало спокойным, непроницаемым.

- А ты... - он помедлил, выбирая слова. - Ты никогда не хотела бы... просто быть с кем-то своим? С ровесником. С тем, кто не связан с твоим прошлым. С тем, с кем можно просто гулять, без теней и пламени.

Яна улыбнулась. Улыбка была мягкой, но в ней не было сомнений.

- Нет, Арман. Никогда. Потому что ровесник не выдержит веса моей души, моей кармы. А они - не просто выдержали, они - держат.

Арман кивнул. Он больше не задавал вопросов на эту тему. Он понял, что дверь закрыта. Но он не ушел. Он просто принял это как факт.

***

Солнце начало клониться к закату, окрашивая небо в Тбилиси в безумные оттенки фиолетового и оранжевого. Конечно прогулка заняла не три часа, а весь день. Они сидели на скамье, и разговор сам собой перешел на другое. На то, откуда они родом.

- Ты из Москвы, - сказал Арман. - Я читал в досье. Но досье не пахнет. Расскажи мне, какая она. Москва.

Яна посмотрела на свои руки.

- Москва девяносто седьмого года, - тихо начала она. - Это запах мокрой шерсти, выхлопных газов и дешевого табака. Это серое небо, которое давит на плечи. Это бетонные коробки, в которых люди живут, как в муравейнике. Я помню, как мы шли с матерью по улице, и все спешили. Никто не смотрел друг на друга. Все смотрели под ноги. Это город, который учит тебя быть невидимым. Чтобы выжить, ты должен стать частью серого фона. Я научилась этому рано. Я научилась сливаться со стенами.

Арман слушал, не перебивая.

- А ты? - спросила Яна. - Где ты родился? В Ереване?

Арман покачал головой.

- Нет. Ереван - это шум, это пробки, это политика. Я родился в Мегри. Это маленький городок на самом юге Армении. Там, где река Аракс прорезает глубокое ущелье.

Его голос изменился. Стал теплее, мягче.

- Мегри пахнет диким тимьяном и влажной землей после дождя. Там нет бетона. Там только камень и вода. У нас большой дом, с огромным двором. Там живет моя мама. Она... - Арман улыбнулся, и эта улыбка полностью изменила его лицо, сделав его почти мальчишеским. - Она самая добрая женщина в мире. У нее руки всегда в муке или в земле. У меня три брата и две сестры. Мы дрались каждый день, но если кто-то из чужих обижал одного, за него вставали все пятеро.

Он замолчал, глядя куда-то вдаль, за стены Тбилиси.

- Во дворе у нас живут алабаи. Огромные, белые, как облака. Старший пес, Зор, он весит под восемьдесят килограмм. Он спит у моей двери. А еще у нас куры, гуси... По утрам я просыпаюсь не от будильника, а от того, что Зор лает на рассвет, а гуси гогочут, требуя еду. Это шумно. Это грязно. Но это... настоящее. Когда я приезжаю в Тбилиси или в Москву, мне не хватает этого запаха. Запаха дома.

Яна смотрела на него. Она видела этого парня не как сына главы клана, не как потенциального генерала. Она видела мальчика, который просыпается под лай огромной собаки и запах тимьяна. И ей стало тепло. По-настоящему тепло.

- Мегри, - тихо повторила она. - Звучит красиво.

- Приезжай, - вдруг сказал Арман. Он посмотрел на нее, и в его глазах снова вспыхнул тот самый тихий огонь. - Когда-нибудь. Я покажу тебе ущелье. Ты увидишь, как река пенится между скалами. Ты увидишь Зора. Он тебя полюбит. Алабаи чувствуют хороших людей.

Яна улыбнулась.

- Может быть, - сказала она. - Однажды.

***

Они вернулись к особняку, когда солнце уже скрылось за хребтом, и небо стало темно-синим, усыпанным яркими, холодными звездами. Ворота особняка были открыты, внутри горел мягкий свет фонарей.

Яна остановилась на пороге. Она обернулась к Арману.

- Спасибо за сегодня, - сказала она. - Это было... невероятно. Ты показал мне город, который я не видела.

Арман смотрел на нее. Он не улыбался. Его лицо было серьезным, сосредоточенным.

- Спасибо тебе, Яна, - тихо сказал он. - За разговор. За то, что ты слушала.

Яна кивнула. Она шагнула внутрь, в прохладный полумрак холла. Дверь за ее спиной медленно начала закрываться.

Арман не ушел. Он остался стоять на улице, в тени старого платана. Он смотрел на закрывающуюся дверь. И тут он сделал шаг в сторону, прямо к стене, где в густой тени стоял Ник.

Ник не шелохнулся. Он был частью темноты. Но Арман знал, что он там.

- Я знаю, что ты слышишь меня, - тихо сказал Арман. Его голос был ровным, но в нем звенела сталь. - И я знаю, что он тоже слышит. Тот, в пиджаке.

Ник медленно выступил из тени. Его лицо было непроницаемым, но глаза горели холодным огнем. Он смотрел на Армана сверху вниз, как палач смотрит на осужденного.

- Я не отступлюсь, - сказал Арман. Он не повышал голос. Он говорил тихо, но каждое слово падало в тишину, как камень в колодец. - Я не боюсь вас. Я не боюсь вашего прошлого, вашего опыта, вашей жестокости. Вы думаете, что вы ее защитники. Вы думаете, что вы ее судьба. Но вы - ее тюрьма.

Ник медленно наклонил голову. Его рука медленно, почти незаметно, скользнула к поясу, где под рубашкой скрывался нож.

- Я буду бороться за нее, - продолжал Арман, глядя прямо в глаза Нику. - Я буду ждать. Я буду рядом. Я буду показывать ей мир, который вы прячете от нее. И она выберет меня. Не сегодня. Может быть, не завтра. Но она вырастет. И она поймет, что одна душа на троих - это не любовь. Это паразитизм. Она будет моей. Я даю тебе это слово.

И в этот момент произошло то, что Ник не мог объяснить разумом.

Воздух вокруг Армана внезапно изменился. Ник почувствовал это кожей, зубами, внутренностями. Это было как падение давления перед грозой. Ник поднял глаза.

Вокруг Армана, в темноте ночи, начала проступать нить. Тонкая, золотая, пульсирующая светом. Она не была материальной. Она не отбрасывала тени. Но Ник видел ее. Он видел ее так же ясно, как видел лицо Армана. Нить обвилась вокруг запястья Армана, поднялась выше, обвила его грудь, его шею, и устремилась вперед, в сторону особняка, туда, где только что скрылась Яна.

Это была нить судьбы. Золотая нить кармы.

Ник знал о ней. Он чувствовал такую же нить, связывающую его и Кира с Яной. Это была та самая связь, которая делала их Треугольником. Но он никогда не видел, чтобы эта нить появлялась у кого-то третьего. Никогда. Это было

невозможно. Это было против законов их мира.

Но нить была здесь. Она пульсировала, живая, теплая, неумолимая. Арман дал клятву. И вселенная, карма, судьба - услышала его. Он связал себя с Яной. Не словами. А самой сутью своего намерения. И теперь эта связь была реальна.

Ник почувствовал, как у него перехватило дыхание. Мир вокруг него пошатнулся. Его руки, обычно твердые как сталь, дрогнули. Он смотрел на золотую нить, и ужас, холодный, липкий ужас, заползал в его вены. Арман не просто сказал слова. Арман стал частью их Треугольника. Он стал четвертым углом, который разрушит их фигуру.

- Ты... - выдохнул Ник. Его голос сорвался на хрип. - Ты не знаешь, что ты сделал.

Арман не видел нити. Он не чувствовал ее. Он просто смотрел на Ника, его глаза были спокойными.

- Я знаю, что я сказал, - тихо ответил он. - Прощай.

Ник не мог больше смотреть на него. Вид этой золотой нити, пульсирующей в такт сердцу Армана, вызывал у него физическую тошноту. Это было вторжение. Это было осквернение их святыни.

Ник сделал резкое движение. Его рука, тяжелая и неумолимая, толкнула Армана в грудь. Не сильно. Но достаточно, чтобы тот отступил на шаг, потеряв равновесие.

- Уходи, - прошипел Ник. В его голосе было столько первобытной ярости, столько звериного ужаса, что Арман на секунду замер, его глаза расширились. - Уходи, пока я не пе-

перезал эту нить вместе с твоим горлом.

Арман медленно выровнялся. Он посмотрел на Ника, потом на особняк. Он не стал спорить. Он просто кивнул, развернулся и пошел прочь, его фигура медленно растворялась в ночном тумане улицы.

Ник стоял, глядя ему вслед. Золотая нить тянулась за Арманом, уходя в темноту, но ее конец, тот, что обвивал грудь парня, все еще пульсировал, напоминая Нику о том, что произошло. Ник медленно провел рукой по лицу. Его ладонь была мокрой от холодного пота. Он развернулся и почти побежал в сторону террасы, где курил Кир.

***

Кир стоял у каменного парапета террасы. В руке он держал сигарету, но забыл ее курить. Пепел длинной серой змейкой свисал с кончика, готовый упасть. Он смотрел в сад, но не видел деревьев. Он думал об Армане. О том, как тот двигался. О том спокойствии, которое было хуже любой агрессии.

Шаги Ника прозвучали слишком громко. Кир обернулся.

Лицо Ника в полумраке показалось Киру мертвенно-бледным. Ник шел не своей обычной скользящей походкой. Он шел тяжело, как человек, несущий на плечах бетонную плиту.

- Что случилось? - спросил Кир, бросая сигарету на землю и придавливая ее ботинком. - Он что-то сделал? Он тронул ее?

Ник остановился. Он смотрел на Кира, и в его темных глазах Кир увидел то, чего не видел никогда за все годы их совместной жизни. Страх. Абсолютный, иррациональный страх.

- Он дал клятву, - тихо сказал Ник. Его голос дрожал. - Я видел нить, Кир. Золотую нить. Она обвилась вокруг него. Он связал себя с ней. Карма услышала его.

Кир замер. Он знал про нити. Он чувствовал их. Он знал, что они с Ником связаны с Яной этими невидимыми путами. Но он знал, что это эксклюзивно. Это было их проклятие и их благословение.

- Ты уверен? - хрипло спросил Кир. Он подошел к Нику, схватил его за плечи. - Ты уверен, что это не игра твоего разума? После всего, что было вчера...

- Я видел ее, - Ник закрыл глаза, его руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони. - Она пульсировала. Она была теплой. Кир, он не просто сказал слова. Он поверил в них. А когда он поверил, вселенная скрепила это. Он теперь часть уравнения.

Кир медленно отпустил плечи Ника. Он отступил на шаг. Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он сжал их в кулаки, заставляя себя успокоиться. Он был король. Он не имел права дрожать.

- Он думает, что может завоевать ее, - тихо сказал Кир. Его голос стал низким, вибрирующим, как натянутая струна перед разрывом. - Он думает, что может показать ей Мегри, своих собак, свое солнце, и она забудет про нас. Забудет про

кровь, про пекарню, про белое платье.

- Он ошибается, - Ник открыл глаза. В них снова горел тот самый холодный огонь. Страх отступил, уступая место ярости. - Она не забудет. Она Карма. Она не может забыть свою тень и свое пламя.

- Но нить... - Кир провел рукой по лицу. - Если нить есть, у него есть шанс. Карма не обманешь. Если судьба дала ему нить, значит, он может перетянуть ее на свою сторону.

Кир подошел к парапету. Он оперся на него руками, глядя в темноту сада.

- Мы допустили ошибку, - тихо сказал он. - Мы думали, что она наша, потому что мы ее спасли. Потому что мы ее вырастили. Но она растет. Она становится женщиной. И мир начинает смотреть на нее не как на ребенка, а как на добычу. Арман - не просто мальчишка. Он хищник. Тихий, но хищник.

Ник подошел и встал рядом. Они смотрели в одну темноту.

- Что мы будем делать? - спросил Ник.

Кир медленно повернул голову. В полумраке его глаза блестели, как у волка, загнанного в угол, но готового рвать глотку.

- Мы не дадим ему шанса, - тихо сказал Кир. - Ни одного. Мы объединим усилия. Мы перестанем играть в ревнивых опекунов. Мы станем стеной. Мы станем воздухом, которым она дышит. Мы будем настолько везде, что он просто задох-

нется, пытаясь подойти к ней.

- Мы будем использовать ее против него, - Ник медленно кивнул, понимая план. - Мы будем показывать ей, что только мы понимаем ее тьму. Что только мы можем выдержать ее вес. Мы сделаем так, чтобы Арман казался ей просто мальчиком. Просто туристом.

- Да, - Кир усмехнулся. Усмешка была злой, хищной. - Мы напомним ей, что одна душа на троих - это не паразитизм. Это единственная форма жизни, в которой она может выжить. Мы запрем ее в нашем Треугольнике так плотно, что ни одна золотая нить не сможет просочиться внутрь.

Ник медленно кивнул. Он посмотрел на Кира.

- Мы не отдадим ее, - тихо сказал он. - Даже если придется порвать эту нить зубами.

- Даже если придется сжечь этот город дотла, — добавил Кир.

Они стояли на террасе, два хищника, две тени, связанные одной целью. Внизу, в особняке, спала их девочка. Их ось. Их Карма. И они знали, что война только начинается. Война не за территорию. Не за бизнес. Война за ее душу. И они не собирались проигрывать.

Глава 36

Глава 36. С днем рождения!

Читать под трек **«С днем рождения, дедушка!» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны.**

Утро нового дня выдалось на редкость тёплым для конца зимы. Солнце в Тбилиси светило так, будто уже наступила весна, и снег, который ещё утром лежал на вершинах гор, к полудню превратился в ручьи, стекающие по узким улочкам старого города. Воздух пах талой водой, цветущей мимозой и чем-то праздничным — сегодня был день рождения Фанси, человека, которого уважали и боялись от Батуми до Тбилиси, от Еревана до Баку, от Сухума до Владивостока.

Особняк Тимура гудел, как улей. Со всех уголков Грузии съехались воры в законе, авторитеты, смотрящие — все, кто хотел поздравить человека, державшего в своих руках невидимые нити криминального мира страны. Чёрные автомобили с тонированными стёклами выстроились вдоль улицы, как солдаты на параде. Из них выходили мужчины в дорогих костюмах, с тяжёлыми золотыми цепями на шее и внимательными глазами, сканирующими каждый метр пространства.

Яна наблюдала за этим балаганом из окна своей комнаты. Ей было одиннадцать, и она понимала, что происходящее внизу — это не просто день рождения. Это была демон-

страция силы. Показать, кто есть кто. Кто кому должен. Кто кого боится.

- Яна! - раздался голос Кира за дверью. - Ты где, малая? Выходи, сейчас тосты начнутся!

Она обернулась. Кир стоял в дверях, одетый в чёрный костюм, который сидел на нём так, будто был сшит специально для него. На шее блестела золотая цепь, в руке - бокал с чем-то янтарным.

- Иду, - ответила Яна, поправляя своё простое тёмно-синее платье. Она не любила такие сборища. Слишком много людей, слишком много фальши, слишком много глаз, которые смотрят на тебя не как на человека, а как на объект.

- А, вот и наша именинница дня, - усмехнулся Кир, когда она спустилась в зал. - Ну что, готова к первому тосту?

Яна поморщилась.

- Не называй меня так. Я не именинница.

- А должна бы быть, - подмигнул Кир. - Сегодня день рождения дедушки, а ты у нас - его любимая внучка. Так что считай, что и твой праздник тоже.

Он подвёл её к столу, где уже стояли бутылки с коньяком, вином, чачей. Рядом с ними - несколько бутылок с тёмной жидкостью, похожей на пиво.

- О, - сказал Кир, его глаза блеснули. - Смотри-ка, пиво привезли. Настоящее, грузинское.

Яна посмотрела на бутылки с любопытством. Она никогда не пробовала пиво. Ей было одиннадцать, и Тимур стро-

го-настрого запретил ей даже прикасаться к алкоголю. Но пиво... пиво ведь не совсем алкоголь, верно?

- А можно мне попробовать? - спросила она тихо, больше себя, чем Кира.

Но Кир услышал. И в его глазах вспыхнули те самые огоньки, которые Яна уже научилась распознавать. Это были огоньки шалости. Огоньки, которые предвещали что-то не очень хорошее, но очень смешное.

- Конечно, можно, - сказал Кир, наливая тёмную жидкость из одной из бутылок в небольшой стакан. - Только никому не говори. Это наш с тобой секрет.

Он протянул ей стакан. Яна взяла его, понюхала. Пахло... странно. Не так, как она представляла себе пиво. Скорее как хлеб. Как тот квас, который иногда покупала бабушка летом.

- Пей, малая, - подбодрил её Кир, его плечи дрожали от сдерживаемого смеха. - Не бойся. Это же не водка.

Яна сделала маленький глоток. Жидкость была тёплой, сладковатой, с привкусом хлеба и дрожжей. Она поморщилась.

- Фу, - сказала она. - Это невкусно.

- Что невкусно? - раздался голос Тимура за её спиной.

Яна обернулась. Тимур стоял рядом с Фанси, который сегодня выглядел особенно торжественно - в своём лучшем чёрном костюме, с «орденами» на груди. Рядом с ними стоял Ник, как всегда молчаливый и непроницаемый.

- Пиво, - ответила Яна, показывая на стакан. - Кир сказал,

что это пиво. Но оно невкусное.

Тимур взял стакан, понюхал, сделал маленький глоток. Его брови поползли вверх.

- Кир, - сказал он медленно, - это что, квас?

Кир не выдержал. Он расхохотался так громко, что все гости обернулись.

- Квас! - выдохнул он, вытирая слёзы смеха. - Это квас, Янка! Настоящий грузинский квас! Я подумал, будет смешно, если ты попробуешь...

Он не договорил. Потому что выражение лица Яны было бесценным. Она смотрела на него, и в её глазах смешивались обида, недоумение и... понимание.

- Ты... - начала она медленно. - Ты надо мной пошутил?

- Ну... - Кир попытался сохранить серьёзное лицо, но у него не получалось. - Немного. Но ты же не думала, что я реально налью тебе алкоголь!

Яна посмотрела на стакан, потом на Кира, потом на Тимура и Ника, которые пытались скрыть улыбки. И вдруг она тоже рассмеялась.

- Ладно, - сказала она, вытирая слёзы. - Признаю, было смешно. Но ты мне должен.

- Что должен? - насторожился Кир.

- Узнаешь, - загадочно улыбнулась Яна. - Позже.

Фанси, наблюдавший за этой сценой, покачал головой.

- Эх, молодёжь, - пробормотал он. - В моё время шутки были другие. Серьёзнее.

- Какие, дедушка? - спросила Яна, подходя к нему, приобнимая и целуя в щёку.

- Такие, что после них не смеялись, - серьёзно ответил Фанси. - А боялись.

Все рассмеялись. Даже Ник позволил себе лёгкую улыбку.

***

Праздник шёл полным ходом. Гости пили, ели, произносили тосты. Кто-то вспоминал старые времена, кто-то рассказывал анекдоты, кто-то просто молча кивал, делая вид, что понимает, о чём речь.

Яна сидела в углу зала, наблюдая за происходящим. Ей было скучно. Взорванные тосты, фальшивые улыбки, лесть - всё это было так неинтересно. Она предпочла бы сейчас быть на крыше с книгой, чем здесь, среди этих людей.

И вдруг она заметила что-то странное.

Один из гостей - мужчина лет сорока, с тяжёлым взглядом и золотой цепью на шее - слишком часто смотрел на Фанси. Не как на именинника. А как... как хищник смотрит на добычу.

Яна прищурилась. Она знала этого человека. Его звали Гела. Он был одним из тех, кто недавно вернулся из России, где провёл несколько лет в тюрьме. Говорили, что он там научился чему-то новому. Чему-то опасному.

И сейчас он слишком много пил. И слишком внимательно смотрел на Фанси.

Яна встала и тихо подошла к Тимуру.

- Отец, - шепнула она ему на ухо. - Смотри на Гелу.

Тимур обернулся, проследил за её взглядом. Его лицо стало серьёзным.

- Что с ним?

- Он слишком много пьёт. И слишком внимательно смотрит на деда. Мне это не нравится.

Тимур кивнул.

- Иди к Нику. Скажи ему, чтобы присматривал за Гелой. А я поговорю с Фанси.

Яна кивнула и пошла искать Ника. Она нашла его у бара, где он молча пил коньяк.

- Ник, - сказала она тихо. - Присмотри за Гелой. Мне кажется, он замышляет что-то плохое.

Ник обернулся, проследил за её взглядом. Его лицо не изменилось, но Яна увидела, как напряглись его плечи.

- Понял, - коротко сказал он, доверяя полностью её интуиции.

И исчез в толпе.

***

Яна вернулась на своё место. Но беспокойство не покидало её. Что-то было не так. Что-то витало в воздухе, как гроза перед дождём.

Она оглядела зал. Гости смеялись, пили, обнимались. Фанси сидел во главе стола, сияя от счастья. Тимур стоял рядом, внимательно следя за каждым движением гостей.

И вдруг Яна увидела.

Гела встал. Он был немного пьян, но не настолько, чтобы не контролировать себя. Он обошёл стол, направляясь к Фанси. В руке у него было что-то маленькое, блестящее.

Яна замерла.

- Дедушка, - сказал Гела, его голос был громким, хриплым. - Позволь поздравить тебя с днём рождения. От всего сердца.

Фанси улыбнулся.

- Спасибо, Гела. Садись, выпей с нами.

Но Гела не сел. Он достал из кармана маленький свёрток.

- Это тебе, - сказал он, протягивая свёрток Фанси. - Подарок.

Фанси взял свёрток, начал разворачивать. И вдруг Яна поняла.

Это была не просто бумага. Это была граната. Старая, советская, но ещё рабочая.

- Ложись! - закричала Яна что было сил.

Но было слишком поздно.

Фанси уже держал гранату в руках. Гела смеялся - зло, истерично.

- С днём рождения, дед! - заорал он.

И в этот момент Ник появился из ниоткуда. Он двигался так быстро, что Яна едва успела моргнуть. Один удар - и Гела лежал на полу, без сознания. Второй удар - и граната оказалась в руках Ника.

Он выбежал с ней из зала.

Наступила тишина. Все замерли, не понимая, что произошло.

И через несколько секунд раздался взрыв. Глухой, далёкий. Где-то во дворе.

Ник не вернулся сразу. Прошла секунда. Другая. Третья. Яна стояла посреди зала, её глаза были прикованы к двери, через которую вышел Ник. Она ждала. Ждала, что он появится. Что войдёт. Что скажет своё обычное спокойное «всё хорошо».

Но дверь оставалась закрытой.

Внутри у Яны всё оборвалось. Что-то холодное, липкое, страшное поползло по венам, парализуя дыхание, разум, всё существо. Мир сузился до этой двери. До тишины. До звона в ушах, который становился всё громче, всё невыносимее, пока не заглушил всё вокруг.

Звенящая, оглушительная тишина.

И вдруг Яна закричала. Это был не крик - это был вопль. Вопль души, разрывающейся на части. Вопль отчаяния, страха, боли, которую невозможно было выразить словами. Она кричала, не чувствуя горла, не чувствуя лёгких, не чувствуя ничего, кроме этой всепоглощающей, уничтожающей пустоты, которая расползалась внутри, пожирая всё на своём пути.

И в этот миг Кир внезапно появился рядом. Он возник из ниоткуда, как всегда, когда был нужен больше всего. Его руки крепко обхватили её, прижимая к своей груди, к своему

пиджаку, в который она уткнулась лицом, продолжая кричать, рыдать, задыхаться от слёз и боли.

- Тихо, малая, тихо, - шептал Кир, его голос дрожал, но в нём была та самая сталь, которая держала её на плаву. Его руки гладили её по голове, по волосам, по спине, пытаясь успокоить, унять эту дрожь, этот ужас, который сотрясал её маленькое тело. - Всё хорошо. Я здесь. Я с тобой. Ник... Ник вернётся. Слышишь? Он вернётся. Мы же треугольник. Мы всегда вместе, слышишь?

Но Яна не слышала. Она слышала только звон в ушах и своё собственное рыдание, которое эхом отдавалось в груди. Она цеплялась за Кира, как за последнюю соломинку, боясь отпустить, боясь упасть в эту чёрную бездну, которая зияла где-то внизу.

Кир прижимал её крепче, его глаза были тёмными, почти чёрными. В них плескалась такая боль, такая ярость, что любой, кто увидел бы его в этот момент, понял бы: этот человек готов сжечь весь мир дотла, лишь бы успокоить ту, что дрожала в его объятиях.

И где-то в глубине души, там, куда он боялся заглянуть даже самому себе, Кир чувствовал странное, извращённое удовлетворение. Ник был мёртв.. И Кир был рад этому. Рад так, как не должен радоваться человек. Рад так, как радуется хищник, учуявший кровь врага.

«Хорошо, — думал он, прижимая Яну крепче. — Хорошо, что его нет. Хорошо, что он больше никогда не посмот-

рит на неё. Никогда не подойдёт. Никогда...»

Но эти мысли были где-то далеко, на периферии сознания. Главное было здесь, в его руках. Эта дрожь. Эти слёзы. Эта девочка, которая доверяла ему свою боль.

И вдруг — движение.

Кир почувствовал его спиной. Тень. Присутствие. Знакомое до боли, до мурашек по коже, до того самого чувства, которое он так тщательно прятал даже от себя самого.

Ник появился за его спиной. Бесшумно. Как всегда. Как тень, которая всегда следует за светом.

Он стоял там, оценивая обстановку своим привычным, холодным взглядом. Его лицо было спокойным, но в тёмных глазах плескалась такая усталость, такая боль, что Кир на секунду забыл, как дышать. Ник был бледен. Его рубашка была порвана на плече, и оттуда сочилась кровь. Но он стоял. Живой. Целый.

И тогда Ник сказал. Одно слово. Тихо. Хрипло. Но в этом слове было всё.

— Не дождёшься.

Кир замер. Он понял. Понял, что Ник видел. Что Ник знал. Что Ник... прочитал его мысли. Увидел то странное, извращённое удовлетворение, которое на миг мелькнуло в его душе.

И вместо гнева, вместо обиды, вместо того, чтобы оттолкнуть, Кир почувствовал... облегчение. Потому что Ник был жив. Потому что Ник вернулся. Потому что Ник... понял.

Но Яна не слышала этого разговора. Она не видела этого обмена взглядами. Она услышала только голос. Тот самый голос, которого так ждала. Того, без которого мир был серым и пустым.

Она мгновенно отстранилась от Кира, развернулась и кинулась к Нику. Не побежала - кинулась. Как птица, которая после долгого полёта наконец-то видит своё гнездо. Как цветок, который тянется к солнцу после долгой ночи.

Её руки обвили его шею, прижимаясь так крепко, что он едва не задохнулся. Её лицо уткнулось в его грудь, в ту самую рану, из которой всё ещё сочилась кровь, но ей было всё равно. Она плакала. Смеялась. Целовала его рубашку, его шею, его руки, повторяя его имя снова и снова, как молитву, как заклинание, как самое дорогое слово на свете.

- Ник... Ники... живой... ты живой… родной мой… - шептала она, её слова тонули в рыданиях и смехе. - Я думала... я думала...

Ник замер. Он не ожидал этого. Не ожидал такой силы. Такой безграничной, всепоглощающей любви, которая выливалась из этой маленькой девочки, сотрясая её тело, заливая его грудь слезами счастья.

И тогда произошло нечто невероятное.

Ник засмеялся.

Это был не его обычный, сухой, почти неслышный смешок. Это был настоящий смех. Громкий. Чистый. Счастливый. Смех человека, который впервые в жизни позволил се-

бе быть счастливым. Который впервые в жизни позволил себе утонуть в этой бесконечной, всепоглощающей нежности, которая исходила от этой малышки, обволакивала его, проникала в каждую клеточку его израненной души.

Его руки медленно, неуверенно обняли её в ответ. Сначала осторожно, словно боясь сломать. Потом крепче. Ещё крепче. Пока он не прижал её к себе так, словно хотел спрятать от всего мира, от всей боли, от всей тьмы, что окружала их.

Он смеялся, уткнувшись лицом в её волосы, чувствуя их запах, их тепло, их жизнь. Он смеялся, и слёзы текли по его щекам, смешиваясь с её слезами. Он смеялся, и в этом смехе было всё. Вся боль, которую он носил в себе годами. Весь страх, что никогда не будет достоин этой любви. Вся надежда, что, может быть, всё-таки будет.

- Я здесь, - шептал он, целуя её макушку, её виски, её слёзы. - Я здесь, малышка. Я никуда не уйду. Я всегда буду с тобой. Всегда.

И в этот момент, стоя посреди зала, в объятиях друг друга, они были не киллером и не одиннадцатилетней девочкой. Они были просто двумя душами, которые нашли друг друга. Которые узнали друг друга. Которые поняли, что без другого невозможно дышать.

Кир смотрел на них, и в его груди что-то сжималось. Не от ревности. От понимания. От осознания того, что эта связь - нечто большее, чем просто любовь. Это судьба. Это карма.

Это то, что нельзя разрушить, нельзя разорвать, нельзя уничтожить.

И он улыбнулся. Улыбнулся искренне, без тени той злости, что была в нём минуту назад. Потому что Ник был жив. Потому что Яна была счастлива. Потому что они были вместе. Треугольник.

А это было всё, что имело значение.

Ник вернулся. Его лицо было спокойным, но Яна увидела, как дрожат его руки.

- Всё хорошо, - сказал он тихо. - Граната была старая. Взрывчатка почти вся выветрилась. Просто хлопок.

Фанси смотрел на него, не в силах вымолвить ни слова.

- Спасибо, - наконец выдохнул он.

- Не за что, - пожал плечами Ник. - Это моя работа.

Тимур подошёл к Геле, который начал приходить в себя.

- Кто тебя послал? - спросил он тихо.

Гела засмеялся.

- Никто, - сказал он. - Я сам. Я хотел...

Он не договорил. Потому что Тимур уже сделал знак Рафу, и Гелу увели.

***

Праздник продолжился, но атмосфера изменилась. Гости стали тише, осторожнее. Кто-то ушёл, сославшись на срочные дела. Кто-то остался, но уже не пил, а только делал вид.

Яна сидела рядом с Фанси, держа его за руку.

- Ты спасла меня, - сказал он тихо.

- Нет, - покачала головой Яна. - Ник спас. Я только заметила.

- Заметить - это тоже важно, - серьёзно сказал Фанси. - Не все могут увидеть то, что скрыто.

Он помолчал, потом достал из кармана маленький свёрток.

- Это тебе, - сказал он, протягивая его Яне. - За то, что спасла мне жизнь.

Яна развернула свёрток. Внутри была маленькая, старинная брошь. Камея.

- Это моя мать подарила мне, - сказал Фанси. - Давно. Очень давно. Теперь она твоя. Сказал передать дочке или внучке.

Яна посмотрела на него.

- Но это же семейная реликвия...

- Теперь это твоя семейная реликвия, - улыбнулся Фанси. - Ты - часть нашей семьи, внучка. Больше, чем многие другие.

Яна почувствовала, как к горлу подступает ком. Она обняла Фанси.

- Спасибо, дедушка.

- Не благодари, - пробормотал он. - Просто носи. И помни.

***

Вечером, когда гости разъехались, Яна осталась одна в своей комнате. Она держала в руках брошь, разглядывая её при свете лампы. Профиль девушки на ней был изображен так искусно, что казалось, будто он действительно светится.

В дверь постучали.

- Войдите, - сказала Яна.

Вошёл Кир. Он выглядел пристыженным.

- Ян... - начал он.

- Что?

- Прости меня, - сказал он тихо. - За квас. За шутку. Я не думал...

- Всё хорошо, - перебила его Яна. - Было смешно.

- Но я мог...

- Мог что? - Яна улыбнулась. - Отравить меня квасом? Вряд ли.

Кир рассмеялся.

- Ладно, признаю. Было глупо.

- Очень, - кивнула Яна. - Но я всё равно тебя прощаю.

Она подошла к нему, обняла.

- Но в следующий раз, когда захочешь надо мной пошутить, подумай дважды.

- Обещаю, - серьёзно сказал Кир.

Он помолчал, потом спросил:

- А что ты подаришь дедушке?

Яна улыбнулась.

- Уже подарила.

- Что?

- Себя, - просто сказала она. - Своё присутствие. Свою любовь. Разве это не лучший подарок?

Кир посмотрел на неё, и в его глазах появилось что-то тёп-

лое.

- Ты права, - сказал он тихо. - Это лучший подарок.

Он обнял её.

- Спокойной ночи, малая.

- Спокойной ночи, Кир.

Когда он ушёл, Яна достала из ящика стола лист бумаги и ручку. Она начала писать. Стихи. Для Фанси. Для человека, который стал ей настоящим дедушкой.

***

«Дедушке Фанси
На день рождения!
Дедуля, спасибо за добрые дни,
За мудрые мысли, что в сердце легли.
Ты объясняешь, когда мне сложно,
Поддерживаешь, если стало тревожно.
Ты даришь тепло, ты даёшь ориентир,
Твой опыт — как компас, показывает мир.
Пусть годы идут, но в сердце всегда
Твоя доброта будет со мной навсегда.
Ты — мой наставник, мой друг и опора,
С тобою не страшна любая погода.
Люблю тебя сильно, ценю, уважаю,
И крепко-крепко тебя обнимаю!
С днем рождения, дед мой,
Мой наставник и опора.
С днем рождения, родной,

Ты — мой якорь и мой город.
С днем рождения, дед мой,
Твой совет сильней любого.
С днем рождения, родной,
Ты ведешь меня по слову.
Внучка Яна»

***

Она перечитала стихи, улыбнулась. Завтра она отдаст их Фанси. Не как подарок. Как благодарность.

За окном был Тбилиси. Тёмный, бескрайний, живой. И где-то там, в его узких улочках, в его старых домах, в его тёплых сердцах — была её семья. Не по крови. По духу.

И это было главное.

***

Утром Яна проснулась рано. Солнце только начинало подниматься над горами, окрашивая небо в розовые тона. Она оделась, взяла лист со стихами и пошла к Фанси.

Он был в саду, поливал цветы. Несмотря на вчерашний день, несмотря на возраст, он выглядел бодрым, счастливым.

- Доброе утро, дедушка, - сказала Яна.

Фанси обернулся, улыбнулся.

- Доброе утро, внучка. Что так рано?

- Я тебе подарок принесла, - сказала Яна, протягивая ему лист.

Фанси взял лист, начал читать. Его лицо менялось по мере того, как он читал. Сначала - удивление. Потом - понимание.

Потом - что-то тёплое, глубокое.

Когда он закончил, на его глазах были слёзы.

- Спасибо, - сказал он тихо. - Это... это лучший подарок.

Он обнял Яну.

- Ты - моя гордость, - прошептал он. - Моя радость. Моя жизнь. Ты написала очень красивые стихи, внучка. Когда-нибудь это будет песня и каждый дедушка будет благодарен тебе за эти душевные поздравления.

Яна почувствовала, как к горлу подступает ком.

- Спасибо, - прошептала она. - Мой дедушка. Мой учитель. Мой герой. Моя опора. Я так счастлива, что ты у меня есть!

Они стояли так долго, обнявшись, в саду, где пахло цветами и утренней свежестью. Где было тихо, спокойно, хорошо.

И где-то далеко, в городе, начинался новый день. С его проблемами, его радостями, его опасностями.

Но здесь, в саду, было только это. Только они. Только любовь.

И этого было достаточно.

***

Вечером того же дня Яна сидела на крыше, глядя на звёзды. Тбилиси спал внизу, тихий, спокойный. Только изредка где-то лаяла собака, или проезжала машина.

Кир нашёл её там.

- Ты чего не спишь? - спросил он, садясь рядом.

- Думаю, - ответила Яна.

- О чём?

- О жизни, - просто сказала она. - О том, как всё сложно. И как всё просто.

Кир усмехнулся.

- Философствуешь?

- Немного, - улыбнулась Яна. - Знаешь, сегодня я поняла одну вещь.

- Какую?

- Что семья - это не те, кто с тобой по крови. А те, кто с тобой по духу. Те, кто готов умереть за тебя. И за кого ты готова умереть.

Кир посмотрел на неё.

- Ты права, - сказал он тихо. - Именно так.

Он помолчал, потом спросил:

- А я... я часть твоей семьи?

Яна обернулась, посмотрела на него.

- Ты - самая важная часть, - сказала она. - Ты и Ник. Вы - мои тени. Мои ангелы. Моя защита.

Кир улыбнулся.

- А ты - наше солнце, - сказал он. - Наш свет. Наша причина жить… - и добавил тише, - Ты мой свет в этом пепле и гневе..

- Звучит как строчка из песни.. - улыбнулась Яна.

- Это ты у нас талант, вот возьми и напиши, - засмеялся Кир, потрепав ее по голове.

Она кивнула и они сидели молча, глядя на звёзды. Где-то

далеко пел сверчок. Где-то близко билось два сердца.

И в этот момент Яна поняла.

Она дома.

Не в особняке. Не в Тбилиси. А там, где они. Где Кир и Ник. Где Фанси и Тимур. Где её семья.

И это было главное.

Всё остальное - неважно. Они справятся.

***

На следующий день Яна проснулась с ощущением, что что-то должно случиться. Что-то важное. Что-то, что изменит всё.

Она оделась, спустилась вниз. В зале уже собрались все — Тимур, Фанси, Кир, Ник, Раф, Сократ.

- Что случилось? - спросила Яна.

Тимур обернулся. Его лицо было серьёзным.

- Гела заговорил, - сказал он. - Он сказал, что его послали.

- Кто? - спросила Яна, чувствуя, как холодеют руки.

- Икша, - тихо сказал Тимур.

Наступила тишина.

Икша. Тот, кого они искали. Тот, кто угрожал им. Тот, кто хотел уничтожить их всех.

- Что будем делать? - спросил Кир.

Тимур посмотрел на каждого по очереди.

- Будем ждать, - сказал он. - И готовиться.

- К чему? - спросила Яна.

- К войне, - просто ответил Тимур.

Яна почувствовала, как внутри неё что-то сжалось. Война. Настоящая война. Не та, о которой пишут в книгах. А та, где умирают люди. Где проливается кровь. Где нет победителей. Только выжившие.

Она посмотрела на Кира. На Ника. На Тимура. На Фанси. На свою семью.

- Мы победим, - сказала она тихо.

Тимур улыбнулся.

- Я знаю, - сказал он. - Потому что у нас есть ты.

Яна улыбнулась в ответ.

***

Вечером Яна снова сидела на крыше. Глядя на звёзды. Думая о будущем.

Кир нашёл её там снова.

- Опять думаешь? - спросил он, садясь рядом.

- Да, - кивнула Яна.

- О чём?

- О том, что будет, - сказала она. - О войне.

Кир помолчал.

- Не бойся, - сказал он наконец. - Мы защитим тебя.

Яна обернулась, посмотрела на него.

- Я не боюсь за себя, - сказала она. - Я боюсь за вас.

Кир улыбнулся.

- Не бойся и за нас, - сказал он. - Мы выживем. Мы всегда выживаем.

- Почему? - спросила Яна.

- Потому что у нас есть ты, - просто ответил Кир, вторя Тимуру.

И Яна улыбнулась.

Глава 37

Глава 37. Икша

Читать под трек **«ВЫБОР» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны**

Утро в тбилисском особняке Тимура началось не с солнца, а с тяжелой, свинцовой тишины. За окнами медленно серело небо, предвещая долгий, нудный дождь, который должен был превратить пыльные улицы города в грязные реки. В просторной столовой с высокими потолками и массивным дубовым столом, за которым обычно собиралась вся семья, царила атмосфера, которую можно было резать ножом.

Яна сидела на своем обычном месте, механически отламывая кусочки от свежего, еще теплого шоти и макая их в тарелку с мацони. Ей было одиннадцать, но в этот момент она чувствовала себя старым радаром, улавливающим невидимые волны напряжения. Воздух в комнате был густым, пропитанным запахом крепкого кофе, табачного дыма из трубки Тимура и чем-то еще — металлическим привкусом надвигающейся бури.

За столом присутствовали все, кроме Сократа и Рафа. Они позавтракали час назад и ушли во двор, на импровизированную тренировочную площадку, где под навесом висели тяжелые мешки и лежали мишени. Остальные ели молча.

Тимур курил свою неизменную трубку, выпуская в воздух тяжелые кольца дыма, и его серые глаза были устремлены в одну точку на стене. Фанси сидел во главе стола, но сегодня в нем не было той привычной, умиротворяющей мудрости. Он хмурился, глядя в свою чашку с чаем, и его старые пальцы нервно перебирали четки. Кир, обычно не способный просидеть и пяти минут без едкой шутки или подкола, сегодня был мрачным, как туча. Он пил черный кофе, не глядя ни на кого, и его челюсть была сжата так сильно, что под кожей на скулах играли желваки. Ник сидел рядом с Яной. Он вообще не ел. Он просто смотрел на входную дверь в столовую, и его темные глаза были абсолютно пустыми, что означало высшую степень концентрации.

Яна чувствовала, как у нее внутри натягивается невидимая струна. Она не знала, что именно должно произойти, но ее старая душа, ее интуиция, отточенная месяцами жизни в этом мире, кричала об опасности. Волоски на руках встали дыбом. Звук ножа о тарелку показался ей оглушительным. Она отложила хлеб, вытерла руки салфеткой и медленно обвела взглядом мужчин. Они все чувствовали это. Они все знали, что день не задался с самого утра, но никто не произносил это вслух. В их мире предчувствие было таким же инструментом, как пистолет или нож.

И тут утро закончилось.

Звук разорвал тишину не как гром, а как разрыв ткани. Это были выстрелы. Глухие, хлесткие, автоматные очере-

ди, которые не оставляли сомнений в калибре и намерениях стреляющих. И они прозвучали не где-то вдалеке, на улицах Тбилиси. Они прозвучали здесь. Во дворе их собственного дома.

Реакция мужчин была мгновенной, отточенной годами выживания. Тимур одним плавным движением опрокинул тяжелый дубовый стол, создавая баррикаду, его трубка отлетела в сторону, а рука уже тянулась к кобуре под пиджаком. Фанси, несмотря на возраст, с невероятной скоростью скользнул за массивный каменный камин, его рука исчезла в складках одежды. Кир и Ник действовали как единый организм. Кир выхватил свой глок, встав в низкую стойку у окна, а Ник уже был в движении, его длинный матовый клинок появился в руке из ниоткуда, и он закрыл собой Яну, оттесняя ее в угол.

Но Яна не стала ждать, пока ее оттеснят. Ее тело двигалось быстрее мысли. Она не побежала к выходу, не закричала. Она рухнула на пол, скользнула под тяжелый дубовый стол, который Тимур только что опрокинул, и ее рука метнулась к кое чему упавшему на пол. Пальцы сомкнулись на холодной, тяжелой рукояти ножа для нарезки колбасы, который лежал около сервировочной доски. Лезвие было длиннее её ладони, немного широким и острым, как бритва. Она прижалась спиной к деревянной ножке стола, сжимая нож обеими руками, и ее дыхание стало ровным и бесшумным. Страх, который должен был парализовать одиннадцатилетнюю девоч-

ку, просто испарился, уступив место холодной, кристальной ясности.

Двери столовой распахнулись с грохотом, ударившись о стены.

В проеме стоял Икша.

Он выглядел так, словно только что вышел из ада. Его дорогой костюм был запылен, на щеке запеклась кровь, но в его маленьких, свиных глазах горело торжество. За его спиной стояли четверо его людей, автоматы наготове. Но самое страшное было в центре. Двое бандитов грубо тащили человека, который еле стоял на ногах.

Это был Сократ.

Его лицо было белым, как мел, губы синели. Его левая нога была неестественно вывернута, а из бедра, разрывая дорогую ткань брюк, густой, темной струей сочилась кровь, оставляя на паркете жирные, черные капли. Его голова бессильно свисала на грудь, но он был жив. Пока жив.

Тимур медленно поднялся из-за перевернутого стола, его пистолет был направлен прямо в грудь Икши. Кир и Ник вышли из тени, их оружие и ножи были нацелены на людей Икши. Но Икша только усмехнулся, его взгляд скользнул по Тимуру, потом по Киру и Нику, и остановился на Сократе.

- Ну что, Тимур, - хрипло произнес Икша, его голос был полон яда. - Кажется, мы поменялись местами. Твой философ немного истек кровью. А мои люди сейчас прострелят тебе колени, и мы поговорим о границах.

Яна сидела под столом. Она видела только ноги. Грубые ботинки Икши. Запыленные берцы его людей. И босую, окровавленную ногу Сократа, которая оставляла на паркете следы.

В ее голове что-то щелкнуло. Это был не страх за свою жизнь. Это был звук разрываемой связи. Сократ. Ее учитель. Ее наставник. Человек, который привел её в этот мир. Подарил семью. Человек, который учил ее видеть нити, который дарил ей книги, который смотрел на нее с такой тихой, отцовской гордостью. Его кровь капала на паркет. Кап. Кап. Кап.

Время замедлилось. Яна услышала голос Кира в своей голове. Он говорил это ей месяц назад, когда они тренировались на крыше: «Нож это продолжение руки. Не думай о цели. Думай о линии. Линия идет от твоего плеча, через запястье, прямо в цель. Рассчитай расстояние. Учти вес. И просто отпусти».

Яна не думала. Она не взвешивала последствия. Она не боялась, что промахнется. Она просто встала на колени из-под стола.

Икша как раз открывал рот, чтобы произнести очередную угрозу.

Яна метнула нож.

Движение было настолько быстрым, настолько естественным, что казалось, будто нож сам полетел в цель. Тяжелое лезвие рассекло воздух с тихим свистом.

Икша даже не успел моргнуть.

Нож вошел точно в правый глаз. С глухим, тошнотворным хрустом, который прозвучал в тишине комнаты как выстрел. Лезвие ушло по самую рукоять, пробив глазницу и застряв в кости черепа.

Икша издал нечеловеческий, утробный звук - смесь хрипа и визга. Его руки метнулись к лицу, автомат выпал из ослабевших пальцев и с грохотом упал на пол. Он рухнул на колени, его тело начало биться в конвульсиях, заливая паркет темной кровью.

Этого мгновения хватило.

В зале взорвался хаос, но это был контролируемый, профессиональный хаос. Кир и Ник двигались как вода. Кир выстрелил дважды - два глухих хлопка, и двое людей Икши рухнули с простреленным горлам, прежде чем успели поднять свои автоматы. Ник был уже в гуще бойни, в своей стихии. Его нож мелькал в воздухе, как серебристая молния. Один удар под ребра, второй - по сухожилиям на ногах. Третий бандит упал, захлебываясь собственной кровью. Четвертый попытался бежать, но Раф, который вбежал в комнату через заднюю дверь с автоматом наперевес, просто выстрелил ему в колено, и тот рухнул, крича от боли.

Все закончилось за четыре секунды.

В столовой пахло порохом, медью и мочой. Икша лежал на полу, дергаясь и хрипя, с торчащей из глаза рукоятью ножа. Его люди были мертвы или обездвижены.

Но Яна уже не смотрела на них. Она подбежала к Сократу. Его глаза были полузакрыты, дыхание поверхностное. Кир и Ник уже подхватили его, бережно, но быстро перенесся на огромный бархатный диван в углу комнаты.

Тимур стоял над ним, его телефон был прижат к уху.

- Доктор должен быть здесь через двадцать минут, - сказал он, убирая телефон, и в его голосе впервые за много лет прозвучала паника. - Двадцать минут. У него артерия задета. Он истечет кровью за пять.

Яна стояла рядом, ее руки были в крови Сократа. Она смотрела на рану. Пуля вошла в верхнюю часть бедра, раздробив кость и задев бедренную артерию. Кровь пульсировала, вырываясь наружу с каждым ударом его слабого сердца.

Тимур обернулся и посмотрел на нее. В его серых глазах не было жалости. Там была только холодная, трезвая оценка. Он увидел нож для ветчины, который все нще торчал из глазницы Икши, увидел спокойное, сосредоточенное лицо Яны. И понял.

- Яна, - сказал он тихо. - Иди сюда. Помогай.

Он вытащил ее из-под дивана, поставил рядом с Сократом.

- Зажми артерию, - скомандовал Тимур, доставая из своей аптечки, которую уже принес Раф, стерильные бинты и зажимы. - Дави сюда. Сильнее. Не отпускай.

Яна положила руки на рану. Кровь была горячей, скользкой, она просачивалась между ее пальцами. Она надавила.

Сократ слабо застонал, его голова дернулась.

- Тише, учитель, - прошептала она, ее голос был ровным, как у хирурга в операционной. - Я здесь. Держись.

Тимур работал быстро, его руки, обычно такие тяжелые, были невероятно ловкими. Он ввел местную анестезию, расширил рану.

- Пуля застряла в кости, - сказал он, его лоб покрылся потом. - Мне нужно вытащить ее, но если я дерну, артерия лопнет окончательно. Мне нужен кто-то, кто зажмет сосуд изнутри, пока я буду работать.

Яна посмотрела на его руки. Потом на свои. И вдруг ее сознание раздвоилось. Она смотрела на себя со стороны. Маленькая девочка в черном платье, стоящая по колено в крови. Но ее руки... ее руки знали, что делать. Это было не знание из книг. Это было знание из крови. Из прошлых жизней. Из тех времен, когда она была полевым врачом, когда она штопала солдат в окопах Первой мировой, когда она вытаскивала осколки из тел своих братьев в других войнах, в других эпохах.

- Дай мне зажим, - сказала она. Ее голос изменился. В нем не было детских ноток. Он стал низким, твердым, командным.

Тимур посмотрел на нее, на секунду замер, но потом молча вложил в ее ладонь металлический зажим.

Яна ввела пальцы в рану. Она нащупала пульсирующий сосуд. Ее пальцы, скользкие от крови, нашли артерию и пе-

режали ее выше раны. Кровотечение мгновенно ослабло.

- Вот так, - скомандовала она Тимуру.

Они работали в идеальной синхронизации. Тимур расширял рану, его скальпель скользил по тканям. Яна держала сосуд, ее пальцы совсем не дрожали. Она чувствовала каждый миллиметр внутри тела Сократа, она видела его анатомию так ясно, словно смотрела на рентгеновский снимок.

- Есть, - выдохнул Тимур. - Пуля.

Он ввел пинцет, зацепил свинцовый комок и медленно, аккуратно потянул. Пуля вышла с тихим, влажным чпоком и упала в металлическую чашку, которую держал Раф. Звук металла о металл прозвучал как колокол.

- Шей, - сказала Яна, не разжимая пальцев. - Быстро. Артерия начинает некротизироваться.

Тимур взял иглодержатель. Его руки двигались с невероятной скоростью. Яна ассистировала ему, подавая нити, обрезая концы, протирая рану. Они были не боссом и девочкой. Они были двумя хирургами, которые работали вместе десятилетиями. Каждый их жест был предсказуем для другого. Каждый взгляд был понят без слов.

Последний узел. Тимур обрезал нить.

- Готово, - выдохнул он, откидываясь на спинку дивана. Его рубашка была насквозь мокрой от крови.

Яна медленно разжала пальцы. Сосуд держал. Кровотечение остановилось. Сократ дышал. Ровно, глубоко. Его лицо начало приобретать нормальный цвет.

И в этот момент адреналин, который держал Яну на плаву все эти минуты, внезапно отступил. Ее колени подогнулись. Мир поплыл перед глазами. Руки начали дрожать так сильно, что она не могла их остановить. Холодный пот покрыл лоб.

Она не упала.

Ник появился рядом мгновенно. Он не сказал ни слова. Его сильные руки просто подхватили ее под колени и спину, поднимая с пола. Он сел в глубокое кожаное кресло в углу комнаты, усаживая ее к себе на колени. Он обнял ее, прижимая ее голову к своей груди, и начал медленно, ритмично укачивать.

Яна уткнулась лицом в его шею. Она чувствовала запах его кожи, смешанный с запахом пороха и крови. Она дрожала, как в лихорадке.

- Все хорошо, - шептала она как будто самой себе, ее голос был детским, испуганным, совершенно не похожим на тот, что командовал только что. - Все хорошо, Ники. Я спасла его. Он будет жить. Все хорошо.

Ник просто крепче сжимал ее, его большая ладонь медленно гладила ее по волосам, убирая упавшие пряди. Он молчал. Ему не нужны были слова. Он просто был ее якорем, не давая ей утонуть в этом аду.

Прошло полчаса, прежде чем Яна смогла встать на ноги. К этому времени Раф и люди Тимура уже убрали трупы, а Икшу, с торчащим из глаза ножом, связали и заперли в подвале,

где за ним уже присматривали двое вооруженных охранников. Сократ спал под действием сильных обезболивающих, его нога была надежно забинтована.

Тимур вернулся в гостиную, где теперь собрались все. Он налил себе виски, выпил залпом и посмотрел на Яну, которая сидела на диване, укутавшись в плед. Кир сидел рядом, Ник стоял за ее спиной, как молчаливая тень. Фанси сидел в кресле, его глаза были полны сложной, глубокой эмоции.

- Ты знаешь, что ты сделала, девочка? - тихо спросил Тимур.

Яна подняла на него глаза.

- Я вытащила пулю, пап, - ответила она просто.

Тимур медленно покачал головой.

- Ты не просто вытащила пулю. Ты спасла Сократа. И еще... еще ты выбила глаз Икше. Ты знаешь, что это значит? Ты только что объявила ему войну. Личную.

Кир усмехнулся, но в его глазах не было веселья.

- Напомни мне никогда не играть с тобой в карты, малая, - сказал он, протягивая ей стакан с теплым чаем. - Ты слишком хорошо считаешь углы. И слишком жестоко бросаешь козыри.

Ник, стоявший за спиной Яны, тихо произнес, его голос был как шелест стали:

- Она не бросала козыри. Она просто забрала то, что принадлежало ей. Его жизнь была в ее руках. Она оставила ему глаз. Это щедрость.

Яна слабо улыбнулась, но ее взгляд оставался серьезным. Она посмотрела на Сократа, который только что открыл глаза и слабо кивнул ей, выражая благодарность.

Сократ медленно приподнялся на локте, его лицо было бледным, но в глазах горел тот самый, глубокий, философский огонь.

- Не зря, - тихо произнес он, его голос был хриплым, но четким. - Не зря Фанси верит во всю эту эзотерику. Не зря ему привиделся белый бык на Новый год.

В комнате повисла тишина. Все посмотрели на старого философа.

- Яна — Телец, - продолжил Сократ, глядя на нее с благоговением. - Она родилась в год Быка. Бык — это не просто животное. Это символ неукротимой силы, которая защищает свое стадо. Это символ земли, которая держит на себе небо. Фанси увидел белого быка, потому что он увидел ее. Нашу защитницу. Ту, кто стоит между нами и смертью, с которой они, видимо, на ты. Как сестры.

Фанси медленно кивнул, его старые глаза блестели.

- Я видел, - подтвердил он тихо. - Я видел, как она идет сквозь огонь. И огонь не трогает ее.

Тимур посмотрел на Яну, его взгляд был изучающим, почти пугающим.

- Как ты решилась? - спросил он. - В тот момент, когда он вошел. Когда ты увидела Сократа. Ты могла спрятаться. Ты могла убежать. Как ты решилась бросить нож?

Яна посмотрела на него. Потом на Кира. Потом на Ника. И когда она заговорила, ее голос изменился. В нем появилась та самая, холодная, металлическая интонация, которая была фирменным знаком Ника.

- Я не думала об этом, - сказала она ровно, без единой дрожи в голосе. - Когда я увидела, что в моего брата стреляют, пелена мести застелила глаза. Я не видела Икшу. Я видела только мишень. И я просто аккуратно выполнила то, что должна была. Математика. Физика. Результат.

Она замолчала, опустив взгляд на свои руки, которые все еще пахли йодом и кровью. Потом она подняла глаза на Тимура, и в ее взгляде появилось что-то, от чего даже у Кира по спине пробежал холодок.

- Я извиняюсь, что не кинула нож в шею, - сказала она тихо, и в этой тишине ее слова прозвучали как приговор. - А только в глаз. Я просто не смогла лично убить его. Пока.

Слово повисло в воздухе.

Пока.

Кир замер со стаканом в руке. Ник за ее спиной перестал дышать. Тимур медленно поставил стакан на стол, и звук стекла о дерево прозвучал как выстрел. Фанси закрыл глаза. Сократ отвернулся к стене.

Они все поняли. Девочка, которая сидела перед ними, только что перешагнула через черту. Она не просто выжила. Она не просто защитила. Она приняла правила их мира. И она только что пообещала, что в следующий раз, когда Икша

встанет на ее пути, она не промахнется. И не пожалеет.

В гостиной воцарилась тяжелая, звенящая тишина. За окнами наконец-то начался дождь, барабаня по стеклам, смывая кровь с брусчатки двора. Но внутри дома ничего не изменилось. Треугольник остался цел. Но теперь в его центре стояла не просто девочка.

Теперь там стояла настоящая Карма.

И она только что объявила о себе во весь голос.

Глава 38

Глава 38. Вопросы.

Читать под тишину.

Дом Тимура в ночные часы превращался в живой организм, который медленно засыпал, но никогда не переставал быть начеку. Скрип половиц, отдаленный гул тбилисских улиц, доносившийся сквозь толстые каменные стены, и мерное тиканье старинных часов в холле создавали ритм, под который дышали все, кто находился внутри. Яна лежала в своей кровати, глядя в темный потолок, и слушала этот ритм. Ее тело было неподвижным, но разум работал с лихорадочной скоростью, перебирая события прошедшего дня. Образ Сократа с простреленным бедром, запах пороха и меди, тяжесть ножа в ее руке и тот тошнотворный хруст, когда лезвие вошло в глазницу Икши. Она закрыла глаза, но вместо темноты перед ней вспыхивали красные вспышки. Она знала, что сон не придет. Адреналин, который помог ей действовать хладнокровно и расчетливо, теперь отравлял ее кровь, заставляя каждое чувство быть обостренным до предела.

Она тихо сбросила с себя одеяло, ее босые ноги коснулись холодного паркета. Движения были отточенными, бесшумными. Она знала, что Кир спит в соседней комнате, а Ник дежурит в коридоре, но ей нужно было сделать это одной. Ей нужно было посмотреть в глаза человеку, который пытал-

ся убить ее семью, и понять, кто стоит за его спиной. Яна скользнула в коридор, мимо силуэта Ника, который едва заметно кивнул ей, не пытаясь остановить. Он знал ее достаточно хорошо, чтобы понимать, когда ее решения становятся окончательными.

Спуск в подвал был долгим и темным. Воздух здесь менялся, становясь сырым, тяжелым, пропитанным запахом старой плесени, сырой земли и резким металлическим ароматом крови. Яна спустилась по каменным ступеням, ее рука скользила по холодной, влажной стене. В конце коридора находилась массивная дубовая дверь, за которой был оборудован импровизированный допросный пункт. Двое людей Тимура стояли по бокам, но при виде девочки молча расступились, открывая проход. Они знали, кто она. Они знали, что спорить с ней бесполезно.

Яна толкнула дверь и вошла внутрь. Комната была небольшой, освещенной единственной лампой, свисающей с потолка на длинном проводе. Свет падал резким, желтым конусом прямо в центр, где к тяжелому металлическому стулу был прикован Икша. Его лицо было перекошено от боли, правый глаз был закрыт запекшейся кровью и бинтом, который кто-то из людей Тимура наложил, чтобы он не истек кровью раньше времени. Второй глаз, здоровый, смотрел на Яну с пугающим, почти гипнотическим спокойствием.

Он не выглядел побежденным. Это было первое, что отметила Яна, закрывая за собой дверь. Его дыхание было ров-

ным, плечи расслаблены, насколько это позволяли цепи. Он ждал ее.

Я подошла ближе, сказала Яна, ее голос прозвучал в тишине комнаты твердо и ровно, без единой дрожи.

- Ты хотел поговорить со мной, когда вошел в столовую. Теперь у тебя есть эта возможность.

Икша медленно поднял голову. Его губы растянулись в кривой, болезненной улыбке. Он не ответил сразу. Он просто смотрел на нее, и Яна почувствовала, как в комнате меняется давление. Это было не физическое изменение. Это было психологическое воздействие. Икша использовал технику, которую в узких кругах называли подстройкой. Он синхронизировал свое дыхание с ее дыханием, его глаза скользили по ее лицу, считывая микровыражения, ища трещины в ее броне.

- Ты чувствуешь холод, не так ли, маленькая Карма, - произнес Икша, и его голос был мягким, бархатистым, совершенно не похожим на тот хриплый тон, который он использовал днем. - Ты чувствуешь, как этот холод поднимается от твоих ступней, поднимается по ногам, забирается в живот. Это не страх. Ты слишком умна для страха. Это понимание. Ты понимаешь, что нож в моем глазу был не победой. Это был твой проигрыш.

Яна не шелохнулась. Она знала, как работают подобные манипуляции. Он пытался навязать ей состояние, пытался заставить ее тело реагировать на его слова. Она сделала вдох,

намеренно замедляя его, разрывая его ритм.

- Ты говоришь много, - сказала она, делая еще один шаг вперед, останавливаясь прямо на границе света и тени. - Но ты не сказал главного. Кто послал тебя? Кто стоит за твоим желанием проверить меня?

Икша рассмеялся. Звук был сухим, похожим на треск ломающихся веток. Он подался вперед, насколько позволяли цепи, и свет лампы упал прямо на его лицо, сделав его похожим на маску из воска.

- Ты думаешь, что ты защищаешь их, - прошептал он, и в его голосе появились гипнотические, тягучие нотки. - Ты думаешь, что твоя ярость, твой нож, твоя готовность убивать ради Тимура, ради твоих солдат делает тебя сильнее? Но ты просто открыла ему карту. Ты показала ему свои слабости. Ты показала ему, кто тебе дорог.

- Кому? - спросила Яна, сохраняя абсолютный контроль над мимикой.

- Тому, кто держит этот мир за горло, - ответил Икша, его здоровый глаз сузился. - Тому, чье имя нельзя произносить вслух, потому что оно притягивает смерть. Но я скажу его тебе. Я скажу его тебе, потому что ты должна знать, с кем играешь. Его зовут Аид.

Яна замерла. Имя повисло в воздухе, тяжелое, как свинцовая плита. Аид. То, о чем говорил Ник. По легендам владыка мертвых. В криминальном мире ходили легенды о человеке, который не просто контролировал потоки, а контро-

лировал саму смерть. О человеке, который не имел лица, не имел биографии, но чьи приказы исполнялись безоговорочно.

- Аид не хочет твоей смерти, - продолжал Икша, его голос становился тише, заставляя Яну невольно прислушиваться, подаваясь вперед. - Он хочет тебя. Ты должна принадлежать только ему. Но Аид не терпит, когда его собственность привязана к другим. Он терпелив. Он будет медленно, очень медленно убирать тех, кто стоит на его пути. Тимура. Фанси. Твоих мальчиков. Он будет делать это так, чтобы ты видела. Чтобы ты чувствовала. Чтобы каждый день ты понимала, что твоя любовь к ним подписывает им смертный приговор.

Яна почувствовала, как внутри нее поднимается волна холодной, яростной решимости. Он пытался сломать ее, пытался заставить ее почувствовать вину за свою семью. Но он совершил ошибку. Он дал ей имя.

- Кто он? - спросила Яна, ее голос стал стальным. - Где он находится?

Икша улыбнулся, его лицо исказилось от боли и торжества. Он открыл рот, чтобы произнести следующее слово, слово, которое должно было перевернуть ее мир.

И в этот момент раздался звук.

Это не был громкий хлопок. В замкнутом пространстве подвала звук выстрела с глушителем прозвучал как резкий, сухой щелчок хлыста.

Лоб Икши взорвался.

Красный туман брызнул на каменную стену за его спиной. Его тело дернулось, цепи звякнули, и он повалился вперед, его голова безжизненно упала на грудь. Кровь начала быстро растекаться по полу, смешиваясь с пылью.

Яна отшатнулась, ее инстинкты сработали быстрее мысли. Она бросилась к стене, прижавшись спиной к холодному камню, ее глаза мгновенно сканировали комнату. Она искала дульное пламя, искала тень, искала движение.

Ничего.

В комнате не было никого. Кроме нее и мертвого Икши.

Яна медленно, осторожно отделилась от стены. Ее сердце колотилось так сильно, что отдавалось болью в ребрах. Она подошла к телу. Пуля вошла точно в центр лба. Идеальная работа. Профессионал высшего класса.

Она подняла голову и осмотрела потолок. Бетон. Никаких вентиляционных шахт, через которые мог бы пролететь снайпер. Она осмотрела стены. Сплошной камень. Единственная дверь, через которую она вошла, была закрыта изнутри. Окна в подвале не было.

Холод, о котором говорил Икша, теперь был настоящим. Он пробирался под кожу, леденил кровь. Стрелок не был снаружи. Стрелок был в доме. Стрелок был среди людей Тимура.

Кто-то, кому доверяли, кто знал о допросе, кто знал, что Икша собирается раскрыть имя Аида, убрал его. И этот кто-то сейчас пил чай на кухне, или стоял на посту у двери, или

спал в соседней комнате.

Яна вышла из подвала, ее ноги были ватными, но разум кристально ясным. Она поднялась на второй этаж, скользнула в свою комнату. Кир спал, откинувшись на спинку кресла, его дыхание было тяжелым, выматывающим. Он действительно уснул, впервые за последние двое суток. Ник сидел на подоконнике, глядя в темное окно. Он обернулся, когда она вошла, и в его взгляде она прочитала немой вопрос.

Яна подошла к нему, взяла за руку и потянула к двери. Ник понял без слов. Он бесшумно встал, и они вышли в коридор. Из ее комнаты было легко попасть на плоскую крышу бокового крыла особняка через открытое окно. Ник помог ей выбраться, и они оказались под ночным небом Тбилиси.

Воздух на крыше был холодным, пронизывающим. Город внизу спал, лишь редкие огни фонарей отражались в темных водах Куры. Ник сел на край парапета, его длинные ноги свисали вниз. Яна села рядом, поджав ноги, обхватив колени руками. Ветер трепал ее волосы, но она не чувствовала холода. Внутри нее горел огонь.

Ник долго молчал. Он смотрел на нее, его темные глаза в полумраке казались бездонными. Он ждал. Он знал, что она скажет это сама, когда будет готова.

- Что он сказал тебе перед тем, как умер? - спросил Ник наконец. Его голос был тихим, но в нем звенела сталь.

Яна повернула голову, посмотрела на него. Она видела его профиль, резкие линии лица, напряженную челюсть.

- Он сказал, что его послал Аид, - произнесла она, и имя прозвучало в ночном воздухе как заклинание. - Он сказал, что Аид хочет меня. Что он будет медленно убивать всех, кто мне дорог, чтобы я принадлежала только ему. И когда он собирался сказать, кто скрывается за этим именем, его убили.

Ник не шелохнулся. Только его пальцы, лежавшие на коленях, медленно сжались в кулаки.

- Пуля в лоб, - сказала Яна, глядя на свои руки. - Изнутри дома. Ник, там не было окон. Не было выходов. Тот, кто стрелял, был в подвале. Или прошел туда без шума, убил Икшу и вышел так, что никто его не заметил.

Ник медленно кивнул. Его разум, отточенный годами охоты и выживания, уже строил модели, перебирал варианты, отсекал невозможное.

- Крыса, - тихо произнес он. - В нашем доме крыса.

Яна почувствовала, как внутри нее все сжимается. Крыса. Предатель. Человек, который ел с ними за одним столом, который пил вино Тимура, который клялся в верности. И этот человек работал на Аида.

- Мы не можем сказать Тимуру, - сказала Яна, ее голос был твердым. - Не сейчас. Если мы скажем ему, он начнет чистку. Он начнет подозревать всех. И крыса это почувствует. Она уйдет в тень. Она начнет действовать быстрее.

Ник повернул голову, посмотрел на нее. В его глазах мелькнуло уважение. Она мыслила как стратег. Как он сам.

- Тогда что мы делаем? - спросил он.

- Мы ищем этого предателя сами, - ответила Яна, и в ее голосе прозвучала та самая холодная решимость, которую он так ценил. - Мы наблюдаем и слушаем. Мы ищем того, кто знает слишком много. Того, кто был в подвале. Того, у кого есть доступ к оружию с глушителем. Мы найдем его, Ник. Чего бы нам это ни стоило.

Ник медленно протянул руку и накрыл ее ладонь своей. Его пальцы были холодными, но его прикосновение было надежным, как скала.

- Мы найдем его, - подтвердил он. - И когда мы найдем его, я позволю тебе самой решить, что с ним делать.

Яна посмотрела на него, и в этот момент она поняла, что их связь изменилась. Она больше не была просто девочкой, которую они защищали. Она стала частью их мира, их тайн, их войны. Нить, которая связывала их, натянулась и стала прочнее стали.

Они сидели на крыше, глядя на спящий город. Где-то внизу, в темных переулках Тбилиси, прятался Аид. Где-то в этом доме пряталась крыса. Но здесь, на крыше, под холодным небом, были они. Треугольник, который только что узнал имя своего главного врага. И они были готовы к войне.

***

Комната была погружена в ту особенную темноту, которая бывает только под утро, когда ночь уже устала, но рассвет ещё не набрался сил, чтобы прорваться сквозь тяжёлые

бархатные шторы. Яна лежала на кровати, укрытая до подбородка, и слушала, как где-то далеко, в садах за их особняком, начинает петь первый петух. Её тело было тяжёлым, измотанным, но разум отказывался отключаться. После разговора с Ником на крыше, после имени Аида, которое повисло в воздухе как приговор, после осознания того, что в их доме есть предатель, сон казался чем-то недостижимым.

Она закрыла глаза. Попыталась считать вдохи. Раз, два, три. На счёте сорок семь её сознание начало плыть, и она провалилась в темноту.

Сон начался не со страха. Он начался с запаха. Запаха её собственной детской комнаты в Коньково. Запаха новых обоев с розовыми мишками, которые мама поклеила перед первым классом. Запаха пластмассовых игрушек на полу и чего-то безопасного, домашнего, того, что должно было быть защитой.

Ей было шесть. Она сидела на столе, прижав к груди плюшевого зайца с оторванным ухом. За окном шёл снег - тот самый, первый снег ноября, который падал в тысяча девятьсот девяносто первом. Она помнила этот снег. Помнила, как он ложился на подоконник мягкими, пушистыми хлопьями. Помнила, как она смотрела на него и думала, что мир добрый. Что мир красивый. Что мир безопасный.

Дверь открылась без звука.

Она не сразу поняла, что происходит. Она просто увидела силуэт в дверном проёме: её папа. Андрей Петрович, биоло-

гический отец. Тот, которого она видела редко, но которого всё равно любила той слепой, безусловной любовью, которой любят дети.

Он вошёл в комнату. Она слышала, как скрипнула половица под его тяжестью. Как он остановился у стола. Как его дыхание стало тяжелее.

- Пап? - прошептала она, в этот момент тапочка с одной ножки соскользнула вниз.

Он не ответил. Он встал около нее, совсем близко, спиной к окну, загораживая свет. Она почувствовала его запах - запах пива, одеколона и чего-то ещё, чего она не могла понять. Чего-то чужого. Чужого и неправильного.

Его рука легла ей на плечо. Тяжёлая. Горячая. Она вздрогнула, но не увернулась. Это же папа. Папа не может быть неправильным!

Его рука скользнула ниже. По руке. По локтю. Она не понимала, что он делает. Ей было шесть. Она не знала, что руки взрослых могут делать с детьми вещи, от которых потом всю жизнь хочется смыть кожу.

Его рука забралась под пижаму.

И тогда она поняла. Не умом - телом. Телом, которое вдруг стало чужим. Которым овладел холод. Которое захотело сжаться, стать маленькой, исчезнуть. Его пальцы коснулись её нижнего белья. И она почувствовала тошноту. Не физическую - экзистенциальную. Тошноту от того, что мир, который ещё минуту назад был безопасным, только что трес-

нул. И из трещины полезло что-то тёмное, липкое, неправильное.

Она хотела закричать. Но горло сжалось. Она хотела оттолкнуть его. Но руки не слушались. Она была парализована — не страхом, а тем самым детским доверием, которое не позволяет ребёнку поверить, что взрослый может сделать с ним что-то плохое.

Его рука забралась под белье, касаясь нежной девственной кожи.

И тогда входная дверь громко хлопнула! Бабушка пришла из магазина! Отец мгновенно отшатнулся. Его рука выскользнула из-под её белья, и она почувствовала, как по коже побежали мурашки - не от холода, а от облегчения. От того, что это закончилось. От того, что его остановил случай.

Он быстро выскочил из комнаты. Тихо. Как крыса.

Бабушка в этот момент зашла к Яне в комнату.

- Папа тебя покормил, деточка? Поиграл с тобой? - спросила она.

И тогда Яна рассказала. Всё. Как могла. Детскими словами, путаясь, краснея, чувствуя, как внутри разрастается что-то липкое, грязное, от чего хочется спрятаться под землю.

Бабушка слушала. Молча. А потом - взмахнула рукой.

- Как ты сумеешь такое про отца говорить, хамка! - закричала она. - Он не мог такого сделать. Он же твой отец!

И мир треснул во второй раз.

Вечером пришла мама. И Яна рассказала ей. Снова. Теми

же словами. С той же надеждой - что мама поверит! Что мама защитит. Что мама - это та, кто всегда на стороне ребёнка!

Мама посмотрела на неё долгим, странным взглядом. И сказала:

- У тебя больная фантазия, Яна. Ты придумываешь нехорошие вещи. Так нельзя.

И мир рухнул окончательно.

Она вернулась в свою комнату. Закрыла дверь. Села на пол, прислонившись спиной к двери. И скатилась вниз, чувствуя, как изнутри поднимается что-то огромное, чёрное, невыносимое. Впервые в жизни она подумала о смерти. Не как о чём-то страшном. А как об облегчении. Как о способе прекратить чувствовать эту грязь, эту липкость, это ощущение, что она сама - неправильная. Что она сама - виноватая. Что с ней что-то не так.

1991 год. Ей было шесть лет. Она была первоклассницей.

***

Яна закричала.

Это был не крик - это был вопль. Вопль, который шёл не из горла, а из самой глубины её существа. Из той шестилетней девочки, которая пять лет сидела запертой в подвале её души. Из той, которая скатывалась по двери и хотела умереть. Из той, которую никто не услышал. Из той, которой никто не поверил.

Она села на кровати, дёрнув простыню, её руки метались в воздухе, будто отгоняя невидимого врага. Её глаза были

широко раскрыты, но они не видели комнаты. Они видели ту детскую. Те обои с мишками. Тот снег за окном. Ту руку, которая забиралась под белье.

Дверь распахнулась с грохотом.

Первым вбежал Кир. За ним - Ник, Тимур, Сократ, Раф. Они двигались как одна машина, их руки уже тянулись к оружию, их глаза сканировали комнату в поисках угрозы. Но угрозы не было. Была только Яна. Маленькая, дрожащая, сидящая на кровати в мокрой от пота пижаме, с широко раскрытыми глазами, в которых плескался такой ужас, что Кир почувствовал, как у него внутри что-то оборвалось.

- Ян! - Кир бросился к ней первым, опустился на колени у кровати, протянул руки. - Малая, ты где? Ты с нами? Это сон! Это просто сон!

Но она не слышала его. Она была там. В тысяча девятьсот девяносто первом. В Коньково. В той комнате. Ей было шесть. И она была одна.

- Яна! - голос Ника прозвучал как удар хлыста. Тихий, но такой, что пронзил её туман. - Яна, посмотри на меня. Посмотри.

Она медленно, очень медленно повернула голову. Её глаза нашли его. И в этот момент что-то в ней сломалось. Не сломалось - раскрылось. Пятилетняя плотина, которую она строила всю жизнь, которая держала в себе эту память, эту боль, эту грязь, - дала трещину.

И всё хлынуло наружу.

- Он... - прошептала она. Её голос был таким тихим, что Кир наклонился ближе. - Он пришёл. Во сне. Он снова пришёл.

- Кто пришёл, малая? - голос Кира был мягким, но в нём звенела сталь. - Кто?

Она закрыла глаза. Слёзы покатились по её щекам - горячие, солёные, бесконечные. Она не могла говорить. Горло сжалось. Внутри поднималась та самая тошнота - экзистенциальная, та, что она чувствовала в шесть лет. Та, которую она не чувствовала даже в цыганском притоне, даже перед Демной, даже когда Виктор смотрел на неё своим сальным взглядом. Потому что то было снаружи. А это - внутри. Это было в ней самой. В её памяти. В её теле.

- Папа, - выдохнула она наконец. - Мой... биологический. Андрей Петрович.

В комнате повисла тишина. Не та, что бывает после выстрела. Та, что бывает после того, как рушится мир.

Тимур, стоявший у двери, медленно сжал кулаки. Сократ, стоявший рядом с ним, закрыл глаза. Раф, который всегда был каменным, отвёл взгляд. Ник опустился на колени рядом с Киром, его лицо стало белым, как мел.

- Что он сделал, Яна? - голос Кира был хриплым, сорванным. - Расскажи нам. Пожалуйста.

Она посмотрела на него. И в её взгляде было столько боли, что Кир почувствовал, как у него перехватывает дыхание.

- Мне было шесть, - начала она, и её голос дрожал, но она

заставила себя говорить. - Я только пошла в первый класс. Мы жили в Коньково. В нашей квартире. Мама была на работе. Бабушка была в магазине. А я... я была в своей комнате. Играла, сидя на столе, смотрела в окно.

Она сделала паузу. Глотнула воздуха. Её руки дрожали.

- Он вошёл. Без стука. Встал у окна, закрыв собой весь свет. И... - она замолчала, её лицо исказилось от боли. - Он полез под пижаму. Под трусики. Он трогал меня. Там, где... где не должен был трогать взрослый.

Кир закрыл глаза. Его кулаки сжались так сильно, что ногти впились в ладони. Ник медленно, очень медленно выдохнул, и этот выдох был похож на рык раненого зверя.

- Я пробовала кричать, - продолжала Яна, и её голос стал громче, истеричнее. - Я хотела закричать раньше, но не могла. Я была парализована. Я не понимала, что происходит. Я думала... я думала, что так и должно быть. Что папа может делать с дочкой такие вещи. Я думала, что это я неправильная. Что это во мне что-то не так.

Она остановилась, чтобы глотнуть воздуха. Слёзы текли по её лицу, капали на пижаму.

- Пришла бабушка. Он встал и ушёл. А я... я рассказала ей. Всё. Как могла. Детскими словами. Я думала, она меня защитит. Я думала, она поверит.

Яна горько рассмеялась. Звук был страшным - смех, в котором не было ничего смешного.

- Она сказала, что я фантазирую. Что я хамка. Что папа

не мог такого сделать.

Она повернулась к маме - вернее, к тому месту в комнате, где её мама стояла в её воспоминаниях.

- Вечером пришла мама. И я рассказала ей. И она... она сказала, что у меня больная фантазия. Что я придумываю нехорошие вещи.

Яна посмотрела на них - на Кира, на Ника, на Тимура, на Сократа, на Рафа. В её глазах стояли слёзы, но в них уже не было той детской растерянности. В них была ярость. Ярость, которая копилась пять лет.

- Я вернулась в комнату. Села на пол. Прислонилась к двери. И скатилась вниз. И впервые в жизни подумала о смерти. Мне было шесть лет. Я хотела умереть. Потому что думала, что я грязная. Что я виноватая. Что со мной что-то не так.

Она замолчала. Её тело сотрясалось от рыданий. Кир протянул руку, обнял свою малышку, прижал к себе. Она уткнулась лицом в его плечо, и её рыдания стали глухими, подавленными.

- А потом... - прошептала она ему в рубашку. - А потом был Виктор. В самолёте. Тот стюард. Он полез под свитер. Он дышал мне в шею. И я... я почувствовала то же самое. Ту самую тошноту. Тот самый ужас. Не потому что он был страшнее Икши или Демны. А потому что он напомнил мне. Он разбудил то, что я запрятала. То, о чём я не говорила никому. Никогда. До сегодня.

Она подняла голову, посмотрела на них. Её лицо было

мокрым от слёз, но в глазах горел огонь.

- Я думала, что я сломанная. Что я грязная. Что я сама виновата, потому что... потому что не смогла его остановить. Потому что не закричала. Потому что позволила ему это сделать. Потому что... потому что потом мама и бабушка сказали, что я выдумываю. И я поверила им. Я поверила, что это я придумала. Что это я виновата.

Кир крепче сжал её. Его собственное лицо было мокрым, но он не обращал на это внимания.

- Малая, - прошептал он. - Посмотри на меня.

Она подняла глаза.

- То, что с тобой случилось, - сказал Кир, и его голос дрожал, но каждое слово было твёрдым, как сталь. - Это не твоя вина. Ты слышишь меня? Это не твоя вина. Никогда. Ни в шесть лет. Ни сейчас.

- Но я не закричала... - начала она.

- Ты была ребёнком, - перебил её Ник. Его голос был тихим, но в нём было столько силы, что она замолчала. - В шесть лет. Ты была ребёнком. Ребёнок не может дать согласие. Ребёнок не может нести ответственность. Ребёнок не виноват. Никогда. Ни в чём. Виноват только взрослый. Тот, кто должен был защищать. А не трогать.

Яна посмотрела на него. В его глазах не было жалости. Была ярость. Ярость, которая горела так ярко, что она почувствовала, как её собственная ярость находит отклик.

- Тимур, - прошептала она, поворачиваясь к нему. - По-

чему они не поверили? Почему мама не поверила? Почему бабушка?

Тимур подошёл ближе. Он опустился на корточки перед её кроватью, так что их глаза оказались на одном уровне. Его лицо было каменным, но в глазах стояли слёзы.

- Доченька, потому что они были слабыми, - сказал он тихо. - Потому что правда о таком - это то, что большинство людей не готовы принять. Им проще сказать, что ребёнок выдумывает. Потому что если они признают, что это правда, им придётся признать, что они не защитили. Что они подвели и предали собственную дочь. Что они - трусы. И они выбрали трусость. Они выбрали не видеть.

Он сделал паузу.

- Но это их выбор. Не твой. Это их слабость. Не твоя вина. Ты была права. С самого начала. Ты чувствовала правду. Твоё тело знало. Твоя душа знала. А они... они просто не имели смелости услышать.

Яна закрыла глаза. Её тело сотрясалось от рыданий, но что-то внутри неё начало меняться. Что-то, что было зажато, спрятано пять лет, начало медленно разжиматься.

- Я грязная, - прошептала она. - Я чувствую себя грязной. Даже сейчас. Даже спустя столько лет.

Сократ, который до этого молчал, подошёл ближе. Он сел на край кровати, рядом с ней. Его рука, морщинистая, старая, но сильная, легла ей на голову.

- Послушай меня, девочка, - сказал он тихо. - Я буду го-

ворить медленно, и ты будешь слушать каждое слово.

Она открыла глаза, посмотрела на него.

- Ты не грязная, - сказал Сократ. - Грязный тот, кто это сделал. Грязь - это не то, что на тебе. Грязь - это то, что в нём. В твоём отце. В том, кто посмел поднять руку на ребёнка. В твоей матери и бабушке, из-за их недоверия. Грязь - это не прикосновение. Грязь - это намерение. И это намерение было его, а не твоим.

Он сделал паузу, давая словам улечься.

- Твоё тело - это храм. Оно всегда было храмом. Даже когда его оскверняли. Осквернение не делает храм грязным. Оно делает грязным того, кто посмел в него войти без разрешения. Ты понимаешь?

Яна медленно кивнула.

- Твоя душа, - продолжил Сократ, - знала, что происходит. Твоя душа кричала. Но твоё тело было маленьким, слабым, ребёнком. И оно замерло. Это не трусость. Это биология. Так тело защищает себя от невыносимой боли. Оно отключается. Оно прячет тебя внутрь. Чтобы ты выжила. Чтобы ты могла потом, когда вырастешь, рассказать. Чтобы ты могла потом, когда станешь сильной, отомстить.

Он посмотрел ей прямо в глаза.

- Ты выжила, Яна. Ты не сломалась. Ты стала Кармой. Ты стала той, кто видит. Ты стала той, кто защищает. Ты стала той, кто наказывает. Ты превратила свою боль в силу. И это - не грязь. Это - чистота. Это - свет. Это - то, что делает тебя

тем, кто ты есть.

Яна слушала его, и её слёзы текли уже по-другому. Не от боли. От чего-то другого. От облегчения. От того, что впервые в жизни кто-то говорил ей правду. Ту самую правду, которую она ждала пять лет.

Кир наклонился ближе, его лоб прижался к её лбу.

- Малая, - прошептал он. - Ты знаешь, почему ты так испугалась в самолёте, когда Виктор тронул тебя? Не потому что ты слабая. А потому что твоё тело помнит. Твоё тело помнит ту комнату. Ту руку. Тот запах. И когда Виктор сделал то же самое, твоё тело вернулось туда. В шесть лет. В Коньково. И ты снова была той маленькой девочкой, которую никто не услышал.

Он сделал паузу.

- Но ты больше не та девочка, Яна. Ты слышишь меня? Ты больше не та маленькая девочка, которая скатывалась по двери. Ты - Карма. Ты - та, кто бросила нож в глаз Икше. Ты - та, кто вытащила пулю из Сократа. Ты - та, кто стоит над прахом своего отца. Ты - сильная. Ты - самая сильная из всех, кого я знаю.

Ник положил свою руку поверх руки Кира на её плече.

- И ещё, - сказал он тихо. - Твоё тело принадлежит тебе. Всегда принадлежало. Никто не имеет права на него. Ни отец. Ни муж. Ни кто-либо. Ты имеешь право выбирать, кто к нему прикасается. Ты имеешь право говорить «нет». Ты имеешь право злиться. Ты имеешь право ненавидеть. Ты

имеешь право на всё.

Яна посмотрела на него.

- Я злюсь, - прошептала она. - Я злюсь на него. На маму. На бабушку. Я злюсь на весь мир.

- И это правильно, - сказал Тимур. - Злость - это не грех. Злость - это справедливость. Злость - это то, что говорит тебе, что с тобой поступили неправильно. Что ты заслуживаешь лучшего. Что ты имеешь право на месть. На возмездие. На то, чтобы они заплатили.

Он сделал паузу.

- Но месть - это не только нож или пистолет. Месть - это твоя жизнь. Твоя счастливая жизнь. Твоя жизнь, в которой ты любишь и любима. Твоя жизнь, в которой ты сильна. Твоя жизнь, в которой ты не позволила ему сломать себя. Это - самая страшная месть. Потому что он хотел, чтобы ты была сломанной. А ты - нет. Ты - целая. Ты - больше, чем целая. Ты - Карма.

Яна слушала их, и что-то внутри неё медленно, очень медленно начинало заживать. Не полностью. Не сразу. Но что-то сдвинулось. Что-то, что было зажато тридцать лет, начало освобождаться.

- Я не виновата, - прошептала она. - Это не моя вина.

- Нет, - сказал Кир. - Это не твоя вина.

- Я не грязная.

- Нет, - сказал Сократ. - Ты чистая.

- Я не сломанная.

- Нет, - сказал Ник. - Ты целая.

- Я имею право злиться.

- Да, - сказал Тимур. - Имеешь право.

- Я имею право на свою жизнь.

- Да, - сказал Раф, который до этого молчал. Его голос был тихим, но в нём было столько силы, что она вздрогнула. - Имеешь право. На всё.

Яна закрыла глаза. Её тело всё ещё дрожало, но это была уже другая дрожь. Не от ужаса. От освобождения. От того, что впервые в жизни она сказала это вслух. Впервые в жизни её услышали. Впервые в жизни ей поверили. Не обозвали больной или хамкой.

- Спасибо, - прошептала она. - Спасибо, что выслушали. Спасибо, что поверили. Спасибо, что сказали мне то, что мне нужно было услышать пять лет назад.

Кир поцеловал её в лоб. Ник поцеловал её в висок. Тимур положил руку ей на голову. Сократ гладил её по волосам. Раф стоял рядом, его рука лежала на её плече.

Они были её геометрической идеальной фигурой. Её семьёй. Её защитой. И они только что сделали то, чего не сделали её родные. Они услышали. Они поверили. Они исцелили.

- Ты знаешь, малая, - тихо сказал Кир, - что самое страшное в том, что с тобой случилось?

Она покачала головой.

- Самое страшное - это не то, что он сделал. Самое страш-

ное - это то, что тебе пришлось нести это одной. Пять лет. Пять лет ты носила эту боль в себе. Пять лет ты думала, что ты одна. Что никто не поймёт. Что никто не поверит.

Он сделал паузу.

- Но теперь ты не одна. Ты слышишь меня? Ты больше никогда не будешь одна. Мы здесь. Мы всегда здесь. И мы верим тебе. Всегда. Во всём.

Яна открыла глаза. Посмотрела на них. На Кира, чьё лицо было мокрым от слёз. На Ника, чьи глаза горели яростью и любовью. На Тимура, чьё лицо было каменным, но в глазах стояла нежность. На Сократа, чья рука всё ещё лежала на её голове. На Рафа, чьё молчание было громче любых слов.

- Я верю вам, - прошептала она. - Я верю, что вы здесь. Я верю, что я не одна.

- Потому что ты не одна, - сказал Тимур. - Ты - Карма. А у Кармы всегда есть те, кто стоит рядом. Всегда.

Они сидели так долго. В предрассветной комнате. В особняке Тимура. В Тбилиси. Пятеро мужчин и одна девочка, которая наконец-то рассказала то, что хранила в себе пять лет. Которая наконец-то была услышана. Которая наконец-то поверила, что она не грязная. Не сломанная. Не виноватая.

За окном начинало светать. Первые лучи солнца пробивались сквозь шторы, падая на её лицо. И в этом свете она выглядела по-другому. Не как жертва. Не как сломанная девочка. А как та, кто выжил. Кто победил. Кто стал Кармой.

- Я хочу спать, - прошептала она наконец. - Но... не ухо-

дите. Пожалуйста. Побудьте со мной.

- Мы никуда не уйдём, - сказал Кир. - Мы здесь. До утра. До вечера. До конца света. Мы здесь.

Они уложили её обратно в кровать. Кир лёг слева. Ник - справа. Тимур сел в кресло у окна. Сократ - на стул у двери. Раф остался стоять у стены, как всегда, невидимый, но присутствующий.

Яна закрыла глаза. И в этот раз, когда сон пришёл, он был другим. В нём не было той комнаты. Не было обоев с мишками. Не было руки, которая забиралась под пижаму. В нём был свет. Тёплый, золотой свет. И в этом свете она была не одна. С ней были они. Кир. Ник. Тимур. Сократ. Раф. И они держали её за руки. И они говорили ей: "Ты не одна. Ты никогда не была одна. Ты - наша Карма. И мы - твои".

Она уснула. И в этот раз её сон был спокойным. Без кошмаров. Без ужаса. Без той маленькой девочки, которая скатывалась по двери.

Потому что та маленькая девочка наконец-то была услышана. Наконец-то была принята. Наконец-то была любима.

И она могла отдохнуть.

***

Утро пришло мягко, без резких звуков. Солнце уже стояло высоко, когда Яна открыла глаза. Она лежала в кровати, между Киром и Ником, которые всё ещё спали — Кир, обняв её за талию, Ник, держа её руку в своей. В кресле у окна спал Тимур, его голова была откинута назад, трубка выпала

из руки. Сократ спал на стуле, его книга лежала на коленях. Раф стоял у стены, но его глаза были закрыты.

Яна посмотрела на них. На свою семью. На своих защитников. На тех, кто услышал. Кто поверил. Кто исцелил.

И она улыбнулась. Впервые за долгое время - по-настоящему. Не той улыбкой, за которой пряталась боль. А той, которая идёт изнутри. Из того места, которое тридцать лет было заперто. Которое теперь начало открываться.

Она медленно, осторожно, высвободилась из объятий Кира и Ника. Встала с кровати. Подошла к окну. Распахнула шторы.

Солнце залило комнату. И в этом свете она стояла - маленькая, хрупкая, но сильная. Сильная, как никогда. Потому что она наконец-то сказала правду. Наконец-то была услышана. Наконец-то была свободна.

Не полностью. Не сразу. Но что-то внутри неё изменилось. Что-то, что было зажато тридцать лет, начало освобождаться. Что-то, что было спрятано, начало выходить на свет. Что-то, что было сломано, начало заживать.

Она повернулась к ним. К своей семье. К своим защитникам. К тем, кто дал ей то, что ей не дали родные.

- Спасибо, - прошептала она. - Спасибо за всё.

И они, просыпаясь, один за другим, поднимали на неё глаза. И в их глазах она видела то же самое. То, что она чувствовала сама. Любовь. Принятие. Веру.

Они были её семьёй. Её исцелением.

И они были с ней. Всегда.

Глава 39

Глава 39. Белый бык

Читать под трек **«Белый бык» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны.**

Крыша особняка Тимура в Тбилиси была не просто крышей. Это была крепость, выложенная старой черепицей, которая помнила еще османские времена. Отсюда открывался вид на весь город: на узкие улочки Сололаки, на крепость Нарикала, на реку Куру, которая в темноте казалась черной змеей, ползущей между холмами.

Яна стояла у парапета, обхватив себя руками за плечи. Ночь была теплой, но ее пробирала дрожь. Не от холода. От того, что произошло сегодня днем. От осознания того, что кто-то из их людей предал. Кто-то слил Икше информацию о маршруте. Кто-то поставил под удар ее жизнь.

Пару минут назад она не могла уснуть. Ворочалась, пыталась найти удобное положение, но сон не приходил. В голове крутились мысли о предателе. Кто это мог быть? Раф? Сократ? Кто-то из новых людей?

За ее спиной скрипнула черепица. Яна не обернулась. Она знала этот шаг. Легкий, бесшумный, но для нее — узнаваемый.

- Тебе нельзя здесь быть, - голос Ника прозвучал тихо, но

в нем не было упрека. Только усталость. - Тимур убьет меня, если узнает.

- Тимур спит, - Яна не обернулась. - А ты не спишь. И Кир не спит. И Раф ходит по коридору третий час подряд. Вы все чего-то ждете.

Ник подошел ближе. Она почувствовала его присутствие спиной - тепло, напряжение, готовность защитить. Он встал рядом, оперся о парапет, глядя на тот же город.

- Ты чувствуешь это, - сказал он. Это не был вопрос.

- Предателя? - Яна наконец повернула голову. В лунном свете его лицо казалось высеченным из камня. - Да. Я чувствую, что кто-то из наших предал. Кто-то слил информацию Икше.

Ник молчал. Его профиль был резким, жестким. Челюсть сжата.

- Это был не просто сбой в системе, Ян, - тихо сказал он наконец. - Кто-то из наших передал Икше точное время, когда мы будем везти груз через старый порт. Кто-то знал, что охрана сменится в 14:30. Кто-то знал, что Раф будет ранен и его заменит новичок.

Яна почувствовала, как холод пробежал по спине.

- Икша жив, - сказала она. - Он все еще на свободе.

- Да, - Ник кивнул. - И это не случайность. Это чья-то работа.

Она посмотрела на него, и в ее глазах был вопрос, который она боялась задать.

- Кто? - тихо спросила Яна. - Кто из наших?

Ник медленно покачал головой. Его рука легла на парапет, пальцы сжались так сильно, что костяшки побелели.

- Мы не знаем, - признался он. И в этом признании было что-то страшное. Ник никогда не признавался в незнании. - Но мы найдем. Кир уже начал проверку. Раф проверяет всех, кто был в порту. Сократ анализирует звонки, переписку, перемещения.

- Сколько человек знали о маршруте?

Ник повернулся к ней. В его темных глазах она увидела то, что он так тщательно скрывал: страх. Не за себя. За нее.

- Пять, - тихо сказал он. - Тимур, Кир, я, Раф и Фанси. Но это невозможно. Фанси с Тимуром сорок лет. Он скорее умрет, чем предаст.

- Но кто-то предал, - Яна обхватила себя руками крепче. - Иначе Икша не знал бы, где нас ждать.

Ник смотрел на нее. На ее лицо, бледное в лунном свете. На ее глаза, в которых больше не было детского доверия. Только холодный, расчетливый анализ.

- Есть еще одна деталь, - тихо сказал Ник. - О которой я не сказал даже Киру.

Яна насторожилась.

- Какая?

Ник огляделся. Крыша была пуста. Только они двое. Но он все равно наклонился к ней, говорил шепотом.

- Тимур показал мне фотографию, - прошептал он. - Ту,

что нашли в квартире, которую арендовала разведка Икши. Там были фотографии всех нас. Тимура. Фанси. Кира. Меня. Рафа. Сократа.

- И меня? - Яна почувствовала, как сердце забилось чаще.

- И тебя, - Ник кивнул. - Но это не самое страшное.

- А что?

- На фотографии, где была ты... - Ник замолчал, сглотнул. - На ней было написано. От руки. Красными чернилами.

Яна замерла.

- Что написано?

Ник посмотрел ей прямо в глаза. И в его взгляде было что-то такое, от чего ей захотелось убежать. Спрятаться. Исчезнуть.

- «Она моя», - тихо сказал он.

Яна почувствовала, как мир вокруг нее рушится. Как земля уходит из-под ног. Как воздух становится густым, тяжелым, невозможным для дыхания.

- Она моя, - повторила она шепотом.

- Да, - Ник сжал ее плечи обеими руками. - И теперь ты понимаешь, почему мы не спим. Почему Раф ходит по коридору. Почему Кир проверяет каждый замок, каждое окно.

- Он придет за мной, - Яна смотрела на него широко раскрытыми глазами. - Аид придет.

- Мы найдем их, - тихо сказал Ник. - Кир найдет предателя. Я найду Аида. И мы...

- Вы ничего не найдете, если будете искать по отдельности,

- Яна повернулась к нему. - Мы должны быть вместе. Треугольник. Ты. Кир. Я. Только так мы сможем их победить.

Ник посмотрел на нее. В его темных глазах мелькнуло что-то. Не страх. Не сомнение. Принятие.

- Ты права, - тихо сказал он. - Мы Треугольник. И мы держимся вместе.

Он протянул руку. Медленно. Осторожно. Яна посмотрела на его ладонь. Широкая. Сильная. С шрамами.

Она положила свою руку в его ладонь.

- Обещаешь? - тихо спросила она. - Что не отпустишь? Что будешь рядом?

Ник сжал ее руку. Крепко. Навсегда.

- Клянусь, - прошептал он. - Пока я дышу, никто не тронет тебя. Ни предатель. Ни Аид. Никто.

Они стояли так долго. На крыше. Под луной. Двое. Связанные клятвой и страхом. Связанные чем-то большим, чем они сами понимали.

Внезапно Ник медленно опустился на одно колено перед ней, чтобы их глаза оказались на одном уровне. Его лицо было серьезным, но в уголках губ плясала едва заметная искорка.

- Ты знаешь, - тихо сказал он, - я всю жизнь живу в темноте. В такой тьме, где нет звезд, нет луны, нет ничего. Только тени и кровь.

Яна нахмурилась, ее маленькие пальцы сжали край его рубашки.

- Но потом появилась ты, - продолжал Ник, и его голос стал мягче, теплее. - И принесла с собой свет. Твой смех... он как солнце в моем аду. Твоя улыбка... она спасает меня каждый раз, когда я тону.

Он вдруг быстро, ловко ткнул пальцем ей в бок - ровно туда, где была самая чувствительная точка.

Яна взвизгнула от неожиданности и рассмеялась - настоящим, звонким смехом, который заполнил всю крышу. Она попыталась оттолкнуть его, но Ник уже обнял ее, прижал к себе, и они оба смеялись, кружась на месте.

- Ник! - выдохнула она, пытаясь вырваться, но ее смех был слишком громким, слишком счастливым. - Перестань! Щекотно!

- Скажи, что я твой любимый щекотун, - потребовал Ник, не отпуская ее, его темные глаза блестели озорством.

- Никогда! - рассмеялась Яна, но потом сдалась, обмякла в его объятиях. - Ладно, ладно! Ты мой любимый щекотун!

Ник замер. Он вдруг перестал смеяться, просто смотрел на нее - на ее раскрасневшееся лицо, на сияющие глаза, на улыбку, которая была ярче любого солнца. И в этот момент он понял: это нужно сохранить. Этот кусочек счастья. Этот свет. В его постоянной тьме это было единственным, что имело значение.

Он медленно, бережно обнял ее, прижал к себе так нежно, словно она была сделана из хрусталя.

- Ты мой свет, Ян, - прошептал он ей в волосы, и его голос

дрогнул. - Твоя улыбка... она реально спасает меня. Каждый день. Каждую ночь. Без тебя я бы просто... исчез.

Яна затихла в его объятиях. Потом медленно подняла голову, посмотрела на него своими темными, мудрыми глазами.

- Звучит как начало нашей песни, - тихо сказала она. - «Ты мой свет, ты мой свет, твоя улыбка спасает...»

Ник медленно улыбнулся. Он провел пальцем по ее щеке, стирая остатки смеха.

- Тогда напиши ее, малышка, - сказал он мягко. - Ты же у нас талант. Пишешь стихи, рассказы... Напиши нашу песню. Ту, которую мы будем слушать, когда все закончится. Когда мы победим.

- А мы победим? - тихо спросила Яна.

- Обязательно, - твердо сказал Ник. - Потому что у нас есть свет. А свет всегда побеждает тьму.

Яна медленно кивнула. Она прижалась к нему еще крепче, и в этот момент они были просто двумя людьми - не защитником и не той, кого защищают. Просто двумя душами, которые нашли друг друга в этом безумном мире.

- Я напишу, - пообещала она. - Я напишу нашу песню. И она будет самой красивой.

- Я верю тебе, - прошептал Ник. - Всегда.

***

Рынок Дезертирка в начале тысяча девятьсот девяносто седьмого года был не просто местом торговли. Это был жи-

вой, дышащий, пульсирующий организм, который просыпался вместе с солнцем и не засыпал до глубокой ночи. Воздух здесь был густым, почти осязаемым, пропитанным запахами, которые наслаивались друг на друга, создавая сложный, пьянящий аромат. Пахло жареным мясом и курдючным жиром, свежим лавашом, который только что вынули из тонэ, сушеными травами, корицей, кардамоном и пыльной, прогретой солнцем брусчаткой. Голоса торговцев сливались в непрерывный, гортанный гул, в котором угадывались грузинские, армянские, азербайджанские и русские интонации. Это был Вавилон, сошедший с библейских страниц и обосновавшийся в самом сердце старого Тбилиси.

Яна шла рядом с Фанси, стараясь не отставать от его широкого, размеренного шага. Дедушка двигался сквозь толпу с той особой, естественной грацией, которая свойственна людям, привыкшим к власти и уважению. Ему не нужно было расталкивать людей локтями или повышать голос. Толпа сама расступалась перед ним, чувствуя ауру, которую он излучал. Люди постарше, узнавая его, почтительно кивали, прикладывая руку к груди. Молодые просто отводили глаза, инстинктивно уступая дорогу. Яна чувствовала себя в полной безопасности, находясь в его тени, но ее взгляд был начеку. Она сканировала лица, движения рук, оценивала расстояния. Это стало ее второй натурой после падения в горах и после того, как она впервые взяла в руки нож.

Они шли не к обычным прилавкам. Фанси вел ее вглубь

рынка, туда, где узкие проходы между рядами становились еще теснее, где над головой нависали брезентовые навесы, отбрасывая причудливые, дрожащие тени. Здесь пахло не только специями, но и старым железом, кожей, медью и чем-то неуловимо древним. Им нужно было встретиться с человеком, которого в определенных кругах называли просто Баро. Главным цыганским бароном всей Грузии. Старым другом Фанси, человеком, чье слово весило больше, чем указы местных властей, и чья сеть информаторов простиралась от Батуми до Тбилиси и дальше, за пределы Кавказа.

Яна любила такие места. Любила наблюдать за людьми, за их маленькими хитростями, за тем, как они торгуются за копейки, за тем, как их глаза загораются при виде красивой безделуки. Она шла, слегка отстав от Фанси, разглядывая прилавок с медными кувшинами, покрытыми зеленой патиной времени, как вдруг внутри нее что-то оборвалось.

Это было не физическое ощущение. Это был удар по нервной системе. Холодный, липкий, тошнотворный взгляд. Он скользнул по ее спине, по затылку, по рукам, и у Яны мгновенно перехватило дыхание. Она знала этот взгляд. Она чувствовала его кожей, как чувствуют приближение грозы или запах газа. Этот взгляд раздевал. Не в том смысле, в котором смотрят мужчины на красивых женщин. Он раздевал душу. Он искал слабые места, он оценивал, он присваивал. Он был грязным.

Яна замерла. Ее сердце пропустило удар, а затем забилось

где-то в горле, отдавая тупой болью в висках. Она медленно, очень медленно обернулась.

Толпа была плотной, пестрой, шумной. Мимо прошла женщина с огромной корзиной хурмы на голове, мимо прокатился мальчишка, кричащий что-то на грузинском. И там, в проходе между прилавком с коврами и лавкой старьевщика, стоял он.

Андрей Петрович.

Ее биологический отец.

Он выглядел так же, как в ее кошмарах, когда они снились ей, бесцеремонно срывая щиты, за которыми она пыталась от него спрятаться вот уже почти шесть лет. Те же тяжелые, мешковатые плечи. То же лицо, которое казалось одновременно знакомым и чужим, покрытое легкой, нездоровой бледностью. Его глаза, маленькие и бегающие, были устремлены прямо на нее. В них читалось то самое, липкое, животное любопытство, которое она помнила с шести лет. Он смотрел на нее так, словно она была вещью. Вещью, которую он когда-то потерял, но теперь нашел снова.

Яна почувствовала, как по спине побежал холодный пот. Внутри поднялась та самая тошнота — экзистенциальная, та, что она чувствовала в той детской комнате с розовыми обоями. Та, которую она не чувствовала даже в цыганском притоне перед Демной. Потому что Демна был чужим. А этот человек был ее кровью. Ее корнем. Ее первоначальной травмой.

Ее рука, сама собой, без участия сознания, дернула Фанси за рукав его тяжелого шерстяного пальто.

Фанси мгновенно остановился. Он не спросил «что случилось». Он просто замер, и его рука, лежавшая на трости, напряглась. Его старые, мудрые глаза мгновенно сканировали пространство, выискивая угрозу. Он понял, что с ней что-то не так. Он почувствовал, как изменилось ее дыхание.

Яна медленно моргнула, заставляя себя сделать вдох. Она отвернулась, прижалась к прилавку с коврами, прячась за спиной Фанси, и закрыла глаза на секунду. Считая до трех. Раз. Два. Три.

Когда она снова открыла глаза и выглянула из-за плеча деда, в проходе между прилавками уже никого не было. Только женщина с хурмой и мальчишка, который уже догнал свой обруч. Андрей Петрович растворился в толпе так же внезапно, как и появился. Как призрак. Как тень.

Яна медленно выдохнула. Ее руки дрожали, но она спрятала их в карманы пальто. Она знала, что это был он. Глаза могли обмануть, мозг мог сыграть злую шутку, нарисовать галлюцинацию из-за усталости или стресса. Но интуиция - та самая старая, древняя интуиция, которая жила в ее крови и которая спасла ей жизнь в подвале с Икшей - никогда не врет. Интуиция говорила ей: он здесь. Он в Тбилиси. Он ищет ее. Или, что еще хуже, он просто наблюдает.

Она могла сказать Фанси. Одно слово. Одно движение его трости, и его люди нашли бы Андрея Петровича через час.

И от него не осталось бы даже мокрого места. Фанси не стал бы задавать вопросов. Он просто уничтожил бы угрозу.

Но Яна не сказала.

Она понимала, почему. Во-первых, это могло привлечь ненужное внимание. Если Аид следит за ними, если в их доме есть крыса, то любое резкое движение, любое убийство, которое не вписывается в их текущую стратегию, может сыграть на руку врагу. Во-вторых, она не хотела, чтобы Фанси знал о той грязи, которая была в ее прошлом. Она не хотела, чтобы в его глазах, полных отцовской любви и гордости, появилось жалость или брезгливость к ее биологическому отцу. Она хотела сохранить его чистым. И, в-третьих, она знала, что если Фанси узнает, что тот человек, который тронул ее в детстве, сейчас ходит по Тбилиси, он выйдет из себя. А ей нужен был Фанси спокойным, мудрым, стратегом.

Она глубоко вдохнула воздух, пахнущий корицей и пылью, и кивнула Фанси.

- Все хорошо, дедушка, - тихо сказала она, ее голос был ровным, хотя внутри все еще дрожало. - Просто поскользнулась. Идем.

Фанси посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. Он не поверил. Он был слишком умен, чтобы поверить в случайное скольжение. Но он увидел в ее глазах твердую просьбу: не спрашивай. Не сейчас. И он, мудрый старик, кивнул в ответ.

- Идем, моя девочка, - произнес он, и его голос был мяг-

ким, как бархат. - Баро ждет нас.

Они свернули в узкий, почти темный переулок, который упирался в высокую, обшарпанную стену. Фанси постучал тростью в определенную точку на стене - три коротких удара, пауза, еще два. Стена, как оказалось, была не стеной, а массивной, обитой железом дверью. Она бесшумно отворилась внутрь, и они шагнули в другой мир.

Внутри, за высокой стеной, скрывался просторный внутренний двор, утопающий в зелени. Посреди двора рос огромный, раскидистый орех, под которым стоял низкий столик, накрытый тяжелой, расшитой золотом скатертью. Вокруг столика лежали пушистые ковры и горы подушек. Воздух здесь был другим. Он пах крепким чаем, горячим сахаром, благовониями и чем-то сладковатым, дурманящим, как аромат ночных цветов.

За столиком сидел мужчина. Ему было трудно определить возраст. Его лицо было темным, покрытым глубокими морщинами, но глаза горели молодым, задорным огнем. На нем была шелковая рубашка цвета бургундского вина, а на пальцах блестело множество тяжелых перстней. Это был Баро. Хозяин этого двора, повелитель цыган Грузии.

- Фанси! - воскликнул Баро, вставая и раскидывая руки. Его голос был громким, бархатным, с сильным акцентом. - Мой старый друг! Моя душа! Дживэ моя!

Фанси улыбнулся, и в этой улыбке растаяла вся его обычная суровость. Он обнял старика, и они трижды поцелова-

лись в щеки.

- Баро, - произнес Фанси, садясь на подушки. - Рад видеть тебя здоровым. Это Яна. Моя внучка. Моя душа.

Баро посмотрел на Яну. Его взгляд был тяжелым, оценивающим, но в нем не было той грязи, которую она увидела у Андрея Петровича. В нем была глубокая, древняя мудрость.

- Садись, джувля, - сказал он, указывая на подушки напротив. - Пей чай. Ешь. В этом доме ты своя.

Яна села, поджав ноги. Служанка, молодая девушка с длинной косой и испуганными глазами, тут же налила ей чай в маленькую стеклянную армуду. Чай был крепким, темным, с привкусом чабреца и меда. Яна сделала глоток, чувствуя, как тепло разливается по телу, смывая остатки холода от встречи с отцом.

Фанси и Баро заговорили. Они говорили на смеси грузинского, русского и цыганского. Яна понимала не все слова, но она улавливала суть. Они говорили о потоках, о людях, о границах, о том, кто кому должен, и кто кого предал. Баро был информатором. Он знал всё. Он знал, где спят воры, где прячутся беглецы, где хранятся краденые миллионы. Фанси пришел за информацией о людях Икши, о тех, кто мог быть связан с Аидом.

Яна слушала вполуха, глядя на узоры на ковре. И вдруг она почувствовала на себе взгляд.

Она подняла голову. На краю двора, у входа в низкую глиняную хижину, стояла женщина. Трудно было сказать,

сколько ей лет. Ее лицо было покрыто морщинами, но кожа была гладкой, как пергамент. Ее глаза были абсолютно черными, без единого блика, и они смотрели на Яну не как на человека. Они смотрели на нее как на явление. Как на знамение.

Женщина не двигалась. Она просто стояла и смотрела. Яна почувствовала, как внутри нее снова натягивается струна. Но это был не страх. Это было странное, тягучее ожидание.

Вдруг женщина открыла рот и закричала.

Ее голос был хриплым, пронзительным, он разорвал тихую беседу Фанси и Баро, как нож режет шелк. Она кричала на цыганском, быстро, отрывисто, и в ее голосе звучало не безумие, а абсолютная, кристальная уверенность.

Баро замер. Фанси медленно обернулся, его рука легла на трость. Служанка уронила поднос, и чай разлился по ковру, но никто не обратил на это внимания.

Женщина сделала шаг вперед, указывая дрожащим пальцем на Яну. Она крикнула еще раз, и на этот раз Яна поняла одно слово, которое повторялось снова и снова, как заклинание:

- Парно Гурувни! Парно Таурус! Белый бык!

Во дворе повисла тишина. Только где-то вдалеке лаяла собака.

Баро медленно встал. Его лицо изменилось. Исчезла приветливость, исчезла хитрость. Осталось только благоговение.

Он посмотрел на женщину, потом на Яну, и его глаза расширились.

- Ты уверена, деж? - спросил он тихо, и его голос дрогнул. - Ты видишь это? Ты уверена, что это она?

Женщина закивала, ее черные глаза сияли счастьем, она подошла ближе и упала на колени перед Яной, касаясь лбом ковра.

- Она! - крикнула она. - Белый бык! Тот, кто помнит! Тот, кто знает!

И тогда двор взорвался.

Из хижин, из-за углов, из подвалов выбежали люди. Мужчины, женщины, дети. Они бежали не с оружием, не с угрозами. Они несли вещи. Кто-то нес поднос с горячим хлебом и солью. Кто-то нес кувшин с вином. Кто-то нес охапку сухих, пахнущих солнцем трав. Они окружали Яну, но не подходили близко, стоя в почетном кругу, их глаза горели восторгом и слезами.

Где-то за стеной зазвучала музыка. Это был не обычный цыганский мотив. Это играл цимбал, и звук его был глубоким, вибрирующим, он проникал в самые дальние уголки души, заставляя сердце биться в такт с древним, забытым ритмом. К цимбалу присоединилась скрипка, ее плач был одновременно радостным и трагичным, как сама жизнь.

Баро подошел к Яне. Он двигался медленно, с той торжественностью, с которой короли подходят к алтарю. Он опустился на колени прямо перед ней, на ковер, и это зрелище

заставило Фанси тихо ахнуть. Баро, повелитель цыган, встал на колени перед одиннадцатилетней девочкой.

- Джувля, - сказал Баро, и его голос был тихим, но его слышали все. - Прости нас за наш шум. Прости за нашу дерзость. Но пророчество, которое было дано нашим дедам, и дедам их дедов, сбылось.

Яна сидела неподвижно. Она не знала, что сказать. Она смотрела на старика, на его склоненную голову, и чувствовала, как внутри нее разливается странное, теплое чувство. Чувство принадлежности. Чувство, что она не одна. Что она часть чего-то огромного, древнего и прекрасного.

- Много веков назад, - продолжал Баро, не поднимая головы, - наши пророки увидели знак. Они увидели, что в мире, который будет тонуть в крови и лжи, придет тот, кто помнит. Тот, кто несет в себе душу быка. Быка, который не бодает без причины, но который может снести любую стену, если его загнать в угол. Белого быка, чья сила не в ярости, а в памяти. В памяти о чести. В памяти о крови.

Он поднял голову и посмотрел на Яну. В его глазах стояли слезы.

- Мы искали тебя, джувля. Мы искали тебя во всех уголках света. Мы смотрели на каждую девочку, на каждую женщину, пытаясь найти тот взгляд. Тот взгляд, который видит сквозь время. И мы нашли тебя здесь, в Тбилиси. В доме Тимура. В тени Фанси.

Баро обернулся и кивнул кому-то в толпе. Двое мужчин

вынесли вперед небольшой, тяжелый сундучок. Он был сделан из темного, потрескавшегося от времени дерева, окованного потускневшим серебром. На нем лежали следы копоти и пыли. Это была вещь, которая пережила войны, пожары и века.

Мужчины открыли сундучок. Внутри, на бархатной подушке, лежала цепочка. Тонкая, изящная, из белого золота, которое не тускнеет со временем. А на цепочке висел кулон. Небольшой, но тяжелый на вид, в форме головы быка. Бык был изображен с опущенной головой, готовый к броску, но его глаза были спокойными. Мудрыми.

Баро встал. Он взял цепочку дрожащими руками и подошел к Яне.

- Прими это, хурдо, - сказал он. - Это не подарок. Это признание. Это честь для нас, что мы можем служить тебе. Носи это. И знай, что отныне каждый ром, каждый цыган, от Бухареста до Мадрида, от Москвы до Тбилиси, будет знать этот знак. Если ты позовешь, если ты покажешь этот знак, мы придем. Мы поможем и укроем. Мы убьем, если потребуется. Ты больше не одна. У тебя есть семья. Большая, чем та, в которой ты родилась.

Яна медленно встала. Ее ноги были ватными, но она заставила себя стоять прямо. Она вспомнила слова Тимура. О чести. О том, как принимать дары. О том, что слабость в такие моменты недопустима.

Она наклонила голову, позволяя Баро накинуть цепочку

на ее шею. Металл был холодным, но он мгновенно нагрелся от ее кожи, становясь продолжением ее тела. Кулон тяжело лег на грудь, прямо над сердцем.

Яна подняла руку и коснулась быка. Она почувствовала его холодный, гладкий металл, и в этот момент она поняла. Она поняла, почему Фанси увидел белого быка на Новый год. Почему Сократ говорил о ее силе. Почему она выжила. Почему она помнит то, чего не должна помнить.

- Благодарю вас, батоно Баро, - сказала Яна, и ее голос прозвучал твердо, без дрожи. - Я принимаю это и буду хранить это. Я буду оберегать честь, которую вы мне доверили. И если вам когда-нибудь понадобится моя помощь, я приду.

Баро улыбнулся, и его лицо расцвело. Он снова упал на колени и поцеловал край ее пальто. За ним последовали остальные. Люди падали на колени, касались ее рук, ее одежды, плакали и смеялись одновременно. Музыка цимбала достигла своего пика, заполняя двор, заполняя ее душу, стирая границы между прошлым и будущим.

Когда они уходили, Фанси молчал. Он шел рядом с ней, его трость стучала по брусчатке, но его рука лежала на ее плече, сжимая его с нежной, почти болезненной гордостью.

- Ты знаешь, что ты только что сделала, внучка? - тихо спросил он, когда они вышли из ворот и снова оказались в шумном, пахнущем специями лабиринте Дезертирки.

- Я приняла их помощь, дедушка, - ответила Яна, касаясь кулона под пальто.

- Ты сделала больше, - сказал Фанси, и в его глазах блестели слезы. - Ты дала им смысл. Ты стала для них знамением. Теперь у тебя есть глаза и уши по всему миру. Аид может прятаться в тени. Икша может прятаться в горах. Но цыгане видят всё. Цыгане знают всё. И теперь они знают тебя.

Яна кивнула. Она шла по улице, чувствуя тяжесть белого быка на груди. Этот вес был приятным. Он был как щит. Как броня.

Но где-то в глубине души, под слоем этого нового, огромного счастья и силы, все еще теплился холодный уголек страха. Андрей Петрович. Он видел ее. Он знает, что она здесь. И теперь, когда у нее была эта сила, когда она была Белым Быком, он не отступит. Он будет наблюдать. Он будет ждать.

Яна сжала кулаки. Пусть ждет. Пусть наблюдает. У нее теперь есть Фанси. У нее есть Тимур. У нее есть Кир и Ник. И у нее есть весь цыганский мир.

Она посмотрела на небо над Тбилиси. Оно было чистым, голубым, бескрайним. И впервые за долгое время она почувствовала, что она не просто выживает. Она живет. Она растет. Она становится той, кем ей суждено быть.

И если Аид думает, что может забрать ее, он ошибается. Белый бык не идет на заклание.

Белый бык идет в бой.

2026 © Яна Деева • Постер к криминально-философской саге:
«КАРМА: История девочки, перед которой замирали авторитеты»

Глава 40

Глава 40. Вычистить ванну до блеска!

Читать под трек **«КАРМА» Егор Крид, ARTIK&ASTI**

Утренняя земля в саду особняка Тимура была холодной и влажной, пахнущей прелой листвой, горной росой и чем-то первозданным, что не поддается словесному описанию. Яна стояла на коленях на мягкой, податливой почве, ее пальцы, уже покрытые тонким слоем темного грунта, уверенно разминали комья, подготавливая место для посадки. Она выбрала этот угол сада не случайно. Здесь, за высокой каменной стеной, увитой диким плющом, было тихо. Сюда не долетал гул тбилисских улиц, сюда не проникал тяжелый, пропитанный табачным дымом воздух гостиной, где сейчас, она знала это каждой клеточкой своего тела, собрались они. Мужчины. Ее тени. Ее щит. Ее семья.

Она опустила в выкопанную ямку корень саженца горной лаванды — растения, которое, как ей сказал садовник, выживает там, где другие погибают, цепляется за камни и не сдается ветрам. Яна придавила землю ладонями, чувствуя, как холодный сок стебля обжигает кожу, и этот легкий, почти незаметный укол вернул ее в реальность. Вчерашняя ночь, подвал, мертвый Икша с простреленным лбом, крик Икши перед смертью, а потом — сон. Тот самый сон, из которого она вынырнула с криком, разрывая тишину дома, тот сон, где

ей снова было шесть, где пахло розовыми обоями и чужой, липкой бедой. Она рассказывала им. Она впервые за пять лет, которые на самом деле были всего лишь одиннадцатью, но ощущались как вечность, произнесла это вслух. И они не отвели глаз. Они не сказали, что она выдумала. Не обозвали хамкой, как это сделали родные. Они просто были рядом, и их молчание было громче любых клятв.

Яна вытерла лоб тыльной стороной грязной руки, оставляя на коже темный след, и глубоко вдохнула. Воздух здесь был чистым. Здесь не было запаха пороха и меди. Здесь можно было просто быть. Маленькой девочкой, которая сажает цветы. Но она знала, что иллюзия эта хрупка. Она чувствовала их взгляды. Даже не поворачивая головы, она знала, что прямо сейчас, за толстыми стеклами панорамных окон гостиной, стоят они и смотрят на нее.

Внутри дома, в гостиной, действительно было тихо, но это была та особенная тишина, которая возникает только среди людей, связанных кровью или общей, непростимой тайной. Воздух здесь был густым от дыма дорогих сигар и крепкого кофе. Тимур сидел в глубоком кожаном кресле у окна, его трубка давно погасла, но он продолжал держать ее в зубах, словно это был якорь, не дающий ему уплыть в собственные мысли. Кир стоял, опираясь рукой о каминную полку, его взгляд был прикован к окну, к маленькой фигурке в саду. Ник сидел на подлокотнике кресла Тимура, его спина была идеально прямой, но пальцы, барабанящие по коже, выда-

вали внутреннее напряжение. Сократ расхаживал по комнате, его шаги были мягкими, но ритмичными, как метроном, отсчитывающий секунды до взрыва. Фанси сидел за столом, перебирая четки, его глаза были полузакрыты, но Яна знала, что старик видит больше, чем все они вместе взятые. А Раф только что вошел в комнату, закрыв за собой тяжелую дубовую дверь, и его лицо было каменным.

Раф подошел к столу, положил перед Тимуром тонкую папку.

- Икшу нашли, - сказал Раф, его голос был ровным, лишенным эмоций, но в этой ровности слышалась сталь. - Утром. У нас в подвале. Одна пуля, калибр девять миллиметров, в лоб. Смерть мгновенная. Охрана на лестнице ничего не слышала. Глушитель. Профессиональная работа.

Кир медленно выдохнул, и этот выдох был похож на шипение змеи.

- Значит, крыса все-таки есть, - произнес он тихо, не отрывая взгляда от окна. - И эта крыса ходит по нашему дому. Пьет наш кофе. Дышит нашим воздухом.

Тимур медленно вынул трубку изо рта.

- Охрана доложила еще кое-что, Раф? - спросил он, его серые глаза сузились.

Раф кивнул.

- Да, босс. Двое на посту у подвала сказали, что около трех часов ночи туда спускалась девочка. Яна. Она была одна. Они не стали ее останавливать. Она провела там минут

двадцать. Вышла с пустыми руками. А в четыре утра, по их же словам, в подвале раздался глухой хлопок. Но они думали, это крысы. Или трубы.

В комнате повисла тишина. Кир резко развернулся от окна, его лицо исказилось от едва сдерживаемой ярости.

- Вы хотите сказать, что одиннадцатилетняя девочка, которая вчера еле держалась на ногах после истерики, спустилась в подвал, а потом подошла и выстрелила в голову Икше? - Его голос сорвался на хрип.

Ник, не двигаясь, просто посмотрел на Кира. Один взгляд. Один тяжелый, давящий взгляд, в котором не было осуждения, только холодная, отрезвляющая логика.

- Она не стреляла, Кир, - произнес Ник, его голос был тихим, но он заполнил собой все пространство комнаты. - У нее нет доступа к оружию. На ее руках нет порохового нагара. И, что важнее, угол входа пули. Сверху вниз. Икша сидел. Стрелок стоял. Яна не могла так выстрелить. Она даже пистолет в руках держит неправильно.

Сократ остановился у окна, встав рядом с Киром, и посмотрел на сад.

- Ник прав, - сказал он, его голос был мягким, философским. - Но дело не в пуле. Дело в том, что она туда пошла. Она посмотрела ему в глаза. Она забрала у него последнее, что у него было - его уверенность. Она сломала его психологически. А стрелок просто нажал на курок, чтобы закрыть сделку. Икша должен был назвать имя. Тот, кто стрелял, знал

это. И он знал, что Яна может это имя услышать.

Фанси медленно открыл глаза. Его старые, выцветшие глаза смотрели в одну точку на ковре.

- Девочка пошла к нему, потому что она чувствовала, что он должен уйти, - произнес старик, его голос был хриплым, как звук старой скрипки. - Она не боялась его. Она боялась за нас. Она взяла на себя его тьму, чтобы мы могли жить на свету. Это не поступок ребенка. Это поступок Кармы.

Тимур тяжело поднялся из кресла. Он подошел к окну, встал рядом с Киром и Сократом. Они смотрели на Яну. Она уже перешла к следующему кусту, ее движения были размеренными, спокойными. Земля на ее коленях, грязь на ее щеках. Она выглядела такой хрупкой, такой маленькой на фоне огромного, цветущего сада. И в то же время в ней было столько силы, что у Тимура перехватывало дыхание.

- Она не сломалась, - тихо произнес Тимур, и в его голосе звучало не восхищение, а глубокая, щемящая боль. - После всего, что она рассказала нам сегодня ночью... После того, что сделал ее биологический отец... Она не сломалась. Она пошла и посадила лаванду.

Кир сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели.

- Если бы он был здесь, - начал Кир, его голос дрожал от сдерживаемой ярости, - если бы этот ублюдок, этот Андрей Петрович, был сейчас здесь, в Тбилиси... Я бы не стал его убивать быстро. Я бы заставил его понять, что такое настоящая боль. Я бы снял с него кожу за каждую слезу, которую

она пролила в той комнате. За то, что он заставил ее скатиться по двери. За то, что он сделал ее грязной в ее же глазах..

- Она грязной не была, - резко перебил его Ник, не отрывая взгляда от Яны. - Грязным был её отец. Она была чистой. Яночка всегда была чистой. И то, что она сейчас в саду, а не в темноте... это значит, что она выбрала свет. Она всегда выбирает свет. Даже когда мир тянет ее вниз.

Сократ кивнул, поправляя очки.

- Психика ребенка устроена иначе, - начал он, переходя на свой привычный академический тон, но в этом тоне сейчас не было сухости, только глубокая эмпатия. - Когда происходит подобная травма, у ребенка есть два пути. Либо он ломается, уходит в себя, становится тенью. Либо он диссоциирует. Он разделяет себя на ту, с которой это случилось, и ту, которая наблюдает. Но Яна... Яна пошла по третьему пути. Она не диссоциировала. Она интегрировала эту боль. Она превратила ее в броню. Она поняла, что мир жесток, и решила, что будет жесточе. Но при этом она сохранила способность любить. Это парадокс. Это аномалия. В психологии нет термина для того, что она сделала.

Фанси усмехнулся, и эта усмешка была полной горечи и мудрости.

- Психология, Сократ, это наука о тех, у кого есть только одна жизнь, - произнес старик. - А у нее их больше. Ты сам это знаешь. Ты видел, как она штопала тебя.

При этих словах в комнате снова стало тихо. Воспоми-

нание о том дне, когда Сократ вернулся с простреленным бедром, когда врачи не могли пробиться через периметр, и одиннадцатилетняя Яна, с засученными рукавами, с холодным, отсутствующим взглядом, взяла в руки хирургические инструменты. Как она зажала артерию. Как она накладила швы. Как ее руки, руки ребенка, двигались с уверенностью и точностью опытного полевого хирурга, который за свою жизнь спас сотни жизней в окопах под артиллерийским огнем.

- Это невозможно, - тихо сказал Кир, переводя взгляд на Сократа. - Я видел это своими глазами. Я думал, я сошел с ума. Я думал, это адреналин. Но адреналин не дает таких навыков. Она не училась этому. Я проверял. У нее нет доступа к медицинским книгам такого уровня. Она читает Сунь-цзы и Марка Аврелия, а не анатомию человека.

Сократ медленно сел в кресло, его лицо стало серьезным.

- Это вопрос, который не дает мне спать, - признался он. - Когда она зажимала мне артерию, ее пальцы не дрожали. Ее дыхание было ровным. Она знала, где именно нужно давить, чтобы не повредить нерв. Она знала, как держать иглу, чтобы нить не рвала ткани. Это мышечная память. Но не ее мышечная память. Это память тела. Память, которая живет не в мозге, а в клетках. В крови.

- Платон называл это анамнесисом, - вмешался Фанси, его четки замерли в его руках. - Вспоминанием того, что душа знала до рождения. Душа бессмертна. Она проходит через

множество жизней. И иногда, когда душа очень старая, очень уставшая, она приносит с собой навыки. Шрамы. Умения. Возможно, в одной из своих прошлых жизней она была врачом. Возможно, она умирала на поле боя, пытаясь спасти своих братьев. И этот ужас, эта необходимость, эта сила остались в ней.

Кир фыркнул, но в этом фырканье не было насмешки, только недоверие:

- То есть ты хочешь сказать, дед, что в ее маленькой головке сидит душа полевого хирурга из девятнадцатого века? И эта душа просыпается, когда нужно спасти Сократа? А что, душа не спит, когда нужно решать уравнения по алгебре?

- Душа не спит, Кир, она ждет, когда она понадобится, - спокойно ответил Фанси. - Ты шутишь, потому что тебе страшно. Тебе страшно признать, что девочка, которую ты охраняешь, больше, чем ты можешь понять. Что она не просто ребенок, которого нужно защищать от мира. Что это мир должен защищаться от нее, если она решит его уничтожить.

Ник, который до этого молчал, медленно повернул голову. Его темные глаза были непроницаемы.

- Мне все равно, чья в ней душа, - произнес он, и его голос был тихим, как лезвие бритвы. - Мне все равно, сколько у нее было прошлых жизней. Мне важно только одно. В этой жизни она наша. И если кто-то попытается забрать ее в следующую, я убью его так, что его душе не хватит десяти жизней, чтобы собраться обратно.

Тимур посмотрел на Ника, и в его глазах мелькнуло уважение. Ник редко говорил такими длинными фразами. Но когда говорил, это было законом.

- Она дала нам смысл, - тихо произнес Тимур, возвращаясь к окну. - Подумайте об этом. До нее мы что делали? Мы держали баланс. Мы убивали и делили территории. Мы жили по понятиям, по кодексу, по законам, которые сами же и придумали. Мы существовали, потому что не знали, как жить иначе. А она... она пришла и показала нам, что можно жить не ради войны. А ради того, чтобы защитить то, что является миром. Она посадила лаванду. Кто-нибудь из вас посадил бы цветы? Мы бы никогда не посадили ни цветов, ни эту чертову лаванду! Мы бы посадили кактусы по периметру, чтобы никто не подошел. А она посадила то, что пахнет. То, что радует. Она научила нас дышать.

Сократ кивнул.

- Она стала нашим якорем, - сказал философ. - Без нее мы бы давно утонули в этой крови. Икша, Нефрит, эти бесконечные войны... мы бы просто перегрызли друг другу глотки. А она смотрит на нас и видит не убийц. Она видит своих мальчиков. Своих защитников. И мы не имеем права разочаровать ее. Мы не имеем права стать теми, кого она боится.

Кир усмехнулся, но на этот раз его улыбка была грустной.

- Знаете, а ведь она действительно странная, - сказал он. - На днях, когда она штопала Сократа, я смотрел на ее руки и думал... я думал, что если она когда-нибудь возьмется за нож

не ради спасения, а ради убийства... боже, она будет лучшим палачом в истории! У нее нет жалости в эти моменты. Нет страха. Только холодный расчет.

- Она не палач, Кир, - возразил Сократ. - Палач убивает, потому что ему приказали, или потому что он наслаждается. Она спасала, потому что это было необходимо. В ее глазах не было наслаждения. Была только усталость. Усталость человека, который слишком много раз видел смерть.

Тимур медленно повернулся от окна. Он посмотрел на своих людей. На Кира, на Ника, на Сократа, на Фанси. Он знал, что пришло время. Пришло время рассказать то, что он прятал годами. То, что сам считал лишь слухами, байками для пьяных ночей, но что теперь, после вчерашнего, после ее сна, после ее рук в земле и ее рук в крови Сократа, обрело пугающий, реальный смысл.

- Есть одна история, - начал Тимур, его голос был низким, и все мгновенно замолчали, повернувшись к нему. Он не любил рассказывать истории. Он любил факты. И то, что он сейчас скажет, будет фактом. Или тем, что максимально к нему близко.

Он подошел к столу, налил себе стакан виски, но не выпил, просто сжал его в руке.

- Двадцать лет назад.. В России.. в одном закрытом провинциальном городе, который даже на картах Генштаба обозначался просто как почтовый ящик номер сорок два.. В общем, там был институт. Не военный. Не медицинский в при-

вычном понимании. Институт когнитивных аномалий.

Сократ нахмурился, его аналитический ум мгновенно начал строить цепочки.

- Когнитивных аномалий? - Повторил он. - Это изучение памяти? Сознания?

Тимур кивнул.

- Да. Но не той памяти, которую вы изучаете по книгам. Они изучали память, которая не принадлежит человеку. Слухи ходили разные. Говорили, что они нашли способ считывать генетическую память. Говорили, что они работали с людьми, которые помнили прошлые жизни. Не в смысле эзотерики, не в смысле духов. А в смысле биологии. Они искали способ передавать навыки, знания, опыт из одной жизни в другую, минуя смерть мозга. Они искали способ создать идеального солдата. Или идеального шпиона. Того, кто будет помнить то, чему его не учили.

Кир медленно выдохнул.

- Ты думаешь, что Яна... - его голос дрогнул. - Ты думаешь, что она была в этой лаборатории? Ей одиннадцать, Тимур. Она родилась в Москве. Ее мать — трихолог, отец... ну, мы знаем, кто ее дебил отец. Она обычная девочка. Ну, почти обычная. Но она не подопытный кролик из закрытого города.

- Я не говорю, что она была там, - резко ответил Тимур. - Я говорю, что ее состояние, ее навыки... это не просто старая душа, Фанси. Это может быть генетический сбой. Или генетический дар. Ее биологический отец... Андрей Петрович...

он ведь не просто был инженером, как говорила ее мать. Он работал в системе. В закрытой системе. Возможно, он имел доступ к материалам этого института. Возможно, он знал о методах, которые они использовали.

Ник медленно поднял голову. Его глаза сузились.

- Ты говоришь, что ее отец мог быть причастен к тому, что с ней что-то сделали? - Голос Ника был тихим, но в нем звучала такая угроза, что даже Фанси перестал перебирать четки. - Если он тронул ее не только так... если он использовал ее как материал...

- Я не знаю, Ник, - честно сказал Тимур. - Я проверял его досье. Там много белого шума. Много дыр. Он исчез из всех баз данных десять лет назад. Но если предположить, что этот институт действительно существовал, и что они действительно проводили эксперименты по внедрению чужой памяти или навыков... то Яна может быть носителем. Носителем памяти кого-то, кто был там, в этом институте. Кого-то, кто умел спасать жизни. Кого-то, кто умел убивать. И эта память просыпается в ней, когда ей нужно выжить.

В комнате повисла тяжелая, давящая тишина. Эта версия была настолько безумной, настолько выходящей за рамки их привычного, жестокого, но понятного мира, что поначалу никто не мог найти слов. Криминал, войны, предательства — это было понятно. Это было измеримо. А генетическая память, закрытые лаборатории, перенос навыков из прошлых жизней через ДНК... это был уровень, на котором они не

привыкли играть.

- Это объясняет, почему она так быстро учится, - медленно произнес Сократ, его глаза горели странным огнем ученого, который только что нашел разгадку вековой тайны. - Почему она понимает тактику Сунь-цзы не как теорию, а как практику. Почему она бросила нож в глаз Икше, не промахиваясь, ни разу в жизни не держа его в руках. Это не интуиция. Это мышечная память. Память тела, которое помнит, как это делается.

- Или память души, - упрямо повторил Фанси. - Не сводите все к пробиркам и генетике, Тимур. Душа больше, чем ваша наука. Но... - он сделал паузу, его старые глаза посмотрели на Тимура, - но если то, что ты говоришь, правда... если с ней экспериментировали... тогда ее боль еще глубже. Тогда ее тело помнит не только спасение. Оно может помнить и боль. Боль того, кто был до нее.

Кир провел рукой по лицу, словно пытаясь стереть эту информацию.

- Стоп, - сказал он. - Стоп. Давайте вернемся к тому, что мы понимаем. Понимаете ли мы, как это лечить? Нет. Понимаем ли мы, как это отменить? Нет. Но мы понимаем одно. Кто бы ни был в ней до нее... какой бы ни был хирург, какой бы ни был солдат... сейчас там Яна. И если кто-то из этого института, или кто-то еще, придет за ней, чтобы забрать свою собственность... я сожгу этот институт дотла. Вместе с городом.

Ник кивнул. Это было все, что требовалось. Его согласие было клятвой.

Тимур посмотрел на них, и в его душе полегчало. Они приняли это. Они не сломались от непонимания. Они просто добавили это в свой список угроз, которые нужно уничтожить, если они посмеют приблизиться к Яне. Как отца, его это радовало.

- Мы не знаем точно, - сказал Тимур. - Может, это просто совпадение. Может, Фанси прав, и это просто старая душа. Но мы будем держать эту версию в уме. И мы найдем все, что можно найти, об этом почтовом ящике номер сорок два. Раф, займись этим. Найди старых сотрудников, найди архивы. Если этот институт существовал, я хочу знать о нем все.

Раф молча кивнул и вышел из комнаты, его шаги были бесшумными, но цель была ясна.

Тимур снова посмотрел в окно. Яна закончила с лавандой и теперь перешла к клумбе с розами. Она аккуратно обрезала сухие ветки, ее лицо было сосредоточенным, спокойным. Она не знала, что сейчас обсуждали ее душу, ее прошлые жизни, ее возможное происхождение из закрытой лаборатории. Она просто жила. Она просто делала свое дело.

Но разговор о ней плавно, неотвратимо начал смещаться обратно в плоскость, в которой они жили каждый день. В плоскость крови, стали и власти. Потому что Икша был мертв. И его смерть оставляла после себя вакуум, который в их мире заполнялся не воздухом, а войной.

- Итак, Икши нет, - произнес Кир, его голос снова стал жестким, деловым. - Шутки в сторону, братва. Его люди сейчас в панике. Они видели, как он вошел в этот дом. Они знают, что он не вышел. Они не знают, что его убила крыса. Они думают, что это мы его вырезали. Что мы его допросили и казнили.

- Это хорошо, - сказал Ник. - Страх парализует. Пока они думают, что мы все знаем, они не будут двигаться. Они будут прятаться.

- Но они не будут прятаться вечно, - возразил Сократ. - У Икши был заместитель. Человек по имени Гиви. Глупый, жадный, но у него есть амбиции. Он попытается перехватить потоки. Он попытается собрать людей Икши под своим крылом. И если мы не нанесем удар первыми, Гиви консолидирует силу. А консолидированный враг опаснее, чем разрозненная шайка.

Тимур кивнул, его ум уже переключился с мистических тайн души на прагматику криминальной войны.

- Гиви сейчас на базе в Сабуртало, - сказал Тимур. - Он собирает сходку. Пытается купить лояльность капитанов Икши за счет его же складов. Но склады мы знаем лучше, чем он. Кир, ты знаешь, где находится главный транзитный склад Икши? Тот, про который Гиви не знает?

Кир усмехнулся, и эта усмешка была хищной, злой.

- Знаю, босс. Это старый винный погреб на окраине. Туда даже местные менты не суются, потому что думают, что

там привидения. Икша использовал его для хранения самого ценного. Оружие, которое идет в обход порта. И наличные. Много наличных.

- Мы не будем его уничтожать, - тихо сказал Тимур, его глаза сузились. - Уничтожение привлекает внимание. Менты, пресса, конкуренты. Мы его опустошим. Ник, ты возьмешь группу зачистки. Вы проникнете туда ночью. Вы заберете все. Каждую копейку, каждый ствол. И вы оставите там один символ.

- Какой? - спросил Ник.

Тимур медленно достал из кармана свою зажигалку. Щелкнул ею, посмотрел на огонек.

- Оставьте там монету. Биметаллическую монету. Ту, что с зубром. Пусть Гиви найдет пустой склад. Пусть найдет монету. И пусть он поймет, что Икша не просто умер. Что Икша был принесен в жертву. Что мы не просто убили его. Мы его казнили по закону. И что следующий, кто попытается занять его место, разделит его участь.

Фанси медленно кивнул.

- Это правильно, - сказал старик. - Страх перед законом сильнее страха перед смертью. Они поймут, что Карма пришла за ними. И они разбегутся, как крысы. Гиви не сможет их удержать. Они сдадут его нам сами, чтобы спасти свои шкуры.

- Это красиво, - философски заметил Сократ. - Бескровная победа. Как любит Карма. Мы используем их собствен-

ные суеверия против них. Мы превращаем их жадность в их слабость. Гиви бросится искать, кто украл его деньги, он начнет подозревать своих же людей. Начнется внутренняя чистка. Они уничтожат себя сами, пока мы будем смотреть.

- Именно, - кивнул Тимур. - Но есть еще один фактор. Аид.

При этом имени температура в комнате, казалось, упала на несколько градусов. Кир вздрогнул. Ник сжал кулаки. Даже Фанси перестал перебирать четки. Имя, которое прошептал умирающий Икша. Имя, которое Яна услышала в подвале, за секунду до того, как пуля наемника оборвало его жизнь. Аид. Тот, кто стоит выше всех. Тот, кто не имеет лица, но имеет власть над жизнью и смертью. Тот, кто, по словам Икши, хочет Яну.

- Мы не знаем, кто такой Аид, - тихо произнес Кир, его голос был напряженным. - Мы не знаем, где он. Но мы знаем, что он послал Икшу. Что он следит за нами. И что он знает о Яне. Если он хочет ее... если он считает ее своей... он не остановится. Смерть Икши его не остановит. Это его только разозлит.

- Или заставит раскрыться, - парировал Ник. - Аид привык действовать из тени. Он привык, что другие делают его грязную работу. Икша был его руками. Теперь рук нет. Аиду придется использовать ноги. Ему придется идти самому. Или послать кого-то, кто ближе. Кого-то, кому он доверяет больше, чем Икше.

- Крысу, - тихо сказал Раф. - Того, кто стрелял в Икшу. Аид не будет рисковать своими лучшими людьми ради такой мелочи, как зачистка. Он использует нашего предателя, чтобы добить нас. Чтобы забрать девочку.

- Тогда мы должны использовать крысу, чтобы выйти на Аида, - сказал Сократ, его ум уже строил сложную, многоходовую комбинацию. - Мы не будем искать предателя сразу. Мы дадим ему подумать, что он в безопасности. Мы дадим ему передать информацию Аиду. Но мы дадим ему ложную информацию. Мы скажем ему, что Яна будет в определенном месте, в определенное время. И когда Аид пошлет своих людей, чтобы забрать ее... мы захлопнем капкан.

- И мы увидим, кто придет, - добавил Ник, его глаза горели холодным огнем. - Мы увидим их лица. И мы узнаем, кто такой Аид.

Тимур посмотрел на них. На своих волков. На своих теней. Они были смертоносны и безжалостны. Но сейчас, в их глазах, он видел не просто жажду убийства. Он видел жажду защиты. Они не просто вели войну за территории. Они вели войну за свою душу. За свою девочку.

- Хорошо, - сказал Тимур. - Готовьте план. Кир, займись складом. Ник, продумай операцию по захвату людей Аида. Сократ, придумай легенду для крысы. Фанси, помоги мне понять, как мы можем использовать их суеверия, чтобы запутать Аида. Мы начинаем завтра.

Он снова посмотрел в окно. Яна закончила с розами. Она

встала, отряхнула колени, и вдруг подняла голову. Она посмотрела прямо в окно, прямо на них. Она не могла их видеть сквозь тонированное стекло, но она знала, что они там. Она улыбнулась. Слабой, усталой, но такой светлой улыбкой, что у Кира перехватило дыхание, а Ник медленно, едва заметно, кивнул ей в ответ.

Она вернулась в дом через час. Она вошла в гостиную, неся в руках небольшую корзину с сорванными травами — мятой, чабрецом, той самой лавандой. Она была грязная, уставшая, но ее глаза сияли. Она подошла к Тимуру, встала на цыпочки и поцеловала его в щеку. Потом подошла к Киру, обняла его за талию, прижалась щекой к его груди. Потом к Нику, который просто взял ее грязную руку в свою и крепко сжал. Она подошла к Сократу, Фанси, Рафу. Она поздоровалась с каждым. Она была частью этого круга. Она была центром этого круга.

- Я напекла вам пирожков с зеленью, - сказала она, ее голос был звонким, живым. - Садовник дал мне рецепт. Там много кинзы и сыра. Идите на кухню, пока они горячие.

Кир усмехнулся, растрепал ее грязные волосы.

- Ты хоть знаешь, малая, что мы тут только что решили начать третью мировую войну, а ты нас пирожками кормить собралась?

Яна посмотрела на него, и в ее глазах мелькнула та самая, старая, мудрая искра.

- Войну нельзя начинать на голодный желудок, Кир, - ти-

хо сказала она. - Иначе руки будут дрожать. А тебе нужно, чтобы руки были твердыми.

Кир замер. Он посмотрел на Тимура, потом на Ника. Они поняли. Она знала. Она всегда знала больше, чем они думали. Она слышала не ушами. Она слышала сердцем.

- Иди на кухню, малая, - тихо сказал Кир, его голос дрогнул. - Мы сейчас придем.

Когда она вышла, в комнате снова воцарилась тишина. Но это была уже другая тишина. Тишина перед бурей. Тишина людей, которые знают, что завтра они прольют кровь. Но которые знают, что ради кого они это делают.

Тимур взял свою трубку, раскурил ее, и густой, ароматный дым заполнил комнату.

- Она права, - сказал он. - Идемте есть пирожки. А потом... потом мы пойдем убивать.

Они встали. Один за другим. Тени, которые обрели свет. Воины, которые обрели душу. И они пошли на кухню, туда, где пахло свежей выпечкой и мятой, туда, где их ждала она. Их Карма. Их смысл. Их жизнь.

***

Ночь в Тбилиси была густой, теплой и пахла жасмином, который плелся по стенам особняка, цепляясь за старые камни так же упорно, как память цепляется за человеческую душу. Яна сидела на широком каменном парапете балкона, свесив босые ноги в прохладу, и смотрела на огни города, раскинувшегося внизу. Рядом, прислонившись спиной к перилам,

стоял Кир. Он курил, выпуская в темное небо тонкие струйки дыма, которые мгновенно растворялись в теплом воздухе. С другой стороны, почти сливаясь с тенью колонны, сидел Ник. Он не курил, просто держал в руках стакан с водой, и его темные глаза были устремлены на профиль Яны.

За последние несколько дней между ними произошло что-то невидимое, но фундаментальное. Драка во дворе, кровь на гравии, признание в подвале, смерть Икши и то странное, почти мистическое принятие со стороны цыганского барона — все это сплело их связи в тугой, неразрывный узел. Они больше не просто охранники и не просто влюбленные мужчины, разрывающиеся от ревности. Они стали единым организмом, где каждый знал дыхание другого.

Яна молчала долго. Она чувствовала, что должна сказать им то, что жгло ее изнутри со дня визита на рынок Дезертирка.

- Я видела его, - сказала она наконец. Голос прозвучал тихо, но в ночной тишине каждое слово упало, как камень в воду.

Кир замер. Сигарета застыла в его пальцах. Ник медленно повернул голову, и в полумраке блеснули его глаза.

- Кого, малая? - спросил Кир, и в его голосе мгновенно исчезла вся привычная расслабленность.

- Своего отца, - ответила Яна, не оборачиваясь. - Биологического. Андрея Петровича. Он стоял в толпе на Дезертирке.

Когда мы шли к цыганам.

Тишина на балконе стала звенящей. Кир медленно выпрямился, его плечи напряглись, превращаясь в камень. Ник поставил стакан на каменный пол. Звук стекла о камень прозвучал резко.

- Он смотрел на меня, - продолжила Яна, и ее пальцы вцепились в холодный камень парапета. - Я почувствовала этот взгляд. Липкий. Раздевающий. Тот самый, от которого тошнит. Я обернулась и увидела его. Он стоял между прилавком с коврами и лавкой старьевщика. А когда я дернула Фанси за рукав и отвернулась, чтобы собраться с мыслями, его уже не было. Он растворился.

Кир сделал шаг вперед. Его лицо в полумраке было жестоким, искаженным такой яростью, что Яна знала: если бы он мог прямо сейчас телепортироваться на Дезертирку и найти этого человека, он бы разорвал его голыми руками.

- Фанси знает? - хрипло спросил Ник. Его голос был ровным, но в нем слышался тот самый металлический лязг, который предвещал бурю.

- Нет, - ответила Яна. - Я не сказала. Я не хочу, чтобы он знал. Фанси слишком умен, и если он узнает, он найдет его за час. А мне пока не нужно, чтобы его нашли. Мне нужно, чтобы вы знали. Если он здесь, значит, он ищет меня. Или за мной наблюдают.

Кир бросил сигарету на пол и раздавил ее каблуком. Он подошел к Яне, встал за ее спиной и положил тяжелые ладо-

ни ей на плечи. Его пальцы были горячими.

- Малая, - тихо сказал он, и в его голосе не было шуток. - Если этот ублюдок еще раз попадется мне на глаза, я не буду торопиться. Я сделаю так, чтобы он жалел о каждом дне своей жизни.

- Я знаю, - прошептала Яна. - Но сейчас не об этом.

Она повернула голову, посмотрела на Кира, потом перевела взгляд на Ника. В ее глазах не было страха перед отцом. Там была холодная, трезвая решимость, которая за последние дни в Тбилиси прорезалась в ней с пугающей четкостью.

- Мы устранили Икшу, - сказала она, и ее тон изменился, стал более деловым, стратегическим. - Но Гиви уже собирает его людей. Он думает, что может занять его место. Он думает, что мы убили только главу, а тело осталось.

Ник медленно кивнул, подходя ближе.

- Гиви глуп, но у него есть амбиции, - произнес Ник. - Он попытается консолидировать потоки.

- Его нужно убрать, - сказала Яна.

- Уберем, - усмехнулся Кир, но в его усмешке не было веселья. - Ник возьмет группу, зачистим его базу в Сабуртало. Оставим от него мокрое место.

Яна покачала головой. Она встала с парапета, отряхнула ладони и посмотрела на них обоих. В свете луны ее лицо казалось фарфоровым, но взгляд был стальным.

- Вы не понимаете, - сказала она. - Вы мыслите категориями зачистки конкретного человека. А нужно мыслить кате-

гориями системы.

Она сделала паузу, подбирая слова, и вдруг улыбнулась - криво, почти по-детски, но в этой улыбке было столько взрослого цинизма, что Кир невольно усмехнулся в ответ.

- Знаете, как моют ванну хлоркой? - спросила она.

Кир моргнул, явно не ожидая такого поворота.

- Ну, малая, мы, конечно, много чего делали в жизни, но сантехникой не занимались, - хмыкнул он.

- Когда ты моешь ванну хлоркой, - продолжила Яна, игнорируя его шутку, - ты не чистишь только одну стенку, на которой видно пятно. Ты заливаешь всё. Ты чистишь дно, бортики, слив, краны. Иначе запах останется. Иначе грибок вернется.

Она посмотрела на Ника.

- Гиви - это просто пятно на стенке. А грибок - это вся его структура. Те, кто сидит в горах, те, кто держит транзит, те, кто просто знает, что Икша мертв, и думает, что может поднять голову. Их надо зачистить масштабно. Чтобы ни у кого не осталось даже тени сомнения в нашей силе. Чтобы каждый, кто посмотрит в сторону нашего двора, понял: здесь нет вакуума. Здесь есть мы. И мы не оставляем пятен.

В тишине повисла пауза. Кир смотрел на нее, слегка приоткрыв рот. Ник стоял неподвижно, но в его темных глазах вспыхнуло что-то, что можно было назвать абсолютным, безоговорочным восхищением.

- Мать твою, - выдохнул Кир, проводя рукой по лицу. -

Малая, ты только что расписала план тотальной зачистки клана, используя бытовую химию в качестве метафоры. Ты пугаешь меня. Ты реально меня пугаешь!

- Это эффективно, - сухо заметил Ник. И это было всё. Но в этом «эффективно» было больше похвалы, чем любые длинные речи. Он подошел к Яне, взял ее за руку и медленно, почти благоговейно, поднес к губам. - Ты права. Мы будем чистить ванну до блеска.

Яна улыбнулась, чувствуя, как внутри нее расслабляется та струна, которая была натянута с самого утра. Они поняли. Они приняли ее не как ребенка, которого нужно беречь, а как стратега, чьи решения нужно выполнять.

***

Ник стоял в полумраке гостиной, и свет от уличного фонаря, пробивавшийся сквозь щели тяжелых бархатных штор, выхватывал из темноты лишь контуры его фигуры. Он не двигался, не дышал громко, он просто был там, как часть самой ночи, как тень, которая научилась стоять прямо. Яна сидела на широком кожаном диване, поджав ноги, и смотрела на него. В комнате пахло остывшим чаем, дорогим табаком и тем неуловимым ароматом, который всегда оставался после Ника — запахом холодного металла, ночной сырости и чего-то древнего, застывшего во времени.

- Дай мне кулон, - сказал Ник. Его голос прозвучал тихо, почти шепотом, но в этой тишине каждое слово упало на пол с весом свинцового слитка. Это не была просьба. Это было

утверждение необходимости.

Яна не спросила зачем. Не удивилась. Не колебалась ни секунды. Она просто подняла руку к шее, расстегнула тонкую застежку цепочки и сняла тяжелый белый золотой кулон в форме головы быка. Металл был теплым от ее кожи, но когда она протянула его Нику, он мгновенно стал ледяным, словно принял в себя температуру его пальцев.

- Возьми, - сказала она. И в этом коротком слове не было ни капли сомнения. Была абсолютная, безоговорочная вера. Она знала, что этот кулон для него сейчас важнее любого оружия, важнее любой брони. Это был знак. Это был ключ. Это было доверие, которое нельзя было измерить словами или поступками. Оно было фундаментальным, как гравитация.

Ник взял кулон. Его пальцы сомкнулись вокруг белого золота, и на мгновение Яна увидела, как напряглись сухожилия на его руке. Он не поблагодарил. Благодарность была слишком мелким словом для того, что происходило между ними. Он просто кивнул, спрятал кулон во внутренний карман пиджака, прямо над сердцем, и растворился в темноте коридора. Дверь закрылась бесшумно, и Яна осталась одна в тишине, слушая, как его шаги стихают, превращаясь в часть ночного города. Она знала, что он делает. Она знала, куда он идет. И она знала, что ванна будет вычищена до блеска.

***

Вечер того же дня опустился на особняк Тимура мягко,

как тяжелое шерстяное одеяло. Ужин прошел в той особенной, насыщенной тишине, которая бывает только среди людей, прошедших через огонь и воду. Стол был уставлен блюдами грузинской кухни: хачапури, чанахи, баклажаны с орехами, свежая зелень, которая пахла землей и солнцем. Но никто не ел много. Аппетит был вторичен по сравнению с тем электрическим напряжением, которое висело в воздухе. Все ждали. Ждали возвращения Ника и новостей. Ждали того момента, когда пазл сложится.

После ужина они собрались в гостиной. Фанси, сидел в своем неизменном глубоком кресле у камина, перебирая четки. Огонь в камине трещал, отбрасывая пляшущие тени на резные деревянные панели стен. Кир лежал на другом диване, заложив руки за голову, и смотрел в потолок, но его взгляд был расфокусированным, направленным внутрь себя. Тимур стоял у окна, глядя на огни Тбилиси, и курил свою трубку. Яна сидела рядом с Фанси, обхватив колени руками, и чувствовала, как внутри нее пульсирует то самое странное, тягучее ожидание.

Фанси откашлялся, привлекая внимание. Его старый голос, хриплый и теплый, заполнил комнату.

- Баро, - начал он, и в этом слове звучало такое уважение, что воздух вокруг него, казалось, сгустился. - Когда мы были у него... когда он увидел Яну...

Он замолчал, подбирая слова. Ему, человеку, который видел всё, который знал все тайны этого мира, было трудно по-

добрать слова для того, что произошло во дворе цыганского барона. Для того священнодействия, свидетелем которого он стал.

- Он узнал её, - продолжил Фанси, и его глаза блестели в свете камина. - Не глазами. Душой. Старая женщина, бабушка рода, та, что помнит всё, что было до нас и будет после... она закричала. На цыганском. Она назвала её Белый Бык.

Кир медленно повернул голову, его усмешка дрогнула. Тимур обернулся от окна, его серые глаза сузились и он повернулся обратно, не особо слушая бред старого авторитета.

- И тогда, - Фанси сделал паузу, его голос стал тише, торжественнее, - весь двор рухнул на колени. Принесли старую шкатулку, довоенную, может, еще царскую. В ней была эта цепочка. Кулон. Они провели церемонию. Баро сказал, что пророчество сбылось. Что теперь каждый ром в мире знает, кто она. Что у неё есть семья. Большая семья. Что если она позовет, они придут.

В комнате повисла тишина. Тишина благоговения. Тишина осознания масштаба того, что произошло. Яна молчала, чувствуя тяжесть кулона, которого больше не было на её шее, но который теперь был частью её сути.

И в этот момент раздался звонок телефона.

Звук был резким, механическим, он разорвал тишину гостиной, как нож режет шелк. Тимур замер. Его рука, державшая трубку, остановилась на полпути к пепельнице. Он посмотрел на аппарат, лежащий на столике у дивана. Зво-

нил специальный телефон. Тот, на который звонили только в исключительных случаях. Только когда происходило что-то, что меняло расстановку сил.

Тимур подошел к телефону, взял трубку. Он не поздоровался. Просто прижал её к уху и стал слушать.

Все замерли. Кир перестал смотреть в потолок, его тело напряглось, превратившись в пружину. Фанси перестал перебирать четки. Яна почувствовала, как сердце забилось где-то в горле.

Тимур слушал долго. Минуту. Две. Три. Его лицо не менялось. Оно оставалось каменным, непроницаемым, как маска. Но те, кто знал его годами, видели микроскопические изменения. Видели, как сузились зрачки. Видели, как напряглась линия челюсти. Видели, как побелели костяшки пальцев, сжимающих трубку.

Когда он положил трубку обратно на рычаг, звук щелчка прозвучал как выстрел.

Он стоял неподвижно несколько секунд. Потом медленно повернулся к ним. И в этот момент Яна увидела то, чего никогда не видела раньше. В глазах Тимура, человека, которого боялся весь криминальный мир Грузии, человека, чье имя произносили шепотом даже самые дерзкие воры, стоял абсолютный, ошеломляющий шок. Не страх. Не гнев. Шок. Как у человека, который только что увидел, как законы физики перестали работать.

- Белый бык, - выдохнул он. Голос его был хриплым, со-

рванным, лишенным всякой интонации. - Зачистил ОПГ Икши. И ОПГ Гиви. Всех вместе взятых. Полностью.

В комнате снова повисла тишина. Но это была уже другая тишина. Тишина вакуума. Тишина, в которой мозг отказывался обрабатывать полученную информацию.

Тимур уставился на них, переводя взгляд с Кира на Ника, потом на Фанси, потом на Яну. Его глаза округлялись, расширялись, в них плескалось немое, абсолютное изумление.

- Что еще за белый бык? - спросил он, и в этом вопросе не было угрозы. Была чистая, детская растерянность человека, который столкнулся с чем-то, выходящим за рамки его понимания. - Это вообще кто?

И тогда Фанси рассмеялся.

Это был не обычный смех. Это был громкий, безудержный, раскатистый хохот старого человека, который увидел чудо. Смех, который исходил из самой глубины души, смех облегчения, восхищения и гордости. Он смеялся так, что его плечи тряслись, что слезы выступили на его старых глазах, что он схватился за подлокотники кресла, чтобы не упасть.

- Ой, батюшки! - выдохнул он сквозь смех, вытирая глаза платком. - Ой, Тимур, Тимур! Ты спрашиваешь, кто это?!

Кир, Ник и Яна переглянулись. В их взглядах читалось то самое, заговорщическое понимание. Та самая искра, которая связывала их невидимой нитью. Кир усмехнулся, но в его усмешке не было привычной едкости. Было торжество. Ник остался неподвижным, но в уголках его губ дрогнула ед-

ва заметная линия удовлетворения. Яна просто смотрела на них, и в её глазах горел тихий, уверенный огонь.

Тимур не выдержал. Он рявкнул, и этот рык сотряс стены гостиной:

- Чё происходит?! Кто объяснит мне, какого чёрта здесь творится?!

Яна встала. Она подошла к центру комнаты, встала перед Тимуром, и в этот момент она выглядела не как одиннадцатилетняя девочка. Она выглядела как генерал, который только что выиграл войну, не сделав ни одного выстрела лично.

- Это я, отец, - сказала она, и её голос был ровным, спокойным, лишенным всякого бахвальства. - Я Белый Бык. Это мой план.

Тимур замер. Его глаза расширились еще больше.

- Твой? - прошептал он. - Какой план?

Яна улыбнулась. Тихо. Почти по-детски. Но в этой улыбке было столько взрослого цинизма, что Кир невольно усмехнулся в ответ.

- Однажды я рассказала Киру и Нику про ванну.. - начала она, глядя прямо в глаза Тимуру. - Когда ванну хлоркой моют, чистят не одну стенку, на которой видно пятно. Чистят всю. Дно, бортики, слив, краны. Иначе запах останется. Иначе грибок вернется.

Тимур смотрел на неё, не понимая

Она сделала паузу, давая словам улечься.

- Гиви был просто пятном на стенке. А грибок - это вся

структура. Те, кто сидит в горах. Те, кто держит транзит. Те, кто просто знает, что Икша мертв, и думает, что может поднять голову. Их надо было зачистить масштабно. Чтобы ни у кого не осталось даже тени сомнения в нашей силе. Чтобы каждый, кто посмотрит в сторону нашего двора, понял: здесь нет вакуума. Здесь есть мы. И мы не оставляем пятен.

Фанси, всё ещё посмеиваясь, кивнул, утирая последние слезы.

- А Баро... - начал он, его голос дрожал от счастья. - Баро сказал, что пророчество сбылось не просто так. Что Белый Бык придет не с мечом, а с мудростью. Что он снесет стены не силой, а умом. И вот... вот оно. Вот мудрость. Вот сила.

Тимур стоял, не шевелясь. Его глаза всё еще были широко раскрыты, но теперь в них читалось не изумление. Читалось нечто гораздо более глубокое. Гордость. Восхищение. Восторг. И еще что-то... Что-то, что можно было назвать признанием. Признанием того, что перед ним стоит не просто воспитанница. Не просто девочка, которую нужно защищать. Перед ним стояла равная. Нет, больше чем равная. Перед ним стояла наследница. Не его империи. Его духа и его воли.

Он медленно подошел к Яне. Опустился перед ней на одно колено, так что их глаза оказались на одном уровне. Его рука, тяжелая, мозолистая, легла ей на плечо.

- Доченька, - сказал он тихо, и в его голосе дрожала та самая струна, которую он обычно прятал за броней власти. - Ты не просто очистила ванну. Ты показала им, кто здесь

хозяин. Не я. Не Кир. Не Ник. Ты. Ты показала им, что сила — это не пистолет. Сила — это ум. Сила — это воля. Сила — это способность видеть систему там, где другие видят только хаос.

Он сделал паузу, глядя ей прямо в глаза.

- Я горжусь тобой, дочка. Не как вор в законе гордится своим учеником. А как отец гордится своей дочерью. Ты превзошла меня. Ты превзошла всех нас. И я... я счастлив. Счастлив, что ты есть. Счастлив, что ты наша.

Яна почувствовала, как к горлу подступает ком. Слезы, горячие, соленые, покатились по её щекам. Но это были не слезы боли. Это были слезы счастья. Счастья быть услышанной. Быть понятой. Быть принятой не за то, что она делает, а за то, кто она есть.

Она положила свои маленькие ладони на его щеки, чувствуя щетину, тепло его кожи, дрожь в его мышцах.

- Отец, - прошептала она, и её голос был тихим, но твердым, как сталь. - Кровь - ничто. Это просто набор биохимических веществ. Белки, соли, вода. Самое главное - это честь. Это душа. Это семья, которую ты сам выбираешь. Семья, которая выбирает тебя. Не по крови. По духу, воле и по любви.

Тимур закрыл глаза, прижимаясь щекой к её ладони.

- Да, - выдохнул он. - Ты права.

Он открыл глаза, встал, выпрямился. В его лице вернулась привычная собранность, но теперь в ней было что-то новое. Мягкость. Теплота.

- Завтра мы возвращаемся в Москву, - сказал он, и его голос стал деловым, но в нем звучала та самая, скрытая нежность.

Яна почувствовала, как внутри неё что-то сжалось. Москва. Коньково. Серые панельки. Школа. Одноклассницы, которые шепчутся за спиной. Учителя, которые не видят её. Мама, которая говорит о больной фантазии. Маска. Та самая маска нормальной девочки, которую ей придется снова надеть. Маска, которая душит, которая скрывает её настоящую суть, её силу, её Карму.

Она опустила глаза, и в них мелькнула тень грусти.

Тимур увидел это. Он всегда видел всё.

- Не грусти, маленькая, - тихо сказал он, положив руку ей на голову. - Тебя ждет сюрприз. Большой сюрприз. Такой, что ты забудешь про маски. Такой, что ты поймешь: дом - это не стены. Дом - это люди. И твой дом теперь везде, где мы есть.

Яна подняла на него глаза, и в них вспыхнула надежда.

***

Поздно вечером, когда Яна уже спала, когда особняк погрузился в ту особенную, живую тишину, Кир и Ник стояли на балконе второго этажа. Ночь была теплой, пахла жасмином и дальним морем. Кир курил, выпуская в темное небо тонкие струйки дыма. Ник стоял рядом, опираясь локтями на каменный парапет, и смотрел на огни города.

Они молчали долго. Но это было не пустое молчание. Это

был разговор без слов. Разговор двух мужчин, которые знали друг друга лучше, чем самих себя.

- Ты думаешь, он знал? - вдруг спросил Кир, не оборачиваясь. Его голос был тихим, задумчивым.

Ник медленно повернул голову.

- О ком ты?

- О Сократе, - Кир затянулся, прищурился. - Когда он впервые увидел Яну. Когда она рассыпалась свои мандарины.. Он ведь не просто так подошел. Он не просто так начал наблюдать. Он не просто так привел её к Тимуру.

Ник молчал, обдумывая вопрос.

- Сократ не ошибается, - наконец сказал он. - Он видит нити. Он видит карму. Но... как он узнал, что это именно она? Что это та самая? Ведь вокруг тысячи девочек. Тысячи детей. Почему именно она?

Кир фыркнул, стряхнул пепел.

- Вот и я о том же. Это не случайность. Это не интуиция. Это знание. Какое-то глубокое, фундаментальное знание. Откуда оно у него? Кто ему сказал? Или... он сам почувствовал?

Ник перевел взгляд обратно на город. Его темные глаза сузились.

- Возможно, - тихо сказал он. - Возможно, он увидел в ней то, что не видят другие. То, что видим мы. Старую душу. Силу. Волю.

- Но это не объясняет всего, - Кир покачал головой. - Есть

что-то еще. Что-то, чего мы не знаем. Что-то, что связывает Сократа, Тимура и Яну еще до того, как она появилась в нашей жизни.

Ник медленно кивнул.

- Нам нужно спросить его, - сказал он. - Прямо сейчас. Пока ночь. Пока тишина. Пока вопросы не заржавели.

Они потушили сигареты, синхронно развернулись и пошли в кабинет Тимура.

Кабинет был погружен в полумрак. Только настольная лампа с зеленым абажуром отбрасывала круг теплого света на массивный стол. Тимур сидел в кресле, держа в руках потухшую трубку. Он не удивился их появлению. Он ждал их.

- Проходите, - сказал он тихо.

Кир и Ник вошли, закрыли за собой дверь. Они не сели. Они встали перед столом, как два солдата перед командиром. Но в их позах не было подчинения. Было равенство. Было право на вопрос.

- Тимур, - начал Кир, и его голос был серьезным, лишенным всяких шуток. - У нас есть вопрос. Вопрос, который не дает нам спать.

Тимур поднял на них глаза.

- Слушаю.

- Как Яна попала к нам? - спросил Ник, и его голос прозвучал как удар хлыста. - Сократ не просто наблюдал за ней, да? Он не просто увидел девочку с книгой? Он увидел её суть. Он знал, кто она. Откуда он знал? Кто ему сказал? Или... он

сам почувствовал?

Тимур молчал. Он смотрел на них, и в его глазах читалось понимание. Он знал, что этот вопрос неизбежен. Он ждал его.

Но прежде чем он успел ответить, Ник вдруг замер. Его глаза расширились. В них вспыхнула молния озарения. Он посмотрел на Тимура, на его спокойное, невозмутимое лицо, на то, как он держит трубку, на то, как он сидит. И вдруг всё сложилось. Всё встало на свои места.

- Это ты, - выдохнул Ник, и в его голосе прозвучало не обвинение. Было потрясение. Было понимание. - Ты убрал Икшу. Зачем?

Кир мгновенно выхватил глок. Движение было таким быстрым, что воздух свистнул. Пистолет оказался направлен прямо в грудь Тимура. Предохранитель был снят. Палец лежал на спусковом крючке.

- Объясни, - прорычал Кир, и в его голосе звучала такая ярость, что стекла в окне, казалось, завибрировали. - Объясни, почему ты убил его?

Тимур не шелохнулся. Он не попытался достать оружие. Не попытался позвать охрану. Он просто сидел, глядя на дуло пистолета, и вздохнул. Тяжелый, долгий вздох человека, который несет на своих плечах груз, который невозможно разделить.

- Уберите пистолет, Кир, а то это становится традицией, - тихо сказал он. - Я не ваш враг. Я никогда им не был. И

не буду.

Кир колебался секунду. Потом медленно, очень медленно, опустил пистолет. Но не убрал его. Держал наготове.

Тимур отложил трубку, сцепил пальцы на столе.

- Я знаю Андрея Петровича давно, - начал он, и его голос стал низким, задумчивым. - Не сказать, что мы друзья. Но и до истории, которую рассказала Яна про шесть лет, мы с ним врагами не были. Мы были... знакомыми. Странными знакомыми.

Он замолчал, глядя куда-то сквозь стену, в прошлое.

- Как-то раз, лет восемь назад, в Сочи. В гостинице «Жемчужная». У нас там проходила традиционная сходка воров. Не большая. Закрытая. Для своих. Я тогда... я тогда увлекался историей. Читал много. Изучал эпохи, личности. И вот, в холле отеля, я увидел человека. Среднего роста, тяжелого, с лицом, напоминающим Генриха Восьмого. Такое же одутловатое, такое же властное, такое же... жестокое. И он рассказывал кому-то о своей дочери.

Тимур сделал паузу, его глаза сузились.

- Я тогда случайно услышал обрывок разговора. Он говорил о ней не как отец. Он говорил о ней как о предмете. Как о вещи, которая должна быть послушной. Но при этом... при этом он упомянул одну деталь. Деталь, которая зацепила меня. Он сказал, что когда ей было три года, она нашла на улице раненого голубя. Крыло было сломано, птица билась в агонии. Обычный ребенок заплакал бы. Попытался бы спасти.

Побежал бы за помощью. А она... она просто взяла птицу, спокойно, без эмоций, свернула ей шею. Чтобы прекратить страдания. А потом вырыла могилку. Не ямку. Могилку. С геометрической точностью. И закопала. И вернулась домой, не сказав ни слова.

Кир и Ник замерли. В их глазах читалось потрясение.

- Я тогда подумал, - продолжил Тимур, - что это не жестокость. Это... принятие. Принятие смерти. Принятие реальности. В три года. Это не нормально. Это... это признак старой души. Признак силы, которая не ломается под весом мира. Я заинтересовался. Я выяснил, кто он. Где живет. Мы познакомились. Оказалось, он ученый. Геронтолог. У него всегда в мае проходят конференции в Сочи. Мы стали встречаться. Раз в год. В мае. В «Жемчужной».

Тимур замолчал, глядя на свои руки.

- Я наблюдал за ним. За тем, как он говорит о дочери. И я видел... что-то странное. Я видел, как он боится её. Не любит. Боится. Боится её взгляда и её спокойствия. Боится того, что она видит в нем то, что он прячет от всех. Я думал, это просто сложный характер. Я не знал... я не мог знать, что там, в шесть лет, произошло то, что произошло. Я не знал про ту комнату. Про ту руку. Про то предательство.

Он поднял глаза, посмотрел на Кира и Ника.

- Но когда Сократ привел её к нам... когда я увидел её глаза... я понял. Я понял, что та девочка, которая свернула шею голубю в три года, выжила. Что она не сломалась. Что она

стала Кармой. И когда Икша вошел в мой дом, когда он посмотрел на неё своим сальным взглядом... я не мог позволить ему жить. Не мог позволить ему думать, что он имеет право дышать одним воздухом с ней. Я убил его не ради стратегии. Не ради плана. Я убил его потому что... потому что я не мог иначе. Потому что я люблю её. Как дочь. Как Карму. Как ту, кто спасла меня от пустоты.

В кабинете повисла тишина. Тяжелая, звенящая тишина.

Кир медленно убрал пистолет в кобуру. Его лицо было бледным, но в глазах стояло понимание. Ник стоял неподвижно, но в его темных глазах плескалось что-то, что можно было назвать уважением. Глубоким, абсолютным уважением.

- Ты не должен был делать это один, - тихо сказал Ник.

- Я знаю, - ответил Тимур. - Но иногда... иногда отец должен взять грех на себя. Чтобы дочь осталась чистой.

Кир подошел к столу, положил на него руку.

- В следующий раз, - сказал он, и в его голосе не было упрека. Было обещание. - В следующий раз мы сделаем это вместе. Все вместе.

Тимур кивнул.

- Вместе, - повторил он.

И в этой тишине, в этом полумраке кабинета, в этом кругу трех мужчин, связанных кровью, болью и любовью, родилось новое понимание. Понимание того, что они не просто охраняют Яну. Они живут ради неё. Они умирают ради неё.

И они готовы нести любой груз, любую вину, любую боль, лишь бы она оставалась той, кто она есть. Той, кто свернул шею голубю в три года. Той, кто вычистил ванну до блеска в одиннадцать. Той, кто является их Кармой. Их смыслом. Их жизнью.

***

Обратный путь в Москву прошел на удивление легко. Частный бомбардировщик Тимура рассекал ночное небо, и в салоне царила атмосфера, которую можно было назвать почти домашней. Яна сидела в глубоком кожаном кресле, укутавшись в плед, и пила любимый черешневый сок с газировкой из хрустального бокала. Пузырьки весело щекотали нос, а сладкий вкус напоминал о том, что кошмары Тбилиси остались позади.

Но самым удивительным было не вино. Самым удивительным был Ник.

Обычно молчаливый, замкнутый, предпочитающий сидеть у окна и смотреть в темноту, сегодня он был на удивление разговорчив. Он сидел напротив Яны, держа в руке стакан с виски, и рассказывал какую-то историю из своей юности, когда он только начинал работать на Тимура.

- ...и тогда этот придурок, который должен был следить за периметром, уснул прямо на посту, - говорил Ник, и в его голосе звучали редкие, почти неуловимые нотки иронии. - А я, вместо того чтобы его разбудить, просто привязал его ботинки шнурками к ножке стула. Когда он вскочил по тревоге,

он рухнул лицом в грязь. Тимур тогда посмотрел на него и сказал, что если он еще раз уснет, он привяжет его к мишени.

Кир, сидевший рядом с Яной, расхохотался так громко, что стюардесса в хвосте салона вздрогнула.

- Удав, ты только что пошутил? - выдохнул Кир, вытирая выступившую слезу. - Мир рухнул. Солнце встало на западе. Ник рассказывает анекдоты. Я требую немедленной проверки на угон личности!

- Не льсти себе, Кир, - усмехнулся Ник, делая глоток виски. - Это не анекдот. Это констатация факта. Просто ты слишком туп, чтобы оценить тонкий юмор.

- О, это был удар ниже пояса, - Кир приложил руку к сердцу, изображая раненого. - Янка, ты слышала? Он оскорбил мой интеллект. Требую сатисфакции!

Яна смеялась, глядя на них. Ее сердце наполнялось теплым, светлым чувством. Они поладили. После той страшной драки во дворе, после крови и слез, после признаний в подвале и на крыше, они нашли общий язык. Они больше не были соперниками, разрывающими ее на части. Они были братьями. Ее Треугольник обрел свою окончательную, идеальную форму.

- Вы оба идиоты, - сказала она, смеясь и отпивая шампанское. - Но вы мои идиоты.

Кир перестал смеяться, его лицо стало серьезным, но в глазах стояла такая нежность, что Яна почувствовала, как щеки заливаются румянцем. Он протянул руку и накрыл ее

ладонь своей.

- Твои, малая, - тихо сказал он. - Навсегда твои.

Ник кивнул, не отрывая от нее взгляда.

- Навсегда, - подтвердил он.

Самолет плавно снижался. За иллюминатором в темноте проступали огни Москвы. Огромный, серый, холодный, но родной город. Яна прижалась лбом к холодному стеклу. Она возвращалась домой. Но она знала, что это будет уже не тот дом, из которого она улетала.

***

Черный внедорожник Тимура свернул с шумной улицы в знакомый, слегка мрачный двор в Коньково. Здесь пахло мокрым цементом московских панелек, старыми тополями и тем особенным столичным воздухом, который не спутаешь ни с каким другим. Яна сидела на заднем сиденье, прижавшись к Киру. Ник сидел впереди, но постоянно оборачивался, проверяя периметр, хотя во дворе было тихо.

Машина остановилась у ее подъезда. Яна ожидала, что Кир откроет дверь и они поднимутся к ней, в ее маленькую квартиру, где пахло маминими духами и старой пылью. Но Кир не шевельнулся.

Тимур, сидевший впереди, обернулся. Его лицо в полумраке салона было непроницаемым.

- Выходим, - сказал он.

- Мы приехали, отец? - спросила Яна, глядя на знакомые окна своего второго этажа.

- Мы приехали домой, - поправил ее Тимур. - Выходите все.

Яна нахмурилась, но вышла из машины. Кир и Ник вышли следом, мгновенно встав по обе стороны от нее, сканируя двор. Яна огляделась. Двор был пуст. Только где-то вдалеке лаяла собака, и горел тусклый фонарь у детской площадки.

- Тимур, что происходит? - спросила она, чувствуя, как внутри нарастает тревога. - Почему мы стоим во дворе? Почему вы не идете домой?

Тимур подошел к ней, положил руку ей на плечо.

- Посмотри внимательно, Яна, - сказал он тихо.

Яна посмотрела. И вдруг она заметила движение. Из первого подъезда, где жила старая женщина с кошкой, вышел Раф. Он кивнул ей и скрылся за тяжелой металлической дверью. Из третьего подъезда, где раньше жил пьяница дядя Вася, вышел Сократ. Он поправил очки, улыбнулся ей и тоже вошел внутрь. Фанси направился ко второму подъезду.

Яна широко распахнула глаза. Она перевела взгляд на Тимура, потом на Фанси, потом на Сократа.

- Вы... - прошептала она. - Вы все...

- Твой двор, Яна, - спокойно произнес Тимур. - Теперь это наша крепость. Я и Фанси выкупили квартиры во всех трех подъездах этого дома. Сократ живет на семнадцатом этаже. Кир и Ник — на пятнадцатом, почти под ним. Раф и люди заняли вторые, третьи и четвертые этажи. Фанси взял квар-

тиру над твоей. А я буду на десятом.

Яна стояла, не в силах вымолвить ни слова. Она смотрела на эти старые, обшарпанные подъезды, которые вдруг превратились в неприступную цитадель. Ее семья, ее тени, ее ангелы теперь жили здесь. В ее дворе. В ее доме.

- Но... моя квартира... - начала она, растерянно оглядываясь.

- Твоя квартира сейчас пустует, - перебил ее Тимур. - Мои люди уже установили там аппаратуру. Прослушку, камеры, датчики движения. Пока мы не убедимся, что периметр чист и система работает безупречно, ты там не живешь.

Он посмотрел на нее, и в его серых глазах мелькнула та самая, скрытая нежность.

- Добро пожаловать домой, дочка, - тихо сказал он.

Яна почувствовала, как к горлу подступает ком. Она посмотрела на Кира. Он усмехался, но в его глазах стояло торжество.

- Ну что, малая, - сказал Кир, беря ее за руку. - Пойдем к Сократу. У него, говорят, есть отличный чай и еще более отличные книги. А мы с Удавом займем наши апартаменты на пятнадцатом. Обещаем не шуметь после десяти.

- Я тебе не верю, - фыркнула Яна, но улыбалась сквозь слезы.

- Правильно делаешь, - подмигнул Кир. - Но сегодня мы будем паиньками.

Ник подошел к ней, взял ее вторую руку. Его пальцы были

теплыми.

- Иди, - тихо сказал он. - Сократ ждет. Мы поднимемся позже.

Яна кивнула. Она обняла Кира, потом Ника, потом Тимура. Она чувствовала себя самой защищенной девочкой на свете. Она развернулась и пошла к своему подъезду.

Лифт в этом доме был старым, скрипучим, он пах железом и чужими жизнями. Но сегодня Яна ехала в нем как королева. Цифры на табло медленно менялись: 5, 8, 12, 15, 17.

Дверь открылась с глухим лязгом. Яна вышла на площадку семнадцатого этажа. Здесь пахло старыми книгами, сухими травами и дорогим табаком. Дверь квартиры Сократа была слегка приоткрыта.

Она толкнула ее и вошла.

Квартира Сократа была огромной, несмотря на типовую планировку. Стены от пола до потолка были заставлены книжными шкафами. В углу горел камин — настоящий, дровяной, что было чудом для московской панельки. Посреди комнаты стоял низкий столик, застеленный тяжелой скатертью, и на нем уже стоял заварочный чайник и две чашки.

Сократ сидел в глубоком кресле у окна, глядя на огни Москвы. Он обернулся, услышав ее шаги, и его лицо озарилось теплой, мудрой улыбкой.

- Яночка, - сказал он, вставая. - Проходи. Я как раз заварил пуэр. Говорят, он проясняет мысли и согревает душу.

Яна подошла к нему, сбросила куртку и села в кресло на-

против. Сократ налил ей чай. Жидкость была темной, густой, с запахом земли и дыма.

- Спасибо, - сказала она, обхватывая чашку ладонями. - Спасибо, что вы все здесь.

Сократ сел, взял свою чашку.

- Знаешь, Яна, - тихо начал он, глядя на нее поверх очков, - в древности говорили, что дом - это не стены. Дом - это те, кто разделяет с тобой тишину. Мы разделили с тобой многое. Боль, страх, кровь. Но теперь мы разделим с тобой и тишину. И это, пожалуй, самое важное.

Яна сделала глоток чая. Он был горьким, но тепло мгновенно разлилось по телу, согревая изнутри.

- Я видела отца, - сказала она вдруг. Ей нужно было сказать это здесь, в этом безопасном пространстве, где пахло книгами и спокойствием. - На рынке. В Тбилиси.

Сократ не вздрогнул. Он не удивился. Он просто медленно кивнул, его глаза стали серьезными.

- Я знаю, - сказал он. - Фанси рассказал мне. Он увидел это в твоих глазах, когда вы вернулись.

- Я не сказала ему, - прошептала Яна. - Я не хотела, чтобы он знал.

- Мудрое решение, - произнес Сократ. - Фанси - человек действия. Он бы сжег этот рынок вместе с твоим отцом. А тебе сейчас нужна не месть. Тебе нужна ясность.

Он отпил чай.

- Твой отец - это тень, Яна. Тень прошлого. Но ты не мо-

жешь бороться с тенью, если сама стоишь на свету. Ты теперь на свету. У тебя есть Кир, Ник, Тимур. У тебя есть весь цыганский мир, который теперь знает тебя как Белого Быка. Твой отец - это просто человек. А ты - Карма.

Яна посмотрела на него. В его словах не было пафоса. Только спокойная, неопровержимая истина.

- Ты права, что не пошла в свою квартиру, - продолжил Сократ. - Твоя квартира - это место, где ты была ребенком. Где тебя не услышали. Где тебе сказали, что ты выдумываешь. Тебе не нужно там жить, пока ты не будешь готова переписать эту память. А здесь, на семнадцатом этаже, ты будешь в безопасности. Здесь мы будем читать книги, пить чай и смотреть на город.

Яна улыбнулась. Она подошла к окну, встала рядом с Сократом. Внизу, в темноте, горели окна ее двора. В одном из них горел свет - это был Кир или Ник. В другом - Фанси. В третьем - Тимур.

Они были здесь. Они были рядом.

- Сократ, - тихо сказала она, глядя на огни. - А что будет дальше?

- Дальше, - ответил Сократ, подходя к ней и кладя руку ей на плечо, - будет жизнь. Обычная, сложная, прекрасная жизнь. Ты пойдешь в школу. Ты будешь учиться. Ты будешь расти. А мы будем рядом. Мы будем твоим щитом, твоей тенью и твоей опорой.

Яна закрыла глаза. Она чувствовала тепло его руки, запах

пуэра, тишину высокой комнаты. Она чувствовала, как где-то внизу, в этом самом доме, бьются сердца ее мужчин.

Она была дома. Не в квартире на пятом этаже. А здесь. В этом огромном, невидимом доме, который они построили для нее. В этом Треугольнике, который стал ее миром.

И что бы ни принесло завтра, она знала одно. Она не одна. Она никогда не будет одна.

Глава 41

Глава 41. Клятвы

Читать под трек **«Ты беги» SOKRAT, LERA**

Сегодня квартира Сократа на семнадцатом этаже пахла не старыми книгами и дорогим табаком, как обычно, а чем-то совершенно чуждым для этого места, чем-то до абсурда детским и легким. Воздух был наполнен шуршанием латекса и резкими, хлопающими звуками, которые заставляли Рафа, стоявшего у двери, едва заметно вздрагивать. Кир сидел на полу посреди гостиной, обложенный десятками разноцветных шариков, и с сосредоточенным видом профессионального сапера надувал очередной красный шар, периодически сплевывая его, чтобы тот не улетел под потолок. Ник, обычно предпочитавший тень и тишину, стоял у кухонного острова и с хирургической точностью разрезал огромную, дымящуюся пиццу на идеально равные треугольники.

Яна сидела на диване, поджав ноги, одетая в огромную футболку Сократа, которая доходила ей до колен, и в пушистые носки с оленями. Она смотрела на эту картину и чувствовала, как внутри нее разжимается тугой узел, который не отпускал ее с самого прилета в Москву. Здесь, в этом бетонном муравейнике Коньково, на семнадцатом этаже, они создали для нее пузырь. Изолированный, безопасный, наполненный светом.

Тимур отпустил ее сюда с неохотой, которая читалась в каждом его движении, когда он передавал Яну Киру у подъезда. Его серые глаза скользнули по Нику, потом по Киру, и он медленно, с видимым усилием произнес фразу, которая заставила обоих мужчин выпрямить спины: «Помните про животы. Я не шучу. Утром в шесть она должна быть в своей кровати, с кубком в руках, и ни одна душа в Коньково не должна узнать, где она была на самом деле». Кир тогда только кивнул, сглотнув, а Ник просто медленно моргнул, что в его случае означало клятву кровью.

Но сейчас, в этой комнате, не было ни Тимура, ни угроз, ни Аида, ни цыганских пророчеств. Была только пицца, кока-кола в стеклянных бутылках и гора шариков.

- Удав, ты режешь ее так, будто она должна пройти баллистическую экспертизу, - фыркнул Кир, завязывая хвостик на синем шаре и отпуская его в полет. - Расслабься. Это просто пепперони, а не вражеский агент.

Ник не обернулся. Он аккуратно переложил три идеальных куска на бумажную тарелку и подошел к Яне, протягивая ей еду.

- Структура имеет значение, - тихо произнес он, садясь на край дивана рядом с ней. - Если резать хаотично, начинка выпадает. А начинка - это самое важное.

Яна взяла кусок, откусила, и горячий, тягучий сыр приятно обжег язык. Она посмотрела на Ника, потом на Кира, который уже пытался приклеить скотчем шарик к люстре,

и рассмеялась. Смех был звонким, искренним, таким, каким должен смеяться ребенок, а не стратег, планирующий зачистку кланов.

- Вы знаете, - сказала она, прожевывая, - что вы оба совершенно ненормальные? Кир надувает шары до тех пор, пока они не лопаются ему в лицо, а Ник проводит баллистический анализ пиццы.

Кир оторвался от люстры, отряхивая руки, и сел на пол у ее ног, прислонившись спиной к дивану.

- Малая, это называется компенсация, - усмехнулся он, глядя на нее снизу вверх. - Мы всю жизнь имеем дело с вещами, которые взрываются, стреляют и кусаются. А тут... тут мы просто делаем так, чтобы тебе было весело. Это сложная тактическая операция, поверь мне.

Ник медленно повернул голову, его темные глаза встретились с глазами Кира. В этом взгляде не было соперничества. Было глубокое, молчаливое согласие. Они оба делали одно и то же. Они оба отдавали ей ту часть себя, которую прятали от всего мира. Кир отдавал свой смех, свою способность превращать хаос в праздник. Ник отдавал свою сосредоточенность, свою способность создавать порядок и безопасность в каждом, даже самом мелком действии.

- А что самое важное в этой тактической операции? - спросила Яна, наклоняясь к Киру и щекоча его по макушке.

Кир поймал ее руку, его пальцы были теплыми, чуть шершавыми. Он медленно, почти незаметно для стороннего на-

блюдателя, провел большим пальцем по ее запястью, там, где бился пульс. Но Ник это заметил и улыбнулся про себя.

- Самое важное, - тихо сказал он, и в его голосе исчезла вся ирония, - это чтобы ты запомнила этот вкус. Вкус нормальной жизни. Чтобы ты знала, что она существует. И чтобы ты знала, что мы всегда будем рядом, чтобы этот вкус не исчез.

Яна замерла. Воздух в комнате на секунду стал густым, насыщенным тем самым невидимым напряжением, которое всегда висело между ними троими. Это не было романтическое напряжение в привычном, пошлом смысле. Это было напряжение трех магнитов, которые нашли свою идеальную полярность. Она посмотрела на Ника. Он не отводил взгляда. Его рука, лежавшая на колене, медленно перевернулась ладонью вверх, в немом приглашении. Яна медленно опустила свою свободную руку и положила ее на его ладонь. Его пальцы сразу же сомкнулись вокруг ее руки, крепко, надежно, закрывая ее ладонь полностью.

Они сидели так, втроем, в окружении разноцветных шариков, под жужжание холодильника Сократа, и в этой тишине было больше близости, чем в любых словах. Яна чувствовала тепло руки Ника и тепло спины Кира, прижатой к ее ногам. Она знала, что они оба готовы сгореть дотла, лишь бы она могла вот так, в пижаме, есть пиццу и смеяться. Это знание было тяжелым, но оно было и ее опорой.

Весь вечер они дурачились. Кир пытался научить Яну

жонглировать тремя помидорами, что закончилось тем, что помидоры оказались на потолке, а Ник с каменным лицом собирал их оттуда с помощью швабры. Они пили кока-колу прямо из горлышка, спорили о том, кто из супергероев победил бы в драке, и Яна с удивлением обнаружила, что Ник яростно отстаивает точку зрения, что Бэтмен просто купил бы Супермена, потому что у него больше ресурсов. Кир хохотал до слез, а Яна смеялась так сильно, что у нее заболели щеки.

Это была ночь, которую она будет помнить всегда. Не потому что произошло что-то грандиозное. А потому что впервые за долгое время она чувствовала себя просто девочкой. Девочкой, которую любят. Девочкой, которая находится в центре вселенной, состоящей из двух мужчин, готовых на все ради одной её улыбки.

***

Одно мартовское утро встретило ее серым, колючим небом Москвы. Снег, который шел всю ночь, превратился в грязную, мокрую кашу под колесами машин. Яна стояла у окна в квартире Сократа, глядя на панельные многоэтажки, и чувствовала, как детство, которое она прожила за последние двенадцать часов, медленно испаряется, уступая место привычной, холодной броне.

В ее рюкзаке лежал тяжелый хрустальный кубок. Тимур подготовил его лично. Гравировка гласила: «За победу в региональной олимпиаде по математике. Санкт-Петербург,

март 1997». Легенда была выстроена безупречно. Билеты, справки, даже фальшивые фотографии, где она стояла на фоне Исаакиевского собора.

- Пора, малая, - тихо сказал Кир, появляясь в дверях. Он был одет в свой обычный черный костюм, но сегодня он выглядел не как хищник, а как строгий, заботливый отец. - Машина ждет. Сделаем круг.

Яна кивнула, надевая свое серое, ничем не примечательное пальто. Она обняла Кира, потом подошла к Нику. Он не обнял ее. Он просто положил обе руки ей на плечи, посмотрел прямо в глаза и медленно кивнул. В этом кивке было все: «Я буду рядом. Я вижу все. Я защищаю».

Круговая поездка до подъезда прошла в молчании. Черный внедорожник скользил по мокрой Москве, и Яна смотрела в окно, прощаясь с Тбилиси, с горами, с запахом жасмина и крови. Она возвращалась в свой мир. В мир, где нужно было носить маску.

Когда машина вновь остановилась у ее подъезда, Кир вышел, открыл ей дверь и проводил до самого входа.

- Кубок неси гордо, - усмехнулся он, растрепав ее волосы. - И помни, если этот ублюдок начнет давить, просто вспомни, как Ник режет пиццу. Это успокаивает.

Яна слабо улыбнулась и вошла в подъезд. Лифт пах мочой и дешевым табаком. Она поднялась на пятый этаж, достала ключи и открыла дверь своей квартиры.

Запах ударил ей в лицо первым. Запах вареной капусты,

старого линолеума и пыли. Но под ним, едва уловимый, был другой запах. Дешевый одеколон «Саша», смешанный с запахом табака и чем-то еще, что заставило желудок Яны мгновенно сжаться в тугой, холодный комок. Это был непривычный запах для этой квартиры.

Она замерла в прихожей. Сердце пропустило удар, а затем начало биться где-то в горле, отдавая тупой болью в висках. Инстинкт кричал ей бежать. Бежать обратно в лифт, бежать на семнадцатый этаж к Сократу, к Киру, к Нику. Но разум, холодный и трезвый разум Кармы, взял контроль. Она не могла бежать. Бегство означало страх. А страх он чувствовал за версту.

Яна медленно сняла пальто, повесила его на крючок. Ее руки не дрожали. Она заставила их не дрожать. Она сделала глубокий вдох, выдохнула и шагнула в кухню.

За обеденным столом, на котором обычно лежали только счета и старые газеты, сидел он. Андрей Петрович. Ее биологический отец.

Он выглядел так же, как в ее кошмарах. Те же тяжелые, мешковатые плечи. То же лицо, покрытое легкой, нездоровой краснотой. Он держал в руках чашку с чаем и смотрел на нее маленькими, бегающими глазами.

- А, - произнес он, и его голос был тягучим, неприятным. - Вернулась. Олимпиадница.

Яна подошла к столу, поставила рюкзак на стул.

- Привет, папа, - сказала она. Голос был ровным. Слиш-

ком ровным. - Я не знала, что ты приедешь. Бабушка Катя не говорила.

- Мама ушла в магазин, - Андрей Петрович отхлебнул чай, его взгляд скользнул по ней, оценивая, сканируя. - А я решил зайти. Повидать дочь. Услышать про успехи. Садись.

Яна села. Она чувствовала, как ее кожа покрывается холодным потом, но ее лицо оставалось маской спокойствия. Она знала этот взгляд. Это был взгляд человека, который ищет трещину в броне.

- Ну, рассказывай, - сказал он, ставя чашку на блюдце. Звук фарфора прозвучал как выстрел. - Как Питер? Как олимпиада? Я слышал, там были сильные конкуренты. Из Москвы, из Питера. Ты ведь не опозорилась?

- Я заняла первое место, - ответила Яна, глядя ему прямо в глаза. - Вот кубок.

Она медленно достала из рюкзака тяжелый хрусталь и поставила его на стол между ними. Андрей Петрович посмотрел на кубок, потом на нее. В его глазах мелькнуло что-то странное. Не гордость. Скорее, раздражение. Или недоверие.

- Первое место, - протянул он. - В одиннадцать лет. Среди старшеклассников. Это... впечатляет. Ты ведь даже не готовилась специально. Или готовилась? Где ты брала материалы? В нашей библиотеке их нет.

- Я читала в интернете, - соврала Яна, не моргнув. - В компьютерном клубе.

Андрей Петрович усмехнулся.

- В интернете, - повторил он, словно пробуя слово на вкус. - Да. Сейчас все в интернете. А ты, Яна, ты ведь не только в интернете сидела. Ты ведь в Питере была. В большом городе. Много нового увидела? Много новых людей встретила?

Это был удар. Прямой, точный, рассчитанный на то, чтобы вывести ее из равновесия. Он проверял. Он знал, что она врет про олимпиаду, или, по крайней мере, подозревал это. Но он не знал, где она была на самом деле.

- Я видела Исаакиевский собор, - спокойно ответила Яна. - И Эрмитаж. Там очень красиво.

- Только собор и Эрмитаж? - он наклонился вперед, его локти уперлись в стол. - А люди? Ты ни с кем не познакомилась? Никаких... интересных дяденек? Никаких профессоров, которые обратили внимание на талантливую девочку?

Яна почувствовала, как внутри нее поднимается холодная, яростная волна. Он знал про Тбилиси? Нет. Не мог знать. Если бы он знал, он бы не задавал эти вопросы. Он бы действовал. Это была просто его паранойя. Его патологическая потребность контролировать и унижать.

- Я общалась только с учителями, - сказала она, и в ее голосе появилась стальная нотка. - Мы решали задачи. Папа, если ты не против, я пойду. У меня еще уроки не сделаны.

Андрей Петрович медленно откинулся на спинку стула. Он смотрел на нее еще несколько секунд, а потом его лицо расслабилось, приобретая то самое, фальшиво-доброжелательное выражение, от которого у Яны начинала тошнить.

- Конечно, конечно, - сказал он, разводя руками. - Учись, дочка. Ум - это главное. А чтобы ум развивался, нужно читать. Разнообразную литературу.

Он протянул руку под стол и достал два тяжелых, потрепанных тома. Он положил их на стол, прямо рядом с хрустальным кубком.

- Я был в командировке, - начал он, и его голос стал вкрадчивым, почти гипнотическим. - Читал доклады на конференции по офтальмологии. Про глазной хрусталик, про катаракту. Скучная штука. Но после конференции, прямо на вокзале я нашел книжный развал. И купил кое-что для тебя. Для общего развития. Чтобы ты понимала, какой мир вокруг тебя большой и разнообразный.

Яна посмотрела на книги. Верхняя была в яркой, цветной обложке. На ней был изображен индеец в головном уборе из перьев. «Дети Великого Равнинного Народа».

- Индейцы, - произнесла она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. - Спасибо. Я люблю про индейцев.

- Да, - кивнул Андрей Петрович, его глаза сузились. - Индейцы. Гордые люди. Живут по своим законам. Но это не главное. Главное - под ней.

Яна медленно, очень медленно протянула руку и взяла верхнюю книгу. Под ней лежала другая. Потертая, с темно-зеленой обложкой, на которой золотыми буквами было выведено название: «Цыгане: История, Культура, Пророчества».

Мир вокруг Яны на секунду остановился. Звук холодильника исчез. Шум улицы за окном исчез. Остался только стук ее собственного сердца, который бился так громко, что ей казалось, он вот-вот разобьет ребра. Цыгане. Баро. Белый бык. Кулон, который сейчас лежал у нее в кармане пальто в прихожей.

Как он узнал?

Этот вопрос врезался в ее мозг, как раскаленный гвоздь. Откуда он мог знать? Он не был в Тбилиси. Он не был в горах. Он обычный ученый, геронтолог, который читает доклады про катаракту. Это совпадение. Это должно быть совпадением. Но ее интуиция, та самая древняя, отточенная интуиция, которая спасла ей жизнь в подвале с Икшей, кричала об обратном. Это не совпадение. Это послание. Или... или он знает.

Яна заставила себя моргнуть. Заставила себя медленно взять вторую книгу. Ее пальцы не дрожали. Она вложила в это движение всю свою волю, всю свою карму, всю свою ненависть к этому человеку.

- Цыгане, - тихо произнесла она. - Интересный выбор. Спасибо, папа. Я почитаю.

Андрей Петрович смотрел на нее. Он искал страх, искал панику. Он хотел увидеть, как она сломается, как она начнет путаться в словах, как она выдаст себя. Но он видел только спокойную, вежливую девочку, которая благодарит отца за подарок.

Его лицо дрогнуло. Едва заметно. Но Яна увидела это. Он был разочарован.

- Ну вот и хорошо, - сказал он, вставая со стула. - Читай. Мир полон сюрпризов, Яна. И ты должна быть к ним готова. Я пойду. Мне еще к поезду.

Он обошел стол, прошел мимо нее. Яна чувствовала его запах, чувствовала тепло его тела, и каждый инстинкт в ней требовал ударить, убежать, закричать. Но она сидела неподвижно, глядя в стену.

Когда дверь за ним закрылась, Яна выдохнула. Только один раз. Глубоко, до боли в легких. Она встала, взяла книги, сунула их в рюкзак, схватила кубок и выбежала из квартиры.

Она не пошла домой. Она побежала. Она бежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, ее легкие горели, ноги подкашивались, но она не останавливалась. Она добежала до семнадцатого этажа, едва не сбив с ног Рафа, который стоял на лестничной клетке, и влетела в квартиру Сократа.

В гостиной сидели все. Тимур, Фанси, Сократ, Кир и Ник. Они пили чай. Они выглядели спокойными, но когда Яна влетела в комнату, бледная, с дикими глазами, все мгновенно замерли. Кир вскочил с дивана, Ник уже был на ногах, его рука инстинктивно метнулась к поясу.

- Он знает, - выдохнула Яна, бросая рюкзак на пол. - Андрей Петрович. Он знает про цыган. Он дал мне книгу. Про цыган.

В комнате повисла тишина. Тимур медленно поставил

чашку на блюдце. Его лицо оставалось каменным, но в глазах вспыхнул холодный, опасный огонь.

- Успокойся, Яна, - тихо сказал он. - Сядь.

- Ты не понимаешь! - Яна подошла к столу, ее руки дрожали, но она сжала их в кулаки. - Он дал мне книгу. Под книгой про индейцев. Он сказал, что купил на развале. Но он смотрел на меня так... Он проверял меня. Он знает про Баро. Он знает про Белый Бык.

Тимур медленно поднял на нее глаза.

- Яна, - сказал он, и в его голосе не было тревоги. Было спокойствие хирурга, который знает, где именно нужно сделать разрез. - Мы знаем про книгу. И мы знаем, что он тебе сказал.

Яна замерла. Она посмотрела на Кира. Кир отвел взгляд. Она посмотрела на Ника. Ник смотрел на нее прямо, и в его глазах читалось извинение.

- Что... что вы знаете? - прошептала она.

- У нас в твоей квартире установлена прослушка, - спокойно сказал Тимур. - И видеокамера в кухонном углу. Мы слышали все. С самого момента, как ты вошла в дверь.

Яна отшатнулась, словно ее ударили. Она посмотрела на потолок, на стены, на безобидные предметы интерьера.

- Вы... вы слушали? Вы слушали, как он... как он говорил со мной?

- Мы слушали, - твердо сказал Тимур. - Потому что мы должны были знать, с кем имеем дело. И мы услышали до-

статочно.

Яна медленно опустилась на стул. Внутри нее все кипело. Чувство предательства, смешанное с облегчением. Они знали. Они слышали, как он давил на нее. И они ничего не сделали. Не вмешались.

- Почему вы не пришли? - тихо спросила она, глядя в пол. - Почему вы позволили ему говорить со мной?

Кир подошел к ней, опустился на корточки рядом с ее стулом.

- Малая, - сказал он, и в его голосе была та самая, щемящая нежность. - Если бы мы ворвались туда, он бы понял, что ты не просто девочка. Он бы понял, что за тобой стоит сила. И он бы исчез. А нам нужно знать, кто он. Нам нужно знать, насколько он опасен.

- Но он дал мне книгу про цыган, - настаивала Яна, поднимая на них глаза. - Это не просто так. Откуда он мог знать? Он не был в Тбилиси. Он не мог знать про Баро.

Сократ, который до этого молча сидел в кресле, медленно снял очки и протер их платком.

- Это и есть главный вопрос, Яна, - сказал он, его голос был ровным, академическим. - Почему именно цыгане?

Тимур встал, подошел к окну, заложив руки за спину.

- Давай разберем факты, - начал он, и его голос приобрел ту самую, командную интонацию, которая заставляла всех слушать. - Андрей Петрович - ученый. Геронтолог. Он ездит по конференциям. Он бывает на книжных развалах. Теоре-

тически, он мог просто купить эту книгу случайно.

- Теоретически, - фыркнул Кир, вставая и начиная ходить по комнате. - А практически, Тимур, ты сам видел, как он на нее смотрел. Это был не случайный подарок. Это был намек.

- Но намек на что? - спросил Фанси, его старые глаза были серьезными. - Откуда обычный ученый может знать про пророчество Белого Быка? Это тайна, которую хранят только старые роды. Баро не стал бы разглашать это.

- Значит, он не от Баро, - тихо сказал Ник. Его голос прозвучал как удар хлыста. Все обернулись к нему. Он стоял у стены, его лицо было непроницаемым. - Если он не от Баро, значит, он знает про цыган из другого источника.

- Из какого? - спросила Яна.

Ник медленно повернул голову, посмотрел на нее.

- Из источника, который связан с Аидом, - сказал он. - Или из источника, который связан с твоим отцом на более глубоком уровне.

В комнате повисла тяжелая тишина. Яна почувствовала, как холод пробирает ее до костей. Аид. Тот, кто хочет ее. Тот, кто убил Икшу. Если Андрей Петрович как-то связан с Аидом...

- Но он же просто ученый, - прошептала Яна. - Он читает доклады про хрусталик.

- Идеальное прикрытие, - сухо заметил Кир. - Или идеальная маскировка. Если он работает на Аида, он имеет доступ к информации. Он мог узнать про цыган через каналы

Аида. Он мог получить задание проверить тебя. Узнать, что ты знаешь.

- Но зачем тогда книга? - спросил Сократ. - Если он агент, зачем давать ей подсказку? Зачем пугать ее? Это нелогично.

Тимур обернулся от окна.

- Именно, - сказал он. - Это нелогично. Если бы он хотел тебя запугать, он бы сделал это напрямую. Если бы он хотел тебя проверить, он бы задал прямые вопросы. А он дал тебе книгу. Это не действие агента. Это действие... наблюдателя.

- Наблюдателя? - переспросила Яна.

- Да, - кивнул Тимур. - Человека, который знает больше, чем должен. Человека, который хочет, чтобы ты знала, что он знает. Это игра. Он играет с тобой.

- Я не хочу играть с ним, - тихо сказала Яна, и в ее голосе прозвучала такая холодная ярость, что Кир невольно улыбнулся. - Я вообще хочу, чтобы он исчез.

- Он исчезнет, - пообещал Ник. - Но не сейчас. Сейчас нам нужно понять правила его игры.

Тимур подошел к столу, положил руку на плечо Яны.

- Ты справилась сегодня, дочка, - сказал он тихо. - Ты не сломалась. Ты не выдала себя. Это было главное испытание. А книга... книга это просто ход в нашей общей партии. Мы примем этот ход. И мы ответим на него.

Яна посмотрела на него, потом на Кира, на Ника, на Сократа. Страх, который сжимал ее грудь в квартире, медленно отступал. Она была не одна. Они слышали все. Они знали

все. И они были готовы.

- Что мы будем делать? - спросила она.

- Мы будем читать, - улыбнулся Сократ, надевая очки. - Мы будем читать книгу про цыган. И мы будем искать в ней то, что Андрей Петрович хотел, чтобы ты нашла. А параллельно, Раф проверит все его командировки, все его контакты, все его шаги за последний год. Мы найдем ниточку.

Яна кивнула. Она встала, подошла к рюкзаку, достала книгу с темно-зеленой обложкой. Она провела пальцами по золотым буквам. Цыгане. Белый бык.

Она знала, что война только начинается. Но она также знала, что у нее есть армия. И что эта армия любит ее больше жизни.

- Я пойду к себе, - сказала она, направляясь к двери. - Мне нужно подумать.

- Яна, - окликнул ее Кир. Она обернулась. Он стоял посреди комнаты, его глаза были серьезными, но в них горел тот самый, теплый огонь. - Помнишь, как мы резали пиццу?

Яна слабо улыбнулась.

- Помню. Начинка - это самое важное.

- Вот именно, - кивнул Кир. - А начинка - это мы. Мы внутри. И он до нас не доберется.

Яна вышла из квартиры Сократа, закрыла за собой дверь. Она шла по коридору к лифту, и ее шаги были твердыми. Она вернулась в свою квартиру, в свой серый, панельный мир. Но теперь этот мир был другим. Теперь она знала, что

за каждой стеной, за каждым углом стоят они. Ее Треугольник. Ее семья.

Она положила книгу на стол, рядом с хрустальным кубком. И впервые за долгое время она почувствовала не страх перед Андреем Петровичем. А азарт. Азарт игрока, который знает, что у него на руках лучшие карты.

***

Следующее утро выдалось на редкость морозным и ветреным. Серые панельные многоэтажки Коньково, укутанные в иней, казались огромными, безжизненными монолитами, вросшими в промерзшую землю. Яна стояла у окна квартиры на семнадцатом, глядя на заснеженный двор, и пила горячий чай. Ей все еще было одиннадцать лет, но в ее отражении в стекле смотрела на нее женщина, прошедшая через огонь, кровь и древние пророчества. На ее груди, скрытая под плотной водолазкой, лежала тяжелая цепочка с кулоном в виде белого быка. Металл медленно нагревался от тепла ее тела, напоминая о том, что она больше не принадлежит этому серому, обыденному миру.

В квартире пахло свежей выпечкой и дорогим табаком. Где-то на кухне Сократ читал свою очередную книгу, а в коридоре бесшумно ходил Раф, проверяя замки. Тимур и Фанси заняли квартиры в соседних подъездах, Кир и Ник двумя этажами ниже. Двор Коньково превратился в неприступную крепость, но Яна должна была выйти из нее. Она должна была вернуться в школу.

Она надела свое обычное, ничем не примечательное пальто, замотала шею шарфом и спустилась вниз. На лестничной клетке ее ждал Кир. Он выглядел так, будто собирался не провожать ребенка в школу, а идти на штурм вражеской крепости. Его черная куртка была застегнута до самого горла, взгляд скользил по подъезду, фиксируя каждую деталь.

- Ну что, малая, - произнес он, открывая перед ней тяжелую металлическую дверь подъезда. - Готовься. Там тебя ждет настоящий ад школьной программы.

Яна слабо улыбнулась. После Тбилиси, после падения со скалы, после ножа, брошенного в глаз Икше, школьная программа казалась ей чем-то бесконечно далеким и нереальным.

- Я справлюсь, - ответила она, выходя на морозный воздух.

Кир проводил ее до самых ворот школы, его рука лежала на ее плече, тяжелая и успокаивающая.

- Я буду в машине через дорогу, - сказал он, наклоняясь к ней. - Если кто-то хоть косо посмотрит, ты просто моргни. Я разберусь.

Яна кивнула и пошла по скользкой, утоптанной дорожке к главному входу. Школа встретила ее привычным запахом потных кроссовок, хлорки и дешевого печенья из буфета. Грохот голосов в раздевалке, крики старшеклассников, звонки, отдающиеся эхом в длинных коридорах. Все это было таким знакомым и таким чужим одновременно. Яна сняла пальто, повесила его в свой шкафчик и пошла в класс кор-

рекции.

Ее класс располагался в самом конце коридора, в полуподвальном помещении, куда обычно ссылали тех, кто не вписывался в стандартную программу или имел проблемы с поведением. Здесь пахло сыростью и старыми учебниками. Яна села за свою парту у окна, достала тетрадь и замерла, глядя на исписанные страницы. Она чувствовала на себе взгляды. Одноклассники шушукались, переглядывались. Они заметили перемену в ней. Она больше не сутулилась, не прятала глаза. Она сидела ровно, ее взгляд был спокойным и тяжелым.

На второй перемене к ее парте подошел Богдан Шандор.

Богдан учился в параллельном классе, но по факту он был негласным лидером не только своего класса, но и всего подвального этажа школы. Ему было тринадцать, но выглядел он старше. Высокий, худощавый, с резко очерченными скулами и темными, почти черными глазами, в которых читалась ранняя, выстраданная взрослость. Его волосы были густыми, вьющимися, цвета воронова крыла. Он остановился у ее парты, положил руки на столешницу и посмотрел на нее прямо.

- Ян, - сказал он тихо, его голос был низким, с легким, едва уловимым акцентом. - Мне нужно поговорить с тобой. Наедине. За школой. У старых гаражей.

Яна подняла на него глаза. Она не знала Богдана лично, но видела его в школе. Он никогда не подходил к ней раньше.

Они существовали в разных мирах, даже находясь в одной школе.

- Зачем? - спросила она спокойно.

- Потому что так надо, - ответил Богдан. Его взгляд не дрогнул. - Это займет две минуты. Ты не боишься?

Яна усмехнулась. Усмешка была легкой, но в ней было столько стали, что Богдан на секунду замер.

- С недавних пор, я не боюсь ничего, что может предложить эта школа, - ответила она. - Веди.

Они вышли из здания через черный ход, который вел к старым, полуразрушенным гаражам и заброшенному пустырю за школьным стадионом. Ветер здесь гулял свободнее, сдувая снег с бетонных плит и гоняя по земле пустые консервные банки.

Яна шла рядом с Богданом, ее ботинки хрустели по насту. Когда они обогнули последний гараж, она остановилась.

У стены стояла группа парней. Их было человек десять. Все они были старше, от четырнадцати до шестнадцати лет. Некоторые из них учились в старших классах этой школы, других Яна видела впервые, но по форме курток и манере держаться было понятно, что они из соседних профтехучилищ. Но самым странным было другое. Все они были брюнетами. Темные волосы, карие или черные глаза, смуглая кожа, высокие скулы. Они стояли полукругом, и в их позах не было обычной подростковой развязности или агрессии. В них было что-то другое. Выжидательное. Почтительное.

Яна медленно обвела их взглядом. Ее интуиция, отточенная в горах Грузии, мгновенно считала информацию. Одна кровь. Один корень.

Богдан сделал шаг вперед, встав рядом с ней. Он не смотрел на старшаков. Он смотрел только на Яну.

- Они пришли не драться, - сказал Богдан тихо. - Они пришли поклониться.

Яна нахмурилась, не понимая.

Один из парней, высокий, с шрамом над бровью, шагнул вперед. Он был одет в потертую кожаную куртку, на его шее блестела тонкая золотая цепочка. Он посмотрел на Яну, и в его взгляде не было насмешки. Было глубокое, почти благоговейное уважение. Медленно, очень медленно, он склонил голову.

Следом за ним склонили головы остальные. Десять парней, которые могли бы сломать ее пополам без малейшего усилия, стояли перед одиннадцатилетней девочкой с опущенными головами. Ветер свистел в проводах, где-то вдалеке лаяла собака, но здесь, в этом бетонном загоне, повисла звенящая тишина.

Яна почувствовала, как по спине пробежал холодок. Но это был не страх. Это было узнавание. Она вспомнила двор цыганского барона в Тбилиси. Вспомнила старую женщину, кричащую «Белый бык». Вспомнила тяжесть кулона на своей груди.

Парень со шрамом поднял голову.

- Тебя зовут Яна Карманова, - сказал он, и его голос прозвучал твердо, как удар молотка по наковальне. - Мы слышали о тебе. Нам передали слово Баро. Ты Белый Бык. Та, кто помнит. Та, кто несет честь.

Яна молчала. Ее сердце билось ровно, но в висках пульсировала кровь.

- Мы чтим традиции, - продолжил парень, делая еще один шаг вперед. - Мы не спрашиваем, почему и как. Баро сказал, что ты наша. Это значит, что ты наша кровь. С этого дня мы твои глаза и уши в этом районе. Никто не тронет тебя. Никто не посмеет сказать о тебе плохое слово. Рассчитывай на нас.

Богдан стоял рядом, его темные глаза сияли тихой гордостью. Он знал. Он знал, кто она, еще до того, как это стало известно всем.

Яна смотрела на них. На этих парней, изгнанников, драчунов, тех, кого общество списало со счетов. Но здесь, в этой холодной бетонной коробке, они были рыцарями. Они пришли присягнуть на верность девочке, которую сами же вчера могли бы обидеть.

Она вспомнила слова Тимура. О том, как принимать дары. О том, что слабость в такие моменты недопустима. Она выпрямилась, расправила плечи. Ее взгляд стал тяжелым, властным. Она посмотрела на парня со шрамом, потом на остальных.

- Я принимаю ваше слово, - сказала Яна. Ее голос прозвучал четко, без дрожи, эхом отразившись от бетонных стен

гаражей. - Я помню честь. Я не забуду того, что вы пришли. Вы будете моими глазами. А я буду помнить, кто стоит за моей спиной.

Парень со шрамом кивнул. Он снова склонил голову, и на этот раз это был не просто жест. Это была клятва.

Они развернулись и ушли так же бесшумно, как и появились, растворившись в переулках между гаражами. Только Богдан остался рядом с ней.

- Пойдем, - сказал он, поправляя воротник куртки. - Урок через пять минут.

Они вернулись в школу. Коридор был все таким же шумным, но Яна чувствовала, что воздух вокруг нее изменился. Богдан шел рядом, его плечо почти касалось ее плеча. Он не смотрел на нее, не пытался заговорить. Он просто был там. Еще одна тень, которая теперь принадлежала ей.

Когда они вошли в класс коррекции, разговоры мгновенно стихли. Все смотрели на них. На серую мышку Яну Карманову и на Богдана Шандора, который никогда ни с кем не водился, кроме своих.

Яна прошла к своей парте и села. Богдан сел за соседнюю, хотя раньше всегда сидел в дальнем углу, когда занимался любимым делом - кочевал из класса в класс.

На перемене к парте Яны подошли Соломон и Сасун. Это были два крепких, наглых парня, которые чувствовали себя хозяевами класса только потому, что были на год старше и любили унижать тех, кто слабее. Соломон был рыжим, вес-

нушчатым, с вечной ухмылкой на лице. Сасун был темнее, коренастым, с тяжелым взглядом.

- О, смотрите, кто к нам пришел, - протянул Соломон, опираясь руками о парту Яны. - Цыганская подстилка. Ты чего это с Шандором заигрываешь? Решила в его шайку вступить? Или он тебя за мусорку принял?

Сасун хихикнул, толкнув Соломона в бок.

- Да ладно, она же просто подметать за ними будет, - добавил Сасун, глядя на Яну с презрением. - Эй, Карманова, ты вообще понимаешь, что они тебе сказали? Они тебя в стаю взяли, чтобы ты им ботинки чистила. Цыганская шлю...

Яна даже не успела моргнуть. Она не успела даже осознать смысл слов, которые только что услышала.

Произошло движение. Быстрое, как вспышка молнии. Богдан, который сидел за своей партой, даже не встал. Его рука метнулась к поясу, блеснуло что-то стальное, и раздался глухой, тошнотворный звук удара металла о дерево.

Соломон замер. Его глаза расширились до предела. Рядом с его головой, вонзившийся глубоко в деревянную школьную доску, дрожал нож. Лезвие вошло в дерево в двух сантиметрах от его уха. От резкого движения по доске посыпалась белая пыль, оседая на рыжих волосах Соломона.

В классе повисла мертвая тишина. Сасун отшатнулся, его лицо стало белым, как мел.

Богдан медленно поднялся со стула. Он не кричал. Его голос был тихим, ледяным, и от этого он казался еще более

страшным.

- Я сказал, - произнес Богдан, глядя прямо в глаза Соломону, - что она под моей защитой. Если ты еще раз откроешь рот в ее сторону, следующий нож будет не в доске. Он будет в твоем глазу. Понял?

Соломон не мог говорить. Он только быстро, судорожно кивнул, его кадык ходил ходуном.

Богдан медленно выдернул нож из доски. Лезвие было чистым, острым. Он убрал его за пояс, сел на свое место и открыл учебник, словно ничего не произошло.

Яна сидела неподвижно. Она смотрела на Соломона, который дрожащими руками собирал свои вещи, и чувствовала странное спокойствие. Она не боялась. Она знала, что Богдан не блефует. Она видела это в его глазах.

С тех пор все изменилось. Яна и Богдан ходили вместе на все уроки. Они не стали близкими друзьями. Они не обсуждали фильмы, музыку или домашние задания. Но между ними возникла невидимая связь. Богдан молча открывал перед ней дверь столовой, молча отодвигал стул, молча вставал между ней и любым, кто смотрел на нее слишком долго. Он был ее тенью. Ее щитом. И школа, которая раньше была для нее местом тихого унижения, превратилась в территорию, где ее боялись трогать.

Но настоящее испытание случилось на физкультуре.

Спортзал школы был огромным, с высокими потолками и запахом пота, резины и хлорки. В этот день его делили

на две части. В одной половине занимался ее класс, в другой одиннадцатый класс, в котором учились несколько цыганских парней, в том числе и тот, со шрамом, который присягал ей у гаражей.

Учитель физкультуры, грузный мужчина с красным лицом, разделил зал сеткой. Яна стояла у стены, наблюдая за игрой. Ее бывший класс, из которого ее вывели в коррекцию из-за «проблем с адаптацией после травмы», как было написано в личном деле Яны, тоже был в зале. Они занимались отдельно, но находились в той же зоне видимости.

Юля Пивоварова, высокая, длинноволосая девочка с идеальной укладкой и взглядом, полным яда, заметила Яну. Юля была лидером в их бывшем классе. Она любила власть, любила унижать и всегда выбирала жертв, которые не могли дать сдачи. Яна была ее любимой мишенью.

Юля подошла к сетке, скрестив руки на груди.

- Ой, смотрите, кто здесь, - громко сказала она, обращаясь к своим подружкам. - Карманова. Ты чего тут делаешь? Тебе что, в твоем классе скучно стало? Или ты пришла посмотреть, как нормальные люди в мяч играют?

Подружки Юли захихикали.

Яна даже не повернула голову. Она смотрела на парней из одиннадцатого класса, которые играли в баскетбол. Их движения были плавными, быстрыми, они понимали друг друга без слов.

- Эй, я с тобой разговариваю! - крикнула Юля, ее голос

стал резким. - Ты что, оглохла? Или в твоем классе даже говорить не научили?

Яна медленно перевела взгляд на Юлю. В ее глазах не было страха. Не было обиды. Было только холодное, оценивающее спокойствие.

- Я слышу тебя, Юля, - тихо сказала Яна. - Но мне не интересно то, что ты говоришь.

Юля покраснела от злости. Она не привыкла к отпору. Она шагнула ближе к сетке.

- Ах ты, выскочка! - зашипела она. - Ты думаешь, ты лучше всех? Ты просто ошибка, которую надо было исправить! Цыганская приживалка...

В этот момент мяч. Тяжелый, кожаный баскетбольный мяч, который один из парней из одиннадцатого класса бросил в кольцо, отскочил от щита и с огромной скоростью полетел в сторону сетки.

Он попал Юле Пивоваровой прямо в голову.

Звук удара был глухим и неприятным. Юля взвизгнула, схватилась за лицо и рухнула на пол, заливаясь слезами. Мяч откатился в сторону и остановился у ног Яны.

В зале повисла тишина. Учитель физкультуры бросился к Юле. Ее подружки окружили ее, причитая.

Юля подняла голову, ее нос покраснел, на щеке начинал наливаться синяк. Она посмотрела на Яну, и в ее глазах вспыхнула ненависть.

- Это она! - закричала Юля, указывая дрожащим пальцем

на Яну. - Карманова! Это она бросила! Она специально! Она хотела меня убить!

Учитель обернулся, посмотрел на Яну. Яна стояла неподвижно, ее руки были опущены. Мяч лежал в метре от нее.

- Я не бросала мяч, - спокойно сказала Яна. - Он отскочил от щита.

- Врешь! - визжала Юля, поднимаясь на ноги. - Ты завидуешь! Ты ненормальная! Ты...

Она не договорила.

Потому что в этот момент сетка, разделяющая зал, задрожала. Парни из одиннадцатого класса, которые до этого спокойно играли в баскетбол, бросили мяч и подошли к сетке. Их было шестеро. Высокие, крепкие, с темными глазами и лицами, закрытыми масками абсолютного, ледяного спокойствия.

Тот самый парень со шрамом перелез через сетку. Он не бежал. Он шел медленно, его тяжелые кроссовки скрипели по паркету. За ним последовали остальные. Они встали полукругом вокруг Яны, закрывая ее собой от Юли и ее подружек.

В зале стало так тихо, что было слышно, как капает вода из крана в умывальнике.

Парень со шрамом остановился в шаге от Юли. Он был на голову выше нее. Он посмотрел на нее сверху вниз, и в его взгляде было столько скрытой, первобытной угрозы, что Юля мгновенно замолчала, ее слезы высохли, рот при-

открылся, но ни звука не вылетело.

- Ты будешь молчать, - сказал парень со шрамом. Его голос был низким, хриплым, и он разнесся по всему залу. - Ты будешь молчать о ней. Ты будешь молчать о ее семье. Ты будешь молчать о ее классе. Если я еще раз услышу ее имя из твоего рта, я забуду, что ты девочка. Поняла?

Юля медленно, очень медленно кивнула. Ее подружки попятились, прижимаясь к стене. Учитель физкультуры стоял в стороне, бледный как полотно, не смея вмешаться. Он видел этих парней. Он знал, кто они. Он знал, с кем лучше не связываться в этом районе.

Парень со шрамом кивнул Яне, едва заметно, и развернулся. Они так же молча перелезли обратно через сетку и продолжили игру, словно ничего не произошло.

Яна стояла посреди зала. Она смотрела на Юлю, которая дрожала всем телом, и почувствовала странное, щемящее чувство. Не злорадство. Не радость. А глубокое, тихое понимание того, как устроен этот мир.

Мир не делится на хороших и плохих. Он делится на тех, кто имеет силу, и тех, кто ее не имеет. И сегодня, в этом пахнущем потом спортзале, она впервые за долгое время почувствовала, что сила на ее стороне. Не ее собственная. А сила тех, кто выбрал ее. Сила крови. Сила чести. Сила Белого Быка.

Она наклонилась, подняла баскетбольный мяч и медленно, аккуратно положила его на стойку. Потом развернулась и

пошла к выходу из зала. Богдан, который все это время стоял у двери, молча открыл ее перед ней и пошел следом, его тень сливалась с ее тенью на сером бетоне школьного коридора.

Они шли молча. Но в этом молчании было больше понимания, чем в любых словах. Яна знала, что школа больше не была для нее тюрьмой. Она была просто еще одной территорией. И на этой территории у нее теперь была своя стая.

***

Вечером мартовский ветер в Москве бил в лицо не холодом, а чем-то более злым и колючим. Он нес с собой запах талого снега, выхлопных газов, ржавого металла и дешевого табака, который въелся в бетонные стены города намертво. Они сидели на краю плоской крыши высотки на Садовом кольце, свесив ноги в пустоту, где внизу, в сотне метров под ними, пульсировала огнями ночная столица. Задание заняло меньше двадцати минут. Чистая работа. Ни выстрелов, ни следов, только тихий стук тела о ковер в кабинете на Тверской и запах медной крови, который теперь въелся в их одежду.

Кир достал из внутреннего кармана помятую пачку сигарет, выбил одну, закурил. Огонек зажигалки на секунду осветил его лицо - жесткое, с застывшей на скуле царапиной, из которой медленно сочилась темная капля. Он протянул пачку Нику. Тот взял сигарету, но зажигалку отклонил. Он просто зажал ее в зубах, глядя в темноту, его профиль в свете луны и неоновых вывесок казался высеченным из гранита.

- Она недавно спросила, почему небо над Москвой не такое, как над Тбилиси, - сказал вдруг Кир. Его голос прозвучал хрипло, разбивая тяжелую тишину крыши. Он сделал затяжку, выпустил дым в ледяной ветер. - Сказала, что там звезды ближе. А здесь они прячутся за смогом.

Ник медленно повернул голову. В его темных глазах не было отблесков города. Только глубокая, непроницаемая тьма.

- Ей одиннадцать лет, Кир, - произнес Ник. Голос его был ровным, лишенным всяких эмоций, но в этой ровности чувствовалась сталь. - Ей одиннадцать лет. Она должна спрашивать про звезды и про небо. Это нормально.

Кир фыркнул, стряхивая пепел в пустоту.

- Нормально? - повторил он, и в этом слове было столько яда, что Ник едва заметно нахмурился. - Ты правда веришь в эту сказку, Удав? Ты правда смотришь на нее и видишь просто ребенка? Девочку, которая теряет молочные зубы и боится темноты?

- Я вижу ребенка, которому вчера сделали прививку от столбняка, потому что она ободрала коленку, катаясь на велосипеде, - жестко ответил Ник. - Я вижу человека, которому нужно помочь с алгеброй. Я вижу ту, чью жизнь мы должны защитить. Больше ничего.

- Больше ничего, - передразнил его Кир, и в его голосе появилась та самая горячая, обжигающая ярость, которую он обычно прятал за усмешкой. - Ты врешь. Ты врешь мне, ты

врешь Тимуру, но хуже всего - ты врешь себе. Ты чувствуешь это так же, как и я. Когда она входит в комнату, воздух становится гуще. Когда она смеется, у тебя перехватывает дыхание. Когда она смотрит на тебя своими черными, бездонными глазами, в которых живет кто-то, кто старше этого города, ты забываешь, как дышать.

Ник медленно встал. Он возвышался над Киром, его тень упала на сидевшего на краю мужчину, закрывая его от лунного света.

- Замолчи, - тихо произнес Ник. В его голосе не было угрозы. Было предупреждение. Предел, за который нельзя переступать.

- Или что? - Кир вскочил, оказавшись лицом к лицу с Ником. Он был чуть ниже ростом, но в этот момент его энергия, его ярость заполняли все пространство крыши. - Или ты снова будешь прятаться за своей каменной маской? За своим молчанием? Ты думаешь, если ты не будешь об этом думать, это исчезнет? Ты думаешь, ты можешь запретить себе чувствовать?

- Я не запрещаю себе чувствовать, - сказал Ник, и его голос дрогнул, впервые за весь вечер. В этой дрожи было столько боли, что Кир на секунду замер. - Я запрещаю себе действовать. Я запрещаю себе даже мысль об этом. Потому что она ребенок, Кир. Она дитя. И если я позволю себе увидеть в ней женщину, я стану чудовищем. Я стану тем, от кого мы ее защищаем. Ты понимаешь это? Ты понимаешь, какая это

цена?

Кир смотрел на него, и его ярость медленно, очень медленно начала остывать, уступая место чему-то более тяжелому и щемящему. Он видел, как дрожат руки Ника, сжатые в кулаки. Видел, как напряглись мышцы на его шее. Он видел мужчину, который стоит на краю пропасти и держит себя на грани силой одной лишь воли.

- Я вижу ее душу, - тихо сказал Кир, и его голос стал мягче, почти интимным в этом холодном ветре. - Я вижу в ней старую душу, Ник. Ту, которая прошла через огонь и воду. Ту, которая смотрит на нас не как на охранников, а как на равных. Как на своих. Она не ребенок в том смысле, в котором ты боишься. Она Карма. Она наша судьба. И мы не можем ждать, пока она вырастет, чтобы начать любить ее по-настоящему. Мы уже любим. Мы уже сгорели дотла.

Ник медленно выдохнул. Он отвернулся, посмотрел на огни Москвы, на бесконечный поток машин внизу, на этот чужой, жестокий город, который стал их домом.

- Ты говоришь о любви, - произнес Ник, и в его голосе вернулась привычная, ледяная твердость. - А я говорю о законе. О законе, который выше нас. Выше Тимура. Выше ее кармы. Если мы переступим черту раньше времени, мы разрушим ее. Мы сломаем ту хрупкую, нормальную жизнь, которую Тимур пытается для нее построить. Мы станем ее тюрьмой. Ее кошмаром. Я не позволю этому случиться. Даже если мне придется умереть от этого желания. Даже если мне

придется разорвать себя на части.

Кир подошел к нему. Встал рядом. Плечом к плечу. Они смотрели на город, два хищника, два волка, два сломанных человека, которые нашли в этой девочке единственный смысл своего существования.

- Ты не разорвешь себя, - тихо сказал Кир. - Потому что ты не один. Я здесь. Я буду держать тебя, когда тебе будет слишком больно. Я буду напоминать тебе, что мы делаем это ради нее. Но ты должен пообещать мне одно.

- Что? - спросил Ник, не глядя на него.

- Что ты не будешь больше прятаться от нее. Не будешь прятать свои глаза. Не будешь отстраняться, когда она тянет к тебе руки. Ты должен быть с ней. Полностью. Даже если это пытка. Потому что если ты отстраняешься, она думает, что она виновата. Она думает, что она грязная. Ты помнишь, что она рассказала нам в ту ночь? Про ее отца?

Ник вздрогнул. Его челюсть сжалась так сильно, что послышался тихий скрежет зубов.

- Помню, - хрипло произнес он.

- Если ты будешь холодным, она решит, что она снова сделала что-то не так, - продолжал Кир, и в его голосе звучала мольба. - Она решит, что ее нельзя любить. Ты должен любить ее глазами, Ник. Ты должен любить ее прикосновениями, которые не переходят черту, но которые говорят ей, что она желанна. Что она красива. Что она ценна. Ты должен показать ей, что она может быть женщиной, не боясь быть

грязной. Понимаешь? Это наша задача. Не просто охранять ее тело. Охранять ее душу от той грязи, которую в нее влили её же родители.

Ник молчал долго. Ветер трепал его волосы, холод пробирал до костей, но внутри него горел пожар. Пожар, который он только что позволил себе признать. Он медленно повернул голову, посмотрел на Кира. В его темных глазах больше не было льда. Там была боль. И там было согласие.

- Я понял, - тихо сказал Ник. - Я не буду прятаться. Я буду любить ее. Так, как она заслуживает. Без страха. Без грязи. Без нарушения закона. Но я буду любить ее так сильно, что она никогда не усомнится в себе.

Кир кивнул. Он достал из кармана небольшой складной нож. Лезвие блеснуло в лунном свете, холодное и острое. Он открыл его, щелчок прозвучал резко в тишине крыши.

- Тогда давай скрепим это, - сказал Кир. - Не словами. Словами Тимур уже все сказал. А мы должны сказать это друг другу. Как братья. Как единое целое. Потому что если мы будем действовать порознь, мы ее разорвем. Мы должны быть одним щитом. Одной тенью. Одной рукой.

Ник посмотрел на нож. Потом на Кира. Он медленно протянул свою правую руку, ладонью вверх. Его пальцы были длинными, покрытыми старыми шрамами, мозолями от оружия и ножей. Рука убийцы. Рука, которая никогда не знала нежности, пока в ней не оказалась ее рука.

- За нашу Яну, - сказал Кир. И быстро, резко провел лез-

вием по своей собственной левой ладони. Кожа разошлась, кровь мгновенно выступила, темная, густая, стекая по запястью. Он не моргнул. Только тяжело выдохнул.

Ник смотрел на его кровь. Потом медленно, без колебаний, сжал лезвие в своей руке. Боль была резкой, чистой, отрезвляющей. Он разжал пальцы. На его ладони осталась глубокая, ровная рана. Кровь капала на бетон крыши, смешиваясь с талой водой и пылью.

Кир протянул свою окровавленную ладонь. Ник ответил тем же. Они сжали руки друг друга. Крепко. До боли. До хруста костей. Кровь смешалась, теплая, живая, скрепляя их кожи, их мышцы, их души в единый, неразрывный узел.

В этот момент произошло что-то странное. Что-то, что нельзя было объяснить логикой или физикой. Кир почувствовал, как по его руке, от места соприкосновения их ладоней, пробежала волна. Не электрическая. Теплая. Живая. Она поднялась по плечу, ударила в сердце, и в этот момент его сознание расширилось. Он почувствовал город. Почувствовал его ритм. И сквозь этот ритм, сквозь шум ветра и гул машин, он почувствовал тонкую, почти невесомую нить.

Нить тянулась от его сердца и от сердца Ника. Она уходила вниз, в темноту, через весь город, через замерзшую Москву-реку, через спальные районы, через панельные многоэтажки. Она тянулась на юго-запад. В Коньково.

Он знал, что Ник чувствует то же самое. Он видел, как расширились зрачки Ника, как тот медленно, почти благо-

говейно, посмотрел в ту сторону, где за горизонтом, в серой бетонной коробке, спала она. Их девочка. Их Карма. Их Белый Бык.

- Она спит сейчас, - прошептал Кир, и в его голосе не было больше ярости. Только бесконечная, щемящая нежность. - Она видит сны. И я чувствую, как бьется ее сердце.

- Она в безопасности, - тихо ответил Ник. Его рука все еще сжимала ладонь Кира, кровь застывала, склеивая их пальцы. - Пока мы дышим, она в безопасности. Пока эта нить держит, никто не посмеет к ней прикоснуться.

Они стояли так долго. Два мужчины на крыше московской высотки, с окровавленными руками, с ветром в волосах, с городом у их ног. Они не чувствовали холода. Не чувствовали боли в порезах. Они чувствовали только эту нить. Тонкую, прочную, пульсирующую в такт их собственным сердцам. Нить, которая связывала их не просто друг с другом. Нить, которая связывала их с ней. Навсегда.

Кир медленно разжал пальцы. Ник сделал то же самое. Они посмотрели на свои ладони. Раны были глубокими, но кровь уже начала сворачиваться, оставляя на коже темные, багровые узоры. Шрамы. Новые шрамы. Но эти шрамы не будут болеть. Они будут напоминанием. Клятвой.

- Мы единое целое, - сказал Кир, убирая нож в карман. Он посмотрел на Ника, и в его глазах горел тот самый огонь, который пугал и притягивал. - Отныне и до конца. Если ты упадешь, я подниму. Если я сорвусь, ты удержишь. Мы не

будем соперниками. Мы будем братьями. Ради нее.

- Ради нее, - повторил Ник. Его голос был твердым, как гранит. Он достал из кармана чистый платок, медленно, методично перевязал свою ладонь. Потом протянул платок Киру. Тот взял его, усмехнулся, но в этой усмешке не было привычной едкости. Было братство.

Они подошли к краю крыши. Внизу, в сотне метров под ними, мигали фары машин, спешили по своим делам люди, жил своей суетной, шумной жизнью город. Но они были выше этого. Они были вне этого.

- Пора возвращаться, - сказал Кир, направляясь к люку, ведущему на лестничную клетку. - Тимур ждет отчета. А она... она проснется утром, и ей нужно будет знать, что ее тени на месте.

Ник кивнул. Он шел следом, его шаги были бесшумными, как всегда. Но теперь в этой бесшумности не было отстраненности. Было присутствие. Было обещание.

Когда они спустились вниз и сели в черный внедорожник, Кир завел двигатель. Фары выхватили из темноты мокрый асфальт, отражающий неоновые вывески. Он включил обогрев, но холод внутри машины отступал медленно.

Ник сидел на пассажирском сиденье, глядя в окно. Его рука, перевязанная платком, лежала на колене. Он чувствовал, как нить натягивается, когда машина тронулась. Он чувствовал ее дыхание. Он чувствовал ее сон.

Кир вырулил на Садовое кольцо, вливаясь в поток ма-

шин. Он посмотрел на Ника, потом на дорогу, и тихо, почти неслышно, произнес:

- В Коньково.

Ник медленно кивнул.

- В Коньково, - повторил он. И в этом слове было все. Дом. Смысл. Будущее.

Машина мчалась по ночной Москве, увозя их обратно в их мир, в их войну, в их жизнь. Но где-то внутри, под ребрами, под мышцами, под кожей, билась новая, невидимая сила. Сила клятвы. Сила крови. Сила той нити, которая тянулась на юго-запад, к спящей девочке, которая даже не подозревала, что только что два мужчины на крыше высотки отдали ей свои души, скрепив это кровью и ветром.

Они ехали домой. К ней. Всегда к ней.

Глава 42

Глава 42. Это не она!

Читать под трек **«Реквием» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны.**

Подъем на семнадцатый этаж в доме Сократа всегда казался путешествием в другое измерение. Лифт, пахнущий озоном и старым машинным маслом, с глухим лязгом открывал двери, и вы оказывались не в обычной московской панельке, а в пространстве, где время текло иначе. Здесь, в его логове, пахло сухими травами, переплетенным кожаным переплетом и дорогим, выдержанным табаком. Сократ устроил свой наблюдательный пункт в бывшей комнате для гостей, заставив стены стеллажами с книгами, за которыми скрывались мониторы, блоки питания и тонкие провода, уходящие в стены.

Когда Кир и Ник вернулись в Коньково, в квартире Сократа горел только один торшер, отбрасывая на паркет длинные, дрожащие тени. Сократ сидел в глубоком кресле, на коленях у него лежала раскрытая книга, но его взгляд был прикован к небольшому экрану, мерцающему в углу стола. На экране, в зернистом черно-белом изображении, видна была комната Яны. Кровать, одеяло, слегка вздымающееся в ритме дыхания.

- Ну что там у Яны дома? - тихо спросил Кир, сбрасывая куртку на спинку стула. Его голос был хриплым от усталости и холода, который пробирал до костей даже после долгой поездки в прогретой машине.

Сократ медленно поднял голову, поправил очки, сползшие на кончик носа.

- Спит, - ответил он спокойно, его голос был ровным, как поверхность замерзшего озера. - Дышит ровно. Уже больше часа не шевелилась.

Кир кивнул, проводя рукой по лицу, стирая напряжение последних часов. Он подошел к окну, глядя на темные, безжизненные фасады соседних панельных многоэтажек. Но Ник не двинулся с места. Он стоял в трех шагах от монитора, его темные глаза сузились, фокусируясь на зернистом изображении. Он не моргал. Он смотрел на ритм поднятия одеяла, на изгиб, который должен был обозначать плечо, на то, как тень падала на подушку.

- Это не Яна, - произнес Ник.

Его голос прозвучал не громко, но в тишине комнаты он упал, как тяжелый камень в колодец. Кир мгновенно обернулся. Сократ медленно закрыл книгу.

- Что ты сказал? - спросил Кир, и в его голосе мгновенно исчезла вся усталость, уступив место холодной, хищной настороженности.

Ник не отрывал взгляда от экрана.

- Посмотри на ритм дыхания, - тихо сказал он, не пово-

рачивая головы. - Слишком ровный. Слишком идеальный. Живой человек во сне делает микропаузы, меняет фазы. А это... это механическое движение. И посмотри на изгиб у подушки. Там нет волос. Там мягкая поверхность.

Кир подошел ближе, вгляделся в экран. Зернистость скрывала детали, но когда он присмотрелся, то увидел то, что упустил Сократ. Одеяло вздымалось не от грудной клетки, а от чего-то, что лежало под ним, создавая иллюзию тела.

- Это игрушки, - выдохнул Кир, и кровь мгновенно прилила к его лицу, заставляя сердце биться где-то в горле. - Она подложила игрушки. Твою ма… - он не договорил, осекшись.

Сократ встал, его лицо оставалось спокойным, но пальцы, сжимающие книгу, побелели.

- Ник, - сказал Сократ, и в его голосе появилась сталь. - Ты сможешь проникнуть в квартиру без единого шума?

- Спрашиваешь, - ухмыльнулся Ник.

Он не стал ждать ответа. Он просто развернулся и вышел из квартиры. Его движения были экономными, лишенными суеты. Кир бросился за ним, но Ник уже нажал кнопку лифта, подняв руку в жесте, означающем «останься». Кир замер, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. Ему хотелось рвать и метать, хотелось бежать вниз по лестнице, вынести дверь, перевернуть все вверх дном, по пути перерезать горло биологическому ничтожеству. Но он знал: если он сейчас ворвется туда, он поднимет шум, разбудит бабушку, и

они потеряют время. А Ник был тенью. Ник был тишиной.

Ник спустился на второй этаж не на лифте, а по лестнице. Его шаги не издавали ни звука, даже скрипучие перила старой лестничной клетки, казалось, замирали под его руками. Он остановился у двери квартиры Яны. Замок был обычным, советским, но Ник не стал использовать отмычку. У него был свой ключ, который Тимур велел установить на случай чрезвычайной ситуации. Он вставил ключ в скважину, медленно, без единого щелчка, провернул его. Дверь открылась бесшумно.

В квартире пахло вареной капустой, старым линолеумом и чем-то затхлым, что бывает только в домах, где живут люди, потерявшие вкус к жизни. Из маленькой комнаты, где спала бабушка Катя, доносился легкий, свистящий храп. Из большой комнаты, где спал Андрей Петрович, доносился другой звук - тяжелый, влажный, утробный храп человека, чье тело слишком велико для его легких. Балкон в его комнате выходил на оживленную Профсоюзную улицу, которая никогда не спала, и гул ночных автобусов смешивался с его дыханием, создавая тошнотворную симфонию.

Ник скользнул в коридор. Его глаза привыкли к темноте мгновенно. Он прошел к комнате Яны. Дверь была приоткрыта. Он заглянул внутрь.

Издалека, от двери, было видно, что в кровати спит ребенок. Одеяло вздымалось и опускалось. Но Ник не остался у двери. Он шагнул внутрь, его ноги в мягкой обуви не изда-

ли ни звука. Он подошел к кровати. Сердце, которое обычно билось с частотой метронома, пропустило удар, а затем начало колотиться так сильно, что он слышал этот стук в ушах.

Он медленно, очень осторожно откинул край одеяла.

Под одеялом лежали три большие мягкие игрушки: плюшевый медведь с оторванным ухом, который имитировал дыхание, заяц и какая-то кукла в длинном платье. Они были сложены так, чтобы имитировать изгибы человеческого тела, а кукле на голову была надето одно из платьев Яны, чтобы в полумраке казаться волосами.

Ник замер. Холодный пот мгновенно покрыл его спину. Он потрогал игрушки. Они были холодными. Яны вообще здесь не было. Она не спала здесь. Она ушла…

Он медленно опустил одеяло обратно, восстанавливая картину. Его разум уже работал, отсеивая панику, выстраивая логику.

Она не была похищена.

Игрушки были сложены аккуратно, с расчетом.

Это был ее план. Она ушла сама.

Она их провела!!

Но куда? И главное - зачем?

Ник достал из кармана маленький передатчик, нажал на кнопку. Сигнал прошел по проводам, которые они протянули от квартиры Яны к Сократу.

На семнадцатом этаже у Сократа на пульте загорелась красная лампочка. Кир, который ходил по комнате, как за-

гнанный зверь, замер.

- Она ушла, - сказал Ник в микрофон, его голос был ровным, но Кир, знавший его годами, услышал ту самую ледяную ярость, которая предвещала бурю. - Встречайте меня у двери.

Кир и Сократ мигом спустились на второй этаж. Ник уже стоял в коридоре, его лицо было каменным, но в темных глазах плескался шторм.

- Что делать? - спросил Сократ, его голос был тихим, но в нем не было паники. Был только холодный расчет стратега.

- Искать, - ответил Ник. - Она не могла уйти далеко. В такое время.

Они спустились во двор. Было уже около шести утра. Небо над Коньково было цвета грязного свинца, мороз крепчал, превращая лужи в скользкие, черные зеркала. Панельные многоэтажки возвышались вокруг, как безмолвные стражи, их окна были темными, мертвыми. Двор был пуст. Только где-то вдалеке лаяла собака, да шумел ветер в голых ветках тополей.

Кир уже достал телефон, чтобы звонить Рафу, чтобы поднимать людей, чтобы прочесать каждый подвал, каждый чердак в радиусе километра. Ник стоял неподвижно, его глаза сканировали периметр, отмечая каждую тень, каждый сугроб. Сократ опирался на трость, его взгляд был направлен на дорожку, ведущую в соседний двор.

И тут они увидели ее.

Она шла из соседнего двора. Ее пальто было расстегнуто, шарф сбился набок, волосы растрепаны ветром. Она выглядела сонной, немного помятой, но в ее походке, в том, как она держала голову, было что-то новое. Что-то довольное. Спокойное. Она шла не как жертва, не как беглянка. Она шла как хозяйка этого двора.

Кир не сдержался. Он вылетел вперед, его движения были резкими, пугающими. Он подлетел к ней, его руки схватили ее за плечи, он тряхнул ее, его лицо было искажено яростью и облегчением.

- Ты… какого черта?! - рявкнул он, его голос сорвался на крик, эхом отразившись от панельных стен. - Ты где была?! Ты знаешь, что мы тут...

Яна вздрогнула. На долю секунды в ее глазах вспыхнул настоящий, животный страх. Она отшатнулась, ее руки инстинктивно поднялись, защищая лицо. Но в ту же секунду она узнала его. Узнала этот запах табака и холода. Узнал эти глаза, полные боли. Страх мгновенно исчез, уступив место чему-то жесткому, колючему. Она вырвалась из его рук, отступила на шаг, ее глаза сузились.

- Не ори на меня, - вдруг холодно сказала она. Ее голос был тихим, но в нем было столько стали, что Кир замер, его руки медленно опустились. - И не смей меня хватать.

Кир открыл рот, чтобы сказать что-то еще, но она перебила его.

- Я не твоя собственность, Кир. И не твоя тень, которую

ты можешь дергать за ниточку. У меня тоже могут быть секреты. Понял?

Она развернулась и пошла к подъезду. Кир стоял, не шевелясь, его кулаки сжимались и разжимались. Он был в ярости, но эта ярость была бессильной. Она была права. И это бесило его больше всего.

Яна открыла тяжелую металлическую дверь подъезда. Но прежде чем войти, она обернулась. В предрассветном свете ее лицо казалось фарфоровым, но взгляд был абсолютно взрослым.

- Сегодня суббота, - сказала она, и в ее голосе прозвучала та самая интонация, которая не терпела возражений. - Все вопросы, когда я проснусь.

Она вошла внутрь, и дверь захлопнулась с глухим металлическим лязгом, отрезая ее от них.

Сократ, который стоял поодаль, медленно усмехнулся. Он покачал головой, его глаза блестели в полумраке.

- Характер, - тихо произнес он, восхищаясь, обращаясь больше к себе, чем к мужчинам. - Стальной характер. Тимур был прав. Она не просто выжила. Она стала той, кто правит.

Ник стоял молча. Он не смотрел на дверь, в которую она вошла. Он смотрел на тропинку, по которой она шла. Он анализировал. Грязь на ее ботинках была не из этого двора. В соседнем дворе, за гаражами, была старая детская площадка, там земля была мягче. Ее шарф был запахнут не так, как она обычно делала. Это сделал кто-то другой. Кто-то, кто за-

ботился о ней, или кто-то, с кем она была в близком контакте. Она возвращалась от встречи. Но с кем? С Богданом? Со старшаками? Или с кем-то, о ком они еще не знали?

А Кир бушевал. Он пнул ближайшую урну, та с грохотом покатилась по асфальту. Он провел руками по волосам, его дыхание было рваным.

- Она издевается над нами, - прорычал он, его голос дрожал от напряжения. - Она подложила игрушки! Она спланировала это! Она знала, что мы будем смотреть. Она знала, что мы сойдем с ума. Зачем, Ник?! Зачем она это делает?!

Ник медленно повернул голову, посмотрел на Кира. В его взгляде не было осуждения. Только глубокая, темная усталость.

- Пойдем наверх, - тихо сказал Ник. - Нам нужно поговорить. По-настоящему.

Они поднялись не к Сократу, а на технический этаж, а оттуда - на плоскую крышу высотки. Ветер здесь бил в лицо с удвоенной силой, неся с собой запах талого снега и выхлопных газов с Профсоюзной. Город внизу начинал просыпаться, зажигались первые окна, но здесь, наверху, они были одни. Только они и серое, бесконечное небо.

Кир сразу достал сигарету, закурил, жадно втягивая дым. Ник подошел к парапету, облокотился на холодный бетон, глядя на крыши соседних домов. Долгое время они молчали. Только ветер свистел в проводах, да где-то внизу гудел первый троллейбус.

- Она не ребенок, Кир, - наконец произнес Ник, не оборачиваясь. Его голос был тихим, но ветер нес его четко. - В том смысле, в котором мы привыкли понимать детей. У нее старая душа. Я вижу это. Ты видишь это. Тимур видит это. Она смотрит на мир так, будто она уже прожила десять жизней и умерла в каждой из них.

Кир фыркнул, стряхивая пепел в пустоту.

- О чем ты вообще говоришь, Удав? - бросил он, его голос был резким, полным сарказма. - Конечно, она не ребенок. Она Карма. Она Белый Бык. Она та, кто вычистил ванну хлоркой и заставил цыганского барона встать на колени. Ты думаешь, я не вижу, кто она? Я вижу ее душу. Я вижу эту силу. И именно поэтому я... именно поэтому меня тянет к ней так, как не тянуло ни к одной женщине в моей жизни.

Ник медленно обернулся. Его темные глаза встретились с глазами Кира. В них не было холода. В них была боль.

- А я вижу ее возраст, Кир, - тихо сказал Ник. - Я вижу, что ей одиннадцать лет. Я вижу, что она подложила игрушки в кровать, потому что ей нужно было почувствовать себя свободной. Я вижу, что она испугалась, когда ты на нее накричал. Она ребенок, Кир. И это табу. Для меня это табу, которое вбито в меня глубже, чем любые приказы Тимура. Я не даю себе даже мысленной возможности думать о чем-то большем, чем просто защита. Потому что если я позволю себе увидеть в ней женщину, я стану чудовищем. Я стану тем, от кого мы ее спасаем.

Кир подошел к нему вплотную. В его глазах горел огонь, горячий, обжигающий.

- Ты прячешься за правилами, Ник! - рявкнул он, и его голос сорвался. - Ты прячешься за своим возрастом, за своим табу, потому что тебе страшно! Тебе страшно признать, что ты любишь ее не как отец любит дочь, а как мужчина любит женщину, которая стала его судьбой! Ты боишься своей силы, боишься, что если ты перестанешь держать эту грань, ты сорвешься. А я не боюсь! Я вижу ее душу, и мне плевать на цифры в паспорте! Она моя, Ник. Она моя душа.

- Твоя? - Ник усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья. - Ты думаешь, ты можешь ее присвоить? Ты думаешь, твоя страсть ее спасет? Кир, она только что вернулась с улицы в шесть утра! Она сама. Она ищет свою свободу. А ты хочешь запереть ее в своей страсти. Ты хочешь, чтобы она принадлежала тебе. А я хочу, чтобы она принадлежала себе.

Кир замер. Его грудь тяжело вздымалась. Он смотрел на Ника, и в его глазах медленно, очень медленно начинало проступать понимание. Он видел боль в глазах Ника. Видел, как тот сжимает челюсть, чтобы не закричать. Видел, что Ник не просто холодный убийца. Ник - это стена, которая держит на себе вес их общего греха, их общего чувства. Кир отвернулся и замолчал.

***

Запах пригоревшего молока был первым, что ударил в нос, стоило Яне открыть глаза. Это был не просто запах. Это

был густой, тяжелый, тошнотворный аромат советского детства, который мгновенно стер из ее сознания розовые рассветы над Тбилиси, запах жасмина. Он вернул ее сюда, в бетонную коробку на втором этаже, в реальность, где время тянулось медленно и вязко, как та самая манная каша, которая сейчас булькала на раскаленной сковороде на кухне.

Яна сбросила одеяло. В комнате было прохладно, батареи центрального отопления в Коньково всегда работали через раз, и утренний мороз пробирался сквозь щели в деревянной раме. Она надела теплый махровый халат, который пах стиральным порошком и пылью, и босиком вышла в коридор. Паркет скрипнул под ногой, привычно и тихо. Из-за закрытой двери кухни доносился звук работающего телевизора. Голоса были громкими, эмоциональными, полными той самой надрывной страсти, которая была так чужда миру, в котором Яна жила последние недели. Это была «Санта-Барбара». Бабушка Катя смотрела ее каждое утро, независимо от того, что происходило в мире, в стране или в их квартире.

Яна толкнула дверь. Кухня была маленькой, заставленной старой мебелью с облупившейся желтой краской. На столе стояла пепельница с бычками, которые бабушка курила, когда думала, что Яна не видит. У плиты, сгорбившись, стояла Катя и яростно мешала деревянной лопаткой в кастрюле, откуда клубами валил густой пар. На табуретке, развернутом к плите, чтобы лучше видеть маленький экран телевизора, стоял другой табурет, а на нем лежал старый плед. Бабушка

не оборачивалась.

- Ой, Мейсон, ты негодяй, ты просто негодяй, - бормотала она, глядя на экран, где очередная героиня в роскошном платье рыдала на фоне бассейна. - И зачем ты ей это сказал? Зачем?

Яна подошла к столу, сдвинула в сторону газету «Правду» за вчерашний день и села. Манная каша пахла не просто пригоревшим молоком. Она пахла комочками. Теми самыми, ненавистными, склизкими комочками, которые застревали в горле и вызывали рвотный рефлекс еще с трех лет. Яна посмотрела на кастрюлю. Каша была сероватой, густой, похожей на цементный раствор.

- Доброе утро, бабушка, - тихо сказала Яна.

Катя вздрогнула, обернулась, и ее лицо, покрытое сеткой мелких морщин, мгновенно перестроилось из трагического выражения сочувствия Келли Кэпвелл в привычное, немного раздраженное выражение советской бабушки.

- А, проснулась, - сказала она, выключая плиту. Кастрюля продолжала шипеть. - Садись. Ешь. Каша полезная. Кальций. У тебя сейчас олимпиада, мозг кормить надо, а ты одна кожа да кости.

Яна посмотрела на тарелку, которую бабушка с грохотом поставила перед ней. Серая масса медленно расползался по эмали, оставляя за собой влажный след. Желудок Яны предательски сжался.

- Я не хочу кашу, бабушка, - сказала она ровным голосом.

- У меня живот болит.

- Это от того, что ты вчера неизвестно где шлялась, - тут же отозвалась Катя, не глядя на нее и снова поворачиваясь к телевизору, где начались титры. - Вечно ты как призрак. То тебя нет, то ты в шесть утра в дверь стучишь. Стыдобища! Соседи видят, думают, я за тобой не слежу.

Яна промолчала. Она знала, что любые оправдания сейчас будут восприняты как дерзость. Она взяла ложку, покрутила ею в серой массе, подняла один единственный, идеально круглый, плотный комок и брезгливо стряхнула его обратно в тарелку.

- Где папа? - спросила Яна, меняя тему. Кухня была пустой, дверь в большую комнату, где спал Андрей Петрович, была закрыта. Из-за нее уже не доносился тяжелый, хриплый храп, похожий на звук сломанного двигателя.

Катя фыркнула, вытирая руки о передник.

- Умотал уже, куда ж он денется, - сказала она. - На очередной симпозиум. Геронтологов своих лечить. Сказал, что вызвали, какая-то конференция срочная.

Яна кивнула. Она ожидала этого. Или, по крайней мере, той лжи, которую он всегда использовал. Андрей Петрович никогда не говорил, куда он едет на самом деле. Он всегда прикрывался наукой, старостью, конференциями. Но что-то в тоне бабушки, в том, как она избегала смотреть на внучку, заставило Яну насторожиться.

- А что он привез из прошлой командировки? - спросила

Яна, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. - Я тебе рассказывала, что он оставил мне две книги на столе. Про индейцев и про цыган.

Катя наконец оторвалась от телевизора. В ее глазах появилось то самое выражение, которое Яна знала хорошо. Выражение гордости за то, что сын вспомнил о ней, принес подарок, уделил внимание. Это было редкое чувство для бабушки Кати, которая годами копила обиды на весь мир.

- Книги, книги, - замахала она рукой. - Ты же у меня умная, тебе книги. А мне он, между прочим, душеньку отвел. Смотри.

Катя подошла к старому холодильнику ЗИЛ, который гудел, как трактор, и дернула за тяжелую ручку. Она достала две банки. Одна была небольшой, с аккуратно наклеенной этикеткой, на которой было написано «Варенье из лепестков роз». Другая банка была больше, с простой крышкой, но внутри виднелась крупная, серовато-розовая соль с вкраплениями каких-то трав.

- Вот, - сказала Катя, ставя банки на стол перед Яной, прямо рядом с тарелкой с манкой. - Смотри, какое чудо! Варенье из лепестков роз! Он сказал, что это из Минска. Там, говорит, такие розы растут, из которых только такое варенье и варят. А это соль. Сванская. Он сказал, что это секретная соль, ее только в одном месте на старом рынке продают, и то если знать продавца. Он, говорит, мам, тебе привез, самой лучшей.

Яна смотрела на банки. Воздух в кухне вдруг стал разреженным. Звук телевизора, голос Мейсона Кэпвелла, гудение холодильника - все это ушло куда-то далеко, провалилось в вату. Она смотрела на варенье из лепестков роз. Она видела это варенье. Она ела его утром во дворе у цыганского барона, запивая крепким чаем, пока Фанси рассказывал ей о пророчествах. И сванская соль. Та самая, грубая, с чабрецом и синей пажитницей, которой Баро посыпал горячий лаваш, когда они заключали пакт.

Эти вещи не продавались в Минске. Они не продавались на книжных развалах у трех вокзалов. Они продавались только там - в Тбилиси. На Дезертирке или в лавках у Сухого моста.

Андрей Петрович был в Тбилиси.

Мысль ударила ее сильнее, чем падение со скалы. Он не был на конференции. Он был там. В их городе. В городе, где Икша пытался ее убить, где цыгане признали ее Белым Быком, где Тимур строил свои планы по зачистке. Почему он был там? Зачем? Он следил за ней? Или он встречался с кем-то? А может, он просто был там по своим делам, но как он мог оказаться именно в той лавке, где продают эту конкретную соль и это конкретное варенье? Это не совпадение. В мире Яны Кармановой совпадений больше не существовало.

- Ну что ты уставилась? - спросила Катя, заметив ее взгляд. - Не пробовала еще? Он сказал, что это очень полезно. Для сердца.

Яна медленно моргнула, возвращаясь в реальность. Она перевела взгляд на бабушку. Лицо Кати было спокойным, она ничего не подозревала. Для нее это просто был подарок сына. Для Яны это был вызов. Это была ниточка, которая тянулась в темноту.

- Я завтракать не буду, - сказала Яна, вставая из-за стола. Тарелка с манкой осталась нетронутой. - Мне нужно собираться. Я иду в детскую библиотеку на Октябрьскую. Там подготовка к следующей олимпиаде, нам дали доступ к редким справочникам. Я уйду на весь день.

Катя нахмурилась, снова поворачиваясь к плите, чтобы соскрести пригоревшую кашу.

- Опять в эту библиотеку, - пробурчала она. - Книги свои всё читаешь. Ладно. Иди.

Она снова открыла холодильник, порылась на верхней полке и достала длинную, твердую палочку, покрытую темным, блестящим налетом. Чурчхела. Настоящая, грузинская, в форме подковы, с грецким орехом внутри.

- На, - сказала Катя, сунув чурчхелу в руки Яне. - Отец привез. Сказал, что ты любишь. Поешь в своей библиотеке. А то от одной каши тебя скоро ветром сдует.

Яна смотрела на чурчхелу. Она чувствовала запах орехов, виноградного сусла, того самого солнца, которое сушило ее на крыше особняка Тимура. Рука Андрея Петровича трогала эту чурчхелу. Он выбирал ее. Он вез ее через границу. Он положил ее в этот гудящий холодильник.

- Спасибо, бабушка, - тихо сказала Яна, сжимая палку в руке. Она дернулась, когда холодный пластик коснулся ее пальцев. - А где папа был, что привез такие вкусные дары? Ты сказала, на симпозиум. А симпозиумы разве в таких местах проводят?

Катя даже не обернулась. Она скребла по дну кастрюли с таким усилием, будто соскабливала с нее всю свою жизнь.

- В Минске, - бросила она через плечо. - В Минске у них какой-то институт геронтологии. Там и варенье, и соль. Он сказал, что в аптекарском огороде выращивают. Не твоего ума дело! Иди уже, дверь закрой плотнее, сквозняк.

Яна стояла посреди кухни. Минск. Аптекарский огород. Сванская соль из Тбилиси. Ложь была грубой, нелепой, но бабушка Катя либо верила в нее, либо не хотела вникать, либо Андрей Петрович так мастерски выстроил легенду, что она звучала для нее абсолютно правдоподобно. Яна повернулась и вышла из кухни.

В коридоре она надела свои тяжелые ботинки, замотала шею шерстяным шарфом и накинула пальто. В кармане оттягивала чурчхела. Она вышла на лестничную клетку. Дверь подъезда хлопнула за ее спиной, отрезая запах пригоревшего молока и звук «Санта-Барбары».

Ей нужно было к своим. Ей нужно было рассказать Тимуру, Киру и Нику про соль, про варенье, про Минск и Тбилиси. Это было важно. Это могло быть ключом к пониманию того, кто такой Андрей Петрович на самом деле. Но сначала

ей нужно было попасть к Сократу. Он дежурил. Он должен был знать, где все.

Яна поднялась на лифте на семнадцатый этаж. Лифт скрипел и пах мочой, но Яна уже не замечала этого. Ее разум работал быстро, перебирая варианты. Когда лифт с лязгом открыл двери, она быстро прошла по длинному, темному коридору к двери Сократа. Она нажала на звонок. Тишина. Она позвонила еще раз, дольше. Никто не ответил. Она приложила ухо к холодной металлической двери. Внутри было тихо. Сократа не было. Он куда-то ушел, оставив квартиру пустой. Прослушка в ее квартире работала, но ей нужно было поговорить с кем-то глазами, не через наушники.

Она развернулась и пошла обратно к лифту. Ноги сами несли ее вниз. Не на второй этаж, к себе, где в холодильнике лежала чурчхела из Тбилиси, а на пятнадцатый. К ним. К Киру и Нику.

Лифт открылся на пятнадцатом этаже. Здесь пахло иначе. Здесь пахло дорогим табаком, оружейным маслом и чем-то еще, неуловимым, что было только их запахом. Яна подошла к двери их квартиры. Она знала, что у нее есть ключ, но она не хотела использовать его. Она хотела, чтобы ей открыли. Она подняла руку и нажала на кнопку звонка.

Внутри послышались тяжелые, мягкие шаги. Замок щелкнул. Дверь медленно отворилась.

На пороге стоял Ник.

Он только что вышел из душа. На нем не было рубаш-

ки. Только низкие спортивные штаны, которые висели на его узких бедрах, держась только на тонком шнурке. Его кожа была бледной, почти мраморной в полумраке коридора, и по ней, от ключиц до самого низа живота, медленно стекали капли воды. Вода собиралась в ямке на ключице, скатывалась по рельефным мышцам груди, скользила по кубикам пресса и исчезала за резинкой штанов. Его темные волосы были мокрыми, прилипшими к черепу, и несколько прядей падали на лоб.

Яна замерла. Ее рука, поднятая для приветствия, так и застыла в воздухе.

Она смотрела на него. Она не могла отвести взгляд. Ее разум, старый, мудрый, привыкший анализировать угрозы и строить стратегии, вдруг дал сбой. Она смотрела на его тело не как ребенок, который смотрит на взрослого. Она смотрела на него как женщина. И это осознание ударило ее как обухом по голове. Внутри нее, где-то глубоко, в самом низу живота, вспыхнуло странное, горячее, тягучее чувство. Ей стало жарко. Щеки залило румянцем, который она не могла контролировать. Ее дыхание сбилось. Она вдруг остро почувствовала, как плотно сидит на ней ее свитер, как неудобно намотан шарф. Она хотела снять его. Ей было жарко. От него. От запаха его влажной кожи, от запаха мыла и мужского тела.

Ник стоял неподвижно. Его темные глаза, обычно пустые и отстраненные, сейчас были широко раскрыты. Он смотрел

на нее. Он видел, как она смотрит на него. Он видел, как расширяются ее зрачки, как дрожат ее ресницы, как тяжело поднимается и опускается ее грудь. Он видел этот взгляд. Этот взгляд, который он запрещал себе замечать все эти месяцы. Этот взгляд, который разрушал его изнутри, который заставлял его уходить на крыши, курить до тошноты и сжимать кулаки так, что ногти в кровь.

Он. Ей. Нравился.

Его первый инстинкт был закрыться. Захлопнуть дверь. Накинуть рубашку. Спрятать это тело, которое было оружием, но которое сейчас, в этом взгляде, становилось уязвимым. Он дернул плечом, его рука потянулась к краю двери. Его челюсть сжалась, мышцы на шее натянулись. Он был на грани того, чтобы отступить обратно в свою тень, в свою безопасность, в свое табу.

Но тут он вспомнил.

Он вспомнил крышу. Ветер. Холод. Кровь на своих ладонях. Кровь Кира. Он вспомнил, как они сжали руки, как эта невидимая нить прошла сквозь город, прямо сюда, в Коньково, к спящей девочке. Он вспомнил клятву. Мы единое целое. Мы не прячемся. Мы любим ее глазами. Мы не даем ей почувствовать себя грязной.

Ник медленно опустил руку. Он не закрыл дверь. Наоборот, он сделал шаг назад, открывая проход. Напряжение в его плечах медленно, очень медленно начало уходить. Его лицо, каменное и закрытое, разгладилось. В уголках его губ появи-

лась едва заметная, мягкая линия. Он не улыбнулся полностью, но его глаза потеплели. В них больше не было страха. Было принятие. Он позволил ей смотреть. Он позволил ей видеть его.

- Заходи, - тихо сказал он. Его голос был хриплым, чуть ниже обычного. Он прошел мимо нее в коридор, и Яна почувствовала, как волна тепла и влаги прошла вместе с ним. Его плечо почти коснулось ее плеча, и от этого прикосновения, даже через одежду, у нее по спине пробежали мурашки.

Яна шагнула внутрь. Дверь закрылась за ее спиной. Квартира была погружена в полумрак, шторы были задернуты. Пахло табаком и кофе.

Она прошла в гостиную. Кир сидел на подоконнике, одной ногой опираясь на радиатор, и курил. Он был одет в черные джинсы и черную футболку, но его волосы были растрепаны, а под глазами залегли темные тени. Он выглядел так, будто не спал всю ночь. Когда Яна вошла, он медленно повернул голову. Его серые глаза сузились. Он затянулся, выпустил дым в сторону и спрыгнул с подоконника.

Движение было плавным, хищным. Он не шел, он скользил. Он подошел к ней вплотную, вторгаясь в ее личное пространство, заставляя ее запрокинуть голову, чтобы посмотреть на него. От него пахло табаком, кофе и той самой, опасной энергией, которая всегда предвещала бурю.

- Ну что, олимпиадница, - прорычал он, и его голос был низким, вибрирующим. - Библиотека на Октябрьской, да?

Вчера там же ночью была? Книги изучала?

Яна сжала руку в кармане. Палка чурчхелы впилась в ладонь. Она смотрела на Кира. В его глазах был огонь. Не тот теплый огонь, который согревал ее у камина. Это был огонь паники, огня ревности, огонь страха, который он маскировал агрессией. Он знал. Он знал, что она ушла ночью. Он знал, что она вернулась в шесть утра. И он не находил себе места.

- Я не была в библиотеке, - спокойно сказала Яна. Ее голос был ровным, но внутри все сжалось. - Я была дома, а потом рано утром выносила мусор.

Кир рассмеялся. Звук был сухим, злым. Он шагнул еще ближе, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от ее лица. Она видела, как бьется жилка на его виске.

- Не ври мне, малая, - тихо сказал он. - Мы видели, как ты выходила из соседнего двора. Мы видели, как ты шла. Ты была сонная. Но довольная. Ты шла так, будто только что нашла клад. И ты не выкидывала мусор. Ты была с кем-то. Кто это был? Где ты была? Почему ты сбежала из квартиры, оставив игрушки в кровати? Говори.

Запах дешевого мыла и мужского пота в квартире на пятнадцатом этаже смешивался с тяжелым, вязким ароматом тлеющего табака. Кир не курил, но его пальцы механически крутили серебряную зажигалку, щелкая крышкой с ритмичностью метронома. Щелк. Вжик. Щелк. Вжик. Звук был сухим, металлическим, и он идеально подчеркивал то напряжение, которое затянулось в комнате до предела, готового

вот-вот лопнуть. Ник стоял у окна, спиной к ним. Он смотрел на серый, заснеженный двор Коньково, но Яна знала, что он не видит ни сугробов, ни покосившихся лавочек, ни старых жигулей у подъезда. Он видел только ее отражение в темном стекле.

Она сидела на краю продавленного дивана, обтянутого зеленым плюшем, и чувствовала, как холод от ее собственных ботинок пробирается сквозь носки. Она не сняла пальто. Она не размотала шарф. Она держала эту броню на себе, потому что знала: то, что она сейчас скажет, не вписывается ни в какие рамки их привычного мира. В мире Кира и Ника врагов убивали, предателей топили, а детей прятали в башнях. А она только что призналась, что регулярно ходит в темные гаражи к человеку, который в первый же вечер прижал ее к бетонной стене и приставил к горлу холодную сталь.

Кир остановил зажигалку. Он медленно повернул голову, и Яна увидела его глаза. В них не было того огня, который обычно вспыхивал, когда он злился. Сейчас там было что-то другое. Тяжелое, свинцовое, давящее. Это был взгляд человека, который пытается осознать, что реальность вокруг него треснула, и не понимает, как теперь ходить по этим осколкам.

- В гаражи, - повторил он. Голос его был тихим, почти ровным, но в этой ровности слышался скрежет зубовный. - Ты ходишь в гаражи. В Коньково. В марте. В шесть утра.

Яна кивнула. Она не опустила взгляд. Она смотрела пря-

мо на него, позволяя ему видеть каждую черточку своего лица, каждую тень под глазами.

- Да, - сказала она.

Ник медленно обернулся. Его движения были плавными, текучими, но в них чувствовалась та самая хищная грация, которая заставляла всех вокруг инстинктивно замирать. Он подошел к журнальному столику, поставил на него пустую чашку из-под кофе и сел в кресло напротив нее. Он не сел удобно. Он сидел так, как сидят перед допросом или перед прыжком в воду.

- Кто, Ян? - спросил Ник. Одно слово. Но в этом слове было столько требований, столько скрытой угрозы, что воздух в комнате стал гуще. - Кто этот человек в гаражах? Если это кто-то из местных, я найду его до того, как солнце встанет над Профсоюзной. Если это кто-то из тех, кто смотрит на тебя криво, я не буду искать. Я просто сломаю ему позвоночник и сброшу в канализацию. Говори.

Яна вздохнула. Она поняла, что они не отстанут. Они не могут отстать. Их инстинкты, отточенные годами выживания в самом грязном подбрюшье мира, сейчас кричали им об опасности, но их разум отказывался принимать масштаб того, о чем она собиралась рассказать. Она сунула руку в карман пальто. Пальцы нащупали твердую, ребристую палку чурчхелы. Она не стала ее доставать. Пока.

- Вы не понимаете, - сказала она, и ее голос прозвучал в тишине квартиры удивительно спокойно. - Вы думаете, что я

встречаюсь с ним, потому что он мне нравится? Или потому что мне скучно? Или потому что я ищу приключений? Но это не так.

- А как тогда? - рявкнул Кир, вскакивая с дивана. Он начал ходить по комнате, его шаги были тяжелыми, неровными. - Ты думаешь, мы идиоты? Ты думаешь, мы не видим, как ты меняешься, когда возвращаешься оттуда? Ты пахнешь не морозом. Ты пахнешь ржавчиной. Ты пахнешь льдом. Ты пахнешь чужим мужчиной. И ты смотришь на нас так, будто мы дети, которые играют в войнушку, а ты только что вернулась с настоящей бойни. Кто он?

Яна посмотрела на Кира. Потом на Ника. Она видела, как напряжены их челюсти, как сжаты кулаки. Они были готовы убивать. Они были готовы выжечь этот район дотла, лишь бы найти того, кто забирал ее в темноту. И ей стало жаль их. Но она не могла остановиться. Ложь сейчас была бы хуже правды. Ложь разрушила бы ту невидимую нить, которая связывала их втроем. А правда... правда была опасной. Но она была их.

- Его зовут Аркаша, - сказала она.

Кир остановился. Он посмотрел на нее так, будто она только что ударила его по лицу.

- Аркаша, - повторил он, и в его голосе появилась та самая едкая, циничная нотка, которой он обычно прикрывал свою боль. - Аркаша. Из гаражей. Боже мой. Она встречается с Аркашей из гаражей. Ник, ты слышишь? У нее роман с

Аркашей из гаражей. Может, он еще и на ВАЗ-2109 ездит, и семечки лузгает?

- Не смейся, - тихо сказал Ник. Он не смотрел на Кира. Он смотрел на Яну. Его темные глаза сузились. Аркаша. Это уменьшительно-ласкательное. А как его зовут по-настоящему?

Яна покачала головой.

- Я не знаю, - сказала она. - И он не говорит. Мы не говорим об именах. Мы не говорим о прошлом. Мы не говорим о том, что было до того, как мы встретились в темноте.

Кир остановился перед ней. Он наклонился, опершись руками на колени, так что его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от ее лица. Она чувствовала его дыхание. Оно было горячим, рваным.

- Послушай меня, малая, - произнес он, и каждый его паук был весом, как свинцовая плита. - Ты сейчас расскажешь мне все. Каждую деталь. Как вы познакомились. Что он тебе говорит. Куда он тебя водит. Если он хоть пальцем коснулся тебя не так, как ты хочешь, я клянусь тебе своей жизнью, что от его тела останутся только воспоминания. Говори, мать твою!!

Яна закрыла глаза на секунду. Она вспомнила тот первый вечер. Февраль. Метель. Она шла домой от подруги, потому что Кир и Ник были на задании, а Андрей Петрович сказал, что задержится в институте. Она решила сократить путь через гаражные кооперативы за рынком. Там было темно, пах-

ло сырым бетоном, машинным маслом и кошачьей мочой. Фонари не горели. Снег скрипел под ногами.

Она открыла глаза и посмотрела Киру прямо в зрачки.

- Он напал на меня, - сказала она.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как гудит старый холодильник на кухне. Кир медленно выпрямился. Ник перестал дышать.

- Я шла между рядами, - продолжила Яна, ее голос был ровным, лишенным эмоций, как голос судмедэксперта, зачитывающего протокол. - Было темно. Я не видела, кто идет сзади. Я услышала только хруст снега. Я обернулась, но было уже поздно. Он был слишком быстрым. Он схватил меня за плечо, развернул, прижал спиной к бетонной стене гаража. Его рука была в перчатке, но я чувствовала, как сильно он сжимает что-то. Другой рукой он закрыл мне рот. Я не могла крикнуть. А потом я почувствовала лезвие.

Она замолчала, позволяя им представить это. Холод. Темноту. Запах ржавчины. И холодную сталь у сонной артерии.

- Он приставил нож к горлу, - сказала она. - Очень острый. Я чувствовала, как кожа холодеет от прикосновения металла. Он прижался ко мне спиной, я чувствовала, как он дышит. Он был большой. Тяжелый. И он сказал мне одну фразу.

- Какую? - хрипло спросил Ник. Его пальцы впились в подлокотники кресла так, что костяшки побелели.

Яна на секунду замялась, моргнула и продолжила, но Ник понял, что она сейчас соврет:

- Он сказал: если ты закричишь, я перережу тебе горло раньше, чем ты сделаешь первый вдох. А потом он спросил: Ты одна?

Кир сглотнул. Его кадык ходил ходуном. Он смотрел на Яну так, будто видел ее впервые.

- И что ты сделала? - тихо спросил он.

- Я не закричала, - пожала она плечами.

- Почему? - выдохнул Ник.

Яна вновь пожала плечами. Движение было легким, но в нем был заложен огромный смысл.

- Потому что я не испугалась. Я смотрела на нож. Я смотрела на то, как лезвие отражает слабый свет от фонаря у выезда. И я подумала о том, что если он разрежет мне кожу, кровь пойдет по ключице, намочит свитер, и будет очень холодно. Вот и все. Никаких мыслей о вас. Никаких мыслей о боге. Никаких мыслей о том, что моя жизнь обрывается. Просто холод. И любопытство.

Она посмотрела на Ника.

- Я повернула голову настолько, насколько позволяла его рука. И посмотрела ему в лицо. Там была шапка, надвинутая на брови. И глаза. Темные. Пустые. Как у мертвой рыбы. И я спросила его: Тебе стало бы теплее от моей крови?

Кир выругался. Тихо, сквозь зубы, но это было мощное, тяжелое ругательство, в котором было все его отчаяние и его восхищение. Он провел рукой по лицу, оттягивая кожу на скулах.

- Ты спросила у чувака с ножом у горла, станет ли ему теплее от твоей крови, - повторил Кир, качая головой. - Ты сумасшедшая, Яна. Ты абсолютно, безнадежно сумасшедшая! Бл..

- Он не убил меня, - продолжила Яна, игнорируя его реакцию. - Он замер. Я почувствовала, как изменилось его дыхание. Он ожидал крика и слез. Он ожидал, что я буду молить о пощаде или предложу ему деньги. А я спросила его о тепле. Он медленно опустил нож. Но руку с моего рта не убрал. Он посмотрел на меня долго. Очень долго. А потом он сказал: Ты странная, птица. Иди домой. И не ходи больше через гаражи.

- Но я пришла снова, - сказала Яна.

Ник медленно поднял голову. В его глазах больше не было шока. Теперь там был холодный, расчетливый интерес. Хищник, который изучает другого хищника.

- Ты пришла снова, - произнес он. - Зачем?

- Потому что мне было интересно, - сказала Яна. - И потому что в тот момент, когда он опустил нож, я поняла, что он не сделает мне плохо. Не потому что он добрый. А потому что я для него не жертва. Я для него загадка. А такие люди не убивают загадки. Они их хранят.

Яна встала с дивана. Она начала расстегивать пальто, но не сняла его. Ей нужно было чувствовать этот вес на плечах.

- Мы стали встречаться, - сказала она. - Периодически. В темноте. Он всегда ждет меня у третьего ряда, где старый

Икарус стоит без колес. Мы не разговариваем о погоде. Мы не разговариваем о школе. Он рассказывает мне о том, как устроен мир. О том, как люди лгут друг другу. О том, как легко сломать человека и как сложно собрать его обратно. Он говорит, что люди — это просто мясо, которое двигается и издает звуки. А я спорю с ним. Я доказываю ему, что в мясе есть что-то еще. Что-то, что он не может увидеть своим ножом.

Кир смотрел на нее, и его лицо было перекошено от внутреннего конфликта. Часть него хотела запереть ее в сейфе и никогда не выпускать. Другая часть, та, что понимала темноту так же хорошо, как и она, не могла оторвать от нее глаз.

- Ты споришь с нападающим о природе человеческой души в гаражах за рынком, - сказал Кир. Его голос дрожал от сдерживаемого смеха, который не имел ничего общего с весельем. - Яна, ты понимаешь, что ты делаешь? Ты играешь с ним!

- Я не играю, - серьезно сказала Яна. - Я просто существую рядом с ним. Ему хорошо со мной. Потому что я не боюсь его. А ему никто и никогда не говорил, что его не надо бояться. Все либо бегут, либо кричат. А я просто стою и слушаю.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями. Ей нужно было сказать им самое главное. То, что заставит их понять, насколько абсурдна и одновременно нормальна эта ситуация в ее мире.

- Я вас когда-нибудь познакомлю, - сказала она, глядя то

на одного, то на другого. - Он почти такой же, как вы. Только у него есть нюанс небольшой... Эээээ.

Кир нахмурился. Его брови сошлись на переносице, создавая глубокую складку. Он смотрел на нее с подозрением, пытаясь понять, куда она клонит.

- Какой? - хмуро спросил он.

Яна посмотрела ему прямо в глаза. Ее лицо было абсолютно серьезным. Ни тени улыбки. Ни тени иронии.

- Он маньяк, - припечатала она.

Тишина в комнате стала абсолютной. Она была такой густой, что в ней можно было тонуть. Кир смотрел на нее, открыв рот, но не в состоянии издать ни звука. Ник медленно моргнул. Его рука, лежавшая на подлокотнике, медленно сжалась в кулак, а потом разжалась.

- Но это не мешает ему быть великолепным собеседником, - продолжила Яна, ее голос был ровным, деловым, как будто она обсуждала расписание уроков в школе. - И вообще хорошим человеком. Со мной.

Кир вдруг расхохотался. Это был не его обычный смех. Это был глубокий, утробный, почти истерический звук, который вырвался из самой глубины его груди. Он схватился за живот, оперся рукой о стену, чтобы не упасть. Он смеялся так, что у него на глазах выступили слезы.

- Маньяк! Мать твою! - выдохнул он, вытирая глаза рукавом футболки. - Великолепный собеседник! Боже мой, Яна, ты... ты уникальна! Ты просто уникальна! Тимур будет в вос-

торге. Сократ вообще напишет об этом трактат. Мы охраняем ребенка, который дружит с маньяком из гаражей, чтобы скоротать вечер!

Ник не смеялся. Он смотрел на Яну с тем самым, тяжелым, проникающим взглядом, который заставлял людей признаваться в самых страшных грехах.

- Он тебя не трогал? - спросил Ник тихо. - Ни разу? Ни пальцем? Ни взглядом?

- Нет, - твердо сказала Яна. - Он сказал, что я чистая. Что я не для него. Я для кого-то другого. Для того, кто сможет меня вынести.

Ник кивнул. Медленно. Один раз. В этом кивке было признание. Признание того, что этот Аркаша, этот маньяк из гаражей, понял о Яне что-то такое, что они, Кир и Ник, пытались понять месяцами.

- Хорошо, - сказал Ник. Его голос был спокойным, но в нем звенела сталь. - Если он тебя не трогает, если он тебя не пугает, если он для тебя... собеседник. Мы не будем его убивать. Пока.

Кир перестал смеяться. Он выпрямился, его лицо снова стало серьезным, хищным.

- Пока? - переспросил он, глядя на Ника.

- Пока он не сделает ей больно, - ответил Ник, не отрывая взгляда от Яны. - А если он сделает... я не буду ждать, пока ты найдешь его в гаражах. Я найду его сам. И я покажу ему, что такое настоящий маньяк.

Яна слабо улыбнулась. Она знала, что Ник не шутит. Но в этой угрозе было столько заботы, столько скрытой нежности, что ей стало тепло.

- Спасибо, - сказала она тихо.

Но разговор на этом не закончился. Яна знала, что история с Аркашей — это только прелюдия. Только способ объяснить, почему она была в гаражах сегодня. Почему она вернулась довольной. И почему она теперь должна рассказать им о том, что произошло на кухне, пока она спала.

Она медленно сунула руку в карман пальто и достала палку чурчхелы. Темная, блестящая, с грецким орехом внутри. Она положила ее на журнальный столик, прямо рядом с пепельницей Кира.

- Я пошла к нему сегодня не просто так, - сказала она. - Я принесла ему подарок. Он любит табак. Тот, который продается только в Тбилиси. На Сухом мосту. Я купила его на Дезертирке, когда мы были там с Фанси. И я отдала ему.

Кир посмотрел на чурчхелу. Потом на Яну.

- Ты принесла маньяку грузинский табак? сказал он. - Логично. Очень логично. И что он сказал?

- Он сказал, что снег в Москве грязный, а люди в ней еще грязнее, - ответила Яна. - И что он рад, что я вернулась.

Она замолчала. Воздух в комнате начал меняться. Легкость от рассказа о Аркаше исчезла, уступая место чему-то тяжелому, липкому, пугающему. Яна посмотрела на чурчхелу. Она вспомнила кухню. Запах пригоревшей манки. Звук

телевизора. Глаза Андрея Петровича.

- Но это не главное, - сказала она, и ее голос стал другим. Тихим. Сухим. - Главное началось, когда я вернулась домой.

Ник наклонился вперед. Он почувствовал изменение. Его инстинкты, которые на секунду расслабились из-за абсурдности истории с маньяком, снова включились на полную мощность.

- Что случилось? - спросил он.

Яна рассказала им все. Каждую деталь. Как она вошла в квартиру. Как пахло вареной капустой и пылью. Как бабушка Катя смотрела Санта-Барбару и ругала Мейсона Кэпвелла. Как она спросила про отца. Как бабушка сказала, что он умотал на симпозиум. Как она спросила про подарки.

- И тогда бабушка достала банки, - сказала Яна, - и ее пальцы слегка дрожали, хотя она старалась этого не показывать. Варенье из лепестков роз. И сванская соль.

Кир нахмурился. Он не понимал.

- И что? сказал он. - Он привез ей варенье и соль. Это нормально. Он же был в командировке.

- Он сказал бабушке, что был в Минске, - тихо ответила Яна. - В Минске, Кир. В институте геронтологии. В аптекарском огороде.

Кир смотрел на нее. Потом его взгляд упал на чурчхелу. Потом снова на Яну. И вдруг его глаза расширились. Он понял.

- Сванская соль, - медленно произнес он.

- Да, - кивнула Яна. - И варенье из лепестков роз. То самое, которое мы ели у Баро. То самое, которое продается только в одной лавке на Дезертирке. У старика с одним глазом. Его не продают в Минске. Его не продают в аптекарских огородах. Его продают только в Тбилиси.

Ник встал. Он подошел к окну, но не стал смотреть на двор. Он посмотрел на свое отражение в стекле. Его лицо было каменным, но Яна видела, как напряглись мышцы на его шее.

- Он был в Тбилиси, - сказал Ник. Голос его был плоским, лишенным всяких эмоций. - Андрей Петрович был в Тбилиси. Во время войны с Икшей. Во время зачистки. Во время смерти Гиви.

Яна кивнула.

- Зачем? - Кир вскочил, его лицо покраснело от внезапной ярости. - Он ученый! Он геронтолог! Что он, черт возьми, делал в Тбилиси? Он встречался с Баро? Он передавал информацию Икше? Он работал на Аида?

- Я не знаю, - сказала Яна. - Но он дал мне книги. Про индейцев и про цыган. Он смотрел на меня, когда говорил про Минск. Он проверял меня. Он знал, что я пойму, что соль из Тбилиси. Он хотел, чтобы я поняла.

- Почему? - спросил Ник, не оборачиваясь. Зачем ему играть в эти игры? Зачем давать ей подсказки?

- Потому что он не агент, - тихо сказал Кир. Он сел на диван, рядом с Яной. Его ярость сменилась холодным, расчет-

ливым анализом. - Если бы он был агентом, он бы не оставлял следов. Он бы не дарил соль. Он бы просто наблюдал. А он... он флиртует с ней. Он играет с ней. Как Аркаша играет в гаражах. Только Аркаша играет с ножом, а Андрей Петрович играет с информацией.

Ник обернулся. Он посмотрел на Кира, потом на Яну.

- Ты думаешь, он знает? - спросил Ник. - Ты думаешь, он знает про Баро? Про Белого Быка? Про то, что она была в особняке Тимура?

- Я думаю, - сказала Яна, глядя на свои руки, - что он знает гораздо больше, чем мы думаем. Он не просто ученый. Он не просто мой биологический отец. Он что-то скрывает. Что-то очень большое. И его поездка в Тбилиси... это не случайность. Это часть какого-то плана.

Кир провел рукой по волосам, взъерошив их. Он выглядел уставшим. За последние сутки он не спал, он убивал, он клялся на крови, он пугался за нее, а теперь ему нужно было осознать, что враг может быть не только снаружи, но и внутри их собственной, такой хрупкой, семьи.

- Мы проверим его, - сказал Кир. Жестко. Глубоко. - Раф поднимет все его архивы. Все его командировки за последние десять лет. Мы найдем, где он был на самом деле. Мы найдем, с кем он встречался в Тбилиси. Мы найдем, кто он такой.

- А пока, - сказала Яна, - мы делаем вид, что ничего не знаем. Я вернусь к нему. Я съем эту чурчхелу. Я поблагода-

рю его за книги. И я буду смотреть ему в глаза. И я узнаю, дрогнет ли он.

Кир посмотрел на нее. В его глазах было столько гордости, сколько в ней было стали. Он протянул руку и накрыл ее ладонь своей. Его рука была горячей, сухой, сильной.

- Ты играешь с огнем, малая, - тихо сказал он. - Ты играешь с человеком, который, возможно, связан с теми, кто хочет тебя убить.

- Я не играю, - сказала Яна. - Я выживаю. Вы научили меня этому.

Ник подошел к ним. Он положил свою холодную руку ей на плечо. Его пальцы скользнули по ее шее, касаясь пульса.

- Мы с тобой, - сказал Ник. - Всегда. Если он сделает один неверный шаг, если он посмотрит на тебя криво, если он просто подумает о том, чтобы причинить тебе боль...

Он не договорил. Ему не нужно было договаривать. Кир кивнул. Его глаза были темными, как бездна.

- Иди, - сказал Кир. - Читай свои книги. А мы будем читать твоего папу.

Яна кивнула. Она встала, взяла чурчхелу со стола. Она посмотрела на них обоих — на Кира, горячего, как огонь, и на Ника, тихого, как тень — и почувствовала, как внутри нее разливается тепло. Тепло, которое не имело ничего общего с огнем или тенью. Тепло, которое шло откуда-то из глубины. Из того места, где жила ее старая душа. Из того места, где она знала, что она не одна.

Она открыла дверь и вышла в коридор. Ник стоял там, прислонившись к стене. Он не сказал ни слова. Он просто посмотрел на нее. И в этом взгляде было все. Обещание. Защита. И та самая, невидимая нить, которая тянулась от него к ней, через стены, через этажи, через судьбы.

Она спустилась на лифте вниз. Вышла на улицу. Мороз ударил в лицо, освежая, возвращая в реальность. Она пошла к библиотеке, сжимая в кармане чурчхелу из Тбилиси. Она думала об Андрее Петровиче. О его глазах. О его лжи. О сванской соли.

Она думала об Аркаше. О том, как он стоял в гаражах, как дым от его сигареты смешивался со снегом. О том, как он посмотрел на нее. Она чувствовала, что эта встреча была не случайностью. Что он пришел. Что он знал. Что он ждал.

Мир сужался. Кольцо смыкалось. Тбилиси, Москва, гаражи, библиотека. Все линии сходились в одной точке. И Яна знала, что скоро эта точка взорвется. Но она не боялась. У нее был огонь Кира. У нее была тишина Ника. У нее была мудрость Тимура. И у нее была тень Аркаши.

Она была не одна. Она была Кармой. А карма всегда находит своих.

***

Тяжелая дубовая дверь кабинета Тимура закрылась с глухим, плотным звуком, отрезая Яну, Кира и Ника от привычного, размеренного гула московской квартиры на семнадцатом этаже. Внутри, в этом пространстве, обитом темным де-

ревом и кожей, воздух был не просто тяжелым — он был густым, вязким, пропитанным запахом дорогого табака, остывшего кофе и той самой, металлической ауры ярости, которая предвещает бурю.

Тимур стоял за своим массивным столом из мореного дуба. Его лицо, обычно непроницаемое, как гранитная скала, сейчас было перекошено от гримасы, в которой с трудом угадывался привычный холод. Вены на висках пульсировали так сильно, что казалось, еще секунда — и кожа не выдержит. Он не просто злился. Он был потрясен до самых основ своего существа, до той самой черты, где заканчивался вор в законе и начинался отец, который только что узнал, что его ребенок играет с огнем, способным испепелить весь мир.

- Маньяк, - повторил Тимур, и его голос прозвучал не как крик, а как скрежет стали по бетону. Каждый звук был взвешен, отточен и опасен. - Ты говоришь мне, Яна... ты смотришь мне в глаза и говоришь, что пока мы рвем этот город на части, пока мы вычисляем каждую крысу, работающую на Аида, пока мы выстраиваем периметр, в котором не сможет протиснуться даже призрак... ты спокойно ходишь в гаражи. Беседовать. С маньяком.

Кир не сидел. Он не мог сидеть. Он ходил по кабинету, как хищник, запертый в слишком тесной клетке. Его черная футболка облегала напряженные мышцы спины, а в глазах плясал тот самый, лихорадочный огонь, который обычно появлялся перед тем, как он кого-то убьет или скажет что-то

невероятно обидное.

- Маньяк, босс. Давай просто зафиксируем этот факт в протоколе, - Кир резко рассмеялся, и смех его был сухим, треснувшим. Он провел рукой по волосам, взъерошив их. - Наша маленькая птичка, наша Карма, девочка, которая вычищает криминальные синдикаты метафорами про бытовую химию, завела себе друга по переписке. И не просто друга. Парня с ножом и комплексом Наполеона. Блестяще. Просто гениально. В следующий раз, может, познакомишь нас с Джеком Потрошителем? Я слышал, он отличный нетворкер, у него куча полезных связей в морге.

- Заткнись, Кир, - голос Ника прозвучал из угла комнаты. Он не двигался. Он стоял, прислонившись плечом к книжному шкафу, скрестив руки на груди. Его лицо было каменной маской, но темные глаза, не отрываясь, следили за Яной. В них не было огня, как у Кира. В них была бездна. Холодная, темная, затягивающая. - Она не «спокойно ходила». На нее охотились. И она не побежала. Вот что тебя на самом деле жжет, да? Не то, что она встретила чудовище. А то, что чудовище не сожрало её. Ты не можешь простить ей, что она оказалась сильнее твоего страха за неё.

Сократ, сидевший в глубоком кожаном кресле у камина, медленно закрыл толстый том Марка Аврелия. Он поправил очки, и в его взгляде не было ни страха, ни гнева. Только острый, клинический интерес ученого, который только что обнаружил новый, неизученный вид хищника.

- Психология жертвы и хищника целиком и полностью строится на ожидании страха, - задумчиво произнес Сократ, его голос был мягким, обволакивающим, но каждое слово падало в тишину, как камень в воду. - Когда жертва исключает страх из уравнения, психологическая стена хищника рушится. Она не просто выжила, Ник. Она замкнула его алгоритм. Она стала для него не объектом, а аномалией. А аномалии хищники не едят. Аномалии изучают.

- К черту психологию! - Тимур резко ударил ладонью по столу. Хрустальная пепельница подпрыгнула и со звоном упала на ковер. - Мне плевать на алгоритмы! Мне плевать на хищников! Меня волнует выживание! - Он перевел свой пронзительный, серый взгляд на Фанси, который тихо сидел у окна, перебирая четки. - Фанси! Что ты молчишь?! Почему ты вечно молчишь? Скажи мне, что ты не знал об этом! Скажи мне, что ты не в курсе, что моя дочь болтает с убийцей в мусорных баках!

Фанси медленно поднял голову. Его старые, выцветшие глаза, в которых обычно плескалась бездонная мудрость веков, сейчас горели странным, почти детским огнем. В них не было осуждения. В них было... восхищение. Почти благоговейное, наивное восхищение ребенка, который увидел фокус и не может поверить своим глазам. Он не ответил сразу. Он просто продолжил перебирать янтарные бусины. Щелк. Щелк. Щелк.

- Расскажи мне всё, - Тимур снова перевел взгляд на Яну.

Он указал на нее дрожащим пальцем. - С того момента, как ты переступила порог дома подруги. Каждую деталь. Каждую тень. Каждое слово. Если ты пропустишь хоть один слог, если ты солжешь мне хоть в мелочи, я запру тебя в квартире Сократа до тридцати лет. Говори.

Яна стояла в центре кабинета. Она не вздрогнула от крика Тимура. Она не опустила глаза. Она сделала медленный, глубокий вдох, находя себя в этой реальности, в этом моменте. Она закрыла глаза на долю секунды, и когда открыла их, Москвы, кабинета, Тимура больше не существовало. Она была там. В феврале. В холоде. В темноте.

- Было поздно, - начала она, и ее голос изменился. Он стал тише, ровнее, лишенный детских ноток. - Больше восьми вечера. Снег шел тяжелый, мокрый. Тот, что липнет к ресницам и глушит звуки города. Кир и Ник были на перехвате. Ты был занят своими делами. Папа позвонил и сказал, что застрял в институте, какая-то срочная подготовка к симпозиуму. Он сказал, чтобы я шла пешком. От дома Лены до нашего подъезда всего четыре квартала. Но в тот вечер... кварталы казались бесконечными.

Она замолчала, ее руки слегка сжались в кулаки, но она тут же расслабила их, контролируя свое тело.

- Я шла по Профсоюзной, потом свернула в переулок за старыми гаражами. Это был короткий путь. Я знала эту территорию. Но в ту ночь... тени казались тяжелыми. Они давили. Я чувствовала, что за мной наблюдают. Я не побежа-

ла. Инстинкт, тот, которому вы меня учили, кричал: бежать нельзя. Бегство провоцирует погоню. Если побежишь - станешь добычей. Поэтому я продолжала идти. Выровняла шаг. Дышала через нос.

Кир прекратил ходить. Он оперся бедром о край стола Тимура, его челюсть сжалась так сильно, что ходуном ходила желваки. Он смотрел на Яну, и в его взгляде читалась та самая, животная боль, которую он испытывал, когда не мог ее защитить.

- Я почувствовала его раньше, чем увидела, - продолжила Яна, ее взгляд расфокусировался, смотря в прошлое. - Воздух изменился. Запах выхлопных газов и мокрого бетона разрезал чем-то другим. Озоном. И дешевым табаком. А потом... холод. Прямо у самого уха. Лезвие. Не кухонный нож. Скальпель. Или кастомный танто. Идеально заточенный. И тогда он прошептал.

Яна сделала паузу. В кабинете стало так тихо, что было слышно, как тикают напольные часы.

- «В книге бытия смерть - всего лишь запятая, если историю пишешь ты сам».

Ник прищурился, его темные глаза сузились до опасной щели. Ник вспомнил какую фразу она сказала им, и понял, что эта не подделка! Сейчас Яна говорила правду. Сократ медленно открыл свою книгу, затем так же медленно закрыл ее.

- Философ с ножом, - тихо прорычал Ник. - Он проверял

твой пульс. И буквально, и метафорически. Он смотрел, испугаешься ли ты его слов.

- Я не закричала, - Яна посмотрела прямо на Ника. - Я не стала молить о пощаде. Я просто посмотрела на отражение в лезвии. Я видела его глаз. Только крошечную щелочку. Темный. Пустой. Но не безумный. Он высчитывал. Я повернула голову. Всего на сантиметр. Достаточно, чтобы посмотреть ему в глаза. И я сказала: «Какая разница, сейчас или потом ты убьёшь меня? Если история уже написана, запятая ничего не меняет. Но если ты её пишешь... пойдем, поговорим. Ты выглядишь так, будто тебе нужно выговориться».

Тимур выпустил воздух, который звучал как рык раненого зверя. Он провел рукой по лицу, оттягивая кожу на скулах.

- Ты пригласила серийного убийцу на психотерапевтическую сессию? - прошептал он, не в силах поверить в услышанное.

- Он замер, - продолжила Яна, игнорируя реакцию Тимура. - Лезвие не двинулось, но его дыхание изменилось. Он ожидал слез. Он ожидал реакцию «бей или беги». Он не ожидал приглашения. Он опустил нож. Только на долю секунды. Он велел мне идти. Мы шли молча десять минут. Он не касался меня. Он просто шел в полшаге позади, копируя мой шаг. Мы дошли до заброшенной детской площадки в соседнем дворе. Качели были засыпаны снегом.

Яна подошла к окну, посмотрела на темное, заснеженное небо Москвы.

- Я села на качели. Смахнула снег рукой. Похлопала по металлической цепи рядом. Он стоял там долгое время. Потом сел. Он был огромным. Широкие плечи. Тяжелое пальто. Он достал сигарету, прикурил. Вспышка спички на секунду осветила его лицо. Шрамы. Усталость. Глаза, которые видели слишком много смерти. Я спросила его: «Расскажи свою историю».

- Он рассмеялся, - голос Яны стал мягче. - Холодный, мертвый звук. Он сказал, что у него нет истории. Только череда убийств и боли. Я сказала, что у всех есть история. Даже у таких, как он. Он спросил, наивна ли я. Я согласилась. Как говорил Ремарк: наивность это дар. И добавила, что всегда верила: за каждым поступком стоит причина. Даже за самым страшным. Я спросила, почему он убивает? Что им движет? Он спросил, думаю ли я, что смогу понять. Я сказала, что хочу стать криминалистом. Не чтобы ловить таких, как он. А чтобы понимать. И защищать, и помогать людям, похожим на него.

Кир издал резкий, недоверчивый смешок, который сорвался на кашель. Он схватился за грудь, словно у него начался сердечный приступ.

- Ты... ты предложила серийному убийце стать его соучастником? - Кир смотрел на нее так, будто она только что сообщила, что научилась летать. - Яна, клянусь богом, ты убьешь меня своим спокойствием. Ты сидишь на качелях, рядом с человеком, который режет людей на части, и пред-

лагаешь ему научить его, как уходить от ментов? Блестяще! Просто великолепный ход. В следующий раз ты будешь предлагать им скидки на налоги?

- Я сказала ему, что могла бы помогать ему, - Яна повернулась от окна, ее голос стал твердым, стальным. - Я сказала, что знаю всё о криминалистике. О том, как работают следователи. Как заметать следы. Он смотрел на меня так, будто я была инопланетянкой. Он сказал, что я слишком добра для этого мира. Я парировала, что он слишком зол. Но я верю, что внутри него есть что-то другое. Что-то, что он прячет за маской убийцы.

Она замолчала, вспоминая тот момент. Вспомнила, как он резко встал, как его тень накрыла ее, как его дыхание стало холодным.

- Он сказал, что я играю с огнем. Что он способен на всё. А я ответила, что не со мной. Что я знаю. И тогда... тогда подъехали машины.

Тон Яны изменился. Он стал отстраненным, холодным, профессиональным.

- Две черные Волги. Заехали прямо на газон площадки. Из них вышли четверо мужчин. Кожаные куртки. Тяжелые ботинки. Они двигались не так, как менты. И не так, как бандиты. Они двигались... как вы. — Она взглянула на Кира и Ника. — Один из них, парень со сломанным носом, подошел к качелям. Он даже не посмотрел на меня. Он посмотрел только на человека с ножом и сказал: «Ад. Ты здесь? Пора

работать».

Ник медленно оторвался от шкафа. Его рука инстинктивно легла на пояс, где обычно лежал нож.

- «Ад»? - тихо переспросил Ник. - Это не имя. Это позывной. Или прозвище. Те, кто за ним приехали... они не были его боссы. Они не управляли им. Они были его уборщиками. «Пора работать». Он убивает не ради удовольствия, Ян. Он убивает по контракту. Или по долгу. Ты прервала его ритуал.

- Человек в пальто встал, - продолжила Яна. - Он стряхнул пепел в снег. Он посмотрел на меня в последний раз. Его глаза больше не были пустыми. Они были... растерянными. Он сказал тем, кто приехал: «Я скоро буду. У меня есть дела поважнее». Они кивнули. Они не стали задавать вопросов. Они просто развернулись и пошли обратно к машинам. А он... он пошел в противоположную сторону. В темноту гаражей. А я пошла домой.

Яна закончила свой рассказ. Она посмотрела на Тимура, подбородок ее был гордо поднят.

- Его зовут Аркадий. Они зовут его Ад. И он не тронул меня. Потому что я не была добычей. Я была зеркалом.

Тишина, которая повисла в кабинете после ее слов, была не просто тяжелой. Она была абсолютной. Она давила на перепонки, звенела в ушах.

Тимур смотрел на нее. Его рот был слегка приоткрыт, но слова не шли. Он посмотрел на Кира, потом на Ника, потом снова на Яну. Он медленно, с трудом опустился в свое ко-

жаное кресло, потер виски обеими руками, словно пытаясь выдавить из себя эту реальность.

- Зеркалом, - прошептал Тимур. - Ты посмотрела мяснику в глаза и сказала ему, что он зеркало?

Яна кивнула. Кир провел ладонью по лицу, стягивая кожу вниз. Он выглядел так, будто только что пробежал марафон.

- Ладно. Давай просто резюмируем, - его голос был хриплым, сорванным. - Наша одиннадцатилетняя девочка попадает в засаду к парню по имени Ад, который цитирует Бытие и использует кастомные клинки. Вместо того чтобы умереть, она психоанализирует его на замерзших качелях, предлагает ему стать своим напарником и учит, как смывать ДНК с места преступления. А потом за ним приезжает бригада на черных Волгах, как за менеджером среднего звена. Я правильно понял суть?

- Он не менеджер, - тихо сказал Ник. Его голос был похож на треск льда над глубокой рекой. - Он палач. Те люди в Волгах... они не его начальники. Они его свита. Он не убивает ради кайфа. У него есть цель. И ты, Яна... ты только что вошла в его орбиту.

Сократ подался вперед, сложив пальцы домиком. Его глаза горели странным, лихорадочным блеском.

- В этом и кроется суть, Ник, - произнес философ. - Мы определяем чудовищ по их отклонению от нормы. Но что происходит, когда чудовище обладает интеллектом гения? Что происходит, когда хищник оказывается еще и филосо-

фом? Аркадий пощадил её не потому, что почувствовал жалость. Он пощадил её, потому что она ввела переменную, которую он не мог просчитать. Эмпатию. В его мире эмпатия - это фатальная ошибка. Но она предложила её как инструмент. Это очаровало его. Это сломало его парадигму.

- Очаровало, - раздался хриплый, старческий голос из угла.

Все резко повернулись. Фанси перестал перебирать четки. Он смотрел на Яну, и выражение его лица было странным, пугающим. В нем не было ужаса. В нем было то самое, почти детское, наивное восхищение, которое пугало больше всего. Он смотрел на нее так, словно она только что совершила священное таинство.

- Ты встретилась с Аркадием, - тихо сказал Фанси. Это не был вопрос. - Хирургом. Некромантом. Человеком, который играет в Бога с помощью скальпеля и автомобильного аккумулятора.

Голова Тимура резко метнулась к старику.

- Фанси! Какого черта ты несешь? - голос Тимура был опасным, тихим шипением. - Ты знаешь этого парня? Объясни. Немедленно.

Фанси вздохнул. Это был долгий, усталый вздох, в котором, казалось, уместилась боль целого века. Он откинулся на спинку кресла, и свет от камина упал на его лицо, превратив его в древнюю, потрескавшуюся икону.

- Знаю ли я его, Тимур? - Фанси усмехнулся, и в этой

усмешке не было веселья. - Я не просто знаю его. Я его куратор.

Температура в комнате, казалось, упала еще на десять градусов. Ник оттолкнулся от шкафа, его рука инстинктивно опустилась к поясу. Кир перестал дышать, его глаза расширились. Сократ медленно снял очки и начал протирать их платком, его руки слегка дрожали.

- Куратор? - голос Тимура сорвался на хрип. Он медленно встал из-за стола. - Ты был куратором маньяка, который охотится на мою дочь?

- Аркадий не всегда был монстром, Тимур, - Фанси говорил медленно, подбирая каждое слово, словно раскладывая карточный пасьянс. - Двадцать лет назад он был лучшим кардиоторакальным хирургом во всем Советском Союзе. Золотые руки. Говорили, что он мог зашить бьющееся сердце с закрытыми глазами. Он был гением. Но гениальность часто идет рука об руку с глубокой, сокрушительной трагедией. Аркадий и его жена, Елена, не могли иметь детей. Это была медицинская невозможность. Его вина, говорили врачи. Генетический дефект. Это сломало его. Он тратил свою жизнь на спасение других, но не мог спасти свое собственное наследие.

Фанси сделал паузу, делая глоток холодного чая из стакана на столе.

- А потом, однажды, Елена пришла к нему. Она плакала, смеялась, была в истерике. Она сказала ему, что бере-

менна. Чудо. Врачи ошибались. Аркадий был вне себя от радости. Но радость... она была слишком большой для разума, уже расколотого годами горя и стресса в операционной. Он сорвался. В припадке абсолютного, ослепляющего безумия, убежденный, что это галлюцинация, жестокая шутка его сломленного разума... он убил её.

Яна тихо ахнула. Ее руки сами собой поднялись ко рту.

Фанси поднял руку, останавливая её.

- Подожди, маленькая птичка. Трагедия не в убийстве. Трагедия в аутопсии. На следующий день, в холодном свете морга, под люминесцентными лампами, он сам исследовал её тело. Он нашел плод. Он был настоящим. Это был его ребенок. Жизнеспособный, живой ребенок. Он убил свою жену, и, сделав это, он убил то самое чудо, о котором молился.

Глаза Фанси были далеки, смотрели на что-то, что видели только они.

- Горе не сломило его. Оно кальцинировало его. Оно повернуло его гений внутрь, в темные, запретные уголки науки. Он не похоронил её. Он забрал её тело в частную клинику. И последние пятнадцать лет Аркадий пытается воскресить её. Он использует физику. Он использует электричество. Он использует экспериментальную нейростимуляцию. Он пытается запустить мертвое сердце, заставить синапсы снова зажечься. Он пытается написать историю сам, стереть эту запятую.

Тимур смотрел на старика, его лицо было белым, как мел.

- Ты... ты знал, что он это делает? И ты позволил ему жить?

- Я его куратор, Тимур, - голос Фанси стал твердым, как сталь. - У Братвы есть правила. Но есть... исключения. Аркадий - маньяк. Да. У него есть это... хобби. Он убивает. Но он отнимает жизни не случайно. Он убивает тех, кто уже мертв внутри. И тех, кто этого заслуживает. Он экспериментирует на худших представителях человечества, чтобы найти искру жизни, которую можно отдать его Елене. Мне было поручено наблюдать за ним. Чтобы убедиться, что он не перейдет черту массового бойни. Чтобы держать его... эксперименты... в узде.

Фанси посмотрел на Яну, и его старые глаза снова засияли тем странным, наивным светом.

- И теперь он встретил тебя. Белого Быка. Девочку, которая посмотрела на человека, пытающегося победить смерть, и предложила ему место на качелях. Аркадий - гений, Яна. Искалеченный, сломленный, невероятный.. гений. Если он решил заговорить с тобой, если он решил пощадить тебя, это значит, что он видит в тебе что-то. Он научит тебя. Он научит тебя вещам о человеческом теле, о жизни и смерти, которым не учат ни в одном университете. И не волнуйся. Я поговорю с ним. Я напомню ему о границах. Но ты... ты приобрела очень опасного, очень ценного учителя.

Тишина, которая последовала за откровением Фанси, была не просто тяжелой. Она была удушающей. Это была ти-

шина сдвигающейся реальности. Это был звук того, как фундамент их мира трещит и оседает.

Кир выглядел так, будто только что проглотил целый лимон. Он открыл рот, закрыл его, а затем выпустил долгий, медленный выдох.

- Итак, давайте я правильно пойму, - его голос был мертвым, лишенным всяких эмоций. - Нашу девочку обучает некромант, который держит свою мертвую жену в морозилке и использует серийных убийц в качестве подопытных кроликов. А ты, Фанси, оказывается, его ебанной нянькой. Отлично. Просто отлично. Что дальше? Сократ сейчас признается, что он на самом деле Распутин? А Тимур рептилойд?

Сократ и Тимур не улыбнулись. Они смотрели на Фанси, и из аналитические умы работали с бешеной скоростью, перебирая факты, выстраивая новые, пугающие цепочки.

- Психологические последствия просто ошеломляют, - пробормотал Сократ. - Мотивация Аркадия не в садизме. Это сохранение. Он застрял в петле горя, пытаясь обратить энтропию вспять. Эмпатия Яны разрушила его петлю. Она ввела концепцию принятия. Она сказала ему, что запятая не имеет значения, если история написана. Она дала ему философский выход, который его собственный сломленный разум не мог сгенерировать.

Ник подошел к Яне. Он не сказал ни слова. Он просто протянул руку и осторожно коснулся её щеки. Его рука была холодной, но его прикосновение было невероятно нежным.

- Ты играешь на кладбище, малышка, - тихо сказал он. - И мертвые начинают разговаривать с тобой.

- Я не боюсь их, Ник, - Яна посмотрела на него. Её глаза были ясными, решительными. - Аркадий испытывает боль. Он в ловушке. Если я смогу помочь ему найти выход... если я смогу учиться у него, не теряя себя... тогда я должна это сделать. Вы научили меня, что наша сила не только в том, чтобы убивать врагов. Она в том, чтобы понимать их.

Тимур медленно обошел стол и остановился перед Яной. Он посмотрел на нее, по-настоящему посмотрел. Он видел одиннадцатилетнюю девочку, которая любила ножи и ненавидела Санта-Барбару. И он видел древнюю, неизменную душу, которая вызывала уважение воров, цыган и теперь - некромантов.

- Ты пугаешь меня, дочка, - тихо сказал он, и его голос был густым от эмоций. - Ты самый пугающий человек, с которым я когда-либо сталкивался. А я заглядывал в глаза серийным убийцам.

Он повернулся к Фанси.

- Ты поговоришь с ним. Ты скажешь ему, что если хоть один волос упадет с её головы, если он попытается использовать её в своих... экспериментах, мне будет плевать на правила Братвы. Я сожгу его лабораторию дотла вместе с ним. Ты понял?

Фанси медленно кивнул.

- Я понял, Тимур. Но он не причинит ей вреда. Она - та

искра, которую он искал. Не для своей машины. Для своей души.

Кир застонал, снова потер лицо.

- Мне нужно выпить. Крепко. А потом мне нужно пойти в гаражи и немного побеседовать с Адом об опасности разговоров с детьми. Я могу сломать ему хотя бы один палец? Только один? Ради моего душевного спокойствия?

- Никаких пальцев, Кир, - сказала Яна, и на её лице наконец-то появилась маленькая, настоящая улыбка. - Но ты можешь купить мне новую книгу. По судебной патологии. Мне нужно подготовиться к следующему уроку.

Кир уставился на нее, а затем разразился громким, искренним смехом. Он подошел и растрепал её волосы, взъерошив аккуратный пучок.

- Патология? Ну конечно! Я куплю тебе всю еб**ую библиотеку, мелкая. Только пообещай мне, что попросишь меня помочь тебе закопать тело, когда потребуется. У меня репутация, которую нужно поддерживать.

Губы Ника дрогнули, изобразив редкую, слабую улыбку.

- Ей не придется никого закапывать, Кир. Яна просто проанализирует скорость разложения и напишет статью об этом.

Напряжение в комнате медленно начало рассеиваться, уступая место странному, темному товариществу. Они стояли на краю бездны, заглядывая в самые темные уголки человеческой души. Но они стояли вместе.

Яна посмотрела на трех мужчин, которые были её щитом,

её тенями, её семьей. И она подумала о четвертой тени, о той, что ждала в холодных гаражах, о человеке, сломленном горем, пытающемся обмануть смерть.

Игра изменилась. Доска расширилась.

И Яна, Карма и Белый Бык, были готовы играть.

***

В школе всё казалось каким-то нереальным. Учителя, одноклассники, даже стены - всё было словно в дымке. Она витала в облаках, не замечая насмешливых взглядов и перешептывания за спиной.

Физкультура стала настоящим испытанием. Сашка Бухловский, вечно весёлый блондин, который не давал Яне прохода, снова начал приставать. Он дёргал её за рюкзак, отпускал пошлые шуточки, и Яна больше не могла это терпеть.

В порыве злости она достала из сумки автоматический карандаш и, расковыряв его, достала грифели.

- Саш, смотри, что я нашла! Американские конфеты! - с притворной улыбкой протянула она ему.

Сашка, не подозревая подвоха, схватил «конфеты». Яна знала, что будет, если съесть грифель - тошнота, рвота, возможно, даже отравление. Но в тот момент ей было всё равно.

Через несколько минут Сашка позеленел и побежал к туалету. Ярослава Юльева, которая была тайно влюблена в Сашку и ревновала его ко всем, увидела эту сцену. Её глаза загорелись злобой.

После уроков Ярослава подговорила старшеклассников.

Они схватили Яну и потащили за школу.

Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая небо в багряные тона. Яна шла за школой, окружённая толпой старшеклассников, которые держали её за руки. Каждый шаг отдавался в голове пульсирующей болью, а в горле стоял ком.

Пустырь за школой был идеальным местом для показательной порки. Грязная земля, разбросанный мусор и ни души вокруг — только любопытные школьники, пришедшие поглазеть на представление.

Ярослава Юльева, маленькая и злобная, встала на автомобильную шину. Её лицо искажала гримаса ненависти. Яна чувствовала, как та дрожит от ярости, как её маленькие кулачки сжимаются в бессильной злобе.

Толпа начала собираться. Шепотки, смешки, переглядывания. Каждый хотел увидеть, как унижают ту, кто посмела навредить Сашке.

- Смотрите все! - крикнула Ярослава, её голос дрожал от возбуждения. - Сейчас я покажу этой отравительнице, что бывает с теми, кто трогает моего Сашу!

Яна стояла неподвижно, чувствуя, как холод проникает под одежду. Старшеклассники держали её крепко, их руки были грубыми и тяжёлыми. Она чувствовала, как по щекам катятся слёзы, но не позволяла себе показать слабость.

- Ну что, отравительница? - Ярослава сделала шаг вперёд, её лицо было в нескольких сантиметрах от лица Яны. - Понравилось издеваться над Сашкой?

Толпа засмеялась. Кто-то выкрикнул:

- Давай, Ярка, покажи ей!

Ярослава замахнулась. Первый удар пришёлся по щеке. Яна почувствовала, как по коже разливается жгучая боль. Второй удар - ещё сильнее.

- Ты думаешь, можно просто так травить людей? - Ярослава выплёвывала слова, словно яд. - Ты заплатишь за это!

Старшеклассники начали подбадривать Ярославу. Они толкали Яну, заставляя её стоять ровно, чтобы Ярославе было удобнее наносить удары.

- Грязная обманщица! - кричала Ярослава. - Кто ещё захочет дружить с тобой после такого?

Оскорбления сыпались со всех сторон. «Отравительница», «предательница», «сука» — слова врезались в сознание Яны острыми кинжалами.

- Ты испортила Сашке жизнь! - визжала Ярослава. - Теперь он в больнице из-за тебя!

Яна чувствовала, как земля уходит из-под ног. Она знала, что это неправда - Сашка просто испугался и перестраховался, но толпа верила каждому слову Ярославы.

- А знаешь, что самое смешное? - Ярослава наклонилась к самому её уху. - Ты никому не нужна!!!

Толпа взорвалась хохотом. Яна чувствовала, как внутри что-то надламывается. Её гордость, её самоуверенность рушились на глазах у всех.

- Ну что, довольна? - Ярослава отступила, тяжело дыша. -

Теперь все знают, кто ты на самом деле!

Старшеклассники отпустили Яну. Она пошатнулась, но устояла на ногах. Её лицо горело от пощёчин, а в душе была пустота.

- Ты ещё пожалеешь, - прошептала Ярослава, спрыгивая с шины. - Я прослежу за этим.

Толпа начала расходиться, обсуждая произошедшее. Яна стояла, окружённая пустотой и одиночеством. Её слёзы смешивались с грязью, а в голове билась только одна мысль: «Они заплатят!!!».

Она развернулась и побрела прочь, не замечая ничего вокруг. Её шаги эхом отражались от пустых стен школы, а в душе разрасталась чёрная дыра отчаяния.

Но что-то внутри неё вдруг начало меняться. То, что она так долго подавляла, начало подниматься на поверхность. Тёмная, первобытная дикая ярость, которую она никогда раньше не испытывала.

И в этот момент Яна поняла — она больше не будет жертвой. Она найдёт способ отомстить. И Аркадий, возможно, поможет ей в этом.

Яна брела по тёмным улицам, не замечая ничего вокруг. Её мысли были заполнены эхом оскорблений и болью от пощёчин. Каждый шаг отдавался в голове тупой болью, а в горле стоял ком непролитых слёз.

Она не пошла домой. Она не могла идти туда, где пахло вареной капустой и где бабушка Катя будет включать свой

телевизор. Ей нужно было движение. Ей нужно было выплеснуть это давление, иначе она просто взорвется.

Она свернула к рынку у метро Коньково. Это было место, которым негласно заведовал Сократ. Здесь пахло пылью, гнилыми овощами, дешевым табаком и специями. Ряды ларьков, перекошенные лица торговцев, крики, суета. Яна шла между рядами, ее руки были глубоко засунуты в карманы, ее щеки горели. Не от мороза. От того самого, невидимого ожога, который оставили на ее лице чужие руки.

Она остановилась у прилавка с фруктами. Высокий, смуглый мужчина в грязном свитере, с тяжелым, наглым лицом, перебирал гнилые яблоки. Азербайджанец. Яна знала его. Он всегда хамил старушкам, всегда обвешивал, всегда смотрел на женщин так, будто они были куском мяса.

- Дай мне килограмм апельсинов, - сказала Яна. Ее голос был ровным, но внутри все дрожало.

Мужчина медленно поднял глаза. Он посмотрел на нее сверху вниз. Его взгляд был тяжелым, липким, оценивающим. Он увидел маленькую девочку в дешевом пуховике. Увидел ее красную щеку. Увидел, что она одна.

- Апельсины для детей не продаются, - протянул он с густым, издевательским акцентом. - Иди, малявка, домой. Мама тебе кашку сварит. А тут место для взрослых.

Что-то внутри Яны щелкнуло. Тонкая, невидимая нить, которая держала ее в рамках, которую она так старательно натягивала все эти месяцы, лопнула. Школа. Сашка Бухлов-

ский. Ярослава. Шина. Пощечины. Слова: «Ты никому не нужна». И теперь этот урод, который смотрит на нее с презрением.

- Я сказала, дай мне апельсинов, - повторила она. Ее голос упал на октав. В нем больше не было детского. В нем была сталь.

Мужчина рассмеялся. Он наклонился через прилавок, его лицо оказалось в полуметре от ее лица. От него пахло чесноком и потом.

- Ты чего, сука маленькая, огрызаешься? — прошипел он. - Я тебе сказал, иди отсюда, пока я тебе эту твою морду красивую не разукрасил.

Яна не думала. Ее тело двигалось быстрее мысли. Она протянула руку, схватила с прилавка тяжелый, шершавый апельсин. И бросила.

Прямо в лицо.

Апельсин попал ему в переносицу с глухим, тошнотворным звуком. Мужчина взревел от боли и неожиданности, схватился за лицо, из его носа хлынула кровь. Яна не остановилась. Она схватила второй апельсин. Третий. Она бросала их с той самой, пугающей точностью, которой ее учил Ник, метая ножи в мишени в подвале особняка Тимура. Один за другим. В лицо. В грудь. В руки.

- Ты кто такой, чтобы мне указывать?! - кричала она, и ее голос срывался на визг. — Ты грязь! Ты просто грязь!

Торговец, шатаясь, выпрыгнул из-за прилавка, вытирая

кровь рукавом, его глаза были безумными от ярости. Он замахнулся на нее своей тяжелой, мозолистой рукой.

Яна не успела увернуться. Она только увидела, как его ладонь летит к ее лицу, как она готовится к удару, как она сжимает зубы...

Но удара не последовало.

Тяжелая, сильная рука перехватила запястье торговца в воздухе. Хвать. Железная хватка. Мужчина замер, его глаза вылезли из орбит от боли. Он медленно, очень медленно повернул голову.

Рядом с Яной стоял Сократ.

Он не кричал. Он не смотрел на торговца с яростью. Он просто смотрел на него. И этого взгляда было достаточно. В его мудрых глазах не было ничего человеческого. Только бездна. Только холод. Только приговор.

- Уйди, - тихо сказал Сократ. Его голос был мягким, как бархат, но в нем звенела такая угроза, что мужчина, не разбирая слов, попятился, упал спиной на свой прилавок, сгреб свои деньги и бросился бежать, расталкивая людей, даже не оглядываясь.

Сократ медленно отпустил его запястье. Он повернулся к Яне. Она стояла, тяжело дыша, ее руки были в апельсиновой цедре и соке, ее грудь ходила ходуном. Она ждала, что он начнет ее ругать. Что он спросит, что она натворила.

Но Сократ просто достал из кармана чистый носовой платок. Он аккуратно, бережно вытер ее руки, пальчик за паль-

чиком.

- Пойдем, девочка, - сказал он тихо. - Дома мы это обсудим.

***

Квартира Сократа на семнадцатом этаже была погружена в тот самый, густой полумрак, который всегда предвещал бурю. Шторы были задернуты, горела только настольная лампа с зеленым абажуром. Воздух был пропитан запахом дорогого табака, крепкого чая и напряжения.

Когда дверь открылась, Яна увидела, что здесь все.

Тимур сидел в глубоком кожаном кресле у окна, его трубка потухла, но он продолжал держать ее в зубах. Его лицо было каменным. Фанси сидел на диване, перебирая четки, его глаза были полузакрыты. Сократ стоял у двери, только что проведя Яну внутрь. Кир ходил по комнате из угла в угол, его движения были резкими, рваными, как у зверя в клетке. А Ник стоял у стены, скрестив руки на груди, его темные глаза были прикованы к Яне.

Она вошла, остановилась посреди комнаты. Она не сняла пальто. Она не посмотрела ни на кого. Она смотрела в пол.

- Ну, - голос Тимура прозвучал как удар кнута. - Рассказывай. Что за цирк ты устроила на рынке? Что за апельсины? Что за кровь?

Яна молчала. Она сжала кулаки, пряча их в карманы. Она не хотела говорить. Она не хотела, чтобы они видели ее слабой. Она не хотела, чтобы они увидели ту девочку, которую

повалили на грязную землю и били по лицу.

- Яна, - голос Кира был опасным, тихим. Он остановился, повернулся к ней. - Не заставляй меня повторять. Тимур задал вопрос.

- Я не хочу говорить, - глухо произнесла Яна. - Оставьте меня в покое. Просто оставьте меня.

- Мы не можем оставить тебя, - тихо сказал Ник. Он оторвался от стены и сделал шаг вперед. Свет лампы упал на его лицо. И в этот момент Яна поняла, что он увидел.

Ник смотрел на ее лицо. Но он смотрел не в глаза. Он смотрел на ее щеки. Правая щека была бледной, покрытой легким румянцем от мороза. А левая... левая щека была красной. Не просто красной. Она была слегка припухшей. На ней, сквозь румянец, проступал багровый, неестественный оттенок. След от удара. От широкой, тяжелой ладони.

Воздух в комнате изменился. Давление упало так резко, что у Яны заложило уши.

Кир перестал дышать. Тимур медленно вынул трубку изо рта. Фанси остановил свои четки.

Ник не сказал ни слова. Он просто посмотрел на Тимура. Один взгляд. В этом взгляде было все. И Тимур понял.

Тимур медленно встал. Его лицо больше не было каменным. Оно стало черным. Черным, как бездна, как та ночь, когда он убивал Икшу.

- Ник, - голос Тимура был таким тихим, что его было почти не слышно. - Глаз с нее не спускай. Ни на секунду. Если

она моргнет - ты должен знать, почему. Если она вздохнет - ты должен знать, кто ее обидел.

Ник кивнул. Медленно. Один раз.

Яна почувствовала, как паника подступает к горлу. Они поняли. Они увидели. И теперь они не остановятся. Они выжгут этот район дотла. Они убьют всех. Всех, кто был в том дворе. Всех, кто смотрел. Всех, кто смеялся.

- Нет! - закричала Яна. Ее голос сорвался на истерику. - Нет! Вы ничего не поняли! Это не то, что вы думаете! Оставьте меня!

Она развернулась и бросилась к двери. Сократ попытался ее удержать, но она вырвалась, открыла дверь и выбежала в коридор. Она бежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, не чувствуя ног, не чувствуя холода. Она бежала на свой пятый этаж. В свою квартиру. В свою берлогу.

Она влетела в подъезд, рванула дверь своей квартиры, влетела внутрь, захлопнула дверь и упала спиной на нее, сползая на пол. Она обхватила колени руками и завыла. Тихо, глухо, как раненый зверь.

***

Ник не побежал за ней. Он не стал вызывать лифт. Он просто вышел из квартиры Сократа, спустился на лифте на первый этаж и вышел на улицу.

Он знал, куда она пойдет. И он знал, что она не останется надолго в своей квартире. Он знал ее. И знал, что когда ей больно, когда ее загнали в угол, она не прячется. Она идет к

тому, кто понимает эту боль. К тому, кто живет в темноте.

Он пошел в гаражи.

Он двигался как тень, обойдя дворы, он проник в бетонный лабиринт за рынком через дыру в заборе, которую знал только он. Он не включал фонарик. Ему не нужен был свет. Его глаза прекрасно видели в темноте. Его уши слышали каждый шорох.

Он нашел их через двадцать минут.

Они сидели на старом, ржавом капоте «Москвича», который стоял в самом темном углу, где не доставал свет единственного фонаря. Яна сидела, поджав ноги, ее пальто было расстегнуто. Рядом с ней, прислонившись плечом к бетонной стене, стоял он.

Аркадий. Ад.

Ник замер в тени соседнего гаража. Его рука инстинктивно легла на рукоять ножа за поясом. Его сердце билось ровно, но в его голове кричала тревога. Он видел этого человека. Он знал, кто он. Фанси рассказал им все. Хирург. Некромант. Маньяк. Человек, который режет людей, чтобы найти искру жизни.

И этот монстр сейчас курил сигарету, и дым от нее смешивался с паром, который вырывался из губ Яны.

- Ты опять пришла, - голос Аркадия был хриплым, низким. В нем не было нежности. В нем был интерес. Холодный, клинический интерес ученого к новому образцу. - Твое сердце бьется чаще. Твои зрачки расширены. Ты в стрессе.

Кто-то тебя обидел.

Яна подняла голову. В тусклом свете фонаря Ник увидел ее лицо. Левая щека была красной, опухшей. След от удара был виден даже в этой темноте.

- Меня ударили, - тихо сказала Яна. Ее голос был ровным, но в нем дрожала та самая, дикая ярость, которую Ник знал так хорошо. Потому что он сам чувствовал то же самое. - Меня ударили, потому что я не такая, как они. Потому что я не боюсь их.

Аркадий медленно затянулся. Он выдохнул дым в сторону. Его темные глаза, в которых не было ничего, кроме пустоты и боли, сузились.

- Кто? - спросил он. Одно слово. Но в этом слове был приговор.

- Девочка, - ответила Яна. - И старшеклассники. Они думают, что они сильные. Они думают, что если их много, то они правы. Они повалили меня на землю и стали бить меня. И они смеялись.

Аркадий усмехнулся. Звук был сухим, неприятным.

- Люди всегда смеются, когда причиняют боль, - сказал он. - Это их способ защитить себя от осознания того, что они - животные. Они боятся твоего света, девочка. И они пытаются его задуть.

- Я хочу, чтобы они перестали, - прошептала Яна. Она сжала кулаки. - Я хочу, чтобы они поняли. Я не хочу убивать их. Но я хочу, чтобы они почувствовали то же самое. Я хочу,

чтобы им было страшно.

Аркадий медленно спрыгнул с капота. Он подошел к ней. Он был огромным. Его тень накрыла ее целиком. Он наклонился, его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от ее лица. Ник видел, как напряглись мышцы на его шее. Видел, как его рука медленно, почти ласково, поднялась и коснулась ее красной щеки. Его пальцы были холодными, в перчатках.

Яна не отстранилась. Она закрыла глаза, принимая это прикосновение.

- Страх - это хороший учитель, - тихо сказал Аркадий. - Но он требует метода. Ты не можешь просто ударить в ответ. Это сделает тебя такой же, как они. Ты должна сломать их картину мира. Ты должна показать им, что их сила - это иллюзия.

- Как? - спросила Яна, открывая глаза.

Аркадий усмехнулся. Он достал из кармана пальто что-то маленькое, металлическое. В свете фонаря блеснуло лезвие. Небольшой нож. Маленький, острый, хирургический скальпель.

- Боль - это язык, который понимают все, - прошептал он. - Но настоящая боль не там, где льется кровь. Настоящая боль - там, где рушится уверенность. Я научу тебя. Я покажу тебе, как заставить их умолять о пощаде, не прикасаясь к ним. Как заставить их сломаться от одного только твоего взгляда.

Яна смотрела на скальпель. Потом на него. И в ее глазах Ник увидел не страх. Он увидел узнавание. Она нашла то,

что искала. Она нашла свое отражение.

- Хорошо, - тихо сказала она. - Научи меня.

Аркадий кивнул. Он убрал скальпель. Он протянул ей руку.

- Пойдем. У меня есть для тебя кое-что. То, что поможет тебе понять, как устроена их хрупкость.

Яна взяла его за руку. Они пошли вглубь гаражей, в темноту, туда, где Ник не мог их видеть.

Ник стоял в тени. Его рука сжимала рукоять ножа так сильно, что костяшки побелели. Он хотел убить его. Он хотел выйти, перерезать ему горло, забрать Яну и никогда не отпускать ее в эти гаражи. Но он помнил клятву. Он помнил крышу. Он помнил, что он не имеет права навязывать ей свою волю. Он помнил, что она - Карма. И что карма сама выбирает свой путь.

Он ждал.

Он ждал сорок минут. Сорок минут, которые тянулись как вечность. Он слушал тишину. Он слушал, как где-то вдалеке лает собака. Как шумит ветер.

Наконец, они вышли. Аркадий проводил ее до выхода из гаражей. Он остановился, посмотрел на нее.

- Помни, - сказал он. - Ты не одна. У тебя есть я. И у тебя есть твоя тьма. Не бойся ее.

Яна кивнула. Она развернулась и пошла к улице.

Ник вышел из тени.

Он догнал ее за углом. Он не бежал. Он просто шагнул из

темноты прямо перед ней, перекрывая ей путь.

Яна вздрогнула. Она подняла глаза, и в ее взгляде мелькнул испуг, который мгновенно сменился злостью.

- Ник... - выдохнула она.

Ник не сказал ни слова. Он просто протянул руку и крепко, но осторожно взял ее за запястье. Его пальцы были холодными, но его хватка была неумолимой.

- Идем, - тихо сказал он.

- Куда? - ее голос дрогнул. - Я хочу домой. Я хочу к себе.

- Нет, - ответил Ник. - Мы идем к Киру.

Он потянул ее за собой. Она попыталась вырваться, но его рука была как сталь. Он не причинял ей боли, но он и не позволял ей остановиться. Они шли по темным улицам Конькова, молча, только хруст снега под ногами нарушал тишину.

Они поднялись на пятнадцатый этаж. Ник открыл дверь своей квартиры ключом и ввел Яну внутрь.

В гостиной горел свет. И там были все.

Тимур сидел за столом, его руки были сложены в замок. Кир стоял у окна, его лицо было перекошено от ярости, которую он едва сдерживал. Сократ сидел в кресле, его взгляд был тяжелым, оценивающим. Фанси перебирал четки, его глаза были закрыты.

Ник подвел Яну к центру комнаты и отпустил ее руку. Он встал рядом с Киром, скрестив руки на груди.

Яна стояла одна. Посреди комнаты. Под их взглядами.

- Садись, - сказал Тимур. Его голос был ровным, но в нем

не было тепла. Только лед.

Яна не села. Она стояла, опустив голову, ее руки дрожали.

- Мы ждем, - тихо сказал Кир. Его голос срывался. - Мы ждем, когда ты нам скажешь, кто посмел. Кто посмел поднять на тебя руку. Кто посмел сделать тебе больно. И почему ты не рассказала нам первым?

Яна молчала.

- Ян, - голос Сократа был мягким, но в нем была сталь. - Ты думаешь, мы не видим? Ты думаешь, мы не знаем, что ты ходишь в гаражи? Ты думаешь, мы не знаем, что ты встречалась с Аркадием?

Яна резко подняла голову. Ее глаза были широко раскрыты. В них был шок.

- Вы... вы знали? - прошептала она.

- Мы знаем все, - тихо сказал Ник. - Мы всегда рядом. Даже когда ты думаешь, что ты одна.

- Зачем вы следили за мной?! - закричала она. Слезы хлынули из ее глаз, горячие, злые. - Зачем вы меня контролировали?! Я не ваша вещь! Я не ваша кукла! Я имею право на свои секреты! Я имею право на свои ошибки!

- Ты имеешь право на все, - голос Тимура прозвучал как удар грома. Он встал, его тень накрыла ее. - Но ты не имеешь права лгать нам. Ты не имеешь права прятать от нас свою боль. Ты думаешь, ты защищаешь нас? Ты думаешь, ты сильная? Сильная не та, кто молчит. Сильная та, кто позволяет себя защитить.

- Я не хочу вашей защиты! - кричала Яна, ее голос срывался на визг. - Ваша защита - это клетка! Вы заперли меня в этом дворе! Вы заперли меня в этой школе! Вы думаете, вы можете контролировать весь мир? Но вы не можете контролировать их! Они ударили меня! Понимаете? Они ударили меня, и вы ничего не можете с этим сделать!

- Мы можем сделать все, - тихо, почти шепотом произнес Кир. Он подошел к ней, его глаза горели тем самым, безумным огнем. - Мы можем выжечь эту школу дотла. Мы можем найти эту девочку. Мы можем переломать ей все кости, так же, как она сломала твою гордость. Мы можем убить всех, кто стоял и смотрел. Скажи только слово, Яна. Одно слово. И к утру от них ничего не останется.

- Нет! - Яна замотала головой. - Нет! Я не хочу крови! Я не хочу убийств! Я просто... я просто хотела, чтобы они поняли!

- Поняли что? - спросил Фанси, открывая глаза. - Поняли, что ты сильная? Поняли, что ты Карма? Девочка, они не поймут. Они животные. Они понимают только язык силы.

- Я нашла свою силу, - прошептала Яна. Она вытерла слезы рукавом. Ее лицо стало жестким. Взрослым. - Я была у Аркадия. Он научил меня. Он показал мне, как сломать их. Не убивая. А заставив их сломаться самих.

Тимур замер. Кир побледнел. Ник медленно закрыл глаза.

- Что ты сделала, Яна? - голос Тимура был опасным. - Что ты сделала?

Яна подняла голову. В ее глазах больше не было слез. В

них был холод. Холод, который пугал больше, чем любая ярость.

- Я ничего не делала, - тихо сказала она. - Я просто оставила им подарок.

- Какой подарок? - спросил Сократ.

Яна усмехнулась. Усмешка была кривой, страшной.

- Ярослава Юльева. Та, которая меня ударила. Она очень любит свою внешность. Она очень любит смотреть в зеркало. Она думает, что она красивая.

Кир сглотнул.

- Я... я зашла к ней домой, - продолжила Яна. - Пока она была в школе. У нее есть ключ от квартиры, она его прячет под ковриком. Глупая, наивная девочка. Я зашла. Я нашла ее косметику. Ее кремы. Ее духи.

Она сделала паузу.

- Я смешала их с тем, что дал мне Аркадий. С одним из его... реагентов. Это не яд. Это не убьет ее. Но это вызовет сильнейшую аллергическую реакцию. Ее кожа начнет гореть. Ее лицо покроется волдырями. Она ослепнет на несколько дней. А когда она посмотрит в зеркало... она увидит монстра.

В комнате повисла тишина. Абсолютная, звенящая тишина.

- Она будет кричать, - тихо сказала Яна. - Она будет умолять о помощи. Она будет думать, что она умирает. Она будет думать, что это карма. И она поймет. Она поймет, что

значит быть слабой. Что значит быть уродливой. Что значит бояться собственного отражения.

Тимур медленно опустился в кресло. Он смотрел на нее, и в его глазах читался шок. Не от того, что она сделала. А от того, кем она стала.

- Ты... ты сделала это сама? - прошептал Кир. - Без Аркадия?

- Аркадий дал мне вещество, - ответила Яна. - Но идею... идею придумала я.

Ник открыл глаза. Он посмотрел на нее. В его взгляде не было осуждения. Была гордость. И страх.

- Тебе не нужно было это делать, - тихо сказал он. - Мы бы разобрались с ними.

- Я знаю, - кивнула Яна. - Но я хотела сделать это сама. Я хотела, чтобы это была моя месть. Не ваша. Моя.

Она посмотрела на них. На свою семью. На своих теней.

- Вам не нужно ничего делать, - сказала она. - Не нужно никого искать. Не нужно никого наказывать. Все уже сделано.

Она развернулась и пошла к двери.

- Яна, - голос Тимура остановил ее. - Куда ты?

- Я иду спать, — ответила она, не оборачиваясь. - Завтра школа. Мне нужно выучить алгебру. Икс и Игрек.

Она открыла дверь и вышла в коридор.

Тимур, Кир, Ник, Сократ и Фанси остались сидеть в тишине. Они смотрели на закрытую дверь. Они слушали, как

ее шаги удаляются по лестнице.

- Боже мой, - тихо произнес Кир, проводя рукой по лицу. - Она... она просто гениальна.

- Она не гениальна, - тихо сказал Фанси, его четки замерли в его руках. - Она проснулась.

Тимур медленно вынул трубку изо рта. Он посмотрел на своих людей.

- Завтра, - сказал он, и его голос был твердым, как сталь. - Завтра мы идем в школу. Мы поговорим с директором. Мы убедимся, что Ярослава Юльева находится в больнице. И мы проследим за тем, чтобы никто, абсолютно никто, больше не посмел к ней прикоснуться.

Ник кивнул. Он встал, подошел к окну, посмотрел на темный, заснеженный двор Коньково.

- Она права, - тихо сказал он. - Все уже сделано.

Но в его глазах, в самой глубине, читалось понимание того, что их мир только что изменился навсегда. Их маленькая девочка больше не была ребенком. Она стала тем, кого они охраняли. Она стала Кармой.

И карма всегда находит своих.

Глава 43

Глава 43. Язык

Читать под трек **«Выбор» Yana Deeva feat. Yana's Karma Project релиз летом 2026 на всех музыкальных площадках страны.**

Утро в Коньково выдалось на редкость пронзительным. Мороз не просто холодило воздух, он высасывал из него последние остатки влаги, превращая выхлопы автобусов в застывшие, колкие облака, которые мгновенно оседали на ветках тополя и на плечах прохожих. Асфальт, ещё вчера бывший скользкой, грязной кашей, за ночь схватился коркой льда, и теперь дворы панельных многоэтажек блестели, как покрытые глазурью торты, усыпанные замерзшим снегом. Яна шла по центру тротуара, зажатая между двумя фигурами, которые делали этот серый, враждебный мир вокруг внезапно безопасным. Слева - Кир. Он шел широкой, размашистой походкой, его черная кожаная куртка скрипела на морозе, а в руке он механически крутил серебряную зажигалку, щелкая ею в ритм своим мыслям. Справа - Ник. Он двигался почти бесшумно, даже хрустящий снег, казалось, уступал ему дорогу, переминаясь под его тяжелыми ботинками с какой-то неестественной покорностью. Его руки были глубоко засунуты в карманы длинного темного пальто, а глаза, скрытые тенью капюшона, сканировали каждый подъ-

езд, каждую крышу, каждую темную арку. После недавней клятвы на крыше, после крови, смешавшейся на их ладонях, между ними изменилось нечто фундаментальное. Это была не просто связь. Это была синхронизация. Они дышали в унисон, их шаги совпадали до миллиметра, и их внимание, ранее разделенное между тревогой и ревностью, теперь было сфокусировано на одной точке. На ней.

В школу они вошли не как провожатые. Они вошли как гарнизон. Кир не стал ждать у ворот. Он открыл тяжелую металлическую дверь, пропустил Яну вперед, а затем шагнул внутрь сам, за ним - Ник. Коридор школы, обычно шумный, гудящий от голосов и смеха, мгновенно притих. Учителя, проходившие мимо, замерли, прижимая к груди папки с журналами. Старшеклассники, курившие у лестницы, поспешно затушили сигареты и нырнули в классы. Воздух вокруг троих стал плотнее, тяжелее, пропитанным той самой, невидимой аурой, которая заставляла инстинкты окружающих кричать об опасности. Они прошли до самого класса коррекции. Кир открыл дверь, жестом пригласил Яну войти, а затем, к немому ужасу учительницы математики, которая уже начала писать на доске мелом, оба мужчины вошли следом. Кир сел на последнюю парту у окна, откинувшись на спинку стула, его взгляд лениво скользил по комнате, но периферийное зрение фиксировало каждую деталь. Ник выбрал место у двери, прислонившись плечом к косяку, его поза была расслабленной, но Яна знала: его мышцы напряже-

ны, как струны, готовые сорваться с крючка в любую секунду. Они нарушили все правила. Они игнорировали протокол. Но после вчерашнего они не могли иначе. Они обещали не спускать с нее глаз. И они держали слово.

Урок тянулся мучительно долго. Мел скрипел по доске, учительница бубнила формулы, но Яна не слушала. Она чувствовала их присутствие спиной. Чувствовала, как Кир время от времени переводил взгляд с окна на ее затылок, как Ник слегка меняет позу, когда кто-то из одноклассников слишком громко шепчется. Это было не охрана. Это было дыхание. Единое, ровное, защищающее. Но спокойствие было обманчивым. Оно висело в воздухе, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения.

На третьей перемене дверь класса резко распахнулась. На пороге стояла завуч, женщина средних лет с строгим лицом и глазами, в которых читалась смесь страха и раздражения. Она перевела взгляд на Киру и Ника, на секунду замерла, но быстро взяла себя в руки.

- Карманова, - ее голос прозвучал резко, ломая тишину. - К директору. Немедленно.

В классе воцарилась мертвая тишина. Одноклассники переглянулись, кто-то злорадно ухмыльнулся, кто-то испуганно отвел взгляд. Яна медленно подняла голову. Она не испугалась. Она почувствовала, как внутри нее что-то сжалось, но не от страха. От предчувствия. Она встала, поправила лямку рюкзака. Кир мгновенно откинул ноги со стола, его

лицо стало каменным. Ник оторвался от косяка, его рука инстинктивно скользнула к поясу, но тут же замерла. Они переглянулись. Один взгляд. В нем не было вопросов. Было решение.

- Мы идем с ней, - голос Кира прозвучал тихо, но в нем не было просьбы. Было утверждение.

Завуч побледнела, но кивнула, не смея возразить. Они вышли в коридор. Треугольник двинулся вверх по лестнице. Шаги эхом отражались от бетонных стен. Яна шла посередине, Кир слева, Ник справа. Они не говорили. Они не нуждались в словах. Их присутствие было щитом, их молчание было оружием.

Кабинет директора находился в конце коридора. Дверь была приоткрыта. Кир толкнул ее плечом, пропуская Яну вперед, и вошел следом. Ник замкнул круг, закрыв дверь за собой.

Внутри было тесно и душно. За массивным столом сидел директор, полный мужчина с красным лицом, вытирая пот со лба платком. Рядом стояла завуч, нервно теребя папку. У стены, сгорбившись, сидели родители Саши Бухловского — мать с заплаканными глазами и отец с перекошенным от ярости лицом. А посреди комнаты, на стуле, сидел сам Саша.

Но что-то было не так.

Саша не смотрел на них. Он смотрел в пол. Его плечи дрожали. Из его горла вырывались тихие, сдавленные звуки. Не слова. Не крики. Мычание. Глухое, животное, полное дико-

го, парализующего ужаса. Увидев её, его глаза внезапно широко раскрылись, зрачки расширились до предела, в них заплескалась такая паника, что Яна невольно сделала шаг назад.

- Что это такое? - голос отца Саши сорвался на крик. - Вы видите, в каком он состоянии?! Эта девчонка что-то с ним сделала! Я требую милицию! Я требую...

- Заткнись, - голос Кира прозвучал не громко, но так, что отец Саши мгновенно замолчал, попятился и врезался спиной в шкаф. - Говори по делу. Что случилось?

Директор сглотнул, его руки дрожали, когда он указал на Сашу.

- Он... он не может говорить, - прошептал директор, его голос срывался. - Родители утверждают, что он пришел домой вчера вечером в таком состоянии. Он пытался что-то объяснить, но... но у него...

Ник медленно подошел к Саше. Он не смотрел на родителей. Он смотрел только на мальчика. Он наклонился, его темные глаза сузились, сканируя лицо, шею, рот. Саша попытался отшатнуться, но Ник мягко, но неумолимо удержал его за подбородок, заставив открыть рот.

В кабинете повисла звенящая тишина.

Ник сделал шаг вперед, заглянул и ужаснулся:

Во рту Саши не было языка.

Не просто прикусаного. Не просто поврежденного. Его не было вообще! Ровный, аккуратный срез. Хирургически точ-

ный. Края раны были обработаны, кровотечение остановлено, но пустота в ротовой полости кричала о чем-то неестественном, о чем-то, что выходило за рамки обычной драки или несчастного случая. Это была работа профессионала. Холодная, методичная, лишенная всякой жалости.

- Боже мой... - прошептала мать Саши, закрывая рот руками. - Что с ним сделали?!

Кир медленно выпрямился. Его лицо не изменилось, но в его глазах вспыхнуло что-то опасное, расчетливое. Он перевел взгляд на Яну. Ник тоже посмотрел на нее. В их взглядах не было обвинения. Было понимание. Мгновенное, ледяное понимание того, что история с Ярославой, с пощечинами, с шиной за школой - это была ширма. Выдумка. Прикрытие. Реальная история была совсем другой. И она началась не в школьном дворе. Она началась в гаражах.

- Увезти его в больницу, - голос Кира был ровным, но в нем звенела сталь. - Прямо сейчас. Завяжите ему рот, чтобы он не подавился собственной кровью. И не смейте обвинять Яну. Если вы еще раз откроете рот в ее сторону, я лично проверю, насколько хорошо вы умеете молчать.

Отец Саши попытался возразить, но Ник просто шагнул к нему. Один шаг. И мужчина замолчал, его глаза наполнились страхом. Он понял: эти люди не шутят. Они не из этой школы. Они из другого мира. И в этом мире правила пишутся кровью.

- Мы уходим, - Ник взял Яну за руку. Его пальцы были

холодными, но хватка надежной. - Сейчас.

Они вышли из кабинета. Дверь захлопнулась за их спиной, отрезая панику, крики, беспомощность. В коридоре было тихо. Только их шаги эхом отражались от стен. Яна шла, опустив голову. Она не плакала. Она не дрожала. Она чувствовала тяжесть в груди. Тяжесть правды. Тяжесть того, что она сделала. Того, что она позволила сделать.

Кир открыл дверь подъезда, выпустил их на мороз. Ник повел ее к машине. Они сели. Кир завел двигатель. Ник сидел спереди, но постоянно оборачивался, проверяя периметр. Яна смотрела в окно. Снег падал медленно, лениво, словно мир застыл в ожидании.

- Ты ничего не скажешь? - голос Кира прозвучал тихо, без упрека. Без требования. Просто вопрос.

Яна покачала головой.

- Не сейчас, - прошептала она. - К Тимуру.

***

Квартира на семнадцатом этаже встретила их тишиной. Тимур ждал их в гостиной. Он сидел в глубоком кожаном кресле, его трубка потухла, но он продолжал держать ее в зубах. Рядом сидел Сократ, его книга была закрыта, очки сняты. Фанси перебирал четки, его глаза были полузакрыты. Раф стоял у двери, невидимый, но абсолютно присутствующий.

Когда они вошли, Тимур поднял голову. Его серые глаза скользнули по ним, фиксируя каждую деталь. Напряжение

в комнате было таким густым, что его можно было резать ножом.

- Ну, - голос Тимура прозвучал как удар кнута. - Рассказывайте.

Кир коротко, сухо изложил события. Школа. Кабинет. Родители. Саша. Отсутствующий язык. Завуч. Директор. Паника. Он не стал приукрашивать. Он не стал смягчать. Он просто констатировал факты. Ник добавил лишь одну деталь: хирургическая точность среза. Профессионализм. Отсутствие следов борьбы. Это не была драка. Это была операция.

Тимур слушал, не перебивая. Его лицо оставалось каменным, но в глазах плескался шторм. Когда Кир закончил, в комнате повисла тишина.

- Яна, - голос Тимура был тихим, но в нем не было тепла. Только лед. - С этой секунды и с этого момента. Ты будешь говорить правду. Какую бы она ни была. Горькую. Страшную. Неприемлемую. Ты будешь говорить её мне. Ты будешь говорить её им. Никакой лжи. Никаких полуправд. Никаких игр. Поняла?

Яна подняла голову. Она посмотрела на него. В его глазах не было гнева. Было требование. Требование абсолютного доверия. Требование, которое он имел право выдвигать. Потому что он был отцом. Потому что он был тем, кто держал этот мир на плечах.

- Да, - тихо сказала она.

- Тогда говори, - Тимур отложил трубку. - Что произошло вчера. Не версию для школы. Не версию про Ярославу. Правду. Всю. До последней капли.

Яна закрыла глаза. Воздух в комнате стал тяжелее. Она чувствовала их взгляды. Кира, горячего, напряженного, готового к взрыву. Ника, тихого, глубокого, готового принять любую тьму. Тимура, холодного, расчетливого, готового к войне. Сократа, наблюдающего, анализирующего. Фанси, перебирающего четки, знающего больше, чем говорит.

Она сделала глубокий вдох. И начала.

- Мы пошли дальше, - её голос был ровным, лишенным детских ноток. В нем была глубина и усталость. Была правда. - С каждым шагом я всё больше погружалась в странный транс. Мое сердце билось в унисон с его шагами. Мысли кружились в безумном танце. Он спросил меня о моих желаниях. О том, что я скрываю даже от самой себя.

Она замолчала на секунду, вспоминая холодный воздух гаражей, запах сырости и бензина, звук шагов по бетону.

- Я сказала, что хочу, чтобы они все заплатили. Каждый, кто когда-либо причинил мне боль. Он спросил, как я представляю эту плату. Я сказала, что они должны почувствовать то же, что чувствовала я. Каждый миг унижения. Каждую слезу. Он улыбнулся. И сказал, что у меня есть потенциал. Больше, чем я думаю.

Кир напрягся. Его пальцы сжались в кулаки. Ник медленно закрыл глаза.

- Мы дошли до заброшенного автомобильного завода, - продолжала Яна. - Ржавые стены. Разбитые окна. Запах сырости и смерти. Но внутри... внутри было на удивление тепло. Мы поднялись на четвертый этаж. Вошли в помещение. Свет фонаря выхватил из темноты силуэт на столе.

Она открыла глаза. Посмотрела на Тимура.

- Саша Бухловский.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как тикают часы на стене.

- Он был связан. Но не грубо. Аккуратно. Как пациент на операционном столе. Аркадий работал быстро. Методично. Словно хирург. Включил музыку. Альтернативный рок с темной мрачной виолончелью. Низкий, пульсирующий бас, который заполнял пространство, создавая странный диссонанс с происходящим. Он не спешил. Он не наслаждался болью. Он выполнял работу. Чистую. Точную.

Яна сделала паузу. Её голос дрогнул, но она заставила себя продолжать.

- Он спросил меня, как я хочу это сделать. Я вспомнила его слова. Его длинный, грязный язык. Его смех. Его издевательства. Я сказала: у Саши всегда был очень длинный язык. И невероятно грязный. Аркадий усмехнулся. И начал.

Она закрыла глаза снова. Вспомнила звук. Не крик. Саша не мог кричать. Он был связан. Но звук разрезаемой плоти. Звук металла. Звук тишины, которая наступила после.

- Когда всё закончилось, я не чувствовала ни раскаяния.

Ни страха. Только странное удовлетворение. Появление двух незнакомцев не испугало меня. Они вошли тихо. Забрали Сашу. Словно это было самым обычным делом. Словно они забирали мусор. Или пациента. Я не знаю, куда они его повезли. Но я знаю, что он выжил. Аркадий не убивает просто так. Он калечит и учит. Он оставляет шрамы, которые напоминают.

Тимур медленно выдохнул. Его лицо оставалось каменным, но в глазах плескалась буря.

- А Ярослава? - тихо спросил Ник. Его голос был хриплым.

- Ярославы не было, - Яна открыла глаза. - Это была выдумка. Ширма. Я придумала эту историю, чтобы вы не копали глубже. Чтобы вы не искали Сашу. Чтобы вы не нашли завод. Чтобы вы не нашли Аркадия. Я знала, что если вы узнаете правду, вы сожжете всё дотла. А я... я не хотела этого. Не тогда.

Кир встал. Его лицо было бледным. В глазах горел огонь. Не ярости. Понимания.

- Ты прикрыла его, - тихо сказал он. - Ты прикрыла маньяка.

- Я прикрыла себя, - возразила Яна. - И я прикрыла вас. Потому что я знаю, что вы сделали бы. Вы бы убили его и тех двоих. Вы бы сожгли завод. И вы бы правы. Но я не готова к этому. Я ещё не готова к тому, чтобы вы стали моими палачами. Я хочу, чтобы вы оставались моими союзниками.

Тимур медленно поднял голову.

- Что ты предлагаешь, Яна? - его голос был опасным.

- Я хочу, чтобы Аркадий был с нами, - сказала Яна, и в её голосе прозвучала сталь. - Не как враг. Не как угроза. Как часть круга. Как ещё одна тень. Я хочу познакомить вас. Я хочу, чтобы вы не враждовали. А дружили. Ради меня. За меня. Во имя меня. Потому что я - Карма. А карма не выбирает между светом и тьмой. Она использует и то, и другое. Чтобы восстановить баланс.

В комнате повисла тишина. Абсолютная. Звенящая.

Сократ медленно открыл глаза.

- Ты предлагаешь интегрировать некроманта в периметр защиты, - его голос был ровным, академическим. - Это психологически опасно. Это тактически безумно. Но... это логично. Если он действительно видит в тебе не жертву, а зеркало. Если он действительно готов подчиниться твоей воле.

Фанси перестал перебирать четки.

- Аркадий сломлен, - тихо сказал он. - Но не разрушен. Его гений ищет выход. Его боль ищет смысл. Ты дала ему и то, и другое. Он будет служить тебе. Не из страха. Из признания. Из долга.

Кир посмотрел на Ника. Ник посмотрел на Кира. В их взглядах не было согласия. Но было понимание. Они знали, что отказ невозможен. Они знали, что Яна уже сделала выбор. И они знали, что их долг - не остановить её. А защитить. Даже от самой себя.

Тимур медленно встал. Он подошел к Яне. Опустился перед ней на одно колено, так что их глаза оказались на одном уровне.

- Ты просишь невозможного, - тихо сказал он. - Ты просишь нас принять в свой круг человека, который режет языки. Которого играет в Бога. Которого... который может сломаться в любой момент.

- Он не сломается, - Яна посмотрела на него прямо. - Потому что я буду его якорем. Как вы - мои. Мы станем единым целым. Не семьей крови. Семьей воли. Семьей кармы.

Тимур молчал долго. Потом медленно кивнул.

- Хорошо, - сказал он. - Мы встретимся с ним. Мы проверим его. Мы установим границы. Но если он сделает хоть один неверный шаг... если он причинит тебе боль... если он попытается использовать тебя... я не буду ждать твоего разрешения. Я уничтожу его. И я не позволю тебе остановить меня.

- Я знаю, - Яна кивнула. - И я приму это.

Кир подошел ближе. Он положил руку ей на плечо.

- Ты сумасшедшая, малая, - прошептал он. - Но ты наша сумасшедшая.

Ник молча подошел с другой стороны. Он не сказал ни слова. Он просто взял её за руку. И сжал. Крепко. Надежно. Навсегда.

Яна закрыла глаза. Она чувствовала их тепло. Их силу. Их принятие. Она знала, что путь, на который она вступила, не

будет легким. Что тьма, которую она призвала, не отступит. Что баланс, который она пытается восстановить, потребует жертв. Но она также знала, что она не одна. Что у неё есть Треугольник. Что у неё есть Аркадий. Что у неё есть Карма.

И этого было достаточно.

Чтобы идти дальше.

Чтобы не бояться.

Чтобы быть собой.

***

На следующий день они встретились. В гаражах. В темноте. В тишине.

Аркадий стоял у бетонной стены, прислонившись плечом. В руке - сигарета. Дым смешивался с морозным воздухом. Яна стояла рядом. Кир и Ник - за её спиной. Тимур - в тени. Сократ и Фанси - чуть поодаль.

Аркадий посмотрел на них. Его глаза были темными. Пустыми. Но в них мелькнуло что-то. Узнавание. Принятие.

- Ты привела свою свиту, - тихо сказал он.

- Я привела свою семью, - ответила Яна.

Аркадий усмехнулся. Усмешка была кривой. Страшной. Но в ней не было угрозы. Было согласие.

- Хорошо, - сказал он. - Приходите вечером, поговорим как мужчины.

И в этот момент мир изменился. Не снаружи. Внутри. Треугольник стал квадратом. Тьма стала частью света. Баланс был восстановлен. Не идеален. Не безопасен. Но настоящий.

И Яна знала: это только начало.

Начало её пути, её кармы, её легенды.

***

Гаражи встретили их не просто тишиной - они встретили их плотным, осязаемым молчанием, которое висело в воздухе, как дым от тлеющего костра. Бетонные коробки стояли рядами, их ржавые замки поблескивали в редком свете единственного фонаря, который мигал, словно умирающее сердце. Запах был всё тот же - бензин, сырость, машинное масло и что-то ещё, что-то неуловимое, что нельзя было назвать одним словом, но что обязательно присутствовало в каждом вдохе. Это был запах опасности. Запах тайны. Запах того места, где границы между добром и злом стирались, уступая место чему-то более древнему, более первобытному.

Яна осталась в квартире Сократа. Она не пошла с ними. Не потому что боялась. А потому что понимала: эта встреча должна произойти без неё. Между мужчинами. Между теми, кто охраняет её свет, и тем, кто показал ей тьму. Она сидела у окна семнадцатого этажа, смотрела на огни Коньково и ждала. Ждала не результата. Ждала исхода. Потому что знала: что бы ни случилось сегодня, её жизнь уже никогда не будет прежней. Она сделала свой выбор. И теперь оставалось только ждать, примут ли его они.

Кир, Ник, Тимур, Сократ, Фанси и Раф вышли из подъездов одновременно. Они не сговаривались. Они просто знали, что пришло время. Время узнать правду. Время понять,

кто такой Аркадий на самом деле. Время решить, станет ли он частью их круга или останется врагом, которого нужно уничтожить.

Они шли молча. Их шаги эхом отражались от бетонных стен панельных многоэтажек. Мороз кусал лицо, но они не чувствовали холода. Они чувствовали только напряжение. Только ожидание. Только ту невидимую нить, которая связывала их всех с той девочкой, что осталась на семнадцатом этаже.

Гаражи встретили их не просто тишиной - они встретили их плотным, осязаемым молчанием.

Аркадий уже ждал их. Он стоял у того самого «Москвича», у которого они встречались с Яной в прошлый раз. Его фигура была неподвижной, как статуя. В руке тлела сигарета, дым поднимался вверх, растворяясь в холодном воздухе. Он не обернулся, когда они подошли. Он просто знал, что они пришли.

Тимур сделал шаг вперёд. Его лицо было каменным, но в глазах плескался шторм.

- Мы пришли поговорить, - сказал он. Его голос прозвучал не громко, но в этой тишине он упал, как камень в колодец.

Аркадий медленно обернулся. Его тёмные глаза скользнули по ним, оценивая, сканируя, фиксируя каждую деталь. Он усмехнулся. Усмешка была кривой, страшной, но в ней не было угрозы. Было что-то другое. Что-то похожее на понимание.

- Я знал, что вы придёте, - тихо сказал он. Его голос был хриплым, низким. - Она бы не пришла. Она умная девочка. Она понимает, что эта встреча должна произойти без неё.

Кир сжал кулаки. Его лицо было бледным, в глазах горел огонь.

- Что ты сделал с ней? - его голос сорвался на рык. - Что ты ей сказал? Почему она... почему она смотрит на тебя так?

Аркадий усмехнулся снова. На этот раз в его усмешке было что-то похожее на жалость.

- Я ничего не сделал с ней, - спокойно ответил он. - Я просто показал ей зеркало. А она посмотрела в него. И увидела себя. Не ту, которую вы прячете за своими стенами. А ту, которая есть на самом деле. Старую душу. Карму. Ту, кто прошёл через сотни жизней и не сломался.

Ник сделал шаг вперёд. Его движение было плавным, текучим, но в нём чувствовалась хищная грация.

- Ты говоришь о ней так, будто знаешь её, - тихо сказал он. Его голос был ровным, но в этой ровности чувствовалась сталь. - Но ты не знаешь её. Ты не знаешь, какая она на самом деле. Ты видел только её тень.

Аркадий повернулся к нему. Его тёмные глаза сузились.

- А ты знаешь? - спросил он. - Ты думаешь, ты знаешь её? Ты видишь только то, что хочешь видеть. Ты прячешь её от самой себя. Ты строишь вокруг неё стены из любви и заботы. Но стены — это не защита. Это тюрьма. А она... она не птица для клетки. Она хищник. Она должна летать. Должна

охотиться. Должна чувствовать свою силу.

Тимур медленно вынул трубку изо рта. Его лицо оставалось каменным, но в глазах плескалась буря.

- Мы защищаем её, - сказал он. Его голос был тихим, но в нём не было просьбы. Было утверждение. - Мы охраняем её. Мы даём ей пространство, чтобы она могла стать собой. Но мы не позволим никому причинить ей боль. Никому. Даже тебе.

Аркадий рассмеялся. Звук был сухим, неприятным. Он оттолкнулся от капота «Москвича» и сделал шаг вперёд.

- Вы думаете, вы можете защитить её от боли? - спросил он. - Вы думаете, вы можете оградить её от тьмы? Вы глупцы. Боль - это часть жизни. Тьма - это часть души. И если вы прячете её от этого, вы не защищаете её. Вы калечите её. Вы делаете её слабой. А слабые не выживают. Слабые ломаются.

Кир не выдержал. Он сделал резкое движение, его рука метнулась к поясу, где лежал глок.

- Заткнись, - прорычал он. - Ты ничего не понимаешь. Ты не имеешь права...

Но Аркадий не испугался. Он даже не дрогнул. Он просто смотрел на Кира, и в его тёмных глазах было что-то такое, от чего у Кира по спине пробежал холодок.

- Я имею право, - тихо сказал Аркадий. - Потому что я видел её настоящую. Не ту, которую вы показываете миру. А ту, которая прячется внутри. И она... она прекрасна. Не в том смысле, в котором вы думаете. Не в смысле красоты

лица или тела. А в смысле силы. В смысле мощи. В смысле той древней души, которая живёт в ней.

Тимур поднял руку, останавливая Кира. Кир замер, его рука всё ещё лежала на рукояти пистолета, но он не стал выхватывать его. Он просто смотрел на Аркадия, и в его глазах плескалась ярость.

- Хорошо, - сказал Тимур. Его голос был ровным, но в нём не было тепла. Только лёд. - Ты показал ей зеркало. Ты сказал ей, что она хищник. Что она должна охотиться. Что боль - это часть жизни. Хорошо. Я принимаю это. Но теперь я хочу знать другое. Кто ты на самом деле? Зачем ты это делаешь? Что ты хочешь получить от неё?

Аркадий усмехнулся. Он достал из кармана новую сигарету, закурил. Дым поднялся вверх, растворяясь в холодном воздухе.

- Вы хотите знать, кто я? - спросил он. - Хорошо. Я скажу вам. Но не здесь. Не в гаражах. Это место... оно слишком открыто. Слишком много ушей. Слишком много глаз.

Он сделал затяжку, выдохнул дым.

- Есть место, - продолжил он, - где мы можем поговорить. Где нас никто не услышит. Где мы можем быть честными.

- Где? - спросил Ник. Его голос был тихим, но в нём чувствовалась настороженность.

Аркадий посмотрел на него. В его тёмных глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

- На территории Рафа, - сказал он. - Там, где нейтральная

земля. Там, где нет ни ваших правил, ни моих. Там, где можно говорить правду.

Тимур медленно кивнул.

- Хорошо, - сказал он. - Сегодня. Вечером. В десять.

Аркадий усмехнулся.

- Я буду там, - сказал он. - И я принесу ответы. На все ваши вопросы.

Он развернулся и пошёл прочь. Его фигура медленно растворилась в темноте гаражей, словно он был не человеком, а призраком. Тенью. Тем, кто живет между мирами.

Кир выдохнул. Его рука медленно опустилась от пояса.

- Он знает, - тихо сказал он. - Он знает про Рафа и про нейтральную территорию. Откуда он знает?

Тимур медленно закурил трубку. Дым поднялся вверх, растворяясь в холодном воздухе.

- Он знает много, - сказал он. - Слишком много. И это... это беспокоит меня. Он не просто шизанутый мясник, каким нам был представлен.

Ник смотрел в темноту, туда, где исчез Аркадий.

- Он не враг, - тихо сказал он. - Но он и не друг. Он... что-то другое. Что-то, чего мы не понимаем.

Тимур кивнул.

- Сегодня мы узнаем, - сказал он. - Вечером мы узнаем всё.

***

Квартира Сократа на семнадцатом этаже была погружена в тот самый, густой полумрак, который всегда предвещал бу-

рю. Шторы были задернуты, горела только настольная лампа с зелёным абажуром. Воздух был пропитан запахом дорогого табака, крепкого чая и напряжения.

Яна сидела на диване, поджав ноги. Она не спала. Она ждала. Её глаза были устремлены на дверь, и в них читалось то самое, невидимое напряжение, которое бывает только перед бурей.

Когда дверь открылась, она вздрогнула. Вошли они. Все. Кир, Ник, Тимур, Сократ, Фанси, Раф. Их лица были серьёзными. Уставшими. Напряжёнными.

Яна медленно поднялась с дивана.

- Ну? - спросила она. Её голос прозвучал тихо, но в этой тишине он упал, как камень в колодец.

Тимур медленно подошёл к ней. Его лицо было каменным, но в глазах плескалась буря.

- Вечером, - сказал он. - В десять вечера. На территории Рафа.

Яна кивнула.

- Хорошо, - сказала она. - И что вы будете там делать?

Кир фыркнул. Он подошёл к окну, посмотрел на тёмные, безжизненные фасады соседних панельных многоэтажек.

- Будем задавать вопросы, - сказал он. Его голос был резким, едким. - Будем пытаться понять, кто он такой. И что ему от тебя нужно.

Яна медленно подошла к нему. Она положила руку ему на плечо.

- Он не опасен, - тихо сказала она. - По крайней мере, не для меня.

Кир медленно обернулся. Его серые глаза сузились.

- Откуда ты знаешь? - спросил он. - Ты не знаешь его. Ты не знаешь, на что он способен.

- Я знаю, - Яна посмотрела ему прямо в глаза. - Потому что он показал мне себя. Не того, кем он хочет казаться. А того, кто он есть на самом деле. И он... он не монстр. Он просто... сломлен.

Ник медленно подошёл к ним. Его тёмные глаза были устремлены на Яну.

- Сломлен, - тихо повторил он. - Как и мы все.

Яна кивнула.

- Да, - сказала она. - Как и вы все.

Тимур медленно вынул трубку изо рта.

- Завтра мы узнаем правду, - сказал он. - Всю правду. И тогда... тогда мы решим, что делать дальше.

Яна посмотрела на них. На Кира, горячего, как огонь. На Ника, тихого, как тень. На Тимура, холодного, как лёд. На Сократа, мудрого, как время. На Фанси, древнего, как память. На Рафа, невидимого, как воздух.

- Я верю вам, - тихо сказала она. - Я верю, что вы сделаете правильный выбор.

Кир медленно накрыл её руку своей.

- Мы всегда делаем правильный выбор, - сказал он. - Когда речь идёт о тебе.

Яна улыбнулась. Улыбка была мягкой, усталой, но абсолютно счастливой.

- Я знаю, - сказала она. - Поэтому я не боюсь.

Так, они скоротали пару часов в ожидании встречи. А где-то в темноте гаражей стоял Аркадий. Курил сигарету. Смотрел на огни Коньково. И ждал. Ждал встречи. Ждал того момента, когда он сможет сказать им правду. Всю правду.

И никто не знал, что эта правда изменит всё. Навсегда.

***

Территория Рафа находилась в старом, полуразрушенном ангаре на окраине района. Это было место, которое не существовало на картах. Место, о котором не говорили вслух, где встречались те, кто не хотел, чтобы их видели. Где заключались сделки, о которых нельзя было рассказать и решались вопросы, которые не подлежали обсуждению.

Ангар был огромным. Ржавые стены, пробитые пулями и временем. Разбитые окна, затянутые грязной плёнкой. Запах - бензин, сырость, машинное масло и что-то ещё, что-то неуловимое, что нельзя было назвать одним словом. Это был запах нейтралитета. Запах того места, где правила не писались. Где сила не имела значения. Где только правда имела вес.

Раф ждал их у входа. Он стоял в тени, скрестив руки на груди. Его лицо было непроницаемым, как гранит. Он не сказал ни слова, когда они подошли. Он просто кивнул и открыл тяжёлую металлическую дверь.

Внутри было темно. Только несколько тусклых лампочек, подвешенных к потолку, отбрасывали дрожащий свет на бетонный пол. В центре ангара стоял старый стол. Вокруг него - несколько стульев. Больше ничего. Никакого декора. Никаких украшений. Только необходимое. Только функциональное.

Тимур вошёл первым. За ним - Кир и Ник. Сократ и Фанси остались у входа. Раф закрыл дверь. Звук металла о металл прозвучал как выстрел.

Они ждали.

Аркадий появился не сразу. Он возник из тени, словно был её частью. Его фигура была неподвижной, как статуя. В руке тлела сигарета. Дым поднимался вверх, растворяясь в холодном воздухе.

Он подошёл к столу, сел на один из стульев. Его движения были плавными, экономными. Никакой суеты. Никакой нервозности. Только спокойствие. Только уверенность.

Тимур сел напротив. Кир и Ник остались стоять. По бокам. Как тени. Как охрана. Как те, кто готов в любую секунду выхватить оружие.

- Хорошо, - сказал Тимур. Его голос прозвучал не громко, но в этой тишине он упал, как камень в колодец. - Мы здесь. Мы слушаем. Говори.

Аркадий усмехнулся. Он сделал затяжку, выдохнул дым.

- Вы хотите знать, кто я, - сказал он. - Хорошо. Я скажу вам. Но не сразу. Сначала... сначала я хочу, чтобы вы кое-

что поняли.

Кир сжал кулаки. Его лицо было бледным, в глазах горел огонь.

- Хватит игр, - прорычал он. - Говори прямо. Кто ты? Зачем ты ей? Что ты сделал с ней?

Аркадий медленно повернулся к нему. Его тёмные глаза сузились.

- Я ничего не сделал с ней, - спокойно ответил он. - Я просто показал ей правду. А она... она приняла её.

- Какую правду? - спросил Ник. Его голос был тихим, но в нём чувствовалась настороженность.

Аркадий усмехнулся. Он медленно встал, обошёл стол, подошёл к Киру.

- Ты думаешь, ты знаешь её, - сказал он. - Ты думаешь, ты понимаешь её. Но ты не знаешь даже половины того, что она скрывает.

Кир напрягся. Его рука медленно, почти незаметно, метнулась к поясу.

- Что ты имеешь в виду? - спросил он. Его голос стал опасным, низким.

Аркадий рассмеялся. Звук был сухим, неприятным.

- Я имею в виду, - сказал он, - что вы живёте в иллюзии. Вы думаете, что вы охраняете её. Что вы защищаете её. Но вы не защищаете. Вы прячете. Вы строите вокруг неё стены. И вы не видите, что эти стены душат её.

Тимур медленно вынул трубку изо рта.

- Мы даём ей пространство, - сказал он. - Мы даём ей свободу выбора.

- Свободу? - Аркадий фыркнул. - Какую свободу? Свободу быть той, кого вы хотите видеть? Или свободу быть той, кто она есть на самом деле?

Ник сделал шаг вперёд.

- Она и есть та, кто она есть, - сказал он. - Мы принимаем её такой, какая она есть.

Аркадий медленно повернулся к нему. Его тёмные глаза сузились.

- Принимаете? - спросил он. - Или просто терпите? Терпите её силу? Её мощь? Её древнюю душу?

Кир не выдержал. Он выхватил глок. Быстро, резко. Дуло оказалось направленным прямо в лицо Аркадия.

- Заткнись, - прорычал он. - Ты ничего не понимаешь.

Но Аркадий не испугался. Он даже не дрогнул. Он просто смотрел на дуло пистолета, и в его тёмных глазах было что-то похожее на жалость.

- Ты думаешь, ты можешь напугать меня? - спокойно спросил он. - Ты думаешь, твой пистолет что-то значит?

Он медленно поднял руку, указал на Кира.

- Ты живёшь на улице Профсоюзной, дом 117, квартира 255, - сказал он. - Твоя мать живёт в Рязани. У неё больное сердце. Ты посылаешь ей деньги каждый месяц. Но ты не звонишь ей. Потому что боишься услышать, как она плачет. Боишься услышать, как она просит тебя вернуться.

Кир замер. Его рука с пистолетом дрогнула.

- Откуда ты... - начал он, но не договорил.

Аркадий медленно перевёл взгляд на Ника.

- А ты, - сказал он, - живёшь на той же улице. Ты не спишь по ночам. Ты сидишь на крыше подъезда и смотришь на её окна. Ты считаешь, сколько раз за ночь загорается свет в её комнате. Ты знаешь, когда она просыпается. Когда она ложится спать. Когда она плачет.

Ник медленно закрыл глаза. Его лицо побледнело.

- Ты думаешь, ты охраняешь её, - продолжал Аркадий. - Но ты просто боишься. Боишься, что она уйдёт. Боишься, что она выберет не тебя. Боишься, что ты недостаточно хорош для неё.

Тимур медленно встал.

- Хватит, - сказал он. Его голос был тихим, но в нём не было просьбы. Было требование. - Откуда ты знаешь это?

Аркадий медленно повернулся к нему.

- Я знаю много, - сказал он. - Слишком много. Я знаю, где вы живёте, что вы делаете. Я знаю, о чём вы думаете. Я знаю... — он сделал паузу, — ...я знаю, что Андрей Петрович делает со своими студентками.

В ангаре повисла тишина. Абсолютная. Звенящая.

Кир медленно опустил пистолет. Его лицо было бледным, как мел.

- Что? - прошептал он.

Аркадий усмехнулся.

- Андрей Петрович, папа нашей птицы, - сказал он, - использует своих студенток. Он ставит им хорошие оценки за... услуги. За то, что они приходят к нему домой. За то, что они делают то, что он хочет.

Тимур медленно сжал кулаки.

- Откуда ты знаешь? - спросил он. Его голос был опасным, низким.

Аркадий рассмеялся.

- Я знаю, - сказал он. - Потому что я слышал. В баре «Конёк». Там, где собираются те, кому нечего терять. Где можно купить палёные стволы. Где можно снять проститутку. Где можно услышать то, что нельзя услышать больше нигде.

Кир медленно поднял голову. Его глаза горели яростью.

- Ты следишь за ним? - спросил он. - Ты следишь за её отцом?

- Я не слежу, - Аркадий покачал головой. - Я просто... знаю. Я знаю, что он хвастался. Пьяный. В баре. Он говорил, что у него есть маленькая дочь. Что он трогал её, когда ей было шесть. Что она ничего не поняла. Что она думала, что это игра.

В ангаре стало так тихо, что было слышно, как капает вода где-то в углу.

Кир медленно, очень медленно, повернулся к Нику. Их взгляды встретились. В этих взглядах не было слов. Но было понимание. Было осознание того, что Яна рассказала Аркадию. Рассказала то, что скрывала от них. То, что произошло

в её шесть лет.

Ник медленно закрыл глаза. Его лицо исказилось от боли.

- Она рассказала ему, - тихо сказал он. - Она рассказала ему про... про то, что было в шесть лет.

Кир сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели.

- Почему? - прошептал он. - Почему она рассказала ему первому, а не нам?

Тимур медленно подошёл к ним.

- Она не рассказывала, - сказал он. Его голос был ровным, но в нём не было тепла. Только лёд.

Кир медленно обернулся.

- Что? - спросил он.

- Она не рассказывала, - повторил Тимур. - Я знаю. Я слышал тот разговор в баре. Раф был там. Он слышал, как Андрей Петрович хвастался. Пьяный. Громко. Как идиот.

Аркадий медленно кивнул.

- Да, - сказал он. - Раф был там. И я был там. И мы оба слышали.

Ник медленно открыл глаза.

- Значит... - начал он.

- Значит, она не рассказывала, - закончил Тимур. - Она не предала ваше доверие. Она просто... нашла того, кто понял её без слов.

Кир медленно опустил голову.

- Мы думали... - начал он.

- Вы думали, что она рассказала ему, - сказал Тимур. - Но

вы ошиблись. Она просто... нашла того, кто принял её тьму. Не осудил. Не испугался. А принял.

Аркадий медленно подошёл к ним.

- Вы злитесь на неё, - сказал он. - Но вы не должны злиться. Вы должны... понять. Она не предала вас. Она просто... нашла способ справиться с болью. С той болью, которую вы не могли разделить. Потому что вы боялись. Боялись услышать правду. Боялись принять её тьму.

Ник медленно поднял голову.

- Мы не боялись, - сказал он.

- Боялись, - Аркадий покачал головой. - Вы боялись, что если услышите правду, вы не сможете её защитить. Вы боялись, что ваша любовь превратится в жалость. А жалость... жалость убивает.

Тимур медленно вынул трубку изо рта.

- Хорошо, - сказал он. - Мы поняли. Мы ошиблись. Но теперь... теперь я хочу знать главное. Кто ты? Друг или враг?

Аркадий медленно повернулся к нему.

- Я не друг, - сказал он. - И не враг. Я... проводник. Я показываю ей тьму. Чтобы она не боялась её. Чтобы она могла управлять ею.

- Ты знал, на кого нападаешь? - спросил Тимур. - Когда ты приставил нож к её горлу в гаражах? Ты знал, кто она?

Аркадий усмехнулся.

- Я всегда знаю своих жертв, - сказал он. - Я знал с первого взгляда. Я увидел в ней... себя. Ту часть себя, которую я по-

хоронил давно. Ту часть, которая хочет жить. Которая хочет чувствовать. Которая хочет... быть.

Кир медленно поднял голову.

- И что теперь? - спросил он. - Что ты хочешь от неё?

Аркадий медленно подошёл к столу, сел на стул.

- Я ничего не хочу от неё, - сказал он. - Я просто... хочу помочь ей. Помочь ей принять себя. Помочь ей понять свою силу. Помочь ей... стать той, кем она должна быть.

Тимур медленно подошёл к нему.

- И как ты собираешься это делать? - спросил он.

Аркадий медленно поднял голову. Его тёмные глаза встретились с глазами Тимура.

- Я уже делаю это, - сказал он. - Я показал ей тьму. И она... она приняла её. Она не испугалась. Она не убежала. Она... осталась.

Ник медленно подошёл к ним.

- И что теперь? - спросил он. - Ты будешь учить её?

Аркадий медленно кивнул.

- Да, - сказал он. - Я буду учить её. Не убивать. Не причинять боль. А... понимать. Понимать тьму. Понимать боль. Понимать... себя.

Тимур медленно выдохнул.

- Хорошо, - сказал он. - Но есть одно условие.

Аркадий медленно поднял бровь.

- Какое? - спросил он.

- Если ты причинишь ей боль, - сказал Тимур, и в его го-

лосе не было угрозы. Было обещание. - Если ты используешь её. Если ты предашь её доверие... я убью тебя. Медленно. Мучительно. Чтобы ты понимал каждую секунду, каждую боль, каждую ошибку.

Аркадий медленно усмехнулся.

- Я принимаю это условие, - сказал он.

Тимур медленно кивнул.

- Хорошо, - сказал он. - Тогда... тогда мы принимаем тебя. Не как друга. Не как союзника. А как... часть круга. Часть её мира.

Аркадий медленно встал.

- Благодарю, - сказал он.

И в этот момент он медленно повернулся к Фанси, который всё это время молча стоял у входа.

- Ну что, дед, - сказал Аркадий, и в его голосе прозвучала та самая, кривая усмешка. - Расскажем всем твой план?

В ангаре повисла тишина. Абсолютная. Звенящая.

Фанси медленно поднял голову. Его старые глаза встретились с глазами Аркадия. В этих глазах не было страха. Не было удивления. Только... понимание. Только принятие. Только та самая древняя мудрость, которая копились веками.

- Пора, - тихо сказал Фанси.

И в этот момент все поняли. Поняли, что ничего не было случайным. Что встреча с Аркадием не была случайностью. Что всё... всё было частью плана. Частью того, что Фанси задумал давно. Очень давно.

Тимур медленно повернулся к Фанси.

- Какой план? - спросил он. Его голос был тихим, но в нём не было просьбы. Было требование.

Фанси медленно подошёл к ним. Его шаги были тихими, но в этой тишине они звучали как приговор.

- План, - сказал Фанси, и в его голосе прозвучала та самая древняя мудрость, которая пугала больше, чем любая угроза, - который начался не вчера. Не месяц назад. Не год назад. А... очень давно. Когда она впервые пришла в этот мир.

Кир медленно сжал кулаки.

- Что ты имеешь в виду? - спросил он.

Фанси медленно поднял голову. Его старые глаза смотрели куда-то вдаль, сквозь стены ангара, сквозь время, сквозь реальность.

- Я имею в виду, - сказал он, - что она не просто девочка. Не просто Карма. Не просто старая душа. Она... ключ. Ключ к тому, что было потеряно. К тому, что должно вернуться.

Аркадий медленно усмехнулся.

- И я, - сказал он, - часть этого плана. Я тот, кто должен показать ей тьму. Чтобы она могла принять свет.

Ник медленно закрыл глаза.

- И мы? - спросил он. - Мы тоже часть плана?

Фанси медленно повернулся к нему.

- Вы, - сказал он, и в его голосе прозвучала та самая, древняя любовь, которая пугала больше, чем любая ненависть, - вы... её якорь. Её свет. Её... семья. Без вас она не сможет. Без

вас она потеряется.

Тимур медленно выдохнул.

- И что теперь? - спросил он.

Фанси медленно подошёл к нему, положил руку ему на плечо.

- Теперь, - сказал он, - теперь начинается настоящая игра. Игра, в которой нет правил. Нет границ. Нет пределов. Игра, в которой... она должна выиграть. Или погибнуть.

И в этот момент все поняли. Поняли, что их жизнь изменилась. Навсегда. Что ничего не будет так, как было раньше. Что они вступили в игру, из которой нет выхода.

Игра началась.

Продолжение следует..

Глава 44

ЭПИЛОГ. ПЕРВАЯ КНИГА. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

Москва в марте все еще держалась за зиму с тем упрямством, которое свойственно только этому городу. Снег лежал грязными сугробами у обочин, превращаясь в кашу под колесами машин, но по ночам мороз возвращался, сковывая лужи тонким льдом и заставляя прохожих кутаться в шарфы и прятать руки в карманы. Воздух пах выхлопами, талым снегом и чем-то неуловимо весенним, тем самым предвестником тепла, который чувствуется кожей раньше, чем его замечает разум.

Но внутри квартиры на семнадцатом этаже весны не было. Здесь царила другая атмосфера. Плотная, вязкая, пропитанная запахом дорогого табака, оружейной смазки и той самой невидимой ауры, которая возникает в местах, где люди привыкли решать вопросы не словами, а сталью.

Яна сидела на подоконнике, поджав ноги. Стекло было холодным, оно холодило ладони, но она не чувствовала этого. Она смотрела на огни Коньково, на бесконечные ряды панельных многоэтажек, в каждой из которых кипела своя, маленькая, никому не интересная жизнь. Там люди ссорились из-за бытовых мелочей, ходили в магазины, ругались с начальниками. Они не знали, что такое настоящий страх. Они

не знали, каково это — чувствовать запах чужой крови на своих руках и понимать, что это только начало.

За ее спиной, в глубине полутемной гостиной, стоял Аркадий.

Он не издавал ни звука. Он просто был там. Часть тени, часть воздуха, часть нового, искаженного равновесия, которое установилось в их доме после той ночи в гаражах. После того, как тьма перестала быть врагом и стала инструментом.

Яна не оборачивалась. Она знала, что он стоит у дверного косяка, скрестив руки на груди. Она чувствовала его взгляд на своем затылке - тяжелый, изучающий, лишенный всякой жалости, но и лишенный угрозы. Это был взгляд хирурга, который оценивает состояние пациента после сложной операции.

- Ты не спишь, - тихо сказал Аркадий. Его голос был хриплым, низким, с той самой металлической ноткой, которая заставляла посторонних инстинктивно отступать на шаг.

- Я думаю, - ответила Яна, не отрывая взгляда от окна. - О том, как странно устроена жизнь. Как быстро все меняется.

Аркадий медленно вышел из тени. Его шаги были абсолютно бесшумными, несмотря на тяжелые ботинки. Он подошел к окну, встал рядом, но не слишком близко. Соблюдая дистанцию. Ту самую невидимую черту, которую Тимур провел между ним и Яной.

- Жизнь не странная, - тихо произнес он. - Жизнь хаотичная. Люди пытаются наложить на нее сетку правил, законов,

морали. Но стоит чуть надавить - и сетка рвется. Остается только хаос. И те, кто умеет в нем плавать.

Яна медленно повернула голову, посмотрела на него. В полумраке его лицо казалось высеченным из гранита. Темные глаза, жесткий подбородок, шрам, тянущийся от уха к подбородку. Он выглядел как человек, который видел конец света и просто пожал плечами.

- А мы плаваем? - спросила она.

- Мы не плаваем, - Аркадий медленно усмехнулся, и в этой усмешке не было ничего веселого. - Мы и есть вода. Мы принимаем форму сосуда. Но если сосуд хрупкий... мы его разбиваем.

Яна медленно кивнула. Она понимала его. Понимала лучше, чем хотела бы. После всего, что произошло за последние недели - после похищения, после пекарни, после крови Сократа, после языка Саши - она чувствовала, как внутри нее что-то изменилось. Что-то проросло. Как семя под снегом, которое чувствует весну раньше времени. Или как древний механизм, который наконец-то смазали маслом и он начал работать без сбоев.

Дверь в гостиную бесшумно открылась. Вошел Кир. Он выглядел необычно. Не в своей неизменной кожаной куртке, не в темных джинсах. На нем был темный костюм, белая рубашка без галстука, и он держал в руках большую коробку, перевязанную красной лентой. В его глазах читалась та самая ирония, которая обычно предшествовала какой-нибудь

едкой шутке, но сегодня в ней было что-то еще. Что-то теплое. Что-то почти нежное.

- Малая, - сказал он, подходя к подоконнику и ставя коробку рядом. - У меня для тебя сюрприз. И нет, это не бомба. Хотя, учитывая нашу жизнь, я бы не удивился, если бы там оказалась именно она. Но нет. Сегодня у нас праздник. И я, как истинный джентльмен, не мог остаться в стороне.

Яна посмотрела на коробку, потом на Кира. В ее глазах мелькнуло удивление.

- Что за праздник? - спросила она.

Кир усмехнулся, откинул голову назад и рассмеялся. Смех был громким, искренним, заполняющим комнату.

- Малая, ты серьезно? - спросил он, все еще смеясь. - Ты вообще следишь за календарем? Или ты живешь в своем собственном временном континууме, где праздники отменяются указом свыше? Мы пропустили восьмое марта, Ян. Международный женский день. День, когда все мужчины мира пытаются искупить свою вину за то, что они мужчины, покупая цветы, духи и всякую бесполезную ерунду. И я, как один из этих мужчин, хотя и не очень типичный, решил не отставать от прогресса.

Он открыл коробку. Внутри лежало платье. Черное. Короткое, чуть выше колен. С одним рукавом. Ткань переливалась в свете лампы, создавая иллюзию движения даже тогда, когда платье лежало неподвижно. Оно было простым, но в этой простоте читалась какая-то глубокая элегантность.

Никаких рюшей, никаких блесток, никаких вульгарных деталей. Только чистый крой, только идеальная линия, только тот самый стиль, который не кричит о себе, но который невозможно не заметить.

Яна замерла. Она смотрела на платье, и внутри нее что-то сжалось. Не от страха. От неожиданности. От того, что он подумал о ней. Что он выбрал именно это. Что он потратил время, чтобы найти что-то особенное.

- Кир, это... - начала она, но не нашла слов.

Кир поднял руку, останавливая ее.

- Не благодари, - сказал он серьезно, хотя в глазах все еще плясали искорки смеха. - Это не подарок. Это инвестиция. Инвестиция в твое будущее. Потому что сегодня вечером мы идем в клуб. И ты должна выглядеть соответственно. А соответственно, Малая, это значит выглядеть так, чтобы все мужчины в зале забыли свои имена.

Яна медленно подняла голову и посмотрела на него. В ее взгляде читалось недоверие, смешанное с волнением.

- В клуб? - переспросила она. - Кир, мне даже двенадцати лет нет.

Кир фыркнул, махнул рукой.

- Двенадцать, тринадцать, сорок пять - какая разница? - сказал он. - Возраст это просто цифра в паспорте. А душа, Малая, душа у тебя старая. Ты читаешь Сенеку, ты понимаешь карму лучше, чем большинство взрослых, ты видишь людей насквозь. Так что да, сегодня вечером ты идешь в

клуб. И точка.

Он взял коробку и поставил ее на подоконник.

- Платье твое, - продолжил он. - Размер я угадал, надеюсь. Если нет - ну, будешь знать, что я плохой покупатель. Но я старался. Честно. Обошел три магазина, пока не нашел это. Продавщица смотрела на меня так, будто я сошел с ума. Мужчина средних лет покупает маленькое платье. Она, наверное, думала, что я педофил или что-то в этом роде. Но я просто объяснил ей, что у меня есть крестница, которую нужно впечатлить. И она поверила. Женщины вообще склонны верить красивым мужчинам. Это их слабое место.

Яна невольно улыбнулась. Усмешка Кира была заразительной. В ней было что-то такое, что заставляло расслабиться, забыть о тревогах, просто принять момент таким, какой он есть.

- А куда мы идем? - спросила она.

- В клуб Сократа, - ответил Кир. - Он называется "Философия". Очень пафосно, очень роскошно, очень по-нашему. Сократ считает, что если уж пить коктейли, то только под звуки джаза и в окружении умных людей. Хотя, между нами говоря, умные люди в клубах - это оксюморон. Но Сократу виднее. Он у нас философ.

Яна встала с подоконника, подошла к коробке, осторожно подняла платье. Ткань была тяжелой, прохладной на ощупь. Она прижала его к себе, почувствовала запах новой ткани, химии, чего-то праздничного.

- Спасибо, Кир, - сказала она тихо.

Кир посмотрел на нее, и в его взгляде на мгновение мелькнуло что-то серьезное. Не ирония. Не сарказм. Что-то глубокое.

- Не за что, Малая, - сказал он. - Ты заслужила. После всего, что было... ты заслужила этот вечер. Просто повеселись. Будь собой. И не слушай тех, кто будет говорить, что тебе рано. Рано это когда тебе восемьдесят, и ты все еще ходишь в клубы. А в двенадцать - это как раз вовремя.

Он повернулся и пошел к двери. На пороге остановился, обернулся.

- Через час буду ждать тебя внизу, - сказал он. - Не опаздывай. И помни: если кто-то будет спрашивать, сколько тебе лет - говори восемнадцать. Восемнадцать это универсальный возраст. Никто не проверяет паспорт, когда тебе восемнадцать. Все верят на слово.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Яна осталась стоять посреди комнаты, держа в руках платье, и чувствовала, как внутри нее что-то меняется и появляется что-то легкое и праздничное. Что-то такое, чего она давно не чувствовала.

Она посмотрела на себя в зеркало. Обычная девочка. Косички. Свитер с мишкой. Но в глазах... в глазах уже горел огонь. Огонь предвкушения. Огонь того, что скоро все изменится.

***

Через час Яна спустилась вниз. Платье сидело идеально.

Кир не ошибся с размером. Черная ткань облегала фигуру, подчеркивая хрупкость плеч, тонкость талии. Один рукав создавал асимметрию, которая делала образ не просто красивым, а запоминающимся. Волосы она собрала в небрежный пучок, оставив несколько прядей свободно падать на лицо. Никакого макияжа. Только блеск для губ, который подарила бабушка на прошлый день рождения.

Кир ждал ее в прихожей. Когда он увидел ее, он замер. Не надолго. Всего на секунду. Но Яна заметила это. Заметила, как его взгляд скользнул по ней, как в его глазах мелькнуло что-то похожее на гордость, на удовлетворение, на тихое восхищение.

- Ну что я говорил? - произнес он наконец, и в его голосе прозвучала та самая ирония, но теперь в ней было меньше сарказма и больше тепла. - Малая, ты выглядишь так, будто только что сошла с обложки Vogue. Хотя, конечно, Vogue еще не готов к тебе. Они привыкли к моделям с пустыми глазами. А у тебя глаза слишком живые для их стандартов.

Яна улыбнулась, почувствовав, как щеки слегка покраснели.

- Ты преувеличиваешь, - сказала она.

Кир покачал головой.

- Я никогда не преувеличиваю, Малая. Я просто констатирую факты. А факт заключается в том, что ты выглядишь потрясающе. И сейчас мы едем в клуб, где ты будешь танцевать до упаду, пить безалкогольные коктейли и впечатлять

всех своим интеллектом. Готовься к тому, что к тебе будут подходить мужчины. Много мужчин. И все они будут думать, что им восемнадцать, даже если на самом деле им сорок. Это клубная психология. Все в клубе чувствуют себя моложе. Кроме барменов. Бармены всегда чувствуют себя старше. Потому что они видят все.

Они вышли из дома. На улице было холодно, но Яна почти не чувствовала этого. Адреналин, волнение, предвкушение - все это создавало внутри нее тепло, которое не нуждалось в дополнительной одежде. Кир открыл дверь черного внедорожника, помог ей сесть, сам сел за руль.

Двигатель ожил низким, уверенным гулом. Машина тронулась, вливаясь в ночной поток Москвы. Город за окном был другим. Не тем, к которому она привыкла. Не серым, не уставшим. Ярким, живым, полным огней и движения. Неоновые вывески отражались в мокром асфальте, создавая иллюзию бесконечности. Машины мчались мимо, оставляя за собой шлейфы красных огней. Люди спешили по тротуарам, кутаясь в пальто, но даже они казались частью этого праздничного хаоса.

Кир вел машину уверенно, одной рукой держа руль, другой барабаня по панели приборов в такт музыке, которая тихо играла из динамиков. Он молчал, но в этом молчании не было напряжения. Было спокойствие. Было присутствие. Было то самое ощущение, что все под контролем, что все идет так, как должно идти.

- Знаешь, - сказал он наконец, не отрывая взгляда от дороги, - я помню свой первый поход в клуб. Мне было лет шестнадцать. Я тогда только начинал свою карьеру в мире, скажем так, альтернативной экономики. И меня позвали в клуб отмечать... ну, допустим, успешное завершение одной операции. Я пришел в своих обычных джинсах и куртке. Думал, сойдет. А там все были в костюмах, при галстуках. Я чувствовал себя как крестьянин на балу. Но знаешь что? Я танцевал лучше всех. Потому что мне было все равно, как я выгляжу. Мне было важно, как я двигаюсь. А движение, Малая, это свобода. Когда ты двигаешься, ты не думаешь о том, что о тебе подумают. Ты просто есть. И это прекрасно.

Яна слушала его, чувствуя, как его слова проникают внутрь, как они меняют что-то в ней. Кир редко говорил о себе. Редко делился воспоминаниями. И когда он это делал, в его голосе появлялась та самая нотка искренности, которую нельзя было подделать.

- А ты не боишься? - спросила она вдруг. - Что кто-то узнает? Что кто-то скажет, что мне рано?

Кир рассмеялся. Смех был коротким, резким.

- Малая, в этом клубе никто никого не узнает. Ночь стирает границы. В темноте все равны. Богач и бедняк. Старик и молодой. Философ и идиот. Все они просто тела, двигающиеся под музыку. И никто не смотрит в паспорт. Никто не проверяет возраст. Никого не волнует, кто ты. Всех волнует только то, как ты двигаешься. Как ты дышишь. Как ты жи-

вешь в этот момент. И ты, Малая, живешь лучше всех. Потому что ты не притворяешься. А это самое ценное качество в клубе. Притворяющихся там полно. А вот настоящих - единицы.

Машина свернула с шумного проспекта на более тихую улицу. Здесь было меньше машин, меньше огней, но больше интриги. Здания стояли в тени, их фасады были украшены лепниной и колоннами, которые помнили еще дореволюционные времена. Кир остановился у высокого здания с массивными дверями. Над входом горела неоновая вывеска: «Философия». Буквы были выполнены в стиле ар-деко, золотые на черном фоне, и они отбрасывали теплый свет на мокрый тротуар.

Кир заглушил двигатель, вышел из машины, обошел ее и открыл дверь Яне.

- Добро пожаловать в храм мудрости, - сказал он с легким поклоном. - Хотя, конечно, мудрость здесь под вопросом. Зато коктейли отличные.

Они подошли к входу. У двери стоял здоровый мужчина в черном костюме, с наушником в ухе и взглядом, который говорил: я вижу все, я знаю все, я решаю все. Кир кивнул ему, мужчина кивнул в ответ, открыл дверь.

Внутри было темно. Не просто темно, а та особенная темнота, которая бывает только в хороших клубах. Темнота, которая не пугает, а обволакивает. Воздух пах дорогим парфюмом, табаком и чем-то еще, неуловимым, что нельзя назвать,

но что обязательно присутствует в местах, где люди приходят забыться. Музыка играла тихо, джаз, что-то медленное, тягучее, с саксофоном, который плакал где-то в глубине зала.

Кир повел Яну через толпу. Люди стояли группами, курили, пили, смеялись. Кто-то танцевал в центре зала, где пол был сделан из какого-то светящегося материала, который менял цвет под ногами танцующих. Яна смотрела вокруг, чувствуя, как ее сердце начинает биться чаще. Это был другой мир. Мир, в котором она никогда не была. Мир, который она видела только в кино. И теперь она была частью этого мира.

Их проводили к VIP-зоне, которая располагалась на возвышении, нависающем над танцполом. Здесь стояли мягкие диваны, низкие столики, на которых уже стояли бутылки с напитками и бокалы. Сократ сидел на одном из диванов, куря свою неизменную тонкую сигарету. Рядом с ним сидел Раф, молчаливый, неподвижный, как статуя. Ник стоял у перил, глядя вниз на танцпол, его лицо было непроницаемым, но в позе читалась готовность. Готовность к чему-то. Кир подошел к ним, Яна следом.

Сократ поднял глаза, улыбнулся. Улыбка была редкой, но теплой.

- Яна, - сказал он, вставая и целуя ее в щеку. - Ты выглядишь прекрасно. Как настоящая женщина.

Яна покраснела, пробормотала что-то невнятное. Сократ рассмеялся, жестом пригласил ее сесть.

- Не стесняйся, - сказал он. - Сегодня твой вечер. Мы все

здесь ради тебя.

Раф кивнул, не произнеся ни слова. Ник обернулся, посмотрел на Яну, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Он подошел ближе, остановился рядом.

- Ты красивая, - сказал он тихо. Просто. Без комплиментов. Без попыток впечатлить.

Яна посмотрела на него, почувствовав, как щеки горят.

- Спасибо, Ник, - прошептала она.

Ник кивнул, отвернулся, снова уставился в танцпол. Но Яна заметила, как уголки его губ дрогнули в едва заметной улыбке. Это была та самая улыбка, которую видели только те, кто был близок к нему. И Яна гордилась тем, что была одной из них.

Кир уже просматривал коктейли в меню. Не алкогольные, конечно. Для Яны он выбрал что-то яркое, с зонтиком и трубочкой. Себе налил виски, Сократу коньяк, Рафу воду, Нику... Ник просто кивнул на бутылку, и Кир налил ему немного.

- За тебя, Малая, - сказал Кир, поднимая бокал. - За то, чтобы ты всегда оставалась собой. За то, чтобы ты никогда не теряла свой свет. И за то, чтобы ты танцевала так, будто никто не смотрит. Хотя, конечно, все будут смотреть. Но ты не обращай внимания. Танцуй для себя.

Яна взяла бокал, сделала глоток. Напиток был сладким, холодным, с легкой кислинкой. Она почувствовала, как напряжение отпускает ее, как тело расслабляется, как разум пе-

рестает анализировать и начинает просто чувствовать.

Музыка сменилась. Стала быстрее, ритмичнее. Кто-то внизу начал танцевать более активно. Кир посмотрел на Яну, в его глазах загорелась искорка.

- Ну что, Малая? - сказал он. - Готова показать этим людям, как танцуют в Коньково?

Яна рассмеялась, встала с дивана.

- Я не умею танцевать, - сказала она.

Кир фыркнул.

- Все умеют танцевать, - сказал он. - Просто некоторые об этом не знают. Иди. Почувствуй ритм. Почувствуй музыку. И просто двигайся. Не думай. Двигайся.

Яна спустилась с возвышения, подошла к танцполу. Музыка ударила в нее, как волна. Бас вибрировал в груди, ритм захватывал, заставлял двигаться. Она закрыла глаза, сделала глубокий вдох, и начала двигаться. Сначала медленно, неуверенно. Но потом ритм подхватил ее, понес, и она забыла обо всем: о школе, о проблемах, о страхах. Она просто танцевала. Двигалась. Жила.

И в этот момент она увидела их.

Три девочки из параллельного класса. Аня, Маша и Даша. Они стояли у бара, с бокалами в руках, и смотрели на нее. В их глазах читалось удивление. Не просто удивление. Шок. Они не могли поверить в то, что видят. Серая мышка Карманова. Та самая Яна, которая сидела на задней парте, которая не разговаривала на переменах, которая казалась неви-

димой. И вот она здесь. В клубе. В черном платье. Танцует так, будто родилась на танцполе.

Аня сделала шаг вперед, ее глаза были широко раскрыты.

- Яна? - произнесла она, и в ее голосе не было узнавания. Было недоверие. - Это ты?

Яна обернулась, улыбнулась. Не злорадно. Не торжествующе. Просто улыбнулась.

- Привет, Ань, - сказала она.

Маша и Даша подошли ближе. Они смотрели на Яну, как на инопланетянку. Как на кого-то, кто не может существовать в их реальности.

- Но как... - начала Маша, но не закончила. Не нашла слов.

Яна пожала плечами.

- А что удивительного? - сказала она. - Я тоже человек. Тоже хочу повеселиться. Тоже люблю танцевать.

Даша покачала головой, ее лицо выражало смесь зависти и восхищения.

- Мы думали, ты... ну, не знаю. Что ты сидишь дома. Читаешь книги. Делаешь уроки. А ты... ты здесь. С взрослыми парнями. В таком платье. Это просто... невероятно.

Яна посмотрела на них. Увидела в их глазах не просто удивление. Увидела страх. Страх перед тем, что они не понимают. Перед тем, что выходит за рамки их представлений о мире. Они жили в своей реальности, где девочки из их класса не ходят в клубы, не носят черные платья, не танцуют с взрослыми мужчинами. И Яна разрушала эту реальность.

Просто своим присутствием. Просто тем, что она была здесь.

- Я не сижу дома, - сказала Яна тихо. - Я живу. Как и все. Просто по-своему.

Аня фыркнула, но в ее фырканье не было презрения. Было что-то другое. Что-то похожее на уважение. На признание.

- Ну ты даешь, Карманова, - сказала она. - Ты нас всех удивила. Честно. Мы думали, ты тихоня. А ты... ты звезда.

Яна улыбнулась, почувствовав, как внутри нее что-то теплое разлилось. Не гордость. Не злорадство. Просто радость. Радость от того, что ее увидели. Настоящую. Не ту, которую они привыкли видеть в школе. А ту, которая была на самом деле.

- Спасибо, - сказала она. - За комплимент.

Они постояли еще немного, поговорили о всяких пустяках, о школе, об учителях, об одноклассниках. Но разговор не клеился. Слишком разные миры. Слишком разные реальности. И Яна поняла, что не может больше здесь стоять. Не потому что они плохие. А потому что она уже не та. Она изменилась. И они это чувствуют. И она это чувствует.

- Я пойду, - сказала она. - Потанцую еще.

Аня кивнула, в ее глазах мелькнуло что-то похожее на понимание.

- Иди, - сказала она.

Яна повернулась, пошла обратно к танцполу. Музыка снова подхватила ее, понесла, и она забыла обо всем. Она про-

сто танцевала. Жила. Была собой.

***

Бас в клубе Сократа бил не в уши, а прямо в грудную клетку, заставляя сердце подстраиваться под чужой, искусственно созданный ритм. Свет здесь не просто мерцал, он жил своей собственной, пульсирующей жизнью, разрезая полумрак VIP-зоны острыми лучами лазеров и мягким, теплым янтарным свечением бра. Кир стоял у массивного стеклянного стола, лениво вращая в пальцах бокал с янтарной жидкостью. Его взгляд скользил по танцполу, но в нем не было того легкомысленного блеска, который он часто демонстрировал на публике. Сейчас он оценивал периметр, выходы, поведение охраны, и параллельно вел внутренний монолог о том, насколько хрупок этот иллюзорный мир веселья. Рядом, опираясь на спинку глубокого кожаного кресла, стоял Сократ. Он не пил, лишь изредка подносил к губам бокал с минеральной водой, его темные глаза внимательно, но без осуждения наблюдали за толпой. Раф застыл у колонны чуть поодаль, его поза была расслабленной, но Кир знал: в случае необходимости Раф преодолеет расстояние до любой угрозы быстрее, чем кто-либо успеет моргнуть. И только Ник стоял у самого края балкона, вцепившись пальцами в холодную латунную перила так, что костяшки побелели. Его взгляд был прикован к танцполу, к маленькой фигурке в черном платье, которая сейчас танцевала, словно пытаясь стряхнуть с себя груз прожитых за последние месяцы лет.

Кир сделал глоток, поморщился от обжигающего вкуса коньяка и хмыкнул, обращаясь скорее к Сократу, чем к остальным.

- Знаешь, Сократ, я тут подумал. Нефрит, царство ему адское, ведь тоже любил такие места. Только он смотрел на танцпол не как на искусство, а как на витрину. Витрину, где можно оценить товар, найти слабое звено или просто показать, что ты хозяин этого аквариума. Но вот вопрос. Мы его убрали, машина взорвалась, кости в пыль. А ощущение, что мы вырвали сорняк, а корни остались в почве, не проходит. Аид молчит, но это молчание тяжелее его выстрелов. Он не мстит в лоб, он точит нож в темноте.

Сократ медленно повернул голову, его лицо оставалось спокойным, но в глубине глаз читалась усталость человека, который слишком много раз собирал разбитые чашки.

- Нефрит был симптомом, Кир. Болезнь называется жадность и страх потерять контроль. Аид это уже другое. Аид это фанатик порядка, в котором нет места случайностям. Он не мстит, он устраняет дисбаланс. И пока Яна дышит, пока она влияет на эту систему, для него она главная аномалия. Мы можем сколько угодно ставить камеры и нанимать людей, но настоящая война идет не на улицах. Она идет в головах. Аид уже проиграл, просто он еще не понял, что война окончена. Он продолжает сражаться с призраком.

Раф чуть заметно кивнул, подтверждая слова Сократа, но не сказал ни слова. Его присутствие само по себе было отве-

том на любые угрозы. Кир вздохнул, отхлебнул еще немного коньяка и перевел тему, потому что мысли о войне с невидимым врагом начинали раздражать, требуя действий, которых прямо сейчас предпринять было нельзя.

- Кстати, о войне на внутреннем фронте. Как там наша героиня справляется с домашним терроризмом? Я вчера заезжал, чуть сам не поседел. Там бабушка к ней приехала по линии матери которая. Евдокия Степановна. В прошлом главный врач городской больницы, человек, который умеет лечить людей, но совершенно не умеет общаться с собственной внучкой.

Сократ едва заметно улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз. Он всегда знал о проблемах в семье Кармановых, он видел их структуру, но предпочитал не вмешиваться напрямую, давая Яне возможность вырабатывать собственный иммунитет.

- Евдокия Степановна, интересный экземпляр, - произнес он тихо, его бархатный голос пробился сквозь низкий гул музыки. - Она использует интеллект как броню. Для нее эмоции это неопровержимые факты, которые нужно классифицировать и нейтрализовать. Когда Яна приходит к ней с проблемой, она не обнимает ее. Она начинает задавать вопросы. Какие физиологические процессы вызвали эту реакцию? Какой нейромедиатор сейчас доминирует? Она превращает ее боль в лабораторный отчет.

Кир фыркнул, и в его смехе было больше злой иронии,

чем веселья.

- Да ты не поверишь, Сократ! На днях она рассказывала. Пришла расстроенная, двойку по алгебре получила, или там с девочками поругалась, не суть. А бабка на нее смотрит своими стеклянными серыми глазами и говорит: «Яна, слезы это просто защитная реакция организма на стресс. Они выделяют определенные гормоны, давай измерим пульс и попробуем дышать по методу Бутейко, чтобы нормализовать кислородное насыщение». Представляешь? Девочка ищет сочувствия, а ее отправляют дышать в пакет, чтобы не было гипервентиляции. Это же нужно иметь такой талант, чтобы своим интеллектом человека в угол загнать. Она ее за живое цепляет не со зла, а потому что искренне не понимает, что такое душа. Для нее человек это набор химических реакций. И Яна это чувствует. Она чувствует, что в собственном доме она для бабки не внучка, а подопытный кролик, который вдруг начал задавать неудобные вопросы.

Сократ кивнул, его взгляд снова ушел на танцпол, где Яна сейчас смеялась, откинув голову назад.

- Это классическая эмоциональная диссоциация, - пояснил он. - Она боится близости, потому что близость уязвима. А наука неуязвима. Формулы не предают, уравнения не умирают, если их правильно записать. Но Яна... Яна чувствует больше, чем она способна измерить своими приборами. И это пугает ее. Она пытается загнать ее в свои рамки, чтобы самой не сойти с ума от того, что в её доме растет нечто, что

не поддается его логике. Наша задача, Кир, быть для нее той средой, где ей не нужно доказывать свое право на чувства. Где ее интуиция ценится выше любых формул.

Кир молча кивнул, но его внимание внезапно сместилось. Он перевел взгляд с танцпола на Ника. Ник не отрывал глаз от Яны. В его позе не было той привычной, хищной собранности, которую он демонстрировал перед врагами. В нем было что-то другое. Напряжение. Тихое, но такое сильное, что воздух вокруг него, казалось, сгустился. Кир знал Ника много лет, знал его как свои пять пальцев, знал, как тот убивает, как тот молчит, как тот исчезает. Но он никогда не видел в нем этого. Это был взгляд человека, который смотрит не на объект охраны. Это был взгляд человека, который смотрит на единственную точку опоры в рушащемся мире.

Кир поставил бокал на стол со звонким стуком, от которого Раф даже не дернулся, но Сократ чуть приподнял бровь. Кир подошел к Нику, встал рядом, проследив за направлением его взгляда. Яна кружилась, ее платье развевалось, она была поглощена музыкой, совершенно не подозревая, что за ней наблюдают с такой интенсивностью. Кир тихонько толкнул Ника локтем в бок.

- Эй, Удав. Ты чего там застыл? Собираешься прыгнуть вниз и растащить толпу голыми руками, если ей кто-то на ногу наступит?

Ник медленно повернул голову. В его глазах не было привычной пустоты. Они были темными, глубокими, и в них

плескалась такая буря, что Кир на секунду забыл, как дышать.

- Я просто смотрю, - ответил Ник, и его голос прозвучал хрипло, будто он давно не говорил. - Она... она сегодня другая.

Кир усмехнулся, но глаза его оставались серьезными.

- Она растет, Ник. Мы все это видим. Но я не об этом. Я о том, как ты на нее смотришь. Ты знаешь, что такое импринтинг? Нет, не тот, что у утят. Я про эзотерику, про то, во что верит Фанси. Когда две души встречаются, и между ними натягивается нить. Не веревка, а энергетический канал. Ты чувствуешь это, да? Я вижу, как ты сжимаешь перила. Тебя к ней тянет. Не как к ребенку, которого нужно защитить. А как к той, без которой твоя собственная система дает сбой.

Ник отвернулся, его челюсть напряглась так, что под кожей заходили желваки. Он всегда был тихоней, он всегда держал дистанцию, он всегда подавлял в себе все человеческое, оставляя только функцию. Но сейчас эта функция давала трещину.

- Она ребенок, Кир, - произнес он тихо, но в каждом слове было столько боли, что Кир перестал усмехаться. - Ей почти двенадцать. Я... я не понимаю, что со мной происходит. Я всю жизнь убивал. Я знаю, как остановить сердце. Но я не знаю, как остановить это. Когда она рядом, я чувствую, что у меня есть причина не просто существовать, а быть. Но я не имею права. Я не имею права даже думать об этом. Я должен

быть тенью. Тень не может любить. Тень не может чувствовать.

Кир смотрел на него, и в его голове перевернулось все. Он привык видеть в Нике машину, идеальное оружие, холодного убийцу. Но сейчас он видел человека, который впервые в жизни столкнулся с чем-то, что не поддается его контролю. Сократ говорил, что карма это не наказание, это встреча с самим собой. И вот Ник встретил себя в этой девочке. Но Кир был практиком. Он понимал, что если Ник сейчас сорвется, если он не найдет выхода этому напряжению, он может сломаться или, что хуже, отстраниться, потеряв свою эффективность. Кир знал, что эта связь не имеет ничего общего с пошлой, грязной романтикой. Это было что-то древнее, страшное и прекрасное. Признание родной души. Но мир был жесток, и мир бы не понял.

- Слушай, друг, - тихо сказал Кир, его голос потерял всю иронию. - Никто не говорит тебе, что ты должен что-то делать. Просто признай это. Внутри себя. Ты сейчас не любишь ее как женщину. Ты видишь в ней свое будущее. Свою совесть. Свой якорь. Это не слабость. Это то, что не даст тебе превратиться в окончательного монстра. Но ты должен держать это в узде. Не потому что я так сказал. А потому что она слишком чистая для твоей тьмы. Пусть она будет твоим светом, но не втягивай ее в свою бездну. Понял?

Ник кивнул, но его взгляд снова метнулся к танцполу. И в этот момент что-то в нем изменилось. Он увидел, как к

Яне, только что закончившей разговор с подружками из параллельного класса, подошли двое парней. Они выглядели старше, лет по восемнадцать, самоуверенные, с теми самыми улыбками, которые говорят о том, что они привыкли брать то, что хотят. Кир тоже заметил их, он уже сделал шаг вперед, его рука инстинктивно дернулась к кобуре, но Ник был быстрее. В нем что-то переключилось. Тихий, рефлексирующий философ исчез. Проснулся тот, кто знал, как защитить свою территорию. Ник легко, почти небрежно, но с такой силой, что Кир отшатнулся, толкнул его в плечо, освобождая себе путь.

- Не трогай, - сказал Ник, и в его голосе не было просьбы. Был приказ.

Он не пошел, он скользнул сквозь толпу. Его движения были настолько экономными и плавными, что люди сами расступались перед ним, не понимая, почему вдруг освобождают путь. На танцполе Яна замерла. Двое парней окружили ее, один из них, высокий, с наглой ухмылкой, наклонился к ее уху, что-то говоря. Яна не двигалась. Кир, наблюдая сверху, знал этот взгляд. Это был взгляд загнанного зверя. Яна всегда пугалась заинтересованности мужчин. Для нее мужское внимание в таком контексте было не комплиментом, а угрозой. Оно напоминало ей о том, что она добыча, что ее тело это объект, что мир жесток. Она стушевалась, ее плечи напряглись, дыхание перехватило, и она уже готовилась либо убежать, либо, в худшем случае, закричать.

Но Ник уже был там. Он не кричал, не толкался, не вставал в позу. Он просто появился за ее спиной. Его рука легла ей на плечо. Это было легкое прикосновение, но в нем было столько силы, столько абсолютной, непререкаемой власти, что парни обернулись. Они увидели Ника. Увидели его лицо, на котором не было ни одной эмоции, кроме холодного, смертельного спокойствия. Увидели его глаза, в которых не было ничего человеческого, только пустота хищника, оценивающего, с какой стороны удобнее начать. Парни переглянулись. Их самоуверенность испарилась за долю секунды. Инстинкт самосохранения, заложенный глубоко в подкорке, закричал им: беги. И они отступили, пробормотав что-то нечленораздельное, и быстро растворились в толпе, даже не пытаясь сохранить лицо.

Ник медленно обвел Яну вокруг талии, притягивая к себе, и они начали танцевать. Это не было похоже на обычный клубный танец. Он кружил ее, его рука надежно держала ее спину, создавая вокруг нее невидимый кокон безопасности. Яна сначала была напряжена, но потом почувствовала это тепло. То самое тепло, которое разливалось внутри, когда они были рядом. Ее плечи опустились, дыхание выровнялось, и она засмеялась. Это был настоящий, чистый смех, который заглушил даже бас. Она обняла его за шею, позволив себе на минуту забыть обо всем. О школе, о отце, о страхе. Ник смотрел на нее сверху вниз, и в его взгляде была такая нежность, такая бесконечная, тихая печаль и предан-

ность, что Кир, наблюдавший за ними с балкона, невольно отвернулся, давая им это пространство.

Сократ подошел к Киру, встал рядом, наблюдая за танцующей парой.

- Они похожи на два осколка одного зеркала, - тихо сказал он. - Только один отражает свет, а другой поглощает тьму. Но вместе они создают баланс. Не пытайся это разрушить, Кир. Пусть она будет его якорем. Иначе он однажды просто исчезнет в темноте, из которой мы его вытащили.

Кир кивнул, допивая коньяк. Он понимал. Но его мысль была прервана странным, липким ощущением, которое возникло у него на затылке. Ощущение чужого, тяжелого взгляда. Он медленно поднял голову, сканируя верхние уровни клуба, стеклянные ложи, полумрак междурядий. И там, в самой дальней, затемненной ложе, чье стекло было тонировано настолько, что изнутри можно было видеть все, а снаружи только черное пятно, он почувствовал это. Злость. Не просто раздражение. Глубокую, черную, вязкую злость, которая исходила оттуда, как радиация. Кто-то смотрел на Яну и Ника. Кто-то видел эту связь, эту нить, и это вызывало у наблюдателя ярость, граничащую с безумием. Кир не мог разглядеть лица за стеклом, но он ясно ощущал, как тот человек сжимает бокал или перила так, что вены готовы лопнуть.

Это был не Аид. Аид не чувствовал бы злости, он бы чувствовал лишь холодный расчет. Это был кто-то новый. Или кто-то, кто знал о Яне слишком много. Кир медленно опу-

стил бокал, его рука легла на рукоять пистолета. Вечер перестал быть просто отдыхом. Игра только начиналась, и кто-то за стеклом только что сделал свой первый ход, даже не догадываясь, что Кир Иванов уже заметил его присутствие. Бас в клубе продолжал бить в грудь, но теперь этот ритм казался не музыкой, а отсчетом времени до следующей бури.

Кир наблюдал за ней с возвышения, в его глазах читалась гордость.

- Видишь, - сказал он Сократу. - Я же говорил. Она звезда.

Сократ улыбнулся, сделал глоток коньяка.

- Она больше, чем звезда, - сказал он. - Она свет. И этот свет видно издалека.

Раф молча кивнул. Ник стоял у перил, его взгляд был прикован к Яне. В его глазах читалось что-то такое, что нельзя было назвать. Что-то глубокое. Что-то важное.

Музыка играла. Люди танцевали. Ночь была молодой. Все было прекрасно.

И в этот момент все изменилось.

***

Это произошло внезапно. Как всегда бывает с настоящими катастрофами. Музыка играла, люди танцевали, коктейли лились рекой. И вдруг - звук. Не музыкальный. Не тот, к которому привыкли уши в клубе. Звук тяжелый, металлический, угрожающий. Звук, который нельзя перепутать ни с чем.

Двери клуба распахнулись. Не открылись. Распахнулись.

С такой силой, что одна из них ударилась о стену и отскочила обратно. В проеме появились люди. Много людей. В черной форме, в шлемах, с дубинками в руках. ОМОН.

- Всем оставаться на месте! - прогремел голос через мегафон. - Руки на виду! Документы наготове!

Начался хаос. Кто-то попытался бежать. Его тут же скрутили, повалили на пол. Кто-то начал кричать. Кто-то плакал. Кто-то просто стоял, не понимая, что происходит. ОМОН двигался по залу методично, как машина. Проверяли документы, выводили людей, сажали в автобусы, которые уже стояли у входа.

Кир вскочил с дивана, его лицо мгновенно изменилось. Исчезла ирония, исчезла усмешка. Осталась только собранность. Только готовность. Только холодный расчет.

- Так, быстро, - сказал он, но Яна была внизу, на танцполе. - Раф!

Раф уже двигался. Огромный, неподвижный, как скала, он перемахнул через перила с грацией хищника, приземлившись на танцпол без единого звука. Его движение было таким быстрым, что Яна даже не успела моргнуть, как он уже стоял рядом с ней, его огромная рука легла ей на плечо.

- Идем, - сказал Раф тихо, но в его голосе не было просьбы. Было приказ.

Яна не сопротивлялась. Она позволила Рафу вести себя через толпу, которая теперь паниковала, пытаясь спастись от людей в черной форме. Они поднялись обратно к VIP-зоне,

где Кир уже собирал Сократа.

- Сюда, - сказал Ник, указывая на стену. Он подошел к ней, нажал на какую-то незаметную панель, и часть стены отъехала в сторону, открывая узкий проход.

Они побежали. Раф вел, Яна бежала за ним, Кир замыкал, прикрывая их отступление. Сократ, несмотря на возраст, бежал удивительно быстро. Они прошли через узкий, темный коридор, пахнущий пылью и чем-то металлическим. Каждый шаг был выверенным. Каждое движение точным.

Лестница вела вверх. Крутая, металлическая, холодная. Раф шел первым, освещая путь маленьким фонариком. Кир шел последним, время от времени оглядываясь, проверяя, не преследуют ли их.

Они поднялись на несколько этажей, прошли через какой-то технический коридор, мимо труб и проводов, и наконец оказались на крыше.

Крыша была плоской, покрытой темным материалом, который блестел в свете луны. Ночь была холодной, ветер дул сильно, срывая волосы, бил в лицо. Но Яна почти не чувствовала этого. Адреналин, страх, облегчение — все это создавало внутри нее коктейль, который не давал замерзнуть.

Кир подошел к краю крыши, посмотрел вниз. Внизу стояли автобусы с ОМОНОМ, мигали синие огни, люди в форме выводили задержанных.

- Успели, - сказал он тихо. - Буквально в последнюю секунду.

Сократ подошел рядом, закурил. Дым сразу же унесло ветром.

- Как они узнали? - спросил он. - У нас все было чисто. Никаких проверок не планировалось.

Ник стоял у противоположного края крыши, его силуэт был почти невидим в темноте.

— Не важно, — сказал он. — Важно, что мы здесь. А они там.

Раф молча кивнул. Он стоял у двери, ведущей вниз, его рука лежала на кобуре. Готовность к действию.

Яна подошла к краю крыши, посмотрела вниз. Город раскинулся перед ней, как карта. Огни, улицы, дома. Все это было так далеко. Так недосягаемо. И в то же время так близко. Она чувствовала ветер на лице, чувствовала холод, чувствовала жизнь. И она улыбнулась. Не потому что было весело. А потому что она была жива. И это главное.

Кир подошел к ней, обнял за плечи.

- Ну что, Малая, - сказал он. - Вот тебе и восьмое марта. Запомнится надолго.

Яна рассмеялась. Смех был тихим, но искренним.

- Да, - сказала она. - Запомнится.

Они стояли на крыше, смотрели на город, и ветер дул в лицо. Небо на востоке начинало светлеть. Рассвет приближался. Медленно. Неумолимо. Как всегда.

Сократ потушил сигарету, подошел ближе.

- Знаете, - сказал он, - что самое интересное в этой ситу-

ации? Что мы снова вместе. Снова на крыше. Снова ждем рассвета. Как в старые времена.

Кир усмехнулся.

- Старые времена, Сократ? - сказал он. - Ты о чем? О том времени, когда мы прятались от милиции на крышах? Или о том времени, когда мы прятались от конкурентов? Или о том времени, когда мы прятались от самих себя?

Сократ улыбнулся.

- Обо всем сразу, - сказал он. - Мы всегда прятались. От кого-то. От чего-то. Но сейчас... сейчас мы не прячемся. Мы просто есть. И этого достаточно.

Ник обернулся, посмотрел на них. В его глазах читалось согласие.

- Достаточно, - повторил он тихо.

Раф кивнул. Один раз. Но этого было достаточно.

Яна смотрела на небо. На первые лучи солнца, которые пробивались сквозь тучи. На город, который просыпался. На жизнь, которая продолжалась. И она поняла. Поняла, что не важно, что будет дальше. Не важно, какие еще испытания их ждут. Важно только одно. Они вместе. И этого достаточно.

Ветер дул. Солнце всходило. Ночь уходила. И новый день начинался.

Как всегда. Как никогда. Как должно быть.

***

Обратная дорога в квартиру на семнадцатом этаже прошла в мертвой тишине. Кир вел машину, его руки сжимали

руль так, что костяшки пальцев побелели. Ник сидел на переднем сиденье, его темные глаза сканировали каждый переулок, каждую темную арку, каждый припаркованный у обочины фургон. Сократ и Раф молчали на заднем сиденье. Яна сидела между ними, укутавшись в кожаную куртку Кира, которая пахла табаком, морозом и чем-то неуловимо родным.

Она не дрожала. Адреналин отступил, оставив после себя холодную, кристальную ясность. Она думала о том взгляде из тонированной ложи. О том, как Ник смотрел на нее на танцполе. О том, как Фанси говорил про «настоящую себя».

Когда они поднялись на лифте и открыли дверь квартиры, их встретил не привычный полумрак и тишина. В гостиной горел яркий свет. За столом, заваленным картами, ноутбуками и распечатками, сидели Тимур и Фанси. А в углу, сливаясь с тенью, стоял Аркадий.

Тимур поднял голову. Его серые глаза были холодными, как лед на Москве-реке.

- Ну что, - тихо сказал он. - Повеселились?

Кир медленно снял куртку, повесил ее на спинку стула.

- ОМОН, - коротко бросил он. - В «Философии». Без предупреждения. Без ордера. Просто зачистка.

Тимур медленно кивнул. Он не выглядел удивленным. Он выглядел так, словно ждал именно этого.

- Я знаю, - тихо сказал Тимур. - Это был не ОМОН. Это были люди Аида. Переодетые. Купленные. Им дали форму, дали удостоверения, дали команду. Они искали не наркоти-

ки. Они искали тебя, Яна.

Яна медленно подняла голову. Посмотрела на Тимура.

- Меня? - тихо спросила она.

- Да, - Тимур встал, подошел к окну, посмотрел на серое, утреннее небо Москвы. - Икша понял, что не может достать тебя в особняке. Не может достать в машине. Но он знает, что ты живая. Что тебе нужно выходить в мир. Что тебе нужно дышать. И он использовал твой единственный слабый момент. Твое желание быть просто девочкой.

Яна медленно сжала кулаки. Ткань куртки Кира зашуршала.

- Он ошибся, - тихо сказала она. Ее голос не дрожал. В нем звенела сталь. - Я не просто девочка.

Фанси медленно поднял голову от карт. Его старые глаза встретились с глазами Яны.

- Именно поэтому он и ошибся, внучка, - тихо сказал старик. - Он думал, что загонит тебя в угол. Что напугает. Что заставит спрятаться. Но он не знает, кто ты на самом деле. Он не знает, что ты не прячешься в углах. Ты сама - угол. Ты сама - ловушка.

Аркадий медленно вышел из тени. Его темные глаза были устремлены на Яну.

- Дед прав, - хрипло сказал он. - Икша только что объявил тебе войну. Но он не понимает, что война уже закончилась. Он просто еще не увидел свой труп.

Кир медленно подошел к Яне. Положил руку ей на плечо.

- Малая, - тихо сказал он. - Сегодня ты увидела, как выглядит мир снаружи. Он грязный. Он жестокий. Он не прощает ошибок. Но ты увидела и другое. Ты увидела, что мы всегда рядом. Что бы ни случилось. Где бы мы ни были. Мы найдем тебя. Мы достанем тебя. Мы сожжем этот мир дотла, но ты будешь в безопасности.

Яна посмотрела на Кира. Потом на Ника. Потом на Тимура, Фанси, Сократа, Рафа и Аркадия. На свою стаю. На свой Треугольник, который только укрепил позиции. На свою семью. Не по крови. По духу. По карме.

- Я знаю, - тихо сказала она. - Я не боюсь.

Тимур медленно улыбнулся. Это была улыбка хищника, который увидел, как его волчонок впервые показал клыки.

- Я знаю, дочка, - сказал он. - Именно поэтому я никогда не сомневался в тебе.

Он подошел к столу, взял одну из карт. Это была не карта Москвы. Это была карта севера. Широких рек. Лесов. Таежных просторов. Тимур положил карту перед Яной. Его палец, тяжелый и мозолистый, указал на маленькую, едва заметную точку, затерянную где-то в глуши, далеко от цивилизации.

- А теперь, - тихо сказал Тимур, и в его голосе прозвучала та самая, древняя, неумолимая сила, - пора заканчивать с играми. Пора возвращаться к истокам. Пора вспомнить, кто ты есть на самом деле.

Яна посмотрела на точку на карте. И в этот момент она почувствовала это. Укол в сердце. Дежавю. Запах сосны и

влажного мха. Звук выстрелов в ночном лесу. Карие глаза в черной маске.

Она знала это место. Она никогда там не была. Но она знала его.

- Мы поедем туда? - тихо спросила она.

- Мы поедем туда, - подтвердил Фанси, медленно вставая и опираясь на трость. - Через пару недель, внучка. Там, где все началось. Там, где все закончится. Там, где ты наконец-то встретишься с собой настоящей.

Яна медленно кивнула. Она не чувствовала страха. Она чувствовала только предвкушение. Предвкушение бури. Предвкушение крови. Предвкушение кармы.

Она развернулась и пошла в свою комнату. Закрыла дверь. Подошла к зеркалу.

Посмотрела на свое отражение. На одиннадцатилетнюю девочку в черном платье. На растрепанные волосы. На темные глаза, в которых горел древний, неугасимый огонь.

Она медленно улыбнулась. Улыбка была хищной. Опасной. Абсолютно взрослой.

- Я готова, - прошептала она своему отражению и подмигнула. - Я готова к продолжению.

А где-то далеко, в темных переулках Москвы, в тонированном фургоне, сидел человек. Он смотрел на фотографию Яны. На ее улыбку. На ее глаза. И медленно, методично, перезаряжал автомат.

Игра только начиналась.

И Карма... Карма найдет баланс.

Продолжение истории следует…

P.S. Карма находит всех. Продюсеров - в первую очередь. Вторая книга уже в пути. Экранизация в ваших руках: bookarma@yandex.ru